Министерство обороны СССР

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

РАЗГОВОРЧИКИ В СТРОЮ

ЭКЗ. № 3

Лучшее за 5 лет на www.bigler.ru

Москва 2007

Annotation

Сборник рассказов о военной службе, опубликованных на сайте www.bigler.ru за первые пять лет его работы.

- Предисловие составителя
- Армия
  - Тафарель Как вешать вождей
  - Тафарель Флаг
  - Тафарель Сержантский приказ
  - Пронин Ключевые слова
  - Cornelius Огонь, вода и медные трубы
  - Cornelius Молдавское Барокко
  - Rembat Дневальный по роте майор Каширин
  - Rembat Баллада о несвежем сале
  - Rembat Литовский праздник в ремонтном батальоне
  - Rembat Перестройка и ускорение в ремонтном батальоне
  - Сергей К вам летит лом
  - Processor Капитан Голубенко
  - А.Шлаг Ромео и Джульетты
  - Oldman Цель уничтожить!
  - Пронин Эй, полковник!
  - Батя Термометр
  - Александр Транзистор
  - Solist Мандраж
  - Solist Альпинист и камикадзе
  - Бегемот О военной медицине (воспоминания о санбате)
  - Бегемот Долой политкорректность!
  - Бегемот Художник
  - Did Mazaj Бутылкомоечная машина времени
  - Механик Дежурство
- Флот
  - КомДив Были «паркетного» крейсера-17 или «Испорченный телефон»
  - КомДив Были «паркетного» крейсера-19 или «Море зовёт»

- КомДив Были «паркетного» крейсера-20 или «Потёмкин-2»
- Комдив Были «паркетного» крейсера-49 или «исполнительность – страшная сила»
- КомДив Были «паркетного» крейсера-50 или «деревенские забавы»
- Комдив Тоже быль-2 или «Без меня меня женили»
- Кэп Тревога
- Кэп Отмаз
- Кэп Муравейник
- Электрик Ку? Ку!
- Navalbro Кузьмич
- Navalbro Кинутый родиной
- Navalbro Гитарро
- Navalbro Dum spiro spero[50]
- Navalbro Жил-был
- Землемер Пуск по Жванецкому
- Граф Гонки на пл
- Граф Тормоз корабля
- Тафарель Новый старпом
- Kor Сказка для внука
- Алексей Васильевич Сашка
- Алексей Васильевич Генералы и трактор
- Алексей Васильевич Павловские помойки
- Электрик Стоять!
- Кит Сало
- Валерий Бессюжетность
- Кит Сигизмунд
- Rembat Засада
- Павел Ефремов Тело офицера Спивакова

- Авиация
  - Игорь Фролов Бортжурнал № 57-22-10[73]
    - Смех цвета хаки
    - Часть первая «Союз»
      - Первый наряд
      - Первый прыжок
      - Командировка
      - Философия тряпки

        - По душам
        - Большая вилка борттехника
        - Пять минут
    - Часть вторая. Демократическая республика Афганистан
        - Усталый борттехник
        - Товарищ пулемёт
        - Причёска для дурака
        - Геройская служба
        - День дурака
        - За «Стингером»
        - Бой с солнцем
        - Бронебочка
        - Война
- Кадет Биглер Разговор, которого не было
- Кадет Биглер Рокировка в длинную сторону
- Кадет Биглер Китайский термос
- Кадет Биглер Случай на пустой дороге
- Кадет Биглер Короткий вызов иль картель
- Кадет Биглер Три капитана
- Кадет Биглер Две твердыни
- Кадет Биглер Ихтиандр Андрей Андреич и фотовспышка
- BratPoRazumu Сказки «триста десятой» сопки. Сказка б/н 03
- Феликс Спасение от камикадзе
- Greesha Пуганый подполковник
- Solist Рассказ майора М.
- Steel_major О подлости, порядочности и профессионализме
- Golubchik У-У Коля
- Uncle Fedor Успели…
- Шурави Ведро
- Шурави Беспилотный аппарат

- Учебка
    - Para-foil Конкурс художественной самодеятельности
    - Артиллерист Так красивше
    - Processor Капитан Карташов
    - Граф Коля

- Граф Китайский язык
- Граф День рождения
- Solist Майор Засада
- Solist Майор Засада-2
- Did Mazaj Смотр
- Crown2 Рассказы подполковника Икарыча
- Crown2 Про Курилы
- Crown2 Опять про Монголию.
- alexl
- Глюк Гимнаст-извращенец
- Глюк Артист
- Замполит Засада
- Замполит Ыррра-а-а-а!
- BratPoRazumu Воспоминаниями Steel_major'а навеяло
- Тафарель Хренация
- Тафарель Приказ
- Civil Хр-р-р
- Кай Пятая симфония Бетховена
- Kor Инженеров не убивает
- Ветеран СГВ Самый первый дефолт
- Шевелюрыч Не заводись
- Алекс Генера-а-ал

- Остальные
  - Кадет Биглер Контрольная сборка
  - Землемер Космическая точность
  - Землемер Неулёт, героизм и раздолбайство
  - Бегемот Дон
  - Землемер Время – вперёд!
  - Колонель Волшебная сила искусства
  - Сильвер Мозговой штурм
  - Горилыч Рыбак рыбака видит
  - Горилыч Великая сила искусства
  - Вячеслав Озеров Боб
  - Ветеран СГВ Трудности перевода
  - Utburd Как это было
  - Бывший Мент Штабной и «Лезгинка»
  - Rembat По следам рассказа о разведчиках.

    - Замполит Сага о Лётчике-Герое
    - Srt Спасённый
- Военная мудрость
    - Тафарель На прививку, первый класс…
    - Голубчикъ Гонки на «Утконосе»
    - Радист Мудрый сапер
    - Старшина Парад – дело серьёзное
    - Ветринский Ю. А. Рацпредложение
    - Ioann The Angry А во чо!
    - Тафарель Армия – школа жизни
    - Мореход Военная мода
    - Запасной инженер Книга соединений
    - Технарь Трещина
    - Ulf Бухгалтерский расчёт
    - Алексей Васильевич Матрос с кисточкой
- Вероятный противник
    - Замполит Сага о национальной безопасности и национальных интересах
    - Эриберт Wow!
    - Stroybat Американский гимн
    - AntonTs Постоянный пропуск
    - The2nd Вопрос
    - Технарь Хотели как лучше
    - Технарь Жироудалитель
    - Технарь Танкист-десантник
    - Технарь По заявкам
    - Самаль Подруг
    - Самаль Мерзкий тип
    - Maiki Операция «Иракская свобода»
- Свободная тема
    - Волчок-серый бочок Он
    - Тафарель Розы
    - Processor Синдром
    - Тафарель Полцарства за огонь
    - Тафарель Цветочки
    - Тафарель Эдик-сфолочь
    - Тафарель Новая крыша

- Тафарель Как поймать поросёнка
- Тафарель Как спасать кота
- Vaenga Маратыч
- Mourena Погоня за прокурором
- Mourena Хорошевский
- Бывший Мент Мой дед
- Processor Чайник
- Processor Капитан Новиков
- Solist Фирн
- Ильич Морфий и диод
- ГрандЭйр Полёт чирка
- 7ОПЭСК Кот и повар
- Dron Позывной «Аляска»
- Замполит Сага об олимпийском мятеже
- Кадет Биглер Чудо в герметике
- Матрос Дети балканской войны
- Мэйджо Как угнать трамвай
- Механик Яша (простая история)

- Щит Родины
  - Maxez Ветер, только лишь ветер помнит дорогу…
  - Maxez Защита Отечества на пустой желудок
  - Maxez Туман
  - Maxez Реноме
  - Maxez Спец
  - Реактор Уважаю рабочих псов
  - Реактор Контрпропаганда
  - Старшина Про Федота молодца
  - Старшина Зеленая фуражка
  - Старшина Былина
  - Старшина Истории про пограничного пса Малыша
  - Старшина Гриф
  - Мэйджо Шаманы
  - Мэйджо Встреча на заставе
  - ПСБ Столб девятый. Бен Ганн
  - ПСБ Сработка
  - Solist Эпизод
  - Стрелок Засада

    - Steel_major__Обычный полёт
    - КомиссарРекс__Момент истины
    - Бюскермолен__О джентльменской войне и дубине народного гнева
    - Мэйджо
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31

- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68

- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105

- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142

- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179

- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199

Предисловие составителя

Коллаж работы Ржева

Ну вот, нам исполнилось пять лет…

Даже для человека это ощутимый период, а для Интернет-проекта – целая жизнь.

А начиналось всё как шутка. Руководитель новосибирской компании «VGroup» Василий Кузнецов прочитал мои рассказики на anekdot.ru и предложил сделать отдельный сайт армейских историй Кадета Биглера. Никаких особенных требований к сайту не предъявляли, на первых порах был он совсем простым и ни на что не претендовал, во всяком случае, на его долгую жизнь никто не рассчитывал.

В таких вещах никогда не угадаешь: бывает, что тщательно спланированные, дорогостоящие проекты отдают богу душу за полгода, а бывает, что простенькая кукла Буратино превращается в живое существо, и как настоящий ребёнок, требует все больше и больше внимания создателей и спонсора, без терпеливой и внимательной помощи которого сайта вообще не было бы.

Первые пять лет жизни нашего проекта пролетели как-то незаметно. Несколько цифр: среднее суточное количество просмотров страниц (в марте 2007 г.) составило 29257, а общее количество просмотров страниц за 5 лет с 1 апреля 2002 г. перевалило за 33 миллиона. За время существования сайта было опубликовано около 5700 историй, объединенных в 1600 выпусков. В «Обсуждении» было открыто 20 тыс. тем, включивших 990 тыс. сообщений. Но главным достижением сайта мы считаем то, что он собрал на своих страницах сотни очень интересных людей из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, США, Израиля, Германии, многих других стран. Виртуальное общение становится реальным, и в нескольких случаях даже закончилось свадьбами!

Электронная книга, которую вы сейчас читаете, содержит истории, в разное время опубликованные на нашем сайте. В 2007 г. мы планировали издать книгу на бумаге, но по разным причинам этого сделать не удалось. Чтобы проделанная работа не пропала, я снял с полки старый компакт-диск и перегнал файл книги в формат fb2.

Отбор историй для книги осуществлялся так. Сначала был сформирован запрос к базе данных, в соответствии с которым из каждой рубрики («Армия», «Авиация», «Флот» и т.д.) было выбрано

по двадцать рассказов, получивших максимальные оценки посетителей. Из их числа мы исключили тексты, скопированные с других сайтов и авторы которых наш сайт не посещали. Признаюсь, иногда удалять их было очень жалко. Некоторые тексты, получившие высокую оценку, уже были опубликованы в сборниках «Разговорчики в строю» 1 и 2. Второй раз печатать их мне показалось неправильным, поэтому эти истории были заменены на другие тексты того же автора, набравшие немного меньший балл и не попавшие в заветную двадцатку.

Истории в книге разделены по тем же самым рубрикам, что и на сайте, однако внутри рубрики они не выстроены по убыванию или возрастанию оценки. Составитель руководствовался смутным критерием «так будет восприниматься лучше».

Примечания к историям сделаны, в основном составителем, но есть и авторские. В том случае, если автор разъясняет то или иное понятие в тексте истории, это разъяснение преобразовано составителем в подстраничное примечание.

Истории печатаются под никами их авторов в том виде, в каком они были опубликованы на сайте, без стилистической правки. Устранены только описки и ошибки в расстановке знаков препинания.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить *Gale*, которая проделала огромную работу по корректуре рукописи.

Составитель также счёл возможным в ряде случаев заменить мат в авторских текстах на менее вдохновенные, но более пристойные выражения.

Мы понимаем, что эта книжка в минимальной степени отражает объем и многообразие историй, опубликованных на нашем сайте и надеемся, что среди авторов историй, не попавших в этот сборник, не будет обиженных.

Ведь впереди у нас, надеемся, еще много хороших книг!

Модератор сайта Кадет Биглер

Армия

Тафарель Как вешать вождей

Виталик Грозновский снискал себе славу тем, что техника его боялась. Кроме того, что он, на самом деле, был отличным специалистом и обладал неправдоподобным чутьём на неполадки, частенько ему просто помогали обстоятельства. А иногда в деле принимала участие просто звериная интуиция и небольшой жизненный опыт.

Однажды, когда он всё ещё служил в закрытом городе Барнаул-сколько-то, в одном из погребов замкнуло длиннющий силовой кабель, спускающийся под землю. На комплексе был свой замполит, отношения с которым у Виталика были безнадёжно испорчены ещё в день приезда, вследствие грубого отказа стать комсомольским вожаком. Поэтому, когда лейтенант был срочно выдернут на разборки, первое, что он буркнул себе под нос, было:

– Колыванов козёл!

– А при чём здесь Колыванов? – спросил начальник комплекса, настороженно подняв уши.

– Да он всегда виноват, поганка херова, – сказал Грозновский уже на автопилоте, потому что мозги его стали анализировать ситуацию на объекте и искать причину замыкания.

– Ты того, поосторожнее, он хоть и лыбится налево-направо, нас с тобою сожрёт вместо полдника, – ответил начальник. – Знаю я, кто его сюда подсадил. Иди, работай.

И ушёл Виталик работать.

И пока он работает, немного отвлечёмся на устройство заведения, где коротнуло. Бетонный цилиндр диаметром в 15 метров простирался под землёй на полторы-две сотни метров. Потом он вгрызался в скалистую породу и нырял куда-то очень глубоко, куда спускались только самосвалы.

Примерно через каждые пятьдесят метров, в стене цилиндра была прореха, выходящая через хитросплетение коридоров наверх, в серое прямоугольное здание. В прорехах сидели солдатики и чего-то там бдили. У них были пульты с кнопками, столы и кусок жестяной стены-короба с инструкциями и планами эвакуации на все случаи жизни. А у

одного бойца инструкций не было, потому что сидел он просто так, для заполнения вакуума (выход был замурован). И ехал грустный Виталик Грозновский в мотодрезине вдоль стенки, и отвечал он печально отдающим честь солдатикам. И доехал он до самого конца, откуда уже чуть-чуть пахло враждебной Америкой. И поразился Виталик чему-то, вскользь увиденному.

Так что, когда тележка стала возвращаться, взгляд Грозновского уже принял осмысленный вид, а ноздри широко раздулись, как у сеттера, вынюхавшего дичь.

Солдатик ожесточённо бодался сам с собой в крестики-нолики. Сквозняк, гуляющий по тоннелю, с интересом перелистывал журнал поста, а со стены, прямо на солдата, безукоризненно-металлически-добрым взглядом смотрел сам товарищ Андропов.

«Андропов тут лишний, Андропова тут не было» – скороговоркой подумал Виталик.

И не то чтобы к Андропову имел Виталик что-то персональное, но он точно помнил, что раньше поверхность короба была чистой.

– Товарищ солдат, откуда тут это безобразие? – спросил Грозновский и внутренне съёжился от непомерной длины своего языка.

– Какое безобразие? – заинтересованно спросил ефрейтор, с неохотой бросив крестики-нолики.

Грозновский понял, что может быть неправильно понят и истолкован, зашарил глазами в поисках нового объекта недовольства и постучал по шляпке гвоздя, на коем, собственно, и висел Генсек.

– Вот это откуда?

– Так товарищ лейтенант, сам Колыванов, собственноручно прибил.

– Когда?

– Ну, как только я вступил, часа два назад.

– Не трогать, – приказал Грозновский, как будто боец только и лелеял мысль потрогать гвоздь, на котором висел портрет главного коммуниста страны Советов.

Потом лейтенант уехал на телеге и вернулся со своим бойцом-электриком, вооружённым консервным ключом.

– Тут, – постучал он пальцем и слез со стола. Вспарывай, как сгущёнку порешь.

Боец покряхтел и вскрыл в жестяной стенке короба окошко величиной с голову взрослого военного. Прямо под портретом. А дальше – дело техники. Грозновский залез на стол и сунул череп в отверстие. Рассматривать что-то стал. Неудобно было наверх смотреть, так он к коробу спиной стал. А голова? Голова внутри осталась, только перевернулась. Виталик петь любил, и в упоении там, в коробе, мурлыкать что-то стал. В общем, зрелище снаружи удивительное открывалось.

Так его и застали. Голова – Андропова, а туловище его, Грозновского. На столе стоит, ногами перебирает. И мычит чего-то.

Колыванов, конечно, ногами затопал, в конвульсиях забился.

– Я тут не для того, значит, наглядную агитацию вешаю, чтобы вы, товарищ лейтенант, солдат веселили. Это, значит, для повышения духа оно тут, и для политической грамотности! – с пафосом орал замполит, набирая в глазах сопровождающих дополнительные очки и поправляя узел галстука.

А Грозновский голову вынул, портрет снял, замполиту вручил. Потом за гвоздь пассатижами уцепился, с противным скрежетом вытащил. Тоже замполиту дал.

– Вы слышите, товарищ лейтенант, что я вам говорю!? – в исступлении орал майор, размахивая портретом.

– Слышу, тащ майор. Просьбу можно?

– Чего!?

– Вы, тащ заместитель по политической работе, когда этот портрет в следующий раз забивать будете, делайте это около контрольного лючка. Чтоб когда опять кабели пробьёте, не надо было жесть курочить.

И скажите спасибо, что стол деревянный.

Примерно через неделю начальник комплекса опять Грозновского вызвал.

– Дверь прикрой плотно.

– «Белый аист», – с гордостью объявил начальник, нежно вынимая бутылочку из сейфа. Ты мне только такую вещь скажи, ты откуда знал, что это Колыванов КЗ[1] устроил?

–Да не знал я. Я так, со зла ляпнул, – выдохнул Виталик и пропустил рюмочку.

– В общем, рапорт ушёл. Как никак, грубое нарушение ПТБ и ПТЭ[2] на особо важно объекте. Благодарю, в общем, за службу. Будем надеяться.

Дверь за лейтенантом уже почти закрылась, когда начальник остановил его и сказал заговорщически:

– Пусть в следующий раз начфин что-то натворит. Тоже уже поперёк горла стоит.

– С начфинами тяжелее, они вождей не вешают, – серьёзно ответил Грозновский.

Тафарель Флаг

Действие происходило в те времена, когда пятнадцать сестричек тихо и мирно уживались под одной крышей отчего дома, а советский народ обожал по праздникам лицезреть свою военную мощь на экранах телевизоров.

Танковая часть. Всё новенькое, только отстроенное. Плац – часть покинутого бомбёрами на веки вечные аэродрома. Бетонное поле. От горизонта до горизонта. Где ещё парады репетировать, как ни здесь? Со всего округа, да что там округа – со всей европейской части Союза собралась тяжёлая техника разного назначения из частей-отличниц на круглосуточные тренировки. Настал день последней, Генеральной репетиции. Ждут генерала из штаба подготовки. В девять часов утра всё готово к представлению. Аккуратные танковые коробки на исходных рубежах перемежаются тягачами с громадными ракетами, БМП-шками, «Катюшками» и прочими чудесами техники. Всё вычищено и покрашено. На лобном месте воздвигнуты помпезные подмостки для большого гостя. Чуть правее трибуны, на кромке бетона ровненьким рядком пристроились семь или восемь флагштоков, наспех воткнутых в грунт. Стяги красиво развеваются на ветру, поднимая мораль и настроение бойцов. Перед ними – командирский танк. Из него осуществляется эфир. В этом танке находится дирижёрский пульт. Ведётся перекличка по радио. Все на позициях, замерли в ожидании команды трогать. Наконец с КПП приходит весть – едут.

– Всем порядкам – запуск, – доносится голос командира.

Сотни дизелей одновременно разорвали воздух могущественным рыком (чтоб нашим врагам такое ночами снилось). По радио понеслись доклады младших командиров о готовности. Старший командир уже балансировал на грани интеллектуального оргазма, когда увидел несущегося к нему на всех парах офицера. Капитан одной рукой придерживал фуражку, а второй куда-то тыкал свёрнутой газеткой.

– Тащ командир, флаг, – прокричал запыхавшийся капитан.

Командир обернулся на флаги, потом в непонимании на капитана.

– Крайний шток, командир.

Вроде всё в порядке, ровненько хлопают себе, развеваются на ветру, как в песне. Но, что такое? На крайнем правом штоке рядом с государственными флагами, рядом с флагами родов Вооружённых Сил примостился полноформатный стяг спортивного общества «Спартак» с провокационным девизом «Спартак-чемпион».

– Миша, разворот на месте, 180, правое плечо вперёд сейчас же! – взвизгнул командир, впав в не присущую ему истерику.

Механик-водитель, не растерявшись, провалился вовнутрь, десятки тонн брони прыгнули вперёд и развернулись.

– Миша, топчи флаг, крайний справа, сейчас же, левым траком вперёд – продолжал в состоянии аффекта командир. В то же мгновение на плац влетела генеральская чёрная «Волга».

Танк рявкнул, двинулся вперёд и как спичку уложил мятежный флагшток. Разворот, ещё один прыжок и всё вернулось на свои места. Только гордый красно-белый Спартаковский стяг, перемешанный с грязью, в агонии трепетал на земле, как сбитая птица.

Генеральская «Волга» совершает плавный разворот, приближаясь к подмосткам с пугающей грациозностью. Резко тормозит, завывая протекторами в лучших традициях советских фильмов про шпионов. Генеральская дверь открывается, обладатель дубовых листьев и здорового пуза молодцевато выпадает из авто. Не замечая козыряющих присутствующих, галопом летит туда, где только что вальсировал танк. В радиусе тридцати метров всё живое замёрзло, как в ожидании взрыва ядрёной бомбы. Кажется, даже сотни дизелей перешли со звериного рыка на виноватое лепетание.

– Владимир Андреич, можно вас на минутку? – вкрадчиво пропел генерал. Командир, лихорадочно перебирая в голове миллионы отмазок, покорно двинулся на эшафот.

– Владимир Андреич, я вас знаю давно. Я всегда считал вас грамотным командиром, я всегда вас уважал и считался с вашим мнением. Но (резко понизив голос), сука ты, Вовка, ты ж знаешь, я за «Спартак» с рождения болею, и сын у меня там играет. Был бы тут Динамовский – хай с ним, а так – готовь коньяк.

– По машинам! – заорал генерал, лихо взлетая на трибуну. – И это, Владимир Андреич, я хочу знать, как он туда попал.

– Шёл на бреющем и зацепился, – подумал командир.

Тафарель Сержантский приказ

Дембельский аккорд. У всех он был. Ну, почти у всех. Его не было только у тех, с кого, как говорится, кроме мазка на венерологию взять нечего. Раз в полгода во всех частях ВС СССР командиры начинали лихорадочно бегать по стенкам, прыгать по потолку и искать, где в их вотчине можно приложить неуёмную энергию дембелей, желающих поскорее свалить до мамки. Писарь-Димка, уважаемый мною мой герой, был мастером на все руки. До армии успел поработать модельщиком-макетчиком в мастерской одного известного питерского архитектора, с детства работал с отцом, мастером-реставратором старинной мебели. В общем, работы руками не боялся и даже любил. Свою головокружительную карьеру в штабе округа Диман начал с ремонта старой пишущей машинки одного пожилого генерала, не желавшего садиться в дембельский поезд. «Ремингтон», пройдя руки мастера, стоял на почётном месте в начальственном кабинете, щеголяя безупречной окраской и гордым архаичным "Ъ". Затем по слёзной просьбе некоего полковника писарь отремонтировал старинные часы-горку с кукушкой, по ходу поймав жену полковника за любовными утехами на стороне. О том, чем платила жена полковника, летопись молчит, потупив глазки, но история тихо увяла в шёлковых подушках спальни. Другим геройством писаря стала постройка модели-копии бронепоезда для окружного музея Боевой Славы, за что Димка получил десятидневный отпуск в родную Ригу. Служба Димана потихонечку приближалась к логическому завершению, переступая через всякие интересные события, типа установки кнопки «Вызов писаря», лечения от триппера (дважды), разбития морды зампотеха одной из дивизий, ночной прогулки на угнанном троллейбусе и любовных козней с дочкой замдиректора местного винно-коньячного комбината.

Димке оставалось всего шестьдесят дней. Над рабочим столом висел большой календарь с эмблемой Аэрофлота, предлагающий летать всё тем же Аэрофлотом. Дверь в кабинет (огороженный кусок коридора) открылась вежливым пинком, когда писарь, высунув от

усердия язык, красным фломастером старательно выводил звезду поверх даты очередного прожитого дня. Одного из ста до приказа.

– Дим, дембельский аккорд пришёл, – торжественно заявил типичный представитель политотдела округа товарищ подполковник Бородинцев Владимир Андреич.

– Здравия желаю, товарищ Дембельский Аккорд! – приложив руку с фломастером к голове, отрапортовал Димка.

– Ладна, ладна, не паясничай! Ты вон звёздами стенки разрисовываешь, аки ас Покрышкин, а за аккордом не идёшь. Стыдно, – пожурил полковник и бросил на стол приказ. – Ознакомься и выполняй.

Из документа, написанного перпендикулярно-параллельным казённым стилем, следовало, что в окружном музее Боевой Славы остро не хватает действующего макета ключевого сражения Великой Отечественной с танками, артиллерией, пехотой, кричащей «Ура!», и прочими атрибутами боевых будней. Сюрпризом содержание документа для Димки не стало. Идея о макете витала в политотделе давно. Видимо, сказалась близость зала игровых автоматов к штабу округа. Там, в зале, стоял автомат «Танкодром», неистово пожирающий трудовые пятнашки населения.

В конце документа чьей-то рукой была живо описана прямая зависимость между готовностью экспоната к 9-му мая и сроками выполнения приказа о демобилизации. Подполковник вышел, а Димка, попялившись в последние строчки, чертыхнулся, глянул с тоскою на ряд звёздочек, на оставшихся днях дорисовал жирные кресты, выписал себе рецепт (увольнительную), накинул шинель, позвенел мелочью в кармане и пошёл играть в «Танкодром».

Время неудержимо покатилось к маю, подскакивая и икая на ухабах будней. Постепенно идеи оформлялись, ложились на бумагу, заверялись, затем перевоплощались в фанеру, груды стекловолокна и вёдра эпоксидной смолы. Технические детали проекта были весьма подробно описаны мне рассказчиком и заслуживают упоминания, но, к великому моему сожалению, не всем будут интересны. Скажем только, что воплощение анимационных механизмов было простым и гениальным. К середине апреля привезли сваренный по Димкиным чертежам суппорт, коробочки с магнитами, краски, электромоторы от вентиляторов, лампочки и кучу всякого другого очень нужного хлама.

Через недельку экспонат начал подавать признаки жизни. Пришло время работы над звуковым сопровождением. Была организована поездка всех заинтересованных лиц на настоящий танкодром, где проходила учебная езда. Рык двигателей и лязг гусениц записывался на кассетный портативный магнитофон «Весна» при помощи специального микрофона. Умелое использование микшера позволило потом создать довольно правдоподобный фон сражения. Только вот звуки стрельб записать не удалось – молодёжь только училась водить танки, ещё не стреляли. Решение пришло в голову быстро. Немного потренировавшись, Димка научился имитировать звуки выстрелов, надувая губы со щёками и помогая голосовыми связками. В тот день многих проходящих по коридору около входа в музей привлекали странные звуки, исходящие изнутри.

Первым заглянул в приоткрытую дверь всё тот же подполковник Бородинцев. Постояв с минуту, включил понимающую улыбку, подошёл к писарю, насилующему микрофон, и начал помогать, войдя в роль станкового пулемёта.

– Не, не так, тащ подполковник, – остановил его боец.

– Вот так! – Надув щёки, писарь изверг несколько коротких гневных очередей, по-менторски глядя на офицера.

– Понял. – Бородинцев набрал воздух, раздул щёки, покраснел и выдал более убедительную трель.

Тренировка продолжалась ещё некоторое время, потом стали записывать. На шум заходили люди. Заходили, улыбались, оставались и подключались к оркестру

– Тра-та-та-та-та! – палил старший прапорщик, из снабжения.

– Бу-бух! – подключалась артиллерия в лице старшего лейтенанта из связистов.

– Ура-а-а! – вопили трое безработных водил-срочников.

Слухи о странном фестивале быстро облетели корпус здания, совершили почётный круг и принесли ещё десяток участников и сочувствующих. Димка микшировал, дирижировал, поднимал, опускал какие-то рычаги, прослушивал, надев наушники, время от времени добавлял какой-нибудь «бум» в микрофон. Внезапно в помещении повисла тишина. Позади толпы стоял *сам* генерал-полковник, командующий округом, с небольшой свитой. В повисшем ледяном безмолвии он с интересом рассматривал затылок Димы, извергающего

огонь из пушки «главного калибра». Потом подошёл поближе, наклонился над микрофоном.

– Ур-р-р-р-я-я-я!

– О, зашибись! – Димка, не отрываясь от пульта, показал большой палец руки и продолжил истреблять ненавистных оккупантов.

– Я говорю, Ур-р-р-р-я-я-я!, – продолжил генерал-полковник.

– Зашибись, зашибись, только чуть подальше! – в полной тишине орал Димка, не отвлекаясь от микшера.

– Есть! – картинно козырнул генерал-полковник, щёлкнул каблуками и отошёл.

– Давай! Пехота, пошла, хором! – продолжал дирижировать писарь.

Генерал-полковник пожал плечами.

– Талант! Военачальник! Врождённый! Отпуск ему, с генеральского плеча.

Сказал и вышел.

Отпуск Димка не успел использовать, потому что уволился через месяц, в числе первых. Потом ещё долго офицеры за рюмкой чая рассказывали, как генерал сержантский приказ выполнил…

P.S. Рассказчик утверждает, что генерала не заметил, и вообще ничего такого не заметил. А когда снял наушники, лишь обратил внимание на неестественную белизну лиц окружающих.

Пронин Ключевые слова

Абдуллаев отлично говорил по-русски. Не хорошо, что и для образованных азербайджанцев, всю жизнь проживших на Кавказе, не так-то просто, – этот парень-электрик из небольшого городка с радующим душу любого русского мужского пола именем Агдам говорил на языке родных осин лучше сослуживцев-мАсквичей.

Собственно, поводов показать своё знание языка в учебке, как говорится, достат. кол. – политзанятия там, то-сё… Только Абдуллаеву не хотелось. Зачем высовываться? Росту он был среднего, комплекция тоже не выдающаяся, на физгородке, на стрельбище, в столовой, на работах, подъем-отбой – всегда и везде в серединке.

И служба шла не то чтобы средне, – нормально. «Замок»[3] не докапывался, замполит не приставал, старшина не доставал, сослуживцы не обижались – что ещё надо человеку, чтобы спокойно выпуститься младшим сержантом и получить перевод куда-нибудь в среднюю полосу?

Настала пора экзаменов, числом четыре. Политподготовку приехала принимать какая-то столичная комиссия. По этому поводу в учебном батальоне случился некоторый шухер. Ротный и батальонный замполиты такого подвоха не ожидали. Да если бы и ожидали? Замполит роты в ходе своих миссионерских проповедей упорно и со вкусом коверкал слова: вместо «под эгидой» говорил «под эдигой», вместо «отнюдь» – «отюндь» и т.д. Утверждает ведь наш Главный санитарный врач, что пивной алкоголизм хуже водочного – а замполит за бутылочку холодненького запросто мог продать всю обороноспособность державы на много лет вперёд. Ораторский свой дар он, очевидно, уже давно того…

И что, Абдуллаев такому будет демонстрировать свой великий и могучий? Чтобы старлей воспринял это как наглый и циничный вызов?

Поэтому, когда пришёл черед Абдуллаева держать ответ перед комиссией, замполит притёрся к экзаменаторам и сообщил, что, дескать, парень из глухого кишлака (Абдуллаев выгнул бровь), по-русски говорит плохо (Абдуллаев нахмурился), поэтому было бы правильно разрешить ему отвечать на родном языке. Один из

комиссионеров подумал и, кивнув, предположил, что правильность ответа можно установить по ключевым словам типа «НАТО, СЕАТО, Никсон, империализм». Такой вот контент-анализ.

Абдуллаев обернулся к ожидающим своей очереди и многообещающе заулыбался. Ясное дело, подумалось, сейчас он им врежет от имени Пушкина и Толстого! И аудитория приготовилась к концерту.

Действительность превзошла все предположения. Абдуллаев заговорил. Азербайджанский, который подавляющее большинство слышало впервые, оказался потрясающим языком. А может, талант исполнителя производил такой эффект.

Судя по ритму и мелодике, это была поэма. Стальные раскаты перемежались драматическими паузами, переходили в нежный шёпот, и вновь голос артиста возвышался до олимпийского пафоса.

Комиссия заворожено слушала. Ни фига не понятно, но душу рвёт. Экзаменуемый взвод, не избалованный зрелищами, пооткрывал рты.

Это было прекрасно!

Абдуллаев умолк, и в аудитории повисла пауза. То ли экзаменаторы пытались вспомнить, проскакивало ли в услышанном что-нибудь про Никсона, то ли просто были эстетически подавлены.

«Пятёрка» в аттестате Абдуллаева воспринималась как явно недостаточная награда за труд артиста.

– Слушай, оглы, – был спрашиваем он потом, в курилке, – а что это ты такое рассказывал?

– Горького люблю, – последовал ответ, – это «Песнь о буревестнике». На азербайджанском она звучит лучше. Да, в общем-то, и в тему.

Cornelius Огонь, вода и медные трубы

После выхода на пенсию старший механик рыболовецкого траулера (по-флотски – «дед») Василий Никифорович Курган вернулся в родной город. Его друзья детства, так и прожившие в нем всю жизнь, встретили старого товарища с радостью. Один из них, ставший председателем горисполкома, поднажал, где надо, и Василий Никифорович стал капитаном прогулочного катера «Олег Кошевой», что дало ему чувство значимости, неплохую зарплату и гордое право капитанского мостика. Да ещё несколько раз в неделю – непередаваемое наслаждение встречи со старыми друзьями, поджидавшими его у причала в служебной «Волге» с заветными напитками и закуской.

***

Военный строитель рядовой Конякин с усердием долбил землю лопатой. С каждым молодецким ударом штык её погружался в отвратительную глину не более чем на три сантиметра. План измерялся в кубометрах, и он раз за разом беспощадно вонзал железо в безответную глину, сосредоточенно думая о перекуре. Рядом с ним с намного меньшим усердием, но с таким же результатом ковырялись в земле его сослуживцы с Памира, отзывавшиеся на клички «Груша» и «Чебурашка». И когда к траншее подошёл бригадир Михайлюк, то она, траншея, пребывала в том же состоянии, что и час назад.

Бригадир посмотрел на Грушу с Чебурашкой и спросил:

– Эй, вы там, полтора землекопа, вы норму давать будете?

– Какой норма, – огрызнулся Груша, – лопата согнул на этот земля!

Подошедший Конякин утёр со лба пот и веско добавил:

– Монолит! Хрен чем возьмёшь.

Михайлюк осмотрел поле боя и сдвинул пилотку на затылок.

– Блин, ничё хорошего у нас тут не выйдет, – согласился он, не догадываясь, насколько пророческими окажутся его слова, а если бы догадывался, то прикусил бы он себе язык и молча ушёл.

– Ладно, давайте скидываться. Там, – Михайлюк махнул рукой в сторону гражданской стройки, – «Беларусь» стоит. За чирик он нам все сделает.

Груша тут же деловито бросил лопату и потопал к землякам собирать деньги.

Конякин же вылез из траншеи и зашагал к бытовке, вагончику на колёсах. От усердной работы он сильно вспотел и решил вскипятить себе чаю. Солдатский вагончик и вагон-прорабка стояли торцами перпендикулярно берегу реки. Кромка берега, отделяющая прорабку от воды, была покрыта все той же жёлтой глиной, на которую Конякин смотрел с профессиональным отвращением.

В бытовке он взял заранее заготовленную трёхлитровую банку с водой и приступил к нехитрому ритуалу кипячения воды в условиях стройки. Главным инструментом был кипятильник, изобретённый ещё, наверное, на строительстве пирамид – два лезвия «Нева», прикрученные к жилам кабеля параллельно друг другу с зазором в один сантиметр. Второй конец кабеля, в полном соответствии с правилами техники безопасности оборудованный штепселем, Конякин и воткнул в розетку. Он опустил лезвия в воду, и вода между лезвиями закипела и забурлила мгновенно. Осталось только водить кипятильником в банке, пока вся вода не прокипит, и заветный кипяток готов. Всецело поглощённый процессом, военный строитель не сводил глаз с жужжащего прибора и интересно бурлившей воды. Увлечённый магией электричества, он, к сожалению, не заметил, как на оклеенной дешёвыми обоями стенке, там, где проходил провод, питающий розетку, вдруг появилась и стала проступать всё явственнее дымящаяся чёрная полоса. Потом обои вдруг разом вспыхнули и весело и решительно зашлись зелёными языками пламени. Запахло дымом. Не заметить такое было уже нельзя. Конякин стремительно обернулся, изо рта его вырвался невнятный всхлип. Резким движением он рванул из розетки шнур, но огонь от этого почему-то не погас.

«Вода! Нужна вода!» – промелькнуло в голове Конякина.

И, о чудо, вода была прямо перед ним – в банке. Он радостно схватил голыми руками банку с кипятком и, громко закричав, уронил её на пол. Огонь стремительно распространялся по бытовке. Становилось темно, и было уже трудно дышать от дыма. Конякин понял, что пришло время отступать. В порыве хозяйственности он

схватил обожжёнными руками кривой лом и с воплем: «И-и-и-и-и-и, билят!» выбежал из вагончика.

Конякин как в замедленном кино видел своих сослуживцев, вылезающих из траншеи как из окопа в атаку и с лопатами бегущих к бытовке. Впереди, как полагается, мчался с глазами, широко открытыми от ужаса, командир. Добежав до Конякина, он остановился, и задал абсолютно дурацкий (с точки зрения Конякина) вопрос:

– Что случилось?

Конякин показал рукой на ярко пылающий вагончик и прояснил ситуацию:

– Пожар!

Михайлюк внял объяснению и стал растерянно озираться по сторонам, очевидно, в поисках чуда, но тут его подёргал за рукав Груша.

– Э-э командыр, – спросил Груша, – прорабка спасат будэм?

До Михайлюка медленно и неумолимо стала доходить опасность близости двух вагончиков. Он бросился к прорабке, упёрся в неё плечом и заорал призывно:

– Навались! Откатывай! – толкая прорабку от горящего вагончика. Однако сделать это было трудно, потому что колёса прорабки были тщательно заблокированы кирпичом, как раз-таки чтобы случайно не покатилась. Конякин, заметив проблему, как был, с ломом в руках, стал ногами пинать кирпич под одним из колёс. Кирпич стоял насмерть. Михайлюк, поняв задумку подчинённого, подлетел к нему, выхватил из рук лом и тюкнул в кирпич, попав, однако, во что-то мягкое, отчего Конякин заорал и стал прыгать на одной ноге. Бригадир, стараясь не смотреть на раненого бойца, продолжал сражаться. Следующим ударом кирпич был раскрошен, а там подоспевшие солдаты выбили стопоры из-под остальных колёс и, навалившись дружно, начали толкать вагончик под крик бригадира.

Прорабка медленно, сантиметр за сантиметром, стала отодвигаться от горящей бытовки.

– Давай! – орал Михайлюк, – Взяли!

Упирающиеся военные строители, кряхтя и пыхтя, толкали вагончик, который шёл чем дальше, тем легче, постепенно набирая скорость.

Тут Михайлюк поднял голову, глянул вперёд и внутри у него похолодело. Он на мгновение остановился, потом набрал полную грудь воздуха и заорал:

– Стой! Куда! Держи прорабку! – и кинулся вдогонку вагончику.

Оторопевшие от такой переменчивости в начальстве военные строители замерли, глядя на цепляющегося пальцами за плоскую поверхность стенки бригадира… А прорабка, покачиваясь на ухабах, катилась, набирая все большую скорость вниз по наклонному берегу реки и остановить её было уже невозможно. Она с разгону влетела в воду, подняв тучу брызг. Надо заметить, что берег с этой стороны реки сразу от кромки воды резко уходил вниз, и прорабка, клюнув сначала носом, затем выровнялась и, неожиданно для бригады военных строителей, бодро поплыла зелёным лебедем вниз по течению, слегка покачиваясь на небольшой волне. Течение стало было её разворачивать, но всё имеет свои пределы, и плавучесть вагончика была невелика. Удалившись от берега, на котором стояли с открытыми ртами военные строители, на расстояние около десяти метров, прорабка вдруг сдалась, начала крениться и резко пошла ко дну. Через несколько секунд она полностью погрузилась в воду, и только отдельные пузыри напоминали о её существовании.

Михайлюк был поражён в самое сердце, но сдаться без боя был не готов. Он с усилием сглотнул слюну и оценивающе посмотрел на Грушу.

– Груша, раздевайся, нырять будешь, – хрипло и решительно объявил он. – Сейчас подгоним развозку и будем вытягивать.

– Я плавать не умею, – честно признался Груша, в слабой попытке спасти свою жизнь упираясь взглядом в обезумевшие глаза бригадира… Однако, похоже, что утопить в этот же день ещё и развозку с Грушей Михайлюку была не судьба.

Ведомый твёрдой рукою Василия Никифоровича Кургана, из-за излучины реки показался прогулочный катер «Олег Кошевой». Василий Никифорович пребывал в прекрасном расположении духа. На берегу его ждали друзья, напитки и бесконечные воспоминания о годах былых и весёлых. В предвкушении встречи Василий Никифорович уже принял маленько и радостно улыбался кораблю, реке, ветру. На корабле громко играла музыка, светило солнце; по глинистому склону берега к реке бежали молодые ребята в сапогах и приветливо махали

ему руками. Поотстав от этих добродушных, и по-видимому, хороших юношей, неуклюжими прыжками скакало какое-то бесформенное кенгуру и тоже махало Василию Никифоровичу руками. Этот факт слегка удивил капитана, но видавший виды моряк решил виду не подавать: мало ли что молодёжь придумала, шутники они, годы такие.

Отвечая на приветствия, капитан дал гудок. Лучше бы он этого не делал, так как многие пассажиры привстали, чтобы посмотреть, что там такое. В этот момент прогулочный катер «Олег Кошевой» с размаху и со скрежетом налетел на прорабку и встал намертво. Падая уже, капитан со странной отстранённостью наблюдал за гражданином среднего возраста в тёмных брюках, майке, и шляпе, который секунду до этого стоял у поручня, жуя бутерброд, а теперь летел за борт все ещё с бутербродом в руке, но уже без шляпы. Визги и крики кувыркающихся пассажиров произвели на упавшего капитана пробуждающее действие, он вскочил на ноги и, схватив спасательный круг, помчался к правому борту, где, прокричав положенное «Человек за бортом!» точно и ловко метнул в выпавшего гражданина спасательный круг. Тот вцепился в него намертво и стал смотреть на капитана круглыми от удивления глазами.

На берегу в оцепенении стояли военные строители, беспомощно глядя на дело рук своих; даже Конякин замер и затих, стоя на одной ноге. Чёрный клубящийся дым поднимался над горящей бытовкой. Из корабельного громкоговорителя над театром военных действий разносилось, поднимаясь все выше и выше в небо, прочь от грешной земли: «..И под венец Луи пошёл совсем с другой. В родне у ней все были короли…»

Cornelius Молдавское Барокко

Осень в Тирасполь приходит медленно и поэтому незаметно. Дожди начинают пахнуть не летней свежестью, но уже мокрыми листьями, и однажды утром просыпаешься, и первый раз в году приходят мысли о грядущей зиме.

Тирасполь 1985 года. Октябрь.

На гражданского прораба Петю Варажекова было больно смотреть. Печальный стоял он во дворе строящегося девятиэтажного дома перед группой военных строителей и ждал объяснений.

Мастер ночной смены вздохнул и выпалил:

– Ну кончились у нас балконы, а план давать надо!

Петя поморщился от окутавших его паров перегара и ещё раз посмотрел на дом, всё ещё на что-то надеясь. Но ошибки быть не могло: действительно, в стройных рядах балконов зияла дыра. Дверной проём был, окно было тоже, а вот балкона не было.

– Что будем делать? – риторически спросил Петя.

– А давай краном плиты подымем, да подсунем балкон, когда привезут, – предложил военный строитель рядовой Конякин. Все подняли глаза на кран, в кабине которого сидел крановой – ефрейтор Жучко. Крановой уже давно наблюдавший свысока за собранием, приветливо помахал рукой.

– Дурак ты, Конякин, – сказал Петя с выражением. Конякин тут же согласно закивал. – Что, давно не видел, как краны падают?

Все опять посмотрели вверх на кранового. Прошлой зимой в Арцизе упал кран. Крановой тогда остался жив, но его списали со службы по дурке.

– Стахановцы хреновы! – добавил Петя. – Идите отсюда!

На самом деле во всем виноват был дембельский аккорд, на котором находились монтажники, перекрывшие этаж без балконной плиты (разбитой пополам ещё при разгрузке) и каменщики, лихо погнавшие кладку поверх свежего перекрытия. Предлагать будущим гражданским подождать с аккордом и значит, с дембелем, было несерьёзно, да и поздно уже. Дело было сделано.

Петя вздохнул. Вся неделя была какой-то сумасшедшей. Сначала приехавший после дождя главный архитектор наступил на кабель от сварки и от неожиданного поражения электричеством подбросил высоко вверх стопку документов с подписями. Результатом этого была визит инспектора по технике безопасности, разрешившийся большой попойкой. Затем какая-то сволочь в лице «пурпарщика» (прапорщика по-молдавски) Зинченко продала половину наличного цемента, и Пете пришлось ехать на цементный завод и опять напиваться, на этот раз за цемент. А теперь вот это.

Он зашёл в вагончик-прорабку, где терпеливо ждал задания на день сержант Михайлюк, призванный со второго курса физфака столичного университета. Под два метра ростом с широкими плечами и огромными, как «комсомольская» лопата, руками, он попал в стройбат ввиду неблагонадёжности, и был немедленно назначен бригадиром – официально из-за размера, неофициально – в пику замполиту.

– Ты видел, что они там налепили в ночную? – спросил его Петя.

– Нет, а что случилось?

– Да вон, посмотри, – и Петя махнул рукой в сторону стройки.

Михайлюк согнулся пополам и стал смотреть в окно, обозревая чёрную дыру отсутствующего балкона и кривую кирпичную кладку над ней.

Он выпрямился, посмотрел на Петю и сказал:

– Молдавское Барокко.

Петя вздохнул.

– Чё делать будешь? – спросил бригадир.

– Да чё делать, – опять нажрусь, теперь с архитектором, – обречённо констатировал Петя. – Отправь своих бойцов, пускай дверь заложат. Только сегодня, а то какой-нибудь чудак ещё выйдет на балкон покурить. И займитесь вторым подъездом наконец.

– Ладно, сделаем, – ответил Михайлюк и двинулся к выходу.

Петя набрал телефонный номер Управления.

– Слышь, Витальич, это я, Петя. Приезжай.

– Шоб вот это ты меня опять током бил?

– Не, ЧП у нас, балкон пропустили, – признался Петя.

– Ни хрена себе! Шо вы там такое пьёте? – после паузы спросил Валерий Витальевич, архитектор.

– Ой, не спрашивай, приезжай, с городом надо разбираться или дом ломать.

– Ладно, жди.

Петя повесил трубку и высунулся из окна прорабки. Увидев Михайлюка, он крикнул:

– Бригадир! И отправь бойца за гомулой,[4] да получше, Витальича опять поить будем. Сержант показал пальцами, ОК, мол. И Петя скрылся в глубине прорабки.

Возле бригадного вагончика толпа воинов-строителей ожидала постановки задачи.

– Груша, Чебурашка, ко мне! – позвал Михайлюк. От толпы немедленно отделились два невзрачных силуэта, один из которых тащил за рукав второго – Груша и Чебурашка, наречённые так сержантом за поразительное сходство с грушей и Чебурашкой соответственно. Оба были призваны с Памира. Груша страдал падучей, и эпилептические припадки его поначалу сильно пугали бригадира, но потом он привык, и только старался оттащить бьющегося солдата от края перекрытия, накрыв ему голову бушлатом. Чебурашка же выделялся среди земляков необщительностью и постоянно удивлённым выражением лица. Первое было вызвано тем, что говорил он на языке, которого никто кроме него не понимал и определить не мог, несмотря на то, что всех, вроде, призывали из одной местности. Русского он, естественно, не знал тоже, а чебурашкино удивление, судя по всему, было прямым следствием неожиданного поворота в его горской судьбе, занёсшей его неизвестно куда и зачем…

Неблагонадёжный Михайлюк всегда сажал эту пару в первый ряд на политзанятиях и втайне наслаждался очумелым выражением лица замполита, объясняющего Чебурашке в двадцатый раз про КПСС и генсека.

– Груша, ты старший. Видишь, вон балкона нет на третьем этаже? Заложите дверь доверху. Окно оставьте. И не перепутай. Вопросы есть?

– Есть, – сказал Груша. – Новый кино есть, индийский. Давай пойдём?

– Груша, иди и трудись, пока я тебе в чайник не настрелял. Если всё будет в порядке, то в воскресенье пойдёте в культпоход, – ответил Михайлюк, применяя политику кнута и пряника. Политика сработала,

и довольный Груша потащил Чебурашку за рукав в сторону подъезда. Чебурашка, как всегда удивлённо, оглянулся на сержанта и зашагал за Грушей, бормоча под нос что-то, понятное только ему.

После обеда в тот же день в прорабке сидели Петя, архитектор Витальич, замкомроты лейтенант Дмых, обладавший сверхъестественным чутьём на пьянку и зашедший «на огонёк», и сержант Михайлюк. На столе стояла уже сильно початая трёхлитровая бутыль с красным вином. Дмых рассказывал очередную историю из своей афганской службы, когда Петя краем глаза уловил в углу вагончика какое-то движение.

– Мышь! – заорал он.

Михайлюк, вполне захмелевший к тому времени, встрепенулся и, схватив первый попавшийся под руку предмет, запустил его в угол. Оказалось, что под руку ему попалась сложенная пополам нивелирная рейка, которая от удара разложилась и придавила убегающее животное одним из концов. Лейтенант встал из-за стола, подошёл к полю боя и поднял мышь за хвост.

– По-моему, притворяется – сказал он, поднося мышь к глазам, чтобы получше рассмотреть добычу. Почувствовав, что блеф её раскрыт, мышь изогнулась и цапнула офицера за указательный палец.

– Ай! – вскрикнул Дмых и дёрнул рукой, разжимая одновременно пальцы. Мышь, кувыркаясь в воздухе, описала сложную кривую, одним из концов закончившуюся в банке с вином, где она и принялась плавать. Коллектив наблюдал за ней с немым укором.

– Что будем делать? – задал привычный сегодня уже вопрос Петя. Неделя явно была не его.

– Какие проблемы? – спросил замкомроты – Чайник есть?

– Вон стоит, – показал Петя на алюминиевый армейский чайник, не понимая, с какого бодуна лейтёхе захотелось чаю.

Лейтенант взял чайник и вылил из него воду в окно, затем взял банку с вином и перелил вино вместе с мышью в чайник, а после, через носик чайника перелил вино назад в банку. Мышь немедленно заскреблась в пустом чайнике, очевидно, требуя вина.

– Всё, наливай дальше, – скомандовал он Пете.

После секундного неверия Пете вдруг стало всё равно, и он стал разливать.

Лейтенант выпил первым; после него, убедившись что он не упал, схватившись за горло в страшных муках, стали пить остальные.

Часом позже, Петя вышел из прорабки и окинул взглядом дом. Ведущий в пустоту проём балконной двери все ещё имел место быть.

– Эй, бригадир, – позвал Петя, – вы когда дверь-то заложите? – спросил он высунувшегося в окно Михайлюка. Тот посмотрел на дом и удивился:

– Вот уроды. Спят, наверное, где-то.

Он вышел из вагончика и направился в дом.

Петя присел на деревянную скамеечку, сколоченную из половой доски плотниками, и зажёг сигарету. Он курил, и дым уносило ветром куда-то в серое небо. Начинались осенние сумерки.

«Уже октябрь», – подумал Петя. Он затряс головой, отгоняя грустные мысли.

Из подъезда вышел сержант и, ни слова не говоря, сел рядом с прорабом.

– Ну? – спросил Петя.

– Даже не знаю, что сказать, – ответил Михайлюк.

– Что не знаешь? Они дверь будут закладывать сегодня или нет?

Михайлик посмотрел на Петю и сказал:

– Они уже заложили. Входную дверь в квартиру.

Петя бросил окурок на землю и затоптал его носком ботинка. Он что-то пробормотал.

– Что? – не услышал Михайлюк.

– Молдавское Барокко, – повторил Петя.

Rembat Дневальный по роте майор Каширин

Дневальный по роте рядовой Азимов томился на тумбочке. Беда подкралась незаметно со стороны мочевого пузыря. Зов природы звучал все громче и громче, выхода не было и будущее рисовалось мокрым и противным. Азимов пытался действовать по уставу и вызвать второго дневального или дежурного по роте:

– Ди-ни-вальни-и-иииий! Рахматов, чуууурка злаааа!

Нет ему ответа. Второго дневального, рядового Рахматова, забрал с собой старшина роты красить что-то на чердаке.

– Дииижурный! Дииижурный по роте, на выход! Пажаласта!

Дежурный по роте сержант спал как убитый, и на жалобное блеяние Азимова не отзывался. В конце концов, ремонтный батальон – это не страшно уставная учебка какая; в случае катастрофической надобности можно на две минуты и отлучиться от тумбочки, если бы не два «но».

Первое «но» заключалось в том, что дежурным по части был капитан Пиночет. Для Пиночета не существовало никаких компромиссов, поблажек и уважительных причин. В случае, если Пиночет заставал пустующую тумбочку, он забирал ротный барабан, в самой тумбочке хранившийся, и таким образом наряд автоматически оставался на вторые сутки, ибо без барабана никакой дежурный по роте наряд не примет. Оставить на вторые сутки весь наряд Азимову не улыбалось. Сержант, возглавлявший наряд, был парнем хорошим, и подводить его Азимов никак не хотел.

Второе «но» заключалось в том, что тумбочка была расположена прямо напротив кабинета начальника штаба. НШ, как назло, сидел в своём кабинете, и дверь держал открытой.

Азимов держался двумя руками чуть правее штык-ножа и переминался с ноги на ногу. Вот интересно, если будет лужа, затечёт к НШ в кабинет или нет? Майор Каширин – офицер замечательный… но никто ещё не пытался намочить его кабинет. Не хотелось Азимову быть первым.

– Ди-ни-вальный! Ди-и-и-журный!

Наконец, начальнику штаба надоел этот полный безмерной скорби крик. Он нехотя оторвался от своих бумаг и выглянул в коридор:

– Азимов, задолбал орать. Что стряслось?

– Тащ майор, туалета нада!!! Ой как нада!

Майор Каширин с жалостью посмотрел на Азимова, глаза которого были уже размером с блюдце и не моргали.

– Две минуты тебе хватит? Я за тебя постою. Давай сюда повязку!

Азимова моментально сдуло. Его тень ещё бежала по коридору, а сам он уже громко пел туркменскую песню в сортире. НШ натянул повязку дневального на рукав кителя и усмехнулся. Когда он последний раз дневальным стоял? Четырнадцать… нет, пожалуй, все пятнадцать лет назад. Вот хохма будет, если сюда комбат зайдёт и обязанности дневального по роте спросит. «Дневальный по роте назначается из солдат… и, в виде исключения, из наиболее подготовленных майоров». НШ засмеялся. В это время у него в кабинете зазвонил телефон. НШ побежал в кабинет и успел поймать трубку.

А в это время… Ну да, ведь дежурным по части стоял капитан Пиночет. Вместо того, чтобы сладко спать в честно отведённое ему время, Пиночет пошёл с внезапной проверкой портить жизнь наряду по роте. Увидев пустую тумбочку, Пиночет хищно обрадовался, схватил барабан и направился к выходу.

Майор Каширин, увидев в приоткрытую дверь уползающий ремень барабана, прервал свой телефонный разговор с начальником штаба дивизии, невнятно извинился и бросился в коридор. Там он успел схватить барабан за ремень и тем самым остановить грабительский налёт Пиночета. Капитан Пиночет, не оборачиваясь, продолжал тянуть за собой барабан с майором и приговаривал:

– Поздно, поздно, голубчик. Раньше надо было пустой башкой думать. Вторые сутки, вторые сутки! А не надо с тумбочки слезать, не надо!

Однако майор Каширин был мужик крепкий. Он резко дёрнул барабан на себя; при этом Пиночет, не ожидавший сопротивления, обернулся и замер. НШ осторожно вынул барабан из ослабевших капитанских рук, резво подбежал к тумбочке и там вытянулся, отдавая по всем правилам честь дежурному по части. Пиночет машинально поднёс ладонь к виску, начиная сомневаться, а не лёг ли он на самом

деле спать и не снится ли ему интересный сон. Начальник штаба решил немного разрядить обстановку и, не опуская руки от фуражки, представился:

– Временный дневальный по роте майор Каширин!

Ответа не было. Пауза затягивалась. Все смешалось в пиночетовском дежурном мозгу, к тому же не спавшем всю ночь. Капитан пытался собрать мысли в кучу, но они торопливо разбегались. НШ начал терять терпение. Он раздражённо спросил:

– Чего надо-то? Зачем пришёл? На барабане побарабанить?

– Дак… Вроде ничего не надо… Разрешите идти?

– Идите, – ответил НШ.

– Есть! – Пиночет развернулся и строевым шагом вышел из расположения, продолжая держать ладонь у виска и сомневаясь в увиденном.

Тут вернулся Азимов, блаженно улыбаясь. НШ всучил ему барабан и повязку и сказал:

– Тут дежурный по части приходил. Барабан взять хотел, я не дал. Давай на тумбочку быстрее, хватит с меня дневальства. А то ещё старшина сортир мыть пошлёт.

Rembat Баллада о несвежем сале

После того, как будучи дежурным по части, капитан Пиночет застучал сам себя комбату, его довольно долго ставили дежурным по парку. Это было довольно унизительно для офицера: на этот пост всегда заступали прапорщики и даже иногда сержанты. Замечено, что в наряде даже офицеры и прапорщики должны кушать. Молодые, неженатые лейтенанты и прапорщики с отвращением кормились солдатской едой. Люди посолиднее приносили еду с собой из дома, а положенную пайку отдавали своим подчинённым в наряде. Некоторые не стеснялись угостить солдата и домашней едой.

Не таков был капитан Пиночет. Он с видимым удовольствием лопал положенную ему солдатскую кашу, после чего в дежурке догонялся домашними бутербродами. Он уходил в комнату отдыха и с чавканьем уничтожал огромные шматы сала, после него оставались груды яичной скорлупы, пустые консервные банки. Никогда не приходило ему в голову, как это действовало на вечно голодных солдат. Да нет, никто не точил зуб на его еду, но ведь он выходил из комнаты отдыха и, сыто отдуваясь, рассказывал, какое дерьмо эта каша, и какое классное у него сало. И в подробностях расписывал, как именно его жена солит сало. И сколько чесночку кладёт. Ну кто ж выдержит такое издевательство?

В тот день дневальными по парку стояли младшие сержанты Саша и Лёша. Оба они изрядно устали от Пиночета. Зрел бунт. Пиночет только что у них на глазах сожрал кусок сала, бережно упаковал остатки на завтра и критиковал рыбу, съеденную им на ужин. Сержанты вышли из дежурки и закурили. Лёша злобно сказал:

– Может, ему утром в чай плюнуть? Или сало солярой протереть? Ну не красть же его сало: западло! Да чтоб он обожрался своим салом до колик! Чтобы это сало мыши съели!

Саша задумался.

– Есть идея… Кто там старшим наряда по столовой? Дима? Стой здесь, я скоро вернусь.

В столовой произошёл странный разговор. Сержант Дима топал ногами и кричал:

– Да ты охренел! Поймать ему крысу! Да пошёл ты! Сам лови! Что погоди, что погоди?! Не надо живьём? Мёртвую крысу?! Вот как дам сейчас! Что? А меня не… Пиночет? Пиночет, говоришь… Так бы и сказал. Я в деле.

Ночью в парк из столовой пришёл Дима. Он принёс что-то, завёрнутое в грязное вафельное полотенце. Лёша с отвращением спрятал свёрток в пожарном ведре.

Утром Пиночет ушёл в столовую на завтрак. Когда он вернулся в дежурку с целью продолжить завтрак куском сала, в дверях его встретил встревоженный Саша.

– Товарищ капитан, вы вечером сало ели?

– А тебе какое дело?

– Товарищ капитан, а сало ваше нормальное было, ну там свежее, не горчит?

– А с каких это пор еврей салом интересуется? Га-га-га-га!!!

Саша распахнул дверь в комнату отдыха. На полу под топчаном лежал капитанский свёрток с салом. Свёрток был заметно распотрошён, бумага на сале надорвана. Пиночет нахмурился, наклонился и поднял свёрток. Вдруг свёрток со стуком упал на пол. Под топчаном, в полуметре от свёртка, лежали два крысёнка. Каждый крысёнок держал в лапках кусочек капитанского сала. Оба они были абсолютно и безнадёжно мертвы. Пиночет побледнел, как Майкл Джексон, глаза его медленно полезли из орбит. Капитан схватился за горло и выбежал из дежурки.

Через час дежурным по парку заступил весёлый прапорщик Грищенко.

– Вы что это с Пиночетом сделали, гады?

– А что случилось-то?

– Да отравился он чем-то вечером. Сейчас ему в санчасти промывание желудка делают; возможно, придётся в госпиталь везти.

Rembat Литовский праздник в ремонтном батальоне

В целях борьбы с дедовщиной в рембате ввели новшество: ответственного офицера, который оставался в казарме на ночь. Назначался ответственный офицер из штабных майоров. Чем ответственный офицер был ответственнее дежурного по части, неизвестно… Обычно ответственный майор полночи занимался утруской и усушкой мозгов какому-нибудь менее ответственному лейтенанту, дежурящему по части, а затем запирался в своём кабинете и банальнейшим образом спал.

Самым ответственным из всех ответственных был, разумеется, замполит батальона майор Кукушкин. После просветительной беседы с дежурным по части он не завалился сразу спать, а пошёл по территории рембата проверить уставной порядок. Пошёл майор Кукушкин не просто так, а по наводке своего осведомителя. Оперативная информация гласила, что сегодня солдаты литовской национальности что-то замыслили и ведут себя подозрительно тихо.

В казарме ничего необычного не происходило. Кукушкин направил свои стопы в парк. В боксах тоже было темно и тихо. Вдруг майор увидел несколько силуэтов, направляющихся к рембатовской бане. В силуэтах майор узнал несколько бойцов, но не литовской, а очень даже узбекской национальности. Хотя нет, один литовец среди них был. Младший сержант Нарейкис (которого весь батальон заслуженно называл не иначе, как Налейкис) шёл впереди, и его отчётливо шатало из стороны в сторону. Драки между солдатами из Прибалтики и Средней Азии славились особой жестокостью, поэтому у майора Кукушкина не было ни малейших сомнений: уже избитого литовца узбеки ведут для продолжения расправы в более глухое место. Сердце замполита болезненно сжалось, но не столько за судьбу Налейкиса, сколько за свою собственную. «Ну почему, почему они должны драться именно в моё дежурство?! Не могли подождать до утра…» Солдаты зашли в баню. Майор остановился в нерешительности: зайти самому или позвать дежурного по части? Кукушкин решился на компромисс: зайти в коридор и послушать. Если

драка, бежать за дежурным. Майор тихонько зашёл в баню и припал ухом к дверям комнаты отдыха.

Майор Кукушкин не знал о событиях, предшествовавших его появлению в парке. После отбоя Налейкис и ещё несколько литовцев исчезли из казармы, прихватив с собой банщика ефрейтора Курочкина. Однако через час Налейкис вернулся и стал приставать к младшему сержанту Камалову:

– Карим, дай сигарет. У тебя ж есть пара пачек в заначке… А утром я в чепок[5] сбегаю и отдам тебе.

Камалов с подозрением принюхался:

– Опять пьяный, чурка ты нерусская?

Налейкис находился в том приподнято-возвышенном состоянии, которое наступает после второго стакана. Поэтому он не обиделся, а добродушно пихнул Камалова в плечо:

– Сам ты чукча. Праздник у нас… Только – тсс, никому…

Камалов насторожился, почувствовав поживу:

– Какой праздник, слушай, зачем праздник, отбой давно был, да?

Налейкис был не против приобщить каракалпака Камалова к истокам литовской культуры:

– Йонинес праздник, знаешь?

– Не знаю.

– Русский Ивана Купала знаешь?

– Не знаю.

– А что знаешь?

– Курам-Байрам знаю.

– Ну так наш Йонинес то же самое.

– Врио-о-ооошь…

Налейкис вернулся к делу:

– Доставай свои сигареты и пошли со мной…

Через полчаса празднования Камалов уронил голову на руки и горько заплакал. Налейкис попытался утешить, но Камалов заплакал ещё сильнее:

– Вы тут по-литовски говорите, непонятно мне… А я – шакал паршивый… Водку с вами пью, сало жру, а мои друзья в казарме спят… Уы-ы-ыыыы… Пойду их приведу.

Налейкис посовещался с остальными двумя литовскими приятелями и разрешил:

– Ну сходи, приведи… Только смотри, не всю роту…

Камалов встал и направился к двери, но не дошёл. Слаб оказался… Он сел на пол и заплакал ещё горше. Налейкис махнул рукой и сказал:

– Ладно, сам схожу. Кого привести? Булдыкбаева и Бакшишева? И Абишева? Хорошо, щас при-ик-ду…

Узбекские воины, посмотрев на Налейкиса, сразу ему поверили и пошли с ним в баню. Налейкис то и дело пытался упасть, поэтому его пришлось поддерживать и подпихивать. Вот эту живописную группу и засек замполит.

Итак, замполит в нерешительности десять минут потоптался перед баней, зашёл вовнутрь и припал ухом к дверям комнаты отдыха. Оттуда звучала песня на непонятном языке. Майор Кукушкин приоткрыл дверь и увидел удивительную картину: три узбекских солдата торопливо глотали водку, двое литовцев дружелюбно совали им сало закусить, а Налейкис и Камалов, обнявшись, хором пели:

Tegul saule Lietuvoj
Tamsumus prasalina…
Tegul meile Lietuvos
Dega musu sirdyse[6]

Кукушкин перевёл дух. Драки не было. ЧП? Хм… Посмотрим. Все равно, гора с плеч. Он осмелел и зашёл в комнату:

– Так, бойцы, вам пять минут добежать до казармы и лечь спать. Бегом марш!

Солдаты, поняв, что замполит сейчас добрый, без пререканий испарились. Бегом не бегом, но через пять минут в бане никого не было, кроме майора Кукушкина и ефрейтора Курочкина, который безмятежно спал на скамейке ещё с того момента, когда узбеки начали петь по-литовски. Майор заботливо укрыл спящего банщика грязным вафельным полотенцем, захватил со стола едва начатую бутылку водки и пошёл в свой кабинет. Он шёл и размышлял, что делать дальше. В своём кабинете майор Кукушкин сел за стол, поставил перед собой конфискованную бутылку, достал лист бумаги, ручку и задумался:

докладывать наверх о происшествии или нет? Комбату? НачПО дивизии?

Утром дежурный по части забеспокоился: замполит не появился на подъёме и даже не вышел к завтраку. Сержант-помдеж принёс из столовой завтрак для Кукушкина и постучал в замполитовскую дверь. Никто не ответил. Сержант зашёл в кабинет и увидел замполита. Майор спал сидя, уронив голову на стол. Перед ним стояла пустая бутылка из-под водки и блюдце с окурками и конфетными фантиками. Под бутылкой лежал исписанный лист бумаги. Сержант осторожно поставил замполитовский завтрак на стол и стал с трудом читать замполитовские каракули.

«…Начальнику политотдела дивизии полковнику ***…

…Под руководством заместителя командира батальона по политической части в ремонтном батальоне прошёл вечер Дружбы народов СССР, посвящённый народным литовским праздникам…

…Группа солдат узбекской национальности исполнила песни на литовском языке…

…Вечер прошёл в тёплой неформальной обстановке…»

Rembat Перестройка и ускорение в ремонтном батальоне

– Официант, что это такое?!
– Это? Котлета.
– А почему квадратная?!
– Перестройка…
– А почему полусырая?!
– Ускорение…
– Ну а почему она надкусана?!
– Госприёмка…

(Из анекдота времён ранней Перестройки)

Полковник из бронетанковой службы армии уже охрип, но остановиться и замолчать никак не мог. Штабные рембатовские майоры стояли перед ним, рассматривая носки своих сапог. Командир батальона, подполковник Карандашов, имел лицо буро-сиреневое, и было видно, что и он не прочь покричать на полковника.

Проблема была в том, что в боксах первой роты застоялся танк. Он был почти готов, не хватало только маленькой детали – двигателя. Двигатель ожидали через два дня аж со складов округа, из Риги, ибо поближе не нашлось. Установка двигателя занимает три дня. Двигатель ждали уже два месяца и, наконец, два дня назад получили уведомление, что он прибудет в такой-то конкретный день. Но за два дня до прибытия двигателя на батальон упал этот полковник и теперь клевал комбатовскую печень, как орёл Прометееву, за то, что танк простоял уже лишних два месяца. Никакие ссылки на нехватку запчастей и даже сование полковнику под нос уведомления из округа не помогали. Проблему усугубляло то, что другой танк был совершенно готов и только ждал возвращения танкового трейлера с полигона для отправки в полк. Полковник не мог поверить, что для одного танка двигатель нашёлся, а для другого – нет.

– Два месяца! – бесновался товарищ полковник, наскакивая поочерёдно на офицеров, – два месяца не могут сделать танк! Подрыв

боевой готовности! Товарищ подполковник, вы соскучились по майорским погонам? Замполит, а вы куда смотрите? Где ваша работа? Так-то вас касается перестройка и ускорение? Всей страны касается, а ремонтного батальона не касается?!

Лицо замполита приобрело землистый оттенок, и он начал массировать себе левую сторону кителя. Полковник удовлетворённо замолчал, тяжело дыша. Зампотех батальона майор Тросик набрался смелости и попытался ещё раз объяснить:

– Товарищ полковник, двигатель прибывает послезавтра. Три дня работы, через пять дней танк будет готов…

– Вы кто, зампотех? Товарищ майор, даю вам два часа, чтобы танк был готов.

– Товарищ полковник, даже если бы двигатель прибыл прямо сейчас, меньше, чем за три дня его не установить…

– Так, – сказал успокоившийся полковник, – из рембата я уеду только после того, как увижу танк, бортовой номер 574, своим ходом выезжающий из боксов. Если это происходит не сегодня… Ох, не советую. Чей там кабинет на втором этаже? Начальник штаба? Очень хорошо. Из вашего окна прекрасно видны боксы. Я поселяюсь в вашем кабинете и не спускаю глаз с ворот боксов. Буду ждать танк.

И понеслось. Комбат вызвал командира первой роты, прекрасно зная все оправдания несчастного старлея, и от души вставил тому фитиль. Совершенно очумевший старший лейтенант поделился впечатлениями со взводным лейтенантом Дергуновым и двумя сержантами, старшим механиком Сашей и электриком Лёшей, работавшими на 574-ом танке. После чего ротный заперся в своей канцелярии и погрузился в размышления, сможет ли жена найти работу в каком-нибудь Уссурийском крае и будет ли там садик для дочки. Лейтенант Дергунов тоскливо поглядел на своих сержантов:

– Ну, воины, есть ли предложения?

Ремонтники задумались. Один танк на ходу. Но переставить движки не получится: даже если двигатель снять с работающего танка, меньше, чем за три дня, его не установить… Может, показать полковнику другой, работающий, танк? А что, мысль… Как его замаскировать? Номера перекрасить… Есть белая краска для номеров, но нет защитной краски старые номера закрасить… А если брезентом завесить, а на брезенте номера нарисовать? Из окна НШ через плац

много не разглядеть, да и погода такая, снег сыпет потихоньку… Лёша сбегал в спецвзвод и привёл сварщика с агрегатом. Сварщику вручили четыре гвоздя, которые он и приварил к одной стороне башни.

Саша в это время подкрался к пожарному щиту и сдёрнул оттуда пожарную кошму – здоровый кусок брезента. На площадке перед боксами, прямо перед окнами кабинета НШ, кипела бурная активность. Бойцы сновали взад-вперёд с жутко озабоченными лицами. Кто-то катил танковый каток. Кто-то с грохотом протащил длинную железную лестницу, для ремонта танка совершенно не нужную. В общем, была напряжённая суета, имитирующая бурную деятельность. Тем временем Лёша с Сашей изготовили трафарет для номера, натянули кошму на танковую башню починенного танка, закрепили брезент на приваренных гвоздях и набили номер белой краской. Изнутри бокса перед дверью поставили огромную лохань с отработанным маслом. В случае, если полковнику пришло бы в голову явиться в бокс и проверить танк после пробега, рядовой Мамаев должен был случайно опрокинуть корыто под ноги полковнику и преградить тому путь. Командир роты стоял неподалёку с тряпкой в руках, готовый громко ругать Мамаева и вытирать запачканного полковника.

Через два часа после учинённого разгрома полковник услышал снаружи танковый рык. Он выглянул в окно и радостно обернулся к начальнику штаба:

– Ну что, можете, если вас хорошенько встряхнуть?

Майор подошёл к окну и протёр глаза. Из боксов первой роты выезжал танк, бортовой номер 574… Из люка механика торчала голова лейтенанта Дергунова. С видом важным и озабоченным лейтенант проехал метров двадцать, после чего дал задний ход и скрылся в боксах. Майор знал, что починить танк за это время невозможно, значит, налицо какая-то каверза. Если раскроется, ему крышка. Полковник же, сияя, как начищенный самовар, велел вызвать рембригаду. В кабинет вошли лейтенант и сержанты.

– Ну, орлы, сделали все-таки? Лейтенант, где двигатель нашли?

Начальник штаба, стоя за спиной полковника, делал страшные рожи и показывал кулак. Лейтенант нервно сглотнул слюну и хрипло сказал:

– Дык это… Нигде не нашли…

Саша посмотрел на лейтенанта и решился:

– Разрешите, товарищ полковник? Мы двигатель не меняли, мы старый починили.

– Молодцы! Что вы там с ним сделали?

– Отцентровали триангулярный вал и откалибровали ТБД.[7]

Полковник внимательно посмотрел на руки обоих сержантов. Помимо ожидаемого масла и прочей механической грязи их руки были запачканы белой краской.

– А краска на руках откуда?

Начальник штаба давно понял, в чём дело. Он опять показал кулак из-за полковничьей спины, на этот раз сержанту. Саша внимательно посмотрел на майорский кулак и ответил:

– Так ведь это… Мы, товарищ полковник, прокладки для герметичности на масляную краску сажаем (что действительно широко практиковалось).

– Молодцы! Товарищ майор, подготовьте мне список рембригады.

И полковник убыл восвояси, не заходя в боксы. Пронумерованную кошму сняли с танка и вернули на пожарный щит. Через два дня двигатель прибыл, ещё через три дня этот чёртов 574-й танк был отправлен в полк. Сейчас уже не вспомнить, как были поощрены лейтенант Дергунов и электрик Лёша. А старший механик Саша неожиданно для себя получил почётную грамоту за подписью зама командующего армией. Так себе грамота: Сашино отчество было переврано, текст грамоты был обтекаемо-стандартным. Сразу после этого Саше вручили ещё одну грамоту, от имени командования батальона. Там формулировка была более откровенная: «За находчивость и смекалку, проявленные при ремонте бронетанковой техники…»

Сергей К вам летит лом

Оговорюсь сразу: непосредственным свидетелем этой истории я не был, хотя мне довелось служить со всеми её участниками. Произошла же она за полтора года до моего появления в части и была поведана мне двумя офицерами нашего отдела. Впрочем, эта история была такой нашумевшей, что превратилась в любимую байку подразделения. И хотя детали могли быть приукрашены, у меня нет ни малейших сомнений в том, что случай имел место.

Итак, место и время действия – одна из частей ПРО и ПКО[8] Московского округа ПВО, 1980 год.

Действующие лица:

Капитан Л. Начальник расчёта механиков (позывной «Четвёртый»). Служит в боевом расчёте под началом своего бывшего однокурсника – оперативного дежурного майора Б. Умный, обладающий незаурядным чувством юмора и разбирающийся в оборудовании как Бог. Но залётчик. Хотя в нашей части говорили не «залететь», а «созреть». «Созревал» Л. постоянно. То на выговор, то ещё на что. Хотя обычное дело: хорошего специалиста лучше не повышать. Кто технику крутить будет?

Майор Б. Оперативный дежурный подразделения (позывной «Первый»). В прошлом однокурсник капитана Л. Говорят, что в Житомирском училище они на соседних койках базировались. Что не мешает ему теперь однокашника изводить. Недалёкий, лишённый чувства юмора и катастрофически не разбирающийся в матчасти. Таких, как правило, старались держать на командных должностях и не пускать ни под каким видом на Объект. Однако для Б. сделали исключение: служил он старательно, а подполковничьей должности в части не было. Вот его и назначили оперативным дежурным подразделения. До академии. А чтобы он в пылу служебного рвения по ходу дела Объект не взорвал, ему дали очень толкового инженера – капитана Н.

Капитан Н. Дежурный инженер командно-технического пункта. Короче, мозг. Сидит рядом с Оперативным за пультом и реально принимает все решения. Но вот беда: положен ему перерыв на приём

пищи. Попал в историю именно благодаря своему отсутствию на КТП в момент, когда она произошла.

Некоторые несекретные сведения о матчасти, без которых история не будет понятна. Выходные каскады Объекта реализованы на ЛБВ – лампах бегущей волны. Это здоровая хреновина высотой метра 2 и теплоприток – сами понимаете… Вот поэтому её и охлаждают непрерывно циркулирующей дистиллированной водой. А дистиллят в свою очередь – артезианской водой, которую неустанно качают артскважины, разбросанные вокруг Объекта. Обеспечение этого круговорота воды как раз и является боевой задачей капитана Л. Итак, история первая:

О нефтедобыче в Подмосковье

Ночная смена. Капитан Л. сидит в диспетчерской и читает детектив. Перед ним термос с кофе, в руке бутерброд. Майор Б. только что отпустил на обед свой мозг, и, будучи не в силах проконтролировать работу матчасти, решает проконтролировать то, в чем он понимает лучше других – бдительное несение службы. Он берет в микрофон ГГС…[9]

Майор Б: Первый четвёртому.

Капитан Л.: Четвёртый слушаю.

Майор Б.: Четвёртый, где своевременный доклад параметров? Уже второй час, как от вас ничего не слышно.

(Майор Б., появившись на Объекте, ввёл доклад параметров раз в час вместо положенного по РБР[10] раз в два).

Капитан Л.: Серёжа, слушай, отстань, тут такое происходит, не до параметров сейчас!

Майор Б.: "Не «Серёжа», а «Первый». Что происходит?

Капитан Л.: Первый, да пока сами, блин, разобраться не можем, что происходит! Разберёмся – доложу».

Майор Б.: Четвёртый, что значит «разберёмся»? Если нештатная ситуация, вы первым делом доложить обязаны! Что у вас там?

Капитан Л.: "Да понимаешь… Третья артскважина **нефть качает**!

(Личный состав расчёта, слушающий ГГС, падает на пол от хохота).

Майор Б. (озадачено): Какая нефть?!

Капитан Л.: Какая-какая… Чёрная, бля! Тут, видать, месторождение рядом!

Майор Б.: Четвёртый, какого (пауза) не доложили сразу? Сейчас разберёмся, будьте на связи! (Приступы гомерического хохота продолжают выкашивать ряды расчёта. Впрочем, никто не беспокоится: капитан Н ведь на месте, он сейчас все объяснит. Увы…).

Проходит час. ГГС опять просыпается:

Четвёртый! Мы с тобой на партсобрании договорим!

Что произошло, пока ГГС молчала? Майор Б. первым делом… Правильно! Доложил. Оперативному дежурному Центра. Тот – оперативному части. Тот – на КТП корпуса. И вот там, и вот только там нашёлся-таки человек со здравым смыслом, который задал простой вопрос: «Вы чего там, охренели что ли? Геологи, бля! Какая нефть в Подмосковье? Вы сначала разберитесь там, прежде чем … пороть, может, у вас выброс масла в градирню? Майор Б. не мог разобраться самостоятельно – инженера КТП нет, и пульт бросить не на кого. А когда капитан Н. прибыл и услышал о произошедшем, то, говорят, он расслаблено стек на стул и, уронив голову на пульт, обхватил её руками…

Тут бы и сказать «Занавес!», но… На партсобрании капитану Л. и правда прописали. Впрочем, не сильно – те, кто знал суть дела, старались хотя бы не заржать. По служебной части бучу не поднимали, начальство не хотело выносить на всеобщее обозрение технический кретинизм майора Б. Но Л. все равно обиделся на своего однокашника. И месть его была столь же страшна, сколь и остроумна.

Итак, история вторая.

К вам летит лом!

Ночная смена. Капитан Л. обходит оборудование и проверяет несение службы бойцами расчёта. Но не только своего. Он сидит в диспетчерской вместе с начальником расчёта энергетиков (позывной «Третий»). И поскольку раз в час ходить лень, то они действуют совместно. Раз в 2 часа один из них обходит и свои владения, и

оборудование своего коллеги, наводя ужас на засыпающих бойцов. Затем это же делает другой.

Майор Б. остался без мозга: капитан Н. убыл в столовую и «четвёртому» это известно. Внезапно открыв ЩПТ (щитовую постоянных токов), капитан Л. натыкается на бойца, выдавливающего из фольги буквы «ПВО» для дембельского альбома. Это криминал – не положено на боевом дежурстве фигнёй заниматься. Но это не расстрельный криминал – боец все-таки бдит и пасёт оборудование.

Капитан Л.: Ага! Артель художественных промыслов имени гарнизонной гауптвахты?

Ефрейтор Х.: Ну товарищ капитан! Ну… Ну я не сплю же! И параметры снимаю, вот журнал заполнял.

Капитан Л. (с издёвкой): Дембельский? Впрочем… Есть шанс искупить кровью!

Ефрейтор Х.: ???

Капитан Л.: Беги в ремуголок, тащи молоток. Тот, что на длинной ручке.

Ефрейтор Х. (радостно): Разрешите выполнять?

Капитан Л.: Не вижу пыли за вами!

Боец мгновенно исчезает и через две минуты материализуется вновь с молотком.

Капитан Л: Видишь короб воздуховода? Тот, что над релейным шкафом? Вот лезь на шкаф и молотком по воздуховоду хреначь. Раз в 3 секунды примерно. Пока не дам отбой. А я в диспетчерской слушать буду и знать, что ты при деле.

Ефрейтор, недоумевая, лезет на шкаф и, размахнувшись, наносит первый удар по коробу. Короб гудит.

Капитан Л: Ага! Вот так примерно. Не разнеси только сдуру. И уходит.

Короткая справка. Объект – он без окон, понятно. Потому как должен выдерживать попадание N-килотонной супостатской БЧ[11] на расстоянии М. И воздухоснабжение помещений по коробам осуществляется. По тем самым. А тот 5-й воздуховод, на котором ефрейтор сейчас симфонию исполняет – он аккурат на КТП ведёт. Включается ГГС.

Майор Б.: Первый четвёртому. Четвёртый! Слышу удары в воздуховоде. Что там у вас?

Капитан Л: Первый, да ничего особенного. Лом в воздуховод засосало. (личный состав расчёта, слышащий ГГС, подсаживается поближе в предвкушении…)

Майор Б. (после паузы, явно тупит): Как это – лом?

Капитан Л: Да так. Бойцы полезли решётку воздухозаборника поправлять, ну и лом упустили. (Личный состав, слышащий ГГС, падает как подкошенный).

Короткая справка: сосёт в заборнике и правда сильно – бойцы, постирав форму, её на входную решётку бросают. 15 минут – все сухое. Но никакого лома засосать туда, ясен пень, не может, и нужно быть полным дебилом, чтобы в это поверить.

Майор Б.: А где он сейчас?

Капитан Л: Кто?

Майор Б.: Кто-кто, дед Пихто! Лом где? Вы что там, с бодуна что ли?

Капитан Л: Да откуда ж я знаю, где он сейчас – слышишь ведь – по воздуховоду гнездует! У нас удары тише уже, видать, он в сторону технологов намылился. Нужно воздуховоды прослушивать, чтобы его отследить. (Расчёт уже не может хохотать, он всхлипывает и задыхается).

И тут… И тут майор Б. делает то, что вся часть будет вспоминать годы! Он берет микрофон экстренной ГГС («Глас небес» – по нему объявляют только «Ракетное нападение условно» во время учений) и объявляет:

«Внимание по станции! Всем закрыть задвижки вентиляции. **По воздуховоду идёт лом!**Повторяю: всем закрыть…»

Если бы в этот момент и правда объявили Ракетное нападение, то никто бы не тронулся с места. Никто бы просто не смог. Это был уже не смех, налицо были признаки удушья. Когда вернулся с обеда Н., то обо всем произошедшем ему поведали ещё у лифта. И он сидел, давясь от хохота, не в силах подняться на КТП.

Майор Б. на этот раз не стал докладывать. Это уже было бы самоубийство, некомпетентности все-таки должен быть какой-то предел. А капитана Л. он стал бояться и перестал изводить расчёт. Вот теперь занавес!

Processor Капитан Голубенко

Тормозная площадка товарного вагона, последнего в составе, который везёт меня из Хабаровска куда-то в Казахстан, значительно романтичней любого места в моей родной в/ч 28161, где я служу уже третий год. Едем мы на битву с высоким урожаем. С Дальнего Востока в Казахстан отправляются транспортные батальоны, сколоченные по принципу «с миру по нитке» – от каждой воинской части по нескольку автомобилей. В середине состава несколько теплушек: три для нас, одна для штаба батальона, одна для кухни. Между штабным вагоном, локомотивом и последней площадкой протягивается связь, но у наших связистов не хватило провода, и связь до последней площадки не дотянули. В конце состава два вагона с запчастями. Моя машина, ЗиЛ-157, стоит на третьей платформе от конца состава.

Перед отправкой капитан Голубенко, наш комвзвода, распределял обязанности на всю дорогу. Нашему пятому взводу, кроме прочего, выпадало круглосуточно нести дежурство на последней площадке эшелона. Я дал кулаком в бока двум корешам из нашей части, и мы вызвались бессменно нести там дежурство до самого Казахстана. Капитан удивился, но не возражал.

Капитан Голубенко удивлялся редко. У меня за полтора месяца нашего с ним знакомства, предшествующих отправке на целину, сложилось о нем мнение, как о человеке, который знает, что ещё будет, и что уже было. Наш взвод, собранный по крохам из разных воинских частей Хабаровска, в ожидании отправки разместили на пустыре. Капитан прибыл из Советской Гавани, и мы, находясь в Хабаровске, были приданы батальону, который формировался там. Мы поставили палатки, в два ряда составили машины, прямо перед нами были ворота армейских авторемонтных мастерских. Голубенко устроился жить там, а мы и рады были. И вот тут начались необъяснимые странности. Нельзя сказать, чтобы капитан нам надоедал. Заходил, посматривал, чего-то советовал. И всегда в руках у него был прутик с какого-нибудь кустика. Он никогда нас не ставил в строй; если ему надо было что-то всем сообщить, он просто говорил: «Ребятки, подойдите», и мы просто подходили толпой. «Ребята, если кому-то надо куда, подойдите,

скажите, до которого часа». И после того, как кто-то опоздал, собрал нас и сказал: «Ты сам назначил время, когда вернёшься. Ты сказал, до часу ночи. Так вот, до часу ночи я знаю где ты, в час ноль одна я не знаю, где ты. Умей планировать своё время, а главное, умей держать своё слово, разбейся, сделай возможное и невозможное, но сдержи. А теперь загибайся». И врезал пару раз прутом по заднице провинившемуся.

Он не требовал доклада по возвращении. Ребята отпрашивались до четырёх, до пяти утра, он всегда отпускал и всегда знал, кто когда возвращался. За полтора месяца, которые мы провели на этом курорте, к нам ни разу не заглядывали всевозможные проверяющие, которые роились на противоположной стороне пустыря, где ожидали отправки другие батальоны. Их там строят по сто раз на дню, гоняют, а мы загораем, книги в библиотеке мастерских берём, читаем, а вечерами по очереди отправляемся на проверку местного населения, лучшей его части, на предмет выяснения отношения к военнослужащим срочной службы. И однажды кого-то из наших загребла комендатура. Не рассчитал дозу, поздно заметил патруль, бегал плохо… Так вот, капитан плюнул, сел в машину и через полчаса привёз донжуана на пустырь. Собрал нас и сказал, чтобы мы сами принимали решение, что с ним делать. Мы решили оставить, капитан врезал ему двадцать розог своим прутиком, и на том все и кончилось. Капитан отмазал у Хабаровской комендатуры! За полчаса! Это уже не странность. Капитан, по нашим понятиям, сотворил чудо. Да за таким капитаном…

И вот мы расположились на этой площадке. Отобрали у поварят чайник, набрали воды и вечером пустились в путь. У меня с собой фотоаппарат, в машине полбардачка плёнок, вокруг Клуб Кинопутешествий. Биробиджан, Благовещенск, Свободный, Шилка и Нерчинск. А между ними тайга, сопки, реки, чистые, с песчаными берегами и галечными перекатами. Воздух голубой. Обзор 270 градусов, не то что из вонючей теплушки. Романтика, однако! Днём мы на площадке все втроём сидим, путешествуем.

Посреди этой романтики остановился наш эшелон на какой-то забайкальской станции. Товарный поезд – не трамвай, на минуту не останавливается. Спрыгнули мы с площадки размяться. Смотрим, рядом, на соседнем пути, в вагон товарный дверь приоткрыта. Заглянули, а там полный вагон деревянных бочек, только в середине

немного места, и сидит там грузин, а перед ним одна бочка на боку и краник в ней. Спросили у него, что все это значит? Вино, говорит, везу колхозное на Дальний Восток. Ну, мы отошли, по карманам пошарили, воду из чайника выплеснули и к грузину:

– Продай нам вина, а?

– Слушай, зачем продай, я тебе, солдату, так налью.

И не взял денег, а вина налил в солдатский чайник с кавказской щедростью. Сгонял я в какой-то ларёк, что виднелся невдалеке. А там, кроме вафель, ничего съедобного. Взял три пачки. И выпили мы это вино, вафлями зажёвывая. И такое вино вкусное оказалось, что пошли мы к грузину ещё раз.

– Слушай, дорогой, ты нас вином угостил, спасибо, но теперь продай нам, очень понравилось.

И набрал нам ещё вина виночерпий, еле уговорили деньги взять. Только подошли к площадке, а тут дежурный по эшелону идёт. Я хватаю чайник и к крану, метрах в пятидесяти торчит. Чайник поставил, гимнастёрку снял, обливаюсь до пояса и на ребят поглядываю. Ну не выливать же! Вода холоднючая, зараза, у меня уже на шее иней выступил. Наконец, дежурный отчалил.

– Чего он так долго торчал, – спрашиваю. – Воды хотел попить, видит, ты за водой пошёл…

Мы на радостях и второй чайник по-быстрому приговорили, набрали в него воды ледяной, а тут и тепловоз зацепили, и помчались мы дальше. Вокруг красота, объективом её ловлю и затвором щелкаю. Но второй чайник повёл себя предательски. Плёнка быстро кончилась, я открыл фотоаппарат, убедился визуально, что плёнка вся вышла, понял, что засветил плёнку, понял, что хорошее вино сыграло со мной плохую шутку, закрыл фотоаппарат и загрустил. Запасные плёнки в бардачке; вроде и рядом, но в таком состоянии перелезть через вагоны по крышам нечего и думать.

Но тут, к моей радости, поезд все тише и тише, и вот уже совсем ползёт. Дорога там извилистая, вокруг тайга, далеко вперёд не просматривается. Но удалось увидеть, что тепловоз входит на перегон на жёлтый. Значит, следующий может быть красным, вот он и тянет потихоньку. Сунул я ребятам фотоаппарат и сиганул с площадки за плёнкой.

Если бы я сиганул влево, на междупутье, все бы обошлось. Но чайник продолжал делать своё чёрное дело, и я сиганул по привычке вправо. А по откосу бежать оказалось тяжеловато. Вино в животе плескалось, обломки вафель плавали в вине, как весенние льдины, и все это мешало переставлять ноги. Обогнал полтора вагона, оставалось полвагона, и вот они, платформы. Но тут машинист увидел следующий светофор. Зелёный. Почувствовал это по тому, что теперь просто бежал рядом с серединой вагона и не мог продвинуться вперёд на миллиметр. Да ещё и дорога под уклон. Пора возвращаться на площадку, фальстарт! Немного сбавил темп, поглядывая назад, поджидая площадку, и в последний момент споткнулся о какую-то булыгу. Не упал, но потерял полсекунды. Площадка пронеслась мимо! Я выскочил на шпалы между рельсами и припустил за своим поездом. Вы когда-нибудь пробовали бегать что есть сил по шпалам? А сообразить на ходу после кавказского вина, что по междупутью бежать легче? После полчайника чудесного вина с вафлей? Интересно, кто установил, что именно такое расстояние должно быть между шпалами? Какого он был роста?

Пацаны пребывали в мечтательном настроении. Они как-то отрешённо, мне даже показалось, равнодушно смотрели, как в пяти метрах от них за поездом, соревнуясь с двумя секциями тепловоза ТЭ-3 и пытаясь попадать точно на шпалы, мчится их товарищ. Я не мог им орать, и так дыхание на пределе. Но до них вдруг дошло, что тут не просто развлекаются или готовятся к Олимпиаде. Вскочили, засуетились. А до площадки уже метров десять. Показываю им вниз, на магистральный кран, показываю жестами, чтобы его открыли. Перегибаются, смотрят на сцепку, потом на меня, потом опять на сцепку. Не понимают. Покрутили ручку тормоза… Ага, её можно крутить до вечера! Тут у меня дыхалка совсем закончилась. Показал я им, чтобы пилотку бросили. Бросили пилотку, поняли, а сигареты зажилили. И уехали.

Подобрал я пилотку. Ну, сейчас следующий будет, сяду. Но следующий появился минут через десять, и шёл он на зелёный, километров под сотню. И следующий за ним тоже. Во все внезапно потемневшее небо нарисовался портрет капитана Голубенко. Я понял, что надо идти на станцию. Сошёл в тайгу, выломал палку, разделся,

свернул все шмотки в узел, повесил палку с узлом через плечо и пошагал на запад. Было около полудня.

Поезда проносились мимо, рявкая на меня гудками, я поглядывал, чтобы не оказаться между составами, день был солнечный, вполне можно было сойти за туриста с пачки сигарет «Памир». Попутные поезда шли гружёные брёвнами, встречные поезда были точной копией попутных, та же сосна и лиственяк. Страна большая, все при деле…

Часа через два впереди показался большой железнодорожный мост с запреткой[12] и будкой с часовым на противоположном берегу. Сойти с дороги, обойти мост, переплыть реку. Река широкая, течение быстрое, крокодилы в Сибири не водятся, пить охота, вода холодная в кране была, в реке не намного теплей будет, плаваю хорошо, с сапогами на голове не пробовал, до реки по тайге идти, если переплыву, то и после. Комар заест, медведь закусит – взвешивал я за и против. Оделся и попёр на мост.

Часовой на том берегу тупо смотрел на незнакомого солдата, бодро шагающего по тщательно охраняемому объекту. Я поравнялся с ним, спокойно прошёл мимо, и, когда между нами было уже несколько метров, окликнул меня. Я подошёл, он никак не мог прийти в себя, наверное, думал, что он спит на посту и это все ему снится. Документы у меня были в кармане гимнастёрки, я объяснил человеку, что поезд мой остановился на перегоне, я спрыгнул в кусты, поскольку в теплушках нет туалета, а поезд взял, да и ушёл, пока я штаны натягивал. Очень правдивая, жизненная история, но часовой не поверил и вызвал караул. Прибежал караул, проверил у меня документы. Начкар, наверное, раньше выспался, поэтому соображал хорошо и в историю мою поверил почти сразу, только сдвинул пилотку на лоб, да затылок почесал. Тут станция недалеко, километров пять, обрадовал он меня. А закурить у меня нет, не курю я.

И потопал я на станцию, радуясь, что не узбеки сегодня в карауле стояли. Но хоть воды попил из фляжки. На станции сразу к диспетчеру завалился. Объяснил ситуацию. «Вот черт», – говорит он мне. – «А я только что «пассажиру» зелёный дал. Но за ним идёт такой же воинский эшелон, как тот, от которого ты отстал. Я ему два жёлтых повешу, ты как, на ходу сядешь?» – «Конечно, а закурить у тебя есть?» – «Не, не курю я…»

Пошёл я к пятой и шестой рельсе, тут эшелон подоспел. Запрыгнул на него, помахал диспетчеру ручкой и поехал своих догонять. Впереди, платформ пять, усмотрел часового возле машины. Я к нему перебрался, а он тоже не курит. Вот чёрт! Не успели мы с ним парой слов перекинуться, поезд наш вдруг тормозит и останавливается на перегоне. И бегут к нам дежурный по эшелону с дневальными, снимают меня с платформы и ведут в штабную теплушку. Господа офицеры увидели, как я запрыгнул на платформу, позвонили на тепловоз.

И давай мне допрос учинять, кто я и откуда, и кому ручкой махал и почему. Один мои документы в руках держит, а сам спрашивает, сличает. Наверное, замполит. И хочется ему орден получить за поимку шпиона империалистического, пытавшегося выкрасть секретную схему перестановки колёс у автомобиля ГАЗ-51 или, что ещё хуже, срисовать внешний вид карбюратора К21Г. Но я держался, как учили правильные детские книжки держаться советских разведчиков в застенках гестапо, своих не выдавал, и в конце концов замполит понял, что ордена за меня ему не дадут, вздохнув, вернул мне документы и пообещал сдать в Чите в комендатуру. Пусть там разбираются.

Попадать в комендатуру мне вовсе не хотелось. Прощай целина, с позором в часть вернут, а то ещё и дезертирство пришьют. На стене штабного вагона проступил лик капитана Голубенко. Затосковал я слегка. Ну, ничего, до Читы ещё почти сутки, за это время что-нибудь придумается.

Тут вдруг наш состав притормаживает, идёт все тише и тише и совсем останавливается посреди тайги. И на платформы лезет толпа мужиков с косами, да баб с корзинками всякими. Наверное, где-то поблизости сено косили, а машинист местный, с ним заранее договорено, да кто ж знал, что ему воинский эшелон подцепят? Нежданные пассажиры скоренько разместились на платформах под машинами, и поезд тронулся, а дежурный по эшелону принялся крутить ручку телефона, ругать машиниста и требовать немедленной остановки. После обещаний всех мыслимых и немыслимых кар на его голову машинист остановил состав. Дежурный в сопровождении дневальных, оставив одного дневального охранять меня, чтобы я не сбежал, и прихватив ещё несколько человек, бросился ловить нарушителей. Шум, гам, по кустам носятся толпы народа. Один

мужичок сел под пушистую ёлочку, достал термос, налил чаю. Сидит, тормозок жуёт, чаем запивает. Вокруг беготня, ловля диверсантов, а его никто не трогает. Он ведь ни от кого не убегает. Развеселил меня этот мужик.

Тепловоз дал гудок, и поезд медленно пополз. Дежурный с дневальными запрыгнул в вагон, бабы с мужиками опять, высыпав из тайги, влезли на платформы. Мужик под ёлкой допил последний глоток, завернул термос, положил его в котомку и тоже прыгнул на платформу. Дежурный плюнул в тайгу. Машинист двинул вперёд контроллер. Мы помчались дальше.

Солнце уже почти касалось сопок, когда мы наконец остановились на маленькой станции, скорее, полустанке «Жанна». К кухне потянулись гонцы от теплушек с бачками и чайниками. Товарищи офицеры гурьбой пошли туда же. Я подошёл к двери. Поезд стоял в трёх метрах от густого кустарника.

– На минуту, за кустик – сказал дневальному.

– Давай, только быстро.

Спрыгнув с вагона, не спеша зашёл за куст. Сто метров со скаткой, противогазом и карабином на зачёт в части пробегал за 13,8 секунды. Теперь, наверное, поставил мировой рекорд. Но углубляться в тайгу не стал, а свернул в сторону тепловоза, подполз к краю кустарника напротив него и стал смотреть вдоль состава. Голосов слышно не было, но было видно, как из вагонов вдруг посыпался народ. Выждав с полминуты после того, как последний скрылся в тайге, я чуть не ползком шмыгнул за тепловоз и поднялся в кабину к машинистам. Ребята были молодые, быстро въехали в ситуацию и начали по рации долбить «Жанну», чтобы давала отправление. Запросили, где мой эшелон, номер его ещё в Хабаровске я записал. Разрыв шесть часов!

«Жанна» дала, наконец, зелёный, ловцы меня вернулись ни с чем. Ребята, переглянувшись, достали кусок фотоплёнки и ограничили сверху стрелку самописца на 90 км/час. Давненько не было попутного поезда, дорогу впереди никто не держал. Я даже не догадывался, что товарный состав может мчаться, как поезд «Ленинград-Москва», называемый «Красная Стрела»! Я сидел и прикидывал, где я догоню своих. Солнце зашло, было уже совсем темно, когда ребята сказали: «Всё, здесь нам остановка». И остановившись, показали на соседний

состав, рефрижератор. «Этот дальше пойдёт». Я поблагодарил их, слез с тепловоза и только подошёл к тепловозу на соседнем пути, как он тронулся. Уже на ходу ввалился в кабину. Машинисты, на этот раз не молодые, слегка шарахнулись, но тоже быстро поняли, что к чему. Плёнку они, правда, не доставали, ехали спокойно, но мои шансы уже выросли. Мой родной эшелон тоже ведь останавливался на ужин. И его никто не подгонял, как на «Жанне». Да ещё надо учесть остановки для замены тепловозов, я-то пересаживаюсь на ходу. Могу и догнать, к утру хорошо бы… И вот часа в три ночи мы входим на какую-то станцию, и нам дают остановку. Наш состав замедляет ход, а справа, по соседнему пути идёт на выход мой эшелон, и плывёт мимо меня мой ЗИЛ на платформе. Я спрыгнул с тепловоза, но не так, как спрыгиваешь, чтобы остановиться, а не гася скорости, в три шага, почти не касаясь ногами земли перелетел к своему эшелону и запрыгнул на платформу. Всё! Догнал!

Перелез на свою платформу, умылся хорошенько. На целину я ехал во второй раз и к кузову у меня был приколочен умывальник и сорокалитровая фляга с водой. В бардачке 10 пачек сигарет! Перекурил и лёг поспать. Только бы ребята, которые сидели на площадке, не проболтались. Спрыгнул, мол, а дальше не видели, и баста! И с тем заснул под стук колёс.

Проснулся от тишины. Рассветает. Большая станция, сразу слышно. Сижу тихонько, жду. Так и есть: дежурный с дневальным идут, посты проверяют. Подпустил их поближе, Вылез на подножку, потягиваюсь. Дежурный стал, смотрит на меня, как на привидение.

– Ты кто?

– Докладываю.

– Так ты ж отстал!

– Кто, я? Как отстал? Вот он я! В машине спал! А где это мы? Что за станция?

– Чита. Пошли в штабной вагон!

Пришли. Рассказываю, как было дело:

– Поезд тихо шёл, я за плёнкой спрыгнул, в машину залез, плёнку взял, а поезд уже быстро идёт, ну я посидел, посидел и заснул… Вы в машине смотрели? (Надо перехватывать инициативу)!

– Нет, чего в ней смотреть, когда видели, что ты бежал за поездом?

– Кто видел?

– Ну там солдатик на посту в середине эшелона на повороте видел, как ты бежал.

– Он что, меня знает?

– Нет, но видел, как кто-то бежал…

– А ребята, которые со мной ехали, видели, что я отстал?

– Нет, они сказали, что ты спрыгнул, и больше они тебя не видели…

– Ну, не знаю, кто отстал, а я вот он! В машине надо было посмотреть!

Во время этой беседы капитан Голубенко молчал и улыбался. Тут появляется военный комендант. Как, мол, фамилия вашего бойца отставшего? Шаталов? Шагалов? А то одного там в другом эшелоне задержали…

– Да нет у нас отставших, снимайте розыск, мы ошиблись, поверку провели, все налицо – довольны отцы-командиры! Было ЧП – и нету!

– Ну, пошли домой, – сказал Голубенко. А по пути в наш вагон остановился.

– Что догнал, молодец, а за то, что отстал, чтобы завтра постригся наголо.

Не проведёшь капитана Голубенко, и не пытайся!

А.Шлаг Ромео и Джульетты

Раннее майское утро. Капитан Иванов (фамилия подлинная) сидит в канцелярии. Капитан задумчив и сосредоточен. Русский вопрос: «Что делать?» стоит перед ним в образе двух тёлок из соседней деревни Камышинка. Сегодня ночью на боевой позиции зенитно-ракетного дивизиона он обнаружил две бутылки водки, закусь, сигареты и означенных выше тёлок в возрасте героини Шекспира, притаранивших всё это в нагрузку к себе. Ефрейтор Монтекки не явился, предупреждённый шпионами о ночном дозоре капитана.

Пьянка на позиции – это ЧП, но она с лихвой возмещается губой. Гонорея излечивается лошадиными дозами антибиотиков – уже проверено, но сигареты… Как горят дивизионы, Иванов, к сожалению, знает, и это повергает его в задумчивость. Пока проведены только самые неотложные мероприятия: дежурный офицер (ваш покорнейший слуга) получил люлей, девки, проведя ночь под замком, вымыли пол в канцелярии и теперь стоят, сисястые, нагло показывая капитану, что им всё нипочём. Да, у Шекспира, хоть и закончилась самоволка трагедией, но, по крайней мере, дивизион не сгорел. Как бы сделать так, чтобы они сюда вообще не ходили?

Наипростейший вариант – выпороть – отпадает сразу. Если дойдёт до политотдела, обвинят или в крепостничестве или, не приведи господь, в извращении. К родителям отвезти – не получится. Всю ночь в деревне гуляли; кстати, водку и закусь девки, скорее всего, со столов спёрли, теперь там спят, а после будут похмеляться. Можно привлечь к воспитанию школу, но тут есть нюанс. Не далее как года 2 назад тот же Иванов в чине старлея и неженатый, бывало, грузил на свой мотоцикл штук по 5 учительниц и вёз к офицерам отдыхать. Так что разговор с женским педагогическим коллективом на тему недостатков в половом воспитании подрастающего поколения ещё неизвестно как кончится. Куда ни кинь, всюду клин. Наконец, Иванов принимает решение, надевает фуражку, выталкивает на улицу девок и выходит из казармы на развод.

Отмахнувшись от доклада дежурного и выслушав рёв, обозначающий приветствие, Иванов сразу переходит к делу.

«Дизеля!» Сержант Скворцов поднимает левую ногу, выбрасывает её вперёд, топает ею о землю, поднимает правую ногу и ставит её рядом с левой ногой. Интересно, не к нему ли были бабы? Иванов, между тем, продолжает:

– Масло менял?

– Менял.

– Неси ведро отработки.

Отработка – это то, что получается из масла – мерзкая, липкая чёрная грязь. Скворцов пожимает плечами и дембельской иноходью направляется к хранилищу ГСМ. «Бегом!» толкает его окриком в спину Иванов, Скворец переходит на рысь и скрывается за углом.

– Каптёрка!

– Я! – и ефрейтор Шарипов шагом официанта выходит из строя.

– Тащи сюда старую подушку!

Не менее удивлённый, чем Скворец, Шарипов исчезает в казарме. Пока они ходят, Иванов вглядывается в строй. Если долго вглядываться в строй, строй не будет вглядываться в тебя. Он будет глазеть на титьки и коленки сзади тебя стоящих шмар. А они, ободрённые взглядами, верят, что любовь вечна, непобедима и за любовь можно выпить яду, ну или водки.

Ведро отработки и подушка появляются одновременно. Иванов переходит на голос, каким командуют на парадах – ясный, громкий, без выражения и лишних пауз.

– Сейчас мы разденем их догола, вымажем в отработке, вываляем в перьях и в таком виде отвезём в Камышинку. Шарипов, распарывай подушку!

Устав не дозволяет солдату эмоции. Он не может выразить свой восторг, хлопая в ладоши, свистя и крича: «Вау!». Но есть единственное исключение. Дивизион отрыл рот сначала от удивления, через несколько секунд оно перешло в радость, а потом в восторг от предвкушения цирка. И грянуло: «Ура!». Сначала не очень стройное, потом всё громче и слаженнее, и наконец, во всю глотку орали все: «суслы», «черпаки», «деды» и даже дембеля, к которым, собственно, девушки и пришли на рандеву.

– Отставить! – крикнул Иванов, чуткое ухо которого уловило звук сирены. Пасти захлопнулись, наступила тишина. И все услышали, что сирены нет, а обе Джульетты воют в голос. Плакали они от ужаса

предстоящей экзекуции, но ещё больше оттого, что те, ради которых они пёрлись ночью две версты по тёмной просёлочной дороге, оказались грубыми невоспитанными похотливыми мужланами, готовыми потешаться над страданиями беззащитной девушки.

– Отставить отработку и подушку! – устало сказал Иванов, видя, что эффект достигнут. – Старшина, бери 69-ю и отвези их в Камышинку с глаз долой.

Он знал, кому что поручать, ибо из всех земных наслаждений прапорщик кличкой Боб давно выбрал водку, и ему можно было доверить хоть гарем султана.

И ещё год, пока не ушли на дембель «деды», пока «суслы» не стали «черпаками», а «черпаки» – «дедами», женское население Камышинки, способное к совокуплению, обходило дивизион стороной, а на все уговоры отвечало категорическим отказом.

А потом всё пошло по-прежнему.

Oldman Цель уничтожить!

Продолжая армейскую тему…

Это не преамбула, а необходимый ликбез для непрофессионалов. Славные войска Противовоздушной обороны страны, ныне благополучно угробленные, состояли из трёх видов. Истребительная авиация мочила летательные аппараты потенциального противника на дальних подступах, Зенитно-ракетные войска всей своей мощью рубили супостата в непосредственной близости от прикрываемого объекта, а Радиотехнические войска (РТВ) осуществляли радиолокационную разведку воздушного пространства. Ну и вооружение у них было соответствующее. Лётчики летают на истребителях, ракетчики стреляют из ЗРК, у командира радиотехнического батальона есть пистолет. Ну так, на всякий случай.

Командиром дивизии был молодой талантливый лётчик, очень гордившийся своей героической профессией. А начальником РТВ – уже предпенсионный, очень спокойный и уверенный в себе полковник Турский, настоящий профи. Ну, невзлюбил первый второго! Всякое бывает. Я такой молодой, дико растущий, скоро генералом буду, а тут этот пенёк старый все время под ногами путается, перед глазами маячит, на пенсию его. Ну и чуть что – кто виноват? Турский! Турский туда, Турский сюда, Турский – какого черта? Практически беспрерывно, по поводу и без повода.

И вот, боевая работа на командном пункте. Отражаем воздушный налёт учебного противника. Все крутятся, как белки в колесе, аж пар идёт. Комдив орёт на все службы сразу, ну и между делом не забывает Турскому на нервы капать. Кульминация! И комдив уже в полной запарке ставит всем задачи на уничтожение супостатов. Авиация туда, ЗРВ – сюда, а на подкорке, в подсознании ещё этот Турский, как гвоздь ржавый! И он уже в состоянии крайней заведённости орёт по громкой связи:

– Турский!

Начальник РТВ: Отвечаю.

Комдив: Цель 2514 – уничтожить!

В этот момент даже дикторы замолчали. Весь КП затаился, как перед ядерным ударом, и ждёт развязки ситуации (см. выше о вооружении радиотехнических войск. Чем её уничтожать?).

Честь и хвала старым профессионалам!

Турскому хватило 10 секунд для формирования достойного ответа, и по ГГС раздался его спокойный, уверенный голос: «Товарищ командир, радиолокационная станция к взлёту готова!»

Пронин Эй, полковник!

Традиции в армии – вещь абсолютно уникальная. Пожалуй, лишь какая-нибудь уж очень древняя религия может похвастаться прочностью, устойчивостью связей, отношений между событиями и явлениями, неизменностью их эмоциональной оценки, моторных и вербальных реакций на происходящее.

Похоже, что в этом смысле Российская армия – самая сильная. Попытки её морального разложения в виде внедрения всякой там заморской политкорректности и культурной чуткости бесплодны и, видимо, обречены.

«Эй ты, полковник…» – собственно, в этом и заключается quasi una fantasia (О. И. Бендер) армейских традиций. И, пусть полковники не обижаются, это хорошо.

В середине семидесятых группа творческой интеллигенции (умели рисовать красным и синим карандашом на картах и писать каллиграфически), была направлена из своей в/ч в Москву в Минобороны для воплощения масштабных во всех отношениях замыслов военного командования страны.

Шла подготовка к очередным грандиозным учениям то ли по отработке наших посягательств, то ли по защите от посягательств на нас. К учениям надо было разрисовать немыслимое количество карт, схем, таблиц и прочей наглядной агитации.

Как там все было, предмет отдельной истории. Скажу только: приятно бывает морозным осенним (зимним) утром после ночного ползания по расстеленным на полу картам пройтись от Фрунзенской набережной до метро с поднятой в воинском приветствии рукой навстречу спешащей в министерство километровой колонне офицеров – от лейтенанта до полковника, а то и генерала.

Работы было много, ночи напролёт. Ошибки и небрежность исключались: кто пробовал удалить следы от японского фломастера с карты, тот понимает. Соответственно, все мы постоянно находились в радикально мизантропическом состоянии духа. И реагировали на посетителей, особенно заказчиков-проверяющих и просто праздношатающихся, Знающих Как Надо, весьма остро.

Поэтому, когда в полночь-заполночь за спинами стоящих на карачках художников возник некто, бодро пробасивший: «Ну что, бойцы, зае…сь?», реакция была мгновенной и привычной:

– Тебя бы раком поставить мордой вниз, да чтоб всякие под руку бухтели… Пошёл бы ты…

Судя по тому, что в помещении возникла какая-то хриплая пауза, это был не «ночной прапор», обходивший этажи с целью предотвращения бедствий (от пожаров до загулявших в своих кабинетах служивых). Стало интересно, кто это там сзади сипит.

Обернулись. Ё-моё, начальник управления, генерал-полковник Пикалов! Отнюдь не демократ суворовского стиля. Какая нелёгкая его сюда занесла?

Наша компания, вскочившая и попытавшаяся принять положение «смирно», несомненно, произвела на него сильное впечатление. Босые, с трёхдневной щетиной, а кое-кто и с синяком под глазом (когда трёшь слипающиеся глаза испачканными грифельной крошкой руками, синяки получаются очень натуральными). А запах!

Генерал, надо отдать ему должное, в ситуацию въехал.

– Какие проблемы? Что нужно? До срока успеете?

Ну что тут ответишь? Что неделю отсюда не вылезаем, спим на стульях, едим, что бог пошлёт? И наверняка не успеем?

– Успеем, трщ гнрал-плковник!

– Ладно, боец, врать не научился! – рявкнул Пикалов. – Продолжать!

И вышел.

Шрифтовик Гоша по кличке «Граф Калиостро» глубокомысленно изрёк:

– Мы-то, мерзавцы, думали, что эта комиссия нам поможет…[13]

– Скажи спасибо, что обошлось без пилюлей на месте, – ответил ему кто-то из нас.

– Ага, спасибо, разрешили продолжать. Мерсистое боку.

Продолжили, задницы кверху. Только теперь оные должны были нести ещё и дополнительную функцию – чувствовать. А ну как начальник устроит разнос нашему работодателю за «Пошёл бы ты…»

Не прошло и десяти минут, как учувствовали, за спиной опять возникло нечто.

Это был Пикалов со свитой из десятка разнокалиберных товарищей офицеров, тоже не очень свежих и, определённо, не очень понимающих, зачем их сюда притащили. За исключением нашего босса, который был бледен и, соответственно, очень даже понимал, зачем.

Ну, думаем, сейчас дурь начальника каждому видна будет. Образцово-показательная ночная вздрючка личного состава.

– Вот, – пробасил Пикалов, – *Я вам негров привёл* . Карандаши там точить, за чаем бегать.

Немая сцена. Занавес.

Батя Термометр

У меня есть знакомый, который всю службу посвятил войскам РТВ Войск ПВО страны. Кто не знает, что это такое, хотел бы пояснить, что в ротном звене это далеко не мёд в шоколаде: неустроенность, автономность существования (если не сказать, выживания) со всеми вытекающими…

Рассказываю с его слов.

Когда армию в очередной раз захлестнула показушная волна близости к людям и заботы о них, в вышестоящих инстанциях было принято решение проверить на этот предмет все радиотехнические роты объединения, в том числе и мою. По закону подлости, за неделю до приезда комиссии солдат, назначенный в наряд по кочегарке (кочегарка – наверное, сильно сказано, котёл, от которого обогревалась казарма) разморозил систему отопления. Командир батальона после моего доклада об этом сказал, что наверх докладывать не будем, восстановим собственными силами. По временной схеме установили в казарме несколько буржуек и кинулись искать материалы для ремонта. А времена тогда наступили жуткие – водки в продаже завались (Горбачёвский маятник борьбы с алкоголизмом давно качнулся в обратную сторону), никто не хотел спирта – основной движущей силы, все хотели денег, и наши предложения обменять трубы на предлагаемый эквивалент не встречали, как ранее, энтузазизьма и повышенного производственного рвения трудящихся масс…

Насколько можно, все прибрали, покрасили, натёрли, поменяли, ну, в общем, что могли – сделали. По настоянию старшины буржуйки заменили на электрообогреватели, снятые со станций и принесённые из дома офицерами и прапорщиками. Замполит батальона, приехавший утром, приказал и их убрать. Возражения не принимались…

– Не тушуйся, Федорыч… Убить не убьют… Может, и обойдётся, – задумчиво говорил мне старшина роты…

– Не убьют, так потом замордуют.

– Да ладно, бог не выдаст – комиссия не съест; иди, командир, встречай…

Приехавшая комиссия милостиво изволила посетить командный пункт, где посмотрела работу сокращённого и полного боевого расчёта, столовую, где изволила в полном составе «снять» пробу, не отказалась и от… И вот…. Вот я веду её в казарму. Настроение и предчувствие – ну, сам понимаешь….

Заходим… У тумбочки стоит дневальный в гимнастёрке, хотя, когда я уходил встречать приехавших, он был в шинели, старшина – в рубашке. Представляется… Что за хрень? В казарме не более 10-12 в плюсах по Цельсию, а тут… крыша едет, что ли… Приехавшие в течение минут 10 обошли спальное помещение, бытовку, оружейную и ленкомнату, мельком проверили документацию. Один из проверяющих, мельком взглянув на термометр, прошёл дальше и начал читать боевые листки. Без замечаний, конечно, не обошлось. Но разве это недостатки?! *Уехали!!! Не заметили!!!*

Как говорится, нет на свете ничего прекраснее, чем выхлоп машины, увозящей проверяющих. Возвращаюсь в роту, дневальный в шинели. Захожу в канцелярию.

– Командир! Наливай скорее, замёрз, сил нет… – такими словами встретил меня старшина, кутаясь в бушлат.

– Что это было?

– Что-что… Наливай… Пока вы ходили, я у термометра отбил головку, покрасил красной пастой от шариковой ручки кусок лески и вставил его в трубку термометра…

– А если бы засекли?

– Да никто не засек бы… Ты их обедом кормил? Кормил… Наливал? Наливал… По морозу вёл? Вёл. С мороза, после обеда, да ещё и с водкой – кто заметит? Наливай скорее… Замёрз… А если бы засекли, я бы термометр начал снимать и уронил бы «нечаянно»… Наливай!

Александр Транзистор

Конец 80-х прошлого века. Западная Украина. Пехотная учебка.

В учебном корпусе страдает 1-й взвод 2-й роты, разведённый процессом познания воинской премудрости по трём учебным же точкам.

Занятия на одной из точек (в классе) ведёт старший сержант Марфутов, который хоть и рассказывает нам про устройство орудия БМП 2А28, но сам мыслями давно в дембельском поезде.

Внезапно он отрывается от самосозерцания и окидывает взором помещение класса, где большая часть присутствующих мучительно борется со сном. Первое, что попадается ему на глаза, это клюющий носом на первой парте (нашёл место) героический узбек с редкой фамилией Балтабаев, помимо всего прочего награждённый природой торчащими под углом 90 градусов к месту крепления ушами и удивительно круглым лицом (эдакий ночной горшочек. Прелесть).

Марфутов в этот день был на редкость миролюбив, посему он не стал орать: «Рота, подъем», перечислять все нравственные и физические недостатки этого славного представителя узбеков или давать подержать по дружбе Балтабаеву вышеупомянутое орудие, которое весило где-то в районе полутора центнеров. Нет. Он просто решил покритиковать его, причём в лёгкой форме.

– Балтабаев!

– Я!

– Ты почему спишь, морда?

– Я не сплю, товарисча сержаната!

– Но я ж видел! Ты б лучше учился бы! Потом приедешь в родной аул, будет, что рассказать. Ты ж, небось, только в школу и ходил?

– Нет! Я в городе жил. Радио-техни-чес-кий техникум закончил.

У Марфутова лёгкий ступор (неожиданная радость):

– Так ты в радиотехнике разбираешься? (народ начал просыпаться).

– Да. Я хорошо учился.

– И нарисовать можешь схему? (лёгкое сомнение в голосе).

– Могу (очень уверенно, сопровождается кивком головы, выглядит, как Чебурашка во время разговора с Геной).

Марфутов протягивает мел, в глазах недоумение.

– Ну… Нарисуй что-нибудь…

– А что?

– Хм… Ну…. Транзистор нарисуешь?

Народ совсем проснулся и очень заинтересованно взирает на диалог, поскольку знаниями по радиотехнике располагает большинство присутствующих.

– Какой?

(Я судорожно пытаюсь восстановить в памяти сведения о p-n-p и n-p-n транзисторах и о том, как они изображаются).

Марфутов, видимо, располагает знаниями в этой области не более моего:

– Ну…. Нарисуй любой.

– Хорошо! (Ещё один Чебурашкин кивок).

Балтабаев подходит к доске и уверенно рисует прямоугольник (народ замер, все чувствуют свою серость, поскольку прямоугольных транзисторов никто не помнит – знания ограничены стандартными кружочками с тремя линиями и одной стрелкой).

В правом верхнем углу дорисованы две окружности разного диаметра, одна над другой….

В верхней части прямоугольника рисуется ещё один прямоугольник, вид которого напоминает мне что-то до боли знакомое. Окончательное прозрение наступает после вопроса старшего сержанта:

– Балтабаев! Это транзистор?

– Да! Это очень хороший транзистор. «Океан-205» называется.

Рыдающий Марфутов падает на пол, где лежит все его героическое отделение.

Занавес.

Solist Мандраж

«Трах-тибидох-тах-тах!» – сказал Хоттабыч, и его гарем остался доволен.

Это сейчас я знаю, что самая страшная пытка – это утром с тяжёлого похмелья работать со спиртом, а когда-то, в юном возрасте, считал иначе. Перед лицом вышестоящего офицера, имеющего повод устроить мне разнос, я испытывал просто суеверный ужас, с большим трудом загоняемый куда-то вглубь, видимо в яйца. И избавился от этой фобии очень даже не сразу. Те только-только оперившиеся (опогонившиеся) лейтенанты, ещё не оставившие курсантских привычек, отдававшие честь прапорщикам *первыми* , помните вы это время сейчас, будучи майорами?

И вот, внутренний карман оттопыривает пачка документов-удостоверений, и ты, весь такой наглаженный-отутюженный, блестящий всеми предметами амуниции, которые способен начистить до блеска, прибываешь пред светлы очи своего будущего начальника. М-да…

Группа вчерашних курсантов-однокашников мялась перед высо-о-о-кими дверями. За их потемневшими от времени створками лежала их судьба, оставалось лишь потянуть на себя эту гигантскую ручку и, казалось, поток затянет тебя в эту судьбу, как в омут. Пустота в желудке, как перед первым прыжком с парашютом: ты чувствуешь, как сиротливо лежит там же пирожок, час назад съеденный в вокзальном буфете. Вдох-выдох, эх, Бог не выдаст, командир не съест! Толкаясь, протиснулись в холл. Переговаривались исключительно шёпотом, самые смелые – вполголоса. Окружающая действительность подавляла. Дежурный прапорщик, стоящий на верхней площадке мраморной лестницы, казался не менее чем Зевсом-громовержцем, а сама лестница в нашем представлении могла конкурировать с потёмкинской в Одессе.

Предъявили документы. «Зевс» просмотрел, поднял трубку телефона, коротко переговорил. Опустив трубку телефона, он хитро подмигнул нам. Почему-то это отнюдь не взбодрило молодых офицеров.

Спустившийся капитан сверил наши фамилии со списком, провёл за собой по лабиринту коридоров и оставил ждать в комнате с окнами во двор, проинструктировав «по сторонам света» (туалет в конце коридора направо, курить можно только там, по коридору без дела не шляться, громко не разговаривать). С трудно передаваемыми чувствами опустились на стулья. Мандраж. Как в очереди к зубному. И так же как в очереди, возникла необходимость чем-то себя отвлечь. Были извлечены газеты, перечитанные ещё в поезде, все углубились в их повторное изучение, пытаясь выцепить хоть что-то, что ускользнуло при предшествующих прочтениях. Ну, почти все. У Серёги газеты не было (её использовали в качестве скатерти на вокзале). Он посидел с четверть часа, заглядывая в газеты соседей, но ничего интересного там не нашёл. Да там и не было ничего интересного. Я, например, был занят тем, что в уме складывал цифры выигрышных номеров лотереи.

Серёга ещё немного поёрзал, встал, походил по комнате, поглазел в окно. Все эти дефиле и вид пустого двора отвлекли его ещё минут на пять. После чего он заявил: «Пойду, покурю». И покинул нас.

Все знают, что такое «стадный инстинкт»? Вот-вот. А у вчерашних курсантов он обострён до крайности. Вследствие чего через пять минут мы в полном составе передислоцировались «по коридору направо до конца». Пришли все, даже некурящие. А сортир – он везде сортир. То бишь, помещение начисто (вот что значит периодичность уборки!) лишённое официальности как таковой. Здесь вам не тут! Здесь можно расстегнуться, ослабить галстук, облокотиться или даже присесть на подоконник. И, сдвинув фуру на затылок, затянуться с наслажденьем столичной сигаретой, глубоко, с шипящим потрескиванием ароматного табака.

А в курилке, являющейся как бы «предбанником» собственно сортира, только мы, все свои, вокруг пепельницы на высокой подставке. И как-то само собой все расслабились, стали говорить громче. Пошли в ход недорассказанные вчера анекдоты. Кто-то вспомнил забавный случай, другой начал читать двусмысленные объявления из газеты. Посмеялись. Расслабились.

А вот этого военным делать не полагается. Никогда. Ибо… Оправляясь на ходу, в курилку со стороны сортира вошёл целый полковник (вот что значит оставить неприкрытыми тылы)! Описать его гримасу я просто не берусь. Эта смесь удивления, возмущения,

презрения, граничащего с брезгливостью и с неясной пропорцией составляющих… Небольшой табун каких-то зелёных лейтенантов пасётся в почти генеральском сортире, нарушая таким хамским образом интимный процесс единения толчка и почти уже генеральской задницы. Это ж уму недостижимо! Лицо полкана сначала приобрело оттенок сукна мундира, постепенно, пятнами, переходя к цвету петлиц, то есть красному.

Мы стояли не дыша, вытянувшись в струнку, глаза навыкате. Чья-то сигарета выпала изо рта на пол розоватого мрамора. Ей-Богу, я услышал не только звук падения, но и звук, который она издавала в полете! И тут полкана прорвало!

О, как он говорил! Как умело подбирал он изысканные эвфемизмы, описывая наше умственное и физическое несовершенство! Как чётко расставлял он пунктуацию, переходя с одного предмета на другой, какое глубокое знание человеческой анатомии и разнообразных половых извращений проявил! Мы были смяты, распяты, расстреляны, сожжены и растоптаны, а наш прах был развеян над близраположенным писсуаром. Перл-Харбор и 22 июня 41 в одном флаконе.

– Кх-мм! – сказал некто. Не мы, это точно. Способность говорить была утрачена вместе с чувством времени, и только боль в барабанных перепонках, выдержавших этот артналёт, не давала сомлеть. Полковник резко, на каблуках, выполнил поворот кругом… И упёрся в широкий ряд наградных планок. Поднял голову и увидел погон с зигзагообразным плетением и двумя звёздами. Крупными такими звёздами, не то, что у него. А ещё выше было лицо. Да, это было именно лицо, а не рыло, как у большинства виденных мной генералов. Что-то такое исходило от этого лица. Нечто, что пахнет порохом, кровью и сгоревшим тротилом. Лицо волевое и старорежимное. Таким лицом мог обладать генерал армии, победившей Наполеона и разгромившей Гитлера. У таких генералов даже звание надо писать с большой буквы.

– Как *вы* , товарищ полковник, разговариваете с младшими *офицерами*?! – слегка повысив тон, чётким, как строевой шаг, голосом отчеканил генерал. Полкан изобразил пантомиму рыбы на берегу, открывая рот, но не произнося звуки. Генерал смотрел на него сверху вниз. Мы, как выяснилось, тоже. И вообще с каждой минутой

полковник как бы мельчал на глазах, сдувался что ли. На вопрос генерала, что послужило причиной его гнева, он тоже не смог внятно ответить, что-то мямлил про то, что «не положено» что-то там…

– Что «не положено»? Срать не положено? Ссать не положено? Курить запрещено? – Генерал произносил каждый вопрос на тон выше предыдущего.

– …Нарушение формы одежды… – выдавил из себя полковник, лицо которого по цвету напоминало баклажан.

– Нарушение, говорите. – Генерал скользнул по нашей группе взглядом. От этого взгляда мороз пробирал по позвоночнику, отчего плечи сводило судорогой, а грудь выпячивалась в поле зрения четвёртого человека. Только тут я понял, что стою не просто навытяжку, но и держа руку у козырька криво сидящей фуражки, а в левое плечо упирается локоть стоящего рядом Серёги.

Взгляд генерала, совершив эволюцию, вернулся к полковнику, отчего тому стало заметно хуже.

– Нарушение формы одежды, говорите… Товарищ полковник, а где *ваш* головной убор? И почему вы не приветствуете старшего по званию?!

Колени полковника дрогнули, по горлу у него прошёл комок размером с апельсин, а на висках повисли крупные капли пота. Пауза вполне устроила бы Станиславского, но его с нами не было. Зато был генерал, который на наших глазах сделал выволочку полковнику. Нет, не за то, что тот забыл надеть фуражку, идя в туалет, не за то, что молчал «как рыба об лёд». Но за то, что позволил себе выражать свои чувства неуставным языком. Эвон как!

После чего, сжалившись, отпустил. Полковник ломанулся в дверь с радостью молодого бычка, которому хоть и прижгли клеймо на жо… на филейной части, но яиц не лишили и на колбасу не извели. Генерал же повернулся к нам и изрёк:

– Товарищи офицеры, не дадите ли газетку, э… почитать.

Естественно, державший газету левофланговый мгновенно выбросил вперёд левую руку с зажатой в ней газетой, почти под нос генерала. Это выглядело несколько необычно, поскольку мы продолжали стоять по стойке смирно, как на параде, с правой рукой у виска. Генерал, похоже, был несколько смущён торжественностью, с которой ему была вручена помятая газетка.

– Вольно, – скомандовал он. Позже Серёга утверждал, что при этом он улыбнулся; может быть, я не видел. Генерал развернулся и пошёл в направлении ряда кабинок.

Solist Альпинист и камикадзе

Тополиный пух властвовал на территории училища. Он кучами лежал под столетними деревьями, покрыл газоны и облепил кусты, забивался в забранные сетками форточки и неосторожно открытые рты, подобно декабрьскому снегу летел и летел, гонимый лёгким и даже на ощупь горячим ветерком. Дождливое прохладное лето как-то сразу обернулось этаким вот зноем, с безоблачного неба жарило совершенно немилосердно, а тополя решили взять реванш за нерастраченное ранее. Солдатик во взмокшем хэбэ отгребал метлой целые ворохи тополиного пуха от ворот склада, дабы избежать возгорания – пацаны из городка по своему боролись с летней напастью.

Заниматься ежедневной гимнастикой в тридцатиградусную жару казалось совершенно излишним; воспринимаемая в молодости как способ прогнать утреннюю сонливость, по мере увеличения количества звёзд на погонах она стала суровой необходимостью в борьбе с лишним весом, а воцарившаяся уже с неделю жара вытапливала сало вместе с потом. Вот и сейчас капитан смотрел на улицу сквозь затянутое марлей окно и морщился, словно стоя у доменной печи. Есть совершенно не хотелось, и оставленные супругой макароны с сарделькой он отнёс в холодильник. Там он наткнулся на бидон с остатками вчерашнего кваса. О, сладость первых обжигающе-холодных глотков кисловатой пахучей влаги! Остатки он вылил в стакан, который сразу же покрылся каплями конденсата. Этот стакан он пил медленными глотками, растягивая удовольствие. Идея возникла, когда показалось дно стакана с выпуклым клеймом стекольного завода. А поскольку день был ну совершенно выходной, и причин откладывать не было никаких, то, приняв решение, капитан сразу же приступил к выполнению.

Выйдя из подъезда, он сразу же ощутил всю силу небесного светила. Стали ощутимо нагреваться даже погоны на летней форменной рубашке. Стараясь не выходить из короткой тени от забора, капитан кружным путём прошёл к КПП. Самая сложная часть маршрута была впереди – вдоль ряда чахлых от жары клёнов и ёлок,

вдоль улицы до ресторана «Чайка», перейти на другую сторону и, укрывшись в тени проходных дворов, мимо общежитий выйти к «железке». Там на склоне притулилось ветхое строение, крашеное облезлой синей краской, с корявой фанерной вывеской: «Пиво-Воды». Там бил неиссякающим ключом вожделенный источник волшебной влаги, которая, если её охладить, поможет скоротать день до вечера, когда вернётся жена. Супруга капитана отсутствовала по уважительной причине – уехала за дочкой в пионерлагерь. Смена пролетела нечувствительно быстро, только-только успели переклеить обои в квартирке, да полы подновить.

Уф-ф… Платок вымок насквозь после повторного вытирания лба и фуражки. Ботинки стали явно тесны, будто ссохлись от жары… Капитан, вытираясь, присел на оградку детского садика и стал похож на иллюстрацию с импортной банки пива «Туборг», которое пивал он в период службы в ЗГВ.[14] Уф-ф… Ну да вон уже меж домов видны провода над путями.

Очередь у окошка, конечно, была, как же без неё, но куцая и тоже будто ссохшаяся. Дородная тётка в мокром от пота некогда белом халате колдовала с двумя кранами, наливая желающим кому пива, кому квас. Халат был маловат продавщице, и её «прелести» проступали сквозь него чересчур отчётливо, но это отнюдь не возбуждало – и не жара тому виной. Капитан встал в очередь за неряшливо одетым парнем в стройотрядовской кепке. Продавщица работала споро, очередь продвигалась быстро, и вот уже капитан отошёл в тень дерева, держа на весу наполненный бидон. Наполненный пивом. Ибо здраво рассудил, что от кваса проку и удовольствия будет гораздо меньше.

Пиво было свежее и не слишком даже тёплое. Капитан размеренно и не торопясь отпил прямо из бидона. На душе полегчало. Как давным-давно заметил товарищ Платон, человек, в сущности своей, алчет простых удовольствий для тела и сложных – для души. Или это был Конфуций? Но, несомненно, оба не отказались бы выпить в знойный день почти прохладного свежего пива с эдакой лёгкой горчинкой и вознесли бы хвалу Анастасу Микояну за рецептуру и всеобщую доступность сего напитка.

Находясь в несколько даже блаженном состоянии, капитан поверх пенной шапки наблюдал за метаниями у ларька довольно прилично одетого мужичка, поочерёдно подходившего к людям из очереди, к

сидевшим с пакетами и банками на траве в тени под деревьями, редким прохожим, даже к девушкам. У всех он спрашивал что-то, показывал содержимое сумки-авоськи и просительно заглядывал в глаза. Поймав взгляд офицера, он прямиком направился к нему.

Капитан испытывал к людям, стрелявшим на пиво-водку-сигареты, сложный букет чувств и мысленно приготовился грубо отшить в случае такой попытки, но приблизившийся к нему мужчина обезоружил его своей почти детской улыбкой и, протягивая обеими руками раскрытую сумку, произнёс:

– Посмотрите, разве они не чудо?

В авоське помещалась трёхлитровая банка, на дне которой копошились мохнатые пёстрые комочки.

– Хомячки, – пояснил мужчина. И рассказал, что разводит их для продажи на рынке, а сегодня ввиду жары спрос был плохой, всех распродать не успел. Выкидывать оставшихся жалко, а нести в банке… в общем, тару требуется освободить. И он готов уступить их любому желающему даром.

Не подумайте чего, отнюдь не жадность двигала офицером! И даже не чувство вины перед женой и дочкой, что не смог нынче поехать. Просто наложились друг на друга остатки того чувства умиротворённости и единения с природой, что он испытал, сидя под деревом среди вдумчиво употребляющих янтарный напиток, чувство неловкости перед человеком, которому он собирался, может статься, нахамить. Да много чего наложилось и совпало! Выходной, жара, окончание ремонта. Да и дочка будет, несомненно, рада. И этот человек с глазами ребёнка, уверяет, что хомячки просто чудесно уживаются в любой квартире и совершенно не приносят хлопот.

В обмен на мятый влажный рубль, вручённый с некоторым даже трудом этому милому человеку, капитан оказался владельцем целого выводка симпатичных и, несмотря на жару, очень бодрых и активных животных, похожих на разноцветных бесхвостых мышей. От мысли упаковать их в валявшийся рядом дырявый полиэтиленовый пакет пришлось отказаться ввиду того, что пока он ловил очередного юркого зверька среди пыльной травы, его собратья в пакете либо умудрялись протиснуться наружу через не такую уж маленькую дырку, либо начинали грызть пакет, либо заворачивались в него и начинали задыхаться. Пересчитать их никак не удавалось, тем более поймать.

Парень в стройотрядовской кепке, уже допивший свой пакет, помог в отлове, складывая «добычу» в ту самую кепку, но пара штук наверняка скрылась, по-пластунски передвигаясь в траве. Отловленных пришлось ссыпать в фуражку за неимением другой свободной ёмкости. Их было не менее десятка, и капитан с лёгкостью презентовал парню парочку. Оставшиеся были слишком увлечены исследованием внутренностей фуражки, чтобы заметить исчезновение сородичей. Этого занятия им хватило примерно до угла ближайшего дома. Именно там один из оставшихся как альпинист влез на скользкий козырёк, оттуда перебрался на руку офицера и, цепляясь за обильную волосяную поросль, полез вверх по руке. Движение руки, которое стряхнуло «альпиниста» обратно в фуражку, одновременно подбросило из неё пару других, которые упали на асфальт, полсекунды обнюхивали новую для себя среду, а затем рванули в противоположных направлениях. Пришлось поставить бидон с пивом и опять ловить шуструю парочку. Процесс отнял несколько минут, в течение которых неустойчиво поставленный бидон накренился, и часть пива вылилась в дорожную пыль. Обратная дорога к дому отняла вдвое больше времени, ибо постоянно приходилось отвлекаться на копошащуюся в фуражке живность.

Войдя в квартиру, капитан с видимым облегчением вывалил их всех в стальную кухонную раковину. Пока он переодевался-умывался, хомяки отчаянно пытались покинуть своё узилище, но отвесные высокие (для хомяков) стенки были серьёзным препятствием. Но пёстрая ватага не растерялась, и к тому моменту, когда капитан вернулся на кухню, в раковине суетились только две особи. Задние лапы третьей торчали из отверстия стока, оказавшегося достаточно проходимым для хомяков. Если бы не сифон слива, который хомяки забили своими телами, ушли бы все!

Судорожное откручивание пластикового сифона (они ж захлебнутся!) привело к тому, что из сломанной пластиковой трубы вместе с потоком сгнивших очисток и гадостной слизи вывалились семь испачканных, осклизлых от грязи грызунов. Восьмого, застрявшего в трубе, пришлось выдувать. Силы лёгких офицера оказалось достаточно, и застрявший хомячок с отчётливым хлопком вылетел из трубы и улетел через приоткрытую дверь в комнату, где и приземлился с лёгким всплеском. Этот звук озадачил и насторожил

хозяина. В ходе недолгого поиска хомячок был обнаружен в пластиковом ведёрке с остатками обойного клея.

Холодная вода из-под крана плохо отмывает обойный клей. Хомячок, находящийся в состоянии глубокого шока, безропотно сносил водные процедуры и только мелко дрожал. Капитан решил, что он замёрз, и решил согреть его феном. Положив пациента в стоящую на столе вазу, он направил на него струю горячего воздуха. Хомячок со слипшейся от клея и лишь частично отмытой шкуркой под струёй дующего ему в морду воздуха был похож на парашютиста, какими их показывают по телевизору при исполнении затяжных прыжков. Он сощурил свои глаза-бусинки, судорожно сжал лапки на краю вазы и смотрел на офицера вызывающе презрительно. Этим выражением мордочки он был похож на японского лётчика-камикадзе в момент атаки. Хомякадзе, блин! Внезапно хомякадзе разжал лапы, и подхваченный мощным воздушным потоком, кувыркнулся в воздухе, перелетел стол и сгинул в груде обойных обрезков.

Брошенный фен обиженно выл на столе, пока капитан рылся в ворохе обойных листов. Он перерыл его несколько раз, прежде чем обнаружил хомячка приклеившимся к одному крупному куску. Решив не испытывать судьбу ещё раз, он аккуратно оторвал кусок приклеившихся к спине хомяка дефицитных рельефных обоев и вместе с ним отнёс «хомякадзе» к его собратьям.

Те, оставленные без присмотра в той же раковине, время зря не теряли и почти растеребили тряпку, которой человек заткнул сток, на отдельные нити. Рыжий «альпинист» уже предпринял попытку протиснуться в образовавшийся просвет и застрял, отчаянно свирища. Вызволение его легче было производить снизу. Когда человек извлёк рыжего из отверстия слива и встал, он успел заметить, как последний из оставшихся в раковине хомяков карабкается по спине «хомякадзе» по приклеенному листу обоев, перебирается на край раковины, оттуда на край стола и исчезает за резной хлебницей.

Ловлей хомяков капитан «развлекался» до самого приезда жены и дочери. И даже с их помощью этот процесс занял их до позднего вечера.

Опустилась душная летняя ночь. В марлю на окне билась какая-то летучая насекомая живность. Из развороченного и кое-как наспех скрученного двумя лентами лейкопластыря стока кухонной раковины

мерно капала вода в подставленный тазик. Семья офицера сидела за кухонным столом и смотрела, как в коробке из-под обуви копошится десяток пёстрых глазастых зверьков, частью покрытых паутиной (найден за шкафом), испачканных в муке (найден в шкафу), краске (найден в банке с краской), с приклеенным на спине огрызком обоев… и только один рыжий «альпинист» мирно спал на ворохе измельчённых газет, ибо его выловили полузахлебнувшимся из стакана с пивом.

Про то, что утром капитан обнаружил в своей фуражке, я рассказывать не буду. А коробку хомяки к утру прогрызли и их ловили уже по всему ДОСу.

Бегемот О военной медицине (воспоминания о санбате)

Доктору Бодику с уважением и благодарностью

Что такое полигон, думаю, известно каждому служившему. Ну, или почти каждому. И вот, нас тоже не минула чаша сия: в количестве пяти машин под командованием Макарыча нас отправили помогать обеспечивать развертывание какой-то там дивизии. Видимо, мало машин было, а может, из каких других соображений, не знаю. «Партизан» понагнали туеву хучу народу, техники… По мнению Макарыча, кто-то в верхах сильно проворовался, и под «партизан» и учения списывали все, что только можно. Ну, ему виднее, конечно, но нам от этого легче не было, ибо постоянно приходилось что-то возить от железнодорожной станции (названия за давностью лет уже не упомню) до места дислокации. Как обычно, толкового руководства не было, куча начальников отдавала приказы, абсолютно противоречащие друг другу; брызжа слюной и топая ногами, грозили сгноить на губе нас, посадить Макарыча и все такое прочее. Единственные более-менее рабочие машины были наши, и мотались мы по маршруту Станция – Полигон практически круглосуточно, жили в кабинах, спали не раздеваясь. После того, как кто-то из бойцов заснул за рулем и заехал в болотину, из которой его пришлось вытаскивать ГТТ-шкой,[15] Макарыч, озлобившись, дозвонился до части и в категорических выражениях потребовал замены. Долго ли, коротко ли, но, наконец, все же привезли подмену, а мы отправились в свою часть.

Отправиться-то отправились, но прибыли не все. Я, волею судьбы, поехал знакомиться с военно-полевой медициной. Случилось так, что где-то неслабо приложился голенью, ещё в самом начале этой эпопеи. Нога тупо болела, значения этому я особо не придавал: в футбол играли, ещё сильнее попадало, но перед отъездом сапог снялся с большим трудом, штанину же пришлось разрезать. Правая нога ниже колена чудовищно распухла, место, которым приложился, представляло собой неправильной формы кружок размером с пятикопеечную монету, под которым нащупывалась какая-то жидкая

субстанция. Такое впечатление, что накачали шприцем какой-то дряни туда. Встревоженный Макарыч связался с автобатом, дислоцировавшимся поблизости, обрисовал ситуацию и попросил помочь. Оттуда ответили, что санчасть у них общая с пехотным полком, своей нет, но машину пришлют и содействие окажут. Часа через полтора пришла «санитарка», и я отбыл к военным медикам, встречаться с коими за прошедший год службы ещё не доводилось.

Скрежеща раздолбанной коробкой передач, уазик-таблетка доставил меня в санчасть. В приемной важно восседал какой-то краснопогонник с «тёщами»[16] в петлицах и погонами младшего сержанта, но с таким самодовольным и спесивым видом, какой бывает не у всякого генерала. Лоснящиеся щеки закрывали и без того узкие глазки, не меняя позы, он небрежно процедил:

– Чито прышол?

– Нога болит.

– Гиде балыт? Давай нага, сматреть буду, – с важным видом он, взяв пинцетом тампон, окунул его в банку с йодом, намазал ногу и откинулся на стул.

– Все, иды. Иды к сибе в част. Скора прайдет!

Я всегда поражался, почему всегда на самых тёплых местах хлеборезов, поваров, санинструкторов, каптерщиков, кладовщиков и прочая, прочая, прочая, почти неизменно оказывались представители «братских» среднеазиатских и кавказских республик. Ни черта не умеющие, с трудом говорящие по-русски, они плотно оккупировали всю эту синекуру. Не везде, правда, но в девяноста процентах частей, в которых приходилось бывать, это присутствовало. Поняв, что медицинской помощи, равно как и сочувствия, получу не больше, чем получает его окурок, плавающий в унитазе, я похромал к выходу. Дойти, правда, не успел. Дверь распахнулась, в приёмную ввалился здоровенный дядька в майорских погонах и той же самой «тёщей» в петлицах. Подскочивший на стуле санинструктор, казалось, сдулся, как шарик и угодливо подбежал с докладом к майору. Тот, небрежно махнув на него рукой, уставился на мою ногу:

– Что случилось?

– Болит, тащ майор! Ударил где-то.

– Давно?

– Неделя уже. С полигона привезли только сейчас.

Майор повернулся к краснопогонному эскулапу:

– Где журнал регистрации?

Узкие глазки забегали:

– Нэ успел писат, таварищ майор!

– А куда ты его отправил тогда?! Писатель!!! Ещё скажи мне, что писать умеешь!!! Ты зачем здесь сидишь, ишак самаркандский?! – взревел майор – Фельдшер, бля! Какой ты к херам фельдшер?! Купил диплом за пять баранов, сам шестой! Ты в своём кишлаке коз сношал и ишакам хвосты крутил! Фельдшер он! Забудь это слово, ты не фельдшер, ты – гондон! Повторяю, чтобы запомнил, ГОН-ДОН!!!

Развернувшись, он бросил мне: «Иди сюда!»

Выйдя из приёмной, майор, пинком отворив дверь кабинета начальника санчасти в звании прапора, принял рапорт, затем скомандовал зайти.

– Это что?! – сурово вопросил он прапора, указав пальцем на мою ногу.

Прапор наклонился к ноге: «Флегмона, вроде…» – неуверенно проговорил он.

– Прапорщик! Это не вроде! Это именно флегмона! Настоящая, стопроцентная, которую нужно было вскрыть ещё неделю назад! Твой урюк её йодом намазал и бойца в часть отправил. Я, бля, вам обоим жопы намажу, и не йодом, а скипидаром! – вновь загремел грозный майор – И будете вы у меня бегать вокруг санчасти, пока из них дым не повалит, как из паровоза! Немедленно в санбат его отправляй! Чтобы через час он уже у меня на столе лежал!

– Слушай, а кто этот майор? – поинтересовался я у водилы, когда уазик, подпрыгивая на ухабах, катил по направлению к медсанбату, находившемуся километрах в пяти, в посёлке около железнодорожной станции.

– Начмед. Майор Левин, – не поворачивая головы, проговорил водила. – Крутой мужик, но правильный. Хирург главный в санбате. Щас он тебя и резать будет, наверное… Повезло тебе, вообще-то, что он тут оказался; от этих козлов (имелся ввиду самаркандский ишак и прапор) толку никакого. У них один диагноз на все болезни – острый шлангит называется.

Рассказ об операции я опущу. Все равно ничего интересного читателю, если он не является медиком, тут не будет, да и медикам

тоже малоинтересно. Обычное дело… После операции Левин удовлетворённо обозрел дело рук своих и подмигнул медсестре, лица которой я не разглядел из-за скрывающей его повязки, но глаза!… Ох, какие у неё были глаза!.. Глаза, в которых мужчины тонут сразу и бесповоротно… Помнится, я ещё нашёл в себе силы пошутить в ответ на её вопрос о чувствительности моей злополучной ноги, которую она обколола новокаином.

Начмед сурово глянул из-под густых сросшихся бровей:

– Хм!… Он ещё и комплименты отвешивает!.. Давай, поднимайся и топай в палату! Олег! – обратился он к сержанту-фельдшеру – Помоги ему добраться.

Поддерживаемый Олегом, я доковылял до койки. Тот установил капельницу, присоединил её к торчащим из ноги трубкам и подставил под ногу какой-то тазик – не тазик, не знаю, как это называется. Желтоватая жидкость в банке начала медленно убывать.

– А это зачем? – спросил я

– А это затем, чтобы вся дрянь, которая там осталась, вытекла. Ну, как двигатель веретёнкой промываешь, – объяснил он в более понятных выражениях.

– Не дурак, понял…

– Ага, был бы дурак, не понял бы! – усмехнулся Олег. Вот теперь будешь каждый день так промываться, пока не выйдет все оттуда.

В палату зашёл Левин.

– Ну, как? Жив? Вовремя тебя привезли, ещё бы день-два и заражение могло пойти. Так-то вот, боец… У тебя там до хрена гноя накопилось. Но, будем надеяться, все вычистили.

– А если не всё?

– А если не все, ещё раз почистим, не переживай! – жизнерадостно оскалился майор – Не дрейфь, боец, на своих ногах уйдёшь!

– Олег, а кто ассистировал, что за сестра? – поинтересовался я после того, как начмед покинул палату, и тяжёлые шаги его стихли в глубине коридора.

– Жена его, Лена… Хорошая тётка. Нас с Андрюхой пару раз засекла за выпивкой, но ему не заложила. А то был бы кирдык. Витя – мужик суровый, огребли бы как делать нефиг!

Тётка…. Для нас, девятнадцатилетних, красивая молодая женщина за тридцать уже была тёткой. А сорокалетние вообще считались стариками. Боже мой! Как же все-таки быстро летит время! Сейчас я и сам уже старик для молодых, хоть и считаю, что человеку столько, на сколько он себя ощущает. Но против времени не попрёшь, как ни старайся, и седина, и морщины, и отсутствие иллюзий и жизненный опыт дают о себе знать, и никуда от этого не деться. Все проходит…

Видимо, я накаркал все же, потому, что через несколько дней, осматривая ногу, Левин остался чем-то недоволен, вновь уложил меня на операционный стол и все повторилось по новой. На этот раз, однако, все было отнюдь не так гладко. За день до этого неожиданно прикатил Макарыч. На полигоне завершалось свёртывание, и тот решил перед отъездом заехать в санбат. Видимо, думал, что меня уже вылечили, и хотел попутно забрать, но как оказалось, поторопился. Поговорив со мной, передав письма и пожелав скорейшего выздоровления, он направился в сторону склада. Пока Макарыч с прапором, заведующим аптечным складом, решали свои стратегические и тактические задачи около бочки со спиртом (о ней речь пойдёт позже), мы разговорились с сидевшим за рулём Серёгой Симаковым. Подошёл Олег и после недолгого разговора путём нехитрого бартера выменял у Серёги литровую армейскую фляжку, полную самогона, взамен каких-то дембельских прибамбасов и значков. Самогон был приобретён, судя по всему, на станции. Вечером в компании медбратьев Олега и Андрюхи это все было выпито, а наутро я скрипел зубами на операционном столе, ибо новокаин с похмелья практически не действует, и ощущения были весьма и весьма малоприятные. Кричать от боли в то время, когда на тебя глядят красивые женские глаза, было стыдно, поэтому пришлось мужественно терпеть, сжав зубы и смаргивая слезы. Я подозревал, что майор догадался о моем состоянии, но наказывать дисциплинарно не стал, справедливо полагая, что мучений мне и так достаточно. Когда без наркоза в ране ковыряются, ощущения не из приятных…

Боря Красин… «Херовый доктор». Не в профессиональном плане, что вы! Профессионал Боря был отменный! Только специальность его… Ага!.. Вот именно! Боря был дерматовенерологом. Но не подумайте, что знакомство наше состоялось по причине болезни.

«Болезни дурной, французской, от плотских похотей происходящей», как было сказано у Конецкого. Лейтенант Красин был «пиджаком», призванным на два года после окончания Хабаровского мединститута.

Как профи, Боря действительно знал своё дело, но как офицер… Круглая толстогубая физиономия, ироничный взгляд маленьких глазок, мешковатая фигура, на которой халат ещё смотрелся, но форма сидела как на пугале, причём меньше всего Борю это волновало. Он был любитель выпить, поволочиться за бабами, посидеть в хорошей компании. Хождение строем, рапорты, наряды и дурь вышестоящих начальников Борина душа органически не принимала. И если начмед, весьма неглупый мужик и блестящий хирург, относился к нему с некоторым снисхождением (ну, «пиджак», что с него взять?), то замполит медсанбата при виде лейтенанта Красина морщился как от зубной боли, вызывал в кабинет, долго и нудно взывал к его достоинству, упирал на то, что Боря хоть и на два года, но офицер, посему должен соответствовать… Боря же резонно замечал, что в первую очередь он врач, за что его тут и держат, а все остальное вторично, и, следовательно, не заслуживает внимания. Но особо на Красина все же не наезжали, потому что «херового доктора», кроме него, не было, а от вензаболеваний не застрахован даже замполит, ибо тоже не чужд плотских радостей. Врачебную тайну Боря хранил строго, и о круге его пациентов можно было только догадываться, но практика у него была, надо полагать, обширная. «Херовый доктор» брал анализы, делал процедуры, вкалывал в зады лошадиные дозы болючих антибиотиков типа бициллина и прочих лекарств и относился к своему делу с весёлым цинизмом. Это сейчас, спустя почти четверть века после описываемых событий, достаточно съесть пару таблеток и через два дня быть готовым к новым подвигам. А тогда… Тогда все было совсем не так…

А ещё Боря любил бардовскую песню, играл на гитаре и слушал Би-Би-Си и Голос Америки. Гремящие по радио песни Пахмутовой, советская эстрада и прочие проникнутые патриотизмом произведения его ни капли не интересовали. Боря искал отдушину в программах Севы Новгородцева, песнях Городницкого, Визбора и Галича. Телевизор же в медсанбате не работал вообще по причине отсутствия приёма. Какое-то заколдованное место было. Не принимала ни одна

программа. Притом, что буквально в радиусе километра телевизоры показывали на редкость чётко безо всяких помех.

Единственная в батальоне гитара тоже была у Бори, время от времени он уступал просьбам фельдшеров и давал попользоваться на вечер. Разница в возрасте была небольшая. Интересы совпадали… И вообще, очень дружно жили ребята. Андрей и Олег были призваны после окончания медучилища и служили срочную фельдшерами в званиях сержантов. Боря, как я уже сказал, закончил институт и был лейтенантом-двухгадючником…

Стук в дверь.

– Войдите! – оторвал голову от микроскопа Боря.

Дверь приоткрылась, в кабинет просочился Олег.

– Борь, дай гитару на вечер!

– Нет, обойдёшься без гитары сегодня. Я дежурю, делать нехер ночью, вот и подёргаю струны.

– Борь, там парня одного привезли с ногой, Левин оперировал вчера. Так он тоже играет.

– Все играют… – меланхолично произнёс Боря, наклонившись к микроскопу, что-то там разглядывая и напевая: – Прыг-скок, прыг-скок! К вам приехал гонококк!..

– Он и бардов играет, – как бы невзначай обронил Олег, краем глаза наблюдая за реакцией Бори.

– Да?.. – заинтересованно произнёс Боря – Ладно, подходите в ординаторскую после отбоя… Сухов, говоришь… Посмотрим, что за Сухов! – процитировал он незабвенного Верещагина.

После отбоя в ординаторской негромко звучала гитара, попивался чаек с каменной твёрдости пряниками и малой толикой спирта, велась неторопливая беседа, и вообще было уютно, душевно и при некоторой доле воображения можно было представить, что ты не в армии, а где-нибудь в общаге медучилища. Правда, женский пол отсутствовал, но Боря, ужасно довольный этой посиделкой, пообещал к следующему своему дежурству договориться с вольнонаёмными медсестричками Наташей и Клавой и принести спирта.

– Ты завтра ко мне зайди. Покажешь некоторые вещи… И вообще я очень многого не слышал раньше, – признался мне Боря.

– А что я скажу, куда пошёл?

– Скажешь, на процедуры пошёл…

– К тебе на процедуры с другим диагнозом ходят! – заржал Андрей.

– Херня! Не дрейфь, Андрюха! Скажешь, я вызвал, если будут его искать. Для консультации!

– Ещё один херовый доктор? Консилиум, бля! Да что тебе, горит что ли? Успеешь. Не завтра его выписывают, недели две точно проваляется, – выпустил дым в форточку Олег.

Я сидел в продавленном кресле, перебирая струны. Инструмент, как ни странно, хоть и был дешёвым изделием Благовещенского комбината музыкальных инструментов, но имел очень красивый мягкий и глубокий звук. На пару сотен гитар одна хорошая попадается, и видимо, это она и была…

Финальный аккорд гулким эхом затих в глубине темно-янтарного корпуса.

– Олег, дай сигарету.

– Держи! – Олег протянул пачку.

– «БАМ»… Никогда таких не пробовал.

– Попробуй! – Олег хитро улыбнулся.

Я, прикурив, затянулся. Мятный холодок ментола проник в лёгкие.

– Нихера себе! Это что, наши сигареты с ментолом выпускать начали?! – удивился я и ещё раз затянулся – Ну, точно, ментол!

Андрюха довольно захохотал:

– Ага! Жди! Выпустят они, как же! Это Олежкино ноу-хау!

– Не понял…

– Сейчас поймёшь! – Олег вытащил из шкафа пузырёк с бесцветной жидкостью и непочатую пачку сигарет. Вскрыв её, он сковырнул пробку с пузырька, заткнул его большим пальцем, тряхнул, и мокрым пальцем провёл по фильтрам сигарет. – Всё! Получите!

– А что это за зелье?

– Жидкий валидол! Содержит девяносто процентов чистого ментола.

– Круто! Я возьму парочку?

– Да бери всю пачку, чего там! – расщедрился Олег

– Не, расстреляют всё сразу. Лучше пусть тогда у тебя лежит, будешь выдавать по одной…

***

– Слушай, мне кажется, это должно в другой тональности звучать. – Боря взял несколько аккордов – Так примерно.

– Правильно кажется, оно так и звучит. Просто у меня голос ниже, вот и поменял тональность под себя. Легче петь.

– А в оригинале как оно идёт?

Ответа Боря получить не успел.

– Кр-р-расин!!! Где этот человек и пароход!?. Кто его сегодня видел!? – раздался в глубине коридора голос начмеда.

– Левин! – запаниковал я. – Борь, щас нам вставят… Я ведь полдня тут у тебя сижу…

– Херня! – невозмутимо ответил Боря.

Дверь распахнулась, вошедший начмед недоуменно уставился на меня:

– А ты что тут делаешь?! Красин! Он, что, ещё и по твоей части лечится, что ли?! Я балдею с этого зоопарка!

– Да нет, товарищ майор, я его попросил мне на гитаре показать кое-чего.

– Бля!!! Это не санбат! Это ансамбль песни и пляски какой-то! Марш в палату! – рявкнул на меня Левин. – Музыканты, мать вашу!

Прошло около недели, и вот, Красин снова заступил дежурным. Ждал этого дня он сам. Ждали мы, ждали, я полагаю, и вольнонаёмные медсестрички Наташа и Клава, которых Боря пригласил составить нам компанию на вечер. Ещё он намекнул мне на возможность продолжения знакомства с Наташкой, которая была старше меня всего на пару-тройку лет, поведал, что ей нравятся песни Антонова, и порекомендовал мне наморщить ум и вспомнить что-нибудь из его репертуара. Воодушевлённый этой перспективой, я настолько был уверен в продолжении знакомства дома у Наташки, которая жила неподалёку от санбата в посёлке, что выклянчил у Борьки брюки, кроссовки и куртку, которые припрятал в процедурной за титаном. И вот, наступил вечер…

– Здорово! – Наташка мечтательно прищурилась и потянулась в кресле. – А сыграй эту… «Пове-е-есил свой сюртук на спинку сту-у-ула музыкант…» – знаешь?

– Знаю, только слова не все помню.

– Я помню, Олег помнит. Ты играй, мы споем… – Наташка одарила меня долгим взглядом и многозначительной улыбкой.

В ординаторской горела настольная лампа, создавая приятный полумрак, на столе стоял чайник, открытая банка сгущёнки, пакет печенья, ещё что-то, принесённое с собой боевыми подругами. Опасений, что нас кто-либо услышит, не было, так как ординаторская находилась в левом крыле здания, равно как и весь лечебный корпус, а палаты и столовая в правом. Левое крыло отделялось от правого дверью, ключ от которой находился в кармане у Бори. Второй ключ был у начмеда. Третий, запасной – в специальном шкафу в казарме санбата под печатью и охраной дневального. Для поднятия настроения Боря добавил в кружки с чаем по чуть-чуть спирта. Пьяными не были, но лёгкий хмель присутствовал. Как раз то, что нужно. Песни перемежались анекдотами, анекдоты рассказами и байками… Я, памятуя о том, что женщины любят ушами, старался изо всех сил, и все чаще и чаще ловил на себе откровенные взгляды Наташки. Девица была без комплексов, и думаю, наверняка уже принимала у себя и Красина и обоих фельдшеров. Клаве было лет двадцать пять-двадцать семь, она сидела на коленях у Бори и что-то, посмеиваясь, шептала ему на ухо. Тот довольно жмурился и напоминал большого сытого кота.

– А про медицину знаешь что-нибудь?.. Спой, а?.. – попросил меня Андрюха, взглядом намекая Боре плеснуть ещё немножко спирта. Красин, заглянув в кружку, аккуратно нацедил чуть-чуть, затем посмотрел остаток и спрятал плоскую стеклянную фляжку в карман:

– Хватит пока. Будем растягивать удовольствие! – Боря обнял за талию Клаву – Давай, про медицину действительно ! Знаешь эту? – он продекламировал пару строк, я отрицательно покачал головой. – Это у нас в меде любимая песня была.

– Ну, я-то не в меде учился! – парировал я, но вспомнил песню на медицинскую тему и, подстроив инструмент, ударил по струнам:

Жил я с матерью и батей на Арбате – здесь бы так!
А теперь я в медсанбате, на кровати весь в бинтах.
Что нам слава, что нам Клава – медсестра и белый свет?
Помер мой сосед, что справа, тот, что слева – ещё нет.

Наталья, хихикнув, посмотрела на Клаву, Олег, довольно улыбаясь, притопывал в такт ногой, Борька, закрыв глаза, внимательно слушал.

И однажды как в угаре, тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: Послушай, парень, у тебя ноги-то нет!
Как же так, неправда, братцы! Он наверно пошутил!?
Мы отрежем только пальцы – так мне доктор говорил…

Внезапно под потолком вспыхнул яркий свет. Аккорд, оборвавшись, жалобно зазвенел в гробовой тишине. Щуря глаза, я посмотрел на открывшуюся дверь. На пороге возвышалась фигура начмеда. От него исходил запах коньяка и почему-то рыбы. Видимо, закусывал сёмгой.

– Та-а-а-ак!… – протянул Левин голосом, не предвещавшим ничего хорошего. Боевые подруги, испуганно ойкнув, вылетели из ординаторской, мы, вытянувшись, замерли.

– Красин, мать твою!!! Ты что тут развёл?! Что за сборище в час ночи?! Ты, бля, вообще охренел!

– Чай пили, товарищ майор! – пытался оправдаться Борька.

– Были сигналы – не чай он там пьёт! – выказал похвальное знакомство с классикой советской фантастики Левин, – Бля! Ведь как чувствовал, решил в часть завернуть, и что вижу?!! Дым коромыслом, бабы, фельдшера вместо того, чтобы делом заниматься, здесь торчат! Этот менестрель херов песни сочиняет, и все под чутким руководством лейтенанта Красина! Ты почему не в палате, рифмоплёт?! – рявкнул он, обращаясь ко мне.

– Это не я, это Высоцкого песня!

– Высоцкий?! Про медсестру Клаву, которая завтра своё огребёт, и про ногу, которую я тебе резал – это Высоцкий?!

– Ну, совпадение просто. Высоцкого это песня, тащ майор! – всеми силами старался я увести разговор в более безопасное для нас русло, и похоже, мне это начинало удаваться. Левин заинтересованно посмотрел на меня:

– Значит, говоришь, Высоцкого знаешь? И много знаешь?

– Много… – и это было правдой. Творчеством Владимира Семёновича я был увлечён не на шутку и переписывал на свой «Маяк-205» все, что попадалось, причём знал наизусть практически все, чем в тот момент располагал. А располагал, признаться, немалым количеством записей, немногочисленными пластинками, издававшимся «Мелодией», французским диском «Натянутый канат», за который, не раздумывая, выложил всю стипендию, и переписанным от руки, официально изданным мизерным тиражом, сборником «Нерв», каковой успел выучить от корки до корки.

– Ну-ка, иди за мной! – начмед шагнул к двери, затем обернулся и грозно посмотрел на Борьку и обоих фельдшеров:

– Все убрать, проветрить! И вазелин приготовьте. Завтра он вам пригодится! Красин! Тебе в особенности!

– Есть! – вытянулся Боря, но судя по реакции, угрозы начмеда не очень-то его и пугали. Не первый выговор и не последний. Да и отходил Левин быстро, ребятам это было известно. Если сразу не наказал, то обещанной завтрашней экзекуции вполне могло и не быть.

Я похромал за Левиным в направлении его кабинета. С третьего раза попав ключом в замочную скважину, он, наконец, открыл дверь:

– Садись! – кивнул он мне на стул, подошёл к стоящему в углу сейфу и извлёк оттуда початую бутылку «Белого аиста». Плеснув себе полстакана, выпил, шумно выдохнул, заткнул пробку и поставил обратно. Затем из сейфа был вытащен кассетник.

– Ну, если говоришь, что Высоцкого знаешь, давай-ка расшифруй. У меня пара кассет есть, но качество поганое. Половину слов не разобрать. – Левин нажал клавишу. Я вслушался. Песни были знакомые, я без труда различал слова сквозь шипение и провалы. Но не знающему человеку понять, что звучит, было весьма и весьма сложно. Запись действительно была отвратительного качества.

Левин, слушая расшифровку и прикладываясь к коньяку, расслабился.

– Ты знаешь, я к своему стыду, Высоцкого для себя совсем недавно открыл, – задумчиво произнёс он, перевернув кассету – Уже после того, как он умер. Фильмы смотрел – да, но песни всерьёз не воспринимал. Да и не слышал очень многого. Вот и эта про ногу. Думал, твоё сочинение! – хохотнул он.

В забытом Богом и цивилизацией посёлке достать записи в хорошем качестве было нереально. Да и вообще, культурная жизнь сводилась к просмотру кино в поселковом клубе и танцам под радиолу по субботам.

Сегодня трудно представить себе, что песни Высоцкого тогда несчётное количество раз переписывались друг у друга, что ни по телевидению, ни по радио они не звучали. Что редкие диски, выходившие на «Мелодии», были просвечены недремлющей цензурой от и до.. В 1981, опять же с многочисленными купюрами, был все-таки издан единственный сборник его стихов. Смехотворным тиражом в двадцать пять тысяч экземпляров на всю двухсотпятидесятимиллионную страну. Моим детям этого сейчас просто не понять… Для них это уже «Преданья старины глубокой…»

В процессе общения я поведал начмеду и о «Нерве» и о записях и о французской пластинке. У разгорячённого выпивкой Левина загорелись глаза:

– Слушай, а как бы переписать? Ты на дембель когда?

– Через год.

– Долго… – грустно протянул начмед – А прислать почтой тебе не могут?

– Могут, но письмо туда недели две будет идти, посылка оттуда и того дольше… Да пока еще перепишут…

Вдруг лицо Левина просияло:

– У тебя там дома телефон есть?

– Нет. Но позвонить есть куда. А что?

– С домом поговорить хочешь? – он хитро посмотрел на меня.

– А что, можно ? – удивлённо спросил я.

– У нас можно всё! Но услуга за услугу! Я тебе обеспечиваю разговор, а ты заказываешь записи Высоцкого. Дашь мой адрес, наложенным платежом отправят. Как? По рукам?

– Да я не против, только мало ли, вдруг не дозвонимся. Может, там дома никого нет…

Левин задумался:

– Что, только один номер, что ли? Больше некуда?

– Да есть куда, вообще-то…

– Тогда сейчас будем звонить! – решительно потянулся он к телефону.

– Сделку обмывать положено… – негромко пробормотал я себе под нос, но Левин услышал и медленно повернулся ко мне:

– Ну ты нагле-е-е-ец !.. – протянул он с непонятным выражением, – что ты, что Красин! Немудрено, что снюхались… – он вновь потянулся к телефону.

– А что заказывать-то? У меня ведь много всего…

– Начмед, отложив трубку, задумался: – А давай все, что есть! – решительно рубанул он.

– Да там кассет двадцать, не меньше! Плюс пластинки ещё. Ну, кассеты три-четыре ещё купят, может быть, да перепишут, а двадцать – вряд ли. Не миллионеры все же!

– Ну, тогда пусть диски запишут и концерт полностью. И ещё что-нибудь, только в качестве хорошем. Давай, бери ручку, пиши номер!

Левин снял трубку и потребовал соединить его с центральным узлом полка правительственной связи. Судя по всему, там у него было все схвачено, ибо через минут десять после разговора с абонентом, которого, видимо, начмед тоже когда-то оперировал, он довольно откинулся на стуле:

– Сейчас подождём немного, соединят… Будешь потом хвастаться дома, что по правительственной линии разговаривал!

Затарахтел телефон. Левин снял трубку:

– Да! Ну? Не отвечают? Сейчас другой номер дам! – он взглядом указал мне на ручку, я торопливо черкнул номер, начмед продиктовал и, положив трубку, повернулся ко мне:

– Не отвечает номер…

– Так там уже утро. На работе, наверное.

Вновь ожил телефон.

– Ну? Есть? Сейчас, – он протянул мне трубку. После трёх-четырёх гудков раздался щелчок и сонный голос недовольно проворчал:

– Да, слушаю!

– Серёга! Привет!.. Не узнал?

– Кто это? – слышимость была великолепная, такое впечатление, что абонент находится в соседней комнате.

После того, как я представился, Серёга проснулся сразу и радостно завопил, чтобы я немедленно подъезжал к нему. Поверить в то, что я нахожусь на другом конце страны, он по причине

качественной связи не мог, и был уверен, что я его разыгрываю, валяя дурака где-то поблизости. Однако же пришлось ему смириться с тем, что появлюсь я ещё не скоро, и пообещав сделать все, о чем я его попросил, он, пожелав удачи, отключился.

Начмед посмотрел на меня, перевёл взгляд на бутылку и после недолгого колебания все-таки плеснул в стакан грамм пятьдесят коньяку:

– Выпей! Заслужил! И марш спать, чтобы никаких хождений и песен! Через десять минут лично проверю!

Проверять он так и не пришёл, утром тоже никаких обещанных репрессивных мер не последовало. Олег и Андрюха, тем не менее, старались не попадаться на глаза Левину – мало ли что! Красин после дежурства отдыхал у себя в ДОСе,[17] где у него имелась комнатушка в коммуналке. Мои же приключения на этом не закончились.

– Эй, ну-ка, поди сюда! – окликнул меня лейтенант Мартынов, начальник аптеки. – Пойдём на склад медикаменты получать. Сейчас ещё кого-нибудь найдём, одному тебе не унести.

Через пару минут он отловил ещё одного бойца, вручил ему порожнюю пятнадцатилитровую бутыль и мы пошли в закрома.

– О!.. Мартын пришёл! – приветствовал его начальник склада, прапорщик Бондарь по прозвищу Айболит (всех излечит, помелит добрый доктор Айболит). – Зачем пришёл? Спирт получать?

– И спирт тоже! – ответствовал Мартынов, аккуратно положив на стол накладную.

– Так… Так… Так… – нацепив очки, просматривал список Бондарь. – Ну, этого нет сейчас, не привезли ещё… Это тоже пока не поступало, на следующей неделе обещали… Это есть, это тоже есть… Спирт… Вы что, пьёте его, что ли?! – со смешком вопросил он – Вроде, совсем недавно получал, и опять бутыль пустая…

Затарив здоровенный брезентовый баул таблетками, бинтами и прочими медикаментами, мы подошли к стоящей в углу двухсотлитровой бочке.

– Шланг где? – спросил Мартынов.

– Нету – меланхолично проговорил Айболит.

– Как нету!? – возмутился начальник аптеки. – Прошлый раз был!

– Прошлый раз был, а сейчас нету.

– А как тогда наливать? Во! – увидел Мартынов большую эмалированную кастрюлю. – Давай, мы сейчас из бочки выльем в кастрюлю, а из кастрюли перельём в бутыль! Раза в три-четыре наполним. Так, бойцы, взяли бочку и аккуратно наклоняем!

С трудом удерживая наполовину пустую бочку, мы набулькали полкастрюли.

– Стоп! Теперь надо перелить в бутыль. Григорьич, у тебя воронка есть?

– Нету… – последовал уже знакомый ответ.

– Ну, тогда попробуем прямо так перелить! – с этими словами Мартынов наклонил к узкому горлышку кастрюлю, ценный продукт частью попадал в бутыль, частью проливался мимо. Григорьич, не в силах наблюдать такое безобразие, отобрал у него кастрюлю:

– Получишь меньше ровно настолько, сколько разлил! – сказал он, как отрезал.

– Так как перелить– то?!

– Не знаю… У тебя что, в аптеке воронки нет что ли?

– Есть. И шланг есть.

– А что не взял?

– Так я думал, – у тебя есть.

– Ну, так иди и принеси. Я подожду.

Топать обратно в аптеку Мартынову было очень неохота, но никому доверить ключи он не мог, и поэтому, матерясь, подался к выходу. Я присел на корточки около бочки, Григорьич, бдительно поглядывал на стоявшую рядом с бутылью злополучную кастрюлю, в которой ещё было на треть спирта. Запах щекотал ноздри, я усиленно думал, каким образом приложиться к этому Граалю. Вдруг зазвонил висевший на стене телефон. Бондарь снял трубку, на мгновение отведя взгляд от кастрюли. Этого оказалось достаточно. Присосаться к кастрюле я, конечно, не смог бы, но зачерпнуть спирта широкой крышкой, с надписью «Реахим», которой закрывалась бутыль, успел.

– Эй, ну-ка загороди меня! – шёпотом скомандовал я бойцу, пришедшему со мной. Тот, как бы невзначай, отвернув полу халата, встал так, что в поле зрения Григорьича оставалась лишь кастрюля, мирно стоящая в метре от меня.

Сколько вмещает крышка от бутыли? Думаю, грамм сто точно. Может, даже чуть побольше. Диаметр у нее был примерно

сантиметров семь-восемь, высота столько же. Огненная вода обожгла пищевод, дыхание перехватило, на глаза навернулись слезы. Самое тяжёлое было не закашляться, но это мне удалось, и, придя в относительно нормальное состояние, я стал подумывать, как бы ещё исхитриться и повторить процедуру. Поговорив, Григорьич повернулся повесить трубку, вторая попытка не замедлила последовать и тоже завершилась успехом. Я, поймав умоляющий взгляд прикрывающего меня бойца, отхлебнул половину, отдышался и незаметно передал ему крышку. Тот, стоя спиной к Айболиту, мгновенно опрокинул в себя остатки спирта. Операция прошла быстро, но опыта питья спирта без закуски и запивки у бойца не было, и он громко и долго закашлялся. Григорьич мгновенно вскинулся и внимательно посмотрел на нас. Кастрюля стояла на прежнем месте, я сидел в прежней позе.

– Что это он? – бдительно вопросил Айболит.

– Болеет… – равнодушно бросил я – Воспаление лёгких, осложнённое бронхитом…

Бондарь подозрительно посмотрел на меня:

– Ну-ка, давай, сюда кастрюлю! Ставь на стол. Во-о-от! – довольно проговорил Айболит. – Здесь она целее будет. Он, подумав, вытащил откуда-то стакан, зачерпнул из кастрюли спирта и поставил его на подоконник, прикрыв от посторонних глаз занавеской. Над окном висел кумачовый транспарант, видимо оставшийся от каких-то праздников: «Наш лозунг должен быть один: учиться военному делу настоящим образом! (В.И. Ленин). Буква Н в фамилии вождя мирового пролетариата была грубо переправлена на В.

Хлопнула дверь, появился запыхавшийся Мартынов с воронкой и шлангом. Григорьич заржал:

– Слушай, а ты что собрался делать?! Шлангом отсасывать или кастрюлей извращаться? Если шлангом, нахера тебе воронка? А если воронкой, на хрена шланг притащил? Га-га-га!

Мартынов посмотрел на шланг, на воронку, на ржущего Айболита, открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Взяв воронку и вставив её в горлышко бутыли, он вылил из кастрюли остатки спирта, затем посредством шланга заполнил бутыль и закрутил крышку.

– Вот затем мне воронка и затем мне шланг! Понял? Га-га-га! – передразнил он Бондаря и скомандовал нам: – Пошли!

Выходя из аптеки, где мы сгрузили медикаменты и получили от Мартынова в качестве премии пачку сигарет, я нос к носу столкнулся с начмедом. Левин повёл носом и уставился на меня:

– Пил?!

– Не пил, товарищ майор! – браво отрапортовал я.

– А чем это от тебя тянет?

– Коньяком, товарищ майор! С ночи ещё не выветрилось…

Левин, ничего не сказав, окинул меня взглядом, хмыкнул, видимо оценив ответ, и прошёл в аптеку. Я поковылял в процедурную на очередную промывку…

Через недолгое время нога зажила, и Левин объявил, что завтра за мной придет машина и я поеду к себе в часть. За пару дней до этого он устроил мне ещё одни переговоры с домом, дабы убедиться, что обещанная посылка отправлена. Все было сделано в точности и теперь оставалось уповать на расторопность почты.

Прощаясь, начмед ничего мне не наливал, был строг, по обыкновению своему. А может, это маска такая у него была?.. Которая тогда, ночью, чуть-чуть приоткрылась под влиянием коньяка и Высоцкого?. Не знаю… Но думаю, что так оно и было.

Красин перед отъездом позвал меня к себе в кабинет и, нацедив из бутылки в пластмассовый флакон какой-то прозрачной жидкости, торжественно вручил его мне:

– Держи! Пригодится!.. Это жуткий дефицит, хрен где найдёшь!

– А что это? – я нюхнул, спиртом не пахло – Лекарство что ли?

– Вроде того. Лекарство. Чтобы не лечиться потом. Называется мирамистин. – и Борька коротко проинструктировал меня о способе применения.

– Ну, снаружи обработаю, а внутрь-то как залить?.. Через трубочку что ли?

Красин вытащил из шкафа одноразовый шприц:

– Иголку выбросишь, а шприц используешь. Все понял?

– А оно эффективное, лекарство это? – рассматривал я флакон. – А то вдруг не подействует?

– Ну, если сразу не промоешь, в течение часа-полутора, то может и не подействовать. Тогда – милости прошу! Заходите, всегда поможем!

– Нет уж! Лучше вы к нам! – со смехом ответствовал я.

(Рассказ о том, что было потом в части, когда замполит обнаружил шприц и флакон, заслуживает отдельной истории. Но об этом как-нибудь в другой раз).

Красин не приехал, конечно, но через пару месяцев позвонил мне в Уссурийск. В разговоре я вдруг обратил внимание на новое словосочетание, появившееся в его лексиконе:

– … Бедованы Качавые!

– Как ты сказал? Кто? – с улыбкой вопросил я.

– А хрен знает! С лёгкой руки Левина пошло по батальону гулять… А ты не знаешь что это такое?

Я-то знал… И из этого сделал вывод, что посылку начмед все же получил.

– Есть такая сказка музыкальная, оттуда это. Если интересно, попроси у Левина послушать. «Алиса в стране чудес» называется.

– Уже не попрошу! – вздохнул Боря. – Перевели его от нас месяц назад. Теперь он, вроде, в окружном госпитале оперирует.

– А вместо него кто теперь?

– Да прислали какого-то! Ни рыба ни мясо. Как хирург – ноль полный. Левину в подмётки не годится. Иваныч все же мужик был понимающий, а этот! – Боря выругался. – Ладно, хоть до дембеля немного осталось…

Доктор Левин… Доктор Красин… Андрей… Олег… Клава… Наташка… Люди, с которыми судьба свела совсем ненадолго, и которых я помню до сих пор. Дай Бог, чтобы все у вас было хорошо! Счастья вам!

Бегемот Долой политкорректность!

Уссурийск 1983 год

– Слухай задачу: Завтра с утра поедем в Смолянку. Там для нас в Доме офицеров наглядную агитацию нарисовали, надо забрать и к понедельнику установить! Вопросы есть? Макарыч сплюнул и вполголоса выматерился в адрес замполита, судя по всему. Ни ему, ни мне ехать за 200 километров по июльской жаре не было никакой радости. Замполита это, естественно, никоим образом не волновало, выступать – себе дороже, а посему рано утром мы выехали по направлению к Шкотово. Смолянинoво (Смолянка) являла собой маленький посёлок при узловой железнодорожной станции, по левую сторону которой располагались тыловые службы флота, а по правую какая-то мотострелковая дивизия. Дом офицеров, однако же, был огромен и по архитектуре своей напоминал московский Дворец съездов.

Макарыч вышел из служебного входа Дома офицеров явно не в духе. Наглядная агитация, за которой мы сюда и явились, ещё не была готова. То есть готова-то она была, но сохнуть ей оставалось как минимум до следующего утра. На звонок Макарыча замполиту было отвечено, чтобы ждали, пока высохнет. На довольствие нас, естественно, никто ставить не собирался. Макарыч, не переставая материть Гнуса, забрался в кабину и скомандовал мне ехать в пристанционный посёлок, где у него, как, наверное, в любом населённом пункте Приморского края, жил кто-то знакомый. Знакомый был дома, Макарычу очень обрадовались, он тоже успокоился и разулыбался, увидев в углу большую бутыль, судя по всему, с самогоном. Мне был выдан сухпай в виде куска сала, буханки хлеба и пары банок гречневой каши с тушёнкой:

– Поедешь в Дом офицеров, найдёшь там прапорщика Денисенко. Скажешь, кто ты есть, он найдёт, куда тебя пристроить до утра. Вопросы есть?

Денисенко привёл меня к местному художнику, поручив тому приютить до утра. Парня звали Лёхой, оказалось, что он к тому же из Ленинграда, считай, земляк. Дело уже шло к вечеру, я выгреб из

карманов всю наличность, Леха, в свою очередь, извлёк из-за портрета какого-то военачальника пару трояков. Отсутствовал он недолго, и результатом явилась полуторалитровая бутыль железнодорожного «шила». От авиационного оно отличалось желтоватым цветом и запахом то ли масла, то ли керосина, уже не упомню… От Лехи я и услышал тогда эту историю.

С новым пополнением к нам прибыли двое музыкантов. Лева и Вова (прям, как Лещенко и Винокур). Музыкантов настоящих. Лева, маленький носатый еврей, закончил институт культуры имени Крупской по классу хорового дирижирования, Вова вылетел из музучилища, где обучался игре на духовых и ударных инструментах. Причём, вылетел с последнего курса. Естественно, директор Дома офицеров был несказанно рад этому приобретению, потому что музыкантов, как таковых, в его распоряжении не было. Были бойцы, умеющие играть, что им покажут, нот, естественно, никто не знал, и три марша, не считая похоронного, которыми «Жмуркоманда» услаждала слух личного состава, навязли в ушах у всех. Посему, появление профессионалов от музыки очень обрадовало директора подполковника Трубина (Труба). Начпо, полковник Пилипенко (Пила), послушав оркестр, выразил недоумение репертуаром:

– Трубин! Вот, я тут уже пять лет, а музыка всё та же. Твои музыканты больше играть ничего не умеют, что ли?!

– Товарищ полковник! У меня сейчас с новым призывом два профессионала пришли! Консерваторию Ленинградскую закончили. Будем менять репертуар!

– Это хорошо! К 7 ноября надо какой-нибудь новый марш исполнить. Успеешь?

– Так точно!

– Пятого в 10 утра приду слушать.

Начпо ушёл, Трубин вызвал Леву и Вову:

– Короче, нам поставлена задача к 7 ноября разучить и исполнить на параде новый марш. Вы из Ленинграда, образование у вас есть. Репетируйте хоть круглые сутки, но чтобы к пятому числу марш был готов!

Лева и Вова блестяще справились с поставленной задачей. Начпо, явившийся на прослушивание, был очень доволен. Музыканты играли слаженно, даже с каким-то подъёмом. Пилипенко поинтересовался:

– А как называется марш?

– Марш подводников, товарищ полковник!

– Хм… Подводников… Ну, ладно! Главное, музыка хорошая. Хоть мы и не подводники, нехай будет!

7 ноября серые шеренги дружно печатали шаг под новый марш. Гремела медь, гулко ухал барабан. Довольные командиры, взяв под козырёк, приветствовали марширующие роты. Хотелось расправить плечи и грянуть строевым, подпевая старательно гремящему оркестру:

We all live in a yellow submarine!
Yellow submarine!
Yellow submarine!..

Beatles – forever!!!

Бегемот Художник

Уссурийск, Смоляниново,1983 г.

– Ну, давай ещё по чуть-чуть!

– Леха! Где ты его берёшь? Дрянь несусветная!

– У дефектоскопистов!

– ???

– Ну, это тележка такая .Её по рельсам катят ,там приборы, их «шилом» заправляют. В конце смены «шило» сливают. Не на землю, естественно…

– Ну, давай за твой скорый дембель! Дай Бог, чтобы не в декабре!

– Я уйду первым! Самым первым!…

– Нереально! У тебя, что, папа округом командует?

– Нет! Но уйду первым. Потому что знаю свой дембельский аккорд. А его я закончу через неделю после приказа!

Признаться, Лехе я не поверил. Самая первая партия дембелей всегда уходила, как минимум, месяца через полтора. Весь разговор происходил в Доме офицеров гарнизона Смоляниново, где Леха трудился художником и куда нас с Макарычем отправили за наглядной агитацией. Агитация сохла, Макарыч по обыкновению проводил время за бутылкой у кого-то из многочисленных знакомых, снабдив меня сухпаем и отправив в Дом офицеров, где и пристроили до завтрашнего утра. Художник Леха был классный! За плечами имел худграф института им. Герцена в Ленинграде. Выполненные им портреты всяческих военачальников и героев во множестве украшали фойе Дома офицеров. Леху, как талантливого художника, ценили, жил он, как у Христа за пазухой, в части появлялся крайне редко, но, против обыкновения, сослуживцы относились к нему неплохо. Кроме умения рисовать Леха был разрядником по самбо, посему наезжать на него желающих не находилось, к тому же разрисованный Лёхой дембельский альбом очень и очень ценился в гарнизоне. Правда, чести этой удостаивались единицы, входившие в число друзей и земляков. Лехиными рисунками гордились, как работами известных мастеров. При всем этом я очень сильно сомневался, чтобы его отпустили самым первым ,причем сразу после приказа.

– Лёха! Ну нереально это! Ты художник классный, потому первым и не уйдёшь, пока всё что можно не разрисуешь!

– Спорим! Если уйду, поставишь мне литр, когда в Питере будешь! Коньяка!!! Не «шила!»

– Да уж! Такой отравы там не найти! Из чего его делают?! Судя по запаху, из квашеных галош!

Лёха нацарапал мне свой питерский телефон на открытке со знаменитой картины «Ленин в октябре», кажется, где Ильич в окружении солдат и матросов произносил какую-то речь.

– Вот тоже, блин, халтура! В актовом зале клуба железнодорожников панно на всю стену рисую. И на хрен им там лысый в кепке?! Как будто больше изобразить нечего!

Вопрос о «шиле» можно было не задавать. Если Лёха разрисовывает клуб железнодорожников, значит, там он им и разжился.

– А аккорд какой будет?

– Новая офицерская столовая. На 100 процентов уверен!

– Ну, разрисуешь, и все равно, я думаю, первым не уйдёшь. Найдут ещё чем нагрузить!

– Копи деньги на коньяк! Французский не надо, ни к чему тебя разорять! Армянский пойдёт!

Лёха, действительно, уволился самым первым. Когда я через неделю после приказа позвонил в Смолянку, Лёхи там не оказалось, и мне было отвечено, что тот, судя по всему, уже пьёт водку дома. Ничего не оставалось, как восхищённо выматериться…

По первому ноябрьскому снежку, грея в карманах куртки две бутылки армянского коньяка, я подходил к старому дому на Моховой. Неделю назад приехал домой, дня три квасил с друзьями и родственниками, и зачем-то, уже не упомню, поехал в Питер. Прошло полгода, но Лёха меня вспомнил сразу, заорал в трубку, чтобы я немедленно подъезжал к нему, дал адрес и объяснил, как найти квартиру. Жил он в полуподвале с отдельным входом, на двери красовалась огромная подкова, выкрашенная каким-то фосфоресцирующим составом. Ошибиться было нельзя, и я уверенно постучал. Дверь распахнулась, волосатый и усатый Лёха, радостно матерясь, облапил меня и потащил внутрь. На столе исходила паром кастрюля картошки, тут же присутствовал кусок сала, банка

маринованных огурцов, буханка хлеба, две гранёные стопки и бутылка «Столичной». Я вытащил из карманов коньяк.

– Армянский. Ты выиграл!

Лёха жизнерадостно захохотал:

– Блин! Помнишь ведь! Ну давай, наливай тогда, водку на потом оставим!

Бутылка «Столичной» перекочевала в междуоконное пространство, где у Лёхи, судя по всему, находился холодильник. Янтарная влага ухнула внутрь и разлилась приятным теплом. Лёха, как выяснилось, поступил в Академию художеств, с родителями не живёт, подрабатывает дворником, посему живёт в ведомственной квартире. После первой бутылки я не выдержал. Любопытство распирало:

– Лёха! Ну как ты умудрился первым уйти? Я ведь позвонил недели через полторы после приказа в Смолянку, а тебя там и след простыл!

Оказалось, Лёха был помимо художника ещё и неплохим психологом. Краем уха услышал ,что комдив, бывший родом из Ленинграда, как-то обмолвился при своём водителе, что он вырос в старом дворе на Васильевском острове. По счастливому стечению обстоятельств и паре упомянутых разомлевшим комдивом деталей, Лёха догадался, о каком дворе идёт речь. Учась в институте, они частенько ходили на этюды в те края, посему вспомнить тамошние пейзажи Лёхе труда не составило. И на огромной картине во всю стену, украшавшей кабинет командующего в новой офицерской столовой, взгляду остолбеневшего комдива предстал залитый утренним солнцем, полыхающий осенним багрянцем клёнов до боли знакомый питерский дворик.

Комдив молча стоял, впившись взглядом в картину. После примерно десятиминутной паузы были произнесены всего три слова:

– Васильева уволить. Завтра!

Вот так Лёха и попал домой раньше всех. К концу второй бутылки разговор вновь повернул на тему Смолянки и Лёха поинтересовался:

– А ты в клуб железнодорожников после этого не заезжал?

В упомянутый клуб я заезжал. Уже ближе к собственному дембелю. Макарыч, которого я туда зачем-то отвозил, проходя мимо огромного панно, изображавшего Ленина в октябре, вдруг резко

остановился, потом отошёл к противоположной стене, посмотрел на панно издалека, затем фыркнул, помотав головой, и подозвал меня:

– Видишь солдата рядом с Лениным?

Я вгляделся. С обожанием уставившись на вождя мирового пролетариата, держа в руке винтовку, с абсолютно идиотским выражением лица на стене был изображён ни кто иной, как начальник политотдела дивизии полковник Пилипенко. Среди множества солдат и матросов Макарыч узнал немало знакомых лиц старшего офицерского состава и хохотал от души:

– От, зараза! Это ведь тот художник, который в Доме офицеров был! Ну, молодец!

Лёха погиб спустя несколько лет после нашей последней встречи. Долгое время у меня на стенке висел небольшой акварельный этюд, подаренный им в тот памятный вечер: подёрнутые голубой дымкой приморские сопки и где-то за ними – бесконечное море…

Did Mazaj Бутылкомоечная машина времени

(под Курта Воннегута)

«Бутылкомоечная машина» – машина, предназначенная для мытья пустых бутылок, наверное, так сказано в словаре товарища Даля… Она гудит, шумит и брызгается водой… Какое она имеет отношение к армии? Возможно ли связать её с армией? Возможно ли с её помощью перемещаться во времени? Да! И очень просто!

В армии возможно практически все. Мало есть вещей, невозможных в армии, – ну там вывернуть каску наизнанку или окопаться в воде… Что ещё? Форсировать речку не поперёк, а вдоль, или летать на самолёте хвостом вперёд…

Вообще, в этой истории происходят странные вещи. Более того, случаются очень опасные сдвиги и прыжки во времени… Начинается она словами «бутылкомоечная машина», а заканчивается словом «глаза». В ней принимают участие разъярённый командир батальона, толстая женщина, пустая трёхлитровая банка, удивлённый начальник штаба полка, злой начгуб, две длинных зелёных электрички и комбинированные пассатижи. Все эти предметы и персонажи появятся здесь в своё время. Они вполне реальны. Никакой фантастики. Точно.

В результате длительных научных исследований ученым удалось доказать, что если в замкнутом пространстве одновременно находятся военнослужащие, вода и спирт, то первые обязательно выпьют третьего. Разбавляя вторым. Иногда с последствиями. Вот так вот. Вместо чистого спирта могут применяться другие спиртсодержащие жидкости; приводить список не буду, так как места на бумаге просто не останется. А рисовать нечем.

Беда приходит, откуда не ждёшь. Я просто стоял в последней шеренге третьей роты.

Итак, учебный центр харьковской ПВО-шной учебки в лесах под Чугуевом. Лето 198– затёртого года. Утреннее построение батальона обеспечения учебного процесса (БОУП).

Командир был очень зол… Замполит крутился вокруг него, преданно заглядывая в глаза. Не зря он имел прозвище «Табаки». Обычная вчерашняя ежевечерняя пьянка всех категорий военнослужащих принесла несколько необычных ситуаций. Кроме выбитых окон, выломанных дверей, разбитых морд, обычных тем утреннего разноса, добавилось грандиозное ЧП. Кто-то обрыгал белоснежную болонку замполита. Но пахло апельсином… Псина просто беспечно гуляла себе по коридору общежития, но в один прекрасный момент внезапно открылась какая-то дверь, и она попала прямо под мощную струю… Не повезло. Такие дела…

Эта дверь вела в четырёхкоечную комнату, в которой жили командиры рот БОУП. Сами командиры начисто все отрицали, прибегая к помощи лаконичных жестов, так как говорить уже не могли. И пахли они все апельсином… Но это все было вчера. А сегодня… Командир задумался. Не будешь же устраивать разнос всем четырём ротным в присутствии всего батальона… Нужно найти козла отпущения… Стоп… А где они пили? Явно в КУНГе[18] у Пушкина… А ну-ка, выйти из строя, товарищ прапорщик Пушкин!

Я вышел. С трудом. Пытаясь сделать «кру-гом», чуть не упал. В голове гудело. Пролетевший через мой выдох воробей упал замертво. Замполит, выскочив из-за спины комбата, накинулся на беззащитного страдальца.

– Докатились, трщпрщк! Допрыгались! А я предупреждал! За забор – ни шагу! Никуда! Вы – разлагатель дисциплины! Гауптвахта давно по вам плачет. Организатор микрогрупп в коллективе! Сколько уже было последних китайских предупреждений! Терпение лопнуло! Командир, я считаю, надо его посадить… Хватит уже с ним возиться…

«Если четыре ротных – микрогруппа, а прапорщик – организатор, тогда зачем такой батальон?» – тоскливо промелькнуло в больной голове…

Старый добрый советский лимонад состоял из трёх основных частей: газированная вода, сахар и «композуха» – 90-градусный концентрат вкуса-запаха соответствующего напитка. Кто помнит? Все помнят? Её пили чистой, пили, разбавляя водой, при этом она становилась молочно-белой… Ею же и похмелялись… А перегар от неё был слышен за километр… А ещё можно в тесто её добавлять. Для всяких тортов. Две капли на кило. Такие дела…

Военторговский ситро-цех стоял сразу за нашим забором. Забор состоял из трёх ниток ржавой колючей проволоки. Местами она отсутствовала совсем. Командовала цехом женщина огромных габаритов – Инна Васильевна. Все текущие проблемы своего цеха она решала своей же композухой. Выгрузить машину сахара, навести порядок на территории – все это делалось курсантскими руками – а бутылочка композухи доставалась почему-то взводному… «Техника и вооружение» цеха, по идее, ремонтировались силами военторга, но реально поддерживать рабочее состояние разливочной линии, сатуратора и бутылкомоечной машины приходилось мне. Не из любви к лимонаду, как вы уже правильно заметили, а из любви к композухе…

О, композуха! Ты – радость лагерных аборигенов! Ты стоишь в полутёмном складе в старинных пузатых двадцатилитровых бутылях… Тонкие лучи солнца порой играют на их блестящих боках… Темно-зелёный «Тархун», светло-зелёный «Дюшес», оранжевый «Апельсин», нежно-жёлтый «Лимон» – вся палитра вызывает ощущение светлой радости и совершенства. Как картины старых мастеров… Твои тонкие ароматы наполняют сердце предвкушением… Ой, не могу… держите меня…

Прапорщик Пушкин отключился от времени.

В тот день, да, в среду, бутылкомоечная машина сломалась с утра. Работа встала. Во дворе цеха скопились недовольно урчащие грузовики и их водители, приехавшие за товаром. Вызванный по тревоге, я внимательно осматривал механизм, перемолотивший уже не один десяток бутылок и наглухо заклинивший. Инна Васильевна порхала рядом…

– Саша, не рвите душу, скажите, можно её сделать? Вы ж видите, что во дворе творится… Меня сейчас завмаги на куски порвут… Машины стоят… Два заказа на свадьбы… Я ж бутылочку сразу наливаю…

Никогда прапорщик Пушкин не был шантажистом… Но не воспользоваться таким моментом – я бы себе этого никогда не простил…

– Бутылочку? При всем моем уважении, Инна Васильевна, пять литров! Или я пошёл. Дела у меня. Комбат счас прибежит меня искать…

– Саша, побойтесь Бога! Какие пять литров! Откуда?

Сошлись на трёх… Инна Васильевна схватила пустую банку и уплыла на склад. Через пару часов грязный, мокрый, но ужасно довольный, я поставил себе на стол в КУНГе полную до краёв трёхлитровую…

Ротный тогда был у меня молодой, КУНГа себе ещё не завёл… Жил «с подселением» в моем. Пока… Поэтому ротная канистра спирта хранилась в «нашем» сейфе. Но не всегда она была полная… Бывали и трудные времена… Но комплект эмалированных, уже местами щербатых кружек был всегда наготове. Закуску посылал сам Бог. Лично и ежедневно.

Через тридцать секунд после появления банки был сказан первый тост. Ближе к вечеру потянулись друзья-товарищи. Получив по полкружки и короткое напутствие, они исчезали в вечерней дымке. Прилетели на огонёк и командиры дружественных рот или дружественные командиры рот (это все равно) нашего славного батальона. У каждого с собой немного было… Да плюс моя банка-наповал-убийца. По убойной силе она приравнивалась к двенадцати бутылкам водки… Результат вы уже примерно знаете. Ближе к полуночи вся наша компания с песнями двинулась в сторону общаги. Снежно-белая болонка замполита уже начала свою прогулку по коридору… Кто знал…

Развод закончился. Комбат подозвал меня к себе. Ничего хорошего это не предвещало.

– Через полчаса подойдёшь ко мне в домик. Получишь записку об аресте. Сегодня четверг, значит, пятница тире воскресенье ты сидишь свои трое суток. В понедельник утром докладываешь о прибытии с отметками и круглыми печатями, что ты отсидел. Не будет отметок – докладываю комбригу. С обеда можешь выдвигаться…

– А где ж мне отсидеть? Комендатура, говорят, не берет…

– А где хочешь. Я знаю, когда тебе надо, ты находчивый…

Добираться до города пришлось часа два. Попытка уговорить комендатурского начгуба провалилась сразу.

– Товарищ прапорщик! Я вам третий раз повторяю! Мест нет! И не будет! Ни завтра, ни послезавтра! И чем я вас кормить тут буду? Своим обедом?

С горя поехал в бригаду. На всякий случай выписал продаттестат. Все сочувствовали, но только один поросший мхом матёрый

прапорюга, кряхтя и матерясь, вспомнил: «В старые времена, при маршале Малиновском, я сидел… В полку гражданской обороны была губа… Садись на электричку утречком и езжай. Нальёшь сто пятьдесят – скажу, куда». Налито было незамедлительно, и вечером я уже знал все координаты этого полка и возможные варианты посадки и высадки. Такие дела…

Длинная зелёная электричка со свистом прорезала утренний туман. На энном километре справа в соснячке стали видны казармы, боксы, колючая проволока – все это явно называлось полком. Вместе со мной высадились и добрая сотня военных, спешивших на службу. Пролетев через КПП вместе со всей этой толпой, я быстро и легко сориентировался. Люди в сапогах шли в казармы и парк, люди в «параллельных» брюках – явно в штаб.

Небедный себе был полчок… В штабе везде ковры, резное дерево. Ага, табличка… «Начальник штаба». Тук-тук… За огромным столом виднелась большая лысая голова под чьим-то портретом. В углу стоял вполне обывательский фикус.

– Товарищ майор… Разрешите… Вот тут такая проблема…

– Ну и на хер ты мне тут нужен, прапорщик? Мало у меня своих проблем? Нет у меня мест… А чем я кормить тебя буду?

– У меня аттестат…

– Съешь свой аттестат сам… без соли… хе-хе.

– Ну, может как-нибудь, в уголочке, в караулке…

– Вам что не ясно, трщпрщик?!

– Ну, может, хоть работу какую дайте…

Одна бровь начальника штаба, не встречая преград, полезла вверх по лысине, вторая – пошла вниз, по пути закрывая глаз.

– А что ты умеешь делать?

– Все умею… Связь, радиостанции, телевизоры, машины, дизеля-электростанции, первую помощь умею оказывать… Танки, тягачи… Подрывное дело…

– А щас вот мы тебя проверим. Что ты за спец… Есть у нас одна машина…

Ох, кривил душой майор… Не «наша» была машина, а его. Собственная. Денежку малую за неё платил. Все чужие машины разъехались своим ходом, а вот эта не хочет. А нанимать мастеров со стороны – стыдоба. Хрен цена такому полку… И начштабу его…

В то благословенное время в армии ещё все было. И вещ– и прод– и авто– службы были богатыми и добрыми. И «излишки» уже стало можно продавать… И пошло… Самые лучшие, ходовые автомобили были мгновенно раскуплены. По цене металлолома. Не лейтенантами… И не прапорщиками… Начальники собирались на этом неплохо заработать. Недальновидные частники покупали эти машины, надеясь сделать бизнес на грузоперевозках. Но очень скоро настали времена, когда возить стало нечего… Долго стояли под заборами на частном секторе эти несчастные ЗиЛы, «Уралы», «Газоны»… Уже их нет. Металл подорожал уж очень сильно… Такие дела.

В углу сырого тёмного бокса стоял бензиновый бортовой «Урал», покрытый пылью времён хранения на НЗ. Рядом было много свободных мест, явно указывающих на то, что все его собратья уже где-то пристроены в тёплых сухих гаражах у новых заботливых хозяев. Завидев меня с начальником штаба, местные бойцы исчезли как привидения. На их месте материализовался старлей – командир автороты. Получив задачу обеспечить меня помощником, а машину – бензином и аккумулятором, он тоже исчез. «Урал» незаметно подмигнул мне фарой. Несмотря на отсутствие аккумулятора. Он все понял.

– Вот, трщпрщк. Как тебя зовут? Так вот, Саша… «Урал» заводится. Работает на холостых. И все. Хоть газуй, хоть не газуй – одни холостые. Ехать не хочет. Чуть фыркнет и все. Все спецы смотрели. Трамблёр меняли. Зажигание вертели. Карбюратор мыли. Смотри. Сделаешь – получишь печати за трое суток. Не сделаешь – извини. Если что, звони мне в кабинет с КТП.[19]

Переодеться было не во что, пришлось закатывать рукава. Поставили аккумулятор. Залили бензин. Завели. Всё правда – только холостые. Первый раз такое вижу… А ну-ка, посмотрим главную заслонку… Снял «воздухан», посветил зеркальцем в тёмную трубу карбюратора. Завёл.

– Газуй, боец!

«Газовая» тяга делает полный ход, но главная заслонка, чуть шевельнувшись, самопроизвольно возвращается обратно, на холостые обороты. Какая-то сила тянет её назад. А какие там силы в карбюраторе? Да никаких… Разрежение… Стоп! Ограничитель

максимальных оборотов занимается подобной работой, за счёт разряжения прикрывает заслонку при достижении этих самых максимальных оборотов. Не помню, сколько там… Сам он прячется впереди на коленвале, за шкивами. А мы вот просто одну из двух его медных трубочек открутим и посмотрим…

– Заводи, боец!

«Урал» взревел как несчастный узник, получивший неожиданную, но долгожданную свободу. Так. Лезть под шкивы чинить ограничитель оборотов не собираюсь. Сам пусть на досуге займётся… Надо его просто отключить. Но чтоб трубки были на месте… А передавлю-ка я медную трубочку пассатижами. В не видном месте…

– Боец, крепи аккумулятор! Едем кататься!

Через полчаса мой новый друг, бортовой «Урал», под моим же чутким руководством радостно носился по парку, пугая редких бродячих военных. В качестве бонуса я ему подрегулировал «солдатик» на компрессоре и подкачал колеса самоподкачкой… «Урал» бил копытом и звенел от радости…

Ну почему было не посмотреть заранее расписание обратных электричек? Чтоб не сглазить? Теперь два часа бродить по пустому перрону, сжимая в кармане заветную записку с круглыми печатями. Пятница тире воскресенье. Прям личная машина времени. На дворе пятница, а у меня уже воскресенье. И я только что освобождён из-под стражи… Начштаба сдержал слово… Хотя и испытал лёгкий шок, увидев бегающим практически безнадёжный «Урал» через час после начала ремонта. Такие дела…

Пересев на Южном вокзале на другую электричку, я очутился в гостях у тёщи. Чтобы не встретить кого-нибудь из наших в городе. Сидеть так сидеть. Тёплый пруд и песчаный пляж вполне заменили мне нары…

Прапорщик Пушкин совершил очередной прыжок во времени.

Утро понедельника. Развод. После развода с виноватой мордой подхожу к комбату. «Табаки» крутится рядом. Молча вручаю записку. Табаки не выдерживает:

– Ну что, отсидел? В полку? Нашёл ведь, паршивец! Понравилось? Дальше будешь продолжать нарушать дисциплину?

– Не понравилось. Холодно. Плохо кормят. Одна прогулка в день. Нары без матраса. Вонь. Больше нарушать не буду, – ответил я. И

виновато опустил глаза.

Механик Дежурство

Дежурство по части вообще штука не слишком приятная, но неизбежная. Но дежурство по Стройуправлению к проблемному в общем-то не относится.

Неизвестно, что лучше: мотаться по командировкам (зачастую, внеплановым и крайне срочным) по стройплощадкам округа, или не особенно напрягаясь, провести согласно графика 24 часа на «боевом посту» с символом мифической власти – красной повязкой на рукаве. Тем более, что значительная часть «суток» проводилась двумя этажами выше, в родном «механическом» отделе. Народ в Управе жил под лозунгом: «Производство – прежде всего!», и к решению текущих вопросов во время наряда относился с пониманием.

Дежурному офицеру придавались «в помощь» личный состав – пара сержантов, давным-давно изучивших все «ходы-выходы» и отлично знающих, что, откуда и в каком количестве может «прилететь» и, самое главное, как этого избежать с возможно минимальными потерями. Ребята были местные, многократно проверенные, «залёты» не практиковали и справедливо считали, что плюсы «придворной» службы в паре трамвайных остановок от родительского дома многократно перевешивают все возможные минусы.

Так и остаёмся втроём вечером, в наконец-то опустевшем пятиэтажном здании в центре города.

Контрольный обход, входную дверь – на ключ, и жди спокойно утра, чтобы смениться в 10.00. Ничего сложного, в общем-то, если не будет срочных «вводных».

Начиная с 7-30 занимаю место в холле у входа в ожидании Папы, который из моего молодцеватого рапорта с удовлетворением узнает, что за ночь никаких серьёзных происшествий не случилось (всякую «мелочёвку» я и без него прекрасно «раскидаю» по отделам, нечего «подставляться»). Затем людской поток из ручейка превращается в полноводную реку, состоящую как из сотрудников Управления, так и «гостей» из других подразделений, приехавших решать какие-то производственные, да и личные заодно (куда же без них!) вопросы.

Заходит Олег Юрьевич (мой шеф), радостно щурится, здоровается за руку и аккуратно незаметно для окружающих тычет двумя пальцами под ребра. Зашипев от боли, вопрошаю: «За что?» и слышу в ответ безжалостное: «За Житомир! Завтра с утра – «командировочное» в зубы, и «мухой» в Житомирский УНР, «хвосты» подчищать! К выходным вернёшься. Вопросы?» «Да какие вопросы, когда вы так «доходчиво» все объяснили… Мой «косяк», мне и исправлять. Сделаю.» К «неуставняку» со стороны «Батьки» давно привык и не обижаюсь. Он меня сюда «вытащил», имеет право…

Юрьич делает паузу и изрекает: « Завтра утром с базы машина пойдёт, сядешь «на хвост», нечего на поезде трястись. Я позвоню, гостиницу забронируют. Все, сдашь дежурство – ждём в отделе. Ребята из Закарпатья привезли кой-чего, в обед пробу снимем…»

Провожая ласковым взглядом коренастую фигуру шефа, почёсываю ноющий бок. Никаких обид, Батька мужик правильный, всегда прикроет, если что… Да и достаётся ему от Папы, не приведи Господь. Полковника все никак не получит… Собачья должность!

«Мои» сержанты делают вид, что тщательно проверяют пропуска, остальные делают вид, что их показывают. Незнакомые лица – редкость, все друг друга знают, как говориться: «Чужие здесь не ходят…» Да и секретов у нас, прямо скажем, не густо, и захотели бы продать, так нафиг никому они не нужны, такие секреты.

Сижу, смотрю за процессом, не забывая здороваться с коллегами, прикидывая про себя: поехать домой отдыхать (имею право), или остаться поработать (имею необходимость). В предвкушении обеденной «дегустации» решаю остаться и, восхищённый своей трудолюбивостью, продолжаю следить за входной дверью и процессом фейс-контроля на входе.

В числе прочих заходит незнакомый старлей, отмечается в журнале и, не торопясь, поднимается по лестнице. Для приличия спрашиваю бойца: «Кто, куда?», и получив в ответ внятное: « Старший лейтенант Ст-енко, в строевой отдел», расслабляюсь. Но ненадолго.

Минут через десять ощущаю смутное беспокойство, увидев знакомую фигуру ст. л-та Ст-енко, вновь заходящего с улицы на «вахту». Снова журнал, снова знакомое «…в строевой отдел» мигом смахнули сонливость и заставили крепко задуматься. Вход – один, выход, соответственно, тоже, и проскочить на улицу незамеченным

«против течения» даже для Гарри Гудини – задача не то что сложная, а просто невыполнимая.

Но, тем не менее, вот он, поднимается по лестнице (снова!), постепенно скрываясь из виду. То же лицо, форма, даже родинка на левой щеке! Мистика… Вроде не сильно замученный, крепче минералки ничего не пил, в чудеса и призраков не верю…

Меня осенило! Журнал! Надо проверить записи, всё станет ясно! Поднимаюсь со стула и иду к проходной. Но дойти не успеваю, т.к. снова вижу тов. Ст-енко, не торопясь входящего в здание. В голове крутится идиотское: «Оборотня – серебряной пулей, вампира – чесноком, а Этого, Этого – хрен знает чем взять…» Машинально спрашиваю: «В строевой отдел?» Ответ, естественно, утвердительный. «Ну, идите, вас там уже двое, скучно не будет» – глуповато хихикаю.

Ничуть не удивившись сказанному, призрак ст. л-та Ст-енко гордо шествует мимо меня и направляется к лестнице.

Я тупо поворачиваюсь ко входу, внутренне готовый увидеть минимум взвод лже-старлеев, спешащих на шабаш (или как там у них это называется?) к «строевикам».

В голове крутится: «Интересно, «карету» за мной пришлют или на служебной ехать придётся?» Ощущаю, что ноги стали ватными и начинаю тихонько опускаться пятой точкой в заботливо подставленное сержантом Костюком кресло.

Поворачиваюсь и вижу, как мои бойцы с трудом сохраняют серьёзное выражение на красных от сдерживаемого смеха лицах. Из последних сил цепляюсь за ускользающую реальность и коротко выдыхаю: «Костюк, чо за хрень?! Что это было?»

Ответ поражает своей простотой: «Тай ничого, товарищ старший лейтенант… Вони **тройняшки**, служат у Хмельницком. Вы не перший, ни останний. Водички попейте – полегчает…»

Флот

КомДив Были «паркетного» крейсера-17 или «Испорченный телефон»

Корабль ощутимо качало, но это ничуть не мешало трём лейтенантам, собравшимся в 63-й каюте. Это были уже настоящие *лейтенанты* , а не сияющие выпускники, поднявшиеся на борт «паркетного» крейсера всего четыре месяца назад. Все они уже давно сдали зачёты на допуск к самостоятельному управлению своими подразделениями, вовсю «тащили» дежурства и вахты на стоянке. Впереди оставался последний барьер – допуск к несению ходовой вахты, с которым предстояло разобраться за время выхода в море. Однако на столе громоздились не конспекты, руководства и методички, а бутылка коньяка и немудрёная закуска. И разговоры велись совсем не о правилах расхождения в море или порядке дачи пробных оборотов, а в основном о виновнице торжества – дочке одного из офицеров, которой в этот вечер исполнился ровно годик. Началу же мероприятия мешало отсутствие четвёртого товарища, который вот-вот должен был смениться с вахты.

– А вот и я! – ворвался в каюту запаздывающий командир ГОПО. [20] Но общая радость тут же омрачилась заливистым звонком телефона.

– Черт, наверняка наш «бычок».[21] Сейчас выдернет к себе в каюту, и битый час будет вопросами по зачётам пытать! – огорчился комбат «Форта»,[22] хозяин каюты.

Звонок продолжал звенеть, лейтенанты переглянулись, и… трубку поднял акустик.

– Командир ГОПО лейтенант Тетерев! Слушаю! Да что вы, я в своей каюте. Я ж только с БИЦ-а[23] сменился, дублёром стоял. Вы ж в курсе должны были быть… Ну, при наборе ошиблись, бывает, – лейтенант положил трубку.

Телефон тут же вновь зазвонил. Теперь ответил трюмный.

– Командир трюмной группы лейтенант Курганов! Алло? У себя, а где ж ещё?

Диск при наборе сорвался, бывает, – трубка ответила короткими гудками.

Надо ли объяснять, что в третий раз на телефонный звонок ответил лейтенант штурман.

Телефон помолчал пару минут. Четвёртого «автоответчика» пришлось срочно вылавливать в коридоре. Мичман-финансист с полуслова все понял и с удовольствием подключился к игре.

– Да что вы, сижу в своей каюте… У меня же номер с тройки начинается. Уж вы-то, Николай Николаевич, должны помнить… Говорите, не в первый раз? Это электрики виноваты. Всё шило выпивают, а КАТС[24] годами без регламента… Ничего, будет нужда – звоните.

Телефон молчал подозрительно долго. Хозяин каюты всполошился:

– Сейчас он сам придёт! Я – на пост. Вы – к Лешке в соседнюю каюту, – и с дикой скоростью растворился в кормовых коридорах. Лейтенанты заскочили в соседнюю каюту и прильнули к двери.

Через считанные секунды дверь 63-й каюты содрогнулась от мощных ударов кулака:

– Родионов! Открой! – затем напор сменился неуверенностью, – Родионов, ты там? Ро-дио-нов…

– Искали, тащ? – с деловым видом с кормы подошёл комбат.

– Ты, это.., – командир БЧ–2 запнулся, – у тебя телефон работает?

– Конечно! Вот с поста звонили, ходил – журнал забрал, наработку подобью.

– А–а–а… А я что-то дозвониться не мог. Черт знает куда попадаю…

– Ну, при наборе ошиблись, бывает, или устали…

– Ошибся?! – взревел «бычок» и уже тише добавил: – Или устал… или… – и совсем уж потухшим голосом пробормотал: – Занимайся журналами, лейтенант. – Повернулся и ушёл.

А 63-я каюта вновь наполнилась лейтенантами, и телефон им уже не мешал.

КомДив Были «паркетного» крейсера-19 или «Море зовёт»

Вахту ВИМа[25] вряд ли кто-то рискнёт назвать синекурой. Сбивчиво-неразборчивые доклады с постов, нетерпеливо-ворчливые окрики с ходового, слёзно-жалостливые просьбы «пассажиров», переходящие в неприкрытый шантаж и угрозы немедленной физической расправы, залихватски прыгающие стрелки множества циферблатов (куда, ну куда она полезла!), нахально подмигивающие разноцветные лампочки (краем глаза надо бы видеть ещё ту и вот ту, ну и эту), и гул турбины почему-то сменил тональность, и где, черт возьми, эти 50 тонн топлива? и…, и постоянное ожидание *того самого* , что может превратить расчудесный боевой механизм в кусок ржавого железа на дне, и боязнь его пропустить, не успеть во время отреагировать, куда большая, чем страх с ним не справиться.

Но бывают, хотя и чрезвычайно редко, моменты, когда ВИМ всё же может позволить себе сладко потянуться, пройтись вразвалку по ПЭЖу («Старшина, спишь? Что тут у тебя в столе? Вечный бардак. Журнальчики почитываем на вахте?! Ну-у-у!!!… Давай сюда») и, удобно устроившись в кресле ВИМа, погрузиться в неторопливое поглощение хоть и не последних, но ещё неизвестных новостей.

Такая вахта досталась комдиву живучести капитан-лейтенанту Василию К. во время стоянки на якоре в 15-минутной готовности к даче хода. Газотурбогенераторы исправно генерировали, холод-машины – холодили, опреснители – опресняли, насосы – качали, компрессоры – нагнетали, и даже матросы не матросили, а старательно служили.

До смены оставался ещё час, и комдив листал старый журнал из незапоминающейся серии «Обо всём и ни о чём». На предпоследней странице он обнаружил статью под заголовком «Про ту жизнь». Автор статьи кратко излагал основы ведических законов кармы и реинкарнации и предлагал читателям методику, с помощью которой человек якобы мог определить, кем он был в прошлой жизни. Методика была чрезвычайно запутана. С помощью множества математических действий и численных сопоставлений в неразрывную

цепь сплетались как традиционная для гороскопов дата рождения, так и рост, цвет глаз и волос, количество детей в семье, предпочтения в музыке и еде и масса других самых неожиданных характеристик. Получившееся в результате число по приведённой ниже таблице освещало тёмное прошлое вычисляющего. Причём фантазия составителя этой таблицы также не имела границ, и наряду с безобидными бабочками и растениями, противными пауками и рептилиями, героическими римскими легионерами и индейскими вождями значились загадочные «Красный поток», «Огненный дракон» и другие ещё менее понятные названия.

Журнал был уже прочитан от корки до корки, а срок смены всё не наступал. Забыв на время о своём агностицизме, комдив вооружился карандашом и засел за расчёты. Его упорство было вознаграждено по достоинству. Напротив получившейся цифры в таблице из более чем пятидесяти строк значилось убийственное: «В прошлой жизни вы были *моряком* ». ВИМ застыл в трансе.

– О чём грустим, Василь? – в ПЭЖ ворвался долгожданный сменщик, жизнерадостный командир электротехнической группы.

– Не, ну ты это видел? – жаждущий сочувствия комдив подвинул листок с расчётами.

– А что? – группман мельком заглянул в журнал, – Всё ясно. *Тебе понравилось!*

КомДив Были «паркетного» крейсера-20 или «Потёмкин-2»

– Нэ так, нэ так надо было дэлат! – запальчиво кричал дежурный БЧ-2[26] старшина 1-й статьи Джабраилов.

– Ты прямо как Володя: «Мы пойдём другим путём…» – съехидничал дежурный трюмный старший матрос Коробов.

– А что, Али дело говорит. Хрен ли они в Одессу попёрлись? Надо было в море оставаться и корабли потрошить, – к спору подключился дежурный электротехнического дивизиона старшина 2 статьи Евгеньев.

– Не, ну ты дал! Они революционеры или пираты? – рассудительный дежурный телефонист старший матрос Маратов попытался остудить горячие головы.

Киноманы «паркетного» крейсера бурно обсуждали, нет, не очередной голливудский блокбастер, а «классику российского кинематографа» – фильм Эйзенштейна «1905 год». В воскресенье демократичный зам разрешил весь день транслировать телепередачи по кубрикам, и оказавшийся в дневной сетке телевещания старый фильм не остался незамеченным экипажем корабля. А сейчас, во втором часу ночи, вынужденные бодрствовать матросы потихоньку стеклись в ПЭЖ[27] и делились впечатлениями от увиденной (многими впервые) эпопее потёмкинцев.

– Али, а как по-твоему надо? Оружие они захватили – раз, офицеров постреляли – два, топливом в Одессе заправились – три. Всё грамотно сделали. – Дежурный дивизиона РТС[28] старший матрос Хабибулин не поддержал земляка.

– Офицеров, вроде ж, вешали или топили? – Маратов не позволил отклониться от сценария фильма.

– Во-во, офицеров – только вешать! – Евгеньев вчера чуть не закоротил автомат в ГРЩ,[29] за что был немилосердно выдран командиром группы.

– Жека, и кого б ты первым повесил?

– У нас, что ли?

Разговор обрёл кровожадную направленность. А увлечённость сыграла с матросами злую шутку. На посту живучести за полупереборкой с вечера разбирался с документацией оставшийся в боевой смене комдив[30] живучести. Внимания он к себе не привлекал. Дежурившие в ПЭЖе и думать о нём забыли. Подтянувшиеся позже просто не заметили. А комдив выгонять «чужаков» не стал, мудро подумавши, что лучше, на всякий случай, иметь вахту под рукой и не спящей, чем разыскивать потом по дальним шхерам.[31] Но после последних слов электрика он отложил бумажки в сторону и прислушался.

– Пэрвым вэшать – старпома! – рубанул Джабраилов. Возражений не последовало.

– Точно, – подумал, комдив, – должность такая собачья. Профессиональный, так сказать, риск.

– Тогда вторым – нашего Мопса, – Хабибулин материализовал в слова всеобщую матросскую ненависть к К-7,[32] которого в силу врождённого хамства не жаловали и младшие офицеры.

– М-да, чутче надо бы к людям относиться. Глядишь, и пригодится, – комдив отдал должное справедливому выбору новоявленных линчевателей, – и кличка как приклеенная. Хоть фоторобот составляй.

– А третьим вашего комбата. Вечно руки распускает! – Маратов, коренной петербуржец и недоучившийся студент, уже давно и успешно замещавший в рубке дежурного по кораблю, до сих пор не привык к грубым нравам выпускников калининградской «пулемётной школы». [33]

– Зама, зама нашего! – вмешался электрик.

– Он же, вроде, безобидный? – уточнил Хабибулин.

– Он – чмо, а чмошникам в революции не место! – Евгеньев явно метил в комиссары.

– От оно как, – подумал комдив, – а Лёньчик вечно перед матросиками стелется.

– Штурмана следующим, – предложил телефонист, – Достанет всех своей пунктуальностью.

Очередь на эшафот продолжала расти. Матросы с пылом обсуждали достоинства и недостатки очередной кандидатуры. Комдив за переборкой раскачивался в кресле и обеими руками зажимал рот,

чтобы не расхохотаться в голос, выслушивая краткие, но на удивление ёмкие характеристики офицеров из уст моряков.

– Коробок, а что будэм дэлат с вашим…? – и тут комдив замер, услышав свою фамилию.

– Не-е-е, его-то за что? Он – нормальный, – после короткой паузы ответил трюмный.

Комдив сделал три глубоких вздоха, – «Коробок, Коробок, ах ты ж мать…», – взял со стола книгу и уронил на пол.

– Бля, там же… – полушёпотом вспомнил Евгеньев. По трапу часто застучали каблуки. ПЭЖ затих. Комдив, потягиваясь, вышел со своего поста.

– Тащ капт…, – зачастил дежурный трюмный.

– Ох, надо ж так, на посту заснуть, – оборвал комдив, – У нас всё нормально? Я – в каюту. А ты, Коробков, бди!

И про себя добавил: «Гуманист!»

Комдив Были «паркетного» крейсера-49 или «исполнительность – страшная сила»

Выход в очередной дальний поход «паркетного» крейсера не заладился с первого дня. Новый начальник штаба флота, возглавляющий походный штаб, проявил похвальное на первый взгляд желание усилить командный состав корабля офицерами штаба. Однако, на практике эта помощь вылилась в ночные шатания по крейсеру назначенного дежурным штабного офицера, который, быстренько записав десяток подмеченных недочётов вроде отклеившейся бирки, завалившегося за рундук фантика или потёртой повязки вахтенного, с чистой совестью укладывался спать, а на утреннем докладе гордо рапортовал адмиралу о «выявленных свидетельствах ужасающе низкой организации корабельной службы». Начштаба, как большинство подводников хронически недолюбливавший надводные корабли, не отказывал себе в удовольствии попинать командира:

– У вас на корабле бардак! Бардак! Молчите, мне доложили! А мне-то ещё рассказывали, что это якобы лучший корабль эскадры!

Южная кровь командира мгновенно вскипала от незаслуженного разноса, и он отыгрывался на командирах боевых частей:

– Всем! Поменять бирки! Все! И! Обновить повязки! В чьём кубрике мусор? Наказать! Старпом, жду доклада!

Волны командирского гнева расходились кругами, вовлекая в свой круговорот весь экипаж крейсера, и день бездарно тратился на устранение мелочных недостатков. Однако на корабле, по размерам сравнимом с многоэтажным домом, а по насыщенности техникой – с целым заводом, не составляло труда следующей ночью отыскать новое несоответствие строгим требованиям Корабельного Устава, и всё повторялось вновь и вновь. На боевую подготовку, морскую практику и обслуживание оружия и техники времени просто не оставалось, а личный состав был совершенно деморализован постоянной осадой соревнующимися между собой в количестве записанных замечаний многозвёздными проверяющими, что уже грозило привести к настоящему ЧП.

Стихийное офицерское собрание по разрешению сложившейся ситуации собралось в каюте помощника командира. Наиболее радикально настроенная часть офицеров громко ратовала за организацию массового избиения всего штаба вместе со своим начальником. Менее агрессивно настроенные члены экипажа предлагали пока ограничиться запиранием на всю ночь наиболее настырных проверяющих во время их обхода корабля в каких-нибудь тёмных и холодных выгородках. Других результатов всеобщий мозговой штурм никак не давал.

– А что, если… – интеллигентно молчавший до того группман-управленец изложил свой взгляд на решение проблемы.

– Да ну… Не сработает… – уныло протянул кто-то.

– Не скажи, не скажи, – хищно улыбнулся комдив-ракетчик, благодаря своему исключительно высокому профессионализму давно заслуживший у командования право на дурные наклонности. – Я как раз сегодня по кораблю дежурю. Организую всё в лучшем виде.

Наступила ночь. Назначенный дежурным штабной офицер уже быстренько пробежался по кораблю, распугивая ночную вахту, и теперь, уютно устроившись в своей койке, блаженствовал на зыбкой грани между сном и явью. В голове мелькали обрывки приятных мыслей: «Как тот дневальный шуганулся… И дежурного по связи на место поставил… Расслабились, понимаешь… Завтра перед адмиралом надо не забыть упор на слабое знание матросами морских терминов сделать. Как я удачно придумал, в Морском словаре значение слова «твиндек» глянуть – никто его назвать не смог… А вахтенный механик – хам. «Не отвлекайте вахту у действующих механизмов». Жаль, что флагмех[34] своих прикрывает. Ну да потому он у адмирала и не на лучшем счету… А качает как приятно, как в колыбельке… И вдали за переборками что–то так ровно и успокаивающе гудит… Если бы не стук… Стук? Стучат?!»

В дверь каюты действительно стучали:

– Тащ капытан пэрвый ранга! Тащ капытан!

Офицер недовольно выбрался из-под одеяла, натянул брюки и рубашку и открыл дверь.

– Тащ капытан пэрвый ранга! Дынывалный кубрык пытнадцыт-сымнадцыт матрос Сактыкбэков! Ваше замечание устырынэно: агнытушитэл апламбырован! – невысокий, смуглый матросик сунул

прямо под нос сонному офицеру здоровенный красный цилиндр с висящей на проволочке новенькой пломбой.

– Хорошо, понял, – уныло пробормотал капраз, – Ступай, Сактыкбеков, ступай.

«Вот же, заставь дурака богу молиться,» – размышлял он, вновь ныряя под одеяло. Однако не успевшая остыть постель умиротворяющее подействовала на полусонный офицерский организм, и в глубине его души затеплилась некоторая гордость: – «А всё же как прав начштаба. Без наших регулярных обходов так и творилось бы на корабле черт знает что. А так, глядишь, и наведут порядок…» Глаза окончательно сомкнулись, но всего через четверть часа широко распахнулись – ночную тишину в каюте нарушила звонкая трель телефонного звонка. Офицер, кряхтя, потянулся к телефону:

– Каюта 35, первого ранга Смирнов.

– Тащ капитан первого ранга! Помощник дежурного по связи мичман Румянцев! – бодро донеслось из трубки, – Ваше замечание устранено – приборка на КПСе[35] произведена силами дежурной смены!

– Утром! Утром могли бы доложить! – взорвался офицер.

– Ну, – обиженно протянул мичман, – мы как сделали, так сразу и доложили. Вы ж сами нам говорили, что офицеры штаба вынуждены с нами дежурить, чтоб корабельную организацию наладить.

Капраз с силой грохнул трубку на место. Улёгся, поворочался. Сон не шёл. Настырный далёкий гул вентилятора раздражал, от качки мутило. Понемногу успокоившись, офицер начал потихоньку проваливаться в нервный сон, как вдруг ухо уловило в коридоре шум чьих-то шагов. Перед каютой шаги остановились. Не дожидаясь стука, разъярённый капраз, не одеваясь, подскочил к двери и распахнул её. На пороге стоял застенчиво улыбающийся белобрысый старшина двухметрового роста:

– Тащ капитан первого ранга, как хорошо, что вы ещё не спите. А то я стучать-то побоялся, чтоб ненароком вас не разбудить, а доложить надо, – верзила торжественно выпятил грудь вперёд, – Дежурный боцман старшина второй статьи Воробей! Это фамилия у меня такая, – конфузливо уточнил он, – Ваше замечание устранено, бирка «Боевой номер» подшита!

«Они что, издеваются? Они надо мной издеваются!» – мелькнуло в голове у офицера. Он внимательно посмотрел на боцманёнка. Однако небесно-голубые глаза под приветливо хлопающими длинными светлыми ресницами придавали моряку такой детски-наивный вид, что заподозрить в его поступке что–то недоброе было просто невозможно. Ещё бы: ведь Воробью случалось обмануть своим простодушным видом даже главного боцмана – признанного знатока матросских душ.

– Ну иди, доклад принят, – обречённо вздохнул капраз.

– Тащ, а вы ж ещё не ложитесь, ещё минут десять спать не будете? – уже отойдя к трапу обернулся старшина, – А то дневальный по десятому кубрику сейчас по вашему приказанию доглаживается, говорил, с докладом чуть позже подойдёт.

А-а-а-у-у-у-о-о-о! – вой, достойный собаки Баскервилей непроизвольно вырвался из глотки офицера.

По трапу звонко застучали каблуки, в коридор поднялся дежурный по кораблю и вопросительно посмотрел на штабного офицера и застывшего на полушаге боцманёнка.

– Дежурный! – бросился к нему капраз, – Дежурный! Ваша служба… Вы… Пусть меня оставят в покое!

– А как же утренний доклад по замечаниям? – удивлённо воззрился на него дежурный.

– Не будет! Не будет замечаний! – сдался проверяющий, – Ясно? Не бу-дет!

– Так точно, ясно, товарищ капитан первого ранга! Отдыхайте, – и дождавшись, пока дверь флагманской каюты закроется, повернулся к боцманёнку:

– Так, бережёного бог бережёт. Воробей, прекращай лыбиться, рысью по кораблю – всем получившим замечания от офицера штаба доклад об устранении через 15 минут в рубку дежурного. Кто не уложится, будет завтра с ветошью весь день докладывать парадному трапу на правом шкафуте. Что-то у него поручни потемнели.

Утренний доклад стал приятным сюрпризом для заранее занервничавшего командира корабля. На вопрос начальника штаба о результатах ночного обхода поднявшийся проверяющий с синими кругами под глазами неожиданно заявил:

– Товарищ адмирал, замечания несущественные, на месте устранялись силами дежурно-вахтенной службы, – а перехватив взгляд

нахмурившегося дежурного по кораблю, поправился, – Практически, замечаний нет!

КомДив Были «паркетного» крейсера-50 или «деревенские забавы»

Запутанные правила любимой американской игры так и остались тайной за семью печатями для группки моряков с «паркетного» крейсера, волей судьбы занесённых на матч в бейсбольном клубе ранее достижимого с Северного флота разве что с помощью баллистических ракет американского города Джексонвилла во Флориде. Но вот спортсмены разошлись по разным сторонам поля, судья произнёс краткую эмоциональную речь, и табло со счётом погасло, что даже для любого не вникшего в секреты бейсбола однозначно могло означать только окончание игры. Однако зрители покидать свои места не спешили. Больше того, с неимоверным удивлением старший лейтенант Василий К., возглавлявший присутствующую на матче команду матросов, увидел на здоровенном экране над площадкой, ранее демонстрировавшем наиболее драматические моменты игры, физиономию сидящего в соседнем ряду старшины второй статьи Ибрагимова, невозмутимо ковыряющегося в носу. Шум на трибунах мешал и без того не слишком-то твёрдо знающему английский офицеру уловить смысл скороговорки диктора, но тут на помощь деликатно пришёл американский переводчик:

– Слышите? Такого на этом поле не было никогда. Чтобы тренер команды Джексонвилла предложил поиграть с его игроками в бейсбол непрофессионалам? А вам – предлагает сыграть! Говорит, как бы это на русском? Гром сражения должен греметь только на спортивном поле.

– Какой, нахрен, бейсбол? – встрепенулся старлей, – Вот ещё, клоунов из нас делать.

– Васильич, – потянул его за рукав сидящий рядом мичман Пудов, – Васильич, а давай сыграем? Что нам, слабо, что ли? Тем более, я – деревенский.

– И что? У вас вся деревня на бейсболе помешана? Первенство колхоза между бригадами постоянно проводили? – офицер на секунду представил себе своего мичмана в телогрейке, кирзовых сапогах, с

«Беломориной» в зубах и разлапистой перчаткой-ловушкой на правой руке.

– Скажешь тоже. У нас футбольной-то команды и то не набрать было, – улыбнулся Пудов.

– А где ж тогда ты бейсбольную биту освоил? – теперь перед мысленным взором старлея пронеслась картинка, на которой мичман сосредоточенно дубасил битой нерадивого должника.

– Да я этой биты ни разу в руках не держал. Вот и хочу попробовать. Давай сыграем, чего нам терять?

– Вообще-то, конечно, прикольно бы в бейсбол сыграть. Было бы о чем рассказать на свалке, – начал сдаваться Василий, – Но мы ж даже правил не знаем.

– Всё очень легко устроить, – вмешался переводчик, – Запасные американские спортсмены могут страховать ваших игроков и подсказывать, кому что делать. Я договорюсь. Ведь никто не требует от вас рекордов. Пусть американцы просто увидят, что русские – такие же обычные люди, как они.

– Чёрт с ним, выходи строиться! – решительно махнул рукой офицер. Матросы дружной гурьбой повалили на поле.

Быстро переговорив с американской командой и распределив дублёров к российским морякам, переводчик подошёл к Василию, протягивая ему биту:

– Вам начинать.

– Сперва бы попробовать, – офицер пару раз взмахнул, примериваясь, своим новым грозным оружием.

– No problem, – переводчик сделал знак подающему.

Мяч взрезал воздух. Старлей ухитрился всё же задеть его битой, но и не зная правил, понял, что упал мяч после удара позорно близко.

– Хрен мы так чего наиграем, – оптимизм офицера улетучивался на глазах.

– Не переживай, Васильич. Давай я на отбив встану, – потянулся к бите Пудов.

– Ага, помню. Ты – деревенский. Ну, держи, раз сам втянул в авантюру, – старлей демонстративно отвернулся к трибунам.

За спиной сухо щёлкнуло, и зрители неожиданно разразились восторженными криками. Офицер повернулся. Мяч, за которым стрелой мчался американский игрок, каким-то чудом очутился на

другом краю поля, а матросы, бережно управляемые на голову возвышающимися над ними поводырями, совершали какие-то сложные перестроения по периметру площадки.

Пришло время следующего броска. Мичман лихо махнул битой, и мяч вообще перелетел поле, ударив в сетку на противоположной стороне. Следующий бросок был отражён не менее удачно. Следующий – также. Трибуны неистовствовали.

– Вот это удар! – подбежал к Василию переводчик, – В нашей команде не каждый может таким похвастаться. И какая реакция! Где же он смог такому научиться?

«В деревне?» – ошарашено подумал Василий, оставив вопрос без ответа.

Игра завершилась. Возбуждённый Пудов, окружённый толпой восхищённых американских спортсменов, подошёл к старлею.

– Васильич, я ж говорил, не переживай, – хмыкнул он, – Подумаешь, битой мяч отбить. Вот поиграли б они в нашей деревне выломанной из забора штакетиной и катушкой от ниток в лапту!

Комдив Тоже быль-2 или «Без меня меня женили»

Для многих выпускников военно-морских училищ июль частенько становился не только первым месяцем в офицерском звании, но и последним месяцем холостяцкой жизни. Вот и в этот летний день набережная Красного Флота в очередной раз заблистала золотым шитьём новеньких лейтенантских мундиров. Правда, на предшествующем свадьбе «мальчишнике» новоиспечённые офицеры не подумали договориться об «однообразии формы одежды», а потому одни парились под солнцем в строгой чёрной парадной «форме № 3», а другие аккуратно отстранялись от своих подруг, чтобы не испачкать белоснежные тужурки «формы-два». Даже жених и свидетель обошли этот вопрос вниманием, и теперь свидетель в белой тужурке выгодно оттенял самого виновника торжества, прибывшего в чёрной форме. Свадебный кортеж традиционно запоздал к началу церемонии, а потому новобрачные со свидетелями мчались в зал торжеств чуть ли не бегом.

– Туда, туда скоренько проходим! А вы, молодой человек, подождите! – дородная дама профессионально «отжала» свидетеля, – Паспорт дайте, пожалуйста! Или что там у вас – удостоверение?

Лейтенант притормозил. «Нафига ей мои документы сдались?» – возникла первая мысль. Но тут же в памяти услужливо всплыл вчерашний разговор на «мальчишнике»:

– Зря ты свидетелем согласился идти, – авторитетно вещал успевший за пять лет учёбы жениться, развестись и жениться ещё раз Лёха, – Сейчас же партия и правительство за моральный облик борьбу усиливает, на свидетелей ответственность взваливает.

– Звизди-и-и-и-ишь. Какая-такая ответственность? – веселился будущий шафер.

– А простая – материальная. Ежели молодожёны в течение года разведутся, то со свидетелей штраф берут. За лжесвидетельство.

– Звизди-и-и-и-ишь…

«Не звиздел, видать, Лёха-то, раз и на свидетелей данные куда-то записывают», – и новенькое, ещё без обложки, удостоверение

личности офицера перекочевало в руки работницы ЗАГСа, а та бросилась вслед за невестой. Поспешил за ними и лейтенант–свидетель.

Наконец, зазвучал марш Мендельсона…

– Мы собрались в этот знаменательный день…

– Согласны ли вы, жених…

– Согласны ли вы, невеста…

– Обменяйтесь кольцами…

– Подойдите и распишитесь… вы …, а здесь – вы…

– Объявляю вас мужем и женой…

– А теперь можете скрепить брак первым поцелуем…

– Как официальные свидетельства вашего брака, получите…

На серебряном подносе вынесли красиво разложенные свидетельство о браке, паспорт и удостоверение личности офицера.

И тут радостно улыбающийся до того жених явственно поменялся в лице и даже схватился за сердце. Зашептались гости. Отшатнулась невеста. Отец невесты невольно сделал шаг вперёд, готовый оградить дочку от малейшей попытки «этого солдафона» её обидеть. Замолкла, почувствовав повисшее в воздухе напряжение, администраторша. Общее замешательство ещё больше усилилось, когда жених неожиданно захохотал. А в следующее мгновение его рука метнулась за пазуху и вынырнула с корочкой точно такого же новенького удостоверения.

Боясь поверить случившемуся, свидетель ринулся к подносу и, схватив лежащее там удостоверение, раскрыл. На первой странице он с ужасом обнаружил собственную фотографию, а на 13-й странице вопреки всякому здравому смыслу нагло сиял свеженькой синевой штамп о заключении браке.

– Да как же мне теперь!!! – взвыл лейтенант.

– Ничего, ничего, сейчас всё исправим, – профессионально невозмутимая администраторша одним ловким движением сгребла в кучу все документы, захватив заодно и удостоверение жениха, и, объявив с вновь «надетой» на лицо радостной улыбкой, – А теперь гости могут подойти и поздравить новобрачных! – куда-то быстро ушла.

Так и не понявшие в чем дело гости вереницей потянулись вручать букеты периодически всхахатывающему жениху и

продолжающей нервничать невесте.

Поздравления ещё не иссякли, когда администраторша, материализовавшись как из воздуха, вновь взяла бразды правления в свои руки и решительно повела ритуал бракосочетания к концу:

– А теперь, молодожёны, как официальные свидетельства вашего брака получите первый семейный документ – свидетельство о браке… паспорт невесты… удостоверение жениха. От всей души желаю вам счастья и любви!

– А вот и ваши документы, – работница ЗАГСа успокаивающе улыбнулась свидетелю, – Всё исправили, как я и говорила.

Лейтенант раскрыл своё удостоверение. Чуда не произошло – штамп о бракосочетании никуда не делся. Но теперь рядом с ним красовался второй штамп – «О расторжении брака».

Кэп Тревога

Тревоги имеют нехорошее свойство иногда быть внезапными.

В принципе, они и должны быть такими, но всё же…

Вот согласитесь, когда всё известно заранее, это совсем другое дело. Где-то даже очаровательно и приятно. И героические чувства всякие в организме пробуждают. Нет, правда.

Вот приходит Он домой:

– Ночью тревога! – и взгляд такой суровый.

Жена сразу вспоминает, что муж – военный, начинает суматошно носиться, стараясь скорее накормить, заглядывает в глаза и весь вечер не ворчит. Благодать просто.

В такие вечера господа военные спиртное вовсе даже не употребляют, а наоборот совсем – любовно собирают-перебирают «тревожный» чемоданчик, как старенькая бабушка – свой замшелый сундучок, наполняя его по списку необходимыми в бою вещами: всякими кальсонами–носками-фонариками и прочей тушёнкой.

На самом деле, что должно быть в «тревожном» чемодане, никто точно не знает. По рукам ходят замасленные бумажки с перечнем, которые не всегда соответствуют истине, а злобные проверяющие этот страшный секрет не раскрывают, чтобы всегда была возможность выдрать нерадивого военнослужащего за хреновую подготовку к тревоге.

И вот стоят они, красавцы, в одну шеренгу, как на базаре выложив перед собой распотрошённые «тревожные» чемоданы, представив на всеобщее обозрение незатейливый, пыльный скарб.

«Кому кальсоны почти не ношеные, почти свежие, почти не рваные, совсем не дорого?!»

А проверяющий с интересом шествует вдоль всей этой барахолки и вид имеет очень даже значимый.

Хм, отвлёкся я что-то.

Так вот, про эту тревогу никто не знал.

А потому запланированное празднование дня рождения отменено не было и закончилось далеко за полночь. Да какое там далеко, просто к утру закончилось, часа в четыре.

Владик шёл домой, поддерживаемый верной супругой, и, мечтая скорее добраться до кровати. Предстоящие три часа сна были сейчас очень необходимы для восстановления организма. Нет, он не был, конечно, пьян в сосиску, что вы! Среди недели, как можно?! Так, пошатывало легонько, этого не отнять.

И вот, у дверей своей квартиры Владик с отвращением обнаружил притоптывающего матроса – оповестителя. Бывает же такое западло!

– Куда ж ты в таком виде?! – заблажила жена.

– Тихо! Кофе мне сделай покрепче и «тревожный» чемодан собери, я пока переоденусь.

В это время в части командир раздавал вводные – вероятные направления атак противника и т.д. Все бегали, суетились и мешали друг другу.

Проверяющего на этот раз не прислали, поручили провести тревогу своими силами. Командир от оказанного доверия был возбуждён и хаотичен в движениях.

Владик ввалился в часть с чемоданчиком под мышкой и нескромно торчащими из него голубыми кальсонами. Ввалился, можно сказать, как раз в самый разгар действа.

Собственно, из-за этих кальсон он и спалился.

– Товарищ капитан-лейтенант, сюда подойдите! Так, это что у нас тут за демаскирующие нежно-голубые детали туалета? О! Так вы ещё и дышите взрывоопасными смесями?! Ну-ка отправляйте свою группу, и со мной поедете, вас первого и проверим.

Владик вздохнул и пошёл отдавать распоряжения мичману Фёдорычу.

Тот быстро понял состояние командира, отвёл в кабинет, налил чаю и обещал сам обо всем позаботиться.

Через полчаса выехали. Машина рассекала черноту полярной ночи ярким светом фар и неслась по серпантину, огибающему сопку.

Владик пытался забыться, прислонившись чугунной головой к холодному стеклу.

– Так! Останови здесь! – командир был энергичен и деловит, – Ну что, товарищи офицеры, похоже, здесь у нас первый рубеж обороны? Сейчас выясним, правильно ли этот нетрезвый товарищ поставил задачу своим подчинённым! Прошу!

Вышли дружным коллективом. Командир, зам, Владик.

Со стороны стратегической возвышенности раздавались странные звуки.

Как будто кто-то, завывая в полный голос, оплакивал безвременно ушедших родственников.

Настороженно приблизились.

Звуки стали более чёткими. Теперь они трансформировались во что-то вроде: «Гыр-гыр-гыыыыыр-гыр-гыр!»

– Это кто? – командир указал на маячившую впереди фигуру.

Владик пригляделся:

– Матрос Эргашев.

– Бля, певец земли русской. Давайте-ка подойдём…

– Не вспугнуть бы! Да, товарищ командир? – хихикнул зам.

Владик шёл как в тумане, вдыхал полной грудью ледяной Кольский воздух, и его постепенно отпускало.

Приблизились метров на двадцать.

– Эй! – крикнул командир, забыв фамилию.

– Стой, да! Ситрылят буду! Пароль говори! – сорвал с плеча автомат Эргашев.

– Будет? – озабочено спросил командир.

– Обязательно… Потомственный басмач, – успокоил Владик.

Зам переместился за спину командиру.

– Так какой же пароль? Я же никаких паролей не устанавливал? – растерянно спросил командир.

– Не знаю, вам виднее, – меланхолично протянул Владик, наслаждаясь свежим воздухом.

Командир решил схитрить:

– Товарищ матрос! Доложите немедленно пароль!

– Ни зынаю! – обрадовался общению заскучавший Эргашев, – Мичман сиказал, без пароля можно только его пускать, а какая пароль не сиказал!

– Приплыли, – резюмировал командир. – Я вашу старую обезьяну Фёдорыча… Ладно, чего стоять, пошли к машине.

Заметив шевеление, Эргашев радостно заорал:

– Стой! Ситрылят буду!

– Вы охренели, товарищ матрос?! – возмутился командир.

– Ни ругайся! – обиделся Эргашев. – Ситрылят буду!

Командир возмущённо засопел на Владика, призывая к действу:

– Ну, вы как командир подразделения, можете унять своего распоясавшегося подчинённого?

Владик вздохнул и пошёл к Эргашеву. Не доходя двух метров, остановился и скомандовал:

– Боец, смирно! Автомат за плеее-чо!

Эргашев бойко закинул автомат за спину.

Владик вернулся к ожидающим.

Командир посмотрел на него как-то по-новому.

– А вы не боялись, что этот потомственный басмач может нажать на спусковой крючок?

– А разве у нас на учебную тревогу выдают боезапас? – нежно улыбнулся Владик.

Командир озадачено переглянулся с замом и почесал ухо.

– Вот ведь, блин… глупость какая… точно… Так, ладно, времени нет, едем проверять вашего мерзавца Фёдорыча!

Снова затряслись в УАЗике. Командир сконфужено хмыкал, и чувствовалось, переживал свой промах.

Дорога петляла. Владик почти задремал.

– Стой!!! Ага!!! Посмотрите, товарищ нетрезвый капитан-лейтенант, что это там валяется сиротливо на дороге? Ась? В районе, вверенном вам для охраны и обороны?

На дороге в свете фар одиноко лежал подсумок.

Владик поморщился, как от зубной боли. Из этого точно могут раздуть…

Командир радостно бросился к подсумку.

– Ага! Ага! Ваша старая сволочь опять что-то потеряла! Я вас сгною обоих! Ха! Почти личное оружие потерял! Вот мерзавец! – радовался командир.

В копчик командира упёрлось что-то неприятное, и хрипловатый голос из темноты рявкнул:

– Руки вверх, вы взяты в плен военно-морским флотом!

Командир непроизвольно ойкнул и дёрнул руками.

Владик безуспешно боролся со смехом.

– Фёдорыч! – заорал пришедший в себя командир, – вы… вы… вы подсумок потеряли!

– Это тактическая хитрость, товарищ командир, чтобы вы остановились!

Командир вращал глазами, раздувал щеки… и взорвался:

– Скотина военно-морская! – попробовал ударить Фёдорыча подсумком, но тот вовремя спрятался за Владика. – Здесь только я! Вы слышите, мерзавец, только *я* могу назначать пароли! И только *я* могу брать в плен! Не бегайте от меня, старая сволочь!!!

А Владик смотрел в чёрное небо, вдыхал ледовитый северный воздух и думал: «Господи, хорошо-то как… Такой дурдом».

Кэп Отмаз

Хреново.

Хреново лезть через наполовину забитое фанерой окно в форме.

Еще тяжелее пропихивать впереди себя девушку, подталкивая в мягкое очарование.

Хотя Колю в настоящий момент трудности не пугали. Он смотрел широко открытыми глазами на это очарование, и оно в них не помещалось.

– Вы, Маша, наверное, пирожки любите? – хрипло спросил Коля.

– Чего? – перестала пыхтеть девушка.

– Да так… Вы лезьте, Маша, лезьте… раз уж хотели…

Процесс пролезания затягивался. Это у мужчин если плечи прошли, за остальным дело не станет, у женщин все наоборот.

Коля, прищурившись, снял с головы бескозырку и, не касаясь, примерил к торчащему из окна органу. Задумчиво констатировал: «две бескозырки… душераздирающе…»

– Ого! Это чья бибикалка торчит? – рядом остановился однокурсник.

– Не твоя уж точно! Топай-топай давай.

– Что там, Коля? – забеспокоилась застрявшая.

– Ничего, Маша, вы напрягитесь, совсем немножко осталось… сантиметров тридцать.

«Уж если я чего решил…»

Курсант, задавшийся целью, порой может быть очень целеустремлённым.

А как вы думали?

Ну захотелось милой девушке Маше взглянуть одним глазком на скромный быт будущих офицеров. Очень захотелось, прямо до судорог в зубах, она так и заявила:

– Вы как хотите Николай, а я должна посмотреть, чем вы там внутри живёте, в каких условиях вызреваете в будущих защитников Родины!

– А может…

– Надо, Коля, надо.

Очаровательным девушкам ежели чего втемяшится между ушками, извертись на пупе, но вынь да положь, ну, сами знаете.

Коля сомневался недолго, в конце концов – воскресенье, народа в «системе» мало, можно и рискнуть.

Проникли с грехом пополам. Всю дорогу до роты Маша восторженно глазела по сторонам, дивясь причудливому интерьеру военной обстановки. А Коля молил бога, чтобы навстречу не попался какой-нибудь дежурный офицер.

В роте сразу уединились в баталёрке.[36]

– Коля, должна вам сказать, что я потрясена… такие картины… такая чистота…

– Ну дык… стараемся… Вы, Маша, что будете, водку… или водку?

– Буду, – сразу определилась Маша.

– Вот и хорошо, а то чай закончился.

– Должна вам признаться, Коля, – застенчиво сказала Маша, беря эмалированную кружку, что я обожаю военных моряков… как оказалось…

–И давно вы это за собой заметили? – поддержал беседу Коля, наливая себе на два пальца.

– Вот шла по коридору, – мечтательно подняла глаза Маша, – умилялась чудным полотнам талантливых художников, воспевающих это прекрасное море… корабли… птичек-чаек там разных… и поняла, моим мужем обязательно будет военный моряк.

– А? – сразу оглох Коля.

– Давайте выпьем за тех, кто в море?

– Маша, дорогая, вы замечательная девушка, но «за тех, кто в море» пьётся третьим тостом, давайте первую за вас!

Чокнулись. Маша медленно опрокинула кружку. Коля услужливо протянул бутерброд с салом.

– Вот чувствуете, Коля, мы с вами знакомы достаточно долго, третий раз встречаемся, и как уже начали понимать друг друга? Вам обязательно нужно познакомиться с моей мамой!

Коля закашлялся.

– Давайте, Маша, по второй?

– А давайте! Что-то я такая согласная на все сегодня!

В дверь заколотили.

– Ну? – высунулся Коля.

– Колян, пошли в город, с такими девочками познакомился!

– Не могу я, занемог – все натёрто между ног.

– А-а-а…

– Ага.

– Кто там, Коля?

– Да всякие тут… хотите шоколадку?

– Очень! Хотя, знаете, я вообще-то на диете…

– К чему вам эти глупости, Маша, вы так очаровательны!

– Ну уж прямо… – зарделась Маша, – а кровати у вас тут нет?

– Кровати? – озадачился Коля, – Кровати в кубрике… вы устали, Маша? Хотите прилечь?

– Ну… нет пока… А кем вы будете по окончании учёбы?

– Военным моряком… бороздить буду там всякие морские пространства… – Коля присел рядом и решительно положил ладонь на круглое девичье колено. – Родина, она ведь в опасности постоянно… чуть не углядишь – и всё…

– Что вы говорите?!

– Точно! За тех, кто в море?

– Обязательно!

Выпили. Посидели.

– Ну так, Маша, возвращаясь к кровати…

Дын-дын-дын…

– Мамувашу… ну, кого там…

Коля резко распахнул дверь… На пороге стоял дежурный по факультету.

– Так… – сказал дежурный.

– Бля… – сказал Коля.

– Не понял?…

– Маша, подойдите, пожалуйста, сюда, – расправил плечи Коля, пытаясь прикрыть стоящую на столе бутылку, – хочу вам представить лучшего офицера факультета… Сергей Петрович – непревзойдённый специалист… в своей области.

Каптри взял Колю за гюйс и вытащил в коридор.

– Дуся моя, вы меня умиляете! – радостно сообщил дежурный. – Набраться такой наглости… последнее желание будет?

– Товарищ капитан третьего ранга, вы неправильно трактуете ситуацию, – старался дышать в сторону Коля.

– Ну-ка, ну-ка?

– Здравствуйте! – Маша, радостно улыбалась.

– Здравствуйте, девушка… в сторонке побудьте пока… мне тут с бывшим курсантом разобраться нужно…

– Маша, – зашептал Коля, уводя дежурного в сторону, – дочка начальника училища… он попросил меня показать ей здесь все… так сказать, провести экскурсию…

– Опачки… – озадачился дежурный.

– Вот такие пирожки с котятами…

– Врёте? – с надеждой спросил дежурный.

– И в мыслях не было… а вы спросите у вице-адмирала…

Это был удар ниже пояса.

– Я обязательно спрошу, курсант… – исподлобья посмотрел дежурный, – обязательно, не сомневайтесь… а пока… заканчивайте эту свою экскурсию…

– Сей момент… Маша, пойдёмте, я вас провожу…

– Маша, – придержал девушку дежурный, – а папа… у папы все в порядке?

– Все нормально – удивлённо вскинула бровь Маша, – а что?

– Да так… Ну, ладно, идите. Папе привет.

Долго после этого каптри, отлавливая Колю в коридорах училища, брал его за гюйс и с надеждой спрашивал:

– Ну, сознайтесь, вы мне наврали?

– Ну, как можно… – обижался Коля, – спросите у начальника училища!

И улыбался по-детски, просто не человек, а букет ромашек

Кэп Муравейник

Есть такие человеческие муравейники на флоте – авианесущие крейсеры называются.

Давайте встанем рядом и ощутим все великолепие этой громады. Ощутили?

Посмотрите вверх, умилитесь отточенности форм, торжеству народного зодчества и всеобщей колоссальности сотворённого.

Рот открыли от восторга? Закройте. Сверху могут запросто плюнуть.

Давайте разрежем его вдоль… Нет, лучше не будем, нас могут побить.

Давайте представим его разрезанным, что мы видим? Ходы. Тысячи ходов, выходящих ниоткуда и уходящих в никуда. По ним озабочено бегают люди-муравьишки, что-то друг другу докладывающие, приказывающие и посылающие нафиг…

Если вас по недоразумению пропустили внутрь, запомните – передвигаться в лабиринтах можно только в сопровождении опытного следопыта или вооружившись мелком, которым вы будете отмечать свой путь. Но имейте в виду, что мелок сотрут на первой же приборке, и вы заполучите неплохой шанец остаться в этих немыслимых лабиринтах навсегда… и одичать.

Когда я приблизился к нему первый раз, он ещё назывался «Баку».

Я стоял на палубе подходящего к этой громаде катера и восхищался…

Предстояла рутинная работа – обеспечение точного местоопределения при выполнении учений.

Аппаратура была установлена, матросы размещены, потянулись часы ожидания.

Меня поселили в каюту к командиру ЭНГ.[37] Гостеприимный каплей проводил до койко-места, показал, где устраиваться и напоследок предостерёг:

– Не выходи никуда, заблудишься, перед обедом я за тобой зайду, если что – звони, вот телефон.

Для начала по старой флотской традиции я поспал часик. Потом подумал, и поспал ещё полчасика. Проснулся я внезапно. От банального желания пописать.

Высунулся в коридор, обозрел прилегающее пространство. Ничего похожего на гальюн не было.

Помня о наставлениях, позвонил каплею.

«Нет его, вышел куда-то».

Зашибись. Ладно, делать нефиг, не пацан какой, сам найду.

Вышел я, и довольно смело пошёл вправо. Думаю: главное, повороты считать.

Останавливаю матроса:

– Где тут гальюн?

– А это прямо, второй коридор налево, ещё через коридор справа будет трап вверх, там спросите.

– А на этой палубе что, нет? – изумляюсь я.

– Есть, но… объяснить тяжело… заблудитесь.

– Ладно… давай ещё раз…

Топаю куда-то, где–то поворачиваю… никаких трапов вверх… А хочется уже нестерпимо! Вокруг люди военные бегают озабочено. Останавливаю ещё одного:

– Где гальюн?!

Матросик смущённо пожимает плечами:

– Я тут всего полгода… Вот возле нашего кубрика знаю…

Бегу дальше…

– Где…?

– Направо… налево… вниз…

Мля, думаю, вот развернусь фронтом к стенке и обоссу тут все! Путешественник хренов! Сидел бы сейчас в тёплой каюте, названивал потихоньку…

– Где…?!!!

– Это вам в другую сторону…

А-а-а! Не могу! Ща лопну!!! Взорвусь тут эдакой бомбой, обрызгаю им все!

В ошалевшей голове бьётся: – «Ну кто так строит?!»

Через некоторое время со мной уже начали здороваться.

– Здравия желаю…!

Мне? Вот ведь примелькался. Бегаю тут уже полчаса. Совсем свой стал. Узнавать начали.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться, матрос Худайбердыев! Где каюта ….мнадцать?

Машу рукой: «Прямо… налево… – разворачиваюсь бегу, на ходу бурчу, – направо… там автобусная остановка… у бабушек спросите…»

Уже ничего не хочется, хочется обратно в каюту… но как её теперь найти?

Озарение: может, у них тут вообще гальюнов нет, а все их ответы – заговор молчания? Брежу.

Вроде, пробегал здесь уже, знакомые шероховатости на стене…

Интересно, а меня найдут когда-нибудь?…

– Товарищ старший лейтенант, а где найти мичмана Кренделева?

– Гальюн!!!

– Что гальюн?

– Гальюн где?!

– А-а-а… прямо… направо… вверх…

– Зачем вы мне врёте?!!! Нет там никакого вверх!…Вперёд! Ведите меня!

– Ну, тащ старший лейтенант… мне надо…

– Вперёд, мамувашу!

Куда–то идём, где-то поворачиваем. Матрос встаёт и задумчиво озирается.

– Ага! – ору восторженно, – нету здесь ни хрена! Ну, где, где, покажите! – поворачиваюсь кругом, – здесь нет! И здесь нет! Его вообще нигде нет!

Пока я возмущался, матрос смылся. Сука. Найду – убью.

Бреду в никуда…

– Тащ старший лейтенант! Разрешите доложить! Ваше задание выполнено! Приборка в гальюне произведена!

Смотрю недоверчиво. Боюсь спугнуть призрачную надежду. Хриплю, пучеглазя:

– Гальюн… ведите…

Он все–таки был. И совсем недалеко. Милый… как я скучал по тебе…

Я долго не кончался… какой же это оргазм, ребята…

Вальяжно выхожу в коридор. Люблю всех. Останавливаю матроса.

– Любезный, где тут каюта номер ….цать?

– Это вам надо направо… налево….

Начинается…

Электрик Ку? Ку!

– Вон ту откручивай…
– Сам и откручивай.
– Мне нельзя, я чатланин.

(Хроники БЧ–5. Из диалога «годка» с оборзевшим «карасем»)

В те незапамятные времена, когда я служил срочную, советские люди ещё не знали о мишках Гамми, покемонах, телепузиках и прочих достижениях мировой культуры. Некогда могучий социалистический строй уже чувствовал себя нехорошо, хрипел и задыхался, хватаясь за сердце, в то время как говорливый главврач подолгу рассуждал о планах уникальной операции по пересадке пациенту человеческого лица. Но железный занавес ещё сдерживал напор штампованной продукции фабрики Уолта Диснея. Желание посмотреть в субботу иностранный фильм приравнивалось к измене Родине, личный состав раз в неделю переписывал редакционную статью газеты «Правда» в тетради для политзанятий, а жёсткое порно успешно заменяла утренняя аэробика на первом канале, к просмотру которой не допускались лица, отслужившие менее полутора лет.

Впрочем, маленькие радости были и у нас. Камчатский период моей службы совпал с триумфальным шествием по экранам и умам великого гимна советской действительности – фильма «Кин-дза-дза». С лёгкой руки нескольких фанатов выражение «Пацак пацака не обманывает» на время заменило экипажу традиционное «Я тебе отвечаю», укоризненное «Небо не видело такого позорного пацака!» употреблялось в процессе воспитания младших товарищей, а грозное «Плохо кончится, родной» предвещало удар по фанере. Матросская получка измерялась в чатлах, и даже от офицеров иногда слышалось нечто вроде «Пацаки! Почему без намордников?». Наша версия краткого чатлано-пацакского словаря выглядела примерно так:

Пацаки – матросы и старшины сроком службы до полутора лет.

Чатлане – то же, от полутора лет и старше.

Эцилопп – военнослужащий в звании от мичмана и выше.

Луц – алкоголесодержащая жидкость.

Кю – универсальный заменитель наиболее употребительных слов русского языка.

Однажды вечером три матроса из БЧ-5, посетив по своим «годковским» делам посёлок Завойко, мирно возвращались на корабль. Естественно, никто не обратил внимания на идущего навстречу по пустынному просёлку незнакомого капитан-лейтенанта. Нормальный корабельный офицер тоже спокойно прошёл бы мимо компании лохматых бойцов с чужого корабля. Но видимо, ветер служебных перемещений забросил к нам этого каплея из тех загадочных мест, где соблюдение уставных приличий ещё согревает офицерские сердца.

Услышав возмущённый окрик: «Товарищи матросы! Почему вы не отдали честь?!», друзья несколько удивились. Достойный ответ созрел мгновенно. Троица вернулась на десять метров назад, разобралась в колонну по одному и чётким строевым шагом двинулась в сторону офицера. Поравнявшись с каплеем, уже готовым вскинуть руку к фуражке, они синхронно присели, хлопая себя по щёкам и разводя руками, и издали громоподобный вопль: «Ку!!!» в три лужёных матросских глотки. После чего, довольные экспромтом, проследовали на корабль, уже не обращая внимания на гневные крики эцилоппа за спиной.

Navalbro Кузьмич

Адмиралы…

Железные сердца, стальные нервы, морская пена на голове, грот-мачтовая выправка. Такие адмиралы редки, но они были и будут. Без них нет побед, славы и чести Флота.

Вице-адмирал Иван Кузьмич Хурс, начальник разведки ВМФ СССР, личный друг Главкома Горшкова, морская пена на голове, грот-мачтовая выправка, честь во всем его облике.

Я встречался с ним дважды: в июле 1983 года, когда трясущейся от напряжения рукой открыл дверь его кабинета и вошёл для представления, и позже, через несколько лет, на борту «Азии», на которой он всегда останавливался, прилетая во Владивосток.

– Товарищ вице-адмирал, лейтенант… представляюсь по поводу назначения на бригаду разведывательных кораблей!

– Я ознакомился с вашим личным делом, лейтенант. Вы представляете особенности будущей службы?

– Никак нет. Боюсь, что моя специальность не будет востребована на флоте. Я – абсолютно сухопутный человек.

– Вы даже не представляете, насколько она будет востребована. Идите, служите, ничего не бойтесь, и все будет хорошо.

А вот и вторая встреча:

– Товарищ вице-адмирал, дежурный по кораблю старший лейтенант… За время дежурства на корабле происшествий не произошло.

– Здравствуйте, лейтенант. Как служба?

– Спасибо, все в порядке. Как вы и говорили.

Он, конечно, узнал того нахального мальчишку, который добился у него приёма, чтобы доказать, что посылать служить на корабли «меня, такого славного, такого умного, желающего служить где-то на переднем и горячем краю – в Танзании, например» – это большая кадровая ошибка. Но он ничего не сказал, поняв по моим глазам, насколько мне стыдно за ту глупость. За моими плечами уже было два похода и стойкая уверенность, что в выборе места службы мне выпал туз, который ещё всего два года назад казался шестёркой треф. Я

благодарен этому высокому, седовласому и сильному моряку за кусочек подаренной судьбы. Самый главный кусочек. Очень важный. Сегодня я стараюсь разыскать и записать воспоминания о нем, рассказанные флотским людом – те маленькие и иногда смешные штрихи, ярко характеризующие личность.

Кузьмич, конечно, не Хайман Риковер ,[38] который мог сыграть учебную тревогу на подводной лодке, на которую он забрёл среди ночи, если в каюте его не встречала тарелка с любимым виноградом, но и он, Хурс – тоже адмирал старой школы со своими маленькими слабостями.

Вечер на стенке после спуска флага. К воротам бригады пешком подходит Кузьмич – он не пользовался служебной «Волгой», чтобы пройти километр от штаба КТОФ[39] до бригады. Его не сопровождала свита адмиралов и капразов[40] с масляными глазами. Он просто шёл по набережной и дышал любимым морем, от которого был отрезан московским кабинетом. И на бригаде его появление в ночи всегда было внезапным и нештатным событием.

Пыхтя и придерживая кортики, несутся дежурные офицеры, чтобы успеть встретить Хурса:

– Товарищ вице-адмирал, старший по бригаде капитан 1 ранга П.

– Ваша должность?

– Начальник политотдела!

– А вы, товарищ капитан 3 ранга?

– Оперативный дежурный капитан 3 ранга К.

– Должность?

– Заместитель командира по разведке среднего разведывательного корабля «Сарычев», товарищ вице-адмирал.

– Занимайтесь своими делами, товарищи офицеры, – Кузьмич, явно чем-то недовольный, ступает на трап и идёт в свою флагманскую каюту. Через пять минут в рубке оперативного дежурного раздаётся звонок комбрига:

– Серёга, запомни, ты – старший по бригаде! Сейчас тебе позвонит Дед.

– А начпо тогда кто?

– Замполит в пальто! Кузьмич их на дух не переваривает. Запомни это!

Ещё через минуту раздаётся звонок Хурса.

– Товарищ адмирал, старший по бригаде капитан 3 ранга К.!

– Добро! Зайди ко мне в каюту! – удовлетворённо басит Дед.

Войдя, Сергей застаёт Хурса у открытого холодильника. В нем рядком стоят бутылки водки, коньяка и виски. Кузьмич машет рукой подойти:

– Вот, сынок, посмотри, чего здесь не хватает?

Старший по бригаде пробегает по «мини-бару» глазами, сглатывает и, отчаявшись найти правильный ответ, нахально заявляет:

– «Шила», товарищ адмирал!

Хурс бросает на него удовлетворённый взгляд и говорит:

– Молодец! Действуй!

Через десять минут бутылка спирта стояла на столе начальника разведки ВМФ. А после отъезда Кузьмича в холодильнике нашли нетронутые бутылки водки, коньяка и виски.

Прошли годы; Сергей уже капитан 2 ранга и служит в Главном штабе, изредка встречая в коридорах наглаженного, высокого старика в гражданском костюме. Его спина пряма, как грот-мачта: ни годы, ни тяжёлая операция, ни унизительное положение рядового пенсионера-служащего не смогли опустить вниз плечи Кузьмича.

Однажды капитан 2 ранга К. врывается в финчасть штаба. Ему надо срочно выехать в московский аэропорт для встречи командира корабля, вернувшегося из дальнего и очень важного похода. Но на дворе 90-й год, год разрухи и всеобщей апатии: служебных машин нет, денег, даже на такси – тоже. Печально повернувшись, чтобы выйти из помещения, Сергей натыкается на Хурса, все это время стоявшего у него за спиной. Извинившись, он делает шаг, но останавливается, почувствовав на рукаве руку адмирала. Кузьмич достаёт из кармана 100 рублей и протягивает их К.:

– Возьми, сынок, они тебе для дела нужны!

Сейчас адмирала Хурса уже нет с нами. Но Флот ждёт, когда к нему вернутся такие люди, как Кузнецов, Горшков, Хурс… Он очень ждёт и надеется.

Navalbro Кинутый родиной

Корабли как человеки. Есть яркие, удачливые, долгоживущие; есть малозаметные, серые и рано уходящие «под нож».

Вспоминая танцующую у берегов Канады «Терра Нову»,[41] представляю беззаботную легкохарактерную барышню без возраста, привлекательную даже в военном фраке мышиного окраса.

А вот – Оно. Зовут «Гитарро». «Сальса, фиеста, текила!» – подумаете вы. Нет! Звучит красиво, на деле – сплошной брейк дэнс, потому что ломалась часто, тонула у причала и горела эта американская подводная лодка, которую родной экипаж называл не иначе как «дочерью сумасшедшего конструктора».

Другой пример – корабль, похожий на менеджера мелкой оптовой компании, суетящийся и постоянно оказывающийся в передрягах. Служил бы в русском Флоте, назывался бы фрегатом «Облом». В американских ВМС он носил имя «Кирк». Сейчас называется «Фен Янг» и служит Тайваню перед уходом на пенсию.

А тогда полный сил «Кирк» шустрил под вывеской 7-го американского флота, выведывая секреты конкурента своей конторы – Тихоокеанского Флота СССР.

Я много раз встречался с ним в море, но первый раз всегда самый интересный.

Мой корабль только что возвратился в базу после 4 месяцев отсутствия, последовавших с двухнедельной передышкой за шестимесячным походом. Впереди пара недель послепоходовых отчётов и – долгожданный отпуск! Но осуществимы ли личные планы на Флоте? Осуществимы, если ты умеешь шхериться. Если ты юн и прямолинеен, место твоего отпуска – боевой поход в море!

И вот я стою перед комбригом, которому явно неловко, но и наплевать одновременно.

– За неделю успел отдохнуть? – участливо спрашивает он, смело глядя мне в затылок рикошетом от переборки.

– Ничего, тащкаперанг, скоро отпуск…

– Правильно… Но лучший отдых – в море! Собирайся, сбегаешь на недельку к Находке – рыбу половишь!

– Тарщ капи…

Утром я, мичман и двое матросов стояли на юте этого железа, которое обещало прокатить нас 30-узловым ходом. Довольно скоро по флотским меркам, часов в 10, но вечера, отвязались, дали ход и действительно пошли очень быстро. Но недолго…

Сидя в каюте помощника командира, спросил у усатого каплея:

– Долго под Находкой шкиряться будем?

– Паренёк, мы в Индийский океан на боевую службу идём! – отозвался он.

Уснул я умиротворённым: что воля, что неволя… Ночью снилась Индира Ганди, но не как женщина, а как символ моего нескорого возвращения домой. Её насильно везли к Брежневу, но не как символ, а как женщину…

Утром, проснувшись от шума аврала, увидел в иллюминаторе не Ватинанунантапурам, а Техас (Шкотово-17) под Находкой. У слишком разогнавшегося БПК полетел котёл, и его экипаж «очень сожалел» о невозможности выполнения боевой задачи.

Старпом «Ташкента» вывел нас на стенку и показал, куда нам дальше идти. Лучше бы к стенке поставил! Или бы послал, куда обычно посылают! Его палец указывал на полуржавый тральщик, именовавшийся «Запал», но выглядевший как «Попал».

Таким он и оказался.

Вам приходилось плавать на Корабле Дураков? Нет, нет – экипаж тральца был юным и славным. Каждый по отдельности член… Но вместе они были бандой из «Ералаша»: к концу первых суток в море при волнении в 5 баллов у них отказал дизель-генератор, топливо которого почему-то смешалось с питьевой водой в цистернах; на завтрак, обед и ужин подавались только сухари, когда в тюрьмах дают ещё и воду; молодой летеха-штурманец (неделя в должности) валялся в ногах у командира – старшего лейтенанта, умоляя подойти к берегу для определения места корабля, но не знал, в какой стороне она – Земля! Когда, наконец, нашли американца, за которым, как оказалось, мы должны были следить, то послали в базу сообщение: «Обнаружил фрегат Кирк. Прошу сообщить его координаты».

База удивилась, но дала и координаты, и… замену. На смену «погибающему, но не сдающемуся» «Попалу» прибежал красавец

«Федор Литке» – почти гражданское научно-исследовательское судно. Белый флот! А тралец убежал в ночь. Добрался ли до базы?

Вот и наступила работа в семейных умиротворяющих условиях. Задач у команды «Литке» было две: держать визуальный контакт с американцем, который и так валялся в дрейфе, и не дать молодому механику убить свою ещё более юную жену-буфетчицу, пользующуюся вниманием капитана. Капитана убивать было нельзя – он ведь капитан и единственный военный на судне, а военные имеют личные пистолеты. Вот почему их убивать нельзя.

Пока они все бегали друг за другом и громко кричали, я сидел на ходовом мостике и вёл журнал наблюдений:

09.00 – фрегат ВМС США «Кирк» начал подготовку к полётным операциям.

09.10 –09.30 – прогрев двигателя вертолёта «Си Спрайт» 33 эскадрильи, бортовой 17.

10.00 – взлёт вертолёта в направлении госграницы.

10.00 – 12.00 – полет вдоль тервод. Ведение фото и радиолокационной разведки.

12.15 – посадка вертолёта на борт фрегата «Кирк».

Один из «налётчиков» машет в нашу сторону, улыбается. Зовут Гордон Перманн – фотограф эскадрильи. Дедушка с бабушкой у него «с Одессы». Хороший парень – сейчас переписываемся, а тогда я, конечно же, не знал его имени. Тогда я называл его «янк поганый», а он меня «краснопузый комми». Тогда было весело…Тогда за свои слова и поступки отвечали.

Вот «Кирк» и поступал, а мы отвечали. Послал вертолёт по кромке тервод раз, второй, третий – мы ответили, вызвав истребитель МиГ-23. Тот полетал над «Кирком», поревел двигателями, предупреждая, и довольный улетел. А «Си Спрайт» опять подскочил и – к терводам! Но мы же предупреждали… И произошло то, о чем Гордон до сих пор рассказывает со страхом, хотя и побывал в разных передрягах. Прилетели два «крокодила» – боевые вертолёты Ми-24 эскадрильи, только что выведенной из Афганистана. И началось то, от чего даже у меня, стороннего наблюдателя, тапки вспотели. Гордон же сегодня говорит, что думал: «Как жаль погибать от рук соплеменников».

Первым делом «крокодилы» зажали американца в «бутерброд». Очень плотно, но без масла. Когда верхний Ми-24 с рёвом ушёл с набором высоты, прячась на фоне солнца, нижний начал пытаться подравнять американцу брюхо своими лопастями. «Си Спрайту» было щекотно, и он подпрыгивал вверх под «циркулярную пилу» второго «крокодила», который ложился на крыло и с рёвом проносился в нескольких метрах от носа янколета. Устав, Ми-24-е затеяли игру – кто срубит его хвостовой винт. Когда же американский «валенок»[42] взмолился в эфире, что ему срочно нужна посадка, так как топлива осталось всего на десять минут «до всплеска», «опричники» сжалились, но ненадолго. Один из них завис над кормой «Кирка» и задумался. Очнулся он, когда «Си Спрайт» «запел о майском дне». Почему май? Зима на дворе, а он все: «Мэйдэй, Мэйдэй»![43] Приземлился американец, чуть не подломив стойки шасси. А «крокодилы» встали парой и начали отрабатывать боевые заходы на фрегат. В том месяце Гордон больше не летал…

Потом «Литке» ушёл в базу, а я остался ещё на две недели следить за фрегатом с борта гидрографического судна «Галс». Так ровно через тридцать дней я возвратился во Владивосток, а «Кирк» унёс Гордона Перманна к новым приключениям…

На его голову свалился тяжёлый авианесущий крейсер «Новороссийск» и…чуть не придавил. Ударное соединение крейсера «промахнулось» мимо Японии и почему-то пошло в сторону Мидуэя и дальше к Гавайям, что для американцев было непривычно и «не по исторически сложившимся правилам». Слегка не дойдя до Оаху, «Новороссийск» развернулся и потащил бедного «Кирка» к Камчатке, показывая, как надо воевать. Вокруг все летало и стреляло. Гордону понравилось. Его грудь наполнилась гордостью за «историческую родину». Но на родине, если «кинут» на Привозе, то «кинут» по-крупному.

Возвращаясь на юг, советское соединение решило сократить путь и не идти вдоль Курильской гряды, а прорваться в Охотское море через льды её проливов между островами Симушир и Итуруп. Здесь его встретил атомный ледокол «Родина». Вот эта «Родина» и «кинула» Гордона, а вместе с ним и весь экипаж американского фрегата. Ледокол легко пробив проход во льдах, пробасил «маленьким боевым

кораблям»: «Чего встали? Ласты за спину, в колонну по одному, вперёд марш!»

И тут случилось чудо – «Новороссийск» вызвал на связь американца и предложил встать третьим (с конца) в колонне из двенадцати кораблей. Какая честь быть третьим (хоть и с конца) после «Новороссийска» и крейсеров его сопровождения! Какие милые эти русские! Один за другим начали втягиваться в пролив, ширина которого между островами составляла семь миль. В эйфории забыли, что советские терводы – 12 миль! Советский авианосец в сопровождении пяти боевиков быстро проскочил узкость и скрылся за горизонтом, а седьмой, восьмой, девятый, одиннадцатый и двенадцатый корабли его соединения почему-то остановились, зажав десятого, которым был «Кирк»!

– Ребята, мы же не дети в игрушки играть! – возмутился фрегат.

– Прости, старик, но… фрегат ВМС США! Вы находитесь в территориальных водах Союза Советских Социалистических Республик! Немедленно покиньте их! – заржали с советских кораблей, продолживших движение вперёд мимо обрастающего льдом как слезами обиды «Кирка».

Американцу пришлось развернуться и поплестись домой в Йокосуку[44] малым ходом – на среднем ходу не хватило бы горючего. А сзади его «пинал в спину» советский сторожевик – конвоир, оставленный для присмотра. «Пинал» и издевался, бегая вокруг двадцатиузловыми ходами, восемь дней. Дойдя до широты Владивостока, показал средний палец и скрылся в тумане.

«Кирку» повезло – ему хватило топлива дотянуть до Японии.

Гордон, правда – интересные времена были?

Navalbro Гитарро

– Так что случилось с лодкой?
– Она утонула…

Так однажды разговаривали два пижона, совершенно не знающие и не чувствующие предмета обсуждения. Я – тоже пижон, но с привилегией. Я получил её от офицеров подплава, с которыми воевал в Холодную плечом к плечу?…килем к перископу! и пил на монобрудершафт, когда не руки соединяются серьгой, а пальцы, выбивая стаккато вниз по кружке за погружение и щелчок по донышку – за всплытие. И когда выпьешь – получается стройное легато, переходящее в вальс по кругу. Подводный вальс.

Однажды был приглашён на него.

Мы стояли на Камчатке, и было прекрасное тёплое лето. Тайфун уже пронёсся… и стало тепло. А «Нэнси» помчалась дальше – крушить Чукотку. Очень неугомонная Нэнси… Рэйган. Постштормовая зыбь улеглась и дала нам встать к стенке Петропавловска совсем рядом со знаменитой сопкой Любви. Для кого-то Любви, для нас – Любителей выпить.

Спустившись с неё, на борт «Чарли» поднялись два бледных ангела с темными нимбами вокруг глаз. Один из них представился: «Сися. С РТМов.[45] КВВМУ.[46] Есть желание вас, надводных чмырей, перепить». Смелый ангел!

Сися был сильным: сам взобрался на сопку, тяжело глотая воздух, пил наравне, но спускался вниз головой, бережно поддерживаемый нами за ласты. Ангельского ничего не осталось, только рыбье. Рыба стремилась домой под воду, в аквариум.

Позже, когда мы шли в поход, зная, что где-то рядом внизу плывёт тот «аквариум», а в нем – Сися, я имел возможность наблюдать за его собратьями и удивляться… и восхищаться… и жалеть этих неземных людей. Подводных инопланетян. Инопланетных рыбов.

Вот один из них – ихтиологический командор, одетый в разуху[47] без знаков отличия. Худой, невысокий, лысый, естественно, лицо бледное до зелени, глаза раскосые. Это от перископа. По-первости

пытались назвать его пареньком, но он улыбнулся и назвался контр-адмиралом. Позже мы оказывали ему все возможные знаки внимания, но он лишь смущался и шёл на пелорус, где часами смотрел на звезды. Солнца он не видел – он его боялся. Его кожа боялась. Он называл нас счастливцами, а сам с тоской смотрел вниз… в глубину, мысленно пересчитывая своих «рыбок». Улыбался он, только увидев кильватерный след иностранного корабля. Торпеды пускал… губами: «Пу-у… полстараз… полстадва». Попадал всегда.

Попал и тогда: его «аквариумы» сели на хвост иноземному бомбовозу и протащили его через пол океана. Вот такая работа была у Сиси. И мало о ней кто что знает. Знают другое: «Флот развален! Катастрофическая аварийность! Вы посмотрите, как все гладко на американском флоте!»

Расскажу вам об американском флоте. Об их «безаварийности»…

Раннее утро у стенки завода. Никто не играет с гидроприводом… Все наглаживаются, напомаживаются, строятся и убывают слушать речь заместителя Министра. А у причала судоверфи лежит, покачиваясь, атомная подводная лодка. И не осталось у неё ни охраны, ни верхней вахты.

А в 4 часа дня, устав ждать начальство с политического собрания, на борт атомохода прибывают две группы: акустики и ядерщики. Прибывают раздельно, о присутствии друг друга не ведая. И начинают играть с гидроприводом…

Ядерщики: «Что-то у нас нос провис? Эй, сбегай, добавь пять тонн воды в кормовые цистерны!» Парень сбегал в центральный пост лодки и добавил.

Акустики, влезая в открытый носовой люк и спотыкаясь о тянущийся через него вглубь корабля тугой жгут кабелей: «Бараны, коффердам не поставили! Люк-то открыт! Чего это у нас нос приподнят? Бардак! Брат, сгоняй, добавь воды в носовые цистерны». Брат сгонял и добавил.

Ядерщики: «Да, что ж за…! Мы ж дифферентовались только что. Ну-ка, слетай – добавь ещё воды в корму». Слетал.

Акустики: « Нет, так работать нельзя! Опять носом кверху. Пулей! Ещё воды в нос!»

Так они и вывешивали лодку четыре часа!!! А в 8 часов вечера, когда акустики пошли ужинать, ядерщики тоже решили закрыть море

на замок. Закрыли, предварительно продув кормовые цистерны, которые они закачивали водой все это время.

Что сказал бы Архимед в такой ситуации? Он сказал бы: «Она утонет!»

Правильно, она и утонула в 8 часов 55 минут. Сильно булькала и фонтанировала. Пытались рубить топорами кабели, чтобы закрыть тот носовой люк, но не успели.

А возвратившиеся со встречи с заместителем Министра ВМС США Джеймсом Д. Литтлом флотские начальники вместо боевого корабля увидели 30 миллионов долларов, утопленных в водах реки Напа, впадающей в залив Сан Франциско. Лодка называлась «Гитарро»…

Так бы и закончил рассказ на этом, но память не позволяет. Бегает вокруг, хвостом машет и скулит: «А помнишь?»

Помню-помню. Успокойся! Рассказываю.

«Гитарро» была атомной многоцелевой подводной лодкой класса «Стерджен». Ей в своё время дали бортовой номер 665, который был цифрой близкой к… Сложно дать этому определение. Американцы придумали наиболее точную формулировку: On the edge of fucking up, то есть – совсем на грани. А, когда она ещё и утонула у пирса, и из неё после подъёма три месяца вычерпывали ил и грязь, терпение экипажа лопнуло – лодка получила официальное прозвище Mud Puppy – «Грязесос». А что такое «Гитарро»? Это гитарный скат, проводящий свою жизнь, медленно плавая у дна или лёжа в илистом грунте, в который он закапывается. А ещё его можно схватить за хвост. Он не опасен. Все сходится, кроме последнего. Она была опасной. И сделали её такой люди, дав «Гитарро» тёмную родословную. Она им мстила, но всегда на грани. Ещё бы одну единицу в её номер, и все – Total FUBAR!

– А помнишь май 1984 года?

– Отстань, помню и никогда не забуду.

Весь май того года мы встречали «Гитарро» на выходе из Сан Диего и тащились за ней к Сан Клементе. Там, у северного побережья острова на гидроакустическом полигоне ВМС США лодка испытывала новое оружие, первой пустив из подводного положения крылатую ракету «Томагавк». А в том мае она стреляла новыми торпедами. «Чарли» крутился рядом и облизывался.

И 17 мая «Гитарро» стреляла, а мы облизывались. Как чувствовали…

Она вдруг всплыла, открыла верхние люки и стала дымиться! Повторюсь – атомная лодка дымилась под Сан Диего. Нет, не так – у огромного города Сан Диего горела атомная лодка. А у нас сразу захлопнулся рот, чуть не откусив язык. «Гитарро» же наоборот рот раскрыла на ширину рулей глубины и закричала в открытом эфире: «Всем кораблям! Пожар в аккумуляторном отсеке! Сломанная стрела!».

Через десять минут у лодки кружились пять боевых американских кораблей. Через час их было уже двадцать пять, потому что «Сломанная стрела» – это сигнал об аварии с участием ядерного оружия.

Пытавшемуся приблизиться и предложить помощь «Чарли» тут же ответил атомный крейсер «Тракстан»:

– Лучшая помощь с вашей стороны – отойти миль на десять!

Мы отошли… на три и получили возможность поимённо переписать все крупные американские корабли, базирующиеся в Сан Диего, чувствуя себя карманниками в паникующей толпе. Забыв о правилах связи, крейсера и эсминцы орали друг на друга как шопники на сезонной распродаже: атомный крейсер «Калифорния» орал на «Тракстана», отвоёвывая право управления спасательной операцией, «Тракстан» грозился командованием 3-го Флота, эсминцы отжимали фрегаты, борясь за место в ближнем охранении. А «Гитарро» звала на помощь и дымила. И тут её вырвало – лодка отстрелила двенадцать торпед, находившихся у неё на борту, самостоятельно борясь за живучесть. И победила!

Уже слегка покуривающую и атипично подкашливающую «Гитарро» подцепил буксир и потащил к Сан Диего! Не в море, а к огромному городу! Остальные бросились собирать плавающие торпеды. Мы тоже хотели помочь, но нас оттеснили от прилавка.

Что же на самом деле произошло, и насколько серьёзна была ситуация – не известно до сих пор. Любые попытки найти информацию об этой аварии заканчивались одним – скупой строкой на официальном сайте ВМС США – «17 мая 1984 года – пожар на ПЛА «Гитарро» в ходе учений».

Один из многих, оставшихся неизвестными до сих пор. Ведь только за десять лет с 1980 по 1990 годы у американцев случилось 1600 аварий (крупных и мелких) на атомных кораблях. Есть в том списке и «Тракстан», и «Калифорния», и сама «Гитарро», сбрасывавшие радиоактивную воду в Сан Франциско, Сан Диего, на Гуаме и Филиппинах.

Вот пишу, а мне за Сисю и его братьев обидно! Зря их освистывали…

Не только у нас случался FUBAR – Fucked Up Beyond Any Recognition.[48] У них и fubab случался – fucked up beyond any belief.[49]

Navalbro Dum spiro spero[50]

«Пока живу – надеюсь» – сказал Сенека и определил на долгие столетия философию волевых людей тех галантных времён – времён бронзы и мрамора.

Так, наверное, думал и майор ВВС США Джон Пол Стрэпп, хотя жил во времена алюминия и пластмассы. В том далёком 1948 году он, с трудом влезая в кресло, усаживался в тележку-ускоритель, чему мешал громоздкий экспериментальный костюм, разработанный для первых лётчиков реактивной авиации. Его и дорабатывал Стрэпп, на себе испытывая адские перегрузки резкого ускорения, достигая скорости в 1000 км/час за пять секунд. Это можно было пережить. Но, когда реактивная тележка останавливалась всего за 1.4 секунды, майору оставалось только надеяться, что «слон, сидящий у него на груди» – перегрузки в 30 g – не раздавят его.

Сегодня он решил преодолеть «планку» – достичь 31 g! Зафиксировать рекорд должны были шесть датчиков, установленных на реактивных санях. Разгон по рельсам – направляющим, сброс тормозного ковша, брызги воды, опять «слон» на груди, но в этот раз по-настоящему тяжёлый и остановка. Собрав щеки с затылка и поместив их на «штатное» место, Джон спросил у техника:

– Сколько g сегодня?

– Ноль… – ответил тот.

– На всех шести датчиках?

– На всех…

– Звоните Эду! Пусть приезжает и разбирается!

Скоро приехал Эд и выяснил, что все без исключения датчики были установлены в направлении противоположном вектору торможения. Вздохнув, он сказал:

– Если для выполнения работы есть несколько способов, и один из них приведёт к катастрофе, то всегда найдётся человек, который им воспользуется.

Так родился один из главных афоризмов 20 века – Закон Мерфи … капитана ВВС США Эдварда Мерфи. А майор Стрэпп его упростил до

«Если что-либо может быть сделано неправильно, оно будет сделано неправильно!»

Сегодня, когда вспоминают взрыв топливного бака «Аполлона-13» на полпути к Луне, говорят, что причина – число «13»: тринадцатая миссия стартовала в 13.13 местного времени, и взрыв произошёл 13 апреля 1970 года.

Бросьте! Вспомните капитана Мерфи! Все, что может сломаться, сломается!

Теперь попробуйте найти несчастливое число в следующей истории.

9 июля 1991 года с борта авианосца «Авраам Линкольн» (бортовой 72) в свой сотый полет взлетел экипаж самолёта-заправщика KA-6D «Интрудер» (бортовой 515) из состава 95ой штурмовой эскадрильи ВМС США. Пилотировали «танкер» два лейтенанта: Марк Баден – командир и Кейт Галлахер – штурман-оператор. Тот день был двадцать шестым днём рождения ирландца Галлахера.

Нашли число «13»? Нет, потому что все случившееся далее подпадает исключительно под закон Мерфи!

Итак, взлетев, экипаж «зелёных ящериц» (Green Lizard – 515) занял эшелон 2400 метров при скорости 415 км/час и начал нарезать круги над авианосцем, ожидая самолёты своего авиакрыла, нуждающиеся в дозаправке в воздухе. Заканчивая третий круг над «Линкольном», экипаж самолёта решил проверить подачу топлива из подвесного бака, в котором все ещё оставалось 500 килограмм. Подачи не было – заел клапан (помни закон Мерфи!). Когда пилот танкера, следуя инструкциям, начал бросать машину вверх и вниз в попытке перегрузками открыть упрямую железяку (и опять Мерфи!), раздался громкий хлопок. Повернув лицо вправо, Марк Баден вместо приветливой улыбки своего штурмана увидел … пустоту, а взглянув вверх, наконец, увидел … друга-ирландца, сидящим верхом на кокпите. Согласитесь – ужас?! Нет, ужас – впереди…

Галлахер сидел в кресле верхом на фонаре самолёта, в плексигласе которого зияла огромная зазубренная дыра. Лицо и голова несчастного были оголены; его щеки раздувались так, как будто в его рот был вставлен пожарный брандспойт, и подача воды включена. Внутри самолёта оставались только ноги штурмана, болтающиеся как игрушка-талисман в кабине такси. Присмотревшись, пилот Баден был

поражён ещё более: ремни не удерживали его друга – они были автоматически отстёгнуты, как это случается при катапультировании; Галлахера удерживали в кресле только захлестнувшие его грудь стропы парашюта. Счастье, что Баден не знал, где его купол – «потухший» шёлк висел на хвостовом оперении, не «дотянувшись» до рулей высоты всего несколько сантиметров. Счастье и то, что штурман подавал признаки жизни: он пытался удерживать голову, но вскоре сдался под мощным напором воздуха и уронил её на плечо. Лицо его, если можно было назвать лицом надутый противогаз, стало белеть. И это стало окончательным сигналом к действию: Баден перевёл ручки сектора газа в нижнее положение, выпустил закрылки и щитки воздушного тормоза, постепенно доведя скорость почти до скорости сваливания – 290 км/час и сообщил на авианосец об аварийной ситуации – частичном катапультировании члена экипажа. Авиадиспетчер «Линкольна» тихо и печально спросил:

– Штурман – в кабине?

– Нет, только его ноги – ответил пилот.

На другом конце линии раздался стук – это упал в обморок диспетчер авианосца, представивший забрызганную кровью кабину и падающую в океан верхнюю часть туловища штурмана.

«Интрудер» начал делать плавный разворот, находясь в 14 километрах на траверзе авианосца. Оказавшись в 10 километрах от кормы корабля, Баден запросил разрешение на аварийную посадку – времени не было: голова Галлахера была неподвижна; его лицо позеленело.

Когда самолёт вышел на глиссаду, находясь в пяти километрах от авианосца на высоте всего 90 метров, пилот начал верить в удачу – ноги Галлахера шевелились. Значит, он все ещё жив!

Но закон Мерфи… он забыл о нем! Внезапно начало запотевать лобовое стекло, когда до посадочной палубы оставалось совсем немного. Баден включил обогрев, и когда стекло очистилось, увидел, что «Линкольн» начал циркуляцию влево!!! Идти на второй круг он не мог – это убило бы его штурмана, поэтому, круто довернув влево и едва не свалив самолёт, Баден «поймал» красный огонь системы визуальной посадки авианосца, выровнял «Интрудер», сбросил газ и плюхнул самолёт задолго до первой линии аэрофинишёров. Держа переднюю стойку в воздухе, он дождался захвата троса хвостовым

гаком и вздохнул с облегчением – прочно опутавшие Галлахера стропы не дали тому упасть грудью на «ножи» разбитого плексигласа. Баден вскочил со своего сиденья и бросился к другу. Когда тот прошептал: «Я уже на палубе?», Марк понял, что все позади.

Последующее разбирательство показало, что:

– катапультное кресло штурмовика было изготовлено в Англии в 1963 году, и у него ни разу за 28 лет не менялся механизм отстрела;

– из-за принудительно созданных перегрузок сломалась прижимная пружина кресла, которое резко приподнялось и пробило фонарь самолёта;

– поднятие кресла инициировало срабатывание пиропатрона и часового механизма катапульты, выпустившего парашют;

– кресло, пробив кокпит, поднялось недостаточно высоко, чтобы дернуть трос включения стартового двигателя катапульты.

Капитан Мерфи был бы доволен: этот случай подтвердил его теорию; а на всех без исключения американских «Интрудерах» срочно поменяли механизмы катапультирования.

Верил ли Мерфи в удачу? Этого мы не знаем…

Navalbro Жил-был

Жил-был-выбыл…

А как жил, как был?! С Индирой дружил, Мохандоса Карамчаду Ганди почитал, с Хоннекером целовался, Никсона на машине катал, Форду шапки дарил. И не был злобным, как Черчилль, сгноивший Ганди и сказавший о брошенном в тюрьму и умирающем от объявленной голодовки Махатме: «Я бы оставил его в тюрьме и дал ему довести задуманное до конца».

Неплохой мужик Ильич. Я видел его в 1975 году на военно-морском параде в Севастополе, сидя на трибуне с бутылкой первого советского «Пепси», сделанного в Николаеве. Он сошёл с борта катера командующего Черноморским Флотом и прошёл всего в трёх метрах – в светлом костюме и белой шляпе, излучающий добродушие и посылающий улыбки окружающим. И не было ещё тогда анекдотов про «сиськи-масиськи», «зализанную дырку», «звание Героя посмертно», «Карлсона, соратника Энгельсона» и сотен других, полных сатиры, но всегда незлобных. Как этот, например:

Прилетели птицы с юга от синицы до грача,

В этом личная заслуга Леонида Ильича.

Но вот случился ноябрь 82-го года. «Азия» в Аравийском море: солнце, бирюзовая вода… Нельзя в такое время, а он выбыл. По сообщению вражеского голоса. Ленточка накручивалась в рулон, наматывая новости мира. И там, внутри, была самая главная, от агентства «Ассошиэйтед Пресс»: «В СССР скончался Генеральный Секретарь Брежнев». Потом рулон взял в руки лейтенант, привычно вставил в его середину карандаш, перекинул конец ленты через край стола и начал «отсчитывать метры»: «Киодо Цусин… авианосец «Мидуэй» прибыл в Сасэбо… зер гут… отрываем – вклеиваем в журнал… дальше… в СССР скончался… фигня – гражданские новости – не для нас… Ой!» Лента быстро поплыла назад; волосы на голове читающего встали дыбом.

– Товарищ кавторанг! Брежнев у…! – вбежав на ходовой мостик, крикнул лейтенант, но прикусил язык под взглядом начальника штаба, сидящего в кресле.

– Что там?

– Вот!

Начштаба взял журнал со вклеенной ленточкой и переводом внизу: «По сообщению… в СССР… умер… Брежнев». Пробежав глазами повторно, махнул рукой:

– Пошли к командиру!

– Так, боец, – осознав случившееся, решили старшие офицеры, – командование и ГлавПУР нам ничего не сообщали, поэтому числить Генсека живым! Никаких брожений в умах не допускать!

Но как тут не допустить?! Корабль «списифицеский» – вполне радиоприемниковозом можно назвать, так как нафарширован и нашпигован аппаратурой связи и приёма. Вот матросы, обслуживающие это железо, и наслушались «голосов», пошли слухи. А если слухи распространяются, они, по закону Ньютона, пресекаются путём трения распространителя о шершавую поверхность. Но для пресечения особых слухов нужна особая сила противодействия, которая на корабле, естественно, была – особист.

Особисту хватило всего секунды, чтобы узнать, «откуда дым» – от радиоприёмников. А чьи они? Федорыча! Все приёмники и все матросы, слушающие их – его. Это значит, что Федорыч сидит на перманентной каркалыге, хоть и «грамотный специалист, примерный семьянин, пьющий ниже среднего офицер, опытный руководитель и въедливый коммунист, в данный момент стоящий вахту на ходовом мостике. Подходящий момент для закулисной беседы: командир в своей каюте, рулевую колонку поставим на автомат, матроса отпустим покурить».

– Как обстановка, Федорыч? – ласково спросил особист, закрывая дверь за вышедшим на свежий воздух рулевым. Федорыч невозмутимо и хозяйственно оглядел воды Аравийского моря взглядом Моисея и доложил:

– Море 1 балл, видимость 10 миль!

Он, конечно, понял, что особист здесь, чтобы что-нибудь «раздвинуть».

– А вот, слыхать, что наш Леонид Ильич побаливает! – «искренне» вздохнул чекист.

– Да, бывает! У меня тоже частенько то желудок, то печень прихватывает. И что?! – пошевелив усами, Федорыч, не моргая,

вперился в глаза особиста.

– Ну, говорят, что Ильич не просто побаливает, а даже, вроде бы… ну, как бы… и умер! – холодно процедил морской Дзержинский.

– Да ты что, Витя?! – «ужаснулся» подследственный, – разве может наш Ильич умереть?!

– И в самом деле! – покачнулся особист, почувствовав бессилие фараона, на которого хлынули разверзнутые воды.

А утром телеграмма от ГлавПУРа пришла: «Да, умер. Мужайтесь, товарищи!»

И плыл корабль, и многое у него было впереди: Андропов, Черненко. Вот только телеграммы о Горбачёве не дождался…

Землемер Пуск по Жванецкому

В самом начале Перестройки, после окончания института попал я на «ящик». Понятно, что на почтовый, но размером с городской квартал. Делали кое-какую продукцию и разрабатывали всякую электронику. В моем отделе было несколько ветеранов-разработчиков, ковавших ракетный щит чуть ли не с первых запусков. Самое интересное было послушать их байки о славных былых временах. Иногда после отмечания какого-нибудь праздника (повода, события, далее на выбор) расходились «яйцеголовые» не на шутку и сыпали истории молодому и зелёному мне, дабы мотал на ус. Итак, одна из историй.

Испытывалась ракета для подлодки. Старт из-под воды. Понятно, что для отработки никто не пихал сырое изделие на настоящую лодку, а был построен на море макет пусковой шахты.

А что значит макет: из уголка и швеллера сварили в размер каркас, притопили этак в сотне-другой метров от берега (ну хорошо, хорошо, в паре кабельтовых), протянули кабели управления, питания, телеметрии. Для устойчивости придавили основание бетонными блоками. Вот и готов кусочек подлодки.

Привезли, подключили, загрузили ракету под воду. Привезли комиссию на демонстрацию и приёмку. Загрузили её красивыми плакатами и коротенькой лекцией на тему: «Щас как она оттуда…!!! И потом как пойдёт!!! А потом ещё и попадёт, не исключено, что прямо точно в куда надо». Поскольку дело на берегу, солнышко греет и играет с волнами в зайчиков, и вообще хорошо, принято решение. Бункер управления отставить. Расставить на песочке у набегающих волн стульчики, скамейки. Бинокли раздать согласно званиям и наличию. Столы с документацией чуть сзади, столы с уже охлаждённой, но ещё не разлитой «неофициальной» частью сбоку. Сбоку не значит побоку, но первым делом все–таки запуск.

Получено добро, команда «Пуск», операторы в кабинах и бункере жмут кнопки и докладывают по вынесенной к стульчикам громкоговорящей связи:

– Пошла, родимая!

– Режимы штатно, параметры в норме!

И так видно, что пошла, недалеко же.

Взбурлило синее море, показалась сквозь дым и пузыри головная часть, затем и остальное.

Медленно вылезло чудо советского ракетостроения из воды полностью, застыло на огненном хвосте и столбе пара. Мощь! Несокрушимый ответ супостату!

– Режимы штатно, параметры в норме, сигнал уверенный – докладывают пусковики с пульта № 1.

– Мать!!! Й-ох что за… – это уже конструкторы на берегу.

Во-первых, что-то долго застыло чудо на месте. Дым и грохот. Огненный столб, но выше десяти метров не идёт. Во-вторых, какой уверенный сигнал с пульта N1 , когда все кабели связи должны отстрелиться сразу после зажигания, и далее только по радиоканалу данные поступают на пульт № 2.

– Эта что за хрень у вас там? – Это уже комиссия присмотрелась в бинокли.

– Нахрена вы её привязали? И почему крен в нашу сторону?

А потому крен, что кабель не отстрелился. Хороший кабель. Толстенький такой. Многожильный, плюс экранирование и заземление. Плюс хорошая изоляция для морской воды. И разъём на ракете хороший, никакая вибрация, толчки и вода не заставят разойтись «маму» и «папу». Только пиропатроны. А вот они-то и нифига. А поскольку ракета не набрала большой скорости, то порвать кабель внатяг слабо, а вот потянуть каркас из воды –это уже не слабо.

Кабель-то дальше был уложен в трубу, труба приварена к уголкам, а лошадиных сил у движка много. И вот, болтается на привязи ракета над водой, каркас, сдёрнутый с блоков, все больше высовывается из воды. Но дальше идут кабели от каркаса к *берегу* . Куда же ещё? По кратчайшей прямой, в бункер. Через пляж. С комиссией. И поэтому ракета тоже, таща за собой удлиняющийся хвост, рыская по курсу и тангажу, матерясь всеми датчиками, приближается к берегу. Пусть пока почти вертикально, но как-то все больше ложится на бок. И кабель все не рвётся и не перегорает.

Эвакуация в бункер была быстрой. Без всякой команды. Впереди бежали те, кто стоял сзади, то есть всякая мелочь от разработчиков и сопровождающие высоких чинов лица. А высокие чины пока

сдёрнулись со стульчиков, пока обегали столы, пока путались в ремешках биноклей… Но норматив все равно был перекрыт.

Команды , которые давали операторам вбегавшие в бункер, не отличались разнообразием. Менялись только суффиксы и комбинации слов. В общем, подорвали изделие почти совсем уже на берегу. Изготовителям пиропатронов была вставлена рекламация. Не исключено что во все места. Разработчикам тоже досталось: почему не продублировали, не предусмотрели возможность такой нештатной ситуации? Как ни странно, но досталось и членам приёмной комиссии за нарушение правил безопасности. Больше на пляже никто не принимал пуск. Только в бункере. В общем, как говорил Жванецкий, вот такая приключилась…

Граф Гонки на пл

В те, теперь уже далёкие, но приснопамятные времена, когда наша держава не стеснялась демонстрировать флаг своего Военно-Морского флота на просторах Мирового океана, четыре дизельные подлодки (пл) вышли из базы г. Полярный и направились на боевую службу в Средиземку. Путь, прямо скажем, не близкий. А с учётом скрытности перехода, малой средней скорости движения (днём – в подводном положении экономичным ходом, а ночью – зарядка аккумуляторных батарей и вентиляция отсеков), мелких аварий и борьбы за живучесть, телепались они до места назначения в общей сложности месяца полтора.

В конце концов, скрытно просочившись через горлышко Гибралтарского пролива и дошкандыбав до нашей плавбазы, они радостно всплыли на глазах изумлённого 6-го супостатского флота и пришвартовались по два корпуса с каждого борта. Как выглядят наши подводники, особенно проходящие службу на «дизелюхах», уже писано-переписано. Поставь их рядом с зэками – не отличишь, а после длительного перехода добавь к воображению ещё тракториста колхоза «Светлый путь» времён первых пятилеток и получишь абсолютно достоверную картину. Командир плавбазы, обозрев прибывших братьев по оружию, приказал организовать баню для личного состава, ужин и кино, потому как была суббота, а офицерам дал час времени на мытье в душе, бритье и переодевание.

В кают-компании накрыли шикарный стол. Когда все собрались, командир плавбазы сказал то, что положено в таких случаях, и по старой флотской традиции провозгласил первый тост: «По случаю…». Второй, естественно, «За дам…». Третий – «За тех, кто в море!» – святое дело, а дальше началась произвольная программа.

Как определяется степень опьянения морских офицеров? Непосвящённые скажут: по внешнему виду. Нет, ребята! Только по разговорам, которые на флоте называются травлей. Если травят о политике, значит, все только начинается, если про женщин – процесс в разгаре, ну а когда перешли к службе – все, уже не долго осталось.

И вот на последней стадии один из командиров пл вдруг заявляет, что его лодка во всех отношениях лучше, чем остальные. И даже максимальный ход у неё больше на 2 узла, хотя все они одного проекта. Ну, кто же, спрашивается, такое стерпит? И хоть они и командиры, которые все знают, все понимают и ничего не боятся, но после принятого на грудь остатки юности лихой в одном месте заиграли.

– Как это? С чего это вдруг твоя лучше? – загудели остальные командиры, приняв позу оскорблённых мушкетёров. Задетым оказалось самое святое – командирское тщеславие и самолюбие.

– Твоя лучше, говоришь?

– А не у тебя дейдвудные[51] сальники потекли в Бискае?

– А не мы тебя ждали, пока ты течи латал?

– Да сам-то ты…

– Ладно, вам, чего на мужика насели? Ну, спорол глупость, не подумавши…

– Да пошёл ты, заступник… тудыть… растудыть…

– Сам пошёл…

Командиры, выступавшие в начале единым фронтом, постепенно стали разбиваться на секции. Потом, глядя на них, сцепились между собой старпомы. А механики уже давно были готовы, они только отмашку ждали…

Видя, что страсти накаляются, и дабы не допустить выхода ситуации из–под контроля, командир плавбазы на правах хозяина и старшего по званию принял решение:

– Отставить базар, мужики! Есть предложение! – все разом затихли. – Ща проверим, кто чего стоит. Штурман, тащи карту!.. Так… Вот смотрите, здесь болтается наш эсминец. До него… примерно… миль десять. Туда и обратно – двадцать. Тому, кто приходит первым, ставлю ящик коньяка.

– Алярм!!! – заорали командиры. – Боевая тревога!!! Экипажам на лодки!!! По местам стоять, со швартовых сниматься!!!

Моряки вылетели из бани в прямом смысле в мыле и помчались по боевым постам, сверкая голыми задницами.

И вот четыре советские подводные лодки, дружно оторвавшись от плавбазы, ринулись параллельными курсами в надводном положении, выжимая из дизелей все, что возможно. Американцы охренели! Куда?

Зачем? Почему? С какой целью? Поняли они только одно, что ихний американский уик-энд накрылся нашим русским медным тазом, и привели свой флот в полную боевую готовность.

А эти прут – ветер свищет, выдвижные устройства, как мачты у Лермонтова, гнутся и скрипят, волны до мостика захлёстывают, в эфире сплошной русский мат. Это на плавбазе организовали тотализатор. А как ещё подбодрить болельщикам своих боевых слонов? Только через эфир. Радиоразведка супостата такой музыки ещё никогда в жизни не слышала.

Командир того самого эсминца, который обозначал собой, сам того не ведая, точку поворота на обратный курс, вылетел на мостик в чем был, когда ему доложили, что четыре наши подлодки летят к нему полным ходом. Он тоже напрягся, как и весь 6-й флот США. На его запрос: «Что случилось?» все четыре командира дружно его послали открытым текстом, описывая при этом живописную циркуляцию вокруг его корабля. И тогда командир вполне мог произнести знаменитую фразу, вошедшую в классику современного кинематографа: «Ну, вы, блин, даёте!», провожая окошмаренным взглядом удаляющиеся корабли.

Где-то на полпути до плавбазы на одной из лодок сдох дизель, не выдержав экстремального режима. Командир другой лодки застопорил ход, подошёл, взял её буксиром за ноздрю и потащил к плавбазе. Не мог он кореша бросить. Но две другие продолжали гонку на полном серьёзе. Когда все снова ошвартовались у плавбазы, американосы опять сильно удивились и потом долго ещё морщили репу, пытаясь разобраться в новых тактических приёмах этих непонятых русских.

Но супостат был не одинок в своём недоумении. Наше командование тоже было весьма озадачено, когда получило информацию, что противник вдруг ни с того ни с сего решил поиграть в войну. Но когда стали известны подробности забега на короткую дистанцию наших подводных лодок, доложили на самый верх. Главком был в бешенстве. Он приказал доставить этих жокеев в Севастополь и пожелал сам лично провести разбор полётов. Маленький Главком аж подпрыгивал, пытаясь дотянуться своим кулачком до носов стоящих перед ним навытяжку бравых русских флотских офицеров. Он обещал их всех снять с командиров, разжаловать и сослать в солнечный Магадан. В течение всей экзекуции они сохраняли полное

спокойствие, всем своим видом показывая, что послать подводника дальше прочного корпуса невозможно. Даже солнечный Магадан в сравнении с нашим «железом» выглядит, как Сочи. Да и кто будет менять сразу четырёх командиров кораблей, находящихся на боевой службе? Главком это тоже понимал. Влепив каждому по НСС-у,[52] он отправил их обратно – искупать вину перед Родиной.

Граф Тормоз корабля

Когда-то давным-давно, флагманом Северного флота был крейсер «Мурманск». Корабли этого проекта послевоенной постройки – их много было на наших флотах: «Железняков», «Свердлов», «Дзержинский», – всех уже и не вспомнить, разве что в справочник заглянуть.

А флагман на то он и флагман, чтобы на его борту появлялись все кому не лень. В основном, конечно, проверяющие всех мастей и калибров из центрального аппарата Министерства обороны и родного ВМФ.

Довелось как-то раз вывозить на этом крейсере какого-то генерал-полковника Генерального штаба, прикатившего на флот с очередной проверкой. Как может генерал, да ещё с приставкой «полковник», проверять организацию службы на флоте, для многих флотских остаётся за пределами понимания. Но проверяли, проверяют и, надо думать, будут проверять, пока флот не задолбают окончательно.

Вышел генерал проветриться после обеда, а на мостике – все, кому положено, во главе со старпомом. Вахтенный офицер, подтянутый, застёгнутый, затянутый, пристёгнутый молодой лейтенант при виде генерала намертво ввинтил бинокль в свои глазницы, демонстрируя образцово-показательное несение вахты. Генерал потоптался возле старпома, о чем-то спросил, ему что-то ответили, закурил и пристроился возле магнитного компаса. Надо сказать, что магнитные компасы на тех кораблях представляли собой стальную тумбу, которая заканчивалась полусферой, внутри которой и помещался компас. Внизу тумбы имелась педалька, при нажатии на которую на полусфере распахивались две шторки, и можно было видеть, что там компас показывает. Конструкция нехитрая, чтобы понятно было, представьте себе мусорное ведро с педалькой. Представили? Тогда поехали дальше.

Надыбал генерал эту педальку, и ему вдруг интересно стало: а что будет, если нажать? Нажал! Шторки «хлоп» – открылись. Отпустил! «Клац» – закрылись.

– Ну, надо же, как у них тут все интересно устроено, – подумал генерал. И началось: «хлоп-клац», «хлоп-клац»… Понравилось! «Хлоп-клац», «хлоп-клац»…

Через пять минут генеральской забавы внутри старпома уже все клокотало, как в жерле вулкана Везувий. Зелёный от злости, старпом косил глаз на генерала, но доже вякнуть не смел. Субординация для военного все равно, что смирительная рубашка для психопата.

– Ну как? Как урезонить этого старого дуралея? – метался немой старпом. – Чтоб ты пропал вместе с этой педалью, будь она трижды… Ну, погоди, я тебе устрою, шаловливый ты наш… Сидел бы на своей подмосковной даче, так нет – примчался мне тут педальку нажимать, – рычало все старпомовское нутро.

– Рассыльный! Ко мне! – заревел старпом. За спиной у него тут же вырос рассыльный. – Вот что, – шипит ему в ухо старпом, – дуй в машинное отделение и передай БЧ–5–му, чтобы застопорил ход.

– Как? На словах передать? Так не поверит же, – шепчет матрос. – Надо машинным телеграфом передать.

– Какой, к чёртовой матери, телеграф? Ты что, сам не видишь, – кивает старпом на генерала, который запросто пошёл бы под суд, если бы педаль могла привлечь его за изнасилование. – Я тебе сейчас записку напишу.

Рассыльный помчался в машину. Механик, очумевший от старпомовского послания, застопорил ход, не забыв при этом покрыть всю вахту на ГКП[53] соответствующими выражениями.

Корабль продолжал ещё какое-то время двигаться по инерции. Когда инерции совсем не осталось, вдруг очнулся вахтенный офицер, подтянутый, застёгнутый, затянутый, пристёгнутый молодой лейтенант, заметивший, наконец, что пеленги перестали изменяться.

– Товарищ капитан 2 ранга! Корабль по непонятным причинам потерял ход, – во всю мощь своих лёгких известил он о своём наблюдении.

Старпом, ожидавший, что рано или поздно прозвучит подобный доклад, собрал на своём лице столько эмоций, столько неподдельного изумления, что первый раз в жизни пожалел, что это происходит здесь, на крейсере, а не на сцене столичного театра.

– Как?! Не может быть! – завопил старпом, и далее полилось. Не обращая внимания на присутствие высокого начальства, старпом

обматерил всю вахту вплоть до сигнальщиков, командира БЧ–5 пообещал зарядить в главный калибр и выстрелить. Но это была прелюдия. Он подбирался к кульминации своего же спектакля:

– Кто нажал на тормоз корабля?! Какая тля нажала на эту педаль?!

При этом он сделал театральный жест в сторону несчастной педали, сделав при этом вид, что совершенно не заметил генерала, когда тот, как ошпаренный отпрыгнул от неё в сторону. Старпом кругами носился вокруг магнитного компаса, приседал, падал на карачки, вскакивал, а генерал старательно изображал полную свою непричастность.

Когда фонтан иссяк и корабль дал ход, генерал на цыпочках подошёл к старпому, бережно под локоток отвёл его в сторону и тихонько, чтобы никто не слышал, пропел извиняющимся голоском:

– Зря ты, старпом, так раскричался… Твои орлы не виноваты… Это я нажал… Случайно… Я же не знал, что это тормоз корабля.

«И на том спасибо!» – подумал старпом. Лицо его сияло. Он был явно доволен преподнесённым начальству уроком: «Знай флотский закон! Не твоё – не лезь!»

Тафарель Новый старпом

– Экипаж у нас дружный, спаянный. Есть свои долбни, но где уж без них! Сами со всеми познакомитесь, сделаете свои выводы. Только берегитесь боцмана – непредсказуемый тип.

Капитан Сердюк устроил мне, новому на корабле старпому, экскурсию по судну. Часа два мы лазали по самым тёмным закоулкам «Федько». Нырнули в машинное, поднялись на мостик, заглянули в кают-компанию, поинтересовались обеденным меню у носатого кока и посетили радиста, который всё время глупо хохотал. Морячки, занятые неотложными делами, поднимали головы, приветствовали капитана, а затем долго сверлили мою спину оценивающими взглядами. Меня немного насторожило то, что в глазах некоторых отчётливо читалось сочувствие, и, казалось, хотели они что-то сказать, но при капитане не решались.

Потом был обед, полчаса пустых разговоров, затем грузовой помощник объявил, что с трюмом покончено, и скоро займутся палубой. Сердюк благосклонно кивнул и предложил снова подняться наверх, продолжить занятия по матчасти теплохода.

Немного поплутав по переходам и приветствуя встречных (которые долго смотрели мне вслед), поднялись на левое крыло мостика. Тогда, в 82-ом, «Федько» уже не был последним словом кораблестроения, но всё же имел уважаемые габариты. Особенно, когда загрузка ещё не закончилась, и ватерлиния покоилась высоко над уровнем воды. Внизу, под нами, послышались крики, пёстрый морской мат и прочие, пока незнакомые моему уху шумы.

– Вот он, голубчик, Андрей Андреич, – сказал, оскалившись, капитан, и, перегнувшись через леера, крикнул:

– Андреич, что за шум?

– Да уродцы эти, докеры хреновы, огнетушитель спереть хотели.

Боцман вышел откуда-то снизу и, задрав голову, упёрся в меня взглядом.

– Здрасте! Вы наш новый старпом?

– Да!

– Бум знакомы, я боцманом тут работаю, Андреем Андреичем зовут. Детдомовский я. А родом из Раздельной. Тут недалеко. А вы откуда? Как вам наша лайба? Вас Сергеем Николаевичем зовут? Видите, я знаю. Я всё знаю! Ну, мы ещё пообщаемся, труба зовёт!

Боцман ошарашил меня словесным потоком и переключился на капитана. Действительно, в нём что-то было необычным. В большинстве случаев его коллеги суровы и немногословны. А тут не успел увидеть, и сразу же за рассказы взялся. «Сказочник», – прозвал я его про себя, но намёка на опасность, обещанную кэпом, не обнаружил.

– Василий Владимирович, ну так что? Всё, есть новый старпом?

– Есть-есть, не волнуйся! – отвечал капитан.

– Ну так, а чё со старым делать? Каюту-то освобождать надо!

– Ну, Андреич, как обычно, не знаешь, что ли?

– Ага, понял.

Боцман исчез где-то под нами, а на мостик принесли кофе. Сердюк угостил меня импортным «Уинстоном» и закурил сам. Левое крыло выходило на причал на уровне пятого этажа хрущёвки. Двумя этажами ниже, на грузовой палубе послышались крики и вопли. Двое матросов за руки за ноги тащили связанного человека. Во рту его был кляп, голова неестественно закинута назад. За ними шёл, потирая руки, Андрей Андреич. Глянул на нас, показал пальцем на связанного, хохотнул и громко скомандовал:

– Всё, вперёд. Прощай, товарищ! – и картинно отдал честь.

Матросики раскачали человека и на счёт три перебросили через фальшборт. Глянули вниз. Что-то сказали боцману. Тот тоже глянул вниз. Потом поднял голову к нам.

– Капитан, заминка вышла, на причал упал.

– Ну так спускайся, да скинь его. Да помой там, а то опять с милицией разбираться.

Кровь остановилась в моих жилах. На моих глазах за борт, на бетонный причал с высоты третьего этажа скинули человека. И произошло это с невероятной обыденностью. Ноги задрожали, забытая сигарета обожгла пальцы. Хотел что-то сказать, но глотку свело судорогой.

– Всё, – прервал паузу капитан, – ваша каюта свободна. Вас проводят. Идите, располагайтесь. А про это забудьте, новый старпом

лучше старого.

Сердюк ободряюще потрепал меня по плечу и ушёл в рубку. В произошедшее не верилось. Что делать, не знал. Тогда не знал. А уже через три месяца сам принимал участие в розыгрыше, когда в Лиссабоне к нам на борт поднялся новый стармех вместо старого, улетевшего на учёбу в Питер. Несчастное чучело летало за борт не раз, пока в Стамбульском порту не было изъято полицией, как улика преступления.

Байка основана на рассказах бывшего капитана черноморского морского пароходства, давно уже пенсионера, Недопуда Сергея Николаевича.

Kor Сказка для внука

Его звали Кот.

Как и любой корабельный кот, он имел любимое место отдыха – на подшивке газеты «Правда», лежавшей на запасном столе в кают-компании.

Когда вестовые накрывали стол-«табльдот», Кот спал совершенно спокойно, даже не реагируя на звон тарелок, ложек и вилок.

Но стоило раздаться команде по трансляции, оповещающей о конце приборки и зовущей офицеров в кают-компанию, Кот счастливо потягивался, выпуская когти, и жмурился, зевая.

Скоро будут кормить.

Кота любили все. Может быть, кто-то из матросов и обиделся бы на него, найдя где-нибудь на объекте заведования продукты кошачьей жизнедеятельности, но никто и никогда их не находил. Как Кот решал этот вопрос, не знал никто, но всех это устраивало.

Так что врагов у Кота не было… почти…

С подшивки «Правды» гонял его Зам – кто-то когда-то пошутил, что, мол, коты тянут тёмную энергию, и не зря, мол, не зря Кот на «Правде» спит….

Но с Замом Кот смирился, как смирился за всю свою короткую жизнь с отсутствием вокруг собратьев и собратьиц. Его принесли на Корабль совсем маленьким Котёнком, только-только попробовавшим молоко из блюдца.

За то время, пока Корабль готовился в море, Котёнок подрос, и к выходу на долгие месяцы в море мог уже обходиться без молока.

В принципе, у него был ещё один враг, Комдив, но Комдива уже два месяца не было на Корабле, и жизнь Кота стала в два раза спокойнее.

Кот совсем не хотел становиться врагом Комдива, но тени занавесок иллюминатора так весело играли на загорелой блестящей лысине Комдива… а Коту так хотелось поиграть…

Царапины на лысине зажили быстро, оставив после себя белые полоски и обиду на Кота в душе Комдива, так что, пока тот был

старшим на борту, «вывозя» молодого Командира на первую боевую, у Кота был настоящий враг.

Потом Комдив сошёл на другой корабль, и тут кто-то пошутил насчёт «Правды»… Жизнь без врагов не получалась… Но, в общем, это не сильно печалило Кота, ведь он не знал другой жизни.

По вечерам Кот любил приходить в каюту Командира. Здесь так сладко дремалось под тёплым светом настольной лампы. А когда становилось скучно, можно было лапами постучать по дёргающейся в руке Командира палочке, марающей бумагу, или на крайний случай крутнуть мягкие лопухи вентилятора… а потом подойти к холодильнику.

Конечно, кот не знал, что такое холодильник, но он точно знал, что вот из таких белых шкафов, откуда слегка веет холодом, всегда достают что-то вкусное.

Командир часто разговаривал с Котом и почти никогда не ругал.

Правда, иногда командир закрывал дверь в каюту, и оттуда начинало так вкусно пахнуть…

Но потом Командиру сказали, что Кот тоскливо сидит под дверью каюты иногда… ну, когда Командир запирается… и с тех пор Командир хлопал дверью холодильника, Кот слышал этот звук, и бежал со всех ног в каюту… А командир чесал его за ухом и называл почему–то «шестёркиным»…

Обычно жизнь корабельных котов осложнена соседством крыс, но Кот попал на странный Корабль – на нем не было ни одной крысы.

Хуже всего Коту приходилось, когда Корабль попадал в шторм; он никак не мог привыкнуть к качке, и иногда ему казалось, что эти мучения придумывают злые люди, чтоб специально отравить его спокойную жизнь.

Но, в общем-то, лёгкую качку Кот переносил спокойно.

Когда корабль зашёл в иностранный порт, Кота сначала долго искали, а потом нашли на площадке у самого гюйсштока,[54] напряжённо поводящего носом; ведь даже сюда, на рейд доносились какие-то чужие, береговые запахи.

Кота взяли на баркас и отвезли на берег.

Там Коту стало почему-то совсем плохо, ему трудно было ходить, ведь берег не качался под лапами, и вокруг было столько всего незнакомого, и запахи, запахи…

Кот очень испугался, распушил хвост, поднял шерсть на загривке, потом лёг на брюхо, и категорически отказался куда-нибудь идти, пока его снова не забрали в баркас, и палуба под ним снова привычно закачалась…

А сегодня на Корабле было какое-то странное – для Кота – настроение. Все ходили весёлые, шутили, и за хвост Кота дёргали как-то весело, не хотелось даже обижаться.

Все говорили: «Домой, домой» и вместо привычных синих штанов и шортов надели черные и синие длинные брюки.

Да и ветер был какой-то странный, холодно-неприятный, и в то же время зовуще-бодрый.

Впрочем, к вечеру все успокоились, и, как всегда на ходу, когда командир был на мостике, Кот пошёл прогуляться по кораблю.

Сначала он сходил в кают-компанию, но двери были закрыты, и даже вестовых не было на привычном месте.

Тогда Кот спустился палубой ниже, туда, где была кают-компания мичманов, но и там было темно и пусто…

Оставалась одна надежда – камбуз. Кот иногда заглядывал туда по ночам, когда почему-то очень хочется есть. Но сегодня с камбуза доносился, к сожалению, не очень приятный запах жареного… и даже слегка горелого.

Кот не очень любил жареное, он с большим удовольствием ел варёное или даже сырое мясо или рыбу, а тут пахло жареным. Очень сильно пахло.

Дверь на камбуз к удивлению кота была приоткрыта, и когда Корабль покачивался, тихонько хлопала.

Кот давно знал такие повадки корабельных дверей, и поэтому смело проскочил, когда дверь в очередной раз полуоткрылась.

Как всегда в ночные часы на камбузе было пусто – то есть в этот раз совсем пусто, не было даже дежурного кока, который обычно во время таких визитов разговаривал с Котом и срезал ему кусочки мяса с косточек.

Вернее он был где–то здесь, рядом, запах его ощущался, но самого кока не было видно.

Кот повёл туда-сюда усами, и вдруг заметил между большими горячими котлами, к которым он, в общем-то, очень не любил подходить, – ботинок. Ботинок как раз и пах дежурным коком.

Сам Кок лежал, неловко повернув голову как раз между котлами, и что–то тихо мычал.

Все это Коту очень не понравилось.

Раньше такого не было, и не должно быть теперь.

Надо было что-то делать.

Кот дождался, когда дверь с камбуза приоткроется, и выскочил в коридор.

Некоторое время он соображал, что же делать… Он никогда не встречался с такой ситуацией…. И тут Коту стало страшно. Он не понимал, отчего, но действительно, он испугался… И поэтому, может быть от подступившего страха, а возможно оттого, что он действительно не знал, что делать, Кот заорал…

Ведь, в сущности, он был ещё совсем не взрослым Котом; скорее, он себе представлялся большим, сильным и взрослым, но на самом то деле он был совсем ещё Котенком, к тому же совершенно не знавшим кошачьей жизни.

Но орал зато он от души. Так громко, что проходивший рядом с люком палубой выше матрос-дозорный услышал его мяв и спустился к камбузной двери.

Дверь в очередной раз приоткрылась на качке, и дозорный, увидев лежащего кока, бросился к нему, потом, громко крича какие-то слова, которые кот почему-то слышал чаще всего от людей на корабле, убежал, потом снова прибежал, уже не один.

Вместе они вытащили кока из-за котлов и куда-то унесли.

Некоторое время по кораблю гремели команды, звенели звонки и бегали люди.

Потом все успокоилось. Кот тоже как-то сразу успокоился, ведь крики, звонки, команды – это все было правильно, как всегда.

Когда окончательно стихла беготня, Кот отправился спать под трап на мостик – там лучше всего было дожидаться, когда корабль снова проснётся, и снова вестовые откроют кают-компанию….

Днём, когда Кот, как всегда, потягивался на подшивке «Правды», а офицеры уже собирались к обеду, зашедший в кают-компанию Командир почесал кота за ухом, погладил и сказал:

– Вестовые! Котяру накормить от пуза; возьмите у продовольственника консервов рыбных. Надо его за вчерашнее поощрить.

И снова погладил Кота.

Кот так и не узнал, что своим мяуканьем он помог потерявшему сознание Коку, которого той же ночью и прооперировали. Кок сейчас лежал в лазарете, и все рассказывали, какую тревогу поднял вчера Кот.

Да, в общем-то, Коту это было и не особенно интересно.

Но зато он понял слова «рыбные консервы» и «накормить», и это ему понравилось.

Жизнь, в общем-то, удалась.

Алексей Васильевич Сашка

Яркое августовское солнце в зените, жара и пыль. Иду по просёлочной дороге, проложенной по склону сопки вдоль берега моря. Красивое место.

Брюки ещё с утра напоминали форменные штаны капитана первого ранга, но теперь это обвислая материя, покрытая пылью. Рубашка прилипла к спине. Галстук в кармане.

Я иду к Саньке.

У меня не возникло и мысли подъехать к этому маленькому кладбищу на машине. Это скорее для сериала про «бригаду». Иду издалека и давно. Как долго я к тебе шёл, Саня, почти двадцать лет.

Я и не видел его неживым. На его похоронах меня не было, просторы бороздил…

По словам наших товарищей, все случилось как-то впопыхах и само собой.

По другому поводу уместно было бы сказать «экспромтом», как и сама Сашкина жизнь.

Вид кладбища меня озадачил. Я не сразу понял, чего не хватает в пейзаже, а когда понял, озадачился ещё больше. Все железо на старых участках отсутствовало. В своё время оно сначала превратилось в деньги, потом в выпивку и закуску, потом в навоз…

Удушив в себе эмоции, стараюсь найти хоть какие-нибудь приметы последнего пристанища морского офицера.

Недоумение перерастает в тихую злобу, в том числе и на себя самого.

На ум от позвоночника приходит нелепая мысль.

Осматриваюсь по сторонам…

Вроде вокруг нет никого, кроме пары ворон. Пожалуй, и на всей планете Земля сейчас уже никого нет.

– Шура!? Ты где?

Несколько секунд жду чуда…

Мы бежим по лестнице, прыгая через две ступеньки, домой к Сашке. В глазах прыгают только пуговицы на хлястике его шинели…

Мы несколько суток без схода на берег передавали свою лодку Приморскому экипажу. Соков они из нас попили… много. Но вот новая вводная. Лодка передаётся приморскому экипажу «автоматически», все их тупые замечания устранять теперь им самим. А нашему экипажу сегодня вылететь в учебный центр подводного плавания.

Старпом дал экипажу 40 минут на сбор вещей и перецеловку жён. Мне, холостому лейтенанту, такие приключения только в радость. Все своё всегда с собой. Всегда готов хоть на войну, хоть в отпуск. Однако самолёт-то будет военный! И в нем нет стюардесс с подносами. Значит, придётся тащить все с собой. По сценарию, составленному опять-таки Сашкой, я должен доставить до самолёта банку солёных огурцов (которую надо взять у него дома). Эти огурцы будут крайне необходимы для выживания подводников на борту холодного самолёта.

Сашка – улыбчивый светловолосый парень невеликого роста. Чемпион мира по налаживанию незатейливого военного быта в тяжёлых условиях. Прицепив какую-нибудь «рюшечку-занавесочку», он, как волшебник, умел превращать крашеное железо в родной дом моряка. Впрочем, уют создавался вокруг него и без всяких «рюшечек». В минуты затишья к нему, как магнитом, притягивались люди. У наших начальников частенько возникало желание разогнать эту «банду бездельников» и наказать зачинщиков, но стоило им приблизиться на дистанцию восприятия речи, как их рты растягивались до ушей и они невольно пополняли ряды благодарных Саниных слушателей.

Частенько бывало, что механик, устав искать кого-нибудь из своих подчинённых, расталкивал со стороны своеобразной галёрки толпу собравшихся и при этом орал дурным голосом разные обидные фразы. А потом стоял с красной рожей, пока из толпы, как жулики, пойманные на месте преступления, выходили командиры и механики соседских лодок, покрасневшие начальники политотделов, различные проверяющие офицеры… из Главного штаба ВМФ.

На попе ровно всегда оставались сидеть только два человека. Сам Александр Егорович Дуплоноженко – командир реакторного отсека атомной подводной лодки «К-469» и контр-адмирал Усов – командир нашей дивизии, оба с перекошенными от обиды рожами. У одного, казалось, отобрали скрипку с последней струной, второй отвечал

самому себе на вопрос: как он, старый дурак, мог попасть на этот балаган?

Без специальной тренировки находиться в числе Санькиных слушателей или даже читателей было опасно для жизни. Иногда отмечались самые настоящие «медицинские» случаи.

Однажды доктору пришлось откачивать нашего командира, капитана 1 ранга Лапшина Владимира Аркадьевича. Он в тот момент страдал воспалением лёгких, и ему не только смеяться, глаза открывать было нежелательно. И заступает он в таком состоянии дежурным по дивизии подводных лодок. Закутывается в шинель, перетягивается ремнём с кортиком…

Командиром он был весьма неулыбчивым. В обычный день попадись ему поперёк дороги, только дымящиеся тапочки с дырочками останутся, а тут ещё этот кашель…

Когда он обнаружил очередное «сборище негодяев» и протянул руку, чтобы отобрать зачитываемый на «сходке» документ, он был ещё относительно здоровым человеком. Но когда начал его внимательно изучать, стало ясно, что без доктора уже не обойтись.

Все действо происходило в моей каюте на береговой базе. В тесной шинели, согнутый пополам и стоя на четвереньках, Лапшин засунул голову под мою железную койку и там то ли кашлял, то ли скулил… Помирал, однако… Вдвоём со старпомом мы попытались вытащить его из-под койки за заднюю часть туловища. Но командир был мужиком жилистым, и крепко держался за ножки кровати. Прибежавший на крики доктор, быстро оценив ситуацию, тут же шмыганул под койку и стал там предпринимать попытки оказания первой медицинской помощи. Через некоторое время их обоих увезли в госпиталь. На пыльном полу осталась лежать растоптанная чьими-то ботинками бесценная папка с названием: «Папка объяснительных записок мотросса Щербакова», её старательно собирал и редактировал механический лейтенант под руководством Сани Дуплоноженко.

Дверь нам открыла старшая Санина дочь – пятилетняя Катя.

– Тише, папа, не кричите, дядя Женя спит.

На Сашкином лице замерла улыбка. Мы вошли в маленькую комнату, в которой ютилась его семья. На кровати лежало жирное трясущееся тело с закрытыми глазами. Наверное, оно пыталось изобразить глубокий сон. На спинке стула висел засаленный китель

армейского прапорщика. Жена в это время, должно быть, вышла в магазин. Саня протянул руку в шкаф и достал свой кортик, секунду смотрел на него отупевшим взглядом, затем быстро вышел из комнаты.

После возвращения экипажа из учебного центра, Шура поселился в казарме и в свой дом не вернулся. Я тоже жил в казарме. Холостякам другого жилья не полагалось. По вечерам жарили картошку с мясом, заботливо доставленную «годками» с камбуза, пили спирт и до хрипа спорили по вопросам устройства систем и механизмов подводных лодок первого и второго поколений.

Мы пришли в экипаж атомной подводной лодки К-469 одновременно.

Я прямо со скамейки Тихоокеанского училища, Саня, в «грязном кителе», из экипажа Гвардейской атомной подводной лодки первого поколения. На этих лодках был минимум автоматики, и многие действия экипажу приходилось выполнять своими руками. Офицеры с атомных лодок первого поколения смотрели на любых других так же, как могут смотреть прожжённые спецназовцы на постовых гаишников. На груди у него красовался «орден Красного Знамени» – гвардейский знак старого экипажа. Был он уже в звании гвардии старший лейтенант, и вот это «Гвардии» бесило нашего механика больше всего. Выговаривать всякий раз это слово при обращении к подчинённому было в тягость. А простое обращение по фамилии у нашего механика ещё надо было заслужить. Вдобавок к пижонскому «грязному» кителю новый подчинённый оказался ещё золотым медалистом по выпуску из училища! Вся система полочек, конфеток и кнутиков, старательно насаждаемая нашим механиком, затрещала по швам. Саня знал и умел все, что ему было положено, что не положено, и то, что не знал и не умел никто. Все же остальные офицеры приняли Сашку в экипаж, как родного. Сквозь лобовую кость у него всегда просвечивалось искреннее желание помочь каждому хорошему человеку. А такими были у него все.

Лодка заканчивала ремонт в судоремонтном заводе на Камчатке. Начинались самые трудные дни.

Дуплоноженко пользовался у заводчан особым почётом и уважением, он был «свой в доску» и для рабочего класса и для ИТР. Поэтому любые конфликтные вопросы с заводом поручалось решать именно ему.

– Где здесь минёр?

– Ну я, чо надо?

– Трубу видишь?

– Ну…

– Фиговину видишь, которую мы к ней прикрутили?

– Ну…

– Подписывай бумагу.

Подписываю.

– Где минёр? (Рядом две перемазанные в краске бабуськи).

– Чего, девушки, изволите?

– Какие мы тебе девушки? Совести нет! Вишь, труба покрашена?

– Ага…

– На, подписывай!

Подписываю.

Через 10 минут всей покрашенной трубы и фиговины на ней нет. Упёрли в цех на ремонт саму трубу.

– Саня-я-я!!!

– Сей момент, Лёша, не расстраивайся.

Проходит 15 минут телефонных поисков моей покрашенной трубы с фиговиной. Он, кажется, знает все заводские телефонные номера на память, и всех, кто может на них ответить, по имени и отчеству. Моя труба с фиговиной плавно плывёт на своё место.

– Саня-я-я!!! А чо они… (это уже из другого отсека).

Ночь. Зима. Бухта Павловского. (Приморский край. 1986 год).

Возле 5-го пирса аварийная атомная подводная лодка 671 «в» проекта «К-314». На её кормовой надстройке фигуры четырёх человек. Две из них в космонавтовских костюмах, две других в черных ватниках с пришитыми капразовскими погонами.

Двое постоянно произносят слова, положенные при инструктажах, двое слушают и кивают. Через несколько минут космонавты должны будут войти в аварийный реакторный отсек через съёмный лист над реакторным отсеком. В очередной раз они попытаются закрыть пресловутый «34 клапан» первого контура ядерной установки, подключающий холодильник-рекуператор. За двое суток это не удалось сделать никому. Если его не может закрыть гидравлика, что могут сделать люди своими слабыми ручками?

Несколько человек уже в госпитале, и над ними уже проводят свои медицинские опыты дотошные доктора. Скольким туда ещё предстоит отправиться?

До Чернобыльской аварии ещё четыре месяца. Страна пока не слышала и не примеряла на себя эту новую беду. А мы все уверены: о том, что сейчас происходит, никто и никогда не узнает.

Да мы и не в обиде, такая наша работа. Вот только на душе погано. Это больше похоже на ожидание казни. Звучит фамилия, и физическое тело безропотно следует за своей дозой. Какой она будет на этот раз? Такая большая страна, а помощи ждать не от кого. Какой-такой дядя приедет тебе собирать радиоактивные воду и масло по трюмам, а кто полезет в реакторный отсек изображать гуся на радиоактивном пруду?

Дозы, полученные экипажем, старательно фиксируются в специальный журнал береговым матросом узбеком. 0,03…. 0,03… 0,03… Дозиметры закрытого типа, чтобы не пугать народ. И никто их, конечно, не проверяет. 0,03… 0,03… 0,03…. Вчера уронил свой дозиметр в трюм четвёртого отсека (турбинного), там он пролежал сутки. Сегодня матросы выудили его оттуда и передали мне. При выходе с пирса сдаю его узбеку на КДП. Утром читаю в журнале напротив своей фамилии 0,03. Зачем смеяться над сыном степи? Он все равно других цифр не знает.

Наш – второй экипаж на лодке после аварии. Первый облучили за неделю после аварии, фиксировали дозы по-правдушному. А когда опомнились, было поздно, пора менять облучённых, все мыслимые дозы выбраны документально. Где ж экипажей-то напастись? Вот и пошло: 0,03… 0,03… 0,03… Обиды на первый экипаж мы не держим. Они 10 месяцев гоняли американцев в Индийском океане, изображая присутствие целой дивизии подводных лодок. Все были представлены к орденам и медалям, командир к «Герою», и вот – авария ГЭУ[55] дома у пирса…

Как известно, в авариях героев не бывает, бывают только виновники. С дозволения высшего руководства – пострадавшие.

– Дуплоноженко, вы что пьяны?!

– Ты гля, и от матроса тоже несёт? – «ватник в погонах» изобразил озабоченное лицо.

– Никак нет, тащ! Мы не пьяны, мы запротектированы.

– Я вам покажу запротектированы! Вы, что на дискотеку, собрались? Таблетки надо жрать, а не спирт!

Пить спирт перед облучением – не наше изобретение. Человек состоит из воды, на эту воду и воздействует радиационное излучение, расщепляя её. А если воду в организме хорошо разбодяжить спиртом, то и последствия бывают иногда просто фантастическими по своей безобидности.

Андрюха Гайдуков во время Чажменской аварии просидел за столом в ЦП[56] двое суток с трёхлитровый банкой в обнимку, исполняя роль радиоактивного заложника-сторожа. Его анализы потом ещё долго удивляли врачей своей детской невинностью.

Таблетки играли только психологическую роль, но с психикой у нас все было в порядке. Напоминали они по вкусу парафин, а кому хочется жевать свечки? И размерчик у них был чуть меньше хоккейной шайбы.

– Ещё раз напоминаю, постоянно поддерживайте связь!

– Ясно…

– Все, вперёд…

Дуплоноженко вместе с матросом спускаются в аварийный реакторный отсек. Бодро докладывают о своём прибытии на место работ, методом мычания через маску в «Каштан».[57]

«Ватники» запускают секундомер.

Дуплоноженко разворачивает матроса к выходу:

– Живи, паренёк…

В динамике испуганные крики «ватников в погонах»:

– Дуплоноженко, назад!

– Ты что, напился, гад?!

– Под суд пойдёшь, вылазь оттудова быстра, сволочь!

В ночной тишине над пирсом звучит спокойный Санин голос, уже не искажённый маской:

– Я буду здесь столько, сколько мне потребуется. Я его закрою… Всё, конец связи.

Кто его мог заменить сейчас? «Ватники»? Таких лодок всего три, следовательно, есть только три человека, которым положено знать в совершенстве устройство этих механизмов. Остальные или не знают, или уже забыли. Один из тех, «которому положено», зелёный лейтенант из училища, другой уже на больничной койке…

Саня последний. На всей планете Земля последний.

Он знал: если не закрыть этот хренов клапан, в отсек будут продолжать спускать новых людей, другие переломанные судьбы, свои судьбы и судьбы их близких… Судьбы детей и детей их детей… Что ожидает людей, живущих в этом краю, тех, кто будет жить здесь через 50 или 100 лет? Все об этом сейчас думают, только вслух не говорят.

Сколько времени прошло? Где секундомер?

– Подать гидравлику на открытие 34 клапана.

– Закрытие?

– Открытие! Открытие, я сказал!

Всё.

– Записать в вахтенный журнал: поставлен 34 клапан на верхнее уплотнение, течь теплоносителя первого контура прекращена. Я выхожу.

Хорошо, что об этом никто и никогда не узнает. Очень не хочется, чтобы далёкие от темы люди через 20 лет смеялись над тобой, Саня, или над тем, что от тебя осталось.

– А зачем ты туда полез? Тебе что, больше всех надо? Ну и что ты за это получил? Сколько миллионов долларов? Вот в США меньше чем за пять миллионов никто бы и не полез в ваш долбаный реакторный отсек. Ведь можно было сказать всей стране:

– Хотите в 30-40 лет умирать пачками, хотите рождаться уродами? Тогда бабки на стол! А нет, тогда попробуйте найти мне замену сейчас!

Да, хорошо, что об этом никто и никогда не узнает, Саня… Пусть они подавятся своими «Пепси»…

Саню отмывали несколько часов в холодной воде со стиральным порошком СФ–3.

Состригли все волосы, брови и ресницы. С нами частенько проделывали такие процедуры, мы все ходили как Фантомасы. Но Шуру отмывали особенно тщательно. А он потихоньку продолжал лакать спирт. Дозиметрические приборы зашкаливало от одного его выдоха, Шура ржал и опять требовал спирта.

– Ты чо делаешь, Саня?

– Лёша, я больше никогда не протрезвею. Не надо мне этого.

Он пил ещё несколько месяцев. За это время ему успели влупить все возможные взыскания и выгнать с флота.

Убили его бомжи в посёлке Дунай Приморского края, где он жил несколько недель после увольнения.

Вот и конец всей этой истории.

Прости нас, Саня, прости, и спасибо тебе.

Пусть хоть эти строки станут тебе и бугорком и обелиском на этой земле, раз других не осталось…

Алексей Васильевич Генералы и трактор

Слава Колесов в чёрном ватнике медленно ходил по помойке. Его терзал извечный русский вопрос «Что делать?» Вопрос этот не выходил из его головы весь день. Сегодня день рождения его жены. Хорошо бы попасть вечером домой, там будет вкусно. Но экипаж Лехи Гладушевского, где Слава служил замом, всю эту неделю был ответственным за дивизийную помойку. Это все из-за двух балбесов, пойманных флагманским связистом в момент преступного вываливания экипажного мусора в болото. «Связист – козёл!» – произнес Слава вслух и продолжил своё движение по помойке. Дальнейший сегодняшний сценарий он знал. Это кино он смотрел вчера и позавчера.

Сейчас появится Кожевников, за ним комдив, за ними Лехин экипаж в полном составе с лопатами, и все повторится… А в это время другие экипажи будут набиваться битком в фанерные будки «коломбин»[58] и в положении счастливых баночных селёдок уедут в городок к своим семьям. 30 километров топать пешком? Нет, на такое Слава уже не способен. А в носу продолжал свербеть запах жареной курочки…

А мусору-то навалили… Как специально, гады…

Слава не был похож на других замов. По его внешнему виду ни один психолог не распознал бы «инженера человеческих душ». Он с гордостью носил по дивизии своё прозвище «Копчёный», уместное скорее для механика, чем для замполита.

Славино внимание привлёк странный звук на лесной дороге возле болота. Через минуту на поляне появился трактор со стройбатовцем за рулём.

Если бы сейчас Слава увидел марсианскую тарелку на помойке, он удивился бы этому событию значительно меньше, чем этому трактору. Своей подсобной техники у подводников отродясь не было, её успешно заменяли бесплатной матросской силой на камбузных харчах.

Однако подробности, о том, как попал сюда этот Ваня Бровкин, Колесова волновали сейчас меньше всего.

– Тебя как зовут? – распахнул дверцу трактора зам.

– Андрюха.

– Андрюха, хочешь тушёнки?

Бедного солдатика заклинило от внезапного предложения мужика в чёрном ватнике на лесной дороге.

– А сгущёнки? – не унимался мужик.

– Хочу! – Рыжий пацан сделал глотательное движение кадыком.

– Тогда смотри: вот болото, вот мусор. Понял?

Трактор рванул к помойке быстрее гоночной машины из Формулы 1., на ходу опуская ковш.

– Есть на свете бог! Врут замполиты…

К Славе постепенно начали возвращаться надежды на лучшую долю.

Рокот трактора на секретном военном объекте немедленно привлёк к себе зевак, столпившихся возле казармы. Распихивая любопытных, на помойке появился командующий флотилией и начальник штаба.

Такого подарка судьбы они тоже не ожидали. Бегая вокруг трактора с разных сторон, они размахивали руками и что-то кричали Андрюхе, показывая, куда надо сваливать мусор и что надо «сравнять». Бесформенная поверхность помойки очень скоро начала превращаться в ровненькое футбольное поле.

Сколько бы это ещё продолжалось, сказать трудно, однако Андрюха, ошалев от противоречащих друг другу команд двух адмиралов, наконец, утонул в болоте по самые гусеницы. Потеряв всякий интерес к утонувшему в болоте трактору, командующий и начальник его штаба, удовлетворённые своей выполненной работой, двинулись по кабинетам. За ними потянулись и все остальные.

На болоте в кабине утопленного трактора остались сидеть только Андрюха и Слава.

– Ну, чо, Андрюха, вкусно?

Боец закивал головой, глотающей тушёнку. Алюминиевая вилка доедала третью банку.

– А кто это был? – набитым ртом промычал Андрюха. – Я таких раньше не видел…

– А это Андрюха, командующий 4-й флотилией атомных подводных лодок вице-адмирал Кожевников Валерий Саныч и

начальник штаба 4-й флотилией атомных подводных лодок контр-адмирал Конев Сан Василич собственной персоной… – Слава многозначительно поднял палец вверх.

– А-а-а… – протянул Андрюха сквозь тушёнку, и тоже решил похвастаться:

А я один раз живого майора тоже видел, он у нас в Ленинской комнате выступал…

– Ну вот, а тут два генерала твоим трактором руководят, а подполковник тушёнкой из рук кормит.

– Да … Надо будет домой написать, похвастаться…

Слава на день рождения к жене так и не попал. Всю ночь он вытаскивал Андрюху вернувшимися из посёлка КамАЗами. Не мог он бросить одного пацана на болоте. Не по-нашему это, не по-подводницки.

Алексей Васильевич Павловские помойки

Наверное, трудно найти подводника, который бы не вздрагивал при слове «помойка». Во всех базах, где у пирсов появлялись подводные лодки, немедленно вырастали культовые сооружения под одноименным кодовым названием. Все действия подводников рядом с ними напоминали скорее культовые ритуалы, чем рядовую работу по наведению порядка. Чем больше база, тем больше помойки. Чем больше помойки, тем больше ритуалов.

Но однозначным лидером «помоечных культовых ритуалов» во всем ВМФ, конечно же, был Павловск. Городок Шкотово 17, в котором жили семьи подводников, находился от места базирования лодок в 30 километрах. Поэтому большая часть семейного люда туда попадала лишь иногда. Чаще всего Павловские подводники не успевали решать служебные задачи до отъезда в городок убогих транспортных средств, а иногда просто забывали о том, что их кто-то ждёт дома, по причине полного заполнения мозгов суетой службы.

По живописной долине бежит замечательная речушка с чистой, как слеза водой. Перед встречей с морем русло речушки делает причудливые колена и затапливает довольно большую часть пустыря за казармами 26 дивизии, превращая его в болото. Вот на этом самом болоте и возникла первая Павловская помойка. В 50-х годах командование дивизии приняло мудрое решение засыпать болото мусором, который производился базой в достаточных количествах. Однако его сначала надо было сжечь в специальном сооружении.

На его конструкции стоит остановиться особо. Сооружение состояло из четырёх вертикальных труб и огромного конического короба с нижним люком. По гениальному замыслу неизвестного конструктора, матросы с мусорным баком должны были подниматься на специальную площадку по железной лестнице, высыпать мусор в короб, потом его сжечь. После накопления сгоревшего мусора, под люк короба становился самосвал. Далее сгоревший мусор из самосвала полагалось утопить в болоте.

Как справедливо может догадаться читатель, вскоре данный ритуал значительно упростился. Из технологической цепочки

утилизации мусора сначала исчез самосвал по причине его полного разрушения и разграбления, потом отвалилась крышка люка, затем рухнул сам короб. На болотной возвышенности немым укором командованию дивизии остались торчать только четыре вертикальных трубы. Мусор стали сжигать прямо на площадке под этими трубами.

Практически всем экипажам 26 дивизии были расписаны зоны помоечной ответственности (болото было большое, хватало всем). А ответственность за само помоечное сооружение доставалось по очереди самому провинившемуся экипажу. А провиниться было за что. Нерадивые матросы частенько старались не утруждать себя сжиганием мусора, и валили его прямо в болото, что приравнивалось к тяжкому военному преступлению. Стоило командиру провинившегося экипажа торжественно притащить комдиву на стол огрызок измазанного матросского письма из болота, на котором стоял номер другой в/ч, тут же следовало наказание другому экипажу. После этого личный состав наказанного экипажа по причине вечернего наведения порядка на помойке больше не успевал на отходящий транспорт в городок. Окна казарм и штаба с северной стороны были покрыты пятнами от расплющенных носов постоянных наблюдателей. Особенно старались флагманы. Можно было завалить подготовку к КБР или не исполнить очередной срочный документ, но заорав на весь штаб: «Товарищ комдив, опять в болото сыплють!», сразу стать отличником.

Терпение командующего лопнуло в самый неподходящий момент, когда провинившимся экипажем был именно наш. А самым озадаченным оказался я, в то время помощник командира, отвечающий за все, что только можно отвечать при стоянке в базе.

Во время проворачивания оружия и технических средств в центральном посту раздаётся звонок берегового телефона. Из трубки, заглушая шум проворачиваемых механизмов, раздался вой командира дивизии, до этого только что затоптанного командующим. Уже через пару мгновений, я пулей летел по направлению к нашей помойке, возглавляя отряд из пяти матросов и двух мичманов.

Приказ был ясен как августовский день. К 16 часам предъявить командующему новую помойку, сложенную в два кирпича на высоту не менее трёх метров, да ещё накрытую крышей. Где брать при этом кирпич, раствор, а главное, крышу не сообщалось. Решение надо было

принимать на бегу. С прибытием на место надо начинать работать, иначе к 16 часам не успеем.

Мысли подпрыгивают в голове в такт бегу:

Кирпич отпадает, где его столько набрать? Тогда камень… Этого добра в речке достаточно. Цемент? Понятно, бутылку спирта – и в гараж, там, вроде, видел… Крышу, что с крышей?

Деревянная сгорит… Железная? Где железа набрать, да ещё листового?

Пробегаем мимо кучи здоровенных вентиляторных улиток, брошенных на пустыре.

– Магадиев и Тепа – железо – листы, распустить!

– Сколько?

– На крышу.

– Есть!

Бежим дальше.

Из казармы животом вперёд выплывает старпом соседнего экипажа, фуражка на затылке, радуется жизни, гад.

– Лёха, тебе капец! – кричу я ему издалека.

– Чо такое?

– Я завтра на торпедолове[59] в море уйду, кто помойку строить будет?

– Васильич, ты загадками не говори, чо надо-то?

– Литр шила и 10 бойцов в речку камни таскать.

Через пять минут человек 20 из его экипажа бегом несутся из казармы к речке.

– Пять человек за железом к Магадиеву, остальные камни таскать.

Работа закипела.

– Тащ, а как цемент разводить?

– Разводи, как разводится, главное, чтобы хватило. Цемента больше нет.

На твёрдом пятачке земли посреди болота начинает вырисовываться новое капитальное строение. Главный каменщик Магадиев старательно возводит капитальные стены новой помойки.

– Тагир, быстрее, чего ты их крутишь по десять раз? Ляпай как есть, главное, чтобы не развалилось, когда командующий ногами будет пинать!

В ответ только усталый взгляд мичмана.

Магадиев не умеет плохо работать. Не учили его основательные татарские родители этому ремеслу.

Стрелки на часах корчат рожу и медленно подбираются к назначенному времени.

Не успеем, тащ…

Каменная кладка поднялась только до плеча. Из неё в четырёх углах уныло торчат ржавые трубы на высоту второго этажа. Правда, крыша уже на месте, хотя тоже ржавая.

– Трубы и крышу закатать в сурик!

–Есть!

Это хлебом не корми, дай только в краске вымазаться!

– Тащ, может, по бокам тоже железо? Покрасим? Цемент не встал, если будем поднимать стены выше, рухнет все…

– Железо, железо, фигня какая-то в стакане… Мы ведь не автобусную остановку строим, а помойку! Тепа, а там ещё сетка была! Рядом с железом.

– Понял!

Ещё через полчаса между трубами с трах сторон натянута железная сетка на проволочных скрутках.

Отхожу подальше, чтобы рассмотреть шедевр…

Да… ну и хрень получилась…

– Всё, мужики, время вышло, лишние камни мостить в болоте, изображаем гранитную набережную Невы.

А вот и Уазик «кома» на горизонте.

Ну, держись, Алексей Васильевич!

Из–за казармы колобком выкатывается командир дивизии.

– Это что за удрыздище? – тычет он в новую помойку.

Я невозмутимо кидаю окурок в болото.

– Это, товарищ комдив, помойка моей новой конструкции.

– Какой на хрен конструкции?

– Новой, моей.

– Я ведь сказал, стены – три метра! Помощник, ты чем слушал? У тебя уши или банки из-под Веди-64?

Три метра! Три метра! Ну, капец!… Ну щас командующий!…

– Товарищ комдив, а как кислород будет поступать к горящему мусору через трёхметровые стены, да ещё накрытые крышей? Мусор ведь полностью сгорать не будет. Вот для этого и сетка! Она доступ

кислорода к горящему мусору обеспечивает, и в то же время, не даёт горящим гальюнным бумажкам по ветру разлетаться. А крыша сверху от дождя, чтобы процесс утилизации не останавливался в ненастную погоду…

Рот у комдива начинает расползаться до ушей. Он начинает меня понимать. Капельки пота с его лба исчезают, и он уверенно идёт навстречу командующему.

Чтобы не заржать, придерживаю нижнюю челюсть рукой. Наш диалог повторяется с абсолютной точностью и использованием тех же выражений.

Командующий обходит помойку со всех сторон. Цокает языком: «Молодцы, ай да молодцы!»

– Комдива 21-й сюда!

Смотри, как надо помойки строить! Развёл у себя свинарник! Твои гальюнные бумажки ко мне на окно каждое утро прилипают. Вся моя дежурно-вахтенная служба их до обеда отодрать не может!

Учись, как надо заботиться о том, что тебе Родина доверила защищать! Завтра в 16 часов чтобы у тебя на всей территории такие стояли! Проверю сам лично! Мне надоело каждый день вам задницы подтирать! Самому додуматься сложно было? Или тебя заучили в академиях Генерального штаба?

– Белоусов, кто это строил?

– Он.

– Слушай, отдай мне его в тыл, мне там толковые офицеры нужны, одни алкаши остались.

Это ж надо трём адмиралам так мозги пургой замести, свою лень оправдывая?! Ай да молодец! Бездельник он у тебя, отдай мне его в тыл? Ну, чего молчишь, ты хоть лапшу с ушей стряхни…

– Не пойдёт он…

– Чего?… Что значит, не пойдёт? Он ведь у тебя бездельник, а не дурак ?!

Товарищ командующий, сколько можно! У меня в дивизии только два человека на торпедолове не блюют, он да Васильев. Моряком хочет быть, командиром. В тыл не пойдёт. Пусть баню строит.

– Баню-ю-ю…? Ах, он у тебя ещё баню строит?

Электрик Стоять!

«Что «в машине!»? Я всю жизнь в машине.
У меня такое впечатление, что на мостике все – гады!»

М. Жванецкий «Одесский пароход»

Наш допотопный СКР[60] в конце далёких шестидесятых представлял собой высший полет технического гения советского человека – строителя коммунизма. Одним из крутых тогда девайсов был МИШ – механизм изменения шага гребного винта. Состоял он из огромного «чёрного ящика», вращающегося вместе с гребным валом, ручки управления, от которой в глубины механизма вёл хитрый гидравлический привод, и вахтенного матроса, двигающего эту ручку по команде из ПЭЖа. Дистанционное управление механизмом предусматривалось, но к концу восьмидесятых уже не работало, поэтому во время выхода в море на матрасе над гребным валом, в невообразимом грохоте постоянно возлежал вахтенный моторист. Услышав по трансляции команду, скажем, «МИШ два», он сдвигал ручку на соответствующее деление. Угол поворота лопастей винта изменялся, и корабль менял скорость, либо давал задний ход, а матрос возвращался в состояние трансцендентальной медитации.

Моторист Леха был командиром боевого поста МИШ. В тот день корабль благополучно встретил возвращавшуюся с боевого дежурства подлодку и сопровождал её в базу согласно заведённому порядку. Заветная ручка стояла на делении 2,5, сиречь «Полный вперёд», команд не поступало давно, и к концу третьего часа вахты Леха устойчиво пребывал в состоянии самадхи.[61]

Вдруг сквозь грохот до его слуха донеслось: «МИШ два! МИШ полтора! МИШ ноль!» и дальше скороговоркой «МИШ минусодинминусполтораминусдва-минусдвасполовиной!». За два года службы такого на Лехиной памяти ещё не было. Оттягивая ручку на себя и слушая нарастающий жуткий скрежет, он бормотал универсальную защитную мантру: «Ну, бля, щас точно навернётся, ну точно, бля, кранты ваще».

С чем можно сравнить такую ситуацию? Представьте себя за рулём машины на трассе, на скорости 120 км/ч. Аналогичного эффекта можно достичь, утопив в пол педаль тормоза, вытянув до отказа ручник и тормозя подошвой левой ноги об асфальт через распахнутую водительскую дверь.

Пронесло. То ли мантра оказалась действенной, то ли советская техника была сработана на совесть, но клина и прочих неприятностей не случилось. А вскоре поступила команда плавно вывести МИШ на «плюс два», и корабль проследовал в базу.

Леха был по натуре молчалив, и, сдав вахту, вопросов никому не задавал. Но разговорчивый рулевой из БЧ-раз, отстоявший вахту на мостике, зашёл в гости в кубрик БЧ-5 и поведал, как было дело. Шли мы себе, никого не трогая, со скоростью двадцать узлов, как вдруг метрах в ста прямо по курсу образовался характерный бурун. Из него быстренько показались антенны и прочие прибамбасы, и на свет божий, как здоровенный чёрный половой орган, поднялась рубка подводного ракетного, ети его мать, атомного крейсера проекта «Ленинский комсомол». Команда, которую услышал Леха, была приблизительным переводом на доступный технике язык вопля командира, который, видимо, был слышен в ПЭЖе и без трансляции: «Лево на борт!!! Стоять, механик, стоять!!! Самый полный назад!!!» Успели затормозить.

По возвращению в базу история имела продолжение. Отделение «ушастых» – гидроакустиков в полном составе было переведено на неделю в трюмные машинисты. С категоричной формулировкой: «В трюма! Под пайолы! Чтоб по горло в дерьме! Круглосуточно!»

Кит Сало

Само по себе сало продукт своеобразный и даже полезный, если употреблять его с умом. Некоторые военные не употребляют этот продукт, незаменимый в условиях лютой полярной зимы. Одни в силу своей национальной и религиозной принадлежности, другие по причине неуважения ко всему свинскому роду, а третьи просто в силу непонимания чудодейственной силы этого продукта. Так или иначе, но произошёл на одном корабле случай, после которого многие стали воспринимать сало, как интернациональный продукт, объединяющий народы.

Дело было даже не на корабле, а на вспомогательном судне бригады АСС.[62] Это было небольшое водолазное судно типа ВМ[63] с простым названием «Водолаз–12». Судно было прикомандировано к одному из судоремонтных заводов флота. Его славный экипаж выполнял тяжёлую, рутинную работу, без которой, впрочем, на флоте не обойтись.

Экипаж судна был пёстр и многонационален по своему составу и состоял из 12 человек.

Командовал этим линкором рейдового масштаба старший лейтенант с простой немецкой фамилией Гофф Александр Францевич. Гоффов в Германии, как в России Ивановых; между тем, был он коренной казахстанец, хотя внешностью обладал арийской. Здоровенный и светловолосый с серо-голубыми глазами, обрусел он до невозможности, а по сему постоянно курил «Беломор», витиевато матерился и ходил всё время со стаканом во лбу, благо спирт (или шило) на водолазном судне традиционный напиток.

На глубоководные спуски на борт наведывался врач-физиолог, давний кореш командира, и тогда веселье приобретало затяжной характер хронической встречи Нового года.

Самое интересное, и это поражало всех, что боцманом на судне и, по совместительству, старшим помощником командира был мичман Розенблюм Марк Исакович. Как выпускник культпросвет училища, бывший солист ансамбля народного танца Украины попал на флот, стал «сундуком»,[64] да ещё и выбился в боцмана, было уму не

постижимо! Типичный еврейский мальчик тоже стал жертвой великой русской культуры, и привычками от командира особо не отличался. Кроме того, были они закадычными друзьями и собутыльниками. Их объединяла всепоглощающая любовь к душевным разговорам под «шило» про прозу жизни и коварство всех баб без исключения. Врезав по полстакана неразбавленного напитка (для начала), они пытались убедить друг друга, что немцы и евреи всегда останутся вечными врагами. Почти всегда посиделки заканчивались братанием всех народов Земли и пением пролетарских песен. После таких посиделок на утро вялые тела Марика и Шурика разносил по каютам механик Василий Тарасович Поносюк. Он был гражданским, и рад бы посидеть в такой тёплой компании, но дома его ждала жена, мадам Поносюк, дама под два метра ростом в туфлях 43 размера. Сам механик имел рост метр шестьдесят с кепкой и не злоупотреблял чувствами жены. Между тем, малый рост помогал Тарасычу в работе, так как всё механическое на судне было очень маленьким и тесным, а он со своим теловычитанием, а не телосложением, проникал в любую скважину. Раз-два в месяц он всё же принимал участие во встрече друзей. Эту процедуру он готовил заранее. За неделю до пьянки он гордо и часто сообщал жене, что уходят они в очередной поход для спасения погибающего корабля или самолёта. Мадам плакала, что-то причитала и постоянно крестила морехода. На борт механик приходил под завязку загруженный тёплыми носками и домашней едой. Это особенно радовало остальных членов компании ввиду ведения обоими хронически холостяцкого образа жизни. В вопросах приготовления пищи жена механика, действительно, была на высоте, с этим соглашался даже кок Эдгарс Рукманис. Поваром он был от бога, иначе бы его не взяли на водолазное судно. Знал он кухню, казалось, всех народов мира, и после техникума до службы работал в ресторане в Лиепае. Звали его остаться на сверхсрочную, обещали золотые горы, но Эдис твёрдо решил ходить в загранку (для него уже и место готовил отец-капитан). Он особо не бузил и тихо ждал ДМБ в звании главного старшины. Начальство его уважало.

О процедуре питания водолазов надо рассказать отдельно. Оно того стоит, ведь принятие пищи на флоте, наверное, самая яркая из всех немногочисленных радостей жизни матросов срочной службы.

Хорошо кормят в морской авиации, но порционно. Отлично кормят на подводных лодках; если хочешь полакомиться, всегда чего-нибудь найдёшь. Водолазов, в силу специфики их работы, кормят просто изысканно, к тому же разнообразно, много и в любое время суток. Таких деликатесов, как на службе, я на «гражданке» не ел до окончания Перестройки. В нашей провизионке было всё и всегда, даже икра, и не только кабачковая. Хотя каждый нормальный человек поймёт, что таскать на себе 90 килограмм водолазного снаряжения УВС–50М (а в просторечье «трёхболтовку») почти ежедневно тяжеловато, и явно на кеды не похоже. Такие усилия, хоть и становятся привычными за 3 года, но требуют компенсации.

«Годки»[65] на флоте по вечерам разминаются вечерней птюхой (жаренная картошка с различными неуставными включениями), и это одна из традиций, на которых стоит флот. В общем, главное, чтобы кок был достойный, а он у нас был. Но я отвлёкся. Я ещё ничего не сказал о простых моряках нашего экипажа.

На каждом судне есть палубная команда. По нашей палубе тоже сновали два чёрта. Старший матрос Хачик Трапезанян (я сам не верил, что его так зовут, пока не увидел его военный билет), вечно сыпавший всякими шутками-прибаутками, смешными уже по причине их армянского произношения. Как и всех армян на флоте, его прозвали Ара. Младшеньким у него был недалёкий белорус Вова, просто Вова. Он то и был постоянной жертвой шуточек армянского радио, хотя это не мешало быть ему трудолюбивым и исполнительным воином. Это качество обычно приводит наших братьев-славян на сверхсрочную службу.

В помощниках у механика Тарасыча ходили два моториста. О них, несмотря на небольшой срок службы, водолазы даже заботились. Мотористы вообще лучшие друзья водолазов. Одного звали Адил Азиз Ага Оглы, но все называли его просто Вася. Вася был молчаливый и очень интеллигентный студент из Баку. Он был скромен, и если какие-либо шуточки Ары касались его лично, он густо краснел и уходил крутить гайки или просто протирать механизмы ветошью в машинном отделении. Вторым его собратом по механическим недрам был Гия Мацкипладзе из знойного города Кутаиси. Собственно, он был не просто мотористом, а имел специализацию, в простонародье именуемую «кислородчик». Гия обслуживал компрессоры, воздушные

баллоны и барокамеру; в общем, всю водолазную технику. Был он парнем горячим, но к шуточкам Ары относился терпимо. Был у него один недостаток. Он до беспамятства любил пельмени, и пока всё, что мучительно лепила вся команда по выходным, не было съедено, напрягать его работой было бесполезно.

Он пожирал их с утробным урчанием, уничтожал, как Троцкий классовых врагов, а потом долго рыгал и свиристел желудком. Прозвище он носил единое для всех грузин на флоте. В начале службы был он «Биджо», а перевалив за экватор священного долга, под ДМБ, логически становился «Кацо». Вообще, грузины ребята хорошие, и если где–то и проштрафятся, то от командира зачастую слышат: «Ну что же ты, генацвале?». И им бывает стыдно.

В общем, палубных работников на флоте называли пехотой, мотористов – маслопупами, а водолазов – мутами, от слова мутить. Наверное, воду, что ж ещё?

Вся эта история с салом и закрутилась вокруг водолазов. Нас было четверо. Двое, Женька и Камиль, одного призыва и из Питера, и поэтому считались земляками. Виталик по фамилии Карасик был с Украины. Был он сварщиком, причём варил одинаково хорошо и под водой и над ней. Я был старшиной команды и тоже из Питера, поэтому молодых особо не грузил. Да и не к чему это было. Каждый из нас чётко знал своё место во флотской иерархии и также исполнял свои обязанности по службе.

Вообще, у нас как-то не принято было годковать (гонять молодых по делу и без такового); водолазам вообще это свойственно в меньшей степени, нежели в других частях. Какая тут годковщина, когда жизнь человека под водой зависит от тех, кто на палубе. А это не всегда военные одного призыва. У нас как-то всё было основано на уважении. Да и нас с Виталькой всегда старались называть просто по отчеству. Меня – Петровичем, его – Иванычем, хотя с такой фамилией можно обойтись без прозвища.

Моряки жили в носовом кубрике, командиры по каютам, а мы в водолазке на корме. Начальство к нам заходило, предварительно постучав. В этом тоже был элемент уважения к нашей работе и к нам. Пароход наш стоял у плавмастерской. У нас был свой телефон. К нам вообще никто не ходил и по пустякам не придирался. Все знали: чуть что, мы пойдём по первому свистку, на то мы и спасатели. Командиры

носили кожаные регланы, а мы – морпеховские куртки без погон, бежевые верблюжьи свитера и фески. Флотские ботинки или «гады» на севере не особо носят, всё больше как-то яловые тяжеленные сапоги, что гораздо теплее. На севере вообще-то холодно. Мы же, по причине крутизны, носили укороченные морпеховские. Единственным атрибутом, по которому нас можно было принять за военных, это чёрная пилотка со звёздочкой, которая, находясь в кармане, сразу превращала нас в гражданских. В общем, от нас за милю веяло романтикой и какой-то непонятной многим крутизной. Лишних вопросов не задавали и в дела наши не лезли.

Тем не менее, это была нормальная морская служба. По утрам приходили командиры, если им было, где ночевать, кроме своих кают, получали задание на день, и мы отдавали концы и шлёпали к месту работы. Матросы шустрили на палубе, всё время что-то шкрябая или крася. Когда было холодно на палубе, они плели в кубрике концы и маты. Марик был большой специалист в боцманском ремесле. Мотористы ковырялись в машине. А мы ныряли. А раз мы ныряли, значит, и судно выполняло боевую задачу. Мы снимали намотки с винтов, заделывали пробоины, осматривали винты и причальные стенки. В общем, содержательно проводили время.

Как–то командир заметил, что хорошо бы нам иметь своего человека на плавмастерской, который бы там всё и всех знал, и по необходимости делал бы работу, которую лучше делать всё-таки на заводе, а не на коленках. Он оперативно посетил начальника плавучки, они вместе полакомились «шилом», после чего ремонтник сказал: «Кулибина не обещаю, но кого-нибудь подберу». И подобрал.

Утром после всеобщего подъёма флага, когда отыграли корабельные горны, мы услышали странный голос с борта мастерской. «Водолазыыыы! Водолазыыы!» – кричало какое–то чудовище с непонятным акцентом.

На палубе мастерской стояло нечто невзрачное в бескозырке, больше нужного на 3 размера и по этой причине облокотившейся на большие, оттопыренные уши. Одето нечто было в промасленный зелёный ватник и зелёный же солдатский сидор (вещмешок) на плечах.

– Снизойди и представься! – сказал боцман и странно так посмотрел на командира.

Видно, мало вчера «шила» съели! Подляна, блин! Воин сполз по трапу и ударил строевым с отданием воинской чести в движении. Что-то гортанно прокричав, он протянул бумазею, на которой ровным писарским почерком было выведено: «Командировочное предписание», и даже стояла печать. Из бумаги следовало, что матрос рембата Насрулло Темирбаев командируется на наш геройский пароход.

– Этого нам только не хватало! Не экипаж, а интербригада какая-то! – сказал командир, и, буркнув под нос что-то про маму и верблюжью колючку, ушёл в каюту долечивать болевшее со вчерашнего.

Ара тут же окрестил воина Сруликом и выразил общее мнение, что хорошо бы бойца отмыть и накормить.

– Потом и ответ держать будет, – добавил Виталик, и все разошлись по работам.

День был субботний, работ не было, и все занимались профилактикой механизмов по заведованию. Боцман загнал командированного в душ, заставил раздеться, и, надев рабочую рукавицу, отнёс его шмотки в мусорный бак. Потом, ткнув палкой от швабры в те места, которые надо было тереть особенно тщательно, выдал Срулику кусок хозяйственного мыла с мочалкой и удалился. За борт из душевой лилась жидкость грязно-жёлтого цвета с клочьями серой пены. В одно из контрольных посещений отмываемого, боцман, глядя на его ноги, спросил: «А что это ты, милый, в носках стоишь?». На это обрабатываемый, встав по стойке «смирно», громко отрапортовал: «Нэт насок никакой, товарыщ боцман!». Марик вздохнул, выдал бойцу ещё один кусок мыла и удалился до следующего контрольного посещения.

Когда за борт полилась практически чистая вода, боцман решил процедуру закончить. Тарасыч качал головой и бубнил под нос: «Половину месячного запаса за борт слил, басмач!» – имея в виду пресную воду. Выдав матросику новые ситцевые трусы и тельняшку б/у из закромов Родины, боцман отвёл его в кают-компанию и усадил за стол. Срулик сидел на рундуке, болтая тонкими ножками в тапках из голенища валенка, чинно сложив руки на коленях, и ждал команды. А команда: «Команде обедать!» отгремела на всех кораблях тому назад

часа два и, пока страдальца отмывали, все уже снова занялись своими делами.

Воин сидел за столом, непривычно для самого себя чистый, и рассматривал окружающую действительность. Напротив сидели мы с боцманом и, конечно, Ара. Не мог он пропустить грядущее веселье и поэтому, сидя с нами, вертел в руках кусок пропиленового кончика, делая вид, что занимается изготовлением выброски. Эдис в белом колпаке и двубортной, как в ресторане, поварской тужурке, принёс на подносе миску с солянкой и огромную, с поллаптя, котлету с жареной картошкой. Достал из холодильника запотелую литровую банку с компотом из чернослива и присел рядом. Страдалец молотил ложкой всё подряд, а Марик вдруг ляпнул ни к селу, ни к городу: «Был у нас один такой западэнец (имея в виду аборигена Западной Украины), метал всё, что не приколочено. Потом называл всех москалями проклятыми, вместо спасибо».

– Ну и чем всё дело кончилось? – живо поинтересовался Ара.

– Да начал он рассказывать, как его дед по лесам бегал, да москалей-коммунистов стрелял, ну и врезал я ему баночкой[66] по зубам. Вынес четыре зуба, он потом шипел, как змей. Ну, какой я ему москаль? Да и батька мой парторгом работал, а мама моя украинка с под Полтавы. Я даже не обрезанный. Мама не позволила, жаль только баба Фира, она у меня в Одессе живёт, очень обижалась.

Эту тему Ара не мог оставить без внимания.

– Так, стало быть, ты не Розенблюм, а Розенблюмченко? – давя смех во внутренних органах, спросил Ара.

– Уймитесь, семиты!– донёсся расслабленный голос арийца из открытой двери каюты. – Кончай бакланить, дракон (так кое-где боцманов называют, традиция!), подбери лучше басмачу робишку в своих недрах.

– Давай, на палубу шуруй, клизма ереванская! – якобы обидевшись, сказал мичман, зная, что Ара попал на флот с 3 курса Ереванского мединститута.

Присосавшийся как клещ к банке с компотом матросик одеваться не спешил, но в процессе доставания сухофруктов со дна банки на вполне сносном русском языке поведал, что он из Душанбе, закончил там ПТУ и на дембель ему осенью. Вот тут-то многим из нас стало обидно! Этот зачуханный воин оказался двухгодичником, в компании

нас, призванных на три года. На погонах его были красные канты, и это коренным образом отличало его от нас. Ехать ему домой, стало быть, с Карасиком, Арой и Биджо в одном поезде.

Надо сказать, что в различных частях флота служат по-разному. На кораблях и некоторых береговых базах и складах – по 3 года. Морская авиация, морпех, другие базы и склады – по 2 года. Рембат, да и весь судоремонтный завод был, как раз, двухгодичной частью. Бывало и так, что на одной бербазе[67] или флотском экипаже собирались воины одной специальности, например, водители, но с разным сроком службы. Матросы в этом не виноваты, но к трёхгодичникам, да ещё и с кораблей, относятся с большим почтением.

После того, как Срулька был отмыт, накормлен и одет, Ара торжественно вручил ему швабру, ёршик и ветошь. Объявив голосом Левитана, что гальюн в опасности, Ара показал ему, где гальюн, собственно, находится, и сказал, что с сегодняшнего дня это объект приборки молодого, с чем тот и согласился. Видно, ему начинало у нас нравится.

Насрулло оказался на редкость сообразительным, в отличие от большинства своих земляков. Ему говорили, что надо изготовить в мастерской, давали рисунок или список, написанный печатными буквами, и он довольно быстро приносил необходимую деталь из цеха. Видно было, что после проведённой над ним работы статус его среди бывших сослуживцев значительно поднялся.

В один из дней Карасику позвонила подруга и сообщила радостную для всех нас новость: Витальке пришла посылка из дома. Ему посылки приходили регулярно, раз в месяц, и для всей команды это был просто праздник души. Внешне подруга Витальки была страшна как крокодил, но жутко любила моряка. Карасик ходил к ней по зову плоти и убегал, как только она издалека заводила разговор на тему: «А как мы назовём маленького, когда поженимся?». Торчать на Севере, как слива в одном месте, в Виталькины планы не входило, и по мере приближения ДМБ он посещал её всё реже и реже, чтоб не привыкала. Папа «крокодила» служил мичманом на продскладе, что повышало её рейтинг, как невесты, на несколько пунктов. Во всяком случае, он был не против, что на их адрес приходят посылки для моряка, так как тоже уважал водолазов. Подруга передавала посылку через дырку в заводском заборе, поэтому содержимое оказывалось на

борту без потерь. А терять было чего! Продуктовый набор был традиционен и именно поэтому долгожданен. Открыв со скрипом верхнюю крышку, мы с радостью обнаружили, что ничего не изменилось. Под газетой на украинском языке, в котором лежало письмо от матушки Виталика, мы обнаружили копчёный свиной бок, шмат домашнего солёного сала, сладости из семечек подсолнуха, а на дне! На дне лежали две грелки, наполненные замечательным домашним самогоном. Все пустоты посылки были заполнены орехами, печеньем и конфетами. В общем, общий вес богатства составлял килограмм 10. При вскрытии обычно присутствовал весь экипаж, включая вольнонаёмного Тарасыча. Каждый из доставаемых свёртков приветствовался одобрительным гудением. И очень нам нравилась традиционная приписка в конце письма: «Виталечка, только обязательно угости друзей и командира», как будто всё это богатство мог осилить один человек. В такие дни у повара был выходной. Вечером, когда стихала заводская суета, и командир отправлялся в гости к очередной подруге, вся эта домашняя красота выкладывалась на стол, и начинался праздник живота. Пьянство с матросами у офицеров не приветствуется, так как ведёт к панибратству и падению воинской дисциплины. Командир, зная это и блюдя традиции, свинтил пораньше, напевая под нос немецкую песенку про путешествие немецких же солдат на Восток и, зная, что на утро, по возвращении с гулянки с элементами разврата, его в холодильнике будет ждать запотелая поллитровка и домашняя закуска.

Умывшись и переодевшись в чистое, команда расселась за стол в соответствии со званиями, уважением и сроком службы. Боцман сидел во главе, так как мичман – не офицер, и ему можно. Даже Эдис в честь такого случая надел форменку с погонами главного старшины. И праздник начался. Самогонка была перелита в хрустальный графин и заморожена. Свиной бок, порезанный на тонкие кусочки, лежал на блюде в окружении маринованных овощей. А сало! Сало, как украшение стола, лежало на дубовой доске вместе со ржаным хлебом. Чуть розоватое, с прожилками мяса, словно одетое в тельняшку, с бежевой нежной кожицей, чесночком и перчиком, оно так радовало глаз моряков, что все молча истекали слюной, боясь разрушить это великолепие. Бедный Насрулло был сражён наповал. Он никогда не видел такой красоты, он даже не представлял, что такое может быть.

Ноздри втягивали в себя чудесный запах украинских деликатесов, а вся его мусульманская сущность протестовала, хотя и не понимала, против чего. Сало боец видел впервые.

Вася и Камиль не были ортодоксами, поэтому никак не проявляли себя.

– Ну, начали!– сказал Виталик на правах хозяина стола и поднял первую рюмку.

Все выпили и стали наслаждаться закуской. Ара включил музыку, а Биджо всё порывался изобразить лезгинку. И тут все заметили Срульку. Он сидел в конце стола, как запуганная обезьянка, и мелко трясся, не зная, как себя вести, что ему можно, а что нельзя: но хотелось всего и сразу. Первым это дело заметил, конечно, Ара.

– И, земец, и чего это ты мнёшься, как булка в попе!?– с напускной строгостью спросил Ара и сунул страдальцу в трясущиеся руки полстакана национальной гордости Украины. – Это вкусно!

Бедный маленький туркмен зажмурился и выпил. Выпучив глаза, он хватал ртом воздух, пока добрый Биджо не воткнул ему туда кусок хлеба с салом. Судорожно двигая скулами, матросик старался понять, что же ему сунули в рот. Было странно, но так вкусно, что это ни шло в сравнение ни с одним известным ему русским блюдом, даже с перловой кашей, которой чаще всего кормили ремонтников. Закрыв от удовольствия глаза, он жевал и жевал, и ему хотелось, чтобы это продолжалось вечно. Он ел и ел, запивая всё съеденное самогонкой, пока не вырубился с непривычки прямо за столом. Праздник продолжался, а Вася с Камилем отнесли невесомое тельце единоверца на койку и вернулись к друзьям. На утро после обряда инициации Насрулло проснулся без головной боли и, пока все спали, кинулся драить гальюн. Вот, вроде бы, и вся история. Но всё последующее время до дембеля Срулька ходил за Виталькой.

– Виталик, у тебя сало есть? Виталик, а тебе посылка скоро придёт?

И все понимали, что сало – есть сила, объединяющая народы.

Через 3 месяца, в начале июня, я сыграл ДМБ. Меня высадили прямо на причал морвокзала и всей гурьбой проводили на поезд. Командир и боцман заранее пригласили меня в каюту и торжественно вручили на память водолазный нож, благо, что у запасливого Марика их было несколько. Я вернулся в Питер и вне конкурса, как бывший

воин, поступил в Макаровку. Через пару месяцев в Питере нарисовался и Гофф, уже капитан-лейтенант. Приехал он на курсы водолазных специалистов повышать квалификацию. Мы встретились и выпили за наш славный экипаж. Моё место старшины водолазной станции занял Карасик, ему тоже присвоили звание «старшина первой статьи». До своего приказа он писал мне письма, в которых рассказывал, как день ото дня растёт интеллект Срульки. Он даже стал читать книги и почти без акцента говорил по-русски, а Биджо стал Кацо. Осенью сыграли ДМБ Виталька, Ара, Кацо и Эдис, а Насрулло ушёл вместе с ними на дембель. Я со своей курсантской ротой был «на картошке», и мы не встретились. Через год я опять получил письмо от Витальки из Лисичанска. Он писал, что возмужавший Насрулло отметился на Родине у многочисленной родни, а потом затосковал, и родственники так и не поняли почему, да приехал к другу в Лисичанск. Там он попросил называть его Мишей и вскоре женился на Валькиной однокласснице Оксане, дородной, грудастой и очень любвеобильной хохлушке. Миша устроился водителем на мясокомбинат и «родил двойню». В общем, всё очень удачно совпало.

Такая вот случилась история.

Валерий Бессюжетность

Смотри – звезды…

– Интересно, какая сейчас глубина под нами? – думал старший матрос Петров, стоя ночью после вахты на шкафуте и глядя вниз на крупные звезды, отражавшиеся в темной средиземноморской воде. – Сколько там метров? Сколько надо поставить меня на меня, чтобы я выглянул на поверхность? Двадцать? Сто?

Он представил качающуюся колонну из сотни Петровых, рыб, снующих вокруг, и самого нижнего Петрова – с покрасневшим лицом, со вздувшимися жилами на шее, по колено в иле или, что там на дне – останки ракообразных, золото древних мореплавателей или банки из-под пепси-колы… Что бы там ни было, Петрову наплевать на это, тому, конечно, который внизу, потому как удержать на себе девяносто девять пусть не тяжёлых, но парней – тоже штука не простая. А тому, что на шкафуте стоит, дай только пофантазировать: что там внизу лежит. А ничего там не лежит. Акулы там и глаза, как угли. А больше там ничего и нету…

Петров глянул на часы: четыре-пятнадцать. Сегодня, то есть вчера уже, была почта. Подошёл танкер, заправил по самые горловины соляркой и мазутом, а заодно, можно, конечно, даже поспорить, что важнее для матроса в море, сбросил три мешка с почтой. Что такое три мешка на полторы сотни человек – слезы. Но матросы не плачут. Не плакал и Петров, когда из того полмешка писем, что остались от газет, журналов и прочей замполитовской радости, для него не нашлось ни одного. Даже от друзей-корешей, даже от родителей, даже от неё. Главное – от неё. От неё, чьё имя он никогда никому не называл, чьи редкие письма читал только в одиночестве, на вахте или в гальюне, чтобы никто не видел его лица, его беззащитности перед чувством, захватившем его с такой силой и глубиной, что сколько ни ставь Петровых друг на дружку, все равно не достанешь до поверхности. Но жизнь есть жизнь. Петров себя чувствовал тем, кто в самом низу. Понимал безнадёжность положения, но не мог доказать миру, ставившему все новых петровых ему на плечи в надежде измерить глубину его чувства, не мог доказать миру тщетность этих попыток…

Письма не было. Напрасно он переспросил замполита – не было. Последнее было четыре месяца назад.

Повеяло жареной картошкой.

– Опять маслопупы картофан трескают, – подумал Петров.

Ночь принесла слабую, но свежесть. Жара спала. Было где-то градусов 20-25.

– А дома сейчас снег. Она, наверное, спит под толстым одеялом. Окна заиндевели, искрятся под луной… и только провода гудят. Зима. Как далеко до дома, до зимы, до неё… Если пешком, за полгода дошёл бы? А на велосипеде?.. Интересно, видит она меня во сне или нет? Мне она редко снится. А если она меня сейчас видит? Вот прямо так вот я и приснился, тут, ночью, на шкафуте… Привет… Ты как? Что ж не пишешь?

– Пишу…

– Не получаю я.

– Я не отсылаю…

– Почему? Я же жду…

– Я их тебе утром вслух читаю, неужели не слышал?

– Нет…

– Я тебе нравлюсь?

– Да…

– Я знаю… Это какое море?

– Эгейское… Напиши мне.

– Я напишу… Тут парень один…

– …

– В общем… ты возвращайся скорее… – Петров посмотрел вверх, на небо, где звезды, усевшись на реи, как ласточки на провода, а может, как куры на насесте – ночь ведь, или, все же, ласточки – мерцали ему вниз, улыбаясь и тихо вздыхая. Пора спать. Вон уже восток светлеет. Наверное, уже муэдзины просыпаются, промывают старческие глаза, расчёсывают бороды, надевают каждый белую чалму, и, кряхтя, поднимаются по узенькой винтовой лесенке минарета на такую верхотуру, с которой можно увидеть не только каждого правоверного, но и вообще все. Или не все? Так, только кусочек Турции, горстку людей, кусочек души… Стоит ли за этим каждый день подниматься?.. Какой-то парень… Что она говорила, о ком?.. Обо мне, я знаю.

– Петька, айда к нам картофан хавать… – из двери надстройки вынырнула круглая голова Коли Гузалетдинова.

– Сколько вас? – спросил Петька Петров.

– Пять.

– Не… Я спать пойду.

– Пошли, там много нажарили. Рислингу хочешь?

– Нет, – мотнул головой Петров, – водички попил бы.

– Пошли, есть вода.

– Сейчас приду. Картофан мне не оставляйте.

– Ладно… – узкоглазая, добрая физиономия скрылась в чёрном провале жилого отсека. Петров вспомнил, как два года назад Колю бил в кубрике «годок». Вспомнил и свой страх, свою нерешительность: вступиться – не вступиться. Не вступился, промолчал. Только на комсомольском собрании начал вдруг говорить о том, что где-то сейчас в Афгане гибнут наши ровесники, такие же, как мы. Они попали на войну, а мы из автомата два раза в год пуляем. Они умирают, а мы сгущёнку трескаем, таранку с шоколадом копим домой на посылку, материмся, друг другу морды бьём… Понятия «идеал» не существует, девушка для нас – чувиха, слово «Родина», произнесённое не на собрании, вызывает улыбку… Сумбурно говорил, торопился, не договорил. Замполит перебил. Назвал Петрова диссидентом. Стал говорить, что и мы тут Родину защищаем и все такое прочее… Петров замолчал. А после собрания корабельный особист позвал его поговорить. А Петька и слова такого «диссидент» не знал, думал – еврей, стал объяснять ГэБисту, что жить, как Павка Корчагин – сил нету, а не жить так – ещё хуже… Особист послушал-послушал, сказал: «Ладно, остынь…» и отпустил. И тишина…

Тихо. Гудит в недрах корабля дизель-генератор, сидят возле него маслопупы, картофан трескают… В самые глухие ночные часы, удивляясь своей удали, вахтенные мотористы жарят картошку под самым носом у дежурного «по низам», который только воздух нюхает, не понимая (если только сам не из механиков), откуда запах в такое время. Заходя в эпицентр ароматного облака, то есть спускаясь в машинное отделение, офицер видит там невинные чумазые лица мотористов, вечно чинящих какие-нибудь механизмы и удивляющихся на его фантазию: какая картошка? Сплошной солидол и солярка… Дежурный поднимается по трапу, недоверчиво оглядываясь:

– Да честно-честно! Что за картошка?! Что тут, камбуз, что ли?! – говорят ему спины, давящих улыбку матросов…

– Ты хочешь есть?

– Нет.

– Ты хочешь пить?

– Нет.

– Ты пойдёшь в «машину»?

– Нет. Спать пойду…

– Писем нет. Что ты думаешь?

– Что?

– Ты слышал вопрос…

– Спать хочу…

– А она?

Серые уже волны лениво убаюкивали Петрова в люльке-корабле, подвешенном за мачты к бледнеющим звёздам. Потянувшись, он переступил высокий комингс, положил ладони на поручни и, откинув тело немного назад, тихо съехал на руках вниз, в плотный воздух кубрика, сопящего в темноте на разные лады.

Под трапом копошился и чертыхался трюмный Петюньчик – худой, нервный москвич, заступивший на вахту час назад.

– Вентиляшку вруби, когда поднимешься, – негромко сказал Петров. Петюньчик кивнул, продолжая что-то искать в шкапчике под неверный свет ночного «бычьего глаза».

Привычным движением Петров аккуратно сложил свою робу на рундуке, неспешно расправил постель и одним махом, доведённым до автоматизма прыжком, очутился в койке. Скрипнули, натягиваясь пружины. Подушка нежно приняла тяжёлую голову. Петька вытянул ноги, предвкушая сладость нескольких часов сна. Глаза его, следившие за осторожно поднимавшимся по трапу Петюньчиком, вдруг, как-то застыли, подёрнулись дымкой. Налившиеся темнотой веки, как тучи на солнце, медленно сползли на глаза, черты лица расправились…

Завыла вентиляция, гоня в кубрик поток свежего воздуха.

– Привет…

– Привет… Ты?

– Я…

– Привет!.. Смотри – звезды…

Кит Сигизмунд

Он появился на пароходе внезапно и ниоткуда.

Время было послеобеденное, и немногочисленное население танкера ВТН-35 подтягивалось на корму для принятия процедуры дневного перекура. На корму выходили и некурящие, чтобы посмотреть шоу под названием: «втягивание дыма из Трубы» в исполнении боцмана Горыныча. На самом деле боцман был росточка небольшого, да и на вид тщедушен, хотя опыта в матросском ремесле ему было не занимать, но его любимая трубка размером с кулак Майка Тайсона вызывала у окружающих бурный восторг, и иначе как «Труба» на судне не именовалась.

Итак, он сидел на крышке контейнера для сухого мусора и пристально вглядывался в открытую дверь камбуза, совершенно не замечая стоящих поодаль моряков. Раскрасневшийся у плиты кок вышел проветриться и поговорить с народом о наболевшем, вот тут-то и был замечен новый пассажир. Совершенно обычный, буровато-чёрный, с полосатым хвостом, большой круглой головой и загнутыми кончиками ушей, он внимательно глядел на судового повара, и его настороженный взгляд без комментариев говорил о том, кого здесь он считает главным.

Кот смотрел на кока, а кок смотрел на кота. Молчание затянулось на какое-то время, все следили за тем, что могло произойти. Кот сидел, казалось бы, совершенно спокойно, но со стороны чувствовалось, что взведённая в нём пружина может распрямиться в любой момент, включая и момент запуска в него какого-либо предмета с пожарного щита, к чему он явно привык и был всегда готов. Вообще хвостатый производил впечатление зрелого бойца.

Из кают-компании доносились звуки работающего телевизора, шла передача про полярного лётчика Сигизмунда Леваневского.

– Напрасно дежуришь, Сигизмунд, халявы не будет, – совершенно спокойно, как будто обращаясь к человеку, а не к животному, сказал повар. Кот грациозно спрыгнул с контейнера и исчез в щели между фальшбортом и ящиками с ЗИПом,[68] принайтованными к палубе.

Моряки, закончив моцион, уже расходились по работам, как тут, опять непонятно откуда, возник кот с большущей серой крысой в зубах. Опять запрыгнув на облюбованное место, он положил добычу перед собой, после чего расположился рядом, чинно поставив передние лапы вместе и прикрыв глаза. Народ от удивления раскрыл рты, послышались одобрительные слова в адрес охотника. Кок молча удалился и снова вышел на корму с миской жареной рыбы, оставшейся от обеда, и плошкой воды.

– Дракон,[69] я не против, – сказал повар, не без робости почесал кота между ушей, поставил перед ним миски и удалился мыть посуду.

Кот ел с чувством собственного достоинства, и было видно, что жареная рыба ему нравится больше, чем дохлая крыса. Он вылизал миску и заурчал под тёплыми апрельскими лучами.

– Ну, ты герой, Сигизмунд! Пойду к мастеру,[70] замолвлю за тебя словечко, – с уважением сказал боцман и пошёл с докладом к капитану.

Капитан был не против кота с такими деловыми качествами, несмотря на то, что танкер ходил под флагом вспомогательного флота и был приписан к Ленинградской военно-морской базе, то есть порядки были вполне военно-морские, хотя и с большей долей либерализма. Судно давно стояло у причала Морского завода, работы было немного. Время было «кооперативное», и корабли истребляли эскадрами, разрезая «на иголки» или, взяв «за ноздрю», тащили в сторону Индии на разделку. В этом случае иголки становились импортными, а выручка более зелёной.

Пожеланий относительно имени животного ни у кого не возникало, и кот так и остался Сигизмундом. Крысы, которые до сего момента ходили по палубе, особо никого не опасаясь, особенно по ночам, были явно огорчены и борзеть перестали, а вскоре и вовсе исчезли. Деловая хватка и профессионализм животного был явно налицо. Экипаж проникся к Сигизмунду таким уважением, что ему было изготовлено специальное место в углу рубки перед окном, в которое последний любил смотреть на переходах. Капитан сидел рядом в кресле и чесал коту башку, что ему особенно нравилось. Если случалось попадать в качку, кот растопыривался всеми лапами по углам и спал, не проявляя даже намёка на проявления морской болезни.

В общем, Сигизмунд оказался своим парнем. Он как-то очень быстро научился отличать своих от чужих. На стоянке кот частенько составлял компанию вахтенному у трапа, и, сидя на планшире,[71] спокойно пропускал на борт членов экипажа, при этом яростно шипел на посторонних.

Экипаж танкера в основном состоял из людей, специально обученных в учебных заведениях вспомогательного флота ВМФ. Комсостав, как правило, имел за плечами Ломоносовское мореходное училище ВМФ (в простонародье – «Ломаныгу»), а рядовые моряки приходили на судно после Кронштадтской мореходной школы того же ведомства. Люди, хоть и считались по сути гражданскими, были приучены к военно-морской дисциплине. После этих учебных заведений они должны были отработать на вспомогательном флоте соответственно 5 и 3 года, после чего не подлежали призыву на срочную службу, но государство оказалось хитрее, и народ был вынужден сидеть на мизерной зарплате до 27 лет. Хотя в качестве компенсации им ещё продовольственный паёк полагался. Моряки постепенно привыкали, и многие так и работали до пенсии на одном судне.

Вся беда была в том, что вспомогательным флотом командовали всё же военные, а у этих ребят в голове тараканы другой породы. Одним из самых неприятных экземпляров из банды руководителей вспомогательного флота был флагманский штурман базы капитан 1 ранга Ромашкин. Отъявленный строевик, болезненно переполненный чувством собственной значимости, считал себя гениальным навигатором и упивался сознанием этого, до изнеможения долбая моряков за всякую ерунду. Все проверки и инспекции судна, как правило, заканчивались безутешными воплями с коротким содержанием: «Шайза,[72] всё пропало, идём ко дну!!!» Его жизненная позиция была проста, как газета «Гудок»: «Куда матроса не целуй, везде задница».

Так что покраска зимой обледенелого фальшборта к приходу очередной инспекции, проверка тумбочек по каютам, наказание моющихся в душе вне расписания, замер остатков груза в танках миллиметровой линейкой на волнении и прочие маразмы имитации флотской службы стали для многих вполне обычными. Особенно штурманам казалось диким требование нашего Магеллана при работе

в закрытой части порта и Морском канале постоянно отмечать в вахтенном журнале, какими курсами движется судно и делать прокладку. Постепенно все притерпелись и перестали обращать внимание на древовидность начальства, постоянно озабоченного подготовкой к отражению атаки потенциального агрессора по принципу: «Скажи «Есть!» и делай по-своему, а лучше забей и иди спать.

Все, но не Сигизмунд! Видимо, чувствуя атмосферу напряжённости, при очередной проверке несения дежурно-вахтенной службы он прятался в свою шхеру и злобно шипел оттуда, как рысь, прижав уши, и не выходил на свет божий, пока начальство не покидало борт судна.

В одно из таких посещений кот не успел зашхерится. Он расслабленно дремал в рубке в кресле капитана. Вместо привычного почёсывания Сигизмунд был в грубой форме, скинут с кресла на палубу налетевшим как вихрь проверяющим руководителем штурманской службы базы. Кот традиционно зашипел и забился за локатор «Печора».

– У, зверюга, нарушает тут, и ещё шипит, гадёныш! – начал гнобить Ромашкин главного судового крысолова. После этой гневной речи он уселся в кресло капитана и начал разнос вахтенной службы.

– Товарищ вахтенный помощник капитана, вы должны встречать меня у трапа с отданием воинской чести и громким докладом, а не ждать, пока я в рубку поднимусь! – наставлял он вахтенного штурмана, который до сего момента в поте лица занимался корректурой карт и навигационных пособий.

– А чем у вас занимается в настоящее время вахтенный матрос?

– Мачту красит.

– А что именно в данное время он красит на мачте?

– Не готов точно сказать, товарищ капитан первого ранга, матрос красит всю мачту.

– Вам замечание, товарищ вахтенный помощник капитана, вы должны чётко знать, что и в какое время делает ваш матрос. Враги не дремлют!

– Да ему уже 50 лет, он сам всё прекрасно знает, сделает – доложит. Он ведь не матрос-срочник, а квалифицированный матрос 1 класса.

Вмиг покрасневший от дерзкого ответа вахтенного штурмана, имевшего наглость забыть о субординации, Ромашкин дополнил изменённый гневом цвет лица автоматически включившейся сиреной. В который раз начались вопли по полной схеме с намёком на несоответствие занимаемой должности бедного штурмана и в его лице всего комсостава, причём на мостик была вызвана вся вахтенная смена, включая механика и моториста.

Пламенный борец с флотским бардаком, которым он искренне считал организацию службы на ВТН-35, кричал и махал руками, и не заметил, как смахнул свою фуражку на палубу. Он обещал грязно иметь весь экипаж в сборе и по одиночке во все скважины, а также с полной ответственностью заявлял, что видел родственников всей команды танкера в гробу и более интересных и даже интимных местах. В общем, в конце беседы всем стало понятно, что никто кроме него не любит Родину и военно-морскую службу. Ну, а весь пароход в целом, естественно, как всегда, не готов к отражению атаки супостата.

И тут некоторые моряки заметили, что Сигизмунд ведёт себя как-то странно. Он крадучись, как на охоте, выполз из-за локатора и начал вдоль переборки пробираться в сторону трапа. Видно, традиционно несправедливый разнос для поддержания экипажа в тонусе задел животное за живое. Кот полз вдоль переборки, пока не наткнулся на лежащую на палубе капразовскую фуражку. Хвостатый был почти у выхода, но вдруг развернулся и так же по-пластунски вернулся к головному убору оратора. А воспитатель матросских масс, между тем, оборотов не сбавлял и с упоением перемывал кости всем подряд без разбора.

Сигизмунд встал на лапы, обнюхал заинтересовавший его предмет, задрал хвост, и, недолго прицеливаясь, метко оправился в фуражку горлопана Ромашкина. Пошкрябал лапой вокруг, повинуясь врождённому инстинкту чистоплотности, подумал, и вдогонку, как будто вспомнив о чём-то не доделанном, добавил туда же ещё часть своего внутреннего содержания. Мелко-мелко потряс кончиком хвоста, как флагом победы, и гордо удалился.

Народ, видевший всю процедуру, начал хватать друг друга за руки, отворачиваться и раздувать щёки от душившего внутреннего хохота. Наименее стойкие со стоном начали сползать вниз по переборке.

В пылу воспитательной беседы Ромашкин подробностей кошачьей жизни не заметил, закончив пламенную речь надменной командой: «Свободны! Всем разойтись по работам!»

Увидел на палубе свой картуз, ещё раз прошёлся по моряцким родственникам и натянул его на лысеющую голову с жидким зачёсом, который судовые шутники прозвали: причёска «Голова босиком». С нижней палубы раздался гомерический хохот, которому проверяющий не придал особого значения, внутренне восхищаясь своим мастерством наводить порядок и ставить всех на свои места.

И уже спустившись по трапу на причал, Ромашкин обернулся и, увидев всю вахтенную смену, выстроившуюся на борту для его проводов и усиленно запиравшую смех внутри организма, добавил на отходе: «Развели тут, понимаешь, псарню, и на причале кошками воняет! Истребить неуставное животное до моего следующего прихода!»

Так Сигизмунд вошёл в историю, и изводить с судна такое справедливое животное даже под страхом лишения премии и увольнения ни у кого рука бы не поднялась.

Прошло совсем немного времени, и суда вспомогательного флота начали заниматься коммерческой деятельностью. Такого удара под дых Ромашкин не перенёс, и, не вписавшись в новую, капиталистическую реальность, через несколько месяцев ушёл на пенсию и устроился сторожем в гаражный кооператив.

Мозги он никому больше не полоскал, ему гораздо больше нравилось в ночное время открывать ворота припозднившимся автолюбителям, получая в знак благодарности с кого пятёрку, а с кого и десяточку. По слухам он даже сделал карьеру, через год став бригадиром сторожей. После повышения он стал появляться в сторожке в старой военно-морской фуражке, которую в своё время щедро пометил Сигизмунд.

Несколько лет спустя, став уже капитаном сухогруза, я снова побывал на старом бункеровщике. Танкер так же бегал по порту и бункеровал суда дизельным топливом и маслом. Экипаж работал на судне давно и постоянно, и не думая о заграничных контрактах. Всем было хорошо и спокойно. Не могут плохо жить люди, которым доверен топливный клапан и целый пароход солярки.

Сигизмунда среди членов экипажа уже не было по физиологическим причинам, но, спустившись по старой памяти в кают-компанию, я заметил на переборке рядом с фотографией президента страны на мостике боевого корабля фотографию Сигизмунда, сидящего на ходовом мостике в капитанском кресле.

Rembat Засада

Калининградское высшее инженерное морское училище. Лето… Народ в отпуске. Но, как всегда, в общаге по причине и без оной продолжает жить малочисленная общность курсантов. Сами понимаете, не самых прилежных. А уж те, которые на четвёртом курсе… Ну, в общем, не очень октябрята они там были. Отнюдь. В смысле, нарушать запрещения – это присутствовало в полной мере. Ну там, попить чего кроме воды из-под крана (а в кране, как раз, вовсе не ежедневно вода – лето же. Какая труба на профилактику закрылась, а из которой уже всю воду выпили). Или в кубрик в гости кого позвать. Да на ночь оставить. Случайно встреченного однополчанина? Да ладно вам, все ж взрослые… То есть налицо падение дисциплины в низах наряду с ослаблением контроля в верхах. Ну да, из офицеров летом кто остался? Конечно, тоже не октябрята. Хотя… Были и ответственные товарищи.

Вот, например, капитан второго ранга Задунайский. Лето? Ну и что. Распорядок дня должен быть. И распорядок ночи, кстати, тоже. В общем, пошёл капитан второго ранга Задунайский на дело. Среди бела дня пошёл. Вот вышел из рубки дежурного, что в главном корпусе, и пошёл в общагу судомеханического факультета.

В дежурке судомехов раздался телефонный звонок. Звонил помдеж из главного корпуса. С конкретной информацией:

– Задунайский пошёл шмонать 34-ую роту. Кто-то стуканул. В общем, смирно.

Ага, щас. Это пусть люди с нечистой совестью прячутся. Нам, советским курсантам, скрывать нечего.

А вот и товарищ Задунайский. Не слушая рапорт дежурного по общаге, сразу на четвёртый этаж. Дневального, естественно, нету. Ну и не надо, не очень-то и хотелось. Один, два, три – третий кубрик слева. Без стука приоткрыл дверь, заглянул – никого. Но Задунайский непрост, ой, непрост. И информация у него верная. Насчёт нарушения антиалкогольного указа – раз. И про женские голоса – два. Зашёл кавторанг, огляделся. У стены – большой, облезлый шкаф. Неуставной, разумеется. Курсантам положены тумбочки, а не шкафы. Но курса с

третьего к неуставной мебели в нашем училище относятся снисходительно. А зря – расшатывает дисциплину. Хотя… Сейчас это Задунайскому на руку. И дежурный по училищу капитан второго ранга Задунайский залез в шкаф. И сел там в засаду. Вернее, встал – шкаф тесноват оказался.

Хлопнула дверь, в кубрик кто-то зашёл. Начинается! Сейчас… Кто-то поставил на стол сумку, нежно звякнуло стекло. Задунайский возликовал. Ещё кто-то зашёл.

– Вовчик, сейчас гости придут, а у нас бардак!

Задунайский пустил слюну. Удачной охоты, брат Табаки!

– Вовчик, оставь бутылки, давай приберёмся.

– Да чего там приберёмся… Я утром подметал…

– Вовчик, ну смотри, газета позавчерашняя на столе… Да и сам стол какой-то покорябанный… А шкаф-то, смотри! Убоище страшное! А в шкафу, небось, бардак ещё тот. Давай-ка запрём хоть, чтоб из гостей кто случайно не открыл…

И Задунайский с ужасом услышал, как кто-то запер шкаф на ключ. Засада осложнилась.

Голос Вовчика:

– Не, Сань, ты прав. Шкаф – кошмар какой-то. Да и ничего полезного там нет. И вообще, вот нагрянет Задунайский, изругает за неуставной шкаф. Давай-ка мы его выбросим.

– Ну и куда мы его выбросим? С четвёртого этажа по трапу ташшыть? Нафиг-нафиг.

Шкаф кто-то злобно пнул ногой. Задунайский перестал дышать.

– Зачем по трапу? Давай-ка в окно кинем, а щепки потом дневальные подметут.

Задунайский занервничал. Засада оборачивалась какой-то неправильной стороной. Ну не могут же они, в самом деле, шкаф из окна выбросить?!

Мерзкий голос Вовчика:

– Дневальный! Открой окно в бытовке! Саня, ну-ка, взяли шкаф. Тяжёлый, черт. Мишу на помощь позови.

Пришёл третий курсант.

– Вы что, поднимать его задумали? На хрена? Выбрасываем же. Давай-ка его кантовать.

Задунайский хотел крикнуть: «Не надо!», но не успел. Шкаф с грохотом упал плашмя на пол. Курсанты стали шкаф переворачивать на бок. И вдруг шкаф что-то неразборчиво закричал перепуганным фальцетом. Курсанты уронили шкаф и в ужасе отпрыгнули.

– Мужики, там кто-то есть!

– Да не, нам померещилось. С бодуна, что ли… Взялись!

Шкаф возопил.

– Нет, не померещилось. Никак вор забрался?!

– У нас в общаге? Твои чертежи по холодильным установкам украсть?

– Не, Вовчик дело говорит. Давайте-ка милицию вызывать.

Шкаф глухо прохрипел:

– Не надо милицию… Откройте!

– Ну щас, разбежались… Миша, зови дежурного по общаге. И вообще, собери-ка народ, тут черт-те что происходит.

Кто-то выскочил в коридор и подал дотоле неслыханную в общаге команду:

– Рота, подъем! Тревога!!!

В кубрик сбежался народ. Включая и соседей по этажу, сопливых второкурсников.

– Ну-ка, ребята, взяли табуретки… В случае чего мы этому ворюге влепим…

Дежурный по общаге отпёр злополучный шкаф. Оттуда, как граф Дракула из гроба, восстал дежурный по училищу капитан второго ранга Задунайский. Он одёрнул китель, выровнял фуражку, оглядел сочувственно ухмыляющихся курсантов и гордо пошёл к дверям. Вдруг, что-то вспомнив, вернулся к столу и, не глядя на окружающих, заглянул в сумку, там находящуюся. В сумке были четыре бутылки кефира.

На выходе из общаги Задунайский остановился в рубке дежурного и сделал запись в журнале дежурств об обнаруженном на трапе на четвёртом этаже окурке.

С тех пор, когда капитан второго ранга Задунайский приходил в общагу судомехов (пусть даже не с проверкой, а просто так, в гости), в каждом кубрике его встречал шкаф с гостеприимно полуоткрытой дверцей…

Павел Ефремов Тело офицера Спивакова

Помните, в достославные советские времена обязательным атрибутом обучения в любом советском ВУЗе, да и не только, считалось написание первоисточников? Ну, это краткое изложение своими словами проблем реорганизации Рабкрина, фантазий очередных съездов и конференций партии рабочих и крестьян и боевых воспоминаний Леонида Ильича. Толстенные тетради исписывали. Так вот, тогда при написании любой курсовой или дипломной работы и даже простого доклада по самой безобидной теме было крайне необходимо, даже не побоюсь сказать, жизненно важно во вступлении к работе упомянуть, что данный труд никакого смысла не имеет без руководящей роли партии и самого Леонида Ильича Брежнева. И не направь партия тебя на верный курс, никогда тебе не написать реферат на тему усовершенствования цистерны отстойного масла. А не будь последнего съезда КПСС, вообще не было бы твоего курсовика по деталям машин. Требование было строгое, соблюдалось неукоснительно и обязательно, а потому вступление никогда и никем не читалось, пожалуй, кроме случаев написания работ на кафедре марксизма-ленинизма. Преподаватели всех остальных технических кафедр к такой важной детали относились наплевательски, и начиная проверку работы, просто ловили глазами на самой первой странице римские цифры номера очередного съезда партии, находили, успокаивались и с чистой совестью пролистывали страницы с пропагандистским словоблудием. Так было всегда…

Как-то раз, не помню точно, то ли на 3 курсе, то ли на 4, писали мы курсовик по турбинам. Большой расчёт главного турбозубчатого агрегата. Работа ёмкая, зубодробильная, со множеством расчётов. Написать-то написали. Начали оформлять начисто. Вот тут-то и возник у меня с моим другом Валеркой Гвоздевым спор. Я, обложившись классиками ленинизма, настрочил предисловие на три страницы, скрестив как мог план ГОЭРЛО с необходимостью совершенствования паротурбинных установок атомных подводных лодок. Убедительно получилось. Со вкусом. А вот Валерке казённые фразы давались с огромным трудом. Мужиком он был умным, даже талантливым, и как

все неординарные личности, страдал огромной нелюбовью к рутинной работе и большой природной ленью. Посмотрев на мой бешеный труд по приданию курсовику крепкой идейной направленности, Валера заявил, что он этой чепухой заниматься не будет. Мол, все равно никто читать не будет, дураков нет, чего зря голову ломать и напрягаться попусту? Валера решил подойти к этому вопросу проще. Понаписать пару страниц всякой галиматьи, перемежая её кодовыми словами типа: КПСС, XXVI съезд, Ленин, Леонид Ильич. Пусть в глаза бросаются. Да ещё, чтобы наш преподаватель, кавторанг Спиваков, вообще что-то кроме цифр и графиков смотрел, так это совсем нереально. Я же считал, что вопреки Валериному мнению Спиваков знал не только цифры, но и буквы. Пришлось возразить и сразу получить предложение идти на пари. Условия просты: Валера пишет всякий бред вместо предисловия, и это остаётся незамеченным. Я согласился. К тому же спор был на общий пивной интерес, и в случае проигрыша я только покупал лишний десяток бутылок пива в ближайшем увольнении. Ударили по рукам, и в течение получаса Валера под общий смех и помощь всего класса сочинил примерно такое: «… на XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС дорогой Леонид Ильич Брежнев после долгого, серьёзного и скрупулёзного анализа экономики страны за отчётный период заявил, что при проведении ремонта главного турбозубчатого агрегата подводной лодки 671РТМ-проекта в процессе вскрытия комиссией ЦК КПСС корпуса турбины в её полости было обнаружено изувеченное тело капитана 2 ранга Спивакова В.С. Лопатки турбины, изготовленные из металла марки 64ХС24НШК21 высокотехнологичным способом практически в клочья разорвали офицера на части. Причём голова, руки, торс, фуражка и кортик были найдены в турбине переднего хода, а ноги, мужское достоинство и полный комплект медалей «За службу в ВС СССР» всех степеней – в турбине заднего хода. Также у членов комиссии ЦК КПСС вызвал удивление тот факт, что при более внимательном осмотре в главном конденсаторе были также обнаружены все пуговицы от мундира офицера, заколка от галстука и членский билет ВЛКСМ на имя Спивакова В.С. Настораживает тот факт, что из рядов ВЛКСМ он выбыл двадцать лет назад по предельному возрасту. Леонид Ильич Брежнев конкретно и обоснованно указал на недостатки работы инженерно-технических служб ВМФ в вопросах воспитания

корпуса корабельных инженер-механиков и недопустимости эксплуатации паротурбинных установок кораблей в режиме расчленения офицеров на отдельные элементы. Вследствие обоснованной критики со стороны лично Брежнева Л.И., тело капитана 2 ранга Спивакова В.С. было предано земле без отдания обычных воинских почестей и с принародным затуплением кортика на общефлотском построении. Приказом МО СССР на месте погребения Спивакова В.С. воздвигнута мраморная стела с выгравированным текстом «Правил эксплуатации паротурбинных установок 1967 года» и указанием, что покойный являлся нарушителем требований техники безопасности согласно приказа МО СССР от «…» 19… года и директивы ГК ВМФ №. от «…». 19… года. Также депутаты XXVI съезда КПСС выразили надежду, что…» и дальше в таком же стиле. Все это Валера оперативно переписал начисто, выделяя митинговые слова более крупным почерком, торжественно вставил в папку курсовика, прошил ее и опечатал. В тот же день курсовики сдали на проверку.

Через неделю Спиваков пришёл на занятия с пачкой наших работ под мышкой.

– Класс! Смирно!!! Товарищ капитан 2 ранга…

По команде дежурного все встали. Спиваков враскоряку протиснулся в дверь. Кавторанг был невысок ростом, коренаст и очень добродушен лицом.

– Привет! Садитесь, садитесь…

Спиваков шлёпнул о стол стопку курсовиков.

– Ну, гардемарины, почитал я ваши изыскания. Очень интересно! Лично меня познания некоторых ваших представителей поразили до глубины души. Вот, например…

Глаза Спивакова пробежались по аудитории, и как бы невзначай остановились на Гвоздеве.

– …например, Гвоздев.

Валера встал. Настороженно и неохотно.

– Валерий… Тебя как по батюшке?

– Сергеевич.

Валера еле выдавил из себя это слово, задним местом почуяв, что спор он проиграл.

– Валерий Сергеевич, как я понял, мои кусочки разбросало по всему внутреннему пространству корпуса турбины? Я правильно выразился?

Говорить Валера уже не мог. Он только затравленно кивнул.

– Тогда, как опытный турбинист, вы должны объяснить мне и всему классу, через какие отверстия я попал внутрь турбины, и какие силы действовали на меня, точнее, на мои фрагменты по пути следования в турбины переднего и заднего хода? Я даже постарался облегчить вашу задачу! Объем моей талии – сто двадцать шесть сантиметров. Итак: количество и размеры отверстий и смотровых лючков на корпусе ГТЗА. Докладывайте, Гвоздев! И к тому же, марку стали вы назвали неправильно…

Весь класс, как один, грохнулся в хохоте.

Своё честно заработанное пиво я распил вместе с Валеркой в следующий выходной. Курсовик Валера сдавал до конца учебного года, и за это время превратился в эксперта по этому предмету. По словам самого Спивакова «курсант Гвоздев стал обладать поистине энциклопедическими знаниями по настоящему предмету» и даже дипломную работу стал писать именно на этой кафедре. Никаких других репрессивных действий в отношении Валеры Спиваков не произвёл. Лишь после выпуска мы узнали на традиционном обмывании погон, что преподаватель действительно не читал вступление, а просто случайно наткнулся на свою фамилию, пролистывая страницы…

Авиация

Игорь Фролов Бортжурнал № 57-22-10[73]

Памяти ВВС СССР посвящается

Смех цвета хаки

(Вместо предисловия)

А знаешь ли ты, уважаемый читатель, кто сочиняет анекдоты про армию? Кто смеётся над ставшей притчей во языцех военной тупостью? Ты думаешь, этим занимаются саркастичные интеллектуалы, в своё время «закосившие» от службы и, тем самым, сохранившие не только ум, но и остроумие? Отнюдь!

Военный юмор – дело рук самих военнослужащих. Огромный армейский организм вырабатывает смех как жизненно необходимый гормон. Противоречие между неумолимым Уставом и свободной волей человека разрешается только смехом (весёлым, злым, сквозь слезы – любым!), который и помогает «стойко переносить все тяготы и лишения военной службы».

Виды и рода войск отличаются по степени смешливости. Чем объяснить, например, что флот и авиация смеются больше остальных? Может быть тем, что их рацион усилен шоколадом и копчёной колбасой? Или тем, что моряки и лётчики периодически отрываются от земли? Ответа на этот вопрос автор не знает, несмотря на свою (пусть и недолгую) службу в Армейской авиации.

За те два с половиной года, которые в буквальном смысле пролетели в небесах Приамурья и Афганистана, борттехник вертолёта Ми-8 (в дальнейшем – просто борттехник Ф.) собрал небольшую коллекцию забавных историй. Почти два десятка лет пролежали они в тёмном углу памяти, и только встреча с сайтом армейских историй www.bigler.ru подвигла бывшего борттехника к оформлению своих сумбурных воспоминаний в текст. Здесь нет анекдотов и баек – автор просто записал продиктованное жизнью. И теперь он предлагает несколько из этих историй твоему благосклонному вниманию, читатель.

Часть первая «Союз»

Первый наряд

Лейтенант Ф. и лейтенант Т. впервые дежурят по стоянке части. После развода они заходят в дежурный домик, осматривают его. Кровать, оружейная пирамида, печка, старый телевизор, на столе эбонитовая коробка с ручкой – полевой телефон. По мнению лейтенантов, этот телефон ещё военного времени и работать не может – наверное, предполагают лейтенанты, он стоит здесь как деталь армейского интерьера.

– Связь времён, – уважительно говорит лейтенант Ф.

Лейтенант Т. берет трубку, дует в неё, говорит «алло». Трубка молчит.

– Покрути ручку, – советует лейтенант Ф. – Возбуди электричество.

Лейтенант Т. крутит ручку, снова снимает трубку, и, глядя на лейтенанта Ф., шутит:

– Боевая тревога, боевая тревога!

– «Паслён» слушает, что случилось? – вдруг резким тревожным голосом отзывается трубка. – Кто говорит?

Глядя на лейтенанта Ф. полными ужаса глазами, лейтенант Т. говорит:

– Говорит лейтенант Ф.

Он отстраняет кричащую трубку от уха, испуганно смотрит на неё и медленно кладёт на рычаг.

Лейтенант Ф. разражается бранью.

Первый прыжок

Начало декабря 1985 года. В полку пошли тревожные слухи, что командование полка готовит всему лётно-подъёмному составу плановые прыжки. Лейтенанты жадно слушали страшные истории старших товарищей, радостно готовясь шагнуть в пропасть. И только борттехник Ф. загрустил.

– Нет, мне прыгать никак нельзя, – волнуясь, говорил он каждому встречному. – Я этого не боюсь, но у меня проблемы с приземлением. Я даже с турника спрыгнуть нормально не могу – последствия детского плоскостопия. Ступни после отвисания становятся как стеклянные – при спрыгивании такая боль, будто они разбились. А вы хотите, чтобы я после болтания в воздухе нормально встал на свои хрупкие ноги?

Когда с молодыми проводили инструктаж, лейтенант Ф. демонстративно ходил в стороне кругами. Он даже не хотел слушать о том, как правильно покидать борт, как управлять парашютом, что делать в случае отказа основного парашюта и в какую сторону выбрасывать запасной купол, чтобы он не перехлестнулся с основным. Не хотел, поскольку твёрдо решил, что прыгать не будет. На самом деле, причина, конечно же, была не в стеклянных ногах лейтенанта. Он просто боялся. Это был совершенно естественный страх разумного существа перед необходимостью совершить бессмысленный поступок – без нужды шагнуть в безопорное пространство, когда вся твоя великая жизнь ещё только начинается.

Вечером, накануне назначенного дня, лейтенант впервые всерьёз задумался о феномене жизни и её смысле. Он огляделся вокруг и увидел прекрасный, прекрасный мир – морозный закат, высокие голые тополя (увидит ли он их следующую зелёную весну?), укатанную льдистую дорогу, ведущую к измятым воротам с красными звёздами, здание общежития из силикатного кирпича, полуразрушенное крыльцо, обшарпанные двери – все такое родное, милое до слез – нет, это невозможно вот так запросто покинуть. А в комнате на столе – лампа и стопка книг – они останутся и будут ждать хозяина, но не дождутся. Глаза лейтенанта увлажнились от жалости к своим книгам. Он попытался читать, но сразу понял бессмысленность этой попытки. Зачем насыщать свой мозг мыслями и знаниями, если завтра все грубо и беспощадно прервётся… Он с удивлением ощутил, что вообще не может понять, как провести эту ночь – неужели спать? Вот так взять и уснуть, когда, возможно, это его последние часы? Но, с другой стороны, кто сказал, что он не нужен на этой земле? Эта мысль немного приободрила – если он нужен миру, все будет хорошо, если же нет… Нет, конечно он нужен этому миру. Если бы богом был он,

обязательно оставил бы в живых такого достойного человека, как лейтенант Ф.

С этой мыслью он и уснул…

И наступило утро 10 декабря 1985 года. Вместе с лейтенантом Ф. проснулись все его сомнения. С ними он и приехал на аэродром. Борт для прыжков был готов, стояла отвратительно ясная морозная погода. Прошли медосмотр. Лейтенант Ф. изложил доктору свою версию о невозможности приземления, но понимания не встретил – доктор слышал много таких историй. В это время в кабинет вошёл командир эскадрильи.

– Товарищ майор, – вскричал лейтенант. – Разрешите не прыгать! Я не смогу приземлиться!

– Приземлишься ты в любом случае, – непедагогично захохотал комэска и, не слушая сбивчивых объяснений, заключил: – Положено два прыжка в год – будь добр. Не хочешь – списывайся на землю.

И вместе со всеми лейтенант Ф. на ватных ногах пошёл к борту.

Борт уже запустился, когда на них нацепили парашюты. Зажатый между основным и запасным, лейтенант Ф. не мог дышать.

Взлетели, пошли в набор. Лейтенант Ф. на всякий случай проорал на ухо инструктору, сидящему рядом:

– За что тянуть-то?

В шуме двигателей при опущенных ушах шапки ответ он не услышал, и, ответив сам себе, махнул рукой и отвернулся. Он совершенно успокоился, потому что понял: прыжка не будет. По какой причине – его не волновало. Этого просто не может быть!

Выпускающий начальник штаба, глядя вниз, поднял руку. Первые пошли к двери, начали пропадать. Лейтенант Ф., привстав и вытянув шею, наблюдал в иллюминатор, как распускаются купола, выстраиваясь в цепочку. Он даже позавидовал летящим под куполами – у них уже все позади. Его толкнули в бок, кивнули на дверь. Лейтенант Ф. хотел аргументированно возразить, но тело, вдруг потерявшее разум и волю, встало и подошло. Все вокруг стало чужим и непонятным, словно в мозг сделали укол новокаина.

– Вниз не смотри! – крикнул начштаба.

Тело посмотрело – внизу, на белой земле были рассыпаны черные точки деревьев. – Кольцо чуть дерни и оставь на месте, – напомнил начштаба. – Пошёл!

Тело попыталось оттолкнуться, чтобы прыгнуть в истинном смысле этого слова, но не смогло оторвать ноги – оно их просто не чувствовало.

И лейтенант рухнул вниз, как срубленное дерево.

Сначала ему показалось, что он провалился в узкую, длинную трубу и растягивается бесконечно – ноги остались возле вертолёта, голова улетела далеко вниз. Потом перед глазами мелькнули чьи-то унты, такие близкие, черные, мохнатые – такие вещественные и родные в отличие от серой холодной пустоты вокруг. «Это же мои!» – вдруг понял лейтенант, осознавая себя. Рука в перчатке сжимающая кольцо, напряглась. «221, 222, 223!» – быстро отсчитал лейтенант и слегка дёрнул кольцо. Но это малое движение в силу своей слабости явно ничем не могло помочь в деле спасения жизни. Лейтенант с криком рванул кольцо и широким движением руки отбросил его в сторону («только не выбрасывайте кольца!» – вспомнил он предупреждение инструктора). За спиной что-то сухо лопнуло, тряхнуло, зашелестело, уже сильно тряхнуло за плечи. Перед глазами опять пролетели унты – вверх, вниз, вверх, вниз.

Ветер вдруг стих. В теле появилась тяжесть, ремни защемили пах. Лейтенант понял, что уже не свободно падает, а висит. Он поднял голову и увидел высоко над собой невероятно маленький купол.

– Что за херня, почему такой маленький – вытяжной, что ли? – сказал лейтенант громко. По его представлениям купол должен был закрывать полнеба.

Он посмотрел вокруг – серо-синяя пустота, солнца почему-то нигде не было. Посмотрел вниз, долго вглядывался, но земля и не собиралась приближаться.

– И долго я буду здесь болтаться? – злобно и требовательно сказал лейтенант в пустоту. – Говорят, я в данный момент должен петь. Так вот хрен вам, а не песня! Спускайте, давайте!

Он вдруг осознал, что сидит над бездной на хлипкой, так называемой силовой ленте, застёгнутый на какие-то подозрительные замки. Стоит одному из них расстегнуться, он выскользнет и полетит. Сначала он обнял «запаску», но подумал и, подняв руки, крепко уцепился за ремни поближе к стропам, чтобы, если под ним разверзнется, повиснуть хотя бы на руках.

Пока он обеспечивал безопасность, вдруг начала приближаться земля. Он увидел южную площадку, на которую следовало приземляться. Там ползали несколько фигурок. Парашютист летел по прямой и понимал, что при таком курсе обязательно промахнётся. Вспомнив застрявшие в памяти обрывки советов, потянул за стропы справа. Курс не менялся. Проматерившись, он с силой потянул обеими руками, посмотрел вверх. Купол подозрительно сильно съехал набок – лейтенанту показалось, ещё немного, и он схлопнется. Решив, что лучше промахнуться мимо площадки, чем воткнуться в неё с этой высоты, лейтенант отпустил стропы.

Когда он величаво плыл над площадкой, снизу донёсся усиленный мегафоном голос капитана К.:

– Тяни правую клеванту![74]

– Да я уже тянул, хватит с меня! – истерично крикнул вниз лейтенант, и пробормотал под нос: – Клеванту ему тяни! Откуда я знаю, где эта чёртова клеванта!

Под ним поплыли сосны. Снижение ускорилось. «Не хватало задом на сосну сесть», – встревожился лейтенант. Самое отчаянное было в том, что от него ничего не зависело. Во всяком случае, он не знал, что делать. Вдруг он увидел, что впереди показалась разрезающая лес довольно широкая дорога. Угол снижения, прикинул лейтенант, упирался прямо в неё. Он приготовился к посадке – взялся руками за стропы и выставил вперёд полусогнутые ноги.

Но дорога пронеслась под ним. Замелькали огромные верхушки сосен с угрожающе торчащими ветвями. «Это конец!» – подумал лейтенант, сжался в комок, подогнул ноги, прикрывая совершенно беззащитную корму, закрыл лицо рукавом…

Здесь в памяти зияет трёхсекундный чёрный провал…

А здесь он уже стоит по колено в снегу на крохотной площадке между четырьмя могучими соснами…

Над ним синело небо, купол висел на ветвях. Где-то рядом уже раздавался стук металла о морозное дерево – снимали чей-то парашют или тело. Лейтенант потянул за стропы без особой надежды, и купол с мягким шелестом, струясь, стек к его ногам.

Подбежал солдат с топором.

– Не требуется, – сказал лейтенант. – Тут вам не там. Отрабатывал посадку в лес. Тютелька в тютельку.

Он собрал купол в охапку, закинул подвеску с «запаской» на плечо и пошёл по глубокому снегу к поляне.

Небо было синее, солнце – яркое, снег – ослепительным. Казалось, вместо декабря наступил март. Вполне возможно, что вернулись и запели птицы. Бросив купола, лейтенанты сошлись в круг и, размахивая руками, обменивались впечатлениями. Примерно так:

– А этот козел лысый летит прямо на меня, улыбается и ручкой машет! Ну, думаю, сейчас в стропы въедет, гад

– А я шарю, шарю рукавицей, а это грёбаное кольцо как провалилось!!! А потом – бах! – все само открылось!

И все это было густо пересыпано изощрённым матом. Особенно радостно выражался лейтенант Ф.

К шумному лейтенантскому счастью подошёл командир полка, который тоже прыгал в этот день.

– Это что за лексикон, товарищи офицеры?

– Да они первый раз, товарищ подполковник, – сказал начштаба.

– Вот оно что… Ну, поздравляю, – улыбнулся командир. – Может быть, «по второй» прямо сейчас?

– Да, да, да! – закричали лейтенанты. И только борттехник Ф., с ненавистью посмотрев на товарищей, сказал:

– Хорошего помаленьку.

– И это верно, – заметил командир.

Остаток дня все лейтенанты, за исключением лейтенанта Ф., мечтали о будущих прыжках. О сотнях оплачиваемых прыжков! За первый им полагалось по три рубля, но они знали, что отцы-командиры уже доросли до 50 рублей за прыжок, и это знание очень подкрепляло решимость новообращённых парашютистов. Однако на следующий день на прыжках с Ми-6 разбился молодой лейтенант-десантник. Полк, построившись на полосе, провожал его, плывущего мимо с синим лицом в открытом гробу. После этого все мечты о парашютной карьере прекратились. Когда летом наступило время очередных прыжков, инструктор Касимов не нашёл ни одного лейтенанта-борттехника – кто обзавёлся справкой, кто попросился в наряд, кто – его помощником. На аэродроме болтался один лейтенант Ф., который только что прилетел из командировки и не знал о готовящихся прыжках. Инструктор Касимов, пробегая мимо, коварно сказал:

– Фрол, помоги парашюты до борта донести.

Доверчивый борттехник пошёл за инструктором, сам донёс до борта предназначенный ему парашют, поднялся в грузовую кабину, увидел бледные лица пойманных лётчиков и борттехников, снятые задние створки… Пока до него дошло, что он попался, вертолёт уже оторвался от земли.

Но, к его удивлению, прыгать с легкоуправляемым тренировочным парашютом через снятые задние створки ему понравилось. Правда, все удовольствие чуть не испортил старший лейтенант К. Он сидел перед лейтенантом Ф., и, когда подошла его очередь, он вдруг застрял у турникета, через который парашютисты выходили в небо. Лейтенант Ф. увидел, как двое мрачных представителей парашютно-десантной службы отрывают руки К. от поручней ограждения. Эта молчаливая возня показалась лейтенанту Ф. такой страшной (будто враги пытались выбросить несчастную жертву без парашюта), что ему захотелось пересесть назад. Наконец беспощадные товарищи победили. К. с воплем вылетел под хвостовую балку, где циркулярной пилой резал небо хвостовой винт. Когда лейтенант Ф., дрожа, встал и подошёл к турникету, К. был уже далеко – безвольно повиснув под куполом, он летел куда-то за поля, за леса, воплощая собой всю безнадёжность этого жестокого мира…

Лейтенанта тронули за локоть. «Не обращай на него внимания. Расслабься и получи удовольствие», – посоветовал ему добрый Касимов. И неожиданно для себя, он послушался. Спокойно вышел, лёг, распластавшись, на плотный воздух, и затянул прыжок в теплом солнечном небе…

Командировка

В конце зимы 1986 года борт № 22 послали в командировку в город Белогорск. Вертолёт потребовался для парашютной сборной авиаторов Дальневосточного округа. У сборной на носу были всеармейские соревнования, но почему-то не оказалось воздушного транспорта для тренировок.

Командировка для лётчиков – тихая радость. Для холостых – удалённость от начальства, утренних зарядок на морозном стадионе, построений, словом – бесконтрольность. Для семейных – все то же

самое плюс удалённость от дома и полная бесконтрольность. Один экипаж, трое единомышленников, глядящих в одном направлении – где бы отдохнуть, как следует.

На второй командировочный день с утра повалил снег. Прыжки, конечно же, отбили. Экипаж даже не выезжал на аэродром. Экипаж под предводительством командира вышел на прогулку, маршрут которой был протоптан многими поколениями командировочных лётчиков. Конечно же, тропа привела их на центральную улицу Белогорска, где находились рестораны «Томь» и «Восток». В один из них они и вошли…

Экипаж хорошо отдохнул, и наутро все его члены чувствовали себя очень плохо. Но закосить было невозможно – погода стояла прекрасная. Все необходимые условия – солнце, мороз и синее небо – были в наличии. Экипаж притащился на аэродром, и прыжки начались.

Прыгуны загрузились, вертолёт, разбежавшись, оторвался от полосы и пошёл в набор. Когда набрали необходимую высоту, командир, страдальчески морщась, сказал:

– Я бы сейчас без парашюта выбросился. Зря мы вчера погоду сломали. На землю хочу. Пусть вываливают, и мы сразу вниз.

Борттехник отстегнул парашют, развернулся лицом в грузовой салон. Выпускающий подкорректировал курс, вышли в заданную точку, прыгуны повалили из вертолёта. Выпускающий махнул борттехнику рукой и лёг грудью на поток.

В пустом салоне гулял морозный ветер трёх тысяч. Нужно было закрывать дверь. Борттехника тошнило. Поискал глазами свой страховочный пояс и нашёл его. Пояс болтался на тросе для вытяжных фалов там, куда его отодвинули парашютисты – в самом конце салона. «Скоты», – процедил борттехник и встал.

Он сразу понял, что до страховочного пояса ему сегодня не добраться. Если же нацепить парашют, то один случайный толчок висящего под слабыми коленями твёрдого ранца способен в настоящий момент свалить с ног. Выпадать ни с парашютом, ни без оного борттехник не хотел. Уцепившись правой рукой за проем входа в кабину, мелкими приставными шажками он начал двигаться к открытой двери, за которой трепетало бездонное небо.

Борттехник уже почти дотянулся до дверной ручки…

И тут вертолёт вошёл в левый разворот с хорошим креном – командир торопился вниз. Вектор силы тяжести, приложенный к наклонной плоскости, естественно, расщепился на компоненты – и самая горизонтальная из них схватила больного и слабого борттехника, как волк ягнёнка, и толкнула к открытой двери. Когти его правой руки, царапнув металл, сорвались, подледеневшие подошвы его унтов заскользили по металлическому полу. Борттехник успел схватиться левой рукой за ручку двери, поймал полусогнутой правой рукой обрез дверного проёма, и упёрся обеими руками, сопротивляясь выволакивающей его силе.

Его лицо уже высунулось в небо, щеки его трепал тугой воздух. Он увидел далеко внизу белую небритую землю, над которой скользила «этажерка» из разноцветных куполов. Борттехник направил всю вспыхнувшую волю к жизни в непослушные мышцы, и начал отжиматься, толкая спиной давящий призрачный груз.

Но тут вертолёт вышел из виража.

Вся нечеловеческая мощь, сосредоточенная в дрожащих руках борттехника, оставшись без противовеса, швырнула его назад, спиной на скамейку…

Когда борттехник вернулся в кабину, сил ругаться не было. Он глотнул воды, закурил и сказал тихим голосом:

– Вы чуть меня не потеряли.

– И так хреново, а тебе всё шуточки, – сказал командир, борясь с автопилотом. – Потеряешь такого, как же.

Философия тряпки

Кроме экипажа вертолёта, в четырёхместной гостиничной комнате живёт пехотный полковник. Он все время ходит в туалетную комнату – стирает носки, трусы, майку, чистит китель, ботинки; перед сном развешивает свои многочисленные одежды на плечики, на спинки стула и кровати. Очень аккуратен, всегда причёсан и выбрит.

За окном идёт снег. Послеобеденный отдых экипажа. Борттехник Ф. лежит на кровати и читает «Братьев Карамазовых». Полковник сидит на кровати и смотрит на читающего борттехника. Потом оглядывается на стол. На столе лежит тряпка. Полковник обращается к борттехнику.

– Лейтенант, все хочу спросить. Насколько я понимаю, работа в воздухе требует особенной внутренней и внешней дисциплины. Так?

Лейтенант кивает, не отрываясь от книги.

– Тогда объясните мне, как вот этот постоянный бардак, вас окружающий, может сочетаться с такой ответственной работой? Как вы можете спокойно читать Достоевского, когда на столе с утра валяется тряпка?

Лейтенант отводит книгу от лица, смотрит на полковника.

– Все дело в том, товарищ полковник, – говорит он, – что тряпка – вещь совершенно несущественная, а посему определённого места не имеющая. Тряпка – она на то и тряпка, чтобы валяться – именно это наинизшее состояние характеризует её как последнюю ступень в иерархии вещей. Она всегда на своём месте, куда бы её ни бросили. Но нам-то с вами не всё равно, верно? Одно дело – тряпка на столе, и совсем другое – под капотами двигателей вертолёта. В этом случае она может стать фактором лётного происшествия, – однако, называться она будет уже не тряпкой, а предпосылкой. Улавливаете разницу? – он строго поднял указательный палец. – Здесь-то и зарыта философия боевой авиации.

– Однако! – сказал полковник, вставая, – Однако, у вас подозрительно неармейский склад ума, товарищ лейтенант. И это сильно навредит вашей дальнейшей карьере.

Он взял бритву и полустроевым шагом покинул комнату. Когда дверь за ним закрылась, командир с праваком, притворявшиеся до этого спящими, зашлись в поросячьем визге.

По душам

Вечер того же дня. Пьяный командир экипажа только что потерпел поражение в попытке соблазнения дежурной по гостинице. «Вы пьяны, капитан, а у меня муж есть», – вполне обоснованно отказала она. Расстроенный командир поднимается на второй этаж и входит в свою комнату.

На кровати лежит пьяный борттехник Ф. и одним глазом читает «Релятивистскую теорию гравитации». Командир присаживается на краешек его кровати, смотрит на обложку, морщит лоб, шевелит губами, потом спрашивает:

– Что за херню ты читаешь?

– Очень полезная книга для всех лётчиков – про тяготение.

Командир долго и напряжённо думает, потом резким движением пытается выхватить книгу из рук борттехника. Некоторое время они тянут книгу в разные стороны. Наконец командир сдаётся. Он горбится, опускает голову, обхватывает её руками и говорит:

– Ну, как ещё с тобой по душам поговорить? Пойми, командир обязан проводить индивидуальную работу с подчинёнными…

– Ну что ты, командир, – говорит с досадой борттехник.

– Нет, ответь мне – почему ты, лейтенант, не уважаешь меня как командира, как старшего по званию, и, – командир всхлипывает, – не любишь просто как человека?

Растроганный борттехник откладывает книгу, садится рядом:

– Прости, командир… Вот как человека я тебя очень люблю…

Обнявшись, они молча плачут.

Входит трезвый правак с полотенцем через плечо, смотрит на них и говорит брезгливо:

– Опять нажрались, нелюди.

И снег лепит в тёмные окна.

Большая вилка борттехника

Во время командировки на борту №22 появилась так называемая «вилка» – обороты левого и правого двигателей различались на 4 процента (при максимально допускаемых инструкцией по эксплуатации двух процентах). Командир спросил у борттехника:

– Что будем делать? Имеем полное право вернуться на базу. И командировке конец.

– Зачем? Летать можно. Бывало, я и при шести процентах летал – соврал борттехник.

Правак, лейтенант С., злобно хмыкнул:

– Да ты и без двигателей летать можешь, а мы жить хотим. Понабрали студентов в армию, а они кадры губят.

Началась привычная перебранка двух лейтенантов – двухгодичника и кадрового.

– Если я – студент, то ты – курсант.

– Да, я горжусь, что был курсантом. Пока ты в институте штаны просиживал, я в казарме портянки нюхал!

– Пока ты портянки нюхал, я учился. И теперь я – дипломированный инженер!

– А я лётчик!

– Какой ты, к черту, лётчик?! Пока ты – правак, единственная деревянная деталь на вертолёте.

– Командир, он лётчиков ни во что не ставит! Вставь ему дыню!

– Ну, все! – сказал командир. – Заткнулись оба. Я решил – командировка продолжается. Хрен с ней, с «вилкой». Тем более что сегодня вечером мы приглашены в гости.

– Куда? – хором спросили лейтенанты.

– На голубцы к одной милой официантке из лётной столовой. Ваш командир обо всем договорился.

Вечером экипаж отправился в гости. Обычный барак с общим коридором, в который выходят дверцы печек из маленьких квартир. Голубцов не было. Ели и пили то, что принесли с собой жаждущие общения офицеры. Официантка позвала подругу, медсестру из аэродромного медпункта.

Дело близилось к ночи. Командир всё чаще уединялся с официанткой в соседней комнате. Медсестра выразила надежду, что мальчики её проводят. Уже хорошо поддавшие мальчики выпили на посошок, и, пока медсестра одевалась, вышли в коридор. Курили у печки.

– Какая же я гадюка! – сказал правак, сидя на корточках и мутно глядя в огонь. – Гадина я! Дома меня ждёт молодая жена, моя птичка, а я, пёс шелудивый, собираюсь изменить ей в этом грязном вертепе.

– Да, нехорошо, – покачиваясь, и стряхивая пепел на плечо праваку, сказал борттехник. – Наверное, тебе прямо сейчас нужно свалить в гостиницу. А я тебя прикрою, скажу, что тебе стало не по себе. Ведь тебе и вправду не по себе – и физически и морально.

– Нет, я не могу, – сказал лейтенант С., икая. – Я не могу обидеть эту милую, одинокую женщину, она так надеется на мою помощь.

«Вот сволочь», – подумал борттехник, и от предстоящей борьбы за обладание ему сразу захотелось спать. Он даже зевнул.

Вышла медсестра в дублёнке, улыбнулась:

– Ваш командир вернётся к исполнению воинского долга чуть позже. Вперёд, товарищи офицеры!

Миновав тёмный коридор, они вышли в морозную лунную ночь. Женщина остановилась и сказала, обращаясь к лейтенанту С.

– Милый Шура! Вам, как молодожёну, направо – ваша гостиница там. А меня проводит холостой лейтенант Ф. Только проводит, и сразу вернётся в гостиницу. До встречи, Шура! – И она поцеловала оторопевшего лейтенанта С. в щеку.

– Ах, вот как? Ну, л-ладно, – злобно сказал лейтенант С., развернулся и ринулся по сугробам к темнеющим сараям. Увяз, остановился, повернул назад. Выбравшись, он долго отряхивал брюки от снега, потом выпрямился и сказал:

– Я ухожу! Но учтите, он – ненадёжный человек! Если хотите знать, у него вилка, – тут лейтенант С. показал руками достаточно крупную рыбину, – целых десять процентов!

И, крутнувшись через левое плечо, он побежал по тропинке вдоль жёлтых окон барака.

– Я ничего не поняла, но этот размер меня заинтриговал, – засмеялась женщина и взяла лейтенанта Ф. под руку.

Пять минут

К старому штабу делали пристройку. Руководил строительством лётчик майор П. Он сам летал за стройматериалами по всей Амурской области. Однажды лётчик-строитель запряг 22-й борт и повёл его в посёлок N*, что лежал у самой китайской границы. Там майору должны были подвезти груду фанерных обрезков.

Сели на пыльном стадионе, разогнав гонявшую мяч ребятню. Выключились. Майор послал правака и борттехника по адресу, где их ждали стройматериалы. Они вернулись на машине, груженной обрезками фанеры. Когда борттехник выскочил из кабины, он увидел следующую картину.

Вертолёт как изнутри, так и снаружи кишел мальчишками. Майор П. лежал в салоне на лавке, натянув на нос фуражку, и его охранная деятельность заключалась в том, что он придерживал рукой закрытую дверь кабины, не подозревая, что борттехник оставил открытым верхний люк, и кабина была полна мальчишек. «Бонифаций херов», –

подумал борттехник. Он разогнал мальчишек и, осмотрев вертолёт, увидел, что из гнёзд на левой створке исчезли обе ракетницы с шестью сигнальными ракетами. Их крепёжные винты (по одному на обойму) можно было вывинтить монетой. И вывинтили.

Узнав от злого борттехника о пропаже, майор П. сказал: «Ай-яй-яй!», и развёл руками. Уже взбешённый борттехник (ответственность огребёт он один!) поймал за шиворот первого попавшегося пацана и прошипел:

– Если через пять минут ракетницы не вернутся на место, ты полетишь со мной в военную тюрьму.

– Все скажу, все покажу, – залепетал испуганный парнишка. – Я знаю – кто, нужно ехать в школу.

Услужливые пацаны подкатили невесть откуда взявшийся раздолбанный мотоцикл «Восход». Оттолкнув всех, борттехник прыгнул на тарахтящий мотоцикл, показал заложнику на заднее сиденье, и отпустил сцепление.

С грохотом они пронеслись по посёлку, въехали во двор школы. Шёл третий день сентября. Борттехник открыл дверь в указанный класс, вошёл, и, не здороваясь с ошарашенной учительницей, сказал:

– Дети! Вы все знаете, что враг рядом, – он показал рукой в окно, – за рекой. Именно поэтому любая деталь боевого вертолёта сконструирована таким образом, что при её попадании в руки врага включается механизм самоуничтожения. Через двадцать минут после её снятия происходит взрыв, уничтожающий все живое в радиусе ста метров.

Он демонстративно посмотрел на часы:

– Осталось пять минут!

В гробовой тишине стукнула крышка парты, к борттехнику подбежал мальчишка и дрожащими руками протянул две обоймы с ракетами.

– Скорее, – умоляюще сказал он, – разминируйте их!

– Не бойся, пионер! – сказал, принимая обоймы, повеселевший борттехник. – Разве ж ты враг?

И, погладив мальчика по голове, вышел.

Часть вторая. Демократическая республика Афганистан

Усталый борттехник

12 февраля 1987 года. Пара прилетела из Турагундей, привезла почту. Борттехник Ф. заправил вертолёт и собирался идти на обед. Уже закрывая дверь, он увидел несущегося от дежурного домика инженера эскадрильи. Он махал борттехнику рукой и что-то кричал. Борттехник, матерясь, пошёл навстречу инженеру.

– Командира эскадрильи сняли! – подбегая, прохрипел запыхавшийся инженер.

– За что? – удивился борттехник, перебирая в уме возможные причины такого события.

– Ты дурака-то выключи, – возмутился инженер. – «За что»! За хер собачий! Сбили его! В районе Диларама колонна в засаду попала. Командир, пока ты почту возил, полетел на помощь. Отработал по духам, стал заходить на посадку, раненых забрать, тут ему днище и пропороли. Перебили топливный кран, тягу рулевого винта. Брякнулся возле духов. Ведомый подсел, чтобы их забрать, тут из-за горушки духи полезли, правак через блистер отстреливался. А командир смог все-таки взлететь, и на одном расходном баке дотянул до фарахрудской точки. Теперь, оседлав ведомый борт, он крутится на пяти тысячах, чтобы координировать действия! Не меньше, чем на «Знамя» замахнулся, а то и на «Героя», если ещё раз собьют (тьфу-тьфу-тьфу)! Только что попросил пару прислать, огнём помочь и раненых забрать. Ты борт заправил? – закончил инженер.

Через пять минут пара (у каждого – по шесть полных блоков нурсов) уже неслась на юго-восток, к Дилараму. Перепрыгнули один хребет, прошли, не снижаясь над Даулатабадом («Какого черта безномерные со спецназом там сидят, не помогут? Две минуты лету…» – зло сказал командир), миновали ещё хребет, вышли на развилку дорог с мостиками через разветвившийся Фарахруд. Между этими взорванными мостиками и была зажата колонна, которая сейчас отстреливалась от наседавших духов. Сразу увидели место боя по чёрному дыму горящих машин. Снизились до трёхсот, связались с колонной, выяснили обстановку – духи и наши сидят по разные стороны дороги.

– Пока я на боевой захожу, работай по правой стороне, чтобы морды не поднимали! – сказал командир.

Борттехник, преодолевая сопротивление пулемёта на вираже, открыл огонь по правой обочине дороги, где, размытые дымом и пылью, копошились враги. Трассы кривыми дугами уходили вниз, терялись в дымах, и стрелок не видел, попадают ли они по назначению.

– Воздух, по вам пуск! – сообщила колонна.

– Пуск подтверждаю! – упало сверху слово командира. – Маневрируйте!

– Правый, АСО![75] – сказал командир и ввинтил машину в небо, заворачивая на солнце.

Обе машины, из которых, как из простреленных бочек, лились огненные струи тепловых ловушек, ушли на солнце с набором, развернулись, и, сваливаясь в пике, по очереди отработали по духовским позициям залпами по два блока. Справа от дороги все покрылось черными тюльпанами взрывов. Борттехник палил в клубы дыма, пока не кончилась лента.

– …Твою мать! – вдруг сказал командир, ёрзая коленями. – Педали заело! Подстрелили все-таки. И что за гиблое место попалось!

Борттехник, возившийся над ствольной коробкой с новой лентой, скосил глаза и увидел, что мешок для гильз под тяжестью последних двухсот сполз с выходного раструба, и крайние штук пятьдесят при стрельбе летели прямо в кабину. Большинство их завалилось за парашюты, уложенные в носовом остеклении под ногами борттехника, но несколько штук попало под ноги командира – и одна гильза сейчас застряла под правой педалью, заклинив её.

– Погоди, командир, – сказал борттехник и, согнувшись, потянулся рукой к торчащей из-под педали гильзе. Попытался вытянуть пальцами, но её зажало намертво.

– Да убери ты ногу, – борттехник ткнул кулаком в командирскую голень. Командир вынул ботинок из стремени, борттехник выдернул гильзу, смел с пола ещё несколько и выпрямился. – Все, педалируй!

– Ну, слава богу! – вздохнул командир. – Пошла, родимая!

Снизились, зашли на левую сторону, сели за горушкой. За холмом гремело и ахало. Загрузили убитых и раненых. Борттехник таскал, укладывал. Когда погрузка была закончена, солдат, помогавший борттехнику таскать тела, сел на скамейку и вцепился в неё грязными окровавленными пальцами.

– Ты ранен, брат? – спросил борттехник, заглядывая в лицо солдата. Но солдат молчал, бессмысленно глядя перед собой. Заскочил потный старлей, потряс солдата за плечо, сказал:

– Что с тобой, Серёжа?

И коротко ударил солдата кулаком по лицу.

– Беги к нашим, – сказал он.

Солдат, словно проснувшись, вскочил и выбежал.

– Спасибо вам! – сказал старлей, пожимая руку борттехнику.

Высунулся из кабины командир:

– Держитесь, мужики, «свистки» сейчас здесь будут, перепашут все к едрёне фене. Уходите от дороги, чтобы вам не досталось. Мы скоро вернёмся…

Взлетели и, прикрываясь горушкой, ушли на север. Перепрыгнули хребет, сели на точке под Даулатабадом, забрали ещё двоих раненых, которых привезла первая пара, ушли домой.

Сверху навстречу промчались «свистки», крикнули: «Привет «вертикальным»! «Летите, голуби», – ответил приветливо командир. Через несколько минут в эфире уже слышалось растянутое перегрузками рычание:

– Сбр-р-ро-ос!.. – и успокаивающее: – Вы-ы-во-од!

И голос командира эскадрильи сверху:

– Вроде, хорошо положили…

И голос колонны:

– Лучше не бывает. Нас тоже чуть не стёрли…

Долетели, подсели к госпиталю, разгрузились, перелетели на стоянку.

Борттехник Ф. вышел из вертолёта и увидел, что уже вечереет. Стоянка и машины были красными от закатного солнца. Длинные-длинные тени…

Его встречал лейтенант М. с автоматом и защитным шлемом в руках. На вопрос борттехника Ф., что он здесь делает в такое позднее время, борттехник М. ответил, что инженер приказал ему сменить борттехника Ф. Сейчас обратно полетит другой экипаж.

– Да ладно, – сказал борттехник Ф. – Я в хорошей форме. Я бодр, как никогда…

Он чувствовал непонятное возбуждение – ему хотелось назад. Он нервно расхаживал по стоянке, курил и рассказывал лейтенанту М.

подробности полёта.

– Надо бы в этот раз ниже пройтись, если там кто остался. Далековато для пулемёта было, ни черта не понятно. Как метлой метёшь – так и своих недолго зацепить!– размышлял вслух борттехник Ф.

Тут прибежал инженер, сказал:

– Дырок нет? Хорошо. Все, другая пара пойдёт. Заправляйте борт по полной, чехлите, идите на ужин.

И убежал.

Отлегло. Залили по полной – с двумя дополнительными баками. Но не успел борттехник Ф. вынуть пистолет из горловины, как к вертолёту подошли командир звена майор Б. и его правак лейтенант Ш.

– Сколько заправил?

– Полный, как инженер приказал. Он сказал – другие борта пойдут…

– Да нет других бортов!– сказал Б. – Темнеет, надо высоту набирать, как теперь с такой заправкой? Да ещё раненых грузить. Ну, ладно, машина у тебя мощная, авось вытянем. Давай к запуску!

Тут борттехник Ф., который успел расслабиться после визита инженера, вдруг почувствовал, что ноги его стали ватными. Слабость стремительно расползалась по всему телу. В голове борттехника Ф. быстро прокрутился только что завершившийся полет, и борттехник понял, что второй раз будет явно лишним.

– Знаешь, Феликс, – сказал он, – оказывается, я действительно устал. Давай теперь ты, раз уж приготовился.

– Чтоб твою медь! – сказал (тоже успевший расслабиться) лейтенант М., и пошёл на запуск.

Солнце уже скрылось, быстро темнело. Пара улетела, предварительно набрав безопасные 3500 над аэродромом. Борттехник Ф. сходил на ужин, пришёл в модуль, выпил предложенные полстакана водки, сделал товарищам короткий отчёт о проделанной работе и упал в кровать со словами: «Разбудите, когда прилетят».

Ночью его разбудили. Он спросил: «Всё в порядке?», и, получив утвердительный ответ, снова уронил голову на подушку.

Утром вся комната ушла на построение, и только борттехники Ф. и М. продолжали спать. Через пять минут в комнату ворвался инженер:

– Чего дремлем, воины? Живо на построение!

– Я ночью летал, – пробормотал лейтенант М.

– Ладно, лежи, а ты давай поднимайся.

– Почему это? – возмутился лейтенант Ф. – Мы оба вчера бороздили!

– Не надо мне сказки рассказывать! – сказал инженер. – Ты на закате прилетел, в световой день уложился.

– Да я потом всю ночь не спал, товарищ майор! – вскричал борттехник Ф. – Я за товарища переживал!

Товарищ пулемёт

1.

Раннее, очень раннее утро. Опять ПСО. Пара пришла к месту работы, когда солнце только показалось над верхушками восточных гор. Борттехнику Ф. после подъёма в полчетвёртого и после плотного завтрака страшно хочется спать. Он сидит за пулемётом и клюёт носом. Особенно тяжело, когда пара идёт прямо на солнце. Лётчики опускают светофильтры, а беззащитный борттехник остаётся один на один со светилом. Жарко. Он закрывает глаза и видит свой комбинезон, который он стирает в термосе. Горячий пар выедает глаза…

Проснувшись от звука собственного пулемёта, борттехник успевает отдёрнуть руки. Он понимает, что, мгновенно уснув, попытался подпереть голову рукой и локтём надавил на гашетку. Впереди, чуть слева идёт ведущий. Борттехник испуганно вглядывается, нет ли признаков попадания. Вроде все спокойно.

– Ты чего пугаешь? – говорит командир, который не понял, что борттехник уснул. – Увидел кого?

– Да нет, просто пулемёт проверяю, – отвечает борттехник.

– Смотри, ведущего не завали…

– Всё под контролем, командир!

2.

Пара идёт над речкой, следуя за изгибами русла. Вплотную к речке, по её правому берегу – дорога. Борттехник Ф. сидит за пулемётом и смотрит на воду, летящую под ногами. Вдруг его озаряет мысль. Он нагибается и поднимает с парашютов (уложенных на

нижнее остекление для защиты от пуль) фотоаппарат ФЭД. Склонный к естественным опытам борттехник желает запечатлеть пулемётную очередь на воде.

Правой рукой он поднимает фотоаппарат к глазам, левой держит левую ручку пулемёта – большой палец на гашетке. Задуманный трюк очень сложен – один глаз смотрит в видоискатель, другой контролирует ствол пулемёта, левая рука должна провести стволом так, чтобы очередь пропорола воду на достаточно длинное расстояние от носа машины, а правая рука должна вовремя нажать на спуск фотоаппарата, чтобы зафиксировать ряд фонтанчиков.

Борттехник долго координирует фотоаппарат и пулемёт, пытаясь приспособиться к вибрации, ловит момент, потом нажимает на гашетку пулемёта, ведёт стволом снизу вверх и вправо (помня о ведущем слева) – и нажимает на спуск фотоаппарата.

Прекратив стрельбу и опустив фотоаппарат, он видит, – справа, на дороге, куда почему-то смотрит ствол его пулемёта, мечется стадо овец, и среди них стоит на коленях пастух с поднятыми руками.

«Блин! – думает борттехник. – Сейчас получу!».

– Молодец, правильно понимаешь! – говорит командир. – Хорошо пуганул духа! Их надо пугать, а то зарядят в хвост из гранатомёта…

3.

Степь Ялан возле Герата. Пара «восьмёрок» возвращается с задания – завалили нурсами несколько входов в кяриз – подземную речку, которая идёт к гератскому аэродрому. Машины медленно ползут вдоль кяриза, ища, куда бы ещё запустить оставшиеся нурсы. Вдруг дорогу ведущему пересекает лиса – и не рыжая, а палевая с черным.

– О! Смотри, смотри, – кричит командир, майор Г., тыча пальцем. – Чернобурка! Мочи её, что рот раззявил! Вот шкура будет!

Борттехник открывает огонь из пулемёта. Вертолёт сидит на хвосте у мечущейся лисы, вьётся змеёй. Борттехнику жалко лису. К тому же он понимает, что пули калибра 7,62 при попадании превратят лисью шкуру в лохмотья. Поэтому он аккуратно вбивает короткие очереди то ближе, то дальше юркой красавицы.

– Да что ты, ё-моё, попасть не можешь! – рычит командир, качая ручку. – Правый, помоги ему!

Правак отодвигает блистер, высовывается, начинает палить из автомата. Но лиса вдруг исчезает, – она просто растворяется среди

камней.

– Эх ты, мазила! – говорит майор Г. – Я тебе её на блюдечке поднёс, ножом можно было заколоть. А ты…

– Жалко стало, – сознается борттехник.

– Да брось ты! Просто скажи, – стрелок хреновый.

Борттехник обиженно молчит. Он достаёт сигарету, закуривает. Вертолёт набирает скорость. Облокотившись локтём левой руки на левое колено, борттехник курит, правой рукой играя снятым с упора пулемётом. Впереди наискосок по дуге мелькает воробей. «Н-на!» – раздражённо говорит борттехник и коротко нажимает на гашетку. Двукратный стук пулемёта – и…

…Брызги крови с пушинками облепляют лобовое стекло!!!

Ошеломлённый этим нечаянным попаданием, борттехник курит, не меняя позы. «Бог есть!», – думает он. Лётчики потрясённо молчат. После долгой паузы майор Г. говорит:

– Вас понял, приношу свои извинения!

Причёска для дурака

Пара летит в Лошкарёвку. На ведущем борту № 10 – командир дивизии. Он торопится и периодически нервно просит:

– Прибавьте, прибавьте.

Пара идёт на пределе, на максимальной скорости. Чтобы сэкономить время, ушли от дороги и срезают путь напрямую. Вокруг – пустыня Хаш. Ни одного ориентира. Да они и не нужны экипажу – командир идёт по прямой, строго выдерживая курс. Правак отрешённо смотрит вперёд, борттехник поигрывает пулемётом.

Комдив, сидящий за спиной борттехника, толкает его в плечо, и, когда тот поворачивается, спрашивает:

– Долго ещё?

Борттехник кивает на правака:

– Спросите у штурмана, товарищ генерал.

Генерал толкает правака в плечо:

– Мы где?

Застигнутый врасплох, правак хватает карту, долго вертит её на коленях, смотрит в окно – там единообразная пустыня. Он смотрит в

карту, снова в окно, снова в карту, водит по ней пальцем, вопросительно смотрит на командира.

Рассвирепевший комдив протягивает руку к голове правака и срывает с неё шлемофон.

– Я так и знал! – говорит он, глядя на растрёпанные волосы штурмана. – Да разве можно с такой причёской выполнить боевое задание?

Геройская служба

Следующий день. Действующие лица – те же, маршрут – противоположный. Привезли комдива в Герат. Сели в аэропорту Герата на площадку за полосой. Подъехали уазик и БТР. «Буду через час», – сказал комдив и уехал. БТР остался для охраны вертолётов.

– Слушай, командир, – сказал правак. – У меня здесь на хлебозаводе знакомые образовались. Могу сейчас сгонять на бэтэре, дрожжей для браги достать, а то и самой браги. Даёшь добро?

Командир посмотрел на часы:

– В полчаса уложишься?

– Да в десять минут. Туда и обратно шеметом!

Правак запрыгнул на броню, и БТР укатил.

Прошло полчаса. Сорок минут, сорок пять. Командир взволнованно ходит возле вертолёта, вглядываясь в сторону, куда убыл правак.

– Убью, если живым вернётся, – бормочет он.

Прошёл час. Комдив, к счастью, запаздывал. Подкатил БТР, бойцы сняли с брони безжизненное тело правого лётчика и занесли его на борт. Судя по густому выхлопу, правака накачали брагой.

– Может мне застрелиться, пока комдив не приехал? – спросил командир. – Или этого козла пристрелить и списать на боевые потери…Мы это животное даже в правую чашку не сможем посадить.

Командир с борттехником положили тело на скамейку в грузовой кабине и примотали лопастным чехлом, чтобы тело не вышло на улицу во время полёта. На секунду очнувшись, правак посмотрел на командира и сказал:

– О, кэп! Пришлось попробовать, чтобы не отравили… Если бы ты знал, какая это гадость! Как мне плохо!

Подъехала машина с комдивом. Командир подбежал, доложил:

– Товарищ генерал, вертолёты к полёту готовы! Но вам лучше перейти на ведомый борт.

– Это ещё почему?

– Правый лётчик, кажется, получил тепловой удар, и плохо себя чувствует.

– Это тот, который нестриженый? Вот поэтому и получил! – сказал довольный комдив. – Ну, где этот больной битл, хочу на него посмотреть.

И комдив, отодвинув командира, идёт к борту № 10. Командир бежит сзади и из-за спины комдива корчит борттехнику страшные рожи. Борттехник, метнувшись к бесчувственному праваку, закрывает его своим телом, и склоняется над ним, имитируя первую помощь.

– Ну что тут у вас? – говорит генерал, поднимаясь по стремянке.

В этот момент правака выворачивает. Борттехник успевает отпрыгнуть, и на полу расплескивается красная жижа. Он поворачивается к комдиву (который уже открывает рот в гневном удивлении) и кричит:

– Все назад, у него – краснуха!

Резко пахнет брагой. Но генерал не успевает почувствовать запах – он спрыгивает со стремянки и быстро идет ко второму борту с криком:

– Запускайтесь, вашему товарищу плохо!

В Шинданд борттехник летел на месте правого лётчика. Сам правый лётчик, обмотанный лопастным чехлом, жёлтой мумией лежал в салоне на скамейке.

На подлёте услышали, как ведомый запрашивает:

– «Пыль», я – 945-й, прошу приготовить машину с доктором, везём больного.

– Вот заботливый генерал попался, – досадливо сказал командир и вмешался: – «Пыль», пусть машина ждёт на третьей рулёжке, я там больного передам.

Сели, «десятка» остановилась у ждущей машины, командир махнул рукой ведомому: рули на стоянку. Борттехник Ф. выскочил, подбежал к доктору, и объяснил ему, в чем дело.

– Подбросьте его до модуля, доктор, иначе комдив всем вставит!

– Понял, – улыбнулся доктор, и подозвал двух солдат. – Грузите больного.

Когда вертолёт зарулил на свою стоянку, там его ждал сердобольный комдив. Он встретил командира словами:

– Ну, как, увезли вашего товарища в госпиталь?

– Так точно, товарищ генерал!

– Ну и, слава богу. Пусть выздоравливает. Хорошие вы все-таки ребята, вертолётчики, и служба у вас тяжёлая. Геройская у вас служба!

День дурака

Первое апреля 1987 года. Пара Ми-8 в сопровождении пары Ми-24 идёт к иранской границе, в район соляных озёр. Летят в дружественную банду, везут материальное свидетельство дружбы – большой телевизор «Сони». У вождя уже есть дизельный генератор, видеомагнитофон, набор видеокассет с индийскими фильмами – телевизор должен увенчать собой эту пирамиду благополучия. В обмен вождь обязался информировать о планах недружественных банд.

Просквозили Герат, свернули перед хребтом на запад. «Двадцатьчетвёрки», у которых, как обычно, не хватало топлива для больших перелётов, пожелали доброго пути и пошли назад, на гератский аэродром, пообещав встретить на обратном пути. «Восьмые», снизившись до трёх метров, летели над дорогой, обгоняя одинокие танки и бэтээры, забавлялись тем, что пугали своих сухопутных коллег. Торчащие из люков или сидящие на броне слышали только грохот своих движков, – и вдруг над самой головой, дохнув керосиновым ветром, закрывая на миг солнце, мелькает голубое в коричневых потёках масла краснозвёздное днище,– и винтокрылая машина, оглушив рёвом, уносится дальше, доброжелательно качнув фермами с ракетными блоками.

Ушли от дороги, долго летели пыльной степью, наконец, добрались. Пару встречала толпа суровых чернобородых мужиков с автоматами и винтовками на плечах. Ожидая, пока борттехник затормозит лопасти, командир пошутил:

– А зачем им этот «Сони», если они могут забрать два вертолёта и шесть лётчиков? Денег до конца жизни хватит.

Взяв автоматы, вышли. Вдали в стороне иранской границы блестела и дрожала белая полоска – озера или просто мираж. Командир помахал стоящим в отдалении представителям бандформирования, показал на борт, очертил руками квадрат. Подошли три афганца, вынесли коробку с телевизором. Выдвинулся вперёд вождь – хмурый толстый великан в чёрной накидке – жестом пригласил следовать за ним. Лётчики двинулись в плотном окружении мужиков с автоматами. Борттехник Ф. докурил сигарету, хотел бросить окурок, но подумал – можно ли оскорблять землю в присутствии народа, её населяющего – реакция может быть непредсказуемой. Выпотрошив пальцами остатки табака, он сунул фильтр в карман.

В глиняном домике со сферическим потолком было прохладно. Вдоль стен лежали подушки, на которые лётчикам предложили садиться. В центре поставили телевизор. Гости и хозяева расселись вокруг. Над борттехником Ф. было окошко – он даже прикинул, что через него можно стукнуть его по голове. Справа сидел жилистый дух, и борттехник незаметно намотал на ступню ремень автомата, лежащего на коленях – на тот случай, если сосед пожелает схватить автомат. Левый нагрудный карман-кобуру оттягивал пистолет, правый – граната – перед тем, как выйти из вертолётов, экипажи, понимая, что шансов против такой толпы нет, прихватили каждый по лимонке. Гости здесь конечно – дело святое, но всякое бывает. Тем более – первого апреля…

Принесли чай – каждому по маленькому металлическому чайничку, стеклянные кружки – маленькие подобия пивных, белые и бежевые кубики рахат-лукума, засахаренные орешки в надщёлкнутой скорлупе, похожие на устриц. Вождь, скупо улыбаясь, показал рукой на угощение. Лётчики тянули время, поглядывая с мнимым интересом на потолок. Пить и есть первыми не хотелось – неизвестно, что там налито и подсыпано. Приступили только после того, как вождь поднёс кружку к бороде.

Гостевали недолго и напряжённо. Попив чая, встали, неловко прижав руки к груди, поклонились, жестом дали понять, что провожать не нужно, пожали руки всем по очереди, обулись у порога, и нарочито неспешно пошли к вертолётам. Беззащитность спин была как никогда ощутима. От чая или от страха, все шестеро были мокрые. Несколько

мужиков с автоматами медленно шли за ними. Их взгляды давили на лопатки уходящих.

Дошли до вертолётов, искоса осмотрели, незаметно заглянули под днища в поисках подвешенных гранат, на тот же предмет осмотрели амортстойки шасси – удобное место для растяжки гранаты – вертолёт взлетает, стойка раздвигается, кольцо выдёргивает чеку…

Запустились, помахали из кабин вождю, который все же вышел проводить. Он поднял руку, прикрывая глаза от песчаного ветра винтов. Взлетели, развернулись, ещё ожидая выстрела, и пошли, пошли, – все дальше, все спокойнее, скрываясь за пылевой завесой…

Ушли.

– Хорошо-о! – вздохнул командир, майор Г. – Ещё одно такое чаепитие, и я поседею.

Через полчаса выбрались к дороге, подскочили, запросили «двадцатьчетвёрок» – идём, встречайте.

– Тоже мне, сопровождающие, – сказал командир. – Нахрена они мне тут-то нужны – должны были рядом крутиться, пока мы этот страшный чай пили.

Ми-24 встретили их уже на подлёте к Герату. Пристроились спереди и сзади, спросили, не подарил ли вождь барашка.

– А как же, каждому – по барашку, – сказал командир. – Просил кости вам отдать…

И командир загоготал, закинув голову. В это время из чахлых кустарников, вспугнутая головной «двадцатьчетвёркой», поднялась небольшая стая крупных – величиной с утку – птиц. Стая заметалась и кинулась наперерез идущей следом «восьмёрке». Борттехник Ф. увидел, как птицы серым салютом разошлись в разные стороны прямо перед носом летящий со скоростью 230 машины, – но один промельк ушёл прямо под остекление…

Командир ещё хохотал, когда вертолёт потряс глухой удар. В лицо борттехника снизу хлынул жаркий ветер с брызгами и пылью, в кабине взвихрился серый пух, словно вспороли подушку. Он посмотрел под ноги и увидел, что нижнего стекла нет, и два парашюта, упёршись лбами, едва удерживаются над близколетящей землёй.

– Ах ты, черт! – крикнул командир, выравнивая вильнувший вертолёт. – Ну что ты будешь делать, а?! Напоролись все-таки! И все из-за «мессеров»! Кто это был? Явно не воробей ведь?

Воробьи часто бились в лоб машины, оставляя на стёклах красные кляксы с перьями, – борттехник после полёта снимал с подвесных баков или двигателей присохшие воробьиные головы.

– Видимо, утка, – сказал борттехник, отплёвываясь от пуха, и полез доставать парашюты, которые, устав упираться, уже клонились в дыру.

– Слушай, Фрол, – искательно сказал майор Г. – Если инженер спросит, что, мол, случилось, придумай что-нибудь. Если узнают, что я утку хапнул, обвинят в потере лётного мастерства. Сочини там, ладно? – ты же врать мастер!

– Попробую, – неуверенно пообещал борттехник Ф., думая, что же здесь можно сочинить. Ничего не приходило в голову. Совсем ничего! Может, сказать, что духи в банде разбили? А как? Ну, типа, играли в футбол – 302-я эскадрилья против банды – матч дружбы – пнули самодельным тяжёлым мячом… Нет, не то – что это за мяч, об него ноги сломать можно…

Не долетая до гератской дороги, ведущая «двадцатьчетвёрка» начала резать угол через гератские развалины. Все повернули за ней. Мимо них неслись разбомблённые дувалы. В одном дворике борттехник Ф. увидел привязанного осла, и насторожился. Тут же промелькнули два духа, поднимающие автоматы, уже сзади послышался длинный треск.

– Стреляют, командир! Двое в развалинах справа, – сказал борттехник.

– Уходят под крышу! – сказал, глядя назад, правак.

– Куда смотрим, прикрытие? – сказал командир. – Нас только что обстреляли. Пошарьте в дувалах, минимум двое.

– Там осёл рядом, – подсказал борттехник.

– Там осёл рядом, – эхом повторил командир.

«Двадцатьчетверки» развернулись, ушли назад, покрутились, постреляли по развалинам из подвесных пушек, никого не увидели и пустились догонять пару.

Сели в аэропорту Герата, – осмотреть вертолёты на предмет дырок. Когда борттехник Ф. останавливал винт, покачивая ручкой тормоза, он увидел в правый блистер, как в двери ведомого появился борттехник Л. и, застряв на стремянке, вглядывается в их борт.

Борттехник Ф. закурил, вышел на улицу. К нему подбежал борттехник Л.:

– Ты ранен? – заглядывая в лицо.

– С чего ты взял?

– Ну, вас же обстреляли, вон у тебя стекло выбито – когда сели, я смотрю, мешок для гильз до земли висит, ну, думаю, как раз попали, где ты сидишь! А сейчас ты выходишь – все лицо в крови! Чья кровь-то?

Борттехник Ф. провёл рукой по лицу, размазал липкие капли птичьей крови, посмотрел на ладонь. Стоит ли признаваться? – подумал он. – Удачное стечение обстоятельств, скажу, что стекло разбило пулей! Тогда чья кровь?

– А хрен её знает, – ответил он вслух самому себе. – Но точно не наша. Наверное, духа, которого я успел замочить! – и он засмеялся.

– Да, ладно, кончай! – недоверчиво сказал борттехник Л. и полез смотреть дыру. Засунул в неё голову, пробубнил:

– А где входное – или выходное? Куда пуля ушла?

У вертолёта уже собрались все. Осматривали дыру, лезли в кабину, шарили по стенкам в поисках пули. Почему-то никто не обращал внимания на остатки пуха, который не весь выдуло в блистера. Экипаж майора Г. ходил вместе со всеми и загадочно молчал.

– Да где пуля-то? – наконец спросил командир ведомого у майора Г.

– А черт её знает! – пожал плечами командир. Он тоже понял, что на пулю можно свалить выбитое стекло. – Может, через мой блистер вылетела?

Добровольные баллистики снова осмотрели кабину и выяснили, что в таком случае пуля двигалась по сложной кривой, – обогнула каждую ногу командира и поднялась почти вертикально вверх в его блистер.

– Да хрен с вами! – не выдержал командир. – Шуток, что ли не понимаете? С уткой мы поцеловались, вот вам первое апреля! Но всех попрошу молчать! Вы лучше свои борта осмотрите, нет ли дырок. Сгрудились тут, пулю какую-то несчастную ищут…

– А про обстрел – не шутка?

– Какая, нафиг, шутка! Залепили с двух стволов, а наше доблестное прикрытие никого не нашло. А может, вы с ними договорились? – подозрительно прищурился на «двадцатьчетвёртых» командир.

– Товарищ майор! – вдруг закричал от своего вертолёта борттехник Л. – У нас дырка!

Подошли. На самозатягивающейся резине левого подвесного бака темнела маленькая рваная дырочка с расплывшимся вокруг темным пятном. Борттехник Л. показывал на неё пальцем:

– Вот, пожалуйста! И как теперь домой лететь? Насосы заработают, начнёт топливо хлестать. Эта резина ничего не держит…

– Да-а… – майор Г. вытер рукавом веснушчатую лысину. – Сейчас возись, заплатку ставь. А кто её будет ставить? Техбригаду что ли вызывать из-за такой малости?

Пока майор гундел, а лейтенант Л. гордо стоял возле него, уперев руки в бока, борттехник Ф. подошёл к левому подвесному. «Почему левый? – подумал он, рассматривая дырку. – Стреляли-то справа». Он сунул палец в разрыв на резине – он был сухой и застарело-шершавый. Провёл пальцем по металлу бака, прощупал его, описал пальцем круг под резиной. Дырка на металле отсутствовала! Дырка же на резине была явно давнишней, и керосиновое пятно, скорее всего, подпитывалось керосином, льющимся верхом при заправке вертолёта.

– Нет тут никакой дырки, – сказал борттехник Ф.

– Как это так? – удивились все.

– Вот так. Старый порыв резины, а бак цел. Смотрите сами.

Борттехник Л. подбежал, сунул палец, пощупал и покраснел.

– Что же ты, – сурово сказал командир. – Не можешь дырку от недырки отличить? Вводишь в заблуждение сразу четыре экипажа, нервы треплешь…

Летели домой. Неслись вдоль гератского шоссе, обсаженного соснами. Шли низко, ниже верхушек сосен, стелились над утоптанными огородами. Правак, угнетённый тем, что упустил двух духов, выставил в блистер автомат, обмотав руку ремнём, и следил за обстановкой, хотя здесь уже шла зона контроля 101-го полка.

– А знаете, – сказал борттехник. – Мы упустили хорошую возможность. Пуля могла разбить стекло скользом – они же стреляли нам почти вбок. Скользнула, разбила и ушла. И никакого отверстия!

– И что ты раньше думал! – вздохнул командир. – Теперь мы уже всем растрендели про утку…

Впереди показался одинокий глиняный хутор. Во дворе бегал мальчишка. Завидев летящие вертолёты, кинулся им навстречу. Встал на пути, прицелился из палки, начал «стрелять».

– Ах ты душонок! – погрозил правак автоматом.

Мальчишка бросил палку, поднял камень, замахнулся, изогнувшись, дождался, когда вертолёт подлетит вплотную и – швырнул!

Трое в кабине инстинктивно шарахнулись, командир рванул ручку, вертолёт поднял нос, камень гулко ударил в дно, как в консервную банку. Тут же коротко пальнул автомат правака.

– Ты что – в пацана? – крикнул командир. – Одурел?

– Да нет, да нет, – забормотал испуганный правак. – Я случайно, палец дёрнулся… Мы уже пролетели.

– Случайно! Потом отдувайся, – весь город поднимется!

– А если бы он нас сбил? – перешёл в наступление разозлившийся правак. – Закатал бы сейчас тебе в лобешник камнем со скоростью пушечного ядра, даже охнуть бы не успел – так и размазались бы по огородам! Вот смеху было бы – мальчик сбил боевой вертолёт камушком! После этого армия должна с позором покинуть страну. А ты бы навсегда вошёл в историю войн как самый неудачливый лётчик, сбитый камнем в день дурака!

– Закрой пасть! – сказал хмурый командир. – Смотри лучше за дорогой.

Прилетели в Шинданд, зарулили на стоянку. Увидев идущего инженера, лётчики удалились, предоставив объяснятся борттехнику. Инженер подошёл, посмотрел на дыру, спросил:

– Что случилось?

– Да мальчишка на окраине Герата камнем запустил. Относительная скорость-то – как из пушки…

– Ты мне лапшу не вешай! «Кожедубов» выгораживаешь? Наверняка на коз охотились, сели на песок, передняя стойка провалилась, вот и выдавили стекло!

– Да какие козы, где они? Лучше посмотрите внимательно, товарищ майор!

Инженер снял тёмные очки, засунул в дыру голову, потом руку, и вылез, держа серый булыжник величиной с яйцо, который борттехник успел подбросить перед его приходом.

– Смотри-ка ты, не наврал! – покачал головой инженер, разглядывая камень. – И, правда – оружие пролетариата! Ладно, скажу тэчистам, чтобы из жести вырезали заплату – нет сейчас стёкол.

Он повернулся, чтобы уйти, и борттехник увидел, что в волосах инженера застряла серая пушинка. Он протянул руку и ловко снял её двумя пальцами…

За «Стингером»

17 апреля 1987 года. Уже пять дней идёт операция по зачистке Герата – делают «уборку» к приезду генерального секретаря Наджибуллы. Эскадрилья стоит на грунте вдоль полосы гератского аэродрома. С востока её прикрывает рота охраны – палатки, бэтэры.

Жара. Металл раскаляется – дотрагиваться можно только в тонких кожаных перчатках. От вертолёта к вертолёту едет водовозка, борттехники обливают борта изнутри и снаружи, потом лежат в одних трусах на мокрых полах грузовых кабин, наслаждаясь влажной прохладой. Выруливающий вертолёт закручивает пыльные смерчи, они всасываются во все щели машин, пыль сразу липнет на мокрый металл, на мокрое тело. Вода под солнцем высыхает через пять минут, остаётся одна пыль и жара.

С утра борттехнику Ф. повезло – пару поставили на доставку в Герат боеприпасов. Прилетели в Шинданд, ждали погрузки до обеда. Пообедали в своей столовой, сходили в бассейн, искупались и только потом полетели назад, загруженные под потолок ящиками с нурсами и бомбами.

Уже на дальних подступах было видно, что над Гератской долиной, словно ил в стоячей воде, висит жёлтое облако – Герат бомбили. Над облаком с трескучим грохотом резали небо «свистки». Вертолётов возле полосы не было – все разлетелись по своим заданиям – высаживать десант, бомбить, работать по наводкам разведки. Прилетевшая пара разгрузилась, заправилась, борттехники уже собирались закрыть борта и идти к палатке командного пункта слушать радиообмен. Но к одинокой паре уже спешили лётчики –

замкомэска майор У. с праваком, и командир первого звена майор Б. с правым Колей Ш. (получил кличку «Рэмбо» за то, что всегда летал в спецназовском «лифчике», набитом гранатами с примотанными к ним гвоздями-сотками).

– Кони готовы? – подходя, спросил майор У. – Тогда – по коням!

Майор Б., поднимаясь на борт, сказал борттехнику Ф.:

– За «Стингером» идём. Замкомэска хочет «Героя». Вон и особист подъехал. Давай к запуску.

– Вот здорово, да?! – устраиваясь в кресле, сказал Рэмбо. – Настоящее дело идём делать! Повоюем!

– Хорошо, если мы за «Стингером», а не «Стингер» за нами, – скептически заметил борттехник.

– Не каркай, – сказал Рэмбо, доставая из портфеля сдвоенный длинный магазин.

Сразу, чтобы не жечь зря керосин, взяли курс на юго-запад. Шли на пределе, над крышами гератских кишлаков. Пылевая взвесь смазывала видимость, небо сливалось с жёлто-серой землёй, расчерченной кривыми квадратиками дувалов. Ведущий впереди был еле виден – временами он терялся на фоне земли. «Как камбала исчезает», – злился командир, вглядываясь в мутный горизонт. Борттехник Ф., сняв пулемёт с упора и слегка опустив ствол, держал палец на гашетке, пытаясь контролировать улетающую под ноги панораму. Чёрные квадратики дверей пестрили в глазах – бесконечное количество скворечников раскидано перед тобой, а игра заключается в том, чтобы угадать или успеть увидеть, откуда выглянет кукушка. Правак, выставив автомат в блистер, нёс такой же бесполезный караул по охране правого борта.

Вдруг справа, метрах в ста от вертолёта бесшумно выросла чёрная стена до неба. Борттехник увидел, как в ней медленно кувыркаются бесформенные глиняные обломки и расщепленные бревна – успел заметить летящее чахлое деревце с растопыренными, как куриная лапа, корнями. Через мгновение плотный вал воздуха ударил по вертолёту, – бабахнуло в ушах, пыльный ветер ворвался в правый блистер, карту с коленей правака швырнуло в ноги командиру, – машину как пушинку подбросило вверх, опрокидывая влево, – но командир среагировал – продолжил начатый вираж с набором, и снова вывел машину на курс.

– Неожиданно, однако, – сказал он. – «Свистки» бомбят, нас не видят. Сейчас как тараканов раздавят.

– «Скоростные», – запросил он, – кто работает на северо-западе от центра – подождите, под вами два «вертикальных»!

Ему ответил треск пустого эфира.

– На каком они канале?! – спросил командир правака. – Найди, скажи, чтобы тормознули.

Слева вырос ещё взрыв. Командир, не дожидаясь волны, ушёл вверх и вправо, но их все же тряхнуло. Правак крутил переключатель рации, запрашивал, но никто ему не отвечал.

– Они на выделенном, мы не знаем кода! – наконец сказал он.

– Ладно, – сказал командир, – сейчас речку пересечём, там уже не бомбят, там наши сейчас работают.

В эфире уже слышалась работа. Скороговорка сквозь треск:

– «Бригантина», я – «Сапсан»! Закрепился на бережке, сейчас пойду вперёд потихоньку…

– «Сапсан», что ты там делаешь?! Уходи оттуда! Сейчас вертушки подойдут, отработают по всему правому участку…

Шуршание, треск, щелчок:

– Ладно, сиди тихо, они чуть правее отработают…

Шуршание.

– «Воздух», я – «Сапсан»! Не ходи туда, там ДШК, там ДШК работает, как понял?..

Меланхолическое:

– А-э, понял тебя, «Сапсан»…Щас почистим, брат … А, вот, наблюдаю во дворике…р-работаю!

– Наше второе звено, – сказал командир. – Интересно, где это они работают? Сейчас как выпрыгнем в самое пекло…

Но Герат они миновали благополучно. Перевалили хребет, прошли между кишлаками Гульдан и Шербанд. Ведущий сказал:

– Присядем на нашем посту, афганского наводчика возьмём – покажет дорогу.

Зашли на бугристую, похожую на вспаханный огород, площадку, отделённую от поста рядами колючей проволоки. Когда садились, солдаты за проволокой прыгали, размахивали руками, стреляли в воздух из автоматов.

– Ишь, как радуются, – сказал командир. – Сразу видно – давненько своих не видели…

Когда колеса коснулись земли, командир, не сбрасывая газ, попросил борттехника:

– Спрыгни, потопчись, посмотри на рельеф, куда садится. Подозрительное поле…

Только борттехник собрался встать, в наушниках прозвучал голос ведущего, который уже сидел справа от поста, возле вкопанного танка:

– 851-й, вы на минном поле!

На слове «поле» вертолёт уже висел в двадцати метрах над землёй – командир так резко взял шаг, что машина прыгнула с места вертикально вверх, как весенняя фаланга.

– Так вот чего солдаты так суетились, – сказал Рэмбо. – Предупреждали, оказывается…

Летели дальше, к иранской границе.

– Уже два звонка сегодня, – мрачно сказал командир. – То бомбой свои сверху едва не прихлопнули, то снизу своими же минами чуть жопу не разорвало. Хорошо ещё, на «десятке» летим, она счастливой считается…

– Почему? – спросил Рэмбо.

– Потому что на её борттехника не действуют законы природы и армии. В эту машину даже в упор попасть не могут. Если кто её и завалит, так это сам её хозяин-раздолбай. Правда, Фрол? – и командир засмеялся.

Рэмбо сверился с картой – летели вдоль советской границы, километрах в пятидесяти. Столько же оставалось до Ирана. Вокруг было каменистое плато

– Направо не пойдём, там водка по талонам, – пошутил ведущий.

Шли прямо. Рэмбо, расстелив на коленях карту, отслеживал маршрут, ведя карандашом. Плато плавно снижалось. Борттехник, оглянувшись, увидел, что карандаш подползает к реке Герируд.

– Командир, приближаемся к речке, – сказал Рэмбо.

Командир молча держал ручку. Ведущий упорно ломился прямо. Вертолёты промахнули широкий пляж, две тени скользнули по мелкой воде, и выскочили на другой берег.

– Командир, пересекли речку! – угрожающе сказал Рэмбо и посмотрел на командира. Тот молчал.

– Мы – в И-ра-не! – выпучив глаза, сказал правак. – Справа – кишлак Хатай!

– Ты заткнёшься, наконец! – не выдержал командир. – Не наше дело. Видишь, идёт? Значит, так надо.

Ведущий вдруг вошёл в левый разворот и пробормотал:

– Блуданули малость.

– Во-от! – торжествующе сказал Рэмбо. – А если бы их погранцы не спали? Международный скандал!

Вернулись, перескочили реку, пошли над широким пляжем между водой и скалистым обрывом высотой с девятиэтажку.

– 851-й, наблюдаешь вон там, на вершине «ласточкино гнездо»? – спросил ведущий. – Вроде бы прилетели… Сейчас влево, поднимемся через ущелье…

Несколько секунд летели молча. Ведущий вдруг сказал:

– Близко стреляешь, 851-й! Прямо возле меня положил.

– Я не стрелял, – удивлённо сказал командир.

Все трое посмотрели вверх и вперёд. На вершине обрыва, углом сворачивающего в ущелье, сверкал огонь и пыхали белые шарики дыма.

– Стреляют, командир! – возбуждённо сказал Рэмбо, показывая пальцем.

– Да посадку обозначают, – сказал командир.

Тут же между ведущим и ведомым, чуть левее пары, вспух взрыв. Ведомый пронёсся сквозь дым, песком хлестнуло по стёклам. Ведущий уже заворачивал влево, по восходящей втягиваясь в ущелье.

– Я же говорил – работают по нам! – заорал Рэмбо, передёргивая затвор автомата.

– «Второй», осторожно, по нам работают! – доложил командир. Но ведущий молчал – он уже скрылся за углом.

– Странно, откуда работают? – сказал командир, вертя головой. – Наверное, погранцы иранские опомнились.

– Да вон оттуда! – хором закричали борттехник и правак, тыча пальцами в «ласточкино гнездо».

– Ну, что вы, в самом деле! Они посадку обозначают, мы же к ним прилетели, – сказал командир, влетая в ущелье.

Вертолёт поднимался по крутой дуге, огибая широкий угол обрыва. По нему вверх зигзагом вилась тропинка, на которой замерла

женщина с ведром воды – прижав его коленом к тропинке, она закрыла лицо локтём.

На вершине, одиноким ферзём стоял лысый бородатый мужик в чёрной накидке до пят. Он смотрел, как всплывает из ущелья советский вертолёт.

– Орёл! – сказал командир, когда кабина сравнялась с бородатым, и приветливо помахал ему рукой в открытый блистер. – Салям, дорогой!

Борттехник, повернув голову, и наклоняясь вперёд, зачем-то продолжал смотреть на бородатого. Он увидел, как на полированной лысине сверкнуло солнце, как мужик откинул накидку, как поднял к плечу зелёную трубу с тяжёлым коническим наконечником и навёл её прямо борттехнику в лоб…

Время растянулось липкой резиной…

Медленно, мелкими рывками вокруг наконечника образовалось кольцо дыма, загибаясь грибной шляпкой вокруг тубуса, борттехник отчётливо услышал шипение, – он с интересом смотрел, как медленно вытягивается в сторону вертолёта белая струя с зелёным наконечником, он видел, как наконечник – два килограмма смерти – медленно вращаясь, ввинчивается в воздух…

«Граната летит – медленно думал борттехник. – Нужно доложить командиру, но как это сформулировать? Работают или стреляют? А если это не граната? А что тогда? И почему мне так спокойно, почему все так спокойно? Даже как-то неудобно шум поднимать…».

Пока он раздумывал и смотрел, вертолёт едва переместился на метр. Потом борттехник прикинет расстояние – не больше двадцати метров до бородатого (он видел, как обшарпана ударная часть гранаты), и, учитывая скорость гранаты, вычислит, что от момента выстрела до его крика прошло не более четверти секунды.

– Пуляют, командир! – заорал борттехник, вытянув руку прямо перед носом лётчика.

И время понеслось бешеной кошкой. Командир повернул голову влево, бросил шаг, двинул ручку вперёд, вертолёт ухнул вниз. Граната прошла над хвостовой балкой, ударилась в противоположную стену ущелья, лопнувший воздух лоскутом хлестнул уходящий вниз вертолёт.

Командир перевёл машину в горизонтальный полет, потом в набор.

– «Второй», эти друзья опять по нам отработали, что за ёлки-моталки?

– 851-й, это не те оказались, идём в другое место, не задерживайся, топлива не хватит.

– Разворачивай, командир! – заорал Рэмбо. – Их наказать надо!

– Без вас знаю, – проворчал командир.

Машина выскочила из ущелья, зависла на мгновение, разворачиваясь на месте с глубоким креном, и устремилась прямо на «ласточкино гнездо». Рэмбо, высунувшись в блистер по пояс, палил из автомата. Борттехник открыл огонь из пулемёта непрерывной очередью – он увидел свои трассеры в тени дувала, две тёмные фигуры, бегущие по двору… Командир нажал на гашетку, и нурсы ушли вперёд, распушив стальные оперения. Их дымные хвосты закрыли видимость. Машина пошла вверх с правым разворотом, и, вытягивая шею, борттехник увидел, как «ласточкино гнездо» покрылось черно-красным месивом разрывов. Затрещало, забабахало, будто в костёр бросили горсть пистонов. Ещё он успел увидеть, что нурсы со второго блока прошли мимо и, перекинув через речку дымный полосатый мост, рвутся на иранском берегу…

– Конец котёнку, – удовлетворённо сказал командир, и, уже не оглядываясь, они пошли за ведущим.

– Да, – сказал командир. – Как дураков вокруг пальца обвели – этот наводчик-самоубийца заманил на край страны, чтобы тут нас грохнули. Я только не понял, почему они так и не попали? Ведь и сверху на пляж кидали, и в упор сейчас этот абрек саданул. Фрол, признавайся, у тебя машина заговорённая?

– Да нет, – сказал борттехник. – Это я… Перед армией мама заговор сделала от лихих людей. Я смеялся…

– Ну и дурак, что смеялся. В это я верю, – сказал командир. – Передай маме наше спасибо.

– «Второй», – сказал он, – вы там с этим наводчиком разберитесь. Он нас конкретно подставил. Сейчас опять на ножи заведёт.

– Да мы уже поняли, 851-й. С ним где надо разберутся. А мы сейчас присядем в одном месте, оружие прихватим – надо же что-то домой привезти.

…Садились в какую-то огромную воронку, спиралью уходящую в глубь метров на тридцать. Это было похоже на кимберлитовую трубку – может лазуритовая выработка, а может, вход в Аид. На каждом этаже толпились люди, приветственно поднимая автоматы. На дне приняли на борт кучу старых стволов – английских, испанских, китайских, – и американских гангстерских автоматов времён сухого закона. Медленно, по очереди поднялись из воронки, выволокли за собой хвост пыли и ушли. Борттехник так и не понял, кто были эти подземные жители – скорее всего, одна из дружественных прикормленных банд.

…Мчались, уже не разбирая дороги. Топливо кончалось. С ходу перепрыгнули двухтысячник, заскользили вниз по склону, разгоняясь до 250, оставляя позади шум собственных двигателей – только посвист лопастей не отставал. Пересекли дорогу, упёрлись в одинокий хребет. Огибать уже не было топлива, пошли в набор.

– Что-то я местность не узнаю, – вдруг сказал командир, озабоченно вглядываясь в пейзаж. – Мы, вообще, точно идём? Вот сейчас перепрыгнем, а там Герата и нет!

– Ну да! – сказал правак, пугаясь, и начал смотреть в карту.

Перепрыгнули, увидели дымный Герат. Влетели в гератские кишлаки. Прямо перед носом борттехника откуда-то вырулила красная «тойота», в кузове – три духа с пулемётом на треноге, – завиляла от неожиданности, духи присели, закрыв головы руками, борттехник нажал на гашетку, стегнув очередью по кузову и кабине – и дальше не задерживаясь, напрямик, к аэродрому.

Стрелка топливомера показывала 50 литров – невырабатываемый остаток. Сердца трепыхались – если двигатели сейчас встанут, никакая авторотация на такой скорости и высоте не поможет – вертолёт мгновенно врежется в землю. Правда, пока молчит РИТА[76] – но если скажет, то суши весла.

Вертолёт пронёсся над КДП гератского аэродрома, снизился над полосой, по которой уже катил ведущий, коснулся колёсами, порулил поперёк полосы, въехал на грунт – и двигатели захлебнулись, переходя на затухающий пылесосный вой…

Поздно вечером в Шинданде, после восьми часов налёта за день, борттехник долго плескался в бассейне.

Организм был перевозбуждён и перегрет.

Он опускался на кафельное дно и лежал там. Всплывал, переворачивался на спину, смотрел через маскировочную сетку на яркие звезды. Снова нырял, выныривал, выбирался из воды, и, лёжа на мокрых досках, курил, слушая, как в будке возится посаженный на цепь варан…

Бой с солнцем

Привезли комдива в Геришк. Сели за городом возле дороги. Комдив уехал.

Солнце ещё высоко, жара. Оставив вертолёты под охраной БТРа, лётчики идут к речке. Белая мягкая как цемент пыль, всплывая, облепляет штаны до колен. Берег обрывист, его серый камень изрезан причудливыми проходами. У самой реки каменные плиты дырявы, как старое гигантское дерево, в дырах плещется вода. Тишина, лёгкий шелест камыша на другом берегу. Думать о том, что кроме цапель там может быть ещё кто-то, не хочется. Тем не менее, автоматы, комбезы брошены у самой воды, один из отдыхающих с автоматом в руках дежурит возле. Лётчики долго, с наслаждением лежат в мелкой горячей речке, – у неё каменное, слегка шершавое дно, – потом полощут комбинезоны – они высыхают на раскалённых камнях за несколько минут. Ещё раз окунувшись, надевают горячие ломкие комбезы и бредут к вертолётам. Так отдыхающие идут с пляжа на обед в санаторную столовую.

Возле вертолётов их ждёт комдив с местным пехотным майором.

– Вот что, мужики, – сказал комдив. – Тут у вас помощи просят. Полста километров на север духи обстреляли колонну, засели на горе, огрызаются, а наши их достать не могут. Если до темноты их не снимем – уйдут. Подлетните, обработайте сверху.

Взяли на борт майора, запустились, полетели. Через несколько минут полёта показался торчащий посреди пустыни гигантский скальный выступ. Вышли на траверз, увидели – у подножия горят две машины, рядом, задрав стволы вверх, стоят один танк и два БТРа.

— Это называется послеполуденный стояк, – сказал командир. – Вот клоуны! Оставь ты бэтэры для перехвата, отгони танк подальше и долбани навесом…

– Духи на северном склоне! – прокричал майор. – Близко не подходите, шарахните вон по той террасе, они там, в пещерах, нужна прямая наводка! Эх, жалко, наши танки не летают!

Пара прошла мимо скалы, удалилась километра на два и вошла в боевой разворот с набором, чтобы с «горки» отработать по горе залпом нурсов. И тут случилась неприятность, о которой в спешке не подумали.

– Черт! – сказал командир. – А солнышко-то на стороне врагов!

Распластав свою корону на полнеба, солнце сияло над вершиной горы. Оно било прямой наводкой, заливая кабины идущих в атаку вертолётов жарким жёлтым туманом. Борттехник пожалел, что не надел ЗШ со светофильтром. Но думать и жалеть было поздно.

– «Воздух», быстрее, они вам в лоб работают! – сказала земля.

Борттехник прицелился чуть ниже солнца и надавил на гашетку. Он водил стволом в разных направлениях, чтобы очередь захватила как можно больший сектор скалы. Навстречу тянулись чужие трассы, но ужас был в том, что ни трасс, ни тех, кто эти трассы посылал, лётчики не видели – все заполняло огромное солнце. Борттехник давил на гашетку, пригнувшись к самому пулемёту, чтобы хоть как-то уменьшить свою невероятно огромную фигуру. Обидна была внезапность встречи с пулей, которая могла вынырнуть из солнечного тумана в любой миг, и ты даже не успеешь осознать, что произошло. Чмок – и тишина. И ты уже не здесь… Вот тебе и помылись, постирались…

Вертолёт вздрогнул, дым ворвался в кабину вместе с шипением – нурсы ушли в сторону солнца. Ведущий отвалил влево, давая ведомому отработать по слепящей цели. «Кажется, поторопился», – сказал командир.

– Воздух, я – Земля! Чуть выше положили! Ещё разок, ребята! Сбросьте этих уродов, а мы уж добьём!

– 945-й, расходимся! – сказал командир ведомому. – Я – влево, ты – вправо. Это солнце нас погубит. Подъем на четыреста, заход под сорок пять, работа по команде.

– Понял вас…

Вертолёты разошлись в разные стороны, одновременно развернулись и взяли гору в клещи. Забравшись повыше, наклонив носы, они устремились к горе, которая теперь была хорошо видна.

Борттехник прищурился, нашёл террасу, различил на ней суетящихся духов. Разделившись на две группы, они возились у двух приземистых треног с пулемётами. «Как они их туда заволокли?» – удивился борттехник. Через секунду понял по торчащим вверх стволам – вьючные зенитные горные установки. С ведомого борта к горе уже потянулись пулемётные трассы. Борттехник Ф. чуть приподнял ствол, нажал на спуск, увидел, как слегка искривлённая огненная дуга соединила ствол его пулемёта и край террасы. Приподнял ещё, повёл стволом, и очередь полетела по террасе влево, выписывая кренделя и разбрызгивая пыль и камень. Трассеры свивались в пропасть гаснущим серпантином. Духи залегли.

– А-атлично! – сказал командир. И, обращаясь к ведомому: – 945-й, полной серией работаем. Приготовился… Огонь!

Оба вертолёта сработали почти одновременно. Связки дымных струй с двух сторон воткнулись в скалу – и две цепочки черных лохматых бутонов косым крестом перечеркнули террасу.

Ветер тут же сдёрнул дымы, и стало видно: террасы больше нет – её сравняло со склоном. Большие обломки и мелкие камни ещё летели вниз, – ударяясь о выступы и подскакивая, они падали прямо возле танка и БТРов.

На восток уносило бледнеющую гряду сизых тучек.

Вертолёты вошли в правый разворот, ведомый догнал ведущего, пара построилась и пошла по кругу.

– Ну, спасибо, мужики! – сказала земля. – Это класс! Это высший класс! Спасибо вам!

Командир осведомился, нет ли внизу раненых, убитых, не нужно ли кого забрать. Но все были целы, и пара, качнув на прощанье фермами с почти пустыми блоками (оставили немного нурсов на обратную дорогу), пошла на Геришк.

– Кандагарцы нам бутылку должны, – сказал командир, – в их зоне работали. А вообще, хорошо сегодня отдохнули. Сначала искупались, потом рыбку поглушили…

Он посмотрел на часы и удивился:

– Представляете – купались-то мы всего пятнадцать минут назад! То-то, я думаю, комбез ещё мокрый!.. Или это я так вспотел? Аж в сандалетах хлюпает!

Через минуту:

– А почему они из ПЗРК не пальнули? Сейчас бы мы уже догорали… Не было, наверное…

Закурил, и, повернувшись к майору, сидевшему чуть сзади, на месте борттехника, спросил:

– Ну, как, майор, понравилось?

– Нет слов! – сказал майор, и, подумав, добавил: – Мама, я лётчика люблю!

Бронебочка

Чагчаранские рейсы продолжали беспокоить своей опасностью. Невозможность адекватных ответов высокогорным корсарам из-за нехватки топлива бесила вертолётчиков. Однажды пара забрала из Чагчарана раненых. Взлетели, взобрались на вершину хребта, пошли на Шинданд. Борттехник Ф. помогал доктору ставить капельницы – затягивал жгуты, держал руки бойцов, пытаясь компенсировать вибрацию, из-за которой доктор никак не мог попасть иглой в вену – на этой высоте трясло так, будто мчались на телеге. Вскоре началась сказываться разрежённость воздуха – два бойца, раненных в грудь, синели и задыхались, выдувая розовые пузыри. На борту кислорода не было – в самом начале делались попытки установить три кислородных баллона в кабину для лётчиков, но от этого быстро отказались – при попадании пули ничего похожего на хорошее не случалось.

Делать было нечего – раненые могли не дотянуть до госпиталя, – и командир повёл пару вниз. А там, в речных долинах, их уже ждали воины джихада. Отплёвываясь жидким огнём, кое-как ушли. Чтобы не рисковать, снова оседлали хребет Сафед Кох, и снова раненые начали хватать пустой воздух окровавленными ртами. Опять скатились с вершин, петляли по распадкам, и опять напоролись – были обстреляны из «Буров»[77] мирно жнущими дехканами.

Раненых они все же довезли живыми, но этот рейс окончательно разозлил борттехника Ф. На следующий рейс в горы он приготовился – поставил на борт две обыкновенные бочки, залил их керосином, то же самое сделал и борттехник ведомого 27-го лейтенант М. Зарядили побольше пулемётных лент, забили по шесть ракетных блоков.

В Чагчаране содержимое бочек перелили в баки, чем добавили себе почти час полёта. Обратно летели, не торопясь, рыскали по

долинам, заглядывая за каждое деревце, дразня чабанов и огородников мнимой беззащитностью. И враги клюнули.

– По нам работают, – вдруг доложил ведомый. – Кажется, в попу засадили. Но вроде летим пока…

Командир тут же увёл пару по руслу речки влево, за горушку. Обычно вертолёты уходили, не оглядываясь, только экипажи бессильно скрипели зубами. Духи, зная о топливных проблемах, все время стреляли в хвост. Но на этот раз все было иначе.

– Ну, держитесь, шакалы! – сказал командир и повёл машину в набор, огибая горушку.

Пара выпала из-за хребта прямо на головы не ожидавших такой подлости духов. Грузовик с ДШК[78] в кузове стоял на берегу; трое бородатых, развалившись на травке, смеялись над трусливыми шурави.

– На границе тучи ходят хмуро, – тихо, словно боясь спугнуть, пробормотал командир, переползая вершину.

Духи, увидев падающих с неба пятнистых драконов, подпрыгнули – один бросился к кабине, двое полезли в кузов. Борттехник Ф. припечатал пальцами гашетки – что там останется после командирских нурсов! – очередь сорвала открытую дверцу машины, порубила кабину, трассеры змеями закрутились по кузову…

– И летели наземь самураи, – заорал командир, давя на гашетку, – под напором стали и огня!

После залпа нурсов грузовик выпал обратно на землю в виде металлических и резиновых осадков. Они горели в отдалении друг от друга. Особенно чадило колесо, лежащее у самой воды.

– Даже если кто жив остался, – сказал командир, – добивать не будем. На всю оставшуюся жизнь перебздел. Отныне он – обыкновенный засранец…

Остаток пути экипаж пел «На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят». И с особенным напором, со слезами гордости на глазах, заканчивали:

– …экипаж машины боевой!!!

А борттехник поливал близкие склоны длинными очередями. Чтобы слышали и боялись.

Когда прилетели, выяснилось, что в ведомого действительно попали. Пуля от ДШК (калибр 12,7 мм) прошила задние створки,

отрикошетила от ребра жёсткости, пробила один бок пустой бочки из-под керосина и застряла в противоположном, высунув смятый нос.

Эти пули обладали большой пробивной силой. Однажды такая болванка пробила днище вертолёта, правую чашку, на которой сидел штурман старший лейтенант В., прошла все слои парашюта, и остановилась, ткнувшись горячим носом через ткань ранца в седалище старшего лейтенанта. В горячке боя тот не понял, что произошло, но уже на земле, пощупав твёрдый бугорок, и осознав, что могло быть, упал в обморок. Его привели в чувство и поднесли стакан спирта. После перенесённого стресса даже такая ударная доза не свалила лётчика с ног, – только успокоила.

Когда пулю вынули из стенки бочки, борттехник Ф., прищурившись, нанизал обе дырки на луч своего взгляда и сказал:

– А знаешь, Феликс, – она шла прямо тебе в спину. Если бы не моя бочка, просверлила бы эта пулька дырку тебе под орден – с закруткой на спине…

– Если бы не твоя бочка, – сказал, поёжившись, лейтенант М., – мы бы по хребту тихонько проползли, никуда не спускаясь, твою медь!

– Зато теперь бояться будут. А то совсем нюх потеряли!

И в самом деле, чагчаранский маршрут стал много спокойней.

Война

(лирическая зарисовка)

Если выбирать из картотеки воспоминаний картинку, которая вмещает в себя *всё* – старший лейтенант Ф. выбрал бы вот эту:

Ночь. Они только что прилетели. Борттехник вынес из вертолёта мешок со стреляными гильзами, высыпал их в окоп. Он заправил машину, закрыл и опечатал дверь. На полу грузовой кабины осталось много крови, но мыть сейчас, в темноте, он не хочет. Завтра утром, когда он откроет дверь, из вертолёта вырвется чёрный гудящий рой мух, собравшихся на запёкшуюся кровь. Тогда он подгонит водовозку и, как следует, щёткой, помоет пол.

А сейчас он идёт домой. Небо усыпано крупными звёздами, земля ещё дышит теплом, но в воздухе уже чувствуется ночная прохлада. Борттехник расстёгивает куртку комбинезона, подставляя горячую грудь лёгкому ветерку. Он устал – земля ещё качается под ногами

после долгого полёта. Держа автомат в безвольно опущенной руке, он почти волочит его по земле. Курит, зажав сигарету зубами.

Где-то рядом, на углу ангара, вздыхает и позвякивает, как лошадь, невидимый часовой.

Борттехник сворачивает со стоянки, выходит через калитку на тропинку. Справа – большой железнодорожный контейнер. Там – женский туалет. Ветерок доносит запах карболки, в щель приоткрытой двери пробивается жёлтый свет, слышен смех. Борттехник прислушивается, улыбаясь.

Постояв немного, он идёт дальше, раскачивая автомат за ремень. Поднимает голову, смотрит на мохнатые ван-гоговские звезды, видит, как между ними красным пунктиром прорастает вверх трассирующая очередь. Потом доносится её далёкое «та-та, та-та-та».

Вдруг что-то ухает за взлётной полосой, под ногами дёргается земля, в ночном небе с шелестом проносится невидимка, туго бьёт в грудь западных гор, – и снова тишина.

Скрип железной двери за спиной, шорох лёгких ног, опять смех, – и тишина…

Ночь, звезды, огонёк сигареты – и огромная война ворочается, вздыхает во сне.

Война, которая всегда с тобой…

Кадет Биглер Разговор, которого не было

– Ну, здравствуй, старый товарищ.

Молчание.

Он положил руку на борт. Знакомое ощущение чуть шероховатой краски, тёплый металл подрагивает от далёкого гудения турбин.

– Сегодня вторник, – подумал он, – лётный день, как и раньше.

– Ты слышишь меня? Я пришёл.

Молчание.

Может, он ошибся? Прошло много времени, его могли заменить… Он пригляделся, и дыхание перехватило от мгновенного и острого чувства узнавания. Оказывается, он не забыл, просто воспоминание лежало в дальнем уголке памяти, а теперь он смотрел и узнавал. Вмятины, царапины, маленький потёк краски на камуфляжном пятне, заплата, как раз в том месте, где прошла *его* пуля. Странные слова: «его пуля».

Заныла нога. Он прислонился лбом к металлу, не замечая боли. И тут же пришёл ответ.

– Это ты.… Прости, я задумался.

– О чём?

– Обо всём. И ни о чём. Ты давно не приходил…

– Теперь я живу в городе. Там, к северу. Мы с тобой летали над ним много раз, помнишь?

– Помню. Это недалеко.

– Для тебя недалеко. Для меня теперь – полдня дороги.

– Как ты живёшь?

– Живу.… Знаешь, я скучал.

– О чём? Обо мне?

– О тебе. И о небе.

– Ты летаешь?

– Нет, теперь нет. Ты не поверишь, теперь я боюсь летать!

– Ты? Боишься?

– Да… Дочь купила путёвку на юг и билет на самолёт. В полёте мне стало плохо с сердцем. Я не могу – в салоне. Обратно ехал поездом. Такие дела…

– Ты всегда любил всё делать сам.

– Да, любил. Наверное, поэтому я был плохим командиром.

– Не знаю. Ты был хорошим лётчиком, это точно.

Он усмехнулся.

– Ты говоришь, как моя дочь. Только она ещё добавляет: «А вот дед из тебя плохой!». Балую я внуков.… Но деду и положено баловать!

– У тебя уже внуки.… А как живёт твой сын? Ведь у тебя был сын, я помню, ты часто приводил его на аэродром.

– Он погиб.

– Прости, я не знал.

– Он был лётчиком, летал на штурмовике, а погиб в Чечне. Однажды пилотов вызвал командир эскадрильи и сказал, что в горах попал в засаду взвод, мальчишки, пехотинцы, и такой же лейтенант, ну, может, чуть постарше. Заблудились и попали в засаду. Зимой там бывают сильные туманы, погода была на пределе, солнце уже заходило, лететь, в общем, было нельзя, но командир сказал, что решать им. Сын вызвался лететь. Они полетели, мой был ведущим. В общем, он врезался в гору. Зимой там бывают сильные туманы, и он не успел отвернуть, не увидел гору. Впрочем, о туманах я уже говорил. Самолёт нашли только через неделю. Он лежал в кабине…

– Вот если бы мы с тобой…

– Нет. Мы ничего бы не смогли. Дневной штурмовик там вообще ничего бы не смог сделать, а Су двадцать четвертых там не было. И вообще, это не наша война. Мы своё отвоевали. Две командировки в Афган.… Хватит и человеку, и самолёту.

– Что ж… Может, ты прав. А взвод?

– Что взвод?

– Тех солдат спасли?

– Не знаю.… Кажется, да, спасли, ведомый всё-таки долетел, успел долететь. Да, спасли.… Не всех. А потом умерла моя жена. Врачи сказали – сердце, но я думаю, от горя. У неё никогда не болело сердце. Знаешь, она всегда боялась, сначала за меня, а потом когда сын окончил училище, за него. За него даже больше. Она всегда скрывала, но я видел, как она боится. Когда я сказал ей про сына, она сначала не поняла. А потом, когда поняла, на её лице появилось странное выражение, облегчения, что ли. Огромного, опустошающего облегчения. От этой пустоты в душе она и умерла, не смогла жить…

– А ты? Как твоя нога? Тебе тогда досталось в Панджшере…

– Да.… После ранения кровь залила кабину, и я все боялся, что она что-нибудь замкнёт, и мы не долетим, а потом в госпитале заболел ещё и желтухой. Но я вернулся. Я обязан был к тебе вернуться и вернулся. Если бы не ты, я остался бы лежать в том ущелье. Знаешь, иногда мне кажется, что афганский песок до сих пор хрустит на зубах. И ещё помню небо. Серое небо, серый песок, камни, серые дома, нелепо одетые люди в широких штанах и обуви из покрышек, тусклые огоньки выстрелов, пожары, трупы. Странно, что там могло гореть? Кругом сухая глина и камни. Разве что люди…

– Не стоило тебе ездить в тот кишлак.

– Нет, я должен был увидеть.

– Ну, и что ты увидел? Была война, по нам тоже стреляли, и довольно метко, надо сказать.

Он провёл рукой по фюзеляжу.

– Да… Я помню.… Вот вмятина… и вот.… А здесь, где заплата, была пробоина. Кажется, это из ДШК [76] . Я боялся за тебя.

– Я – штурмовик. Меня трудно убить.

– А ты? Как ты? За тобой хорошо ухаживают?

Смешок. Как будто треск помех в эфире.

– Ты забыл, мне ничего не нужно. Я – экспонат. Сюда никто не ходит. Теперь я буду жить долго, если, конечно, это считать жизнью. Кто бы мог подумать? Самолёты не должны жить столько, сколько живут люди.

Он не ответил.

– Смотри, там подъехала машина. Это, наверное, за тобой?

– Да, это дочь. Мне пора. Я буду приходить к тебе.

– Иди. Я буду ждать.

– Если я долго не приду…

– Я понял. Не думай об этом, иди, она волнуется.

– Пожелай мне удачи.

Пожилой человек в потёртой шевретовой куртке неловко повернулся, подобрал трость и, прихрамывая, пошёл к выходу из маленького музея, расположенного за гарнизонным Домом офицеров.

– Я не буду оглядываться.… Я не буду оглядываться.… Это хорошая примета – уйти, не оглядываясь.

У калитки он оглянулся.

Кадет Биглер Рокировка в длинную сторону

Ночью в пустыне пронзительно холодно. Если забраться в дежурный БТР и посмотреть в прибор ночного видения, то на экране будут видны две зелёные полосы: сверху, посветлей – небо, снизу, потемней – песок. И всё. Змеи, ящерицы, ядовитые насекомые и прочая убогая и злобная живность остывают вместе с песком и ночью впадают в оцепенение. Иначе им нельзя: тот, кто выделяется, в пустыне не выживает.

Зато утром, когда из-за горизонта выкатывается шар цвета расплавленного чугуна, включается гигантская духовка и с тупостью и безжалостностью древнего, могучего механизма начинает извергать миллионы кубометров раскалённого, смешанного с песком воздуха. Камни не выдерживают и распадаются в серый, похожий на наждачный порошок, песок. Из него и состоит пустыня.

Сорок лет назад в пустыню пришли люди и построили аэродром. Я даже боюсь себе представить, чего стоило это строительство, но боевые возможности тогдашних бомбардировщиков не позволили выбрать другое место. Конечно, сначала нашли воду. Глубоко под песками лежит озеро, вода в нем скверная, солоноватая, но это – вода. Без воды в пустыне не прожить ни человеку, ни черепахе, ни даже змее, хотя змеи, вроде бы, не пьют.

Я сижу в пустой квартире и в сотый раз листаю путеводитель по Москве. Я нашёл его в заброшенной гарнизонной библиотеке. Названия московских районов и улиц звучат, как нежная струнная музыка: Разгуляй, пруд Ключики, Сокольники, Лосиный остров.… В военном городке, затерянном в пустыне, прозрачная московская осень кажется сном, который утром изо всех сил пытаешься удержать в памяти, а он тает, как льдинка и исчезает.

Городок умирает. Раньше гарнизон утопал в зелени, о деревьях и цветах заботились школьники, у каждой клумбы были свои маленькие хозяева. Теперь цветы засохли, клумбы вытоптаны, а деревья пущены местным населением на дрова. Дома офицерского состава по большей части заброшены, туда вселились аборигены, жарят на паркете мясо,

от чего выгорают целые подъезды. На белых стенах издалека видны черные хвосты копоти.

Жилые квартиры можно определить по кондиционерам на окнах. Кондиционер здесь – громадная ценность, его не купить ни за какие деньги. Старенькие «бакинцы» гремят и лязгают, но в комнате с кондиционером всё-таки можно спать.

В раскалённом за день городе нет прохлады и ночью, поэтому если кондиционера нет, то приходится заворачиваться в мокрую простыню, просыпаясь оттого, что она высохла. Спать нужно на полу, который перед сном обливается водой. Некоторые спят под кроватями, уверяя, что так прохладнее.

Любой офицер, приезжающий в наш гарнизон, проходит три стадии.

Сначала он пытается стойко бороться с жарой, пылью и захолустным существованием, ведь он знал, куда едет, и ему неловко жаловаться. Потом пустыня начинает брать своё. Человек становится вспыльчивым, раздражительным, ему всё не так. Начинаются тяжёлые пьянки, походы по местным, считанным по пальцам одной руки, разведёнкам. Потом обостряются все хронические болячки или появляются новые. У многих, приехавших здоровыми и весёлыми людьми, начинает болеть сердце. Это самый тяжёлый период. Потом… Потом человек или ломается и уезжает, или остаётся… как я.

Я здесь уже четыре года, два срока. На прошлой неделе прибыл мой заменщик, скоро я сдам дела и уеду отсюда навсегда. Потом будет госпиталь в Сокольниках и пенсия.

Сегодня – моё последнее дежурство. Нет, неправильно, нельзя говорить «последнее», примета плохая. Крайнее. Командир приказал заступить оперативным дежурным. Вообще-то инженерам оперативными ходить не положено, но людей не хватает, и на утверждённый график нарядов давно уже никто не обращает внимания. Наряд каждый день собирают из тех, кто под руками и более-менее свободен.

Командир сказал: «Заступишь сегодня крайний раз, а я вечером тебя навещу». Интересно, чего ему надо? Впрочем, удивляться жарко. Придёт, расскажет. А может, и не придёт.

И вот, я сижу на КДП[79] и бесцельно смотрю по сторонам. Впрочем, глаза можно закрыть. Всё и так давно знакомо. Справа –

выноса РСП, радиостанция и стол метеоролога. Слева – ободранный холодильник «Чинар», пара кресел, снятых с самолёта, и столик. На столике фарфоровый чайник, расписанный подсолнухами, пиалы и коробка с французским шипучим аспирином. Его мы пьём вместо газировки. Линолеум у входа протёрт и видны серые доски, дыра аккуратно обита гвоздями, чтобы не рвалось дальше.

Передо мной пульт с «громкими» связями, телефонный коммутатор и бинокль. Бинокль прикреплён к пульту стальным тросиком, чтобы местные не попятили. Сейчас бинокль не нужен – полётов нет, бетонное покрытие прокалено бешеным солнцем до белизны верблюжьих костей, гудрон в термостыках плит не держится, тычет, его заменили какой-то синтетикой. Слева на стоянке тихо плавятся пара транспортников и оранжевый вертолёт ПСС, справа – позиция эскадрильи истребителей-перехватчиков. Там тоже пусто, даже часовой куда-то спрятался. А напротив КДП стоят ещё четыре самолёта с зачехлёнными кабинами, громадные, серебристые, на высоченных шасси, «стратеги» Ту-95МС. Почему-то их не успели перегнать в Россию, а теперь – поздно, мы на территории чужого государства. Новые хозяева неожиданно заявили, что эти Ту-95 должны заложить фундамент военно-воздушных сил суверенного государства. Россия с этим вяло не соглашается, переговоры, как хронический насморк, то обостряются, то надолго затихают.

Острый приступ военного строительства у новых хозяев, впрочем, закончился довольно быстро. На территории советской авиабазы появился суверенный штабной барак с невразумительным флагом перед входом, с утра в этом штабе кто-то появлялся, но после обеда здание пустело, личный состав убывал в неизвестном направлении, оставляя после себя неистребимую вонь немытых тел и перегара. Штаб оставался под охраной какого-то бушмена, который каждый вечер, обкурившись, выл на Луну свои бушменские песни, обняв автомат и по-хасидски раскачиваясь. Никакими авиационными вопросами эти граждане не интересовались и к самолётам ни разу не подходили.

Вскоре, однако, среди характерных пустынных физиономий замелькала одна вполне европейская. Её обладатель старался выглядеть как можно более незаметным, но, шляясь по аэродрому, как-то невзначай подбирался к стоянке «стратегов» все ближе и ближе.

Особист, заметив англо-саксонского негодяя, почувствовал приближение настоящей оперативной работы, прекратил пить до обеда и поклялся на походном бюстике Дзержинского его извести. Немедленно был составлен план изведения, который помолодевший от возбуждения и трезвости контрик поволок на утверждение командиру.

Вникнув в суть дела, командир, однако, решил по-своему. Он вызвал начальника штаба и приказал взять стоянки под круглосуточную охрану офицерским караулом с участием лётных экипажей. Представляя скандал, который по этому поводу учинит лётно-подъёмный состав, НШ поплёлся составлять график нарядов. Пилоты, однако, отнеслись к решению командира с неожиданным энтузиазмом. Зайдя как-то в класс предполётной подготовки, НШ был потрясён редким зрелищем: лётные экипажи проверяли друг друга на знание обязанностей часового, заглядывая в книжечки УГ и КС,[80] а штурмана вычерчивали на миллиметровке схемы постов и с нехорошим блеском в глазах прикидывали зоны кинжального огня.

За право заступить в первый караул и, возможно, грохнуть супостата, сражались, как за бесплатную путёвку в Сочи. Империалисту, однако, оказался не чужд инстинкт самосохранения, потому что на аэродроме его больше никто не видел.

Солнце валится за капониры, быстро темнеет. Ночной ветерок посвистывает в антеннах, шуршит песком по стёклам. Здание КДП, остывая, потрескивает, поскрипывает, иногда, особенно спросонья, кажется, что по коридору кто-то ходит.

На магистральной рулёжке появляется командирский УАЗик. Значит, всё-таки решил приехать. Внизу щелкает кодовый замок.

– Товарищ командир, за время моего…

Командир кивает, не дослушав, и усаживается в кресло. Достаёт из портфеля пакет с бутербродами и термос.

Второй час мы играем в шахматы. Мои таланты ограничиваются умением переставлять фигуры, командир тоже далеко не Ботвинник, но старательно двигает фигуры, делая вид, что зашёл на КДП случайно. Я, как положено дисциплинированному офицеру, делаю вид, что в это верю. Моему сопернику пора делать рокировку, и он старательно обдумывает позицию. Впрочем, подозреваю, что он просто забыл, куда нужно ставить фигуры. Наконец, пытливый ум

командира находит решение: как бы невзначай он смотрит на часы (в двенадцатый раз, я считал), отодвигает доску и говорит:

– Позвони связистам, пусть включаются, скажи, ждём гостей.

Кто бы сомневался…

Сонный дежурный связистов повторяет команду и через десять минут аэродром освещается. Командир включает выносные индикаторы РСП и, подтащив кресло, усаживается руководить посадкой. Вскоре на оранжевых экранах появляется засечка и ползёт вдоль чёрной линии безопасной глиссады, а ещё через пару минут тяжёлый Ил-76 аккуратно притирается к бетонке и катится в сторону КДП.

– Я на стоянку, – говорит командир.

Через четверть часа он возвращается в сопровождении трёх незнакомых офицеров в лётно-техническом обмундировании.

– Этой ночью, – говорит командир, – руководить будут они. А ты сиди рядом, и если что непонятно – помогай.

Вновь прибывшим моя помощь не требуется. Старший усаживается на место руководителя полётов, а остальные, пошептавшись, уходят. На стоянке начинается какая-то осмысленная суета. Со «стратегов» стаскивают чехлы, что-то делают под фюзеляжами, со стороны автопарка появляются заправщики, «воздушки» и тягачи.

И тут до меня доходит: «Предполётная». Всё-таки решили перегнать машины на Большую Землю, вот и славно!

Светает. Я дремлю в кресле, старший – по-прежнему на месте РП. По-моему, он и не вставал ни разу. В комнату входит один из офицеров.

– Товарищ ген… гм… Алексей Петрович, у первого борта готовность «Ч» минус пятнадцать. Остальные – по графику.

– Добро, – спокойно отвечает Алексей Петрович, – взлёт самостоятельно, по готовности, в эфир не выходим, – и опять поворачивается к окну.

Через полчаса первая «Тушка», легко разбежавшись, растворяется в розовеющем небе. За ним вторая. И третья.

Проводив глазами последний бомбардировщик, старший оборачивается к нашему командиру, который уже успел вернуться на КДП:

– Ну что, пора и нам… не провожай. Дальше действуешь, как договорились. Вопросы?

– Никак нет, все ясно.

– Добро. И своих сориентируй, что базу будем закрывать. Нечего тут…

Гости быстро грузят оборудование в транспортник, короткое построение и посадка. Заполошный рёв турбин «семьдесят шестого» быстро стихает, на непривычно пустые стоянки вползает тишина.

– Ну, – говорит командир, – с этим разобрались. Теперь вот что. Завтра сюда, конечно, прибежит этот… Табаки, шум поднимет. С ним поступим так…

Шакал Табаки или просто Табаки считался офицером по связи с российским командованием, а, на самом деле, просто шпионил за нами. Свою кличку он получил за привычку жевать табак, общую мерзость характера и манеру разговаривать со старшими по званию, слегка приседая и скалясь золотыми зубами. Впрочем, в каком чине был сам Табаки, не мог разобрать даже особист. На его погонах красовались скрещённые сабли почти в натуральную величину, а на камуфляже он носил аксельбант.

Остаток ночи прошёл спокойно, а утром мы с громадным удовольствием наблюдали, как Шакал Табаки, размахивая пузом и поливая бетонку потом, нелепой рысью бежит к КДП.

– Г-х-де самолёты?!!! – выдохнул он, едва взобравшись на вышку.

– Улетели, – невозмутимо ответил командир.

– Как улетели?!! – похолодел Табаки, чувствуя, как на его жирной шее затягивается петля ответственности.

Командир, используя жестикуляцию истребителей, показал как.

– Зач-х-ем?!!

– Учения…

Трясущимися руками Табаки выхватил из кармана рацию и заголосил в неё. Рация в ответ что-то буркнула и смолкла.

– Приказываю самолёты срочно вернуть! – перевёл обнаглевший от страха Табаки.

– Хорошо, – ответил командир, – я свяжусь с «Заветным».

– Я буду ждать здесь! – сообщил Шакал и плюхнулся в ближайшее кресло.

– В курилке – поправил я, – у нас сейчас совещание. Секретное.

Табаки прожёг меня взглядом поросячьих глазок, но послушно отправился вниз и уселся в беседке.

– Не уйдёт он, товарищ командир, – сказал я, выглянув в окно.

– Уйдёт, никуда не денется, уже недолго, – взглянул на часы командир, – у тебя почитать ничего нет?

– Нет… разве что наставление по ИАС, настольная книга, можно сказать. Хотите?

– Ты что, инженер, опух? Сам его читай!

Командир подошёл к окну, оперся лбом в горячее стекло и с отвращением отдёрнул голову. На стекле остался мокрый след.

– Достала жара… Запроси-ка «Заветный», взлетели наши борта?

– Говорят, взлетели… Товарищ командир, а они что же, обратно?..

– Естественно, – холодно ответил командир, – а куда же ещё? Обманывать хозяев, можно сказать, воровать у них из-под носа самолёты – некрасиво.

Теперь я уже окончательно перестал что-либо понимать. Может, правда учения?

Через час я уже слышал по радио весёлую перебранку между экипажами, каждый из которых норовил сесть первым, а через полтора первый бомбардировщик со знакомым бортовым номером катился по рулёжке. Однако что-то было не так. Я потянулся за биноклем и поймал на себе внимательный взгляд командира. Наведя бинокль по глазам, я пригляделся и…

– Так ведь это не МС-ки! А бортовые – наши… Странно.

– Ясное дело не МС-ки, – усмехнулся командир, – это «К», им, должно быть, лет по тридцать. Когда их в строй вводили, все помойки ограбили, запчасти искали. Боялись, не долетят. Но всё по-честному. Четыре ушло, четыре пришло!

– А вдруг, заметят?

– Кто, Табаки, или эти, обкуренные? – командир кивнул в сторону суверенного барака. – Вот ты, инженер полка, и то не сразу подмену заметил, и никому об этом не скажешь, верно? И никто не скажет. Кстати, я тебе ещё не говорил? Ты сегодня сдаёшь дела, а завтра в ночь улетаешь на Большую Землю, будет борт. Документы готовы, заберёшь в строевом. Собраться успеешь?

Я киваю. Собирать мне почти нечего.

Кадет Биглер Китайский термос

– А всё-таки, деликатный ты парень, – заметил Николай.

– Да, я такой! Прямо не мужчина, а облако в штанах.

– Какое ещё облако?

– Кучевое. Балла два-три. Имени Вэ Вэ Маяковского.

– А-а-а, ты вот о чём… – догадался Николай, – опять эти… интеллигентские штучки…

– Нет, ну вы скажите, я ему стихи читаю, а он ещё и обзывается?! Запомните, товарищ старший лейтенант, Владимир Ильич Ленин учил, что интеллигенция – говно. Стало быть, мы с тобой, да-да, нечего кривиться, мы с тобой – тоже интеллигенция, но не простая, а народная. Так сказать, плоть от плоти.

– От какой ещё плоти?

– Ты – от крайней! Чего пристал, не видишь, магнитофон починяю?

Мы сидели в комнате офицерского общежития. Серенький зимний день растворялся в сумерках, сухой снежок шуршал в листьях старой липы за окном и через открытую форточку влетал в комнату. Было тихо и уютно, на столе горела настольная лампа, на экране осциллографа прыгал зелёный лучик. Пахло канифолью и обычным для военного общежития запахом – кожей, сапожным кремом и новыми шинелями.

– Долго тебе ещё? – спросил Николай, прихлёбывая из кружки зелёный чай, – разговор есть.

– Да нет, неисправность я нашёл, «электролит» потёк. Сейчас я вместо него танталовый поставлю, и все будет, как надо.

– А чего он потёк? – проявил любознательность Николай.

– Как же ему не потечь, – хмыкнул я, – если он сделан на Ереванском заводе? Чудо, что ещё до сих пор проработал…

– А сразу танталовый поставить было нельзя?

– А, знаешь, почём ныне тантал? Дорог он, тантал-то, не укупишь! Только на оборонный щит!

Я закончил паять, воткнул вилку в розетку и нажал кнопку «Воспр.» «Па-а-а острым иглам яркого огня-у-у…» утробно взвыл

магнитофон.

– Тьфу, бля, ещё и смазывать придётся! – сплюнул я. – А с чего это ты решил, что я сильно деликатный?

– Ну, как… – неожиданно серьёзно ответил Коля, – живём мы в одной комнате вот уже, почитай, два месяца, а ты вот про себя все рассказал, а мне ни одного вопроса не задал, кто я такой, кем служу, и вообще…

– Во многия знания многия печали! – хмыкнул я. – И потом, советский офицер должен сочетать широту души со сдержанностью! Вот ты – старший лейтенант, а голова седая. Не куришь, пьёшь только зелёный чай. На половое довольствие не встал, по всем признакам – явный враг. А вдруг ты меня вербовать будешь?!

– Тебя – вербовать?! – поперхнулся чаем Николай, – тебе бы в замполиты, а ты со своими локаторами возишься, надо же, какой талант пропадает!

– Не могу. Военно-врачебную комиссию на комиссара мне не пройти: железы внутренней секреции желчь вырабатывают в недостаточном количестве. Так что я ограниченно годен к военной службе – только на инженерно-технические должности…

– Ну ладно, – вздохнул Николай, – языками с тобой меряться бесполезно, это-то я за два месяца усвоил, а всё-таки, поговорить с тобой хочу. Точнее, рассказать кое-что и посоветоваться. Ты как?

Я положил паяльник и обернулся.

– Коль, ты извини, что я дурака валяю, я же не знал, что ты серьёзно. Ты начинай, а я пока с магнитофоном закончу, ладно?

– Ладно, – сказал Николай, – чай будешь?

– Потом.

Николай взял со стола свой большой серо-голубой китайский термос и кружку, поставил их на тумбочку и лёг, заложив руки за голову. Я заметил, что в таком положении он мог лежать часами. Я как-то попробовал, но больше пяти минут не выдержал.

Николай говорил ровным, глуховатым голосом, почти без интонаций и без пауз, какие обычно делают люди, обдумывая следующую фразу.

– Началось всё в Афгане. Хотя нет, так ты не поймёшь, на самом деле всё началось гораздо раньше. В общем, я буду рассказывать, как смогу, а уж ты, если чего не поймёшь – спросишь.

Со своей будущей женой я познакомился в Сухуми, но тогда я ещё и в мыслях не держал, что она будет моей женой, да я и вообще жениться не собирался, но она решила по-своему. Она всегда все решала по-своему. Да…

Это бы мой первый офицерский отпуск, по случаю мне досталась путёвка на турбазу, в ноябре никто ехать не хотел, ну, а мне было все равно. Там и познакомились. Она была из Ленинграда, работала в каком-то КБ, не помню сейчас. Ну, как обычно, курортный роман, хи-хи, ха-ха, винцо, шашлычки, в море ночью, правда не купались – уже холодно было. Держала она себя строго, ну, а мне особенно и не надо было, так, отдыхали вместе, и всё. Она уезжала первой, я поехал до Сочи её проводить, и она у меня адрес попросила.

– Да я ж в гарнизоне живу, – говорю.

– Ничего, ты что, не хочешь, чтобы я к тебе в гости приехала?

– Да пожалуйста…

На Новый год она взяла и приехала, ну, тут уж и дураку всё ясно станет. Хорошо, мне полк сразу квартиру дал, однокомнатную. Вскоре и поженились.

Я её все спрашивал, чего ты в гарнизоне делать-то будешь? Здесь же глухомань, скука, а она смеётся: «Тебя любить! Не возражаешь?»

Ну, так и жили…

А у лётчика, особенно молодого, какая жизнь? Если не на полётах, то на тренажёре или в нарядах. А Людмила – всё время дома, одна. Я не сказал, что её Людмилой звали? Да, Людмилой… Но она почему-то своё имя не любила, я её Люсиндой звал, а когда сердился – Люсиндрой. Ни с кем из лейтенантских жён она не сошлась, да и было их совсем немного – народ в основном холостой был, а работать она не захотела, да и не было для неё в гарнизоне нормальной работы, а до ближайшего города час на истребителе лететь.

И вот, смотрю, заскучала моя Люсинда. Офицерские жёны ведь почему не скучают? Стирка – глажка – готовка – уборка, потом – дети. А уж с ними совсем прощай свободное время, только бы до кровати вечером добраться!

А у нас детей не было. Я как-то её спросил, почему. А она хмыкнула и говорит:

– Так это тебя надо спрашивать, а не меня! Может, ты что делаешь не так?

Ну, я и зарёкся такие вопросы задавать.

А потом она стала из дома уходить. Вечером со службы прихожу, а её нет. Спрашиваю, где была, а она: «А что? У знакомых. Не сидеть же мне в четырёх стенах круглые сутки!» А потом по гарнизону и разговоры поползли… К тому времени мы уже совсем мало общались, точнее, она со мной говорила только по необходимости, ну, а я с разговорами к ней тоже не лез.

И вот тут подошла моя очередь в Афган лететь, и я – поверишь? – обрадовался. Войны я не боялся, летал не хуже других, ну, и попробовать себя хотелось в реальном бою, но самое главное было не это. Надеялся я, что в семье у нас что-то изменится, ну, всё-таки на войну еду. Умом понимал, что зря надеюсь, но вот цеплялся я за эту командировку, думал, вернусь, и всё опять будет хорошо…

Про Афган особо рассказывать нечего. Летали, как все. Особых боев не было, ну, так, бывало, мы по духам постреляем, они по нам. В основном, извозчикам работали, хотя пару раз было…

Однажды подняли нас на поддержку пехоты, они никак речку какую-то форсировать не могли. На том берегу башня стояла, древняя, без крыши, но прочная очень. Вот духи оттуда огонь и вели. Не давали пехоте подняться. Ну, прилетели мы, начали НУРСами стрелять, да без толку – стены толстые, а в бойницу не попадёшь. И тут ведущий наш изловчился и НУРС положил внутрь башни, через крышу. Фухнуло там, огнём плеснуло – и стихло всё. А меня почему-то мороз по коже подрал.

Второй раз, помню, летим на точку уже порожняком и вдруг командир мой (я тогда ещё на правой чашке летал) как закричит:

– Держи!!! Я ранен!

Я ему в ответ: «Держу, куда ранен, командир?»

– В ногу! Ступню оторвало!

У меня, поверишь, камуфляж за секунду от пота промок. Поворачиваюсь к нему:

– Перевязаться сможешь? Давай подсядем!

А он вдруг как засмеётся:

– Отставить! Иди на точку!

Я вертушку держу, а сам на него поглядываю и боюсь под ним лужу кровавую увидеть, а крови-то и нет.

Сели быстро, я к нему, а он меня отталкивает:

– Ты чего лапаться лезешь?!

– Ты ж раненый!

– Вылезай, увидишь, какой я раненый…

Ну, выбрался я из вертушки, смотрю, командир вылезает. Нога, вроде, цела, но хромает как-то странно.

– Куда ранили-то?

А он дурным смехом смеётся: «В ботинок!»

Я пригляделся, а у него пулей или осколком, не знаю уж, каблук на правом ботинке начисто срезало.

Командир мой потом три дня пил, стресс снимал… А вообще-то такие случаи, в общем, были редкостью, больше донимали жара, пыль, еда неважная. У меня тогда шло всё благополучно, сначала на левую чашку пересел, потом пообещали звено дать, на «Красную звезду» послали, это мы раненых с высокогорья вытаскивали, вот там действительно страшновато было…

И вот, подошёл срок, и к нам заменщики прилетели. Мне заменяться было рано, а многие улетали. Ну, новеньких разобрали по ДОСам, у кого что было – всё на стол. Одни радуются, что у них все закончилось, дела сдадут – и в Союз, а другие – что, наконец, добрались до места, а здесь и люди знакомые и работа, в общем, привычная.

Ко мне тоже новенького подселили, да какой он новенький? Я его ещё с училища знаю, в одной эскадрилье учились.

Ну, сели, выпили-закусили, как полагается. Он про гарнизон наш рассказывает, я – новости местные, кто как летает. И тут я его спрашиваю: «Ну, как там моя? Видел её?»

– Видел, – говорит, – а сам глаза отводит.

– Ну, чего ты крутишь? Говори, не молчи, прошу тебя.

– Извини, Коль, не знаю, как сказать. А молчать тоже, вроде, нечестно. Ну, не ждёт она тебя…

– Та-а-ак… Кто?

Сослуживец назвал фамилию. Майор штабной. Тот самый, про которого ещё в Союзе болтали. Понятно.

– Ну, спасибо тебе, что не скрыл. Ты спать ложись, а я пойду, прогуляюсь.

– Я с тобой!

– Да ты что подумал, дурень? Что я из-за бабы сейчас стреляться пойду? Забудь.

– Не врёшь? А то я… это…

– Да пошёл ты в жопу! Что ты в самом-то деле? Пойду. Похожу, подышу, подумаю, как жить дальше. Понял?

– Ну, смотри, Колька!

– Ладно-ладно, мать Тереза, давай допьём, что осталось, и всё, кончен разговор.

Вышел я из своего ДОСа, оглянулся, а в каждом окошке свет мерцает, где музыка бренчит, где уже поют, где ржут во всю глотку. Идти некуда, пить не хочу, говорить ни с кем не могу. Пойти в вертолёт лечь, так стоянки под охраной, ещё пристрелят сдуру. Походил пару часов, да к себе пошёл, приятель мой уже спал, а я до утра лежал – думал…

С восходом солнца – пьянка не пьянка, а полёты – в полный рост, тут уже о своём думать некогда, только к вечеру освободился – и в штаб.

С «фиником» я всё решил в два счета, он у нас чужой был, ему ничего объяснять не надо. Отдал рапорт насчёт денежного довольствия, и к замполиту.

Повезло, замполит оказался на месте, и, как всегда, пил чай из своего знаменитого китайского термоса, говорили – трофейного.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– А-а-а, сталинский сокол! Заходи. Чай будешь?

Это у замполита такая привычка была – всех чаем угощать, всегда заваривал сам, в термосе, а на столе держал стопку пиал для гостей.

– С чем пожаловал? Как летается? Чего зелёный такой? Колдырил вчера, что ли? Ты, вроде, не склонен…

– Никак нет, не пил, спал плохо… Ахмят Ильясович, я по личному вопросу. Мне нужно развестись с женой. Как это сделать?

– Та-а-ак… Прямо здесь, в Афгане?

– Да. Прямо здесь.

– Поня-а-атно… – Замполит почесал лысину. – Сейчас я вопрос задам, а ты подумай, отвечать тебе на него или нет. Имеешь право не отвечать, но я всё-таки спрошу. Причину назвать можешь?

– Могу. Супружеская неверность.

– Кто?

Я назвал фамилию.

– А ты не думаешь, что… – тут замполит осёкся, видно, что-то вспомнив, и не закончил фразу.

– Я понимаю, товарищ подполковник, что мой рапорт портит показатели полка, но…

– Чудак ты, – перебил меня замполит, – сам знаешь, на какую букву. Если я, замполит полка, на эти бумажки, – тут он поднял со стола какую-то папку и швырнул её обратно, – клал, кладу и буду класть, то уж тебя это чесать не должно совершенно. Ты о другом подумай. Ты вот молодой, только служить начинаешь, ты хоть подумал, что с тобой за этот развод кадровики сделают? Знаешь, какая разница между кадровиком и слоном? Не знаешь? А я знаю! Кадровик может больше насрать!

– Ахмят Ильясович, товарищ подполковник, да поймите вы, ну, не могу я с ней больше, тошно мне!

– Ладно-ладно, не ори, не на трибуне. Ты иди пока. А я когда в Союз буду звонить, узнаю, что да как, обещаю. Сам ко мне не ходи – вызову. Допивай чай и иди. И смотри, без глупостей. Ты знаешь, о чём я. Если что – отправлю верблюжачье говно возить! Ну, чего ржёшь? Иди, летай.

Недели через две замполит меня и правда вызвал. Сунул в руки пиалу с чаем и папку.

– Вот. Образцы документов, перепишешь – отдашь мне, я отправлю, куда надо.

– Спасибо, товарищ подполковник, разрешите идти?

– Куда?! Хочешь, чтобы полштаба узнало? Сиди, пиши здесь, ты мне не мешаешь. И чай пей, доктора говорят, зелёный – самый полезный…

И вот, написал я все бумаги, вложил их в папку, и когда отдавал замполиту, ещё подумал: «Ну, все. С этим – кончено». Но это я тогда так думал…

Прошёл, наверное, месяц или около того. Летали мы очень много, шла войсковая операция, уставали мы страшно, толком не ели, да и выспаться не получалось. И вот однажды на предполётных указаниях что-то мне особенно паршиво стало, во рту горечь – не сплюнуть, правый бок тянет и голова кружится, но стою, терплю, думаю, на

улице полегче станет. Вдруг ко мне доктор подходит и за руку берёт, а у него руки, как лёд. Я и говорю:

– Степаныч, ты не заболел часом? Больно у тебя руки холодные!

– У меня-то как раз нормальные, – отвечает врач, – а вот у тебя жар!

– Товарищ командир, старшего лейтенанта Костина к полётам допускать нельзя! Ему нужно срочно в санчасть. Разрешите?

И вот идём мы, меня доктор под руку ведёт, а у меня такое ощущение странное, будто части тела живут своей жизнью. Ноги сами куда-то идут, руки машут, лёгкие дышат, а сам я, ну, душа что ли, как бы отдельно от всего этого находится и со стороны наблюдает. До санчасти дошли, я на койку сел, нагнулся, чтобы ботинки снять, и сознание потерял.

В общем, оказался у меня гепатит, желтуха. Черт её знает, откуда. И так мне паршиво было, что я почти ничего и не помню. Иногда сознание возвращалось, но это ещё хуже… Знаешь, нам в детском саду на сладкое фруктовое желе давали, ну, в формочках такое, трясучее, красное и синее. Так вот, когда у меня жар был, мне казалось, что я – то самое красное желе, а когда температура спадала, и лило с меня, как после бани, что синее…

Ну, первым бортом меня в Союз вывезли. Когда к самолёту носилки несли, я в себя пришёл. Смотрю, а рядом наш замполит стоит и мне в руки свой термос сует.

– На, – говорит, – возьми, я там китайский зелёный заварил, тебе теперь обязательно чай нужно…

Не поверишь, вцепился я в этот термос мёртвой хваткой, к себе прижал, так и летели. Когда совсем паршиво становилось, я к нему щекой прислонялся – он прохладный… И в госпитале он со мной всё время был, его никто не трогал, а я с ним – как ребёнок с плюшевым медвежонком…

В общем, провалялся я в госпитале два месяца. В Афган меня уже отправлять не стали, дали отпуск при части и отправили по месту прохождения. А при выписке доктор сказал:

– Ну, старлей, считай, второй раз родился. Ходил ты по самому краю, но – вытянули, и почти без последствий. И запомни: если жить и летать хочешь, никакого спиртного. Пей чай из своего термоса, соблюдай диету и не волнуйся.

Так что я, как видишь, указания врачей соблюдаю строго. Только вот как бы ещё так жить научиться, чтобы не волноваться?

Вернулся я в гарнизон, а квартира пустая. Ушла Люсиндра, и вещи свои забрала. Очень она внимательно и аккуратно к делу подошла, ни одной своей мелочи не забыла. У меня сначала такое ощущение было, что квартиру обворовали, потом прошло, конечно.

Первое время я ничего не делал – просто лежал целыми днями, в потолок смотрел, телевизор не включал, книг не читал. Тебе этого не понять, как можно от людей устать. Ведь сначала Афган был, где друг у друга на головах жили, потом палата больничная… А здесь – ты один, и, главное, тишина. Вот по тишине я больше всего стосковался за эти месяцы. В лесу ещё хорошо было, там в одном месте старая вырубка под ЛЭП молодыми ёлками заросла, земляники там было…

И вот как-то утром сижу дома, и вдруг посыльный прибегает: «Товарищ старший лейтенант, вас в штаб вызывают!»

В кабинете замполита сидит какой-то незнакомый полковник.

– Товарищ старший лейтенант, вот тут один гм… документ поступил, ознакомьтесь.

Начинаю читать, и сначала ничего не понимаю. Потом на подпись глянул: ба-а-а, да это же моя Люсиндра постаралась! На двух листах, мелким почерком. Ну, там много чего было, я всё не запомнил. Но было там, например, такое. Дескать, я трус, и в Афгане специально гепатитом себя заразил, чтобы не воевать, а замполит наш, Ахмят Ильясович, меня прикрывал. А уйти ей от меня пришлось, потому что я импотент, и вообще жить со мной было нельзя, потому что я ей денег не давал, а работу она найти не могла…

Полковник дождался, пока я всё это прочитал, и спрашивает:

– Что можете сказать по поводу того, что вы прочитали?

– В сущности, – говорю, – ничего, товарищ полковник.

– Как ничего?!

– А так. Что я себя гепатитом не заражал, доказать не могу, а то, что я не импотент, доказывать не хочу, тем более, в штабе. Остальное всё в том же роде.

– Понятно, – говорит полковник, – вы свободны, а мы будем думать.

Больше я этого полковника ни разу не видел, кстати, до сих пор не знаю, кто он такой, но подумал он хорошо, крепко. После этого

разговора служба у меня совсем странная пошла. На должность не ставят, летать не дают, и не говорят почему. И никто со мной разговаривать не хочет. Командир занят все время, замполит только плечами пожимает. И так полтора месяца.

А потом вдруг вручают мне выписку из приказа: «Назначить на должность офицера боевого управления», и – к вам. Кадровики всё сделали грамотно: при назначении с повышением согласия спрашивать не надо, вот они и не спросили. Командир, видно, всё с самого начала знал, но ждал, пока бумаги обернутся. Ну, вот, там я квартиру сдал, вещи, что смог, продал, остальное просто оставил, и в общагу, пока здесь жилье освободится. А когда оно освободится? Хорошо ещё вот с тобой в одну комнату попал…

И должность эта… – тут Николай впервые повысил голос, – не могу я! Понимаешь? Ну не могу! И боюсь! Один раз уже опасное сближение было, боюсь, столкну кого-нибудь. Они мне на разборе знаешь что сказали? Что я в уме теорему синусов неправильно решил, или косинусов, не помню…

– А ты к нашему командиру не ходил? – спросил я.

– Ходил… Только меня здесь никто не знает. Командир сразу личное дело моё взял, полистал и даже слушать не стал, говорит: «Идите, служите!» Видно, понаписали там, постарались на совесть…

– Что же ты решил?

– Завтра в гарнизон приезжает новый Командующий, знакомиться с полком. Он будет личный состав опрашивать, и я ему подам рапорт, чтобы на лётную вернули!

– А сможешь? К Командующему так просто не подпустят…

– Смогу! У меня другого выхода нет. Что скажешь?

– Что ж тебе сказать? Был бы верующим, сказал: «С богом!», а так просто удачи пожелаю… Ты всё правильно решил…

***

Как Николай подавал рапорт, я не видел – наш батальон стоял далеко на левом фланге. В общежитие он вернулся поздно вечером.

– Ну, как? Подал рапорт?

– Подал, подал, – устало улыбнулся Николай.

– И что?

– Да как тебе сказать… После построения прибежал какой-то подполковник, велел в штабе ждать. Прождал я часов до шести, потом

вызвали. Командующий спрашивает: «Почему отстранили от лётной работы?». Командир полка с замполитом переглянулись, командир и говорит:

– Товарищ командующий, он после гепатита, есть сомнения, что летать сможет.

– Подготовить документы, завтра направить в ЦНИИАГ![81] Если врачи дадут добро, к полётам допустить!

Так что, завтра с утра еду…

Утром Николай уехал в Москву, а я по уши ухнул в служебные дела. Полк готовился к зимним учениям с выездом на полигон, поэтому я обычно ночевал на точке, а когда было свободное время, уезжал в Москву. Однажды вечером, проходя мимо общежития, я заметил в окне своей комнаты свет. Приехал!

Николай собирал вещи. Две большие сумки стояли у двери. А третья, раскрытая, занимала пол-кровати.

– Ну, как? – не здороваясь, прямо с порога спросил я.

– Годен! – протягивая мне руку, улыбнулся Николай.

– Как прошло?

– Сейчас расскажу. Чай будешь?

Мои документы в штабе мне почему-то в запечатанном конверте дали. Но сначала я на это внимания не обратил. Ну, мало ли? У штабных везде свои порядки. А потом задумался: углублённый медосмотр я проходил много раз, знаю, как это делается. А тут как-то странно всё пошло. Какие-то беседы непонятные, тесты, вопросы задают левые, не было ли у меня в роду психов или припадочных… И тут до меня начало доходить, что в том конверте было. Решили меня по «дурке» списать, а то и в психушку устроить.

Что тут сделаешь? Решил я со своим лечащим врачом поговорить. Дождался, когда он в ординаторской один остался, ну и рассказал ему всё, вот как тебе. Он помолчал, а потом и говорит:

– Это хорошо, что ты мне всё рассказал, а то меня твои документы, признаться, удивили.

– И что теперь со мной будет?

– Знаешь, у нас тут военный госпиталь, а не бордель, и проституток нет, ну, почти нет… Что твои анализы покажут, то в заключении и напишем. Это я тебе обещаю. Ну, и написал «Годен к лётной работе на вертолётах без ограничений». Сдержал слово.

Я как только документы получил, сразу в штаб ВВС округа позвонил, направленец меня знал.

– Товарищ полковник, старший лейтенант Костин, есть заключение ВВК.

– И что там?

– «Годен без ограничений»!

– Хм… Ты где сейчас?

– В Сокольниках.

– За час до меня доберёшься?

– Так точно!

– Ну, давай, пропуск я закажу.

Ну, собрал я вещи, и ходу! Даже врача поблагодарить не успел, не нашёл его. Взял такси на последние, и на Хорошёвку.

Направленец меня уже ждал.

– В Торжок поедешь?

– На лётную?

– Да, на Ми-8, на правую чашку.

– Поеду!

– Как на правую?! – перебил я, – это же всё сначала!

– Неважно. Главное, летать буду, а там налетаю, что моё. Ну, всё, вроде собрался, полчаса до автобуса, надо идти.

– Термос забыл…

– Нет, не забыл. Это тебе. На память и на удачу. Не бойся, на нем зла нет.

– А как же ты?

– У меня там всё будет по-новому. Старая память и старая удача пусть останутся здесь…

Я помог ему донести сумки до автобуса, и он уехал.

Я оставил ему свой московский адрес и телефон, он обещал написать мне в гарнизон или в Москву, когда устроится и обживётся, но не написал и не позвонил.

Вскоре я получил новое назначение и уехал их этого гарнизона. Серо-голубой китайский термос с металлической ручкой поселился у меня на кухне.

Однажды я простудился и не пошёл на службу. В шестом часу вечера, в самый тревожный час суток, я стоял на кухне и смотрел на

красное закатное небо, перечёркнутое дымами заводских труб. Вдруг за спиной что-то громко щёлкнуло. Я оглянулся.

Под термосом на скатерти расплывалось тёмное, в сумерках похожее на кровь пятно.

У меня перехватило дыхание, неожиданно и страшно дало перебой сердце, и я вдруг понял, что с этой минуты писем и телефонных звонков от старшего лейтенанта Николая Костина ждать бессмысленно.

Кадет Биглер Случай на пустой дороге

Проехали Тулу.

Небо на востоке начало светлеть, и стена дремучего леса, подступившего к дороге, на глазах стала распадаться на неожиданно жидкие деревья и кусты полосы снегозадержания. В предутреннем сумраке редкие встречные машины шли с дальним светом, от которого у близорукого старлея уже давно саднило под веками.

Батальон связи и РТО возвращался с учений. Тяжёлая техника ушла по железной дороге, а подвижную группу, чтобы потренировать водителей, отправили в ППД[82] своим ходом.

Ведущим в колонне шёл новенький «Урал». Дизель, в который ещё не ступала нога военного водителя, сдержанно порыкивал, как бы не замечая тяжеленного кунга с аппаратурой и электростанции, которую он тащил на прицепе. В кабине, привалясь к правой дверце, дремал ротный, а между ним и водителем, держа карту на коленях, боролся со сном старлей. Ротный недавно перевёлся из Польши, подмосковных дорог не знал, поэтому взял в свою машину москвича-старлея. В кабине приятно пахло новым автомобилем – кожей, свежей краской и ещё чем-то неуловимым, но очень уютным. Втроём в кабине было тесновато, и старлей сидел боком, чтобы не мешать водителю переключать скорости.

Учения прошли удачно: полк отлетал хорошо, станции не ломались, все были живы и относительно здоровы. Оставалось только без приключений доехать до гарнизона.

Старлей осторожно, чтобы не разбудить ротного, полез за термосом. Во рту осела горькая, несмываемая копоть от множества выкуренных натощак сигарет и спиртового перегара – обычный вкус воинской службы… Потягивая осторожно, чтобы не облиться, остывший чай, старлей представлял, как они загонят технику в автопарк, а потом он мимо вещевого склада и спортгородка, не спеша, оттягивая предстоящее удовольствие, пойдёт в общагу. А потом будет горячий душ, и полстакана водки, и пиво, и горячая еда на чистой тарелке, и законные сутки отдыха. А следующим утром можно будет

спокойно пить кофе и слушать, как бранятся на ветках воробьи, не нарушая тишины зимнего, солнечного утра.

Старлей покосился на ротного – в свете фар встречных машин его лицо казалось совсем старым и больным. «Неудивительно, – подумал старлей, – ему на учениях досталось, пожалуй, больше других, вот и вымотался, да и сердце у него, похоже, прихватывает, пару раз видел, как он за грудь держался».

Колонна медленно втягивалась за поворот, и вдруг старлей далеко впереди увидел какого-то человека, который махал светящимся жезлом, требуя остановиться.

– Товарищ майор, – тихонько позвал старлей, – впереди кто-то дубиной машет, мент, вроде…

Ротный мгновенно проснулся, посмотрел на дорогу и нахмурился.

– Останавливай колонну! – приказал он водителю, да смотри, не тормози резко, посигналь габаритами!

Колонна начала замедлять ход, прижимаясь к обочине. Ротный молча достал из кармана бушлата пистолет, дослал патрон в патронник и положил его на колени так, чтобы с подножки машины его не было видно.

Обычно военные колонны милиция не останавливала, а тут – ночью, на пустой дороге, человек, вроде в милицейской форме – в темноте толком не разглядеть – требует остановиться! Подозрительно… «Может, – подумал старлей, – учения продолжаются, и сейчас нас будет захватывать какой-нибудь спецназ?» О таких учениях он слышал, и озабоченно спросил у ротного:

– Товарищ майор, может, это десантура на нас тренироваться будет? Как бы не пострелять друг друга, у караула-то патроны боевые…

– Разберёмся сейчас – хмуро ответил ротный, – похоже, обычный мент… И чего не спится?

Милиционер быстрым шагом подошёл к «Уралу», открыл дверцу и внезапно увидел направленный ему в грудь пистолет. Его рука непроизвольно дёрнулась к кобуре, но потом он, видимо, сообразил, что всё равно не успеет, и, увидев, что за рулём – солдат в форме, а в ручку бардачка засунута офицерская фуражка, успокоился и произнёс:

– Капитан милиции Захарчук! Впереди крупное ДТП, у вас врач есть?

– Есть, – сказал ротный, вылезая из кабины, – сейчас.

Пистолет он опустил, но в карман почему-то не убирал.

– Ну-ка, – обратился он к старлею, – проверь, чтобы караул вокруг машин выставили, и доктора сюда.

Ничего делать, однако, не пришлось. Понукаемые начальниками станций, из кунгов уже вылезали сонные бойцы с автоматами, а офицеры шли к головной машине.

– Ну, капитан, показывай, что у вас тут? – сказал ротный.

Впереди, метрах в двадцати у обочины стоял красно-белый «Икарус» с изуродованной передней частью. Левый борт у него был сильно смят, а местами содран, так что видны были ряды сидений. Часть окон была выбита и валялась тут же на асфальте.

– Кто это его так? – спросил старлей.

– А вон, – махнул жезлом гаишник, – в кювете лежит. Заснул, наверное.

На противоположной обочине в глубоком кювете валялся грузовик, марку которого старлей даже не смог определить.

– А водитель?

– В кабине… Я глянул, даже вытаскивать не стал… и шофёр автобуса – тоже насмерть, а среди пассажиров много раненых, врач нужен. Машин на трассе мало, никто не останавливается, хорошо хоть вы мимо ехали.

– А ты бы по рации связался со своими, – заметил ротный, – для чего она у тебя на боку-то висит?

– Пробовал, не берет, далеко, наверное.

– Ну, это не проблема, радиостанция у нас есть, сейчас и развернём, частоту знаешь?

– Откуда? – махнул рукой гаишник, – у меня тут только кнопки: «1», «2» и «3»…

– Ясно. Рация, значит, отпадает. Где доктор?

– Здесь, товарищ майор. А фельдшер за перевязками побежал. Мне свет нужен, брезент, чтобы раненых положить, ну, и тепло, костёр, что ли.

Солдаты, увидев разбитый автобус и грузовик, старались изо всех сил. С аппаратной сдёрнули брезент, и скоро около автобуса запылал костёр. Двухметровый доктор Толя, прошедший Афган, и поэтому ничему не удивляющийся, быстро осмотрел раненых, вместе с

фельдшером перевязал несколько человек, а потом подошёл к группе офицеров.

– Ну, что скажешь? – спросил ротный.

– Ушибы, ссадины, есть рваные раны, может, один-два перелома, в целом – ничего угрожающего. Но одна женщина мне не нравится. Очень не нравится. Очень, – ещё раз повторил Толя, закуривая. – Черепная травма какая-то нехорошая, а главное – поведение её. Я таких видел. У неё как будто завод кончается, слабеет на глазах, и кровотечение… Надо в больницу срочно, боюсь, до утра может не дотянуть.

– Есть на чём отвезти? – повернулся гаишник к ротному, – тут больница недалеко, километров 20 надо вернуться.

– Если бы… Одни аппаратные, там даже и не положишь её. «Санитарку», как назло, по железной дороге отправили, чтобы не развалилась окончательно.

– Ну не на мотоцикле же моём её везти?

– Вот что, – принял решение ротный. Повезём на «Урале». Я – за рулём, женщину – в кабину, ты – кивнул он старлею, – сядешь рядом, будешь её держать.

– А ну, электростанцию долой с крюка! – скомандовал он солдатам.

Через пару минут «Урал» взревел, выплюнув струю сизого дыма, круто развернулся и пошёл вдоль колонны назад, к Туле. Ротный, пригнувшись к рулю, вёл грузовик, а старлей бережно придерживал за плечи женщину. Её губы постоянно шевелились, повторяя одну и ту же фразу. За рёвом мотора старлей никак не мог её расслышать, наконец, нагнувшись к лицу раненой, услышал: «Адрес, запишите адрес, если… не доедем… Адрес…» Её голос становился все слабее и слабее, но губы упрямо шевелились, повторяя адрес. Старлей повернул голову налево и увидел пятна крови на своём бушлате и на руке. Ему стало страшно, он понял, что прижимает к себе умирающего человека. Изловчившись, старлей открыл планшет и на обороте карты записал адрес в Туле, но женщина этого уже не замечала – у неё закатывались глаза, а все тело пробирало ознобом.

– Ну, где же эта больница-то?! – нервно спросил старлей, – может, проскочили?

Ротный не ответил. Наконец, в лучах фар мелькнул синий указатель, и колеса грузовика захрустели по гравию. В одноэтажной деревянной больнице все окна были тёмными. Ротный выскочил из кабины и попытался открыть калитку. Калитка была заперта на замок. Тогда он забрался в кабину и нажал педаль «воздушки». Мощный рёв сигнала, казалось, переполошил всю округу, но в больнице было тихо и темно. Ротный упрямо продолжал сигналить, пока одно из окон не засветилось. На крыльцо вышла женщина, кутаясь в ватник.

– Ну, чего шумим? – сварливо спросила она, – небось, всех больных перебудили! Совести у вас нет!

– Принимайте раненую! – зло ответил ротный, – у неё голова пробита.

– Какую ещё раненую? В Тулу везите! – заволновалась женщина, – в Тулу!

– Не довезём до Тулы, берите, я говорю!

– Нет, – замахала руками женщина, – не можем, у нас и условиев нет! В Тулу езжайте!

– А дежурный врач есть? – холодно прищурившись, спросил ротный. – Быстро сюда его!

Женщина молча повернулась и ушла в темноту. Вскоре на крыльцо вышел полуодетый мужчина.

– Вы врач?

– Ну, я врач. Сказано, в Тулу везите.

– Да вы её хоть осмотрите! Мало ли что, укол какой… Вы же врач!

– Нет, сказал мужчина, – и смотреть не буду. В Тулу езжайте, в горбольницу. А у нас тут условий никаких нет.

– В Тулу, значит? – медленно сказал ротный, – в Тулу? Ах ты сука! В Тулу… Можно и в Тулу… Но сначала я тебя, паскуду, вот прямо здесь грохну, а потом разгоню «Урал» и снесу нахер полбольницы, понял? Ты, понял, я тебя спрашиваю?!! – внезапно заорал ротный и сунул под нос врача пистолет, щёлкнув предохранителем.

Тот отшатнулся, несколько секунд молча глядел в лицо ротному, а потом обернулся и крикнул: «Каталку!» Женщину осторожно вытащили из кабины, положили на каталку. Врач и женщина в ватнике укатили её вглубь здания.

Ротный сел в кабину, взялся за руль и пустым взглядом уставился в ветровое стекло.

Старлей случайно взглянул на его руки: побелевшие костяшки пальцев резко выделялись на чёрной пластмассе.

В окнах больницы зажегся обычный свет, потом мертвенно белые, хирургические бестеневые лампы.

– Вот сволочи, – возмутился старлей, – а говорили – ничего не могут…

Ротный промолчал.

Вскоре старлей услышал завывание сирены.

– Всё-таки «Скорую» вызвали, – сказал он.

– «Скорую»? – усмехнулся ротный, – ну-ну…

К больнице подъехал милицейский УАЗик. Ротный не двинулся с места.

К «Уралу» подошёл другой гаишник, на этот раз старший лейтенант.

– Товарищ майор, я все знаю, мимо аварии и вашей колонны проезжал, мне капитан Захарчук рассказал. Этот, – гаишник кивнул на больницу, – настучал, что вы ему оружием грозили. Было?

– Да, – разлепил губы ротный.

– Ясно… Херово. Тогда вы вот что, поезжайте к своей колонне, а мы тут дальше уж сами… И с врачом я потом, после операции поговорю, а вам нечего тут отсвечивать, как бы, правда, беды не вышло.

– Адрес запишите, – сказал ротный, – женщины этой адрес. И сообщите родным. Обещаете?

– Обещаю, – серьёзно сказал гаишник, – совесть ещё не потерял. А вы поезжайте.

Ротный молча кивнул, потом неожиданно повернулся к старлею и сказал:

– Садись за руль.

Он снял руки с руля и старлей увидел, как у ротного дрожат руки.

Они молча поменялись местами.

Ротный сидел в кабине, неловко ссутулившись и положив руки на колени. Внезапно он мотнул головой и сквозь зубы простонал: «Бля-а-а-а…»

– Вам плохо, товарищ майор? – испуганно спросил старлей.

Ротный не ответил. Старлей испугался. Он вдруг представил, как ротному станет плохо с сердцем и у него закатятся глаза, как у той женщины, кровь которой осталась у него на бушлате. Он судорожно прикидывал, есть ли в машине аптечка, и вообще – что делать? Почему-то он представил, как будет делать искусственное дыхание ротному. «Рот в рот, – подумал он, – а шеф-то небрит… Как это раньше писали? «Уста в уста» – вдруг ни к селу, ни к городу вспомнилось старлею, и он еле сдержал нервный смешок. «Уста в уста» – повторял он, нажимая на газ все сильнее и сильнее, – «Уста в уста»… Ему очень хотелось как можно быстрее доехать до колонны, где их встретит спокойный доктор Толя, который точно знает, что делать, и на которого можно будет свалить ответственность за ротного, похожего на покойника.

– Не гони! – внезапно ожил ротный, – каскадёр, бля, куда торопишься?

– Товарищ майор, у вас что болит? Сердце? Потерпите, скоро доедем! – обрадовавшись, что ротный заговорил, заторопился старлей.

– А знаешь, – не глядя на старлея, сказал ротный, – ещё чуть-чуть, и я бы этого врача застрелил. Он бы что-нибудь такое сказал, а я бы выстрелил. Был готов к этому.

– Так ведь не застрелили, товарищ майор, – весело ответил старлей, – а «чуть-чуть» не считается!

Ротный помолчал, глядя на пустую дорогу, потом повернулся к старлею и тихо, так что старлей еле расслышал, сказал:

– Считается. Ещё как считается…

Кадет Биглер Короткий вызов иль картель

Вторые сутки шёл снег. Невиданный, невозможный в этих широтах и в это время года снегопад завалил гарнизон истребителей ПВО. Казалось, на аэродром навалилась огромная, сырая перина, из прорех в которой, сделанных антеннами РЛС и шпилями громоотводов, падает мокрый, тяжёлый пух. Сначала люди, сгребая горы снега, удивлялись и весело шутили над странной прихотью погоды, но потом шутки кончились. Вся аэродромная техника была выведена из парков и работала круглосуточно; громоздкие, воняющие соляркой КрАЗ-ы-утконосы, роторные снегоочистители и бульдозеры вторые сутки не уходила в свои боксы, валившихся с ног солдат-водителей сменяли офицеры, здесь же дежурили топливозаправщики и авторемонтные мастерские. На лётное поле был выведен весь личный состав полка, ведь снегоуборочная техника не может работать на стоянках и в «карманах». Еду и горячий чай привозили прямо на аэродром. Люди и машины работали изо всех сил но, со снегопадом всё-таки справиться не могли. Сначала прекратили расчистку стоянок, потом бросили убирать рулёжные дорожки; о том, чтобы убирать жилую зону, заваленную полуметровым слоем снега, никто и не думал.

Когда из-за снежного месива стала непроходимой магистральная рулёжка, аэродром всё-таки пришлось закрыть, и это было плохо, потому что там, на высоте всего полутора-двух километров над тучами, было чистое, ярко-синее весеннее небо приграничья. Истребительная авиация ПВО – всепогодная. Пилоты должны поднимать в небо свои перехватчики в любую погоду – в дождь и в снег, днём и ночью, выполнить боевую задачу и уйти на другой аэродром, если нельзя сесть на свой, или катапультироваться, если посадит машину некуда. Конечно, воздушное пространство охраняют и дивизионы зенитных ракет, но в сильный снегопад дальность обнаружения их РЛС падает почти в два раза…

К исходу вторых суток на аэродром прибыл командующий округом ПВО. Вместе со свитой он проехал сразу на лётное поле и, осмотрев громадные сугробы, наваленные вдоль взлётки и снежную кашу под ногами, приказал вызвать командира аэродромной роты.

Пока искали ротного, командующий, ни с кем не разговаривая и не меняя позы, стоял на бетонке, похожий на скверный памятник. Командир полка и офицеры штаба округа тоже молчали. Наконец, из снежной мути показался роторный снегоочиститель. Из кабины выпрыгнул офицер и побежал к генералу.

Как и его подчинённые, командир роты не спал вторые сутки, охрип от крика и курения натощак, небритый, пропахший потом и соляркой, с покрасневшим, обветренным лицом, в стоящей колом, замызганной техничке и сапогах, он был похож на нерадивого солдата.

– Товарищ командующий, командир аэродромной роты по вашему при…

И тут командующий заговорил. Человек грубый и невежественный, он был известен сквернословием и хамским, пренебрежительным отношением к подчинённым. В выражениях он никогда не стеснялся, не терпел малейших возражений и любил повторять, что ранение в голову, полученное во время войны, нисколько не мешает ему командовать округом.

Сейчас нет необходимости воспроизводить его слова.

Капитан, стоя по стойке «смирно» и глядя командующему прямо в лицо, молча ждал, пока прекратится поток брани и оскорблений.

– Ну, чего уставился? – недовольно спросил генерал, заметив, наконец, непривычное поведение подчинённого.

– Товарищ командующий, – сорванным голосом произнёс капитан, – вы нанесли мне оскорбление, я вызываю вас на дуэль.

– Что-о-о?!!

– Я вызываю вас на дуэль! – холодно повторил капитан. Вы незаслуженно оскорбили меня, а другого способа защитить свою честь, у меня нет. Предлагаю стреляться на пистолетах.

На аэродром упала тишина. Снегопад заглушал гудение машин и скрежет лопат о бетон, поэтому было слышно, как снежинки с шуршанием падают на козырьки офицерских фуражек и, тая, стекают на лицо каплями тёплой воды.

Капитан и генерал молча стояли, глядя друг другу в глаза.

Внезапно командующий круто повернулся и, не произнеся ни одного слова, пошёл к своей «Волге». Захлопали дверцы и через несколько секунд капитан остался один. Устало ссутулившись, он

повернулся и пошёл вдоль взлётки. За ним, рыча дизелем, потихоньку ехал снегоочиститель.

***

А на следующее утро снегопад кончился. Над гарнизоном распахнулось пронзительно синее, весеннее небо, со срезов шиферных крыш свесились сосульки, а на проталинах над теплотрассой упоённо орали и дрались воробьи. Гарнизон выглядел прибранным, как квартира перед приходом гостей. Тропинки на свежем снегу были ещё чистыми, снег хрустел под ногами и блестящей пылью осыпался с веток деревьев.

Командир аэродромной роты шёл в штаб. Он знал, что его обязательно вызовут, поэтому заранее побрился и погладил форму.

В кабинете, кроме командира полка, сидели замполит, особист и, почему-то, начмед.

– Ну, – хмуро сказал командир, – расскажи, что вчера было.

– Товарищ полковник, вчера командующий округом ПВО нанёс мне оскорбление и я вызывал его на дуэль.

– Ты соображаешь, что…?! – взвился замполит.

– Другого способа защитить свою честь у меня не было, – твёрдо ответил капитан, глядя в лицо командира полка, – вы же промолчали.

– Послушайте, – вдруг вмешался начмед, – а вы вчера хорошо себя чувствовали? Всё-таки усталость, ночь без сна…

– Нормально я себя чувствовал, – усмехнулся капитан. – И с головой у меня тоже все в порядке.

– Ладно, – поморщился командир полка, – идите пока. Мы подумаем, что с вами делать.

Капитан повернулся и пошёл к двери.

– Минуту! – остановил его молчавший до сих пор особист. – Не выходя из штаба, напишите рапорт о вчерашнем происшествии. На имя командира. Копию – мне.

***

На этом история командира аэродромной роты, вызвавшего на дуэль командующего, собственно, и заканчивается. Что стало с этим капитаном, за давностью лет я сказать не могу. Офицер штаба округа, от которого я услышал эту историю, говорил, что ротный всё-таки отлежал в госпитале, был признан вполне нормальным, вернулся дослуживать в свой полк, да так и уволился капитаном. Действительно, ведь в обато майорских должностей и так мало, а тут ещё дуэль…

Интересно другое. Рассказывают, что после этого случая, командующий в общении с подчинёнными стал гораздо сдержаннее, и до самого увольнения из армии на тот аэродром истребителей ПВО больше не приезжал. Ни разу.

Кадет Биглер Три капитана

Июльский полдень, суббота. С безоблачного украинского неба вместе с потоками солнечного света стекает лень. Она расползается по пустынному аэродрому, вместе с горячим воздухом струится над рулёжками, цепляется за раскоряченные антенны РСП.[83] Дежурный по стоянке части забрался под фюзеляж Ту-22 – единственное прохладное место на аэродроме – и лениво ругает эскадрильских собак, которые норовят разлечься на самой середине чехла. Дежурному хочется искупаться. Пропотевшая техничка противно липнет к телу. Речка рядом, но уйти нельзя. ДСЧ закрыл глаза и, явственно представив, как он с разбегу ныряет в прохладную, чистую воду, начал подвывать от безысходности. Услышав знакомые звуки, собаки вступают в хор вторым голосом.

По улице уездного города Ж* идут два капитана. Один капитан, РЭБовец, – москвич, прибыл в полк на личную стажировку. Другой, «радист», – местный. Вообще-то, приезжий капитан – невелика птица, но зам. командира полка по ИАС,[84] старый, битый жизнью и старшими начальниками, и потому недоверчивый подполковник, москвичам не верит. И, чтобы приезжий зря не бродил по аэродрому и не совал нос куда не надо, радисту поставлена задача – организовать гостю «культурную программу». «Радист», которому родной аэродром надоел до последней крайности, взялся за дело с удовольствием. Кроме того, он надеялся перебраться поближе к Приарбатскому военному округу и рассчитывал на помощь москвича.

Культурная программа состояла из трёх пунктов: пьянки, которая, впрочем, быстро обоим надоела, дайвинга на местной речке и бильярда в Доме офицеров. Поскольку от посещения городского театра и иных филармоний было решено воздержаться, в плане мероприятий выходного дня возникла угрожающая брешь.

Тогда радист предложил гостю перейти к удовольствиям иного сорта и нанести дружеский визит в общежитие чулочно-носочной фабрики. Как пишут дипломаты, «предложение было с благодарностью принято», и два капитана, преодолев жару и лень,

отправились по известному всей холостой части полка адресу, предварительно посетив гастроном.

На проходной общежития их встретила комендантша, тётка неопределённого возраста, облачённая в серый халат и похожая на гигантскую, угрюмую моль.

«Моль» потребовала от гостей в залог документы, которые обещала вернуть «по выходу». Москвич задумался. Местный исподтишка показал старой грымзе кулак и отдал документы за двоих – удостоверение личности и партбилет.

Встреча с работницами лёгкой промышленности проходила в тёплой, непринуждённой обстановке и несколько затянулась. Когда капитаны выпили «по последней» и собрались восвояси, выяснилось, что суббота давно кончилась и на дворе уже воскресенье. Тут же на похмельные головы офицеров свалилась новая напасть – комендантша, оказывается, кулак заметила и предъявила наглый ультиматум: «Или вы называете номер комнаты, в которой ночевали, или я отдам документы только вашему командиру!»

Капитаны, конечно, ответили Чемберлену достойным «нет», только в более развёрнутой форме, и вышли на улицу.

– Ну, и что будем делать? – спросил москвич, морщась и потирая виски. – Удостоверением можно и пожертвовать, новое выдадут, никуда не денутся, а вот партбилет надо спасать…

– Сначала – на рынок, – непонятно ответил местный.

– Нахрена?!

– Там пиво с восьми продают…

После первой кружки мути в головах ощутимо поубавилось, а мыслительный процесс перешёл в режим «Турбо».

Допили вторую. Местный капитан, неожиданно впечатав кружку в шатучий столик, на чистом древнегреческом воскликнул «Эврика!» и тут же перевёл на родной: «Идея, бля!»

– Поехали, только бы он был на месте!

К счастью, *он* был на месте. Капитан 3-го ранга Третьяк сидел на лавочке перед гостиницей и занимался важным делом: учил подавать лапу гостиничного кота. В качестве материального стимула использовалась банка с консервированной рыбой.

Чёрный кошак с драными ушами по кличке «Хруст», брезгливо щурясь, поедал рыбу, но лапу давать категорически отказывался.

– Викторыч, кончай цирк зверей разводить, – сказал местный капитан, – всё равно он тебе лапу не даст, у тебя глаза недобрые. Поговорить надо.

– Ладно, салаги, – сказал Третьяк, выслушав скорбную повесть, – помогу. Как Суворов-то говорил? «Сам погибай, а товарища выручай!» Пойду, переоденусь. Рыбу зверю отдайте…

– Ты, это, Викторыч, значков, там, орденов побольше надень…

– Учёного учить – только портить! Я быстро.

Вообще-то, Третьяк был не капитан 3-го ранга, а самый обычный майор, но раньше служил в полку морской авиации и форму сменить не успел. Его чёрный, как у Штирлица, мундир, двухметровый рост и усы производили на официанток, буфетчиц, и телефонисток глубоко сухопутного гарнизона неизгладимое впечатление. На этом, собственно, и строился расчёт.

Викторыч не подкачал. Ослепительно белый чехол фуражки, не менее ослепительно черные туфли и китель, увешенный различными значками, за версту выдавали Начальника. Некоторые сомнения вызывало, правда, сочетание знаков «Командир подводной лодки» и «Парашютист-инструктор», но решили, что для комендантши сойдёт и так.

Два капитана остались на улице, а лже-капитан третьего ранга Третьяк отправился в самое логово. Минут десять были слышны только визгливые вопли комендантши, в которые периодически вклинивалось добродушное гудение майора, напиравшего на христианское смирение и всепрощение.

Наконец они оба появились на крыльце. Злобная моль, не умолкая ни на минуту, затирала о падении нравственности, распущенности и прочих метафизических материях.

Третьяк осторожно вытянул у неё из пальцев красную и зелёную книжечки и, подводя итог дискуссии, заметил:

– С подчинёнными своими я, конечно, побеседую, но вам надо к людям быть добрее. Вот вы, когда молодой были…

– Я?! – взвыла моль.

– Ну да, вы. Вы ведь отчего злитесь? – убаюкивающее гудел Третьяк, – оттого, что вас давно никто не трахал, не трахает, и, – он внимательно оглядел собеседницу, – пожалуй, уж и не будет! Счастливо оставаться.

Кадет Биглер Две твердыни

Учреждение по защите государственных тайн в печати размещалось в одном из самых уютных уголков Москвы, на Пречистенке, и занимало дом, отстроенный после пожара 1812 года. Особняк на удивление хорошо сохранился, толстые стены глушили уличный шум, паркет под ногами уютно поскрипывал, даже современные электрические светильники не портили картины. Полюбовавшись мраморной лестницей и окном-эркером, я поднялся на второй этаж и, сверившись с пропуском, вошёл в кабинет № 28.

Это был странный кабинет. На потолочном плафоне в окружении корзин с фруктами, гирлянд зелени и прочей плодоовощной продукции была нарисована тяжеловесная тётка в хитончике и с чем-то вроде мухобойки в руке. Казалось, она отгоняет от неестественно ярких груш и персиков малышей-путти, которые крутились вокруг неё, как воробьи вокруг торговки семечками. На стенах было изображено тоже что-то вегетарианское, а напротив высоченной двери помещался камин с мраморной доской и зеркалом.

О нелёгком ратном труде нынешних хозяев особняка напоминал плакат, чудо отечественной полиграфии, безжалостно приколоченное к стене. На плакате девица в шеломе и глубоко декольтированной кольчуге на голое тело, непринуждённо опираясь на меч-двуручник, рекламировала истребители.

Под плакатом за обычным канцелярским столом размещался Боец Невидимого Фронта. Боец был немолод, уныл и лысоват. Если немного повернуть голову, то казалось, что девица упирается острием меча в самый центр его лысины.

Давно привыкший к производимому эффекту, хозяин кабинета спокойно дождался, пока я перестал вертеть головой, надел очки, украдкой почесав дужкой лысину, пошуршал бумагами и сообщил:

– Мы ознакомились с рукописью вашего учебника. О его научной и методической ценности ничего говорить не буду, но в нем упоминаются некоторые изделия, гриф которых неизвестен. Я тут кое-что выписал, ознакомьтесь.

Я ознакомился. Ничего себе! Профессионально дотошный товарищ выудил все изделия, числом 18, которые не только изучались, но даже просто упоминались в нашей рукописи.

– Ваш учебник имеет гриф «несекретно», поэтому попрошу вас подготовить справочку по каждому изделию: кем, когда и каким приказом оно рассекречено. А уж с этой справочкой – ко мне.

***

– Шеф, все пропало! – проскулил я, ввалившись в кабинет начальника. Они хотят справку о рассекречивании всего нашего железа!

Шеф только что закончил регулировать кого-то из коллег, поэтому не успел утратить остроты административного оргазма.

– Ну, так сделай – меланхолично заметил он, – я, что ли, буду?

– Там восемнадцать позиций!

– Ну, и что? Кстати, срок – неделя.

***

И я пошёл. Я знал, что меня ждёт. Ни одной разведке мира эта работа была не по силам. Матёрый агент «Моссад», получив такое задание, от отчаяния вступил бы в Союз православных хоругвеносцев; глубоко законспирированный крот из ЦРУ, осознав всю безнадёжность миссии, заливаясь слезами раскаяния и осознания, пал бы на колени перед мемориальной доской Андропову на Лубянке.

Советский офицер ничего этого сделать не имел права, поэтому я начал поиски.

***

В те годы Рода и Виды Вооружённых Сил, подобно амёбам на предметном стекле микроскопа, то объединялись, то, наоборот, распадались на части, а штабы и службы бессистемно бродили по

Москве, ненадолго задерживаясь в самых неожиданных местах. Помню, одна солидная организация почти полгода прожила на продуктовом складе на Ходынском поле, а другая снимала угол у Института космической медицины. Судя по запаху, это был угол вивария.

Телефонов этих штабов и служб никто не знал, потому что они все время менялись. В некоторых конторах городских телефонов не было вообще, и с чиновниками приходилось общаться с помощью полевого телефона на тумбочке дневального.

Как я и предполагал, никто точно не знал, что секретно, а что нет. В результате трансформации Вооружённых Сил СССР в ОВС СНГ, а потом и в ВС РФ часть документов попросту исчезла. Окончательную стройность и законченность картине придало объединение ВВС и ПВО. Однако, все в один голос повторяли, что где-то в одном из высоких штабов есть некто, и этот некто **знает точно**. Через две недели поисков его удалось найти.

Это тоже был очень странный дом. Чудовищная трёхметровая входная дверь, украшенная бронзовым милитаристским инвентарём, казалось, не открывалась лет сорок. Приглядевшись, я обнаружил, что в ней сбоку прорезана дверь обычных, вполне человеческих размеров.

Больше всего это напоминало зал ожидания на железнодорожной станции Конотоп. Какие-то доисторические чугунные лавки, крашеные десятью слоёв краски стены, устойчивый запах прокисшего табачного дыма и бойлерной.

Громадное здание было построено по какому-то запутанному, бестолковому плану. Я шёл по тёмным коридорам, которые неожиданно поднимались на полметра и также неожиданно сворачивали в тупик. Я поднимался на лифтах, которые ходили почему-то только с четвёртого до седьмого этажа и спускался по коротким, плохо освещённым лестницам. Через некоторое время я полностью потерял ориентировку, потому что окон на набережную мне не попадалось, а спросить было не у кого. В самый разгар рабочего дня здание казалось пустым и заброшенным, во многих коридорах не горел свет, табличек на дверях тоже не было. Наконец, за дверью одного из кабинетов я услышал голоса. В комнате расположилась компания полковников, которые вкусно кушали рыбку под «Очаковское специальное», расстелив на столе какие-то чертежи. О

том, что сидят давно и хорошо, свидетельствовало обилие «стреляных гильз», аккуратно составленных под столом. На меня полковники отреагировали вяло, впрочем, один всё-таки нашёл в себе силы поинтересоваться, «Какого, собственно…» Я объяснил. Полковник надолго задумался, покачиваясь над столом, и разглядывая младшего по званию, нахально оторвавшего его от любимого дела, потом сосредоточился и одним ёмким жестом показал, куда идти, примерно так, как это делают лётчики, поясняющие ход воздушного боя. Я, в свою очередь, напрягся, запоминая дорогу. О том, чтобы переспросить, не могло быть и речи.

Наконец, нужный кабинет обнаружился, за столом в углу сидел какой-то полковник.

– Разрешите?

– Заходи, – приглашающе махнул рукой полковник, – тебе чего?

Я на одном дыхании выдал уже заученную наизусть фразу о рассекречивании.

– Ишь, – удивился полковник, – точно, ко мне. Ну, садись. Повезло тебе, – почему-то добавил он. – Понял?

– Так точно, понял! – механически ответил я.

– Пока ещё ты ни хрена не понял, но сейчас поймёшь.

Хозяин кабинета, не глядя, протянул руку и выволок из открытого сейфа толстую тетрадь.

– На! Садись, где нравится. Чего будет непонятно, спросишь. Понял?

Видимо, словечко «понял» у полковника было любимым.

Я стал разглядывать тетрадь. Это даже была не тетрадь, а книга вроде гроссбуха в потёртой обложке «под мрамор». «Рабочая тетрадь инженер-майора… (зачёркнуто)… подполковника… (зачёркнуто)… полковника… Начата в 195…. Записи в книге велись разными почерками, чёрными и фиолетовыми чернилами, по-моему, кое-где даже химическим карандашом. Но там было всё! То есть, в буквальном смысле все авиационные средства, которые когда-либо выпускались в СССР, начиная с допотопной ламповой станции, когда-то стянутой у американцев, и кончая самыми современными изделиями. Даты приёма на вооружение, номера приказов, грифы, приказы о рассекречивании, заводы-изготовители, словом, всё, о чем можно было

только мечтать. В аккуратно разграфлённой тетради, чётким, канцелярским почерком.

– Ну, теперь-то понял, что тебе повезло? – спросил полковник.

– Теперь понял! – восторженно подтвердил я.

– И опять ты ни хрена не понял, – терпеливо сказал полковник. – У меня вот диабет, жрать ничего нельзя, о водке я вообще молчу. И уколы. А я переслуживал, сидел тут. Потому что квартиру ждал. А вчера ордер получил, так что мне здесь осталась крайняя неделя. Ты вот здесь кого-нибудь, кроме меня, видишь?

– Нет… – удивился я. – Не вижу.

– Правильно, что не видишь, потому что кроме нас с тобой здесь никого нет и быть не может. Я в отделе остался один, все поувольнялись. Когда я сюда пришёл, майором ещё, мне эту тетрадь передал полковник, который на дембель уходил, и объяснил, что к чему. А ему – другой полковник. А когда я уйду, знаешь, что будет?

– Ну… – замялся я, – не знаю…

– А вот я – знаю! Все мои рабочие тетради автоматом полетят в печь, кто в них разбираться-то будет?

– Ну да, наверное…

– То-то, что «наверное»! Я вообще крайний, кто **знает**! Понял теперь, как тебе повезло?

Кадет Биглер Ихтиандр Андрей Андреич и фотовспышка

– Ихтиандр, сын мой, – сказал подполковник С*, – одна очень дружественная, но безрукая кафедра обратилась к нам с просьбой. Надо починить фотовспышку.

– Научные коммунисты все безрукие, – сварливо откликнулся Ихтиандр, – у них только языки длинные, и те из жопы растут!

Работников скрещённых языков Андрей Андреич ненавидел. Дело в том что Ихтиандр пытался учиться на вечернем отделении нашего института, и в прошедшей сессии ему подошло время сдавать Историю партии. К несчастью, ему выпало отвечать заведующему кафедрой, известному, в частности, тем, что во время войны он служил в СМЕРШе. Зав. только что прибыл с очередного райкомовского камлания, поэтому пах коньяком и был благостен. Однако, выслушав Ихтиандра, он сообщил, что тот за 10 минут набормотал как минимум на «пятнашку» с поражением в правах, и влепил ему «банан» прямо в зачётку. Потом наш начальник сходил с этой зачёткой куда надо, и «банан» трансмутировал в тройку, но, как говорится, осадочек-то остался…

– Из жопы, значит? – задумчиво переспросил подполковник С* и вдруг заорал:

– Ты кому это говоришь, а?! Мне, коммунисту?!! Да ты же контра! Водолазная гидра контрреволюции! А ну-ка, – тут подполковник С* завозился в кресле, пытаясь передвинуть кобуру на живот (он был дежурным по кафедре) – прогуляйся во-он до той стеночки…

– Да вы все равно не попадёте! – нахально ответил Ихтиандр не двигаясь с места, – когда последний раз из пистолета-то стреляли?

– А вот сейчас и проверим, – как бы про себя пробормотал подполковник С*, – патроны у меня лишние есть, – сейчас я этому белому гаду плавательный пузырь нарушу…

– Ну, ладно-ладно, – заюлил Ихтиандр, почуявший, что шутки кончаются, – где вспышка?

– Вон, пакет на столе. Да там и делов-то… фишка от синхроконтакта отпаялась.

Андрей Андреич быстро развинтил маленький разъем и стал зачищать провод, однако фторопластовая изоляция не поддавалась, тупой скальпель скользил. Сделав несколько попыток, Ихтиандр, не долго думая, сунул провод в рот.

Отчётливо лязгнули зубы. Ихтиандр вскочил со стула и застыл посередине мастерской, выпучив глаза и раскрыв рот, из которого наподобие надувного трапа вывалился огромный, фиолетовый язык.

– Э-э-э, ты это чего? – задал я идиотский вопрос. Что случилось с Ихтиандром, было ясно, как божий день. Очевидно, на каком-то конденсаторе ещё осталось напряжение, и наш учебный мастер разрядил его на себя.

Справившись с естественным шоком, мы стали думать, что делать дальше.

– Надо бы «Скорую» вызвать… – осторожно предложил С*. Он был дежурным, и поэтому острее всех ощущал ответственность.

– На кафедру врача не пустят, а вести Ихтиандра через весь институт с высунутым языком негигиенично! – возразил я.

– Давайте хоть обратно его запихаем, – предложил капитан Д*.

– Не влезет… – засомневался С*, – хотя попробовать можно. Он взял с верстака стамеску и повернулся к Ихтиандру. Кто-нибудь знает, куда его там пихать?

Ихтиандр замычал и отпихнул стамеску.

– Дурачок, тебе же полегчает! – уговаривал его С*.

– А ну! – веско сказал подполковник В*. Открыв личный сейф, он достал оттуда бутылку водки, налил полную чашку и протянул Ихтиандру:

– Суй язык в чашку!

Ихтиандр послушно обмакнул язык в водку и притих. Мы облегчённо закурили.

– Фу, бля… – сказал подполковник С*, – сейчас бы он двинул кони, так бы и хоронить пришлось – с высунутым языком!

–Да… – заметил я, – а ведь осиротеть могли…. Позвольте-позвольте, что это за звуки?!

Мы оглянулись. Ихтиандр, сидя на стуле, каким-то образом наладился лакать водку, как кошка.

– Ага, – удовлетворённо заметил подполковник В*, – водку пьёт, значит – жить будет! Проверено.

Под шумок Ихтиандр вылакал всю чашку, язык у него занял штатное место, только речь была слегка невнятной, то ли от водки, то ли от удара током.

– Ладно, – сказал я, – давай, доделывай вспышку и иди домой, ну тебя к богу в рай!

Обалдевший от удара током и от чашки водки натощак Ихтиандр кивнул, повертел в руках провод и… опять сунул его в рот!

И второй раз лязгнули зубы. Андрей Андреич вскочил, промычал: «Бля-а-а-а!!!» и с размаху шарахнул несчастную вспышку об стену.

Брызнули осколки.

BratPoRazumu Сказки «триста десятой» сопки. Сказка б/н 03

Когда у Родины случался неурожай призываемых в ряды «средних азиатов», она вспоминала о краях, которыми когда-то весьма удачно приросла. Причём вспоминались ей почему-то самые дальние приростки. Вот уж не знаю, как ловкие военкомы добирались до всех этих заимок – зимовий – стойбищ – кочевий – одиноко куда-то бредущих граждан, туда, где не пройдёт ГТС[85] летом и «Буран» во все остальное время года, что рассказывали про отдачу долга…

По знанию русского языка тундрюки мало отличались от своих коллег, отловленных по кишлакам и аулам, но с оружием, как правило, обращаться умели. Неудивительно, что большинство из них попадало в «стрельцы».

Ну, да это только присказка – сказка впереди.

Полку – тревога. Учебная, мля, мало им боевых, с вылетами в составе ДЗ![86] Но хоть и учебная, нормативы никто не отменял, поэтому – галопом. Стоянки эскадрилий рассредоточены, и одна из них, мягко говоря, далековато. Через весь аэродром. Добираться до неё лучше всего было на вертолёте… или, как минимум, на чём-то автомобилеобразном. Пешком, особенно зимой – натуральный мазохизм.

А тут тревога. И с транспортом нестыковочка какая-то вышла, может, раздолбайство наше вековечное, а может, автопарк условный противник уничтожил ловко. Для полного счастья вокруг февраль. Народ – человек двадцать, лётчики и несколько ИАСовцев – взвыл. Но деваться некуда – побежали. Хорошо утоптанная народная тропа идёт напролом, не обращая внимания на всякие глупости вроде границ постов; дыры в колючке, проделанные уже на следующий день после постановки заграждения, никто и никогда даже не пытался латать; часовые не обращают внимания на привычное зрелище. И вдруг грозный голос сверху:

– Ситой! Кто идёт?

Ага, это тундрюк на вышке проснулся.

– Свои! – кто–то на бегу.

– Ситой! Ситирилять буду! Пароля!

– Какой пароль, еб-т! Свои! Лётчики, не видишь, что ли?!

– Буду стирилять! Говори пароля!

– Да ну тебя в…

Бабах! Не обманул – «ситириляет». С тропы в разные стороны, залегли, врывшись в снег, потея обильно.

– Бля!!! Ты чего, охренел?!

Бабах! – от пули фонтанчик снега сантиметрах в десяти от крикнувшего.

– Да не стреляй ты!

Хрен там – снова выстрел. Вот же дали оружие последователю Кучума, блин, и стрелять разрешили. Сверху, с вышки ему тёмные фигуры на белом снегу хорошо видны, перестреляет на фиг, как в тире. Стрелец ворошиловский. Хоть бы начкар быстрее прибежал…

Утро раннее, холод, а тут вдобавок по уши в снегу, да ещё после пробежки… мрак. Один лётчик закурил для успокоения нервной системы; опрометчивый поступок. Свидетельство опрометчивости мгновенно прошуршало у виска. После этого бдительный воин скупыми одиночными выстрелами пресекал любые шевеления и разговоры. Все отчётливее вырисовывалась перспектива не получить пулю, а просто замёрзнуть. Да где уже этот начкар, ешь его ёж!!!

Пост один из самых дальних. Связь вообще-то есть (как таковая), но не работает. Почему? А черт его знает, почему. Может, Луна не в той фазе. Или росомаха провод задумчиво сжевала. Во, точно – росомаха. Так любой связист и ответит; а потом добавит, что пять минут назад все работало и даже кратко доложит основные ТТХ страшного зверя.

Хорошо хоть акустикой ещё связисты не заведуют, иначе осталась бы Красная Армия без единственного своего безотказного вида связи, и пришёл бы ко всем грустный конец. Но услышали, услышали выстрелы и примчались все, кому положено и кому просто не лень, спасать-выручать. Быстро примчались, всего-то полчаса прошло.

Сказали воину «паролю», отобрали на всякий случай автомат, повытаскивали из снега окопавшихся там и закоченевших в нем же авиаторов, говоря при этом разные слова народные, не переставая.

Когда кончились слова, начался разбор. Страдальцев наказывать не стали, решив, что жизнь и так обошлась с ними сурово, и урок они

запомнят; ограничились короткой воспитательной беседой. Потом высказали связистам все, что думают о них и их родственниках.

А что часовой? Действия признаны верными, соответствующими Уставу и, благо никто серьёзно не пострадал, заслуживающими поощрения…

Ротный, выписывая документы на двухнедельный отпуск, не удержался и решил пошутить.

– Ты ж, – говорит, – из Сибири. Я думал, вы там все охотники, эдакие Дерсу Узалы, белок по глазам бьёте и все такое, едрёнть. А тут четырнадцать патронов – и ни одной царапины ни у кого!

– Зачем цалапина? – улыбнулся солдат, – Моя веть видела – свои. Летцики!..

Феликс Спасение от камикадзе

(Навеяно историями борттехника Ф.)

В боевой обстановке каждый борется за свою жизнь сам, выживает по-своему и принимает решения в соответствии с ситуацией. Хотя чувство опасности несколько притупляется, но глубоко сидящий инстинкт жизни заставляет человека искать выходы из опасных ситуаций, а иногда и предугадывать их. Но инстинкт этот у каждого свой, у одних развит больше, у других меньше, а у кого-то отсутствует совсем.

Среди лётчиков эскадрильи самой дурной славой отличался заместитель комэска майор Смертин (фамилия изменена с сохранением характерного смысла). Не потому, что он плохо летал, наоборот, он был лётчик-ас с врождённым чувством полёта. Летать с ним в одном экипаже никто не хотел из-за его чрезмерно буйного характера, бесшабашности, склонности к постоянному поиску опасных приключений. Тревог боевых вылетов ему явно не хватало, и он дополнительно гонялся за ними. Одним словом, лётчик Смертин невольно попал в сильную адреналиновую зависимость на этой войне. Во внешности этого человека было что-то, внушающее страх: длинный худощавый рост, впалые тёмные глаза, черные усы, свисающие над тонкими губами, выдающийся вперёд подбородок. Наиболее благоразумные штурманы и борттехники по возможности старались избегать полётов с ним в одном экипаже.

Вот несколько характерных эпизодов с его участием. Однажды, во время полёта в высокогорный Чагчаран, майор Смертин, грубо проигнорировав указание командования по этому маршруту летать только на «потолке», в поисках приключений снизился на опасную высоту, и вертолёт сразу же был в упор обстрелян душманами из ДШК. Пуля прошила лопасть несущего винта в сантиметре от силового лонжерона, можно сказать, смерть пролетела совсем рядом, Смертин получил хорошую дозу адреналина, а борттехник Толя Л. до сих пор отмечает этот день как свой второй день рождения.

А чего стоило остальным членам экипажа гонка «за Стингером», когда движки вертолёта после приземления на аэродроме заглохли

сами по себе из-за окончательной выработки топлива! После того полёта борттехник Ф. совсем слёг, это был явный нервный срыв, а не солнечный удар, как заключил врач.

Кошмаром для борттехника М. стал даже облёт вертолёта после замены двигателей с тем же командиром экипажа Смертиным. Что он вытворял в полете с только что установленными и не облётанными двигателями! Вопреки инструкции и программе облёта борта, он многократно перегружал силовые установки, делал недопустимые крены, а на высоте 5000 м. в режиме автопилота отпустил ручки управления и, не зная куда девать свою энергию, с криком «кия!» начал махать руками и ногами, изображая удары каратиста (он имел по этому виду спорта какой-то пояс). Жизнь кипела и бурлила в этом человеке, словно пытаясь вырваться и покинуть слишком тесное для неё тело. Ему бы за штурвал истребителя, да побольше небесного простора! В лице вертолётчика Смертина истребительная авиация потеряла много – это же настоящий камикадзе, готовый в любой момент врезаться в авианосец противника! Борттехник едва успевал записывать показания приборов и режимы работы двигателей для составления технического отчёта, у него даже возникло сомнение в благополучном исходе полёта. А штурман весь полет держался за красную ручку блистера, готовый к покиданию вертолёта. После этого полёта борттехник М. решил больше не летать с этим лётчиком, пусть это делают другие, вроде бывшего истребителя Коли-Рэмбо. Он ещё вспомнил полет с грузом для военных советников на предельно малой в кишлак Зарандж, когда во время случайного боестолкновения с духовским караваном осколок от собственного НУРСА прошил лобовое стекло вертолёта прямо перед носом борттехника М. и застрял в ранце парашюта. Командиром экипажа был тогда все тот же зам. комэска. Можно было ведь самим не вступать в бой, а спокойно сообщить Су-17-м[87] координаты каравана! «Больше испытывать судьбу нельзя, – твёрдо решил лейтенант, – есть у нас ещё дома дела!»

Но разве борттехник решает, чей экипаж полетит на его борту! Распределяет борта на задания инженер эскадрильи по своему усмотрению.

И вот, не прошло и недели после облёта борта с новыми двигателями, утром инженер объявляет, что на поисково-спасательное обеспечение бомбардировочных вылетов Су-17-х на борту № 10

полетит экипаж майора Смертина. На этих вольных полётах камикадзе Смертин уж точно будет делать все, что взбредёт в его дурную голову, не жалея ни технику, ни нервы остальных членов экипажа!

После утреннего построения борттехник М. сразу же начал искать выход из ситуации. Времени для принятия какого-либо решения было всего 10-15 минут, пока свирепый командир экипажа не прибудет на стоянку со своим обречённым штурманом. Прикинуться больным и пойти в санчасть не получится: он был совершенно здоров. Лейтенант М. вспомнил историю, услышанную ещё в Союзе про одного бортового техника Ми-8, который, если не хотел летать, ослаблял хомут на воздуховоде пускового двигателя, и основные двигатели из-за травления воздуха не запускались. Он решил поступить также, открыл люки двигателей, но закралось сомнение, вдруг приём не сработает? Нет, надо придумать что-то другое. А если объявить, что борт не готов к полёту из-за неисправности. Но на что сослаться? Причина должна быть убедительной и касаться наиболее важного агрегата вертолёта. Борттехник откинул люк гидроотсека и внимательно начал осматривать систему, надеясь обнаружить хоть какой-нибудь недостаток. Но все агрегаты были исправны, контровки целы, рукава и трубопроводы высокого давления гидроусилителей были предательски сухие – ни одной капельки просочившейся жидкости, ни одного признака негерметичности! На прошлой неделе он сам добросовестно выполнил все регламентные работы на вертолёте. Стоп!.. А если… Борттехник в одно мгновение оказался внизу у контейнера, достал оттуда бутылку с маслом АМГ-10 и также быстро оказался наверху в гидроотсеке. Аккуратно, стараясь не пролить лишнего, он облил маслом рукав гидроусилителя автомата перекоса. Затем закрыл все откидные люки и спустился вниз. Когда он спрятал бутылку в контейнер и вытирал руки, экипаж Смертина уже приближался к стоянке. Командир шагал бодро, мыслями весь уже в предстоящем полёте. Борттехник М. сделал несколько шагов навстречу и, отчеканил перед командиром экипажа заранее составленный предполётный рапорт: «Товарищ майор, вертолёт к полёту не готов, во время предполётного осмотра обнаружено отпотевание рукава в гидросистеме, необходима замена!»

– Обнаружил только что, можете сами проверить, – добавил он для пущей убедительности. Веселье на лице майора сменилось

гримасой досады и огорчения, но он прекрасно знал, что с неисправной гидросистемой летать очень опасно, тем более, на предельно малой высоте. Он приказал вызвать техников из ТЭЧ и вместе со штурманом отправился к инженеру эскадрильи.

– Кажется, пронесло, – облегчённо про себя сказал борттехник М., теперь надо дождаться техников, но с ними уже попроще будет, подумал он.

Прибывших ремонтников даже убеждать не пришлось. Старший техник, увидев «отпотевший» рукав, сказал: «Молодец Феликс, вовремя обнаружил, а то с таким рукавом вы бы недалеко успели отлететь от Шинданда! – Вон сколько масла уже просочилось, рукав явно повреждён, нужно срочно его заменить. Техники отправились в ТЭЧ. Нужный рукав нашли только после обеда, к этому времени экипаж майора Смертина уже улетел на борту № 33 бедолаги-борттехника Т.

После устранения «предпосылки» для срочного вылета за ранеными в Фарах на стоянку прибыл экипаж капитана Божко. И на душе лейтенанта М. стало легко,– с родным командиром Степанычем он готов лететь хоть в Фарах за ранеными, хоть в далёкий Чагчаран на сопровождение, хоть на самый край земли!

Поздно вечером во время обсуждения прошедшего боевого дня борттехник М. убедился, что внутреннее чутье его не обмануло. Борт №33, на котором сегодня летал майор Смертин, прилетел на аэродром с задания на одном работающем двигателе. Другой заглох, захлебнувшись брызгами воды, когда, пролетая на предельно малой высоте над оазисом, бравый майор решил то ли полюбоваться фонтаном от взрыва НУРСов в воде, то ли решил глушить рыбу. Об этом поведал борттехник Лёша Т., лицо которого все ещё было бледным после пережитого.

«А если бы вода попала в воздухозаборник и второго двигателя?– задал вопрос лейтенант Толя Л. Все замолчали, фантазировать насчёт последствий и лишний раз щекотать свои нервы, уставшие за длинный афганский день, вертолётчики уже не стали. Только борттехник М. произнёс таинственную фразу: «Есть только один способ спастись от камикадзе…»

Greesha Пуганый подполковник

Главным достижением военного зодчества в городе была гарнизонная гауптвахта. Строилась она, как и все остальные здания в военном городке, военными строителями, но, в отличие от офицерских домов, строилась на совесть. Оно и понятно: домов строили много и для чужих людей, а губу – одну и для себя.

Возводилась гауптвахта с учётом многовекового международного опыта. Не были забыты ни стены Бастилии, ни подвалы гестапо. Узкие пеналы камер с серыми шершавыми стенами, крошечные зарешёченные окошки под высоким потолком, полуметровые бугристые пороги – камера Штирлица по сравнению с этим была просто номером «люкс».

Впрочем, номера класса люкс здесь тоже присутствовали: две камеры для прапорщиков, дооборудованные дощатым топчаном, вмурованными в пол железными столом и табуреткой, а также пустым графином и книжкой Уставов. Пустой графин представлял собой изощрённое средство психологического давления на похмельных прапорщиков.

Однако недолго была губа базой отдыха стройбата. Начались известные реформы, в результате которых СССР перестал существовать. Военные строители разъехались по своим кишлакам и аулам. Опустели улицы города, опустели и камеры гауптвахты. Солдаты-срочники вдруг превратились в ценный дефицитный ресурс. Остались они только в местном батальоне охраны, который постоянно сокращался и которого едва хватало для несения службы в караулах.

Военная мысль, как известно, никогда не стоит на месте. И однажды она заявилась в голову начальника штаба гарнизона, с изумлением обнаружившему не использованный до сих пор грандиозный резерв в виде нескольких тысяч офицеров-испытателей, которым явно нечего было делать. Одним из результатов был приказ о комплектовании караула №1 (гарнизонная гауптвахта) исключительно офицерами и прапорщиками. Так и получилось, что губу, на которой сидели обычно один-два залётчика из батальона охраны, теперь круглосуточно охраняли 12 офицеров…

– Значит, так, Петрович, – сказал командир. – Документы твои в Москву отправлены, приказа теперь ждать не меньше месяца, сам знаешь. Ну а пока приказа нет, съезди-ка ты на юга, за арбузами. С Ибрагимом я созвонился, он ждёт тебя с машиной в пятницу утром. Ну как, неплохой я тебе дембельский аккорд придумал?

Петрович вежливо хохотнул над свежей и оригинальной командирской шуткой. После бурно отпразднованного недавно сорокапятилетия любое его движение сослуживцы называли дембельским аккордом.

– Отдохнёшь перед дембелем, на солнышке погреешься, арбузов налопаешься – продолжал командир, – Ну, сам знаешь, не в первый раз. Только вот что… Водку у чеченцев не покупай – палёная она там вся. И вообще, воздержись от употребления, я тебя прошу. Вот вернёшься – все вместе и обмоем.

– Да что я, сам не понимаю, тщ командир! – Петрович принял вид обиженный и негодующий.

Командир посмотрел на него с сомнением. Видимо, выражение благородного негодования на широкой багровой морде Петровича показалось ему не очень убедительным.

– Ну, ладно. Водителем тебе даю контрактника Сашку – парень ответственный, непьющий, не то, что наши прапора. Выезжаете завтра. Да, кстати, езжай в форме, так с ментами проще разговаривать. Подполковников они ещё, вроде, уважают.

Знаете ли вы главную обязанность старшего машины? Только не надо тыкать мне в лицо Уставом и разными Наставлениями. Главная обязанность и забота старшего машины – не дать водителю заснуть. Особенно после пятнадцати часов тряски по пыльным дорогам Среднего и Нижнего Поволжья, и особенно в бледной красками астраханской полупустыне с выгоревшей травой от края до края, где глазу не за что зацепиться. Поэтому старший машины обязан: говорить непрерывно, развлекать шофёра, рассказывать ему сказки, анекдоты, расспрашивать о жизни, словом, делать все, чтобы не оказаться вдруг в придорожной канаве посреди степи колёсами вверх.

Петрович это прекрасно знал. После Волжского можно было расслабиться: основная часть пути позади, постов больше не будет. Две бутылки пива, выпитые во время короткой остановки в Волжском, привели его в благодушное настроение. Все анекдоты были

рассказаны, все подробности Сашкиной жизни выпытаны и обсуждены, и даже политические темы были уже закрыты с единодушным вердиктом «Ельцин – сволочь, развалил страну». Нужно было искать новую тему, и решил Петрович внушить молодому Сашке уважение к прежним временам.

– Да, Сашка, вот ты говоришь: «Ельцин–сволочь». А ляпнул бы ты что-нибудь такое при Брежневе, так пожалел бы… Сидел бы уже… – Петрович помолчал, подумал, чем бы Сашку попугать, и закончил внушительно: – в спецтюрьме КГБ.

Сашка уважением не проникся. О КГБ он, конечно, слышал, но для его поколения это слово было уже просто телевизионной страшилкой.

Сказать по правде, знания Петровича о спецтюрьмах КГБ тоже были не очень обширными, и почерпнуты были в основном из новых газет. Тем не менее, на Сашкино непочтение он обиделся. Благодушие стремительно испарялось вместе с последними молекулами пива, душа подполковника требовала срочной дозаправки.

Машина как раз въехала в какой-то городишко. Невдалеке от дороги проплывали символы нового времени – ярко освещённые круглосуточные ларьки.

– Останови машину! – приказал Петрович. Сашка заныл: «Ну, тщ пдплковник, ну пара часов же всего осталась, выспаться бы ещё до погрузки», но Петрович был непреклонен.

– Сказано тебе – останови! Я через десять минут вернусь – видишь, даже документы не беру… Будут они меня ещё чеченской водкой пугать… – угрожающе пробормотал Петрович, направляюсь к ближайшему ларьку.

Совместный патруль делал последний ночной обход по маршруту. Два милиционера-ППСника бодро шагали впереди, сонные офицеры плелись шагах в десяти сзади. Вдруг сержант остановился.

– Смотри, в канаве ещё одно тело лежит. Куда их складывать, полный обезьянник уже…

– Да этот, вроде, военный. Точно, в форме. Товарищ капитан, это ваш клиент!

Подошли офицеры.

– Подполковник. Не наш, смотри – погоны красные. И документов нет, странно… Неужели обокрали?

Похлопали по плечу, попытались поставить на ноги. Подполковник пошатался, не открывая глаз, и сделал попытку упасть обратно в канаву. Капитан вздохнул:

– Звони дежурному, пусть машину пришлёт, отвезёт его на губу. Там в «люксе» проспится. Не бросать же его здесь…

Петрович с трудом разлепил глаза. Взгляд упёрся в бетонную стену. Голова болела нестерпимо, лежать было неудобно и жёстко. Петрович медленно, стараясь не делать резких движений, сел. Оглядел помещение. Помещение ему не понравилось. Особое отвращение вызвал мутный пустой графин. «Черт, опять в обезьянник попал… В первый раз вижу обезьянник с графином». Петрович посидел немного, понемногу вспоминая вчерашний вечер. «Бляха-муха… Я ведь уже должен быть у Ибрагима!» Обречённо вздохнул и стал подниматься. Нужно было объясняться с ментами, искать Сашку…

К его удивлению, железная дверь оказалась открытой. Петрович вышел в коридор. Слева было несколько рядов решёток. Справа, у выхода, стоял человек в форме, читал книгу. Поднял глаза на Петровича, улыбнулся и сказал:

– Доброе утро!

– Доброе… – пролепетал Петрович. Взгляд фокусировался с трудом, но форма на человеке была точно военной, не ментовской. Судя по количеству звёздочек – капитан. И кобура на ремне, явно не с огурцом внутри. У Петровича неприятно похолодело в животе.

– Э… Я на улицу выйду… А то мне что–то нехорошо… – выдавил из себя Петрович.

– Конечно-конечно! – сердечно улыбнулся капитан.

Солнце больно стегнуло по глазам. Петрович оказался на дне бетонного колодца. Верхние края колодца ощерились блестящими стеклянными осколками, над ними висела колючая проволока в несколько рядов. Возле дальней стены стояла вышка. Человек на вышке повернулся в сторону Петровича, наклонился вперёд. Высоко, но видно – одна большая звезда на погонах, майор. Петрович повернулся к выходу, в дверях стоял, улыбаясь, капитан. Зрение вдруг стало чётким и контрастным, и Петрович явственно увидел синий просвет на выгоревших на солнце погонах. В глазах потемнело, и он потерял сознание.

В комнату начкара сбежался весь караул. На топчане лежал грузный подполковник с мясистым, но неестественно белым лицом. Разводящий держал у лица подполковника склянку с нашатырным спиртом. Начкар ругался в телефонную трубку:

– Носит тут этих алкашей-краснопогонников! Что значит – машина ушла? А если он у меня тут кони двинет? Здесь губа или ЛТП!?

Со стороны топчана донёсся какой-то сдавленный звук. Начкар обернулся. Подполковник лежал с открытыми глазами и не отрываясь смотрел на висящий на спинке стула китель. С голубыми петлицами, с эмблемой ВВС. Лицо подполковника быстро багровело.

– Авиация, бля!.. – прохрипел подполковник. – Чуть до инфаркта не довели! Я уж думал… – Петрович помолчал, – …спецтюрьма КГБ!

Solist Рассказ майора М.

Задержался на аэродроме допоздна. Ну да не беда, вон, у ворот верный боливар, «Москвич» 2140. Сел да поехал. Хорошо ехать прохладной летней ночью по пустому шоссе! Никуда особенно не торопясь, доехать до гаража, поставить «коня» в стойло, пройти пешком до ДОСа, вдыхая полынный аромат буйного разнотравья. Подняться к себе, переодеться в домашнее, поставить на плиту оставленный супругой ужин.

Пустая дорога плавно изгибается, скорость под полтинник. Впереди показались сдвоенные огни. Привычно перевёл свет с дальнего на ближний. Ну куда же он прёт с дальним! Идиот! Не из летунов, точно. Ослепил ведь: сиреневые круги в глазах, ни хрена не видно! Остановился, подождал, пока стали видны крашеные белым столбики на обочине. Вот ведь сука!

Назавтра в курилке рассказал. Выяснилось, что практически все присутствующие видели нахала, ездящего с дальним, наплевав на вся и всех. Ездит на «Волге». Гад, ни разу не переключился, сколько ни мигали.

Ладно, разберёмся собственными силами. Так, где-то тут лежала списанная лампа-фара. Так, надо проверить. Работает, поди ж ты. Так, теперь задача упрощается.

В следующие несколько дежурств ездил с притороченной вместо противотуманки лампой-фарой от перехватчика. На третий раз встретились…

Когда издалека показались слепящие галогенки дальнего света, несколько раз моргнул фарами. Последнее китайское предупреждение. Ах, не понял? Ну так получай! Тумблер возле ручника – рраз! Эх-ма, дорогу чуть не до самого посёлка высветило!

Пары секунд вполне хватило. Впереди взвизгнули тормоза, послышался удар (ага, столбик) и затем с хрустом и лязгом нечто тяжёлое ринулось под пятиметровый откос.

Так, на всякий случай, отключил габаритки. Даже если вылезет кто – хрена он номер разглядит. По приезду демонтировал всю схему, схоронил в смотровой яме гаража. И с чувством выполненного долга

пошёл домой. Эх, воздух-то какой! Хоть кусками режь и на хлеб намазывай.

На следующий день на аэродром приезжала милиция, осматривала автомобили офицеров, что-то искали. Не нашли. А секретарю местного райкома пришлось пересесть на другую машину, пока восстанавливали помятую старую. И с постоянно включённым дальним он тоже перестал ездить.

Steel_major О подлости, порядочности и профессионализме

Рассказ-быль

Чтобы не сложилось впечатления о лётчиках как об алкоголиках-лентяях, которые боятся прыгать с парашютом, а в свободное от водки время заняты придумыванием тупых шуток над сослуживцами, вот вам быль из былей. Смеяться здесь будет практически не над чем, хотя тема пьянства присутствует. Специфика, однако.

Кто не читал предыдущих опусов, напомню, что речь в них идёт о суровых буднях пограничной авиации и замечательных людях, с которыми мне повезло служить.

Утром 5 декабря 1995 года я проснулся от жуткой головной боли, сухости во рту и тошноты. Обычно это состояние характеризовали фразой как «Кошики во рту побывали». Вася Кошик был особистом, курировавшим наше авиационное направление, зарекомендовал себя мужиком невредным и компанейским, но уж больно его фамилия с дежурной шуткой хорошо сочеталась. Накануне мы всем экипажем отдыхали на Паратунке. Это такая речка, вытекающая от подножья камчатских вулканов, горячая и несущая в себе гору полезного радона. Каждая уважающая себя организация на Камчатке имела собственную «паратунку» с банькой и бассейном. Мы, естественно, отдыхали на «пограничной паратунке».

Организовано все было на ура. По дороге в УАЗик-«буханку» было закуплено и загружено немеряное количество окорочков, пряностей и жидкостей для их засола, сопутствующих закусок и вино-водочных изделий. В сопровождении УАЗика-«козла» наша дружная компания в комплекте с парой-тройкой штабных окружных офицеров без лишних задержек доставили себя и снаряжение к месту организованного отдыха пограничников. Начали с вина и куриных шашлыков, продолжили водкой и ими же. Когда нанизывать и следить за шампурами стало некому, взгромоздили бачок с остатками курятины и заливки прямо на огонь, назвали это блюдо шурпой и продолжили отдых уже в бассейне, передавая по кругу бутылки с шампанским

(пили из горла). Потом была «шурпа» и водка, потом провал в памяти, потом продолжение банкета на квартире одного из штабных, потом упёртые в бока руки его жены и долгая дорога в гостиницу. Так я упивался всего два раза в жизни. Первый раз по неопытности (его я описал), второй – на почве «неразрешимых» семейных проблем.

Усугубляло ситуацию то, что просто уйти в полет нам не светило – сначала полет «на класс» молодого штурмана – Андрюхи Ермакова вместе с лётчиком-инспектором авиаотдела округа. Дорога на аэродром и подготовка к вылету прошли как в тумане. Экипаж, презрительно-жалостливо поглядывая на ужравшегося правака (правак – правый, второй пилот многоместных самолётов), освободил меня практически от всех обязанностей, лишь бы медконтроль прошёл. Прошёл, погулял по холодку, полегчало. Моё рабочее место занял проверяющий, а я занял лавку в салоне, с отвращением разглядывая закупленные в преддверии Нового Года и Дня части «гостинцы» – десяток упаковок спирта, по нескольку водки, вина, шампанского, майонеза, шоколада; круги сыра, батоны колбас, коробки с яйцами, фруктами, селёдочными консервами, мешки и сетки с картошкой, луком, капустой и т.д. и т.п. Голодный край – Чукотка; яйца и молоко считались лакомствами, и каждый вылет в Магадан или на Камчатку сопровождался многочисленными заказами семьи и сослуживцев.

Слетали, вроде Андрюху ногами не пинали, видать, успешно прошло, экипаж повеселел. Ближе к вечеру вылетели на Магадан. Работа в кабине ночью успокаивает, ровный гул и привычная «цветомузыка» на приборных панелях помогли восстановить работоспособность. Говорят, что разреженный на высоте воздух также помогает от похмелья. Не знаю, по одному разу трудно судить, но в тот раз мне полегчало точно.

Сели, зарулили в лесочек на стоянку пограничников, пособирали свои баулы – и в гостиницу при аэропорту. Из гостиницы привычной тропой мимо памятника Ан-12 – к аэропортовским ларькам, но не за спиртным, как обычно, а за кефирчиком. Есть никому не хотелось. Спали без снов и предчувствий.

Утро тоже не предвещало никаких сюрпризов. Все было как обычно. Медконтроль, завтрак – и на стоянку. А там уже дурдом и доктор со шприцем – возле самолёта вывалена куча каких-то бебехов объёмом на пол-Боинга, стоит пара-тройка машин и возле запертого

борта вьётся стая народа. Вообще-то при полной заправке и штатном снаряжении грузовместимость Ан-26 – 2100-2200 кг. или 22 человека (из расчёта 100 кг «на рыло» согласно приказу ГК ВВС 19-лохматого года). Но, как показывает практика, перегруза в тонну этот чудный лайнер практически не замечает. Вот две и более – да, разбег заметно увеличивается, да и высоту набирает неохотно. В тот раз мы набрали не менее 4,5 тонн, а именно: чернопогонного прапорщика с семьёй и домашним скарбом, который летел служить в бухту Провидения в райвоенкомат (за какие грехи, интересно его так законопатили?), несколько неподъёмных ящиков с авиазапчастями для нашей ТЭЧ, человек 10 пассажиров разной степени причастности к погранвойскам (в их числе инженер нашей эскадрильи и Дима Соснов – молодой тогда ещё пилот-вертолётчик нашей же части). Все пассажиры с багажом, каждого смело можно за 200 кг. считать. Из подъехавшей чёрной «Волги» выскочил щупленький и шустрый попик – как потом выяснилось, «командующий северо-восточным церковным округом», как их там, то ли архиепископ, то ли митрополит. Вслед за ним вылез «отец водитель» – здоровенный детина с окладистой бородищей и дьяконским басом. Он запустил лапы в недра стоящего рядом микроавтобуса и достал оттуда махонький, килограмм на 60-80 ящичек. «Куда груз ставить, владыко?»– прогудел он, держа ящик на вытянутых руках. «На землю пока, на землю», – объяснил я ему, – «а там посмотрим».

Погрузка – святая обязанность правака, но исполнять свой «священный долг» я не спешил, ибо объем груза превышал все виданные мной ранее разумные пределы, особенно с учётом уже лежащих в салоне гостинцев. У пришедшего вскоре Георгича волосы встали дыбом, когда вся эта орава накинулась на него с требованием немедленно начать погрузку, ибо у каждого в загашнике была заветная фраза «я от… (фамилию вставьте сами)», которая должна была послужить пропуском на вожделенный борт. Первым командир отсек от погрузки несчастного прапорщика с семьёй, вслед за ним с полдюжины пассажиров, а последним – «владыку», который приволок не только три маленьких ящичка «божественной» макулатуры, но и кро-о-охотный, килограмм на 150 колокол для строящейся в Анадыре церкви.

Тут подъехал командирский УАЗик, который увёз Георгия Георгича в недра части, а обратно привёз с готовым (наверху) решением – «прапорщика взять». Тихо матерясь, начали вытаскивать свой груз, чтобы разместить с учётом требований центровки мебель и прочий скарб несчастного служаки. Пока грузили, не заметили, что УАЗик снова приехал и увёз Жору. Короче, за 3-4 раза вышестоящее начальство «разместило» на нашем борту всех. А что, штурвал-то не им тягать и магаданские сопки по курсу взлёта не им перетягивать, да и ответственность в случае чего, как показали дальнейшие события, тоже нести не им.

Однако взлетели, наскребая высоту буквально по метрам. Эшелон 5400 смогли набрать только к Чайбухе (по карте можно глянуть, как это далеко). Пришла пора немножко расслабиться, отключив «бортшпиона» в лице речевого самописца или «чёрного ящика», хотя он на самом деле оранжевый шар. Вообще-то на панели МС-61 (магнитофон самолётный) есть рычажок ВКЛ, но хитрые конструкторы сделали так, что при отрыве от земли передней стойки, магнитофон включается, даже будучи ВЫКЛ. Не менее хитрые пилоты моментально сообразили, что помимо этого в цепь питания МС включён предохранитель, выкрутив который можно парализовать не в меру самостоятельное устройство.

Погода в Анадыре, где надо было сесть для дозаправки, постепенно портилась. Когда мы вышли на рубеж начала снижения, она была где-то 300х3 (т.е. 300 метров – нижний край облаков, а 3 км. – видимость).

– Анадырь-контроль, я 52156-й на рубеже начала снижения, расчётное прибытия 14.30.

– 156–й, снижайтесь на привод 1500, посадочный 08.

– Понял, на привод 1500.

Экипаж притих, я снижал нас всех в сторону Анадыря, командир задумался о своём, лишь шевелил губами, наверное, подсчитывая дебет-кредит своих финансово-продовольственных операций. Борттехник Санька Парамоненко, сгорбившись на насесте борттехника, безучастно смотрел на приборы. Гена Король – штурман-инструктор и наставник Андрюхи Ермакова, стоя в проходе, склонился над штурманским столиком, по другую сторону которого вовсю потел и шуршал навигационной линейкой (деревянным калькулятором)

Андрюха. Бортрадист, старейший и самый авторитетный прапорщик в части, начинавший ещё на Ли-2, Черняев Михаил Федорович (для своих просто Федорыч) посматривал в свой иллюминатор на всплывающие снизу облака. Монотонные будни разорвал бодрый голос бортмеханика Ильдара Рахматулина: «Командира, стабилизатор норма!» «Хорошо», – буркнул Георгич и взялся за штурвал.

Помолчали.

–156-й, Анадырь-контроль!

– Анадырь–контроль, отвечаю.

–156-й, погода за нули (т.е. за 00 минут текущего часа) – ветер 40 градусов, 15 метров, видимость 1000 метров, нижний край 150, температура минус 15, сцепление ноль-пять.

– 156-й погоду принял, заход будет локатор, контроль по приводам.

– 156-й, ваш запасной?

– Анадырь-контроль, я 156-й, запасной Певек.

Георгич подумал, пожевал губами, обернулся и поманил пальцем Гену (я подхватил штурвал).

– Царь! – проорал он ему в ухо, – погода в Дыре хреновая, сядь сам, пусть молодой погуляет. Гена с Андрюхой стали меняться местами. В кабину заглянул инженер части, увидел смену состава и понимающе кивнул.

– Что, погода дерьмовая?! – проорал он Парамону. Тот только кивнул.

– 156-й, привод, 1500.

– 156-й, снижайтесь к третьему 900, эшелон перехода…, давление…

– 156-й, понял.

– Влад, куда гонишь, (это уже мне), поддёрни нос дай шасси выпустить. Поддёргиваю нос, скорость падает менее заветных триста км/ч.

– Шасси выпустить!

– Выпускаю! – отзывается Парамон. Опускаю нос, задумчиво рулю к третьему развороту.

Царь: – На третьем, курс 98.

Я: – Занимаю.

Георгич (в эфир): – 156-й на третьем.

– 156-й, выполняйте третий, к четвёртому 600.

– 156-й, понял.

Жора поудобнее устраивается в кресле, берётся за штурвал, слегка покачивает самолёт. Мы с командиром летаем не первый год, и оба знаем, что теперь в нормальную погоду я должен убрать лапы со штурвала и наслаждаться бездельем. Но не сейчас. Я напоказ расслабляю кисти, встряхиваю ими в воздухе и «мягко» берусь за штурвал. Сейчас командиру надо помогать, не мешая.

Георгич: – Закрылки 15.

Парамон: – Выпускаю… Самолёт медленно начинает опускать нос и слегка «вспухает».

Царь: – Подходим к четвёртому… на четвёртом.

– 156-й на четвёртом, шестьсот.

– 156-й, выполняйте.

Георгич: – Закрылки 38.

Парамон: – Выпускаю 38. Наш самолёт-кормилец ещё больше задирает задницу, теперь в хорошую погоду ВПП проецировалась бы прямо на центр лобового стекла.

– 156-й, Анадырь, (голос диспетчера напряжён) погода сто на тысячу (т.е. 100х1), временами снежный заряд, ухудшение до 60 на пятьсот метров.

– Анадырь, 156-й, погоду принял, будем садиться.

– 156-й, вас понял, на курсе, выше 50, ухОдите влево.

– 156-й, понял, 550 (здесь имеется в виду текущая фактическая высота по радиовысотомеру).

В кабине все серо, вокруг облака, в начале третьего уже заканчивается недолгий полярный день. самолёт слегка потряхивает спустившимся с анадырских сопок ветерком. Под нами Анадырский залив, на берегу которого на удалении 4 км от торца полосы стоит дальняя приводная радиостанция, невидимая из-за окружающей срани, но легко обнаруживаемая стрелкой радиокомпаса.

– 156-й, на глиссаде, левее 50.

– Понял, 300.

Парамон: – Командир, правый… о, уже нормально. Я краем глаза успеваю заметить, что стрелки на трёхстрелочном индикаторе правого двигателя (давление и температура масла, давление топлива) дёрнулись и встали в нормальные положения. Тут-то меня и стукнуло,

сознание ещё не верило, но той самой «пятой точкой» я почувствовал, что наш экипаж вытащил «счастливый билетик» на поединок со смертью. За грудиной возник неприятный сосущий холодок.

Парамон: – Во, опять, падает давление топлива, падают обороты. Краем глаза и я успеваю заметить устойчивое падение параметров двигателя, руки плотнее обхватили штурвал.

Через мгновение реакция командира: «Флюгер правому». Вот оно, началось. Эта команда разрезала наши жизни на «до» и «после». И начало подниматься в душе мутное чувство протеста. Почему я? За что? Почему на моем месте не оказался настоящий профессионал из героических лётчицких фильмов со стальными нервами и яйцами? На хрена мне сдались эти ордена… посмертно? Что сделать, чтобы оказаться сейчас у себя дома, да черт с ним, хоть и в палатке на КМБ первого курса училища? Героизировать себя не буду, но страха не было. Сознание ещё орало «Бля-а-а-а!!!», а руки и подсознание в которые долгие годы учёбы, тренажей за партой и в кабине, полёты на тренажёрах и реальные вылеты на «учебный отказ» двигателя вдолбили нужную последовательность действий, уже щелкали выключателями, закрывая отбор правому и резко уменьшая левому двигателю.

– Влад, помогай, – прохрипел по СПУ чужим голосом Георгич. Я схватил штурвал и понял, нам не справиться. Усилия под сотню килограмм + килограмм 50 на педали.

– 156-й, отказ правого, двигатель зафлюгирован, обеспечьте контроль захода.

– 156-й, понял, ниже 50, правее 100. Всем бортам, выход в эфир по крайней необходимости.

Царь: – Командир, уходим вправо, влево 20.

Георгич: – Пытаюсь, Гена, пытаюсь.

А мы и правда пытались, но тщетно. Штурвал уже стоял «раком» влево до упора, так же до упора была дана левая педаль. Наши с Жорой руки тряслись, из-под гарнитуры побежали первые капельки пота. самолёт с медленно увеличивающимся правым креном уходил вправо, в анадырские сопки.

– Правее 200, ниже 100, – Генин голос спокоен, как на тренаже.

– Запускайте РУшку, – это Фёдорыч. Через мгновение Жорина реакция:

– Закрылки 15.

– Есть закрылки 15, – дублирует команду Парамон.

– Запуск третьему, Влад, держи штурвал.

– Да держу же, – кряхчу сквозь зубы. Ну почему же так тяжело? В учебных полётах на отказ двигателя после флюгирования наступала лафа – чуть дашь педаль или слегка прикроешься кренчиком – и хоть час лети. Может, не зафлюгирован? Искоса смотрю вправо. Вроде нет, лопасти медленно вращаются.

– 156–й, правее 250.

– Командира, крыло, стабилизатор норма! – Ильдар как луч света в тёмном царстве.

Командир убирает левую руку на панель запуска РУ-19, правую перебрасывает на кнопку связи, отвечая диспетчеру, и на штурвал наваливается свинцовая тяжесть. Теперь самолётом управляю я один, и любая моя ошибка будет стоить жизни мне, экипажу и полутора десяткам «заложников» в салоне. Я не просил этой ответственности!!! К черту!!! Сейчас руки не выдержат!!! Командир, быстрее!!! Сознание разделилось. Его большая часть беззвучно орёт матюги вперемешку с «Не хочу, не буду!» и «За что?», вторая часть обегает взглядом приборы, фиксируя малейшие отклонения. Крен потихоньку уменьшается вместе со скоростью. Несмотря на взлётный режим на левом двигателе самолёт идёт со снижением, неустойчиво покачивая носом. Ещё чуть меньше скорость – и он сорвётся, вывалится из потока, устремившись к мёрзлой тундре. Руки отказывают. Подныриваю плечом под штурвал, встряхиваю кистями, вытираю взмокшие ладони о «ползунки». Перед глазами в 10 сантиметрах маячит непривычно большой авиагоризонт. Выныриваю, перехватив штурвал как рычаг.

Вот командир взялся за штурвал, можно «передохнуть». Отрываю правую руку. Неведомо откуда родившийся во мне профессионал со стальными яйцами уже все проанализировал, и он сейчас выключает противообледенительную систему правого двигателя, крыла и хвостового оперения, закрывает отбор – сейчас нам важен каждый килограмм тяги, чтобы уйти на второй круг подальше от земли.

– Высота 50, правее… короче, на полосу не попадаем.

– Понял, Гена.

Боковым зрением замечаю в правом окне мелькнувший в разрыве облаков кусочек земли. До неё метров 30-40, а на ней, бля–а–а, твоюмать, «бочечки» топливохранилища. С ожесточением впериваюсь в приборы, за стеклом мелькают облака. Усилия на штурвале уменьшились, и нам уже пришлось повернуть слегка вправо. Ещё секунды 4-5, и выйдет на максимал РУшка, подарив нам бесценные 900 кгс тяги и шанс на спасение. Можно будет убрать шасси, а набрав метров 100 и закрылки, лобовое сопротивление уменьшится, можно будет повторить заход.

Толчок, скрежет, ощущаемый не ушами, а позвоночником через кресло, звук рвущегося металла. Успеваю обеими руками отжать штурвал от себя. Сознание суживается до чёрного кружочка с логотипом «Ан» на штурвале. Меня трясёт и подбрасывает, через кабину летят комья снега и мёрзлой земли. Сели, бля! Сколько времени требуется, чтобы от дальнего дойти до полосы?(отказ был на высоте 220 метров). Секунды, растянувшиеся в часы.

Тишина, что-то стекает из носа по подбородку и дальше на шею. Ничего не болит, руки шевелятся. Жив, отстранённо констатирует сознание.

– Покинуть самолёт! – орёт Георгич. Открываю правую форточку, почему-то её не заклинило, неуклюже вылезаю мордой вперёд. На обшивку над аккумуляторным отсеком падают красные капли. Сзади сопит и подталкивает меня в обтянутую ползунками корму Парамон.

– Не толкайся! – обиженно ору ему вполоборота. Не хватало ещё мордой об землю дерябнуться. Парамон начинает ржать. Позже он объяснял, что это не истерика, просто моё обыденно-обиженное «не толкайся» представляло разительный контраст с ситуацией. Слез, принимаю вылезающего из ставшего непривычно низким самолёта Парамона и остальных. Под ногами у них похрустывают яйца-киндерсюпризы, которые были куплены под заказ и для сохранности уложены справа от кресла.

– Все живы?! – кричит в салон Георгич.

– Вроде да, – глухо отзываются оттуда.

Весь низ фюзеляжа сплющен. Лопасти долбанного правого двигателя загнулись в экзотические ятаганы, левый отсутствует напрочь. От него осталась только красная от жара «выхлопная труба» по которой стекает, шипя, какая-то жидкость. Воняет керосином. Снег

вокруг самолёта покрыт разноцветными пятнами АМГшки, масла и керосина. За центропланом справа зияет здоровый разлом. Борозда в 160 метров (как намеряла комиссия), начинающаяся сразу за оградой склада ГСМ, обильно усыпана кусками обшивки, обломками шасси, какими-то агрегатами, рваными коробками и прочим хламом. Впереди в 20-30 метрах невысокий, но крутой бережок тундровой речушки, шириной метра в 2. Н-да-а-а, на 50 метров ближе, или дальше, нас бы по частям вытаскивали из кабины. Ювелир Жора.

Георгич по габаритам не проходит в форточку. Выбиваем верхний аварийный люк, вытаскиваем командира. Он немедленно берёт ситуацию под контроль.

– Гена, ищи аварийную радиостанцию, включай, докладывай. Влад, Ильдар, ищите караул или охрану склада, там должен быть телефон или рация. Остальные – охлаждать левый двигатель, ищите огнетушители. Мы с Ильдаром уходим по «тормозному пути». Да, наша работа далеко ещё не закончена. Оборачиваясь, видим, как экипаж горстями швыряет снег на шипящую трубу выходного устройства. Переваливаем за гребень сопочки, на которой размещены бочки, видим невдалеке будку-вагончик. В будке два маслопупых бойца с испугом смотрят на двух странных кадров без шапок и курток, один с окровавленной мордой.

– Телефон есть? Соединяй с коммутатором, – беру я ситуацию в свои руки.

– Коммутатор, соедини с командиром. С командиром я сказал! Капитан Корнеев говорит, пограничные войска. Срочно, я сказал!

– Товарищ полковник, – награждаю я неведомого собеседника максимально возможным титулом, – докладывает капитан Корнеев, погранвойска. Только что в районе склада ГСМ вашей части сел на вынужденную пограничный самолёт. Я член экипажа. Прошу оповестить аварийные службы аэропорта и погранкомендатуру. Нет, это не шутка. Перезвоните сюда через 10 минут и проверьте! А мы пошли обратно – там женщины, дети, возможно, раненые. Всё!

– Курить есть? – обращается Ильдар к перепуганным бойцам. Те молча протягивают пачку «Примы». Берём по сигарете, выходим на крыльцо. По повороту проходящей рядом дороги проезжает УАЗик. Бегу вслед, ору, машу руками. Меня то ли не видят, то ли мой видок не

внушает доверия – левый глаз заплыл, из носа кровавая юшка. Алкаш алкашом.

– Эй, братва, по очереди дежурите, один на крыльце, тормозить все машины, второй у телефона. Вытаскиваю одного за рукав из домика, тычу пальцем в сторону здоровой сопки:

– Самолёт там.

Бредём с Ильдаром обратно, посасывая сырую и горькую «Приму». Холодно, болит подбитый глаз и спина. Пытаюсь идти, задрав голову, с комком холодного снега на переносице. Помогает, кровь остановилась, но в левой ноздре все распухло. В оставленной самолётом борозде видим валяющуюся целехонькую бутылку спирта из наших гостинцев. Чудно, самолёт вдребезги, а ей хоть бы хны.

А возле самолёта кипит жизнь. Невдалеке от места аварии из бутылок со спиртом, драных коробок и растущих рядом кустиков горит костёр, вокруг него тусуются опустошённые, с бессмысленными глазами пассажиры, бродит с разбитой головой Андрюха Ермаков и инженер, вцепившийся в свою спину. Блистер штурмана разбит, возле него валяется огнетушитель. Найденным где-то бинтом пытаюсь забинтовать Андрюхину голову. Навыков никаких, бинт короткий, соскальзывает. Получается что-то типа индейской повязки, чтобы уши не мёрзли. Андрюха постанывает и порывается сесть на снег. Поддерживаю его и вполголоса отчитываю: «Держись, не хватало ещё яйца отморозить». По окрестностям разносится звонкий голос Ильдара: «Туда не тащы, здэсь она не проходи, чо, не видишь!» Подхожу ближе и по суете и репликам понимаю, что внутри самолёта раненый завален грузом и его пытаются извлечь. Но в аварийный люк не проходит, в форточку тем более, входную дверь заклинило. Осуждают вопрос перетаскивания через груз к разлому в фюзеляже.

– Кто?

– Дима Соснов, ногу сломал.

Возле ограды склада практически одновременно появляются пограничная «шишига» и красная аэропортовская пожарка. Взмокший Парамон тыкает меня в бок:

– Беги к спасателям за ломом, дверь вывернем.

Бегу, увязая в неглубоком снегу. Навстречу бегут пожарники и пограничники. На бегу спрашиваю пожарников:

– Лом есть?

– Нет, – и бегут мимо меня. Медленно охреневаю, как это нет? Возле пожарки стоит, заложив руки за монтажный пояс, здоровенный дядька в брезентовом костюме. Мчаться за орденами он явно не собирается.

– Лом есть?

– Глянь на борту.

Снимаю с борта тяжеленную железную палку, слегка сгибаясь, бреду к Парамону. Андрюха все-таки сел на снег. Рявкаю, он не реагирует. Дверь уже слегка приоткрыта. Через 5 минут при помощи лома и какой-то матери дверь выворачивают из борта. Дима громко матерится и орёт при попытке вытащить его из самолёта. Жора принимает мужское решение. Пошарив под Димой, достаёт пузырь шампанского, одним движением срывает пробку с фольгой и сует горлышко Диме в рот. Минут через 5 Дима, давясь пузырями, выхлебал её в одно рыльце. Ждём ещё минут 5, пока общий наркоз подействует. Тем временем появляется «буханка» санавиации, из неё выскакивает и бегает, кудахча, вокруг нас полненькая врачиха. Руки у неё почему-то пустые. Гена, постучав пальцем по лбу, отправляет её за медчемоданчиком. Вытаскиваем пострадавшего, укладываем его на дверь.

– Обезболивающее, потом шину наложишь, – командует Георгич подрастерявшейся докторше.

– У меня нет обезболивающего, есть только наркотики. Блин, и здесь лома нет. Медленно и тихо, как помешанной, Георгич объясняет:

– Это оно и есть, доставай. Достаёт, руки у женщины трясутся, колпачок со шприц-тюбика снять не может. Жора берет её руку в свою лапищу, свинчивает колпачок, так же, не отпуская руки, втыкает иглу Диме в бедро, сжимает. На пригорке показались ещё несколько единиц техники. Вокруг самолёта бродят какие-то тёмные личности. Помогать не пытаются, что-то поднимают и рассматривают. Пассажиры и мы периодически их шугаем, старший погранец отправляет «шишигу» за подмогой на заставу. Сердобольные спасатели с докторами уговаривают нас: «Мужики, выпейте, хоть 100 грамм, легче станет».

– Идите на хрен, со своими советами, – отзывается Жора. И в полный голос:

– Пассажирам по 100 грамм, экипажу ни капли. Все слышали? Бывалый, мудрый мой командир, как ты был прав!

К самолёту подлетает гусеничный ГТС.

– Поедешь с Димой, – коротко командует командир. Диму на двери грузят в кузов, накрывают чьей-то курткой, я лезу следом. ГТС мчится, покачиваясь и подпрыгивая на неровностях, Димка стонет и тоненьким пьяным голосом матерится. Я успокаиваю. Кого? Себя, его?

С этого момента героико-трагическая часть закончена, начинается рассказ о подлости и порядочности.

Сдав Диму в приёмный покой военного госпиталя, я вышел на крыльцо и увидел, что водитель ГТС поджидает меня.

– Куда едем, командир?

– Обратно, к самолёту.

На обратном пути попали в натуральную пробку. К месту аварии тянулась бесконечная вереница мотоциклов, «Буранов», УАЗиков и прочей техники. Были это просто зеваки или шакалы-падальщики, не знаю, не хочу терять веру в северян. Возле борта уже было пусто, не считая пограничника с автоматом.

– Стой, назад!

– Отстань, дурень, я за своими документами и курткой приехал.

Оттолкнув бойца плечом, я полез в самолёт. На удивление легко отыскал в куче хлама свои сумку (авария аварией, но хоть умыться и трусы поменять надо будет?) и куртку. Возле раздавленных шоколадных яиц на своём рабочем месте отыскал и шапку. Вышел, потрепал бойца по плечу:

– Не ссы, нормально все, это мои вещи, вот видишь, удостоверение. Просто объяснять не хотел, денёк был … тяжёлый.

Из носа снова идёт кровь. Со слов бойца понятно, что экипаж увезли в госпиталь.

В госпитале царила какая-то нездоровая суета (у меня батя – начальник госпиталя, знаю, что говорю). По коридору мимо «сбитых лётчиков» постоянно носились врачи, сестрички и больные, старательно «не глядя» на нас. За полчаса по моим наблюдениям мимо нас пробежал весь наличный состав военной больницы, после чего пошли по второму кругу. Видимо сверху поставили задачу – найти хоть малейшие следы алкоголя в наших организмах, потому как нас заставили: дышать в стакан, дышать в трубку, лизать индикаторную полоску, писать (в баночку) и сдавать кровь. Ноль. Спасибо тебе, Георгий Георгиевич, а также нашей пьянке 4 числа и кефирному

бдению накануне! Пока сидели, выяснилось, что у Андрюхи, нашего инженера, и одного из пассажиров компрессионные переломы (что-то вроде сдавливания хрящей от удара) позвоночника, лечение будет долгим и нудным, но даже на лётной работе можно будет восстановиться.

Отвезли нас в гостиницу, уже ближе к 22.00. Все сразу ломанулись на переговорный. К чести руководства аэровокзала должен сказать, что звонки домой нам организовали бесплатно, по 5 минут на брата. Выяснилось, что примерно через полчаса после падения лайнера Гениной жене позвонил какой-то доброхот и конфиденциально сообщил, что её муж вместе со всем экипажем разбился вдребезги. Та в невменяемом состоянии кинулась к моей жене и уже обе – к командованию части. Командование ещё ничего не знало и пребывало в полной безмятежности. «Какая авария, они 20 минут назад в Анадыре сели. Идите домой, мы все узнаем и сообщим». Ещё через час командиру части позвонил мой тесть, услышавший сообщение о падении лайнера в новостях. «А вы откуда знаете? Я ещё даже в округ не докладывал?» – удивился командир. А тем временем слух разнёсся по всему городку, и в девяти семьях, тихо плача, глушили спирт. Как рассказывала моя жена, пили без закуски вдвоём с Танькой, и не брало. Не то пол-литра, не то литр в переводе на чистый спирт выкушали, пока не пришла новость – *живы* . А вскоре позвонили и мы…

Пересказ дальнейшего будет долог и нуден, память сохранила лишь яркие отдельные фрагменты дальнейших перипетий. Вот так и напишу, фотокадрами.

Щёлк, вспышка. Мы с Геной сидим в гостинице и вдвоём ваяем полётную документацию. Он – штурманский бортжурнал, я – справку о загрузке. Не для формальности пишем, для прокурора. Между нами открытый блок сигарет и пара раздавленных шоколадных яиц (больше жрать нечего). Вообще-то положено заполнять все это до полёта, но кто ж знал… В это время под покровом ночи остальной экипаж на пограничном ГАЗ-66 приводил загрузку самолёта в соответствие с моей будущей справкой. Лётчики поймут, а остальным объясню, что столь плачевный исход полёта пресловутым «перегрузом» не мог быть вызван. Под действием перегруза мы должны были грёбнуться на взлёте или в наборе высоты. А через 4 часа полёта после выработки топлива перегруз самоликвидировался, и все весовые параметры

самолёта пришли в соответствие с Руководством. Но если госкомиссия в компании с прокурором нашли бы хоть граммулю алкоголя у экипажа в крови или хоть килограмм лишнего веса на борту – дальнейшее расследование было бы чисто формальным. «Ошибка экипажа». Как часто мы слышим эти слова в новостях. С каким умным видом втуляют нам смазливые и тупые телеведущие байки про перегрузы, зимнее и летнее топливо, штопоры и воздушное хулиганство. Мёртвые сраму не имут… Им все равно, а живым надо дело закрыть. Пилот всегда знает документированные и недокументированные возможности своей машины. Мы тоже хотим жить, а не быть оплёванными или награждёнными посмертно. И по существующим правилам тех пилотов, которые на крохотных и пыльных афганских аэродромах набивали в свои АНы по 100 человек народа стоя, надо было сразу после посадки вести под арест.

Щёлк, вспышка. За тем же столом уже сидит следователь прокуратуры – молодой старлей в зелёных погонах. Мы с Геной надиктовываем в протокол короткие и чёткие ответы: «Нет… не было… не участвовал… согласно руководящих документов… в установленном порядке». Через час прокурор сдаётся: «Мужики, без протокола объясните, как все было, я в ваших авиационных терминах ни черта не смыслю». Выворачивает карманы, мол диктофон не прятал. Переглянувшись, мы с Геной начинаем объяснять, увлекаемся и уже без утайки подсказываем, на какие моменты надо обратить внимание, попутно признаемся в «лёгком перегрузе». Рассказываем, почему перегруз – это не в счёт. Прокурор осторожно интересуется: «А правда, вы ночью ездили разбитый самолёт дозаправляться? А то у вас якобы топлива на запасной не хватало, вот вы в срань и полезли». Мы с Геной начинаем неприлично ржать. Заправлять дырявую бочку бессмысленно, к тому же большинство авиационных приборов, в т.ч. топливомер, при обрыве питания сохраняют последние показания. Сколько ни лей, ни в баках, ни на топливомере больше не станет.

Щёлк, вспышка. Экипаж столпился на погранзаставе, где разместилась комиссия и следователь прокуратуры, возле двери председателя. Красный и злой после разговора с председателем Георгич объясняет нам, как и на чьё имя писать рапорта с подробностями происшествия. Написали, Георгич на 7 листах, Гена на пяти, я – убористым неровным почерком – на трёх. Лучше всех

Ильдару – на полстраничке размашистым Жориным почерком убойный рассказ: «Командира, крыло, стабилизатор норма!». Смешно. Потом тоже самое с другим заголовком писали прокурору.

Щёлк, вспышка. Мы курим с тем самым лётчиком-инспектором, которому сто лет назад Андрюха сдавал на класс. Он вполголоса рассказывает, какие художества вытворяли на Камчатке при освоении Ан-72, даже на одном двигателе взлетали. Успокаивает нас: «Херня, мужики, я вижу, вы все сделали правильно. Вот только магнитофон послушаем, и сразу вам ордена навесим» (ага, с закруткой на спине, чтоб ткань не оборвали). А мы чем дальше, тем больше нервничаем. За первые полтора суток выкурили два блока сигарет вшестером (Фёдорыч давно бросил). А в это время неподалёку от сопки «Мария» прокуратура вместе с членами комиссии потрошит самолёт, извлекая черные ящики, забирая пробы жидкостей из топливной, масляной и гидросистем, взвешивает груз.

Щёлк, вспышка. Мы с Парамоном обречённо тащим из штаба Анадырского авиаотряда на заставу МН-61 – наземный брат того самого МС-61. Такое ощущение, что несёшь свой приговор, ведь от этой тоненькой, тоньше лески, блестящей проволочки с нашими голосами зависит приговор комиссии. Сзади шаркает ногами дружный экипаж и полкомиссии. Георгич бурно возмущается действиями командира местного авиаотряда вкупе с начальником аэропорта, придумавших байку про наш ночной рейд с дозаправкой. «Ну ты же, бля, лётчик, зачем своей глупостью и незнанием матчасти позориться! Ну хотел ты от своих диспетчеров огонь отвести, придумай что-нибудь толковое, чтобы никто не пострадал». Да, в этой ситуации каждый на себя одеяло тянет, а нам суждено быть крайними.

Щёлк, вспышка, часом позже. Комиссия и мы расшифровываем запись магнитофона. Сначала прослушали 2 раза целиком. Потом с остановками, с записью каждой фразы с указанием говорившего. Дико и непривычно слышать свои голоса, никто себя не узнает. На плёнке *ни одного* мата! Даже Парамон, который не матюкнувшись, чаю не напьётся, и то слова лишнего не сказал. Только команды, быстрые, чёткие, такие же лаконичные ответы. Снова и снова переживаем мы ситуацию, моя спина покрывается липким потом, руки трясутся, засовываю их между колен. Вот теперь пришёл *страх* . Нас отпускают, молча идём курить, даже Фёдорыч. Одной сигареты мало, прикуриваю

от бычка следующую, с трудом попадая в гаснущий огонёк. Дрожь в руках проходит, спине мокро и холодно.

Щёлк, вспышка. Последние кадры видеозаписи, снятой для прокурора. Парамон, покуривая, стоит на крыльце заставы. Сзади расстилается безбрежная тундра, на которой маленькой чёрточкой вдали чернеет наш самолёт. Камера наезжает на его останки, слышен голос Парамона «Мужики, учите матчасть». Кстати, вечером второго дня Георгич тихонько пристыдил нас: «Поросята вы, хоть бы с самолётом попрощались, ведь он сам погиб, а нас спас». Командир, докладываю, я попрощался. Летом следующего года, возвращаясь из отпуска, вместе с женой через тундру сбегали к спасителю погладить его облезший серый бок.

Тут можно бы поставить и точку, но…. В ходе расследования *все* отцы-командиры, щедро грузившие на наши шеи сверхнормативный груз, открестились от своих слов. Всех собак повесили на… командира экипажа, конечно. А когда комиссия официально вынесла вердикт «Действия экипажа признаны грамотными» и всплыл вопрос о поощрении, или, чем чёрт не шутит, награждении экипажа, один из этих деятелей своим решением вопрос замял. С резолюцией (устной, конечно): «Пусть спасибо скажут, что никого не посадили». Спасибо тебе, отец родной. Спасибо, что под аварию полчасти барахла списали, которое якобы в упавшем самолёте было, а наши куртки и кожанки почему-то забыли в этот список включить. (С Чукотки вылетали в меховушках, а на Камчатке – там теплее – ходили в кожанках или ДСках).

А сослуживцам нашим отдельное спасибо. Без дураков, без иронии. Ни один из тех, кто давал нам деньги на закупку гостинцев, ни словом, ни намёком не дал нам понять, что «неплохо бы денежки вернуть». Благородство и подлость – они всегда рядом. А почему все подлецы среди командования оказались, а все рыцари среди «простых» летунов – фиг его знает, а я ответа не нашёл.

Для специалистов сделаю ремарочку. Через 2 года подмосковный НИИ-11 вынес вердикт. «Разрыв мембраны на главной дозирующей игле» (это в недрах топливной автоматики). А как показали данные другого чёрного ящика, с момента отказа винт правого двигателя вышел на режим отрицательной тяги, и никакие телодвижения экипажа прекратить снижение уже не могли бы.

Кстати, в тот день упало 6 летательных аппаратов, в том числе и Ту-154 под Хабаровском, который потом пару месяцев в тайге искали, и Боинг где-то во флоридских болотах, и Ми-8 в горах Кавказа, и даже какой-то Ан-2, вроде, ухитрился. Все вдребезги, кроме нас.

А Пасекова Георгия Георгиевича все-таки наградили. Хотели ему орден Мужества дать, а всем остальным по медали Нестерова. Дали командиру медаль Нестерова (остальным по фиге), и то хорошо, он больше всех заслужил. Все прошли через госпиталь, все потом летали, и Андрюха, и Дима, и даже 2 раза падавший (первый раз на Ил-14) Фёдорыч. А ещё Георгич рассказывал, что, когда мы пикировали на склон сопки Мария с грузом Библий и церковным колоколом на борту, перед ним в облаках парил светлый образ Девы Марии с ребёнком на руках, похожим на его сына. Прости мне, Господи, мой атеизм (это я на всякий случай).

P.S. Всем неверующим могу выложить в Сети скан своей лётной книжки с тем самым полётом + скриншоты той самой прокурорской видеосъёмки (только Парамоненко Саня со своей заключительной фразой не вошёл). У профи прошу прощения за некоторую беллетризацию авиационных терминов и фразеологии радиообмена. А причём же здесь профессионализм, спросите вы? Я думаю так: для лётчика – это постоянная готовность к особым случаям от запуска двигателей до их выключения, каждый полет, изо дня в день, из года в год. А будут эти особые случаи и сколько их будет – это как карты лягут. Но самое трудное – быть готовым действовать ежесекундно, не тратя время на размышления, но не бездумно. Ведь в наших руках – ваши жизни.

Golubchik У-У Коля

Наш истребительный авиационный полк во второй половине 80-х годов прошлого столетия был передан из ВВС округа в подчинение войск ПВО.

Наиболее шустрая, но малочисленная часть офицерских кадров перебежала в другие авиаполки ВВС, принципиально не желая служить под «сапогами».

Мне, лейтенанту-двухгодичнику, было глубоко по барабану, какому богу молиться, ибо служить оставалось меньше трёх месяцев. В обато,[88] где я обретался в качестве зампотеха автотехнической роты, пришла с четверть офицеров, вырвавшихся из лесов, то есть всеми правдами и неправдами сбежавших с глубоко секретных зенитно-ракетных точек. Согласно новому штатному расписанию, мою роту разделили на (цитирую нового комбата) две неровные половины. Теперь должно быть всего по два: два командира роты, два зама, два старшины и вполовину меньше народу и техники. Не служба, а дембельское счастье.

Только радоваться нечему: из четырёх штатных офицеров в наличии был я один, а старшин вообще не одного. Такое положение вещей никак меня не устроило, и я пошёл к комбату, как к барину, за справедливостью. Описывать нашу беседу нет никакого смысла, ибо со стороны это напоминало диалог глухонемого со слепым. Тащ подполковник так и не понял, почему я отказался от заманчивой должности ротного.

– Смотри, блин, жалеть будешь, да поздно будет!– крикнул комбат мне вслед.

Командира в «мою» роту электрогазовой техники нашли через неделю после беседы с комбатом. Как я жалел о том, что не послушал старших товарищей! Командиром роты мне прислали старлея Султанходжаева с патологически непроизносимым именем, скрывшимся за инициалами У.У., впрочем, он легко отзывался на имя Коля. УУ-Коля окончил Самаркандское командное автомобильное училище, просидел почти четыре года «на точке» командиром автовзвода из двух ходовых машин, а теперь дорвался до роты из 90

солдат и более чем 80 машин, каждая из которых тащила на себе какую-нибудь спецустановку. От всего этого изобилия непонятной техники Колины глаза, изначально узкие от природы, округлились… Да так и остались.

Первую неделю УУ-Коля старательно учил названия: АПА, ТЗ, ЭГУ, «Воздушка», «Кондёр» и т.д. Всю вторую, к огромной радости солдат, пытался совместить теорию с практикой. Он с жутко сосредоточенным видом ходил по парку и по вырванной из сержантского учебника картинке определял название машины реальной. Большей частью неудачно.

Все эти две недели я бессменно тащил все полёты, в обе смены, а на третью сломался.

Я оттянул первую смену и передал технику УУ-Коле прямо на ЦЗТ[89] аэродрома. Ну, кто мог подумать, что он вообще впервые в жизни видит аэродром и самолёты!. Изначально ротного обуял ужас, но потом он быстро взял себя в руки и к середине полётов, ну для ознакомления с местностью что ли, залез за руль АПА и поехал кататься.

Ехал УУ-Коля по ровнёхонькой бетонной рулёжке и радовался успехам дорожных строителей: могут же, когда хотят, и у нас делать шоссе не хуже германских автобанов! Напряжённость первых часов прошла, и УУ-Коля расслабился. Дело происходило глубокой ночью, и он оказался неприятно поражён наглостью встречного автомобиля, который не просто ехал по сплошной осевой, а ехал с дальним светом и при этом всем фара горела у него одна! УУ-Коля помигал своими фарами, мол, свет-то переключи. Но нахал не собирался ни сворачивать, ни переключать свет. Обе машины остановились, и УУ-Коля вылез из кабины, горя праведным желанием побеседовать с нахалом.

Шок пронизал УУ-Колю, когда он увидел перед собой… самолёт! Страх был настолько велик, что он рванул в сторону ближайшего леса со скоростью хорошего спринтера. Машина осталась на рулёжке, полёты пришлось прервать почти на полчаса, а два борта сажать по запасному варианту. Но я пока этого не знал.

Ровно через десять минут после этого меня тёпленького извлекли из постели, и комбат лично повёз меня к командиру полка. На общую беду на застрявшем на полосе самолёте совершил посадку *сам*

командир. Командира мы нашли на вышке руководителя полётов. Он бегал по диагонали крохотной комнаты и орал: «И этот ..удак мне поморгал! Дорогу ему уступи! Кто, я спрашиваю, кто это был?!» Я выстроил солдат, и комбат лично провёл допрос. Результат расследования поверг всех в шок и комполка запретил пускать УУ-Колю на аэродром пожизненно.

Наш герой перенёс командирский гнев с истинно восточным смирением и сосредоточил всю свою энергию на повышении уровня готовности автотехники, а также изучении матчасти. И преуспел, на наше горе.

Спустя неделю УУ-Коля, исполненный самых благих намерений, решил помочь солдатику, сел за руль ТЗ-22[90] и съездил на склад ГСМ, где и залил в топливо Т-6 ещё кубов 10 РТ. Какая разница? Керосин-то везде одинаковый. Хорошо, что машину, прибывшую на дозаправку дежурного звена, перехватил техник-СДэк.[91] Опять крики, вопли и… УУ-Коле запрещают покидать территорию части, и появляться где-либо кроме автопарка и казармы. В обиход плотно вошла мудрость о том, что у Советских ВВС есть только два врага: НАТО и обато.

Но приключения сами находили нашего героя.

Прошла ещё неделя, июль, суббота. Личный состав в парке возится с техникой, мы с ротным на КТП[92] беззлобно ругаемся, пытаясь выкроить людей в наряды. Вдруг раздаётся наглый и резкий автомобильный гудок. Ага! Понятно. Прибыл очередной полковник из штаба корпуса чего-нибудь подремонтировать своему «жигулю». Обычная халява.

Сейчас нас осчастливил своим визитом зам начальника штаба. Ему требовалось переобуть машинку. Полковник вальяжно вознёс своё тело в крохотную дежурку КТП. И молча, оценивающе, оглядел нас с ног до головы. Ну, я-то был прикинут по-простому: синяя летняя техничка без знаков различия, фуражка и черные сандалии на босу ногу. А вот УУ-Коля предстал во всей красе: застёгнутый на все пуговицы китель, брюки-бутылки и сапоги, надраенные как котовы яйца. Полковник тоже был в сапогах, какая-то странная, прямо патологическая любовь к сапогам наблюдалась у сухопутчиков. Встретились родственные души, два сапога… Ротный лично, с истинно восточным почтением, принял новенькую «трёшку»

полковника и уехал на ней за боксы. Вернулся минут через десять и доложил о том, что все будет готово максимум через полтора часа.

Отведённое на работы время пролетело быстро, и снова нас осчастливил своим визитом ЗНШ корпуса. УУ-Коля почтительно повёл начальство принимать работу, а я потихоньку пошёл за ними, влекомый странным предчувствием беды.

«Жигуленок» стоял на козлах, а рядом аккуратно лежали все пять свеженьких колёс, причём старая резина была уже вымыта и уложена в багажник. Тут же стояла воздушка,[93] и боец в мгновение ока накачал все колёсики. После чего прошёлся с манометром и довёл давление до нормы. Всех дел на две с половиной минуты. Полковник удивлённо крякнул, а услужливый дурак УУ-Коля начал торопливо пересказывать ему краткое содержание только что прочитанного учебника для сержантских учебок. А далее со словами: «Это очень легко! Попробуйте сами, товарисч полковник!» – вывернул ниппель из одного колеса и сунул в руку слегка охреневшего ЗНШ штуцер от воздушки. ЗНШ поднёс штуцер к золотнику колеса, а УУ-Коля со всей дури крутанул вентиль.

Почувствовав близкую свободу, в несчастный «жигулевский» баллон рванула минимум половина из 350 атмосфер, спрятанных в воздушке. В считанные доли секунды баллон раздулся до размеров «Беларусевского» заднего, а затем… Я едва интуитивно отпрянул за ближайшую машину, как по ногам ударила мощная волна воздуха, с лёгким гулом, вращаясь, полетел колёсный диск, поднялась страшная пыль. Вдруг сразу стало тихо; когда пыль осела; нашему взору предстали сидящие на асфальте, донельзя грязные, ЗНШ и УУ-Коля, причём у последнего из ушей текла кровь, верный признак контузии. Взрывная волна сбросила «жигулёнка» с козел и положила здесь же на бок.

Крохотные куски покрышки находили потом метров за 50 от места трагедии, а вот усвистевший диск так и не нашли.

УУ-Коля пролежал с месяц в госпитале, я дембельнулся и больше о нём ничего не слышал. Но вот на ремонт штабные полковники в наш парк ездить перестали.

Uncle Fedor Успели…

Вылет не задался с самого начала. Нет, ничего принципиально сложного в нём не было – эту работу полк выполнял ежегодно. На полигоне выполнялся показ слушателям академии Генерального штаба операции с названием «Прорыв подготовленной обороны противника танковым полком при поддержке артиллерии и авиации». Авиацию в данном случае представляли четыре Су-24 N-ского Гвардейского бомбардировочного авиаполка, ведомые лично командиром этого полка – храбрецом, пилотом от Бога, орденоносцем, любимцем командования и подчинённых, подполковником М. Задачей четвёрки было подойти на бреющем к полигону точно в момент окончания артподготовки, и, «обеспечивая непрерывность воздействия на противника», с набором высоты вывалить на хорошо приметную горушку посреди мишенного поля по два десятка стокилограммовых фугасных авиабомб.

Неприятности начали подстерегать группу ещё на старте – при выруливании заглохли двигатели четвёртого самолёта. Пока первая тройка болталась в воздухе, сжигая горючее и нервы, на земле состоялась краткая, но энергичная дискуссия о причинах этого события и его возможных последствиях. В конце концов, было решено, что двигатель заглох по причине излишне энергичного манипулирования РУД-ами[94] со стороны лётчика, и дальнейших неприятных последствий это иметь не должно. Была дана команда на повторный запуск и, спустя несколько минут, отставший самолёт присоединился к своим заждавшимся товарищам. Но время! Драгоценное время уже было упущено – уже был выбран не только заложенный на стадии планирования «штабной» запас, но и «штурманский» и даже «командирский», в чем штурман ведущего самолёта убедился сразу, как только закончил примерные подсчёты. Штурман ведущего второй пары пришёл к такому же выводу минутой позже, о чем и оповестил всех по рации нервным сообщением «Не успеваем!», не сопроводив его даже положенными своими позывными и позывными вызываемого что, впрочем, было не удивительно, ибо, скорее всего, он и не знал сам, к кому обращался.

Подполковник М, не отрываясь от управления, бросил своему штурману:

– Штурманец! Нагоним?

Штурман командира, старший лейтенант Ф, задумался. В другой обстановке можно было бы увеличить скорость и попробовать нагнать упущенные минуты, но сейчас, когда внешние подвески самолётов щетинились малоаэродинамичными многозамковыми бомбодержателями с гроздьями подвешенных к ним «соток»,[95] увеличить скорость было совершенно невозможно.

– Запаса нет, – дипломатично ответил штурман, лихорадочно прикидывая, где бы можно было сэкономить потерянное время.

– Режь угол! – с недрогнувшим лицом приказал М, по-прежнему обозревая орлиным взором через подслеповатый фонарь пространство перед самолётом.

– Дык, эта… – вяло попробовал возразить штурман, в голове которого уже завертелись все связанные с проблемой оперативного изменения маршрута трудности и сопровождающие этот процесс возможности ошибок.

– Режь, кому говорю, ща обосрёмся! – экспрессивно заявил командир.

После двухминутного камлания над планшеткой, компасом и часами штурман Ф выдал команду на поворот на курс 45 и дальнейшее следование им в течение четырёх с половиной минут, после чего должен был быть выполнен поворот на курс 110, который ещё минут через пять и выводил группу точно в центр полигона. Штурман с чувством выполненного долга обмяк в кресле, а командир, не теряя орлиного вида, перевёл самолёт в плавное снижение, дабы подойти к полигону, как и положено, на бреющем. Стрелка указателя скорости дрогнула и поползла вперёд по шкале.

– Не гони, уже успеваем, – заметил штурман, которому, несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте и трёхступенчатую разницу в званиях, позволялась, как члену командирского экипажа, некоторая фамильярность.

– Не ссы, всё точно! – отозвался командир, энергично выводя машину в горизонтальный полёт, как показалось штурману, прямо над верхушками деревьев.

Полигон они увидели почти сразу после поворота на новый курс – за невысокой, покрытой лесом цепью холмиков серо-чёрной громадой понималось облако дыма и пыли от разрывов снарядов.

– Опять ни хрена ж не видно будет, как бы нам не загреметь, – мрачно сообщил командир. Но штурман на его слова почти не обратил внимания, поскольку в последний момент ему показалось что-то странное то ли в показаниях секундомера, то ли в том, как совсем недалеко находилась эта цепочка холмиков. Но не успел он ничего сказать по этому поводу, как самолёт с лёгким набором высоты перевалил холмики, и мишенное поле открылось перед ними во всей своей красоте.

То ли в расчёты штурмана где-то вкралась ошибка, то ли командир слишком сильно давил «на газ», то ли из графика выбился кто-то ещё, но самолёты прибыли на поле в тот момент, когда по нему ещё работала артиллерия.

– Жопа! – пронеслось в голове у штурмана Ф, когда он увидел как среди ржавых коробок корпусов списанной бронетехники стремительно вырастают буро-коричневые столбы земли с красноватым взблеском в середине, медленно опадая затем крупными вертящимися комьями земли и оставляя после себя в воздухе серую пелену пыли и дыма.

– Хренассе! – с неподдельным удивлением сообщил подполковник М.

Надо заметить, что растерянность сработанного экипажа продолжалась всего секунду, после чего командир, переведя самолёт в энергичный набор высоты, надавил на тангенту рации и завопил:

– Вверх, все вверх! – а штурман сделал все, что смог в данной ситуации – хрюкнул от ужаса и постарался сохранить самообладание.

Время сорвалось с цепи и стремительно понеслось вперёд – самолёт рванулся вправо-влево, ощутимо вздрогнул пару раз, причём звук, сопровождавший второй рывок, штурману Ф очень и очень не понравился, серая пыль закрыла весь обзор, перегрузка вдавила в сиденье, поле стремительно скользнуло вниз. В каком-то оцепенелом состоянии штурман Ф увидел уходящий под правое крыло хорошо заметный бугорок в центре мишенного поля и меланхолически скомандовал:

– Сброс! самолёт ещё раз вздрогнул и рванулся вверх, освободившись от веса бомб.

Подполковник М, вздыхая, рассматривал две некрупные дырки в плоскости левого стабилизатора. Глаза его, расширившиеся над полигоном до размеров объектива полевого бинокля, ещё не пришли в норму, из-за чего он напоминал разбуженного среди дня старого и недовольного филина. Штурман Ф часто и нервно моргал, комкая краги и старясь таким образом унять предательскую дрожь в руках. Командир вздохнул ещё раз, нагнулся, заглянул под стабилизатор снизу, зачем-то потрогал пальцем острые края пробоины, отошёл в сторону и посмотрел на штурмана. Стоящие полукругом члены трёх остальных экипажей напряглись в предвкушении впечатляющего зрелища (уже второго за день). Но командир только вздохнул ещё раз и глухим, каким-то чрезмерно ласковым голосом сообщил:

– В другой раз ты это… Ну его нахрен, пусть лучше опоздаем, чес-слово.

Шурави Ведро

Красивая девушка грациозно шла по залу. Остановилась около столика, за которым сидел старлей Л.

– Что будем заказывать? – положила она перед ним меню.

– Надо же, а я думал, только в кино бывают такие официантки, – подумал старлей, а вслух произнёс:

– А что бы вы посоветовали?

– А вот, наше фирменное, – девушка раскрыла меню. При этом она немножко наклонилась над столиком и напротив глаз старлея оказался вырез её платья, эта манящая ложбинка, от вида которой у старлея перехватило дух. Девушка, проследив его взгляд, ничуть не смутилась, напротив, кокетливо улыбнулась. Улыбка сделала её ещё симпатичней, желанней. Но старлей уже совладал с собой.

– А что вы делаете сегодня вечером? – не стал ходить вокруг да около старлей.

– Я? – на минутку призадумалась девушка. Было видно, что ей льстит внимание этого молодого лётчика, иначе она бы просто обозвала его нахалом.

Неожиданно девушка пихнула старлея в бок и заорала голосом капитана А.:

– Тревога! Подъём!

Старлей Л. открыл глаза, над ним маячила длинная фигура капитана А., это он прервал такой замечательный сон. За окном занимавшийся рассвет делал первые робкие попытки разогнать темень ночи. Без всяких часов было понятно, что ещё очень рано.

«Убить его сразу или пусть помучается? – глядя на капитана, думал старлей. – Не, пусть живёт, а то слишком легко отделается».

Раздумья, тем не менее, не помешали старлею произнести тираду, в которой он высказал всё, что думает о начальниках, которые даже здесь, в Афгане, не могут обойтись без этих тренировок, не забыл помянуть добрым словом стратегов Гитлера, которым приспичило напасть на Советский Союз именно в четыре утра, а не, к примеру, после обеда, и заодно досталось и самому капитану А.

– Какая тренировка! Нас из миномётов обстреливать сейчас будут! – прервал тираду старлея капитан.

Странно, но не сообщение о каких-то миномётах вернуло старлея в реальность. Гораздо больше на него возымело действие то, что несмотря на столь ранний час, этот король лентяев был полностью одет и экипирован, значит, дело серьёзное.

– Давай быстрей! – сказал капитан и на минутку отвлёкся, чтобы достать из-под кровати свой автомат. Когда он повернулся обратно, старлея на месте уже не было, исчез.

Пару раз безрезультатно окрикнув своего оператора, помянув его недобрым словом, капитан отправился на стоянку. К его удивлению, старлей уже был там и вместе с борттехником заканчивал расчехлять вертолёт. Капитану только и осталось, как присоединиться к ним, но поскольку подобное дело он не делал уже давно, то больше мешал, чем помогал.

Едва машина была готова к вылету, на стоянке появился командир звена капитан К., а с ним кто-то из соседнего полка.

– Вот здесь, – ткнул представитель пехоты в карту, – по докладам агентуры они оборудовали позиции.

Старлей ужаснулся: это же совсем рядом, вон оно, это ущелье-расщелина, прямо со стоянки видно. Упирается своей дельтой в кишлак рядом с аэродромом и убегает, распадаясь на множество рукавов. Отличное место для атаки и отхода.

– Ты своей парой сейчас поднимаешься и наносишь удар, а я буду в готовности, неизвестно как обстановка сложится, – дал указание капитану А. командир звена.

Пара крокодилов, коротко разбежавшись, оторвалась от полосы и привычно, виток за витком, начала набирать высоту.

– Эшелон занял, к работе готов! – прозвучало в шлемофоне. Старлей посмотрел вверх, высоко над ними кружила пара «восьмёрок».

– Вот уроды летучие! После нас же взлетали! – с теплотой подумал о коллегах старлей.

Эта пара – спасательная, их задача, если что, вытащить этих двух, как говорил капитан К., инвалидов от инстинкта самосохранения, старлея Л. и капитана А.

Очередной виток набора высоты завершён, прямо по курсу цель. Старлей очередью из пулемёта помогает увидеть её командиру. Тут же вертолёт опустил нос, и ракеты с шумом сорвались с направляющих. Старлей успел дать ещё пару очередей, прежде чем командир отвернул от цели на повторный заход.

– Мужики, повыше держитесь, они вам вслед стреляют! – вновь вышел на связь командир «восьмёрки».

– Ни фига себе! Так они уже там?! – второй раз за сегодня ужаснулся старлей. Получается, ещё немного и он бы… никогда больше не увидел красавицу официантку – пришла в голову мысль.

Дело в том, что эта встреча действительно имело место в реальности. Старлей тогда возвращался из краткосрочного отпуска, красавец Ил-62 уже доставил его из Киева в Ташкент, и теперь у него через несколько часов был рейс до Термеза, а там – таможня и здравствуй, Афган.

Старлей Л. безбожно опаздывал, он просидел в Киеве почти шесть дней, погоды не было, и был рад, что так удачно получилось взять билет до Термеза. Осталось только убить оставшиеся до рейса время. Старлей не придумал ничего лучшего, как пойти в привокзальный ресторан. Ну не в театр же!

В вестибюле ресторана он взглянул на своё отражение в зеркале.

– Ни фига себе!— старлею стало понятно, почему так долго смотрела кассир на фото в удостоверении личности. Тому типу, что отражался в зеркале, больше уместна была одежда партизана, чем офицерский мундир. Сказалось недельное сидение в аэропорту.

– Нет, в таком виде здесь делать нечего, – подумал старлей, решительно повернулся и вышел на улицу. Оглядевшись, он заметил то, что ему в данный момент было нужно, вывеску салона красоты. Через час старлей вновь нравился самому себе, а главное, противоположному полу. Теперь можно и в ресторан. Там он и повстречал героиню своего сегодняшнего сна. Но увы, ничего быть тогда не могло. Хотя ему понравилась девушка, а он, судя по всему ей, беспристрастный голос громкоговорителя сообщил о посадке на рейс Ташкент-Термез. Старлей на всю жизнь запомнил тот взгляд девушки, когда он сказал, куда торопится. Дурак, даже адрес не спросил.

Повторный заход, атака, отворот, снова заход. Никогда старлей ещё не считал боекомплект вертолёта таким маленьким. Как быстро он

опустел!

После посадки прямо возле вертолётов состоялся разбор атаки. Хотя тот шум и гам, что производили пилоты, делал их похожими на парней, вернувшихся после удачной драки из соседней деревни. Постепенно страсти улеглись, и доминировать стала мысль, что для того, чтобы пресечь подобные поползновения в будущем, сегодняшней атаки недостаточно. Нужны более радикальные меры. Кто-то предложил, чтобы соседи накрыли цель из установок «Град», но по причине близости цели и точности «Града» эту идею сразу отмели. Решили обходиться своими силами. Самым мощным из наличествующего арсенала были, конечно, бомбы.

– Не пойдёт, – сказал старлей, – скатятся на дно ущелья, и толку там от них, да и падают они не слишком эффектно.

– Мужики, а у нас же эс двадцать четвёртые на складе лежат! – взял слово молчавший доселе оружейник, – там и боевая часть мощная, и шуму в полёте она делает, будь здоров!

Эта идея понравилась всем. Действительно, для предстоящей акции эти ракеты подходили лучше всего. Мощные, калибра двести сорок миллиметров, с боевой частью массой сто килограмм, эти ракеты, по сути, были бомбами с ракетными двигателями. Правда, использовались они только в исключительных случаях. Во-первых, потому что вертолёт их мог взять только четыре, а во-вторых, у ракеты был насколько мощный выхлоп, что были случаи останова двигателей вертолёта. Поэтому применять эти штуки разрешалось только с высоты и строго по одной.

На том и порешили. Экипажи ушли готовиться к повторным вылетам, а технический состав готовить вертолёты к вылетам. В процессе постановки задачи было определено, что атаковать цель будет экипаж капитана К., как самый опытный, остальные экипажи в дежурстве. Старлей Л. пытался что-то там возразить по поводу опытности, но его, скажем так, лишили слова. Неожиданно в класс зашёл инженер.

– Командир, заминка вышла, – обратился он к подполковнику Х., – Ракеты подвешены, но оружейник не может разобраться с подключением, он к нам от истребителей пришёл, плохо ещё вертолёты знает.

– Пошли, на месте разберёмся, – решил подполковник Х. Пилоты во главе с командиром поплелись на стоянку. Вокруг вертолёта суетились специалисты. Прямо на бетоне стоянки были разложены длинные, как древние свитки, схемы, приборы.

– Ну, что тут у вас? – спросил подполковник спецов.

– Сигнал неправильно идёт, – ответил специалист по вооружению, он был явно смущён и проклинал себя в душе за то, что предложил использовать эти чёртовы ракеты. Теперь вот попал в дурацкое положение.

– Как неправильно? – спросил подполковник.

– Да так, стоит включить вооружение, как на все ракеты проходит сигнал «Пуск», даже гашетку жать не надо, – объяснил суть проблемы оружейник.

Но что такое технический тупик в сравнении с желанием показать духам кузькину мать? Как всегда в таких случаях, недостаток знаний компенсировала смекалка. Состоялся небольшой консилиум, в ходе которого выяснили весьма интересную деталь: если не снимать с ракеты чеку, она не сойдёт. Старлей уже не помнит, кому пришла в голову эта мысль, которая, несмотря на примитивизм и кустарщину, получила всеобщее одобрение. Чеки с ракет не снимать, а привязать к ним верёвки, или как говорят в авиации, фалы, через блистеры протянуть последние в грузовую кабину. По замыслу оставшегося неизвестным изобретателя, командир на боевом курсе включал вооружение, а борттехник по его команде дёргал нужный фал, и разблокированная ракета начинала свой полёт к цели. Таким образом, консенсус был достигнут, технический состав приступил к реализации технической стороны плана, а незадействованный лётный состав удалился на командную вышку, чтобы в режиме реального времени наблюдать акт устрашения местных душманов.

Минут через двадцать вертолёт выруливал на полосу. Вид у него был довольно грозный. Впечатление даже не портили фалы, идущие от каждой ракеты в грузовую кабину, наоборот, они придавали длинным сигарам ракет вид каких-то фантастических хищников, которых держат на поводке. Посредине грузовой кабины, гордый от своей значимости, восседал борттехник, удерживая в сжатых кулаках эти поводки-фалы. Правда, старлея смущала одна деталь, он и сам ещё не мог понять, почему. Нет, не фалы, а то, на чём сидел борттехник. Дело

в том, что в грузовой кабине нет специального сидячего места для борттехника. Он, когда требовался в полёте дополнительный пулемётчик, приспосабливал в качестве сидения небольшое самодельное ведро, которое сам же изготовил из пустого «цинка» для взрывателей. И в этот раз, привычно перевернув ведро вверх дном, он уселся на него.

– Ладно, – подумал старлей, – мало ли, что мне не нравится.

Тем временем вертолёт разбежался, оторвался от полосы и начал набирать высоту. Пилоты, затаив дыхание, следили за ним. Вот уже видно, что экипаж на боевом курсе, пикирование.

– Сейчас будет пуск, – подумал старлей. И точно, в небе на том месте, где был вертолёт, возникла огромная полоса чёрного дыма. По тому, как она распалась на четыре рукава, стало понятно, что сошли четыре ракеты. Через мгновение около кишлака, стоящего в дельте злополучного ущелья, распустились четыре шапки разрывов. Совсем близко от аэродрома и гораздо дальше от цели.

– Они что, совсем ё… – начал было старлей, но его голос утонул в рёве ракетных двигателей и последовавшими за ними разрывов. В горах всегда так: вначале видишь, потом слышишь.

Пощипанным воробьём вывалился из дымного следа вертолёт, и выровняв полёт, резво пошёл на посадку. Пилоты бросились на стоянку.

Экипаж неспешно покидал кабины. Выражение лиц было как у третьеклассников, застуканных во время курения сигарет.

После короткой серии вопросов типа: «Вы что, совсем ё…?» и ответов в духе: «Да мы сами оху…!» била установлена цельная картина развития событий.

Поначалу всё шло штатно. Заняв боевой курс, командир включил оружие и по команде оператора перевёл вертолёт на пикирование. Но сделал он это довольно резко, и перекрестие прицела проскочило цель. Исправить ошибку он уже не успел.

Как смутно догадывался старлей, слабым звеном системы оказалось ведро. Едва вертолёт опустил нос, борттехник заскользил на нём как на салазках с горки к передней стенке грузовой кабины. Фалы из рук он при этом не выпустил…

– Ну ладно, не убили никого, и то хорошо, – подвёл итог вылета подполковник Х.

Вечером на аэродром прибыла делегация старейшин из уже упомянутого кишлака и клятвенно пообещали большому начальнику, что никаких происков душманов больше не будет.

Шурави Беспилотный аппарат

Старлей Л. ещё в курсантскую бытность полагал, что обладает уникальным талантом попадать в истории. Но вот, волею судьбы и командования старлей Л., а в то время новоиспечённый лейтенант, оказался в одном из полков Забайкальского округа. О чем, кстати, старлей Л. ничуть не жалеет, поскольку такое обилие столь ярких и колоритных личностей может быть только в отдалённых гарнизонах. Правда, на таком фоне, талант старлея Л. смотрелся жалким умением.

Впервые услышав несколько историй о ходячей легенде, капитане П., лейтенант просто не поверил, – ну не может человек попадать в столь невероятные истории!

Но вскоре произошёл случай, после которого лейтенанту все истории, которые ему рассказали о капитане П., показались сильно преуменьшенными.

После получения лейтенантами первой получки, на вечернем построении командир эскадрильи торжественным голосом объявил:

– Товарищи офицеры, в эту субботу у нас камни. Молодые лейтенанты вливаются в коллектив.

Камнями в эскадрилье называлось коллективное распитие спиртных напитков по любому поводу, в данном случае – проставлялась молодёжь, традиция. Проводилось это мероприятие на свежем воздухе. На краю аэродрома природа или неведомые силы расположили крупные валуны кольцом, создав некое подобие Стоунхенджа. Внутри располагались валуны поменьше, на них было удобно присесть, и главный подарок природы – глыба с ровной как стол поверхностью. Собственно, эта глыба и служила столом. Это было любимое место эскадрильи, здесь всегда было тихо, а потому здесь собирались всегда. Даже сейчас, когда в Забайкалье воцарилась зима.

Мероприятие «Камни» прошло на редкость успешно, несмотря на то, что водки было много, а вся закуска была представлена хлебом да рыбными консервами, которые к тому же через двадцать минут пребывания на морозе замёрзли в костяшки.

Командир эскадрильи с удовольствием отметил, что всего человек пятнадцать утеряли способность к самостоятельному передвижению. И даже удивился, что в их числе не оказалось капитана П., мало того, тот и внешне выглядел вполне адекватно. Как оказалось позже, поспешил командир удивляться.

Всё же, великое дело – военный коллектив. «Пострадавших» оперативно погрузили в дежурную машину, каждому назначили личных «разводящих», вернее, разносящих по квартирам. А поскольку эта «почётная» обязанность досталась в большинстве случаев молодым лейтенантам, командир подробно проинструктировал каждый «экипаж». Кого занести просто в квартиру, кого помочь домашним уложить в постель и при случае утихомирить, а где просто прислонить тело к дверям, и нажав на кнопку звонка, бежать со всех ног, дабы не подвернуться под горячую руку супруги.

Часть эскадрильи отправилась в путь пешком. Благо, это было недалеко, городок находился в двух километрах от аэродрома. Правда, некоторое затруднение вызывало то, что дорога вела через сопку, и на длинном, затяжном подъёме офицеры невольно разбились на группы, кто шёл медленней, кто быстрее. В одной из таких групп случайно или нет оказались лейтенант Л. и капитан П.

Вот и вершина сопки, как на ладони внизу лежал городок. Свет в окнах манил домашним уютом, сумерки переходили в темноту. Только до него ещё топать и топать по некоему подобию серпантина.

– Стоять! – неожиданно скомандовал капитан К., он в группе был самым старшим по званию. Группа послушно остановилась, пытаясь сообразить, какая блажь пришла в голову капитану. А тот смотрел на довольно крутой склон сопки, прямиком ведущий к его дому. Здесь даже самые отчаянные из ребятишек не рисковали кататься на санках.

– За мной, ребята! – и с этими словами капитан П. оседлал свой лётчицкий портфель и заскользил по склону вниз.

Склон вдобавок был ещё и обледенелым, и с каждым мгновением капитан П. набирал скорость. Офицеры с обалделым видом наблюдали за этим бешеным заездом, на их глазах рождался новый рекорд в санном спорте. Жаль, никто не догадался засечь время. Как и рассчитывал капитан П., он финишировал у своего подъезда, вернее, о сам подъезд.

– А, бля! – известил он о своём финише, – я ногу сломал!

Это прозвучало как команда для остальных, правда, не для скоростного спуска, а для спринтерского забега метров эдак на 500. Аккуратно подхватив уже точно пострадавшего под руки, группа двинулась в обратный путь, дело в том, что с обратной стороны этой сопки, совсем рядом, находилась больница железнодорожников. Дежурный хирург определил закрытый перелом голени и с помощью медсестры наложил гипс. Минут через пятнадцать капитана П. всё также на руках несли домой. Бережно, аккуратно, дабы не причинить неловким движением боль товарищу. Вот эта аккуратность сыграла злую шутку. Когда капитана П. проносили мимо злополучного склона, тот неожиданно вырвался из рук и вновь оседлал свой портфель, который за всё время своих злоключений так ни разу не выпустил из рук. Всё произошло насколько стремительно, что никто не успел ничего предпринять.

– Двум смертям не бывать! – крикнул капитан П. и вновь заскользил по склону.

Из состояния ступора обалдевших пилотов вывел крик: – А, бля, я вторую ногу сломал!

Когда капитана П. повторно занесли в хирургическое отделение, хирург даже не успел отмыть от гипса руки.

Жаль, что у меня столь бедный словарный запас, чтобы описать выражение его лица. Это просто надо было видеть.

После этого случая лейтенант Л. поверил в ту историю, за которую капитана П. перевели из подмосковного гарнизона в Забайкалье. За беспилотный полёт.

Дело было так. Как опытному лётчику, капитану П. было поручено важное дело – участвовать в съёмках фильма. Не художественного, конечно, а учебного фильма для служебного использования. И роль «главного героя», безусловно, не у пилота, а у вертолёта Ми-24. Тем не менее, капитан П. с энтузиазмом взялся за это дело.

Но оказалось, что съёмка в кино – это довольно нудное и утомительное дело, бесконечные дубли, монотонные полёты, непонятное ожидание правильной освещённости. И самое большое разочарование – на те редкие кадры, когда нужно было снимать действия экипажа с оборудованием кабины, а это делалось на земле,

место пилота занимал дублёр. Вдобавок ко всему даже не лётчик, зато с такой правильной, плакатной физиономией.

Вскоре энтузиазм капитана П. угас совсем, и он откровенно тяготился полётами. Пробовал даже брать с собой книгу и, передав управление оператору, почитать, но от вибрации быстро уставали глаза. Проще было во время ожидания на земле: бортовой техник был, как и он, заядлым картёжником. Расположившись в грузовой кабине, они таким образом убивали время.

Как-то интересная партия была прервана вылетом, и игроки пытались закончить её в полёте. Это было крайне неудобно для капитана П.. Он сидел спиной к бортачу, приходилось постоянно оборачиваться, кроме того, в его карты было легко заглянуть. Капитан П. был раздосадован, он проиграл несколько раз.

– Оператор, держи управление! – скомандовал он по внутренней связи, ему в голову пришла идея, – бортовой, откинь моё кресло назад!

Борттехник был сообразительным и без лишних вопросов выполнил команду. Капитан П. из положения сидя оказался в положении лёжа, но почти в грузовой кабине. Небольшой кульбит – и он полностью там. Теперь можно отыграться!

Перед посадкой с помощью борттехника обратным порядком капитан П. занял своё место.

Теперь оставшиеся до конца съёмок дни потекли веселей. Вскоре, отсняв нужное им количество дублей, киношники укатили монтировать фильм. Прошло несколько месяцев, капитан П. начал уже забывать свою киношную эпопею.

Но вот в один прекрасный день из Москвы прикатила «Волга» с одним «большим» авиационным начальником в чине генерала. Он без лишних объяснений проследовал в кабинет командира части.

– Срочно капитана П. ко мне! – получил приказ от командира дежурный по штабу.

«Это, наверное, по поводу моих киношных мучений, – догадался капитан П., – а то укатили, даже спасибо не сказали. Может, ценный подарок дадут…»

– Разрешите? – вошёл он в кабинет.

«А подарок я точно получу, только вот в какой форме? – мелькнула у капитана П. мысль, взгляд двух начальников не предвещал ничего хорошего, – где-то я прокололся…»

– Вроде обычный человек, или у него шлемофон из шапки-невидимки пошит? – задумчиво, ни к кому не обращаясь, произнёс генерал.

– Какой невидимка? – не понял, в чём его обвиняют, капитан П.

– Ладно, герой, сейчас поймёшь, – не стал ничего объяснять генерал, – пошли.

В клубе части их уже ждали, едва троица заняла места, погас свет и началась демонстрация отрывка фильма.

Вот на экране полёт его вертолёта, идёт красиво, ровно. Удачно выбран ракурс, съёмку производили с транспортного Ми-8. Капитан П. даже залюбовался своим вертолётом, до того эффектно тот смотрелся. Но вот вертолёт начал увеличиваться в размерах, оператор решил дать крупный план.

Стало отчётливо видно, что в кабине командира экипажа никого нет…

П.С.

Во времена службы в ЦГВ[96] экипаж, в состав которого входил и старлей Л., перегонял вертолёт на ремонт в Союз. Путь лежал через Польшу, и для дозаправки была выполнена посадка на аэродром, где базировались истребители. Этот аэродром был знаменит тем, что именно с него взлетал один печально известный политработник. Чей самолёт ещё долго летел без него. Было время обеда, и экипаж проследовал в столовую.

Вертолётчики в столовой истребителей – это, конечно, событие. Местные остряки рискнули поупражняется в острословии.

Глупцы, не ведающие что творят! С кем потягаться решили! Старлей Л. снисходительно выслушал избитые остроты по поводу мельниц, бетономешалок, аэродинамических недоразумений. Затем, покончив с обедом, сказал просто:

– Ну и что, зато мы летаем.

– А мы что? – не учуяв подвоха, спросил какой-то остряк.

Старлей Л., не спеша, с достоинством поднялся со своего места и также просто ответил:

– Не знаю, по докладам пилотов ПВО НАТО, МиГ-23 – беспилотный аппарат.

Покидая обеденный зал, старлей Л., слышал за спиной только стук столовых приборов.

Учебка

Para-foil Конкурс художественной самодеятельности

Предисловие

Я долго сомневался, писать ли эту историю. Дело в том, что есть похожий сюжет у Довлатова, как две капли воды, забыл только, как рассказ называется. Ну да ладно, обвинение в плагиате – не самое страшное, с этим можно жить. Вот вам история.

До конца учебки оставалось немного. Нам предстояло сдать выпускные экзамены и разъехаться по частям. К началу экзаменов в часть должна была приехать комиссия из штаба округа с проверкой. Вероятно, к этой проверке и был приурочен конкурс художественной самодеятельности, который был объявлен в полку. Замполит нашей роты объявил, что в этом конкурсе могут принять участие все желающие. От желающих отбоя, естественно, не было – участие в самодеятельности предполагало освобождение на период подготовки к конкурсу от нудных занятий строевой, специальной и других видов боевой подготовки. Да и разнообразие некоторое было бы тоже кстати. Замполит объявил, что наша рота будет играть мини-спектакль, минут на 30. Сценарий был уже готов, действие происходило во время Великой Отечественной войны, а суть сводилась к тому, что несколько советских солдат сидят на привале и разговаривают о том, как именно они разобьют фашистскую нечисть, что готовы погибнуть за Родину, что не отдадут и пяди родной земли и так далее. Потом их окружают фашисты, и в неравном бою наши солдаты все гибнут. Над всем этим разносится голос диктора с микрофоном, который играет роль как бы «голоса за кадром», из серии «Штирлиц спал, но он знал, что через 5 минут проснётся». В общем, вариант беспроигрышный, по мнению замполита-режиссёра.

Неделю мы репетировали. По сюжету вместе с солдатами должна была находиться медсестра, на её роль пригласили местную школьницу-десятиклассницу. И её подружка должна была исполнять роль диктора. Теперь следует напомнить, что до конца учебки

оставалось уже немного, и поэтому курсанты были уже довольно расслаблены. Сержанты нас уже особо не доставали, и на утренней зарядке, к примеру, вместо забега на три километра мы вместе курили за казармой. Настроение у всех было отличное, и мы даже позволяли себе шутить и смеяться. Суть задуманной каверзы была следующая. По ходу спектакля бойцам предстояло выпить за погибших товарищей. На репетициях мы с особым удовольствием репетировали этот момент, разливая по алюминиевым кружкам воду из фляги. Вот мы и решили немного разнообразить спектакль и устроить пьянку прямо на сцене, на глазах у всей части, и чтобы никто об этом, кроме нас, не догадался.

Купили литр водки, налили полную фляжку, а что не влезло во фляжку, употребили перед выходом на сцену, на троих. Это мы зря сделали, поскольку для организмов, отвыкших от алкоголя, это оказалось ударной дозой. В результате спектакль выглядел следующим образом.

Зрительный зал полкового клуба. Все места заняты солдатами. В переднем ряду сидит командование части и приезжий генерал, глава проверочной комиссии. Номера программы идут один за другим. Одни пляшут, другие поют песни… Доходит очередь и до спектакля. После объявления на сцену выходят двое бойцов в плащ-палатках, несущие носилки с «раненым». Их ведёт солдат в офицерской фуражке, играющий командира. Вместе с ними девушка с сумкой с красным крестом, медсестра. Голос диктора.

Диктор(с пафосом): Маленький отряд красноармейцев, неся тяжёлые потери, с боями отходил на восток. Комиссар Клычков был смертельно ранен, но пока оставалась хоть малейшая надежда, товарищи несли его на себе. Видя, как измучены бойцы, командир дал команду на привал.

Командир: Стоп, товарищи. Привал.

Бойцы располагаются на привал. Один из них немедленно достаёт из вещмешка флягу, алюминиевые кружки и разливает по ним содержимое фляги.

Командир: Выпьем же за товарищей, павших в неравных…

Медсестра (шёпотом): Мальчики, это что, правда водка?!

Командир: …боях за нашу советскую Родину!

Все выпивают. Медсестра краснеет и начинает с непривычки кашлять.

Первый боец (протягивает ей шапку): Занюхай, родная.

Раненый: Пи-и-ть…

Командир: Комиссару налейте.

Медсестра бережно приподнимает голову раненого и поит его из кружки. По рядам зрителей проходит волнение: они начинают понимать, что происходит на сцене.

Второй боец: Вот разобьём немецких гадов, приезжайте ко мне на Полтавщину. У меня мама такие вареники с вишнями делает!…

Медсестра: А я вот в детдоме выросла. Маму свою и не знала…

Командир(Знаком приказывая налить ещё): Ничего, товарищи, кончится война, и мы все вернёмся к нашим мамам. За родителей!

Все выпивают. Раненый при этом садится в носилках, опрокидывает кружку и опять ложится. Зрители начинают потихоньку смеяться. Лицо командира полка мрачнее тучи. Приезжий генерал, наоборот, ухмыляется сквозь усы.

Медсестра: Мальчики, а давайте споем! «Катюшу»! Чтобы…

Командир (Давясь смехом): Нельзя, родная! Кругом враги!

Выкрик из зала: Медсестре не наливайте больше!

Все актёры на какое-то время отворачиваются от зрителей, чтобы скрыть рвущийся наружу хохот. Немая сцена в течение минуты. Командир полка порывается вскочить с кресла, приезжий генерал его удерживает, успокаивающе похлопывая по плечу. Замполит из-за сцены энергично жестикулирует актёрам, мол, хватит, прекратите этот беспредел. Но актёры, видя, что терять им уже нечего, продолжают игру.

Первый боец (извлекает пачку «Кэмела»): Закуривай, ребята!

Командир: Что же это за табачок у тебя такой?

Первый боец: Трофейные. «Верблюд» называются.

Командир: Пакость какая. Чего только фрицы не выдумают…

Все молча курят. Особенно колоритно смотрится раненый, курящий лёжа и пускающий в потолок кольца. Тем временем замполит решает повлиять на ход спектакля более действенными мерами и начинает диктовать диктору текст.

Замполит (диктору): Но тут в лесу послышался шум. Боец Остапенко закричал: «Немцы!»

Диктор (с пафосом): Но тут в лесу послышался шум. Боец Остапенко закричал: «Немцы!»

Второй боец: Немцы!

Командир: Спокойно, Остапенко. Это ветер шумит ветвями. Нервы у тебя не в порядке, шутка ли, трое суток без сна. Выпей для успокоения.

Замполит (злобно бормочет): Нервы, бля… (Чуть громче): Это уже белочка, товарищи…

Диктор (с пафосом): Это уже белочка, товарищи!

Громкий хохот зала. Приезжий генерал закрыл лицо руками и беззвучно трясётся.

Командир: Что, Остапенко, осталось там ещё?

Второй боец: Так точно, товарищ командир!

Первый боец: Надо допить, а то, неровен час, погибнем – врагам достанется.

Командир: Наливай.

Выкрик из зала: На утро оставьте лучше!

Командир берет кружку, подходит к краю сцены, нетвёрдо держась на ногах, и произносит речь, обращаясь к зрителям.

Командир: Товарищи! Я поднимаю этот тост за самое святое, что у нас есть, за то, чего каждый из нас с нетерпением ждёт и когда-нибудь непременно дождётся. И пусть даже мы погибнем, но он обязательно придёт, ибо он неизбежен, как разгром немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом. За дембель, товарищи!

Восторженный рёв зрителей. Генерал уже смеётся в открытую. Первый и второй бойцы берут носилки с раненым и во главе с командиром строевым шагом уходят со сцены. Медсестра чуть задерживается, берет у ошалевшего диктора микрофон и нетрезвым голосом говорит: «И они пошли дальше!»

Занавес.

Генерал, отсмеявшись, прошёл за сцену и объявил всем участникам спектакля и режиссёру благодарность. После чего нас отправили спать в казарму, и концерт продолжился. В этот же вечер генерал поставил полку оценку «отлично» и уехал. А утром нас уже везли на губу, где мы и просидели до конца учебки. За все экзамены нам поставили задним числом «тройки», а когда мы вернулись с губы, нас уже ждал представитель части, где нам предстояло служить дальше. Так закончилась наша учебка.

P.S. Предвижу вопрос. Ваш покорный слуга исполнял в том спектакле роль первого бойца.

Артиллерист Так красивше

Жаркое лето 198… года. Мулинский учебный артиллерийский полк. Мы только что приняли присягу и нас распихали по батареям – «учить военному делу настоящим образом». В нашей батарее настоящим образом ваяли командиров орудий М46. Итак, первый поход в парк. Задача проста, как пустой ящик от выстрела: снять пушки с хранения. Если по-простому, то убрать с них вощёную бумагу и смыть соляркой «пушечное сало», которым их в изобилии измазали предыдущие воины перед «микродембелем». Небольшое пояснение: в учебке были у нас восьмиорудийные батареи, как в царской армии. В отличие от неё, у нас к такой батарее прилагался замполит. Как проклятие к египетским пирамидам.

И вот, пошли мы, восемь «военизированных крестьян», под предводительством военного в чине младшего сержанта выполнять поставленную задачу. Быстренько выделив каждому по пушке и порции ценных указаний, наш предводитель завалился в тенёк медитировать и размышлять о тяготах и лишениях военной службы. Мы же с энтузиазмом принялись воплощать в жизнь решения отцов-командиров. Были мы молоды, глупы и неосторожны, поэтому не заметили приближающейся опасности, не оценили её и не предприняли мер, чтобы её избежать. Материализовалась она в виде нашего замполита. Какого хрена он делал возле орудий, мне до сих пор непонятно: парки с техникой в ареал обитания замполитов обычно не входят. Он шёл по проезду между боксами, направляясь в нашу сторону. Его красные петлицы выглядели несколько неуместно, но что поделаешь: он только что прибыл из какого-то богом забытого забайкальского гарнизона, где по долгу службы пудрил мозги пехотинцам, вот и не успел поменять войсковую принадлежность. Хотя, по моему глубокому убеждению, олигофрения в стадии дебильности сменой петлиц не лечится. В глазах у него билась мысль: «Я оправдаю оказанное мне высокое доверие! Я осчастливлю человечество, ну или хотя бы одну батарею!». Отсветы этой мысли, как солнечные зайчики, бликовали по стенкам боксов и орудиям, пока не упали на нас. Цель для осчастливливания была выбрана – мы.

Были бы мы поопытней, прослужи чуть побольше, то от такого дикого сочетания (красные петлицы и мысль, да ещё у замполита) мы бы разбежались и попрятались, побросав ведра, ветошь и младшего сержанта. Но, повторюсь, мы не оценили опасности, и, просто выведя нашего вождя из состояния нирваны, построились и стали ждать, что же будет дальше. А дальше начался цирк с дрессированными индийскими слонами. Знаете, такие большие, умные (в отличие от нас) и брёвна таскают. В роли слонов выступали мы, а в роли брёвен – пушки. Руководящая и направляющая в лице нашего духовного гуру в старлеевских погонах решила, что орудия у нас стоят неправильно. Нет лихости. На парад не похоже, и на боевой листок тоже. Посему их надо развернуть стволами в обратную сторону, к проезду. Кто пробовал катать по щебёнке 130-мм дуру весом больше 8 тонн, тот согласится, что удовольствие это ниже среднего. Мы потели, матерились и выпучивали глаза. Замполит носился вокруг, делал замечания о недопустимости использования ненормативной лексики (а как же – новое мЫшление, как говорил наш пятнистый верховный правитель) и норовил угодить под колёса. Бедный, он ещё не слышал нашего комбата (ну или на худой конец СОБа[97]) в гневе – вот это была *лексика* , а мы, ну какая у нас лексика на первом месяце службы, так, детский сад на даче.

Наконец, мы все-таки развернули пушки, даже ничего особо не поломав и никого сильно не покалечив (несколько ударов сорвавшимися гандшпугами[98] не в счёт). Получился полный крейсер «Варяг» – «готовые к бою орудия в ряд на солнце зловеще сверкают». Боевой дух и лихость так и пёрли от орудийной площадки нашей батареи. Ура, мы лучшие! Этот мутант от лица Родины поблагодарил нас за службу и с чувством исполненного долга удалился на заслуженный отдых.

Мы стали собираться на ужин. Между тем, опасность развернулась и выполнила ещё один боевой заход. На этот раз она появилась в виде нашего комбата. Он сменился с наряда и шёл домой, к жене, детям и холодному пиву. А через парк этой цели можно было достичь быстрее. Комбат был спокоен и умиротворён, дежурство прошло без особых залётов, и он расслабился. А зря.

Органы чувств зафиксировали нарушение гармонии мира, но мозг, занятый мыслью о пиве, не сразу отреагировал на это. И тут до него

дошло, где эта гармония нарушилась. Быстрым шагом подойдя к нам и выслушав доклад, он задал нашему предводителю резонный вопрос: «А какого, собственно говоря, полового хрена на орудийной площадке произошли столь радикальные изменения, и кто приказал?»

Услышав ответ, он заговорил. Наш комбат явно был тайным генетиком. Все эти вавиловы-сеченовы ему в подмётки не годились: настолько ярко и живо он описывал различные способы половых контактов (и, как следствие, генетических мутаций) между семействами замполита и младшего сержанта, начиная с каменного века. И вот результат: пик слабоумия в последнем поколении наконец-то достигнут. Также выходило, что комбат у нас очень старый человек, ибо на протяжении как минимум семи последних поколений он боролся с нарастающей деградацией этих двух семейств, пытаясь разбавить их вырождающийся генофонд. По-моему, это ему не удалось по одной простой причине: уж больно извращённы и экзотичны были способы разбавления.

От заданного военным специалистом в чине младшего сержанта вопроса: «А чё, так же красивше?» нашего батарейного Наполеона чуть не обнял кондратий:

– А если сейчас тревогу объявят, вы с замполитом тягачи к передкам будете через стенку соседского бокса подгонять?!

Processor Капитан Карташов

Братьям Кличко не посвящается

Стоило один раз попасть в наряд по кухне нашей учебки, как старая солдатская мудрость «держись подальше от начальства и поближе к кухне» уже не казалась непреложной истиной. Во всяком случае, вторая её часть, «поближе к кухне».

Вам повезло, если дежурным по кухне заступит ваш замкомвзвода. Конечно, он тоже может не пропустить ваше незнание принципа действия и правил эксплуатации картофелечистки, вначале принятой вами за уменьшенную копию Бессемеровского конвертера, но даст вам шанс и десять минут времени на изучение матчасти. Но это ваш замкомвзвода; он, грубо говоря, спит с вами.

Вам относительно повезло, если дежурным по кухне заступит замкомвзвода соседнего взвода или старшина с вашей батареи. Он тоже был курсантом этой батареи всего год тому. В своё время они, так же, как и вы сейчас, в перерывах между строевой подготовкой, нарядами и политзанятиями, усваивали различия между триггером и ждущим мультивибратором. А это тоже сближает.

Вам почти повезло, если дежурным по кухне заступит кто-нибудь из соседней батареи или УТП.[99] Если только это не старшина УТП Несмеянов. Несмеянов-младший.

Вот тут вам точно не повезло. И очень.

Старший Несмеянов, как гласила легенда, служил в этой же учебке, тоже был старшиной УТП. За многочисленные проявления человечности по отношению к своим сослуживцам, в том числе своего призыва, судьба, скорее всего в лице особо благодарного сослуживца, уронила его декабрьской ночью из тамбура дембельского эшелона прямо на заснеженную дальневосточную землю. На полном ходу. Пережить такого коварства судьбы старший не смог, а младший, которому вскоре подоспела пора идти служить, писал во все инстанции с просьбой послать служить его в ту же часть, где служил брат. И он попал в эту часть, и вся часть попала.

Лучше было повстречать комбата, шествуя ему навстречу по аллеям военгородка непринуждённым прогулочным шагом (от

казармы без спросу можно отойти на 10 метров в курилку), перебросив через плечо снятую гимнастёрку (одна расстёгнутая пуговица на воротничке – один наряд вне очереди) и надев пилотку по-наполеоновски, чем одетым по полной форме войти в курилку, где сидит Несмеянов. А уж попасть в наряд вне очереди на кухню, когда он там дежурит, смерти подобно.

Свой авторитет Несмеянов укреплял при помощи рапортов. Командирам взводов он стучал на сержантов, командиру УТП он стучал на командиров взводов, замполиту части – на командира УТП. Где заканчивалась эта цепочка, кто был покровителем этого докладчика, не знал никто.

Ваня Киселёв как-то нарвался на Несмеянова. Вообще Ваня был нормальным парнем, без закидонов, только слегка медлительным. Какая-то замедленная реакция. Но при всей своей флегматичности умудрился он заработать наряд вне очереди. Выдраил все полтора гектара кафельного пола. Пошёл сдавать работу. Несмеянов посмотрел, процедил сквозь зубы «перемыть все». Ваня перемыл. Несмеянов провёл носком сапога по полу, оставляя чёрный резиновый след от подошвы кирзача, пнул, опрокинув, тазик и сказал: «Ты видишь, какая грязь? Перемыть асидольной щёткой!». Ваня вернулся из наряда перед подъёмом, уходил на кухню с одним нарядом, вернулся с тремя. И плевать, что по Уставу положено ему было спать 4 часа.

Как-то неугомонный начальник Физо, капитан Карташов, затеял чемпионат части по боксу. К нашему удивлению, наш флегматик записался в участники. Мы предлагали набить ему морду тут же, по-свойски, не так больно будет. Но Ваня наши предложения высмеял, заявив, что морды он нам и сам набьёт, если выпросим, а мечтает встретиться в рыцарском турнирном поединке с Несмеяновым, который оказался не только ударником художественного стука, но и носителем какого-то разряда по боксу. Мы подумали-подумали и решили, что выбьют нашего Ваню ещё в начале турнира. А в том, что одним из финалистов будет Несмеянов, никто и не сомневался. И, в конце концов, капитан Карташов, строгий, но весёлый и справедливый, взявший на себя функции рефери, не даст свершиться смертоубийству. Но Фортуна, усовестившись, повернулась к Ване

лицом. Это он так думал. Мы решили, что Фортуна над ним издевается. Первый же бой Ване выпал с Несмеяновым.

Бой был назначен на воскресенье. Спортзал набит, как рожок Калашникова. Судья один. Капитан Карташов. Гонга нет. Гонг заменял свисток капитана Карташова. Карташов перед началом боя принялся сгонять зрителей с брусьев и коней, но, в конце концов, махнул на все рукой. Что делать, если в армию брали, начиная с роста 1.51? Видеть хотели все. А смотреть было на что.

Несмеянов сразу решил показать, кто такой настоящий боксёр против простого сельского драчуна. После свистка он, пружиняще преодолев три четверти ринга, сделал ложный выпад левой. Ваня ушёл ему точно под правый, но правая перчатка Несмеянова пронеслась, как Тунгусский метеорит, мощно и никого не задев. И тут же Несмеянов получил в левый глаз. Пока толпа ревела от восхищения и обменивалась впечатлениями, Несмеянов успел заработать в другой глаз, и теперь приплясывал вокруг нашего Вани, пытаясь сообразить, что случилось. Ваня, прикрывшись, отслеживал его перемещения, а потом и вовсе опустил руки. Несмеянов ринулся вперёд, получил по корпусу, и обхватил Ваню, как после долгой разлуки. Карташов растащил голубков, но вскоре дал свисток и раунд закончился.

Во втором раунде мордобой продолжился, но Несмеянов явно вёл себя уже не так напористо, теперь Ваня в свою очередь начал перемещаться по рингу, прижимая Несмеянова к канатам и загоняя его в углы. Он тоже пропустил пару ударов, но обниматься не лез. И видно было, что такие удары Ване не в диковинку.

Меня пнул в бок Толян и показал на часы. Он, оказывается, засек время начала раунда, и теперь заканчивалась четвертая минута! «Да ты ошибся!» – проорал я Толяну. Говорить в этом рёве было просто невозможно.

Последний раунд описать невозможно. Только профессиональный комментатор мог бы это сделать, а нам, любителям, очевидцам того мордобоя Несмеянова это не под силу. Но вот что интересно: я засек время начала третьего раунда. Карташов дал финальный свисток через четыре минуты пятнадцать секунд. Плюс-минус одна секунда. Ваня тяжело дышал, на Несмеянова было больно смотреть. Мне даже на одну секунду плюс-минус пять миллисекунд стало его жаль.

Мы праздновали весь остаток дня. Несмеянов неделю ходил в темных очках. Карташов…

Душевный человек, капитан Карташов!

Граф Коля

Нашего ротного пса звали Колей. Однажды кто-то из наших мужиков притащил его из увольнения. Роста он был небольшого, чуть больше крупного кота. Сам чёрный, грудь и нижняя часть лап белые, уши торчком, хвост колесом. Явно относясь к породе двортерьеров, пёс при этом вызывал неподдельную симпатию. Красавйц, – вынесла вердикт вся рота. После выполнения необходимых формальностей – купания и кормления – в ротной сушилке под батареями вырезали лаз, из старых одеял соорудили подстилку и по команде «Место!» он тут же шмыгнул в свою новую конуру и затих до утра.

Через пару дней выяснилось, что новый член нашего дружного курсантского коллектива оказался на редкость нрава весёлого и беззлобного, с ярко выраженными признаками высокого собачьего интеллекта. Пару дней он крутился возле дежурной службы, а на третью ночь вылез из своей конуры и уселся возле тумбочки дневального. Рота наша располагалась на втором этаже, и дневальные, чтобы не проморгать бесчисленных дежурных, обеспечивающих и проверяющих, обычно открывали дверь на лестничную площадку и через окно на лестнице наблюдали за входом в здание. Вот эту позицию и облюбовал наш найденыш.

Какой же на утро был восторг, когда дежурная служба рассказала, что за всю ночь пёс не пропустил ни одного проверяющего. Заметив офицера, он негромко тявкал и тут же убегал в свою «шхеру». Особую неприязнь у него вызывала повязка дежурных, так называемые «рцы». На неё он сначала рычал, потом тявкал и уже после этого шхерился. Но он совершенно не реагировал на курсантов, которые возвращались из увольнения или просто из «самохода», и даже доза принятого на грудь его не смущала.

Такие способности тут же были по достоинству оценены. Пса зачислили на штат «ночного помощника дневального» и поставили на котловое довольствие. А за то, что первым, кого он засек в ту ночь, оказался зам начальника второго факультета, известный своей подлючестью и привычкой втихаря прокрадываться в ротные

помещения и заставать дневальных врасплох, пёс получил кличку «Коля», потому что этого «лазутчика» звали Николай Иванович.

Такой помощник в ночное время давал возможность дневальным до предела обнаглеть: почитать конспект, отойти покурить или подавить харю о тумбочку, не опасаясь быть прихваченным. Коля бдительно стоял на стрёме.

Скрывать от командира факт проживания Коли во вверенном ему подразделении не имело смысла. Все равно, рано или поздно, обнаружил бы. Поэтому решили сами ему доложить.

– Леший с вами, – резюмировал командир. – Пусть живёт. До первого замечания.

Надо отдать должное, командир довольно терпимо переносил Колино присутствие, тем более что днём на людях он почти не появлялся – отсыпался после ночной вахты. Кэп иногда даже позволял себе почесать у него за ухом, приговаривая: «Как жизнь, ушастый?». Коля с достоинством принимал ненавязчивые командирские знаки внимания, но подхалимских замашек при этом не проявлял, строго соблюдая приличествующую в таких случаях субординацию. Но подспудная мысль – тронуть, в конце концов, и командирское сердце его, видимо, не покидала. Когда командир утром заходил в роту, и дежурный командовал «Смирно!», после чего следовал доклад, Коля стал вылетать из своей конуры, мчаться к командирскому кабинету и усаживаться возле двери. Так повторялось несколько раз. Наконец командир обратил на это внимание:

– Дежурный!

– Я!

– Почему пёс торчит возле моей двери?

– Так он того… Вас встречает, товарищ командир.

– Да? Ну, заходи, Коля, расскажи, что у нас тут ночью творилось. Чувствую, мне не все доложили, – хитро улыбнулся командир.

Это стало ритуалом. Но высший пилотаж Коля показал, когда вдруг полюбил вечерние поверки. Он регулярно пристраивался на правом фланге и замирал на все время переклички. Однажды старшина роты, заметив Колю в строю, в конце неожиданно выкрикнул: «Дублёр Коля!» Тут же со шкентеля[100] отозвалось: «Тяв!». Мы были в истерике.

Но, как говорится, «В России все секрет, и ничего не тайна». Про уникальность нашего пса по училищу поползли слухи. На него началась настоящая охота. Беднягу несколько раз воровали, но он упорно возвращался в свою роту. После очередного покушения командир не выдержал и приказал дежурным по роте лично выгуливать Колю, и не как-нибудь, а на поводке. Тут же из курсантской кассы была выделена необходимая сумма на собачью амуницию. На ошейнике ротный художник сделал несмываемую надпись: «ВВМУРЭ им. Попова. 44 рота».

Наши соседи-одногодки, но с другого факультета, рассуждая примитивно, как положено связистам: «Подумаешь! У нас тоже усы растут!», приволокли к себе в роту какого-то помоечного придурка. После отбоя пёс взвыл, и выл, не переставая, до самого утра. Семьдесят рыл всю ночь таращились в потолок и через два дня пса выгнали.

А потом началось.: Всяк из увольнения идущий считал своим святым долгом притащить с собой какого-нибудь пса. Иногда со скандалом. Какие-то идиоты увидели старика, дремавшего на скамейке у английского пруда. Рядом на поводке тихо лежал пёс. Его дёшево купили за конфету, поводок пристегнули деду за петлю тужурки и смылись. Дед очухался, удивился, тут же нашлись очевидцы, и старик рванул с жалобой к дежурному по училищу.

Вот таким незатейливым способом наше училище радиоэлектроники постепенно превращалось в собачий приют. Бездомных собак к радости коммунальных служб города становилось всё меньше, а у нас уже вовсю игрались собачьи свадьбы. Сытое существование собачьей стаи обеспечивала камбузная бочка для отходов. Три раза в день камбузный наряд вываливал в неё огромные лагуны.[101] Половину, естественно, мимо, к великой собачьей радости. Вокруг бочки вылизывалось всё, до зеркального блеска, так что приборку вокруг бочки уже забыли, когда делали.

Но, в один прекрасный день идиллия кончилась. Однажды дежурная служба КПП училища прикормила с вечера какого-то пса. За кусок мичманской колбасы тот «веселил» их всю ночь, резонно решив, что КПП отныне его законная территория. Утром народ потянулся на службу. Дневальный на «вертушке» проверял пропуска, мичман, с глазами как у окуня от недосыпа, сидел за столом в своём аквариуме, а

пёс дремал здесь же у его ног. И тут на КПП входит зам начальника училища контр-адмирал Токарь. Мичман срывается с места и бросается ему навстречу.

– Смирно! – орёт мичман. – Товарищ контр-адмирал…

Пёс вскочил, как ужаленный. Или он спросонья вопль «Смирно!» с командой «Фас!» перепутал, то ли патологически не любил начальство, как и наш Коля, а может, расценил адмиральское вторжение, как посягательство на свою территорию, только шерсть на загривке встала дыбом, клыки наружу и… Прыжок – и пёс мёртвой хваткой вцепился в адмиральскую штанину и надолго на ней повис. Адмирал окаменел. На весь КПП шум, крики, рычание, треск материи и отборный флотский мат. Когда, наконец, пса оторвали от начальственных штанов, оттащили и пинками выгнали на улицу, адмирал, само собой разумеется, снял весь наряд КПП во главе с мичманом. Злой как пёс цепной, он, пока добирался до своего кабинета, снял со службы дежурного по гаражу, помощника дежурного второго факультета и вздрючил трёх случайно попавшихся курсантов. Собачья проблема, сама того и не желая, неожиданно вышла на высокий адмиральский уровень.

– Начальника строевого отдела ко мне! – рявкнул адмирал адъютанту, влетая в приёмную. Когда капитан 3 ранга Порохов на ватных ногах вошёл в его кабинет, диалог состоялся короткий.

– Где твоё представление на 2 ранга? – прошипел адмирал.

– У вас… на подписи…

– Так вот, если в 14-00 ты мне не доложишь, что ни одной собачьей твари в училище нет, считай, что я эту бумагу не видел.

Через полчаса в училище началась карательная операция. Несколько мичманов, вооружившись спортивными винтовками, учинили кровавую бойню. Плац, в центре которого был разбит фруктовый сад, наполнился лаем, рычанием, визгами и ружейной стрельбой. «Охотники» по всем правилам военной тактики согнали в сад огромную стаю, окружили и, даже не предлагая капитуляции, с ней расправились.

Какие там занятия? Курсанты вместе с преподавателями торчали в окнах, наблюдая и комментируя «боевые действия». Такое не каждый день увидишь! В ближайший перерыв мы кинулись звонить в роту.

– Где Коля?

– А где ему быть? – отвечает дежурный по роте, – забился в конуре в самый дальний угол и дышит через раз, чтобы не обнаружили.

В 15 часов по училищу объявили большой сбор. Тридцать курсантских рот, построенных в «коробки», вывели на плац. Из адмиральского корпуса вышел начальник училища. Уже тогда, в начале 70-х, у него был радиомикрофон, изготовленный местными умельцами. Училище радиоэлектроники, все-таки. Он мог находиться в любом месте огромного плаца, а мощные громкоговорители добросовестно озвучивали на всю округу даже вполголоса сказанную фразу. После положенных в таких случаях докладов началась адмиральская проповедь:

– Товарищи курсанты! Вы же будущие офицеры. Вы уже взрослые люди, а не понимаете, что нельзя в училище из города тащить всякую заразу… От этого болезни, эпидемии и, как результат, подрыв боевой готовности и так далее в таком же духе.

Он бы ещё долго говорил, но вдруг между стройными курсантскими рядами на плац вываливается огромный пёс. Самого отпетого бандитского вида. Одно ухо полу висит, другого наполовину нет; откусили, видимо, в жарких собачьих баталиях. Подшёрсток торчит клочьями – линять, бедняга, начал. На задней ляжке шерсть вообще отсутствует. Видимо, спал где-нибудь в кочегарке, да подгорел малость. Короче, вид – ужас тихий. Но самое главное – на шее, как у партизана, висит фанерная крышка от посылочного ящика, а на ней крупно выведена надпись: «Всех, гад, не перестреляешь!!!» И вот это безобразие чинно шлёпает перед оцепеневшим строем в сторону адмирала.

Шок сменился взрывом. Несколько сотен курсантских глоток одновременно выдохнули:

– Га! Ха-а!!!

Пёс от неожиданности метнулся в сторону, туда, где стоял адмирал. Вслед ему нёсся нарастающий курсантский рёв. Тем, кто стоял далеко от этого места, по цепочке передавалось содержание «транспаранта» на собачьей холке. Через несколько секунд ревели уже и фланги. Пёс, тем временем, в три прыжка домчав до адмирала, прижался к его ногам, облизал ботинки и жалобно заскулил. Тоже мне,

нашёл, у кого защиты искать. Адмирал пытался от него увернуться, шаркал ножками и злобно шипел:

– Пш-ш-шел! Фу! Пш-ш-шел! Фу!

А радиомикрофон в союзе с мощными усилителями и динамиками добросовестно и беспристрастно транслировал эти возгласы вождя курсантского племени на всю близлежащую городскую округу.

Граф Китайский язык

В 1969 году Китай предпринял вооружённую провокацию на нашей восточной границе. В центре тех события оказался остров Даманский на реке Амур. Вооружённое вторжение было отбито, агрессор понёс большие потери, а правительство СССР приняло решение о создании Семипалатинского военного округа. Бывший друг и сосед стал рассматриваться как вероятный противник, а его вооружённые силы стали объектом повышенного внимания разведывательных служб Советского Союза.

Вот на таком историческом фоне произошла эта история.

Наш факультет готовил специалистов радиоразведки. В тесных кругах его шёпотом называли «Факультет радиосвязи ОСНАЗ» и возглавлял его Алексей Гаврилович Дронин, капитан 1 ранга, профессиональный разведчик, участник Великой Отечественной, кавалер трёх боевых орденов. Для нас это был непререкаемый авторитет. Если «Дрон» говорил, что знание языка вероятного противника – это оружие разведчика, то сидели и долбили, как проклятые. Сам он владел несколькими.

И вот на тебе – Китай! Китайскому учили в университетах, а у нас – только английскому и немецкому. А как же тогда против китайцев воевать? «Надо учить китайский», – решил наш Симеонов из третьего взвода по кличке Писчик. Решил для себя, так сиди и долби тихой сапой, на кой же хрен в классе на самоподготовке объявлять об этом во всеуслышание?! Мужики от такой объявы в нерастворимый осадок выпали.

– Да ты сначала хотя бы английский одолел.

– Сами учите, – заявил Писчик, – вас тут «англичан», как у кобеля блох. А с китайским я буду в единственном экземпляре. Усекаете мысль?

– Усекаем, – рыдал класс, – расти по службе будешь быстро, как бамбук. А как ты его учишь, Писчик? Поделись! Тут для английского-то требуется светлый ум и свинцовая задница. А китайский – это же муть непроглядная.

– А у меня в Питере есть полиглот знакомый. Он со мной занимается. – Писчик уже закусил удила и лил не переставая.

– Да хватит заливать, – ревела толпа, – полиглот… занимается…

– Да мы уже, если хотите знать, переписываемся по-китайски!

Это был явный перебор. Писчик потом об этом сильно пожалел, но остановиться уже не мог.

– Да ну? А ну, покажи! – не унимались в классе.

– Вот придёт письмо, – покажу!

Этой последней фразой Писчик подписал себе приговор. Вечером уже вся рота знала про его заскок. Кто-то верил, кто-то нет, и дело дошло до тотализатора. Только «китайцу» было не до смеха. Надо было срочно что-то придумать, иначе все, жизни не будет. Ротные остроумы такой случай не проворонят ни за что на свете. Писчик это хорошо знал.

И он придумал. Решил самому себе написать письмо китайскими иероглифами, а конверт отправить из Питера. Придёт письмо, мужики убедятся и постепенно все забудется. Придумано – сделано. Срисовал иероглифы с китайского термоса и бросил письмо на Балтийском вокзале.

Ротным почтальоном был у нас Вовчик Болотский, подпольная кличка «Йога», страстно увлекавшийся всякой там психологией, аутотренингом, самовнушением и, конечно же, системой йогов. Когда он медитировал, а может, просто вид делал, достучаться до него было ну просто невозможно. Ребята сначала потешались, глумились, доставали, но Вовчик был невозмутим, ему было все по барабану. Натянет на морду выражение полного идиота и ходит по роте, как блаженный.

– Ну, все, – махали на него рукой, – опять Йога в свой каркас залез. Поэтому его ещё «Каркасом» называли. «Каркас» он и есть каркас. Рожу отрешённую скорчит, глазки закатит и косит под полудурка. А может, оно и правильно, так выжить легче. Сумасшедший, что возьмёшь?!

Сходил однажды Йога на почту, получил письма. Одно письмо было адресовано Писчику и показалось ему очень подозрительным. Он его вскрыл, а там китайская грамота. И тут Каркас вылез из своего «каркаса» и стал довольно быстро соображать. Откуда у него оказался стандартный бланк повестки вызова в КГБ, история умалчивает.

Возможно, из отцовского рабочего стола «позаимствовал». Йога её аккуратненько заполнил, вложил в конверт и вечером на самоподготовке со своим невозмутимым идиотским видом вручил его адресату. А Писчик, в свою очередь, с важным видом победителя открыл при всех конверт и всему классу продемонстрировал содержимое. Но всем стало не до письма, когда из конверта вывалилась повестка.

– Ну, все, Писчик, влип ты по самые уши со своим китайским, – заключил класс, – хрен теперь отмоешься. – И все дружно его перекрестили, перед тем как он помчался к кэпу.

– Ты что натворил, гадёныш? – застонал командир.

– Ничего, – хлопает глазами Писчик.

– Как это «ничего»? А повестка? Ведь не куда-нибудь – в КГБ!

– Понятия не имею, товарищ командир.

– Может, ты с иностранцами где-нибудь пересёкся?

– Да вы что, какие там иностранцы?!

Ничего толком не добившись, командир пошёл докладывать начфаку. Писчика, как государственного преступника, приволокли к Дрону, собрали замов и начальников кафедр – все разведчики со стажем – и учинили допрос с пристрастием. Пытали его долго, все подержали в руках эту несчастную повестку, но Писчик стоял насмерть. И тут кого-то осенило: «А давайте нашего начальника особого отдела спросим! Может, он что-то знает? Пусть прояснит!». Пришёл особист, покрутил в руках повестку, пожал плечами и «прояснил»:

– Не знаю! Обычно в таких случаях меня ставят в известность. Но раз не поставили, значит, не сочли нужным. Отправляйте! Пусть едет, а там видно будет.

В назначенный день Писчик с утра гладил в бытовке форму. Йога стоял дневальным по роте. Сообразив, что дело принимает нешуточный оборот, он подошёл к Писчику с большим желанием как-то замять это дело. Очко-то не железное.

– Писчик, ты куда это наглаживаешься?

– Куда-куда, а то ты не знаешь куда! – чуть не плачет Писчик. – В КГБ на Литейный, вот куда! А ещё говорят, что наши письма не читают. Читают, Йога, ещё как читают! Послал сам себе сдуру китайскую грамоту, а там повестка.

– Ты вот что, послушай меня! Ты в КГБ не ходи…

– Как это не ходи?

– А так, не ходи и все! Погуляй по городу, в кино сходи, но в КГБ не суйся.

– Да ты что, Каркас?! Совсем ошалел от своей йоги? Крыша съехала? А если спросят?

– А если спросят, так и скажешь: не велено, мол, говорить и все-е-е! Подписку, скажи, дал… Никто перепроверять-то не будет.

– Это почему?

– Да потому, дурень… Это я тебе повестку в письмо подсунул. Так что не лезь на рожон.

Писчик по стенке сполз на пол с утюгом в руках. Йога подхватил утюг, чтобы не обжёг свои прелести и плеснул на Писчика из кружки. Тот вскочил и заорал:

– Йога, сволочь! Каркасина ржавая! Кореш, называется… – и прямо в трусах помчался к командиру.

Бедный кэп! Ему стало ещё хуже, чем Писчику в бытовке, когда он въехал из-за чего весь сыр-бор. Теперь надо идти к Дрону докладывать, а это хуже, чем застрелиться.

Начфак слушал командира с большим желанием оторвать ему всё, что положено в таких случаях.

– Где эти шутники?

И вот Йога с Писчиком стоят навытяжку перед Дроном. Тот смотрит исподлобья и цедит сквозь зубы:

– Значит, твоя работа, Болотский?

– Так точно!

– Пошутил?

– Так точно, пошутил!

– А может, это не шутка, может, все же вызывают?

– Никак нет, товарищ капитан 1 ранга, я пошутил!

– Слушай, Болотский, ну, с повесткой понятно, бланк, предположим, ты где-то спионерил. А печать? Печать где ты поставил?

– Да вы внимательно посмотрите. Я взял пятак, сточил надфилем буквы «СССР», а остальное – дело техники.

Дрон не поверил, полез в карман за пятаком.

– Да-а! Во кадры подрастают, – пропел начфак, проведя сравнение, – не соскучишься. А что же ты так жестоко шутишь над

своим же товарищем?

Вот тут-то Дрон и узнал про китайский язык, про полиглота, про письмо и иероглифы с китайского термоса, которые все вместе должны были сорвать происки великой культурной революции. Начфак онемел. Такого поворота сюжета он никак не ожидал. С ним случился приступ истерического смеха, до слез, до икоты, до почечной колики. Ещё минуту назад, готовый разорвать этих клоунов на лоскутки, он принял решение, такое же неожиданное:

– Ладно, голуби… Ты, Симеонов, марш в класс! А тебе, Болотский, объявляю десять суток… отпуска… дополнительно… к зимнему отпуску. Тридцать лет прослужил в разведке, но ни разу на «дезу» так дёшево не покупался.

С юмором был мужик.

Граф День рождения

Два приятеля, если не сказать кореша, курсанты четвёртого курса решили отметить одному из них день рождения.

– Ну и что? – спросите вы. – Эка невидаль!

Согласен! Правда, один из них уже успел жениться. Такое бывает! Но жениться на четвёртом курсе – все– таки некоторое отклонение от нормы.

– Почему? – спросите вы.

Да потому, – отвечу я, – что в курсантской среде каждый курс точно определяет ваше «социальное» положение в общей курсантской массе. Первый курс – это «Без вины виноватые». И этим все сказано. Второй – «Приказано выжить». Третий – «Весёлые ребята». Четвёртый – «Женихи и невесты», а пятый – «Отцы и дети».

Поэтому, в нашем конкретном случае друзья-однокашники имели как бы разный «социальный» статус: один уже оказался в категории «Отцы и дети», а другой все ещё пребывал в компании «Женихов». Но это, как говорится, на ход не влияет.

– Сделаем так, – говорит «отец семейства», – посидим у меня дома, хоккей посмотрим.

– Да? А твоя кобра?

– Будет работать во вторую смену.

– Смотри, чтобы не получилось как в прошлый раз.

– Только не надо писать в алебастр, спокойно посидим, водочки попьём, никто мешать не будет.

Кто же от такого откажется?! Друзья сочинили для командира роты ошеломляющую версию, почему они оба обязательно должны уволиться на сутки. То ли глава государства Бенин будет пролётом в славном городе на Неве, а они его дальние родственники, то ли ещё что-то, но все-таки заплели командирские извилины в тугой гордиев узел, и он сдался:

– Черт с вами! Отпущу! Но глядите там у меня… там…

– Есть глядеть, – гаркнули кореша и слиняли из училища на законном основании, то есть в увольнение.

Это сладкое слово свобода! Увольнительный билет в кармане, кейс затарен по самую ручку всем, чем положено, впереди полтора суток отпуска и море непредсказуемых удовольствий. С ума можно сойти от такого счастья.

Друзья расположились на квартире «отца семейства». На столе пузырёк, второй дозревает в холодильничке, приготовили закусон, и, наконец, уселись. По телеящику большой хоккей: наша сборная СССР против какой-то европейской дворовой команды. Ну, что ещё нужно? Решили пить за каждую заброшенную шайбу. Хорошо играла в те времена наша сборная, не то, что сейчас, и уже ко второму периоду была откупорена вторая бутылка.

Но кто же мог предположить, что в самый разгар третьего периода неожиданно явится законная супруга. Отпустили их с работы, видите ли, раньше. Сломалось у них там что-то. Вмиг оценив обстановку с учётом разгромного счета матча, с которым выигрывала наша сборная, и вид болельщиков, являвших собой две кривые турецкие сабли, жена разразилась недвусмысленным комментарием. Через минуту стало ясно, что весь кайф – коту под хвост, что женщины никогда не будут снисходительны к мужским слабостям и флотской дружбе.

Молодая супруга, собрав в кучу весь свой фальцет, возвестила миру и двум друзьям порядок окончания пирушки: молодому мужу предписывалось немедленно вернуться в семью через принятие отрезвляющего душа, а его корешу – срочно слинять на все четыре стороны и не нарушать ей процесс создания незыблемых семейных устоев.

– Ха, так, да? – завопил женатик, – кореша моего выгонять?! Ща нажрусь, я тебе устрою. – Нажрался, и устроил.

Его еле заломали, затолкали в люльку, жена сквозь зубы произнесла что-то похожее на извинение, а кореш дал клятвенное обещание, что в знак мужской солидарности до утра никуда не уйдёт, что будет спать здесь же в прихожей, свернувшись на половичке, как верный пёс. Только так можно было утихомирить гордое сердце гардемарина. Когда, через десять минут, в комнате раздался здоровый молодецкий храп, «холостяк» уже выписывал галсы в сторону родного училища. «Не женюсь ни-ког-да!!!» – твердил он сам себе.

Последняя электричка, естественно, от него давно сбежала. Денег на такси нет, а если бы и были, то попробуйте его ещё поймать в разгар

застойных времён. Выйдя на Петергофское шоссе и дошкандыбав до ближайшего километрового столба, он сообразил, что впереди у него минимум километров двенадцать.

– Ой, мама! – сказало тронутое алкоголем дыхание. – Вот это и называется картина Репина «Приплыли».

И зашагал он, ветром гонимый, повторяя: «В такую-то мать».

Так и шёл бы он до самого училища, искренне жалея себя через каждые двести метров, но тут начался участок дороги, на котором шёл ремонт. Дорожная техника аккуратно стояла вдоль обочины, и ни сторожа тебе, ни охраны.

«Лучше погано ехать, чем хорошо идти» – гласит военная мудрость. Освежив школьные знания по автотракторному делу, будущий флотоводец решил освоить для начала дорожный каток. И это ему удалось. Запустив двигатель, он вывел его на дорогу. Развив максимально возможную скорость и прикинув время прибытия в конечный пункт, парень понял, что он вряд ли прителепается раньше половины пятого утра.

– Да и хрен с ним! – резонно заметил трезвеющий разум.

«Ля-ля, ля-ля…» – рулит этот Пачкуля Пёстренький. Машины встречные и попутные гудят, а этому пофигу. – Ля-ля, ля-ля… Так и доехал.

В почти точное рассчитанное время наш герой, важно восседая на катке, как на боевом индийском слоне, солидно подкатил к воротам КПП. Дежурная служба никак не среагировала. Мало ли что там по дороге ездит. Бросив уже ставшую не нужной многотонную железяку прямо напротив въезда в ворота, курсант отправился в роту и сразу же уснул с улыбкой блаженного.

Утро началось весело. Машина с хлебом подкатила к училищу, но въехать не смогла. Водила ринулся на КПП, растолкал дежурного, но сонный мичман вытаращил глаза и никак не мог скумекать, чего от него хотят. Чтобы быстрее соображал, водиле пришлось прибегнуть к тираде на чисто шофёрском сленге, из которой следовало, что если через десять минут не сдвинут в сторону эту железяку, то он уедет вместе с хлебом и жрите на завтрак, что хотите.

Десять минут! Ха! Вот даёт! Сразу видно, на флоте не служил. Да только на доклад дежурному по училище о сложившейся обстановке ушло целых полчаса. Мичман же ведь докладывал: «Сижу я… и

вдруг… оно… откуда не возьмись… само … приехало. А этот орёт… у него хлеб… ему надо… А у меня три курсанта… Я сам никак… А он орёт… про блокадный Ленинград… А что я могу… И все… Училище без хлеба… А что с ним делать… Ждать не хочет… А оно не двигается…»

Дежурный по училищу чуть с ума не сошёл. Если у того дурня под носом «вдруг, откуда не возьмись… само приехало», то что может понять старый больной капраз, сидящий в своей дежурной рубке? В конце концов, был послан старший помощник – разобраться на месте. А это ещё минут двадцать, в течение которых помощник вникал, попинал для верности стальную махину (не снится ли ему) и выдрал как сидорову козу дежурного по КПП. После этого он уже мог доложить что-то внятное. Вот теперь стало все ясно! Сначала надо сдвинуть в сторону каток, а разбираться будем потом.

Среди дежурной службы специалистов не нашлось. Этим делом действительно должен заниматься специалист, а не дежурная служба со своим «автотракторным бессилием». И раздалась по трансляции команда:

– Товарищи курсанты! Кто знаком с автотракторной техникой, срочно прибыть на КПП.

Училище вздрогнуло. Любая нестандартная команда всегда вызывает как минимум удивление и кучу вопросов.

– А что случилось? Не знаете? Но ведь что-то произошло! Пошли, посмотрим!

Курсанты, как мухи, густо облепили забор вокруг КПП. Если кто-то что-то и знал по требуемой специальности, то сразу же все забыл. Пусть помучаются. Больше всех мучился, конечно, водитель хлебовозки. Потом он подал идею пригнать бронетранспортёр из соседнего военного общевойскового училища и с его помощью освободить проезд, раз уж эти флотские, эти водоплавающие, сами ничего сделать не могут. Соседи быстро согласились, потому что они тоже рисковали остаться без свежего хлеба.

Операция по освобождению ворот прошла под дружный курсантский рёв.

А в понедельник примчался прораб дорожного участка. Он долго возмущался и не мог понять, кому и зачем понадобилось угонять его

каток. Командование училища слушало его с пониманием и искренне сочувствовало.

Solist Майор Засада

У нас в училище был майор, фамилия коего у меня в памяти не отложилась, но его полностью характеризует прозвище – Засада. Есть такие гм… люди, которых хлебом не корми, дай поймать курсанта за причинное место. Особливо любил он ловить часовых прикорнувших на посту, курящих там же, ну и т.п. Всем на практике знаком этот тип личности, для которого курсант, аккуратно исполняющий Уставы – как заноза в заднице. Легенда гласила, что у Засады в кабинете висит график, согласно которому он отмечает кол-во курсанто-взысканий на дежурство-дни.

Объясняю диспозицию: курсант-второкурсник заступил на пост возле склада (не помню уже, с чем), склад расположен вблизи железобетонного забора, вдоль которого растут густые и высокие кусты акации, меж забором и рядом кустов около метра, от кустов до склада – асфальтовая дорога и бетонная дорожка – метров пять. Курсант стоит под грибком, освещаемый двумя прожекторами, наполовину ими ослеплённый; пытается блюсти УКС, несмотря на страшные судорожные позывы зевоты. Майор Засада, используя темноту и рельеф местности, скрытно выдвигается к посту с намерением захватить часового врасплох. И ему почти это удаётся, он уже видит стоящего на посту часового, тот стоит к нему спиной, упёршись лбом в столбик грибка, спит, зараза. Но тут под сапогом майора хрумкает тоненькая веточка, забытая курсантами во время регулярной тотальной уборки территории. Майор застывает, вглядывается в часового, тот не реагирует. Засада начинает по-ти-хонь-ку вылезать из кустов, дабы произвести захват, и тут… Бах!

Курсант упрел тёплым сентябрьским вечером под плащ-накидкой, ещё по летнему тёплый ветер, запахи и стрёкот насекомой живности действовали просто убаюкивающе, но *на посту спать низззя* ! Решил размять ноги. Снял и повесил под грибком накидку (это её майор Засада в свете прожекторов принял за силуэт часового), прошёлся туда-обратно вдоль кустов. И вот, когда он возвращался обратно, он слышит слабый звук и лицезрит тёмную фигуру, прячущуюся в кустах. В этот момент под воздействием стресса курсант не только позабыл

Устав караульной службы и все фразы, коими должен «приветствовать» часовой незнакомцев, он даже забыл, что та штука, которая оттягивает его правое плечо, вообще-то способна стрелять, и его вроде бы даже этому учили. Курсант на цыпочках подкрался к фигуре, и когда ветки кустарника зашуршали, выдавая движение неизвестного, он взял АК-74 и со всей молодецкой удалью приложил прикладом в смутно белеющее пятно, вероятно являющееся головой «вероятного противника». Удар был такой силы, что не будь автомат на предохранителе, затворная рама передёрнулась бы. Соприкосновение металла приклада с черепом сопроводилось жутким хряском, после чего тело, с шумом ломая ветки, грянулось оземь.

В ходе осмотра тела, лежащего в кустах, выявилось, что: а) тело обуто в офицерские сапоги; б) не подаёт признаков жизни. Часовой бросился к посту и по телефону выдал дежурному фразу типа: «На посту таком-то лежит труп, что с ним делать?»

К приезду дежурного УАЗика часовой надел накидку и почти перестал трястись. Осмотр места происшествия обнаружил примятую траву, сломанные ветки кустарника и початую пачку сигарет «Столичные». Трупа не было.

А теперь то, чему я лично был свидетелем: на утреннем построении роты появился майор Засада; на его лице переливался всеми мыслимыми и немыслимыми цветами фингал. Я не оговорился, именно на лице, а не под глазом: фингал занимал практически все пространство лица, делая майора похожим на енота. Фуражка сидела на его голове криво и на несколько сантиметров выше, чем положено; между фуражкой и фингалом были наложены бинты в невообразимых количествах.

Майор вышел и перед строем объявил свою личную благодарность бойцу, стоявшему на посту! За бдительность, за всё-всё-всё, особенно за то, что не убил, зараза.

Solist Майор Засада-2

Засада очень любил гонять курсантов по плацу. Особливо в дождливое время или в жаркий полдень. Видимо находил приятными звуки, с которыми подошвы курсантских сапог врезались в лужи, или отдирались от размякшего на солнце гудрона. Он был настоящий командир, он очень любил командовать. Нале-напра-ногунаплечо-кругом-отставить! Но самой любимой его командой, хоть и неуставной, была «А теперь – всё в обратном порядке!» И вот, после часа муштры на жаре две сотни курсантов пытаются вспомнить и воспроизвести «в обратном порядке» все дефиле. Аж слышится, как в наших распухших черепных коробках скрежещут шестерни. Конечно, безошибочно не выходит, и всё начинается сызнова. Майор вообще очень не любил любые отступления от принятого порядка и всевозможных уставов.

В тот вечер утомлённый службой майор Засада возвращался домой. Каждодневно повторяемый путь его пролегал мимо училищных мастерских. В лёгких апрельских сумерках в глаза майору бросилась картонка, прилепленная к стене мастерской. На картонке чёрной тушью была сделана надпись «Здесь поверни направо», сопровождавшаяся стрелкой в указанном направлении. Майор не мог пройти мимо такого безобразия! На этой тропе, где ему были знакомы все трещины в асфальте, просто было *не место* всяким-разным картонкам! Тем более, с надписью! Но срывать сразу, тем не менее, не стал (а вдруг?!). Пошёл направо, то есть за угол. Там висело: «Прямо 50 метров». Прошёл. «Здесь поверни налево». Повернул. «Прямо 20 метров». Уже дело принципа, прошёл. «Загляни за угол». Заглянул.

В тупичке, возвышаясь над штабелем ржавой арматуры, висел лист ватмана два на полтора. Вы видели плакат «А ты записался добровольцем?» времён Гражданской? Там висел почти такой же. Различий было два: вместо красноармейца практически в полный рост был изображён майор Засада, а внизу шла подпись буквами высотой 30 см: «А теперь – всё в обратном порядке!»

Did Mazaj Смотр

За окнами казармы было темно. В свете холодных голубоватых уличных фонарей тускло блестели голые мокрые ветви деревьев. Дождь начался ещё вчера, шёл всю ночь, и, казалось, будет идти всегда. За всю зиму снег выпадал несколько раз, но ближайший дождь безжалостно смывал его с лица земли. Группа советских войск в Германии. Город Альтенграбов. Учебка. Двадцать второе февраля 1977 года. Четырнадцатая учебно-танковая рота досыпала последние минуты перед подъёмом. Дежурный по роте сержант Хамидулин смотрел на свои наручные часы. Секундная стрелка уже пошла на последний круг…

– Рота, подъём!!!

Сто пятьдесят худых курсантских тел одновременно подтянули колени к груди, резким движением выпрямленных ног отбросили одеяла на спинки коек. Первыми попрыгали тела со второго яруса. В тесных проходах между койками начались судорожные попытки более-менее правильно одеться за эти проклятые сорок пять секунд…

– Рота, строиться на проходе!

Полуодетые, в сапогах на босу ногу, с ремнями в зубах курсанты выскакивали на центральный проход, именуемый в народе «взлёткой».

– Тридцать пять секунд! Сорок секунд! Сорок пять секунд! Смирна-а! Та-а-к, рота, плоховато поднимаемся… Будем тренироваться… Рота, отбой!

Сто пятьдесят привидений в военной форме рванули, на ходу снимая сапоги, к своим койкам. Самые хитрые прятались под одеялами, не снимая брюк…

– Рота, подъём!!!

Натужно скрипнули металлом серые двухъярусные койки, выплёвывая из своего тёплого нутра белые фигуры. Возня в проходах стала ещё ожесточённее, с грохотом двигались табуретки…

– Рота, строиться на проходе!

Ответственный по роте лейтенант Ульянов, выглянув из канцелярии, протёр глаза, небрежно махнул рукой сержанту: «Выводи на зарядку, там температура, кажется, плюсовая, значит, форма номер

три…» Пока последние мудрецы тянулись, вежливо пропуская в дверях друг друга, первые уже успели порядком промокнуть, стоя в строю перед казармой. Без шапок и ремней. Под дождём. А что, что-то не так? Лейтенант сказал – на зарядку. Какие вопросы? Распорядок дня не уважаешь? Вот если б он перед этим ещё в окно выглянул…

– Рота, бегом! Марш! – скомандовал сержант Бартусов, замкомвзвод второго взвода. Он бежал рядом со своим взводом и мысленно проклинал службу, зарядку и дождь. Он представлял, чем сейчас занимается его Маринка, которая обещала ждать… Она ещё, наверно, спит, а мы вот уже бежим… Вот и плац. Огромный, как два футбольных поля. Черно-серые дождевые тучи лежали прямо на крышах двухэтажных казарм. В свете фонарей на столбах вокруг плаца ясно виднелись вертикальные дождевые потоки. Железные динамики на столбах хрипло командовали непонятно кому:

– Становись! Равняйсь! Смирно! К выполнению вольных упражнений на шестнадцать счетов приступить! И – раз – два – три – четыре…

На плацу не было никого… Сонный киномеханик, включая магнитофон в 6.10, тоже не выглянул в окно. Из всей огромной учебки одна четырнадцатая рота с уже промокшими спинами уныло бежала вокруг плаца. Зачем? Кому это было надо?

Курсант Пушкин бежал в первой шеренге. Он ещё не разучился думать, хотя снижение собственного интеллекта уже за собой замечал. Как может магнитофон командовать людьми? – с тоской думал он, – неужели *они* не понимают, что ставят себя в неловкое положение? Всех начальников можно ведь заменить одним большим магнитофоном… Каждый день команды одни и те же. Чтобы кричать: «Рота, становись!», никакого человеческого ума, а тем более, души не надо. *Они* сами уподобляются магнитофонам, теряя последние человеческие качества… Но это были всего лишь никому не нужные мысли молодого солдата, из последних сил не желавшего становиться роботом…

Со своим ростом он был обречён на роль вечного правофлангового. И вечного «крайнего», если надо было что-то сделать. «Эй, длиннота, а ну, беги в казарму, передай сержанту Нуриеву, что его тут в курилке ждёт сержант Казаров… Пять секунд времени тебе… Бегом. Марш!»

Бегать в строю для Пушкина было ещё терпимо, а вот бегать на время… Дыхалки не хватало, до тёмных кругов в глазах. Может, сердце барахлит, может ещё что, а кто будет разбираться? «Годен к строевой», какие вопросы? До армии он спорт не любил, а вот в армии… стал его ненавидеть. Всеми фибрами души… Все эти перекладины, брусья, козлы и прочие орудия пыток. Надевая свою знаменитую, единственную в роте шапку шестьдесят первого размера, Пушкин становился удивительно похожим на кривой ржавый гвоздь, завёрнутый в шинель и безобразно туго перетянутый ремнём. Он успел поработать до призыва, уяснил порядки в мужских коллективах, но того, что ждало его в армии, он никак не ожидал. Обладая пытливым умом, он сразу понял, что нужно делать, чтобы пережить этот кошмар наяву: учебку. Главное – не выделяться. Боже упаси, если твой сержант поймёт, что ты умнее его в пять раз… Он тебя просто сгноит на тумбочке… Поэтому наш Тарасик, чтобы не выделяться, старался помалкивать, сутулился, и пытался быть всегда непременно чем-то занятым. Если не чистил сапоги, то драил бляху ремня. Он подсознательно чувствовал, что в любой момент сержант выдернет курсанта, который ничем не занят… А вот техническая подготовка ему нравилась. Прекрасно зная устройство дизелей, он, не удержавшись, часто своими вопросами ставил командира взвода, проводящего занятия, в неловкое положение на радость остальным курсантам.

Насквозь мокрые, курсанты сходили с песней на завтрак. Пришёл ротный, обозвал лейтенанта козлом за «заботу о здоровье личного состава». В предпраздничный день особых занятий вне казармы, к счастью, не планировалось, и курсанты, обсыхая и согреваясь после этой идиотской зарядки, приводили в порядок свой внешний вид. Ведь завтра – 23 февраля, наш праздник. Даже самые злые сержанты орали как-то поспокойнее, что ли. Курсант Пушкин, сняв мокрое ПШ,[102] старательно, не торопясь, пришивал ещё раз и так нормально пришитую пуговицу…

– Рота! Строиться на проходе!

Замполит роты капитан Сейрянян нервно прохаживался перед строем. Вчерашние посиделки в холостяцком «клубе знаменитых капитанов» выходили боком. Руки предательски тряслись крупной дрожью. Пришлось сцепить их за спиной. Как он корил себя и проклинал всех капитанов, вместе взятых! Вчера, вместо того, чтобы

готовить ротные таланты к смотру художественной самодеятельности, они с обеда засели в общаге за водочкой и картишками… Гусары, блин… А сегодня в пятнадцать ноль-ноль общебригадный концерт-смотр… Что будем показывать, капитан? Ох, голова моя головушка…

– Внима.. кхе-кхе.. Внимание, товарищи курсанты! Сегодня в 15-00 после обеда состоится смотр художественной самодеятельности. От каждого взвода выделить по три гитариста, одного чтеца и одного фокусника, можно жонглёра. Через пять минут сбор всем указанным в ленкомнате. Товарищи сержанты, выполняйте…

Даже деды-сержанты, много повидавшие на своём веку, испытали лёгкий шок. Ещё никто до похмельного замполита не приказывал за пять минут сделать из забитого курсанта яркого чтеца-декламатора…

– Так, урроды, если через минуту из строя не выскочат таланты, сейчас мы займёмся усиленной физической подготовкой. Поэтому поройтесь в своей памяти, спасите своих друзей! – такой краткой речью сержант Бартусов попытался воодушевить свой второй взвод. Бесполезно. Через пять минут взвод уже мотал круги вокруг плаца. Каждый круг – 900 метров. На восьмом круге появился первый гитарист и сразу был освобождён от бега. На двенадцатом – второй гитарист и карточный фокусник. Фокусник был забракован и продолжал мотать круги с остальными бесталанными хлопцами. Пушкин держался изо всех сил, но на пятнадцатом круге сдался в качестве гитариста. Он знал три блатных аккорда, кучу матерных частушек, но никогда, даже в страшном сне, не видел себя, выступающим на сцене, перед публикой…

Довольный сержант повёл свой взвод на ватных ногах в казарму. Там замполит уже вёл прослушивание. Из всех стонущих, плачущих, страдающих певцов-гитаристов были выбраны двое: курсанты Ахмедзянов и почему-то Пушкин. До концерта оставалось два часа.

– Так, песняры, идите в каптёрку к старшине, скажите, что я приказал выдать вам гитару, закрывайтесь в сушилке, и репетируйте. Я приду, проверю…

Увидев на пороге каптёрки двух непонятных курсантов, старшина очень обрадовался:

– Так, сынки, хватайте шарошки, и вперёд – драить центральный проход!

– Товарищ прапорщик, нас это, замполит прислал за…

– Сынок, не замполит, а заместитель командира роты по политической части! И не «это», а «разрешите обратиться». А если ему что-то от меня нужно, он мне сам скажет, а не пришлёт двух идиотов… Если залётчики, так и скажите. Я вас, уродов, насквозь вижу… Так, взяли по шарошке, и вперёд, на центральный проход! Вопросы потом!

На дощатом, пропитанном ярко-алой мастикой полу уже копошилась группа «больных-хромых-раненых в задницу и голову» курсантов, исполняя танец маленьких лебедей на кусках старых шинелей, именуемых в народе «шарошками». Через полтора часа явился посвежевший, со свежим пивным запахом, замполит. Обнаружив своих Чайковских за натиранием пола, обложил как следует старшину, но это мало помогло. На репетицию были выделены оставшиеся до построения пять минут – вполне достаточно для создания сводного военного хора или симфонического оркестра.

За кулисами большого бригадного клуба царил полумрак. Занавес был закрыт. Тридцать туго затянутых в ремни артистов-виртуозов от пятнадцати учебных рот нервно копошились, подстраивали гитары, не находя себе места. Подавляющее большинство из них, как и наш Пушкин, никогда в жизни не были ни на сцене, ни за кулисами. Они с любопытством вдыхали пыльно-тряпочный запах кулис, нервно подрагивали, представляя себя на сцене, перед глазами тысячи зрителей… Никакой программы никто составить не удосужился. Кто что будет петь и плясать, каждый решал сам. Видимо, подготовка концерта в других ротах не сильно отличалась от того, что мы видели в четырнадцатой…

Наконец, занавес под неуверенные аплодисменты раскрылся. Чёрная пустота за рампой наводила ужас на наших артистов. Какой-то культпросветный старлей забегал с бумажкой, записывая хотя бы фамилии курсантов, чтобы хоть как-то их объявлять.

– А вы, товарищ курсант, от какой роты? От четырнадцатой? А как ваша фамилия? Пушкин? Тарас Григорьевич? Ты что, салабон, издеваешься? Засунь в армии своё имя-отчество, знаешь куда?

– Товарищи! Сводный концерт артистов художественной самодеятельности нашей части позвольте считать открытым! – привычным голосом покричал клубный работник со сцены.

– Выступает! От первой учебно-танковой роты курсант Давыденко!

Вздох облегчения пронёсся среди наших «артистов». Первый пошёл! Выйдя к краю сцены, ослеплённый прожекторами курсант заблеял в микрофон о жестоких и нечеловеческих страданиях на почве любви и ревности… Второй пел о разлуке, третий – о колоколах, звонящих в его голове от избытка вполне определённых гормонов. Процесс пошёл. Из зала доносились аплодисменты, подбадривавшие ещё не выступавших. Больше всех хлопали, конечно, бойцы того взвода, из которого был сам выступавший. Не освистали ещё пока никого… Оказалось, человек пять собирались петь «Город золотой», но после первого спевшего про него, остальным пришлось менять планы, переходя на «Там, где клён шумит» или «Дуба и рябину» Наш курсант Пушкин чувствовал себя весьма и весьма неуверенно. Он ещё не выбрал песню. Залихватские частушки и похождения семерых козлят были явно не в тему. Когда-то он пару раз пел «Балладу о красках», но перепутать аккорды и забыть слова были все шансы… Да ещё ничья гитара с треснутой декой и двумя четвертыми струнами могла просто развалиться в любой момент. Концерт явно затягивался. Добрая половина зрителей крепко спала, убаюканная заунывными мелодиями про розы, берёзы, клёны и прочие атрибуты амурных похождений. И вот, часа через полтора, когда нашему герою уже было все равно, что и как петь, лишь бы все это быстрее закончилось…

– Выступает! От четырнадцатой учебно-танковой роты курсант Пушкин!

На негнущихся ногах, но с улыбкой на лице, Тарас вышел на сцену. Подошёл к микрофону. Зал терялся в темноте. В первом ряду блестело полковничьими звёздами сонное жюри.

«Баллада о красках»! – объявил сам себя.

Был он рыжим, как из рыжиков рагу.
Рыжим, словно апельсины на снегу…

начал он не очень уверенно. Его хрипловатый, низкий голос резко контрастировал со всеми предыдущими песнярами. Зал оживился. Жюри заёрзало в креслах, поправляя очки.

В сорок первом, сорок памятном году
Прокричали репродукторы беду…

Голос крепчал, набирал силу… Тарасу это начинало нравиться. Страх перед сценой таял с каждой минутой. Он видел заинтересованные глаза, направленные на него, одного, стоящего на сцене. Он чувствовал неподдельный интерес к нему, исходящий из зала, тысячи глаз, направленные на него… Он должен оправдать их доверие… Он им споёт, не собьётся…

Стали волосы смертельной белизны,
Видно много белой краски у войны…

Затих последний аккорд… Секунда тишины… Зал взрывается аплодисментами. Песня спета, можно уходить со сцены. Но как уйти, если ещё звучат твои заслуженные аплодисменты, которые действуют подобно наркотику. Любой артист вам это подтвердит. Курсант Пушкин не мог уйти со сцены. Аплодисменты ещё звучали. Внезапно он поднял руку. Наркотик начал действовать. Он слабо отдавал себе отчёт в том, что он делает, и что будет делать дальше… Зал стих. Он обошёл микрофон, вышел к самому краю сцены…

Короткий проигрыш…

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так…

Воцарилась жуткая тишина. Хриплый голос, почти приближавшийся к голосу Высоцкого, был слышен и в последнем ряду большого зала. Жюри непонимающе переглядывалось: как полуподпольные песни полузапрещённого поэта могут звучать на армейской сцене? Кто разрешил?

А песня звучала, простая мужская песня. Она не плакала, не просила, она делилась опытом, она раскрывала характеры, она учила

жизни…

Пусть он в связке в одной
с тобой –
Там поймёшь, кто такой.

В зале никто уже не спал, все внимательно вслушивались, приподнимая головы… Жюри уже возмущено прикидывало, кто какое взыскание огребёт из командования третьего батальона и конкретно четырнадцатой роты…

Если шёл он с тобой
как в бой,
На вершине стоял – хмельной, –
Значит, как на себя самого
Положись на него!

Зал просто взорвался. Свист, выкрики «Ещё», топанье ногами… Из жюри самый молодой – майор – был срочно командирован за кулисы для наведения порядка… А наш Пушкин и не собирался уходить со сцены. Сценический наркотик ещё усилил своё действие. Снова зазвучали отрывистые аккорды:

Здесь вам не равнина, здесь климат иной –
Идут лавины одна за одной.

Майор из-за кулис в полный голос кричал: «Эй, курсант, ко мне! Я кому сказал!»

Но Тарас уже вышел из-под контроля. Его душа была далеко, высоко в горах… Его голос звучал в полную силу. Его плечи расправились, он был там, среди смелых и мужественных людей, он перестал быть забитым курсантом, он снова стал таким, каким был до учебки…

Весь мир на ладони – ты счастлив и нем,
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина ещё впереди.

Закончилась песня. Зал бурлил, как штормовое море. Майор выбежал на сцену, прокричал в микрофон: «Концерт окончен!», и, ухватив Тарасика сзади за ремень, уволок за кулисы. Зал кричал, свистел, топал ногами… Куда подевалась дисциплина… Только сейчас Пушкин понял, что он наделал… Странно, его даже не побили. Он внезапно стал всенародным солдатским любимцем. Самые злые сержанты считали за честь похлопать его по плечу. Его больше никто не трогал, не ставил в наряды, по вечерам он в своё удовольствие пел для узкого круга избранных песни своего любимого поэта Высоцкого. Как-то сама по себе нашлась отличная гитара…

А вот у отцов-командиров были, конечно, неприятности. Замполит получил вполне заслуженный строгий выговор «за неготовность роты к смотру самодеятельности», ведь по результатам смотра жюри дало нашей роте вполне закономерное последнее место…

Crown2 Рассказы подполковника Икарыча

Давеча был пойман военкоматом и послан на сборы и переподготовку, как офицер запаса. Так как мой ВУС[103] и ВУСы товарищей, посланных нашим военкоматом, не подходил к той части, куда нас послали, нас активно переучивали. Часть была артиллерийская, на вооружении гаубицы 152-мм. Переучивали нас просто: послали на склады со снарядами, и дали боевой приказ перевезти их по возможности все и соскладировать перевезённое на другом складе. Чем мы собственно и занимались практически всё время сборов.

Так как людей из запасников Родины вызвали много, нас разбили на три взвода. У нашего 3-го взвода был командиром «подполковник «Икарыч», человек, отдавший Родине 27 лет и тщетно пытающийся уйти в запас. Так как его не отпускали, наш командир лямку службы тянул, не особо напрягаясь, неформально общался с коллективом и рассказывал нам случаи из своей долгой служебной практики.

Некоторыми из них хочется поделиться. Рассказ буду вести от лица «подполковника Икарыча».

История 1. Как мы испортили отношения с монголами.

Стояла наша часть в Монголии. Сказочная страна, где коровы дают бешеные надои молока по 4 литра в день… Времена были те, когда дружба между народами подкреплялась подарками. И решило мудрое руководство подарить что-нибудь этакое нашим братьям. Придумали: подарим им бассейн! Очень быстрыми темпами выкопали бассейн, наполнили его водой… Для открытия бассейна отобрали 200 солдат умеющих *хорошо* плавать. В день открытия подарочного бассейна 200 человек строем, по одному, нырнуло в бассейн, проплыло под водой 25 метров, вынырнуло на другом берегу, оделось и убыло.

Утром в бассейне обнаружили трёх утонувших монголов… Просто никто как-то не учёл, что в Монголии никто практически не умеет плавать…

История 2. Как мы ухудшили отношения с монголами.

В том же городе (громкое название, один деревянный одноэтажный дом в центре города, вокруг стоят юрты), где отношения с монголами были уже натянутыми из-за бассейна, два прапорщика и три местных монгола решили выпить огненной воды. Так как хорошей водки достать было невозможно, решили пить разбавленное «шило». Результат поутру – 2 вдребезги пьяных прапорщика и 3 мёртвых монгола. Этот результат был обнаружен монголами, которые тут же воспылали совершить акт возмездия. Устроили суд над прапорщиками в том единственном деревянном строении. Решили следующее: остатками огненной воды напоить этих прапорщиков. Если они умрут, значит, восторжествовала справедливость, если же нет, значит, прапорщики сознательно отравили их соплеменников!

Влили в неотошедших после вчерашнего прапорщиков по N-ному количеству огненной воды… Оба упали замертво! *Ага, справедливость восторжествовала* – решили монголы и, оставив тела, удалились из того дома по своим монгольским делам… Ночью, замёрзнув и протрезвев, прапорщики поняли, что что-то не так, с трудом восстановили события прошедшего дня и пришли к выводу (гениальному): монголы за какие-то им непонятные грехи решили пытать их методом зверского напоения огненной водой и недаванием похмелиться! Обидевшись на местное население, вдвоём они повыбивали все стёкла в главном здании города и гордо удалились в расположение родной части. С тех пор никто из части без дела не выходил. А по делу выходили только очень большими группами…

Crown2 Про Курилы

Это был тяжёлый год. Наш народ тогда понёс тяжёлую утрату в лице орденоносного бровеносца…

Служил я тогда на Курилах. И вот такая приключилась там история.

В один погожий день советский воин вытащил заряд из гильзы 152-мм гаубицы. Но подумал, что нести в расположение глупо, потому спрятал. В снег… Чуть позже мимо того места проходил офицер, покопался в снегу и узрел заряд пороха. Взял и отнёс в расположение, отдал дневальному (первогодку) и сказал: «Высушишь и отдашь мне!»

Дневальный недолго думая стал сушить… Да так, чтоб побыстрее… Нет, не на батарее, и даже не на печке… На электроплитке!

Порох занялся. Реакция дневального – выкинуть с глаз долой! Выбегает в предбанник, но так как там места меньше, порох начинает гореть сильнее. Недолго думая, дневальный закидывает его на чердак. А на Курилах и на Сахалине чердаки очень часто утепляют сушёной морской капустой. Она тут же очень весело занялась!

Через какое-то время на дневального сверху стала сыпаться горящая труха. Верно оценив положение, дневальный подошёл к отдыхающим «дедушкам» и сынам гор и сказал: «А мы, кажется, горим…» – и тут же быстро удалился на улицу.

«Дедушки», обдумав фразу, сказали дневальному: «Так потуши!» и продолжили отдыхать. Через какое-то время на них стала сыпаться горящая труха. Оценив положение, они решили выбираться из расположения, однако выход через предбанник уже был полностью объят огнём. Некоторые решительные бросились через огонь, остальные решили искать выход в другом месте. Так как в расположении была оружейная комната, на всех окнах стояли решётки. Прибежавшие на помощь стали ломать решётки с улицы ломами, но это не получалось в связи с тем, что решётки были закреплены изнутри. Тут уже и «дедушки» решили приложить свои руки к своему же спасению и попросили, чтоб ломы передали им. Со всем старанием подойдя к вопросу спасения своей жизни, они выломали не решётки, а

часть стены, в которой были окна с решётками… В результате всей истории сгорела казарма, а вместе с ней и двое детей гор…

По поводу сего печального факта из Москвы была послана комиссия «для уточнения обстоятельств гибели двух военнослужащих». При подлёте к острову штормовым зарядом самолёт с комиссией разбивает о вулкан. Погибли все.

По поводу сего печального факта из Москвы была послана комиссия «для уточнения обстоятельств гибели комиссии, посланной для уточнения обстоятельств гибели двух военнослужащих». Добрались они благополучно. Как обычно, всю комиссию сначала везут попариться в баньке, а затем за стол. Вместо баньки комиссию повезли на горячие источники, благо, что они всего в 3-х километрах от расположения части. Пока все дружно отдыхали, пришёл ещё один штормовой заряд, принёсший снег. Пока погрузились в штабной УАЗ, поняли, что из-за такого количества снега машина до части просто не доедет… Подполковник, командир части, предложил: А давайте прогуляемся до расположения, а оттуда вышлем МТЛБ[104] за машиной!

На что был получен ответ от председателя комиссии: Негоже нам, полковникам, гулять по снегу пешком после бани! Ты лучше сбегай до расположения и приезжай на МТЛБ за нами, а мы пока в машине посидим, погреемся.

Нечего делать, пошёл наш подполковник в часть… Пока дошёл, пока нашли водителя на МТЛБ, пока завели, пока то да сё, пока доехали… Прошло 2 часа… А снеговые заряды на Сахалине и Курилах до 3-х метров выпадают… В общем и целом, вся комиссия задохнулась под снегом в штабном УАЗе.

Так вот, комиссия посланная «для уточнения обстоятельств гибели комиссии, посланной для уточнения обстоятельств гибели комиссии посланной для уточнения обстоятельств гибели двух военнослужащих» в часть не приезжала…

Crown2 Опять про Монголию.

Продолжу пересказ историй от «подполковника Икарыча».

В нашей части, да как и в любой другой, было очень много «детей гор». И как-то раз расхотелось двум представителям Армении нести воинскую повинность, благо, что Советский Союз уже распался практически полностью, и они могли служить новой независимой стране. Недолго думая, решили они дойти пешком до новообразовавшегося государства. Уйдя из части, двинулись они к единственной дороге, о которой знали – железной. Там одна рельса шла на север, а вторая на юг. Дойдя до оной, остановились и призадумались: а куда дальше? Глядь, а тут на лошади скачет местный монгол. Они и спросили его:

– Дорогой, как тут до Армении идти?

Монгол призадумался…

– А в Армении тепло или холодно? – спросил он в ответ.

– Очень тепло! – ответили они хором.

– Тогда вам туда! – сказал монгол и махнул рукой в сторону юга…

Через 3 дня задержали двоих бойцов при попытке нелегально пересечь границу Монголии с Китаем…

alexl

Бывшим и нынешним военнослужащим срочной службы посвящается

Уважаемые друзья! Когда в первый год своей тяжкой армейской службы вы последними словами кляли своих отцов-командиров, посылающих вас на уборку территории, поверьте, вы были не правы. На самом деле офицер, обучающийся в среднем/высшем ВУ, затем в академии в течение от 3-х до 7-8 лет, успешно, попутно с овладением военной профессией, в совершенстве овладевал специальностью дворника во все времена года. Капитаны/майоры/бывшие комбаты/ инженеры полков, не говоря уже о курсантах, совершенствовались в этой профессии во время своего обучения в ВВУЗ ВС СССР. Даже некоторые московские академии носили у служивого люда название дворницко-спортивных…

Итак, начало 80-х. Москву зимой, уже в который раз, посетило стихийное бедствие – выпало очень много снега. Коммунальные службы подняли лапки вверх и сигнализировали районным партийным комитетам, что без помощи трудящихся, сотрудников учреждений и военных они не справятся. С трудящимися было сложнее. Они за выход на улицы для уборки снега требовали двойной оплаты, отгулов или дней к отпуску. Интеллигенция научных и всяких прочих учреждений же с трудом знала, к какой стороне совковой лопаты можно подойти без ущерба для собственного здоровья. Другое дело – наша «советская военщина» – слушатели военных академий, бесплатная и управляемая рабочая сила.

Краснознамённая, орденов Ленина и Октябрьской революции ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского получила разнарядку от Ленинградского РК КПСС на уборку прилегающей к академии территории. На случай таких внезапных капризов московской погоды вся окружающая территория было поделена между факультетами академии, курсами и кафедрами. Обычно обходились при таких авралах силами слушателей ППИ[105] (старший лейтенант-капитан после среднего училища). Но масштабы стихийного бедствия были

таковы, что привлекли и слушателей ПРИС[106] (капитан-подполковник, после высшего военного училища и ППИ академии или гражданского ВУЗа) и даже постоянный состав кафедр (инженеры лабораторий, научные сотрудники и преподаватели) до подполковника включительно.

На одном из факультетов академии обычно всеми такими мероприятиями руководил заместитель начальника факультета, но тут он был в госпитале, и вся тяжесть борьбы со стихией легла на плечи начальника факультета, генерал-майора, д.т.н., профессора, лауреата и т.д. и т.п., настоящего русского интеллигента Ю. П. (так его любовно звали за глаза).

Проезжающий инспектор/инструктор из РК КПСС заметил, что воинами Жуковки не ведётся борьба с оледенением остановки 27 трамвая на ул. Верхняя Масловка. О чем незамедлительно было накапано в политотдел академии. Из политотдела фитиль был вставлен Ю.П. Ю.П. стал разбираться. Чья территория? Кафедры N… Звонок начальнику кафедры:

– Олег, выделяй людей!

– У меня остались только я (полковник, д.т.н., профессор) и ещё три полковника (один доктор и два кандидата).

– Ищи, кого хочешь, и выполняй!

Делать нечего, четыре полковника нацепили папахи и шинели, взяли ломики и пошли долбить лёд на остановке, вызывая искренне изумление народа, выходящего из трамвая к станции метро «Динамо». На их беду их снова заметил бездельник из РК КПСС и сдал в политотдел. Опять фитиль Ю.П. Взбешённый генерал (надо заметить, что с ним это было крайне редко), накинул, не застёгивая, шинель, надел папаху и побежал на остановку. Подбежав к четырём полковникам, работающим с ломами, он закричал:

– Олег! Что вы здесь делаете!?

В это время подъехал трамвай, из него высыпал изумлённый народ. Вот это да! Полковники херово убирают территорию, а их дерёт за это целый генерал! Ю.П. осознав всю комичность ситуации, махнул рукой и побрёл к себе в кабинет… Битва со стихийным бедствием была выиграна…

Глюк Гимнаст-извращенец

– Сань, а Сань! Я тут пока в госпитале лежал, вы какой-то зачёт по брусьям сдавали. Как правильно упражнение называется, скажи, а? – вопрошал Ваня Пупкин у своего сокурсника.

Ваня Пупкин. Каким ветром этого паренька, имевшего рост метр пятьдесят в прыжке на коньках с батута, наивное веснушчатое лицо, уши, навевавшие воспоминания о такси с раскрытыми дверцами, паническую боязнь противоположного пола (не уверен, что даже на настоящий момент он расстался с девственностью) и абсолютную отрешённость от мира сего занесло в академию имени Жуковского, не знал никто. На занятиях по физподготовке он умудрялся смешно даже просто висеть на перекладине (если удавалось допрыгнуть). В итоге после пяти попыток сдать зачёт по любому виду упражнений ему приходилось бежать к преподавателю, «ставить рапорт на стол», клятвенно заверять, что уж к следующему-то зачёту он точно приобретёт силу Геракла и телосложение Аполлона и умолять на этот раз как-нибудь уж поставить ему зачёт. После чего капитан со вздохом убирал булькающий «рапорт» в ящик стола, посылал Ваню, которого кроме как «гимнастом» уже и не называл, взять в подсобке краску и кисть и что-нибудь подкрасить в спортзале и выводил в зачётной ведомости столь вожделенное Ваней «удовлетворительно».

На этот раз Ваня умудрился больше месяца проваляться в госпитале, а наш факультет как раз за то время сдал зачёт по брусьям по упражнению № N, что-то вроде «подход – выход силой – мах ногами – кувырок – грохнуться – не сломать шею – отход», и вот теперь бедолага допытывался, как именно называлось то извращение на брусьях, заранее мысленно прикидывая литраж очередного «рапорта», который ему придётся за него отдать…

– Короче так, Ванек. Брусья – это тебе не перекладина. Тут не надо заучивать всю последовательность движений, так как каждое упражнение имеет чёткое название! То, что мы сдавали, называется…

Санек. Личность весьма неординарная. Личико ангелочка и душа дьяволёнка. Если старушка спрашивала у него на улице, как бы ей попасть на Красную площадь, то после объяснений, данных ей с

лучезарной улыбкой и светящимся в глазах желанием облагодетельствовать все человечество, бедная бабуля отправлялась куда-нибудь в направлении станции Бирюлево-товарная…

До конца дослушать ответ Санька мне не дал рык капитана:

— Тащщщи курсанты! Строиться! В три шеренги становись!!! Так! Сегодня по плану занятий… (далее последовал список программы по совершенствованию наших организмов). Все всё поняли? Вопросы есть?

– Тащ капитан! Курсант Пупкин! Разрешите обратиться! – раздался с левого фланга робкий голос Вани.

– А! Наш гимнаст! Ну давай, разрешаю, обращайся!

– Тащ капитан, а… Когда можно будет… Ну тем, кто не сдавал… Сдать зачёт…

– Мля! Ты военнослужащий или где?! Ты тут не жопу мни, а громко и чётко сформулируй свой вопрос!

Пупкин напрягся…

– Тащ капитан, разрешите узнать, когда можно будет сдать зачёт по куннилингусу на брусьях?!

Повисла секундная пауза, затем третья шеренга легла… Первые две продолжали стоять, хотя от смеха ноги и подкашивались… Я скосил глаза на Саню – такое выражение лица я уже один раз видел… У моего кота, который со стола однажды целый пакет сметаны скинул… Капитан побагровел…

– Твою мать!!! По какому ещё, нах… куннилингусу?! Ты у меня, гимнаст-извращенец, ещё и по минету на перекладине зачёт сдавать будешь!!!

Слегла вторая шеренга… Первую положил последовавший за этой репликой вопрос Пупкина, который стоял с уже малиновыми ушами и никак не мог понять причину всеобщего веселья:

– А что, все уже сдали?..

Глюк Артист

Лёха, курсант 4-го курса ВВИА имени Жуковского, честно выспавшись в аудитории за три часа обязательной самоподготовки, забежал в соседний корпус, повесил китель в шкафчик, достал кожанку и надел её поверх форменной рубашки. После этого он вышел из корпуса, предварительно выглянув на предмет сканирования местности на наличие офицеров, быстрым шагом зашёл за здание и привычно перемахнул через забор.

Оказавшись за территорией академии, Леха первым делом отоварился бутылочкой пивка и сигаретами, сделал добрый глоток живительной влаги, закурил и неспешным шагом выдвинулся в сторону метро. Жизнь была прекрасна.

Гораздо менее прекрасной она была у начальника патруля, уже четвёртый час маявшегося у выхода из метро, дуреющего от скуки в компании пары рядовых очень среднеазиатского происхождения и проклинающего все на свете. Когда ему на глаза попался неспешно подруливающий в отдалении к входу в метро Лёха, капитан оживился в предвкушении хоть какого-нибудь развлечения: «А ну-ка, боец, приведи ко мне того раздолбая в смешанной форме одежды! Пивко он пьёт! Будет сейчас ему пивко…» Солдатик вздохнул и потрусил наперерез Лехе…

– Товарищ… Э-э-э… Товарищ военнослужащий, пройдёмте к начальнику патруля! – вырвал из радужных размышлений на тему «Как бы провести вечер?» Леху чей-то голос. Вернувшись в окружающую его действительность, Леха обнаружил козыряющего ему рядового, который при этом умудрялся переминаться с ноги на ногу.

– Это ты мне? – искренне изумился Леха.

– Ну да… То есть так точно, вам!

– Да с чего ты взял, что я военный?

– Так вот же ботинки и брюки военные на вас…

– А… Это… Я ж совсем забыл! – улыбнулся солдатику Леха. – Я ж артист. В театре роль офицера играю. Ну и сам понимаешь, на репетиции так выматываешься, что не до переодевания, домой бы

добраться. Ты не парься, у меня ж никаких знаков различий нет, так что ничего я и не нарушаю… Служба-то как, нормулькой идёт? – резко сменил тему Леха.

– Норму… То есть в порядке всё… – пробормотал совсем сбитый с толку солдатик.

– Ну и зашибись! – улыбка Лехи стала ещё шире. – А хочешь, я тебе автограф дам? У вас в казарме хоть у одного человека автограф артиста есть?

– Не-а… – солдатик совсем стушевался.

– Держи! – Леха достал блокнотик, черканул щедро увитую вензелями надпись, выдрал страничку и вручил её солдату. – Ну, бывай, братишка, а я побег, некогда мне! – хлопнув бойца по плечу, он скрылся за дверьми метро.

– Какого х…?! – раздалось за спиной у солдатика, который пытался разобрать непонятную фамилию на автографе. – Какого х… ты его отпустил?! – снова взревел капитан.

– Так… Тащ капитан, не военный он.. Артист с репетиции это возвращался… Он даже автограф мне дал! – гордо протянул листок капитану солдатик.

Капитан взял бумажку и вгляделся… Побагровел…

– Артист?! Не артист! Клоун! Шапито! И не он, а ты! И не просто клоун, а дефективный клоун! Тут целая академия этих артистов!!! – разнеслось по окрестностям…

Леха, правда, этого не слышал, так как уже заскочил в вагон поезда и плюхнулся на сиденье. Он ехал и улыбался, вспоминая оставленную на бумажке патрулю красиво увитую вензелями надпись латиницей – *«Naebal»* …

Замполит Засада

Вторая рота батальона курсантов выдвигалась на полковой полигон Карачун на учения ясным тёплым сентябрьским днём. Предстояло протопать километров 15, разбить лагерь и за два дня соорудить с помощью приданого бульдозера вертолётную площадку размером 50 х 100 метров.

С самого начала все пошло наперекосяк: ведший роту майор Трифон попутал дороги, и рота целый день плутала; лагерь разбивали уже во мраке и кое-как, потеряв минимум половину рабочего дня, толком не поели.

На следующее утро зарядил мелкий противный дождик, развороченная бульдозером площадка немедленно превратилась в топкое месиво, но порыв не угасал – до конца сборов оставалось всего ничего, денёк можно было и помокнуть. Под весёлые крики рота ухитрилась даже вынести на руках незнамо как увязший в грязи бульдозер.

Но к вечеру стряслось настоящее несчастье: с каких-то хренов принесло в Карачун Большое Начальство.

Большое Начальство сверкнуло генеральскими звёздами, обозрело окрестности орлиным оком и заинтересовалось копошащимися курсантами.

— А эти, тудыть, что тут делают?

– Вертолётную площадку 50 х 100.

– Херня какая-то! Пусть строят 100 х 200!

Поставив задачу и совершив ряд других полезных дел, Большое Начальство убыло, оставив роту ковыряться в грязи три лишних дня. Дождь тем временем прибавлял и прибавлял, роте полевой бани и прачечной не полагалось, и к исходу строительства объекта века рота имела вид несколько отличный от плакатного. Тем не менее, удалось более-менее ровно размесить грязь на двух гектарах и рота, построившись в колонну и выдохнув: «Ну наконец, ммать!», потянулась в обратный пятнадцатикилометровый путь, молясь только об одном, чтобы Трифон снова не перепутал дороги.

Но Трифон умел разнообразить курсантский быт: вместо ускоренного марша в баню, он выслал вперёд группу имитаторов, которым по плану учений надлежало организовать нападение на колонну.

Дальнейшее мне рассказывал старшина имитаторов:

– Сперва из-за пригорка начал подниматься столб пара, а потом показался Большой Ком Грязи в количестве около 100 человек. Я сразу понял, что засада не покатит, и убрался в кузов, посоветовав водителю подготовиться к быстрому запуску и отрыву. Мои же бойцы, у которых ещё поигрывало детство в заднице, не смогли удержаться от искушения популять по колонне холостыми. Никто никаких команд курсантам не подавал, но уже после первого выстрела рота мгновенно развернулась в цепь и помчалась к месту засады. Затем в кузов горохом посыпались имитаторы, а водитель сорвал машину с места с визгом и пробуксовкой: ещё бы, вместо уставного «ура!» был слышен однородный угрюмый рёв, да и автоматы бегущие в атаку держали как-то странно – за стволы.

Замполит ЫРррра-а-а-а!

Место: станция «Динамо», что на Пироговской ветке, недалече от Мытищ. На запад от ветки – лесок, за ним владения Московского инженерно-строительного института, в том числе и военная кафедра; на восток – олимпийское стрельбище. Через лесок идёт асфальтовая дорожка, проходит мимо железнодорожного шлагбаума через пути и теряется в недрах стрельбища.

Время: осень 80-го года, столица только-только очухалась от олимпийского спецрежима.

Действующие лица: майор Трифонов, водители.

Исполнители: 4-е отделение 1-го «понедельничного»[107] взвода военной кафедры МИСИ.

Действие первое, на сцене – майор Трифонов и отделение.

Трифонов: Товарищи курсанты, в следующий понедельник у нас тактические занятия на местности, всем прибыть в одежде, позволяющей передвигаться по лесу и ползать по земле.

Действие второе, те же, но неделей позже.

Отделение обмундировано весьма замысловато: кто в туристские штормовки, кто просто в «старое – не жалко», отдельным бедолагам выдали танковые комбинезоны, войско вооружено учебными АК.

Трифонов: Выходим в лес, отрабатываем действия отделения. Направление… рубеж развёртывания в цепь… рубеж атаки – дорога в лесу, направление дальнейшего движения…

Отделение весело скачет в лес – чего бы не побегать вместо занудства в аудиториях, исправно разворачивается в цепь и выскакивает на опушку.

Действие третье, те же и водители.

Отделение с утробным «ЫРррра-а-а-а!» цепью мчится к дороге, на которой у закрытого по случаю прохождения электрички шлагбаума стоит грузовик. Я не знаю, что себе подумали водители, увидев в подмосковном лесу группу откровенных партизан, но, судя по всему, говном к ветровому стеклу их припёрло основательно.

Отделение же, завершив атаку дороги, бодро убыло в направлении дальнейшего наступления.

Финал.

Майор Трифонов получает немеряных люлей. Основание – помянутый грузовик вёз на стрельбище патроны и двое в кабине были вооружены и, вообще говоря, обязаны были открыть огонь на поражение. К счастью, их просто заклинило от такой неожиданности.

BratPoRazumu Воспоминаниями Steel_major’а навеяло

– Что-о-о?! – рёв. Похоже, сейчас кого-то будут убивать.

– Влага… – а вот и жертва; говорить пока может, но уже как-то неубедительно.

Это парнишка из нашей группы экзамен сдаёт. Разгильдяй редкостный, но человек хороший. Плохому я б своей конспект не дал. Даже интересно что он на этот раз учудил.

– Что за бред?!!

– Тридцать процентов…

– Что за?.. Вы что пили?!!.. Вы хоть понимаете, что говорите?!!

– Вы сами так на лекции давали, вот, в конспекте…

– Й-о… Я такой хе… ерунды точно сказать не мог! Это ж бред!!!.. Бре-е-е-ед!!!

Блин, нормальный же у меня конспект! Он что, списал с ошибками? Или… без ошибок, слово в слово? Оп-па… Ну, тогда сейчас будет коррида…

Апрель в Киеве – дивное время. Позади слякоть зимы, на улицах зелень, солнце пригревает, ветерок не дует, а словно поглаживает… Так на волю хочется… Вместо этого сижу на лекции. «Конструкция авиационной техники. Гермокабины».

Народа в аудитории, прямо скажем, негусто: одни, участвующие в «Студвесне», (наш ответ КВНу) от занятий на время репетиций освобождены; другие, почуявшие весну, не поленились сбегать в санчасть за ОРЗ… причём и тех и других можно без труда отыскать в близлежащих пивнушках. Сходить к медицине я поленился, и сейчас конспектирую требования к пассажирским салонам. Скучно.

Добрались до условий внутри салона. Температура… скорость движения воздуха по салону… влажность… М-да, скучновато. И от скуки между «влажностью» и «давлением» вписываю до той поры неизвестный науке параметр – «влагалищность». С уточнением: «не менее 30%».

Ерунда вроде, а как-то повеселее на лекции сидеть стало. А там и пара кончилась, и вообще забыл я об этом случае примерно через час.

— Так… – шипение, будто в аудитории паровоз избыточное давление сбрасывает или пара тысяч гадюк в брачные игры играют. – Так. И. Зачем. По. Вашему. Это. Нужно?!!

А вот ответ на этот вопрос в конспекте точно есть, сам поулыбался, придумывая…

И слышно бодрое:

– Чтобы экипажу скучно не было!

P.S. Когда прошли конвульсии и смех сменился всхлипываниями, преподаватель с трудом выдавил: «Три… балла… свободен… Бля… хорошо, что я у вас последний семестр вёл…»

Тафарель Хренация

Вы простите, я сегодня быстренько. Вспомнилось вдруг.

Занятия в учебке. Препод – майор объясняет что-то. Про железки, естественно. Все детали и агрегаты у майора иначе чем «Хренация» не называются. В моём взводе служил мальчишка один, узбек, по-моему. По-русски говорил, вроде, неплохо, но свой ступор содержал всегда в полной боеготовности.

На следующий день возимся в боксах – практические занятия как бы.

Вдруг ворота откатываются, и грузно заходят несколько чинов. Комиссия какая-то экспромтом нас посетила. Кто-то из пажей погорлопанил, молодое пополнение представил. Ну, и покатился самый главный в народ. Походил, попугал. Вспотели мы от страха. А тут подходит этот самый главный к узбеку нашему. Не помню уже, с чем он там возился, да только ключи от страха выронил, побелел, вытянулся.

– Как зовут?

– Алёша…

– А по-настоящему?

– Ахмат…

– Как служба?

– Харашо служба, служу Савецкому Саюзу!

Тут ряды немного колыхнулись от тихого счастья, потому что Ахмат в придачу выдал пионерский салют. Чин грозно оглядел нас, и мы присели. Со сплющенной физиономией он взял руку Ахмата и попытался опустить, но ступор включился, и это было нелегко. Потом чин плюнул дёргать его за руку, указал на какой-то узел и спросил:

– Это что?

Ахмат со всё ещё поднятой рукой побелел ещё немного, потом выдавил:

– У меня написан, я сейчас.

Офицер отреагировать не успел, Алёша опустил руку и быстро-быстро залистал свои записи.

– Вот, *хренация* .

У комиссии вывалились глаза, а у нас разогнулись скобы на ремнях. Но смеяться никто себе не позволял. Офицер на выдохе, указывая другой узел:

– Ну, а это что?

Ахмат опять залистал, залистал:

– Тож *хренация* !

Сзади раздался стон и глухой стук. Но никто на такие мелочи уже внимания не обращал.

– Хорошо, – сказал чин, уже плохо скрывая душащий смех. – Это *хренация* и это *хренация* . Чем они отличаются?

Ахмат думал совсем чуть-чуть.

– Это вчера биль *хренация* , а это – позавчера биль *хренация* .

Тут, значит, трупы повалились уже без всякого страха. Кажется, на ногах никто не устоял. А офицер взял руку Алёши, вернул её в пионерское положение, отдал ему такой же салют и, забрав свиту, отвалил.

И был объявлен перекур.

Тафарель Приказ

Вот и Новый Год, первый в армии, первый вдали от дома. Моя рота заступила на дежурство. Старшина решил ни с кем не конфликтовать по случаю праздника, и посты с часами были распределены волей жребия. Из окна казармы на втором этаже была видна пёстрая светская жизнь за хмурым кирпичным забором. Вернее, фрагменты её. Были видны штанги и заснеженные крыши троллейбусов, снующих туда-сюда, праздничный лозунг с пожеланиями, подвешенный на растяжке, гирлянда, спешащие граждане на противоположной стороне тротуара, стайки детишек, милиционеры, поедающие пломбир в вафельных стаканчиках. Напротив уже две недели торговали ёлками. Озабоченные горожане, укутанные в шубы и пришлёпнутые сверху меховыми шапками, хватали зелёную под мышку и торопились вернуться в дом. Тёплый дом. Где кухня работала на полную мощь, выдавая на гора салаты «Оливье», холодцы, винегреты, «Наполеоны» и прочую снедь. Тёплый дом, где поселилась праздничная атмосфера, и радостно щебетали около ёлки малые сестрички. Тёплый дом, где мама наводила порядок к приходу гостей, а папа, только что вернувшийся из города, с гордостью вынимал из портфеля добытые с боем две бутылки «Советского шампанского». Тёплый дом, где меня сегодня нет.

Мне никогда не везло в лотереи. Мне ни разу не удалось даже вернуть стоимость билета, потому и пришлось заступать на пост в 23-00, да ещё и на КПП-1. Офицеры, оставшиеся в расположении, видимо, тоже не могли похвалиться удачливостью в бросании жребия. Но, в отличие от нас, они могли позволить себе большее, чем «праздничный» ужин в курсантской столовой. В проходной дверь распухла, расклинилась и стала намертво. Каждые несколько минут кто-то выходил, кто-то заходил. Товарищи офицеры, пытаясь не дышать перегаром, вылезали из такси, вынимали блюда, укутанные в шинели, юркали, не поднимая глаз, в створ тяжеленных ворот и исчезали в парадном штаба. Валил снег, приглушая последние звуки уходящего года. На душе скребли кошки, было тоскливо. Из жилого дома напротив доносился звон бокалов и тарелок, пьяный гомон и

обрывки тостов. По улице пробегали опаздывающие к бою Курантов группки горожан. А я, укутанный с головы до ног, вооружённый огромными варежками и бесполезным автоматом, стою здесь, на морозе, и служу Родине. Припомнился новогодний утренник в детском саду, когда мы, детвора, стали в круг и Дед Мороз со Снегурочкой раздавали подарки. Мне достался вожделенный броневичок, с которым потом я спал месяц, аккуратно укладывая его под подушку. Вспомнился Новый Год с друзьями-одноклассниками. Ну, как же, взрослые уже люди, восьмой класс всё же. Там был первый поцелуй и первая сигарета.

На часах без двадцати. У ворот послышался шум мотора. УАЗик начальника вырисовывает фарами падающие снежинки. Упирается в жестяные красные звёзды на зелёном фоне. «Принесла нечистая», – думаю, с сожалением отцепившись от сладких воспоминаний.

Подполковник крут со всеми. Сам за рулём. Испуганно козыряю. Закрываю ворота. Бензиновый дымок испаряется, остаюсь опять наедине со своими «мемуарами». Неподалёку залпами заходятся хлопушки, в небо взвиваются две сигнальные ракеты. Красная и зелёная. Праздничный гомон в доме напротив притихает. Кто-то усилил звук телевизора, в ночи через открытую форточку отчётливо слышен бой главного будильника страны Советов. Потом пауза… и оркестр чокающихся ёмкостей и радостных воплей начинает свою праздничную увертюру. Честно говоря, выть охота… Вот так, вместе с ними, счастливо орущими. Дверь штаба грохает, под покровом ночи ко мне движется фигура. Выказываю лицом и осанкой служебное рвение. Фигура подходит, оказавшись только приехавшим начальником учебки. В одной руке рюмка, в другой – вилка с насаженным огурцом. Козыряю.

– Держи, боец! Праздник всё-таки.

Неловко принимаю в варежку рюмку, второй хватаю вилку, выпиваю, закусываю.

– С Новым Годом, сынок!

Начальник обнимает меня, хлопает по спине.

– Не грусти! Это приказ!

Civil Хр-р-р

Лекция на военной кафедре. Третья пара на войне и шестая за весь день. Никто уже ничего не воспринимает. Самые стойкие ещё пытаются что-то записывать, самые смелые дрыхнут на задних партах. Читает майор Карпов. Неплохой мужик, но в данный момент вызывающий неприязнь своим бодрым видом. Спасибо, хоть по рядам не ходит – задние спокойно посапывают за спинами впереди сидящих. И тут с первой парты раздаётся смачное «Хр-р-р». Майор, не прекращая лекции, удивлённо уставился на первую парту. Саня Дорош, командир взвода, вынужденный в силу должности сидеть перед преподавателем и закрывать своей широкой спиной всех остальных, надежда и опора офицеров, краса и гордость взвода не выдержал этого тяжкого бремени. Он банально заснул, но как красиво! Локоть на парте, лбом оперся на ладонь, глаз не видно, голова-то наклонена. А правая рука тем временем продолжает выводить чего-то ручкой в тетради! Иллюзия внимательного и прилежного курсанта полнейшая. Если бы не всхрапнул… Майор замолчал и как-то недобро ухмыльнулся. Задние ряды, уловив изменение звукового фона, заелозили, просыпаясь. А Саня опять: «Хр-р-р…». Карпов подошёл к парте, погрозил молча кулаком Саниному соседу, суетливо пытающемуся толкнуть товарища в бок, подмигнул классу и резко выбил Сашкину руку из-под головы. Голова по всем законам военной и гражданской физики рухнула вниз, издав глухой «бум» об парту, слегка смягчённый секретной тетрадью.

Майор улыбается во весь рот, студенты осуждающе смотрят на него, представляя себя на месте потерпевшего. Саня резко выпрямился, не заметил спросонок, что в классе стоит полная тишина, и, не поднимая взгляда, начинает усиленно писать в тетради. Он действительно писал, и писал очень быстро, как потом выяснилось, даже что-то связное по теме! Видимо часть сознания все же бодрствовала, пока глаза слипались, а нос выводил рулады. Тут уж майор не выдержал, расхохотался в голос:

– Дорош, пишите помедленнее, я диктовать не успеваю!

Кай Пятая симфония Бетховена

Историю, которая произошла в нашем училище, мне рассказал старшекурсник.

Правда или нет – не знаю, но, как говорится, «За что купил, за то и продаю».

Было это в конце 80-х годов. Училище наше находилось в славном городе Калининграде, и имелась тогда возможность (при наличии, конечно, определённых знаний и умений) смотреть телевизионные передачи соседствующей рядом Польши.

А по вечерам и поздней ночью транслировали там передачи и фильмы, мягко говоря, эротического содержания.

Представьте картину: Поздняя ночь. Расположение роты, представляющее собой длинный коридор во все здание с дверями спальных комнат, кладовок и других помещений вправо и влево. В коридоре, в месте наиболее удалённом от входной двери, висит под потолком штатный телевизор. Первый ряд зрителей сидит на полу, второй на стульях, третий на столах, четвёртый на стульях, поставленных на столы, пятый – стоя на столах. Остальная часть страждущих просто вокруг. Все кутаются в шинели, надетые поверх нижнего белья, так как температура внутри помещения, естественно, мало отличается от уличной. По телевизору идёт один из вышеописанных фильмов.

Внезапно раздаётся запоздалая команда дневального: «Дежурный по роте, на выход!», который отвлёкшись от наблюдения из окна за входом, пытался хотя бы на слух представить, что происходит на экране.

Появляется подполковник, дежурный по училищу. Бежать поздно, все остаются на своих местах, впялившись в экран, и только сидевшему ближе всех к телевизору в молниеносном незаметном прыжке удаётся переключить его на другой канал.

Молча подходит подпол, смотрит на собравшихся, затем на экран, а там наяривают на скрипках, дуют в тубы мужики во фраках и взмыленный дирижёр руководит всем этим действом.

Дежурный теребит за плечо сидевшего ближе всего сержанта: «Тащ сержант, это что здесь такое?» Тот вскидывает палец к губам: «Тише, товарищ подполковник, Пятая симфония Бетховена!»

Как никто не заржал, глядя на подполковничье лицо, выражающее степень великого недоумения со смесью непонимания и недоверия, я не знаю.

Он просто не мог понять, как курсанты в час ночи, жертвуя своим сном, могут смотреть такую муру?

Войдя в состояние ступора, он, ничего не сказав, просто вышел. Как рассказал потом помдеж, в этом состоянии он оставался до конца дежурства.

Kor Инженеров не убивает

Говорят, в «Роял Нэви»[108] офицерам в личном деле пометку делают: везучий-невезучий.

Правильно, наверное. Вопрос невезучести в море остро стоит, и уж ежели пароход какой невезучим прослывёт, как например «Орёл»[109] в российском флоте, это навсегда.

Но и у офицеров тоже невезучесть проявляется.

Причём кому-то в службе не везёт, а кому-то…

Вот я про инженера нашего рассказывал, как он работяг шумящих по ночам успокаивал, да как спирт из закрытого сейфа добывал. Хороший, в принципе, мужик он был, (назовём его Гошей, к примеру), но – невезучий, скорее всего.

«Случаи» с ним разные были, а началось, пожалуй, с того, что после ремонта мы задачи всякие выполняли, на боевую готовились, ну и стреляли, соответственно.

А инженеры в аккурат за «объективный контроль» выполненных стрельб отвечали. То есть контрольно-записывающая аппаратура, прочая дребедень… Вот в числе этой самой КЗА были и кинокамеры, три штуки. Каждая по семнадцать килограммов весом, то есть нормальная военная техника. Одна в посту стрельбовом ставилась, а две – на антенне. Так вот, отстрелялись мы как-то, едем дальше по плану, смеркается… У Гоши мысль возникла, что раз стрельб не будет сегодня, надо бы камеры с антенного поста снять, да плёнку отдать в проявку. Антенна его комплекса как раз на крыше ГКП[110] стояла. Послал он моряка камеры эти снимать (напоминаю, 17 килограмм каждая), моряк на антенну залез. Гоша, конечно, никого особенно предупреждать не стал, так что Кэп пароходом спокойно рулил… Ну и, видимо, то ли повернули мы резко, то ли просто качнуло неудачно. Короче говоря, наблюдают с ГКП в иллюминаторы пролёт сверху вниз, то есть с антенны на пост управления кранами (он палубой ниже ГКП был) тела матросского, с какой-то железякой в обнимку. То, что железяка – по звуку слышно было, когда с палубой вся конструкция соприкоснулась.

Пролетел. Народ на ГКП в недоумении. Кэп – вахтенному, запроси, говорит , что это у ракетчиков за полёты такие?

Тот, соответственно:

– Второй дивизион, что у вас тут матросы летают?

А надо сказать, готовность сняли, то есть в посту один Гоша и сидит, ждёт, когда камеру принесут…

Ну и отвечает: (думал шутят):

– Летают, значит, к дождю.

Дальнейший диалог, плавно перешедший в монолог ГКП, я по соображениям сохранения нравственности опущу. Отмечу лишь, что ни камера, ни летавший с ней матрос не пострадали совершенно. Пострадал Гоша вкупе с командиром дивизиона, показательно отдираемые впоследствии неоднократно на всех совещаниях за нарушение техники безопасности. Самое смешное было в том, что матрос, заинструктированный перед «подвигом», был привязан-таки шкертом[111] страховочным, но… к палубе. Вот на всю длину этого шкерта он и летел.

Да. Но это был, как говорится «первый звоночек»

Второй прозвенел, когда в день выхода на боевую службу Гоша на пароход не прибыл. Случай совершенно неординарный, и даже выход задержали на полчаса, пока не прошла достоверная информация, что Гоша не изменник родины и дела КПСС, а находится в госпитале, в травматологии, с резаной раной руки. Ушли мы без него, и догнал он нас месяца через полтора, придя в Средиземное с какой-то оказией.

Резаная рана действительно присутствовала у основания большого пальца, причём в результате повреждения сухожилия палец этот не сгибался. Впрочем, это не сильно умаляло природного добродушия Гоши, который поведал, что буквально в ночь перед выходом, дома, будучи совершенно трезвым (здесь ему не поверили даже самые доверчивые), он, открывая дверь из комнаты в коридор, высадил стекло.

Наверное, третьим звонком следует признать, что на той же боевой, когда в свободное время занимались кто чем, кто модели делал, кто ещё чем, Гоша занялся изготовлением цветомузыкальной приставки.

Звонок прозвенел в тот счастливый момент, когда он, имея в зубах сигарету и что-то мурлыча, копался во внутренностях своей

цветомузыки. По свидетельству очевидцев «звездануло» его с такой силой, что окурок сигареты вылетел изо рта, описал баллистическую траекторию и, конечно, попал на коврик, пропитанный каким-то раствором, которым Гоша обрабатывал переднюю панель своего детища, немедленно принявшийся, пока Гоша сползал с кресла в шоке от удара, тлеть. Хорошо, что рядом были указанные очевидцы, и дело не кончилось «возгоранием в жилом помещении».

Так уж получилось, что в следующем «звонке» ваш покорный слуга принимал участие, хоть и опосредованное.

Дело в том, что после боевой Гошу опять положили в госпиталь, так как эскулапы решили палец ему починить, чтобы сгибался, то есть.

Дело было перед ноябрьскими, которые во времена оны широко отмечались советской общественностью.

Так как боевой товарищ находился в госпитале, решено было устроить коллективное посещение последнего. В соответствии с этим решением взяты были с собой «шило» корабельное и лёгкая закуска.

В «травме», да ещё и в праздничный день, народу было немного. Гоша «выскакал» к нам на костылях, чем, естественно, вызвал немедленное изумление: палец на руке, и причём здесь костыли?! Предположения, что в процессе лечения он сломал ещё и ногу Гошей были тут же развеяны. Оказалось, что кусок сухожилия для починки пальца эскулапы ему из ног вырезали, пришив два пальца на ноге на одно сухожилие.

Обсудив ряд проблем в процессе употребления принесённого, мы разошлись по домам, оставив недопитое Гоше, для «внутреннего потребления» с коллегами по несчастью, то есть «сопалатниками».

К сожалению, продукт не пошёл впрок, о чем мы узнали сразу на подъёме флага после праздников, когда, отпустив экипаж, командир оставил офицеров и начал нас, посещавших Гошу, беспощадно драть, за то, что мы принесли в госпиталь спиртное. Факт этот, несомненно, наружу не выполз, ежели бы не Гошино невезение. Оказалось, что с ним в палате лежал курсант пятого курса со сломанной челюстью. Для кормления последнего в гипсе была трубочка, в которую Гоша и влил малую толику «шила», пожалев мученика, который не может достойно отметить славный революционный праздник – с полного одобрения подопытного.

Последствия не заставили себя ждать, и когда возмущённый желудок бедолаги попытался извергнуть назад совершенно ненужную, по его мнению, жидкость, владельцу пришлось, проявляя недюжинную силу, говорят, пробуждающуюся в людях в критические моменты, руками разломать гипс на челюсти, чтобы, наконец, излить все просящееся так настойчиво наружу.

Следствием был срочный вызов травматолога из-за праздничного стола, а последствием – звонок Кэпу с жалобой на раздолбаев, споивших всю «травму».

Наверное, так бы и шло все дальше, с заслуженным клеймом чудака продолжал бы Гоша служить на крейсере, если бы в один прекрасный день не заступил на вахту.

Мы стояли на бочках,[112] день был воскресный и, по меткому выражению классика «ничто не предвещало беды».

Кой черт занёс меня в рубку дежурного поздно ночью, не упомню, но что поразило, это свежий можжевеловый дух, который распространял вокруг себя Гоша, мирно подрёмывая на диванчике.

Факт потребления джина перед вахтой, конечно же, не мог не привести к последствиям, которые не заставили себя долго ждать.

Начало им было положено ранним утром. Надо сказать, что в последнем ремонте, когда убрали у нас торпедные аппараты, а вместо них построили дополнительные каюты, для сообщения между правым и левым трапами оставили довольно узкий коридор с тамбурами. Вот утречком услышал Гоша, что командир вахтенного поста на левом трапе вдруг четыре звонка даёт. То есть – комбриг к левому трапу подходит. Бросился на левый трап по коридорчику этому…

Как он сам рассказывал потом, очнулся он лежащим перед тамбуром. В прыжке через комингс[113] не рассчитал, и башкой своей неразумной в верхний комингс двери вписался. Рядом фуражка валяется, «краб»[114] на ней всмятку, он-то на себя весь удар и принял. А над фигурой его лежащей какой-то капраз незнакомый причитает, мол, да что с тобой сынок, да живой ли…

Живой. Была у Гоши такая поговорка: «Инженеров не убивает».

Живой-то живой. Но вот ключи от сейфа вахтенного офицера как ветром сдуло. Не может найти.

Время к смене. Сменщик: «Давай ключи, будем вахту передавать». «Нету ключей…»

Ну вот. Смениться побыстрее хочется. Попытались старпому проблему озвучить, а тот: «Да пошли вы! Открывайте сейф, как хотите!»

Опять же в отступление: после ремонта Гоша от рабочих систему орошения погребов[115] принимал.

Как хотите – это запросто.

Уговорил сменщика пять минут постоять, в каюту сбегал, принёс что-то , поколдовал над сейфом, проводочки какие-то… Потом машинку присоединил, ручку покрутил – ка-а-а-ак ахнет.!!!

Замок сейфа вывалился внутрь, сейф открылся… Сдал вахту.

Однако ж четыре часа проходит, следующему принимать. Теперь уже не закрывается сейф. Опять старпома тревожить… Как? – Да так…. А-а-а-а-а…

Короче говоря, ворвался к нему в каюту особист с горящим от азарта глазом, и к изумлению честной публики извлёк из сейфа кучу каких-то пиропатронов или ещё чего – на месте не разбирались – проводов, ещё какого-то взрывоопасного барахла, и в довершение ко всему книгу «Учебник подрывника».

На вопли возмущённого командования Гоша спокойненько ответил, что всю эту взрывоопасную бурду, включая и книгу, ему подарили рабочие, с которыми он испытывал систему орошения (а там пиропатроны применяются) почувствовавшие его неподдельный интерес ко всякого рода пиротехническим эффектам.

Как говорится, чаша была переполнена…. Гошу перевели служить на берег.

Мы встретились снова через несколько лет, я был уже командиром корабля, а Гоша – все тем же неунывающим капитан-лейтенантом.

Единственно, в чем он изменился, так это в том, что стал довольно заметно заикаться, и при разговоре отчётливо был виден тик, дёргающий угол губ и веки….

По его рассказу, идя как-то со службы, и будучи слегка «выпимши» он просто не поделил дорогу с УАЗиком. УАЗик оказался чуть крепче, и Гоша отделался семнадцатисантиметровыми трещинами в черепе, переломом руки, да вот такими видимыми последствиями.

Он готовился к увольнению по болезни.

Надеюсь, что его невезение кончилось в другой жизни, после увольнения.

А если все же нет, «Инженеров не убивает!»

Ветеран СГВ Самый первый дефолт

г. Свидница, ПНР, 1988-89 гг.

Призвали меня после сессии 2-го курса в 1988 году, а отпустили назад тоже после сессии, но уже Верховного Совета СССР в 1989 году. Ну, из недослуживших я, студент!

Так вот, кто помнит, время тогда не поспевало за событиями, события за героями, а зарплата и за теми и за другими. В общем, «чтоб ты жил в эпоху перемен», как говорят китайцы. Мы уходили в армию под звуки XIX Партийной конференции (в прямом смысле, на сборном пункте транслировали), служили с комсомольскими значками на груди, а когда вернулись, я не нашёл в альма-матери комитета ВЛКСМ! Он испарился, вместо него было Совместное предприятие!

Это отчасти в ответ на то, что, мол, чего парень убивался по стёртым записям старых рокеров. Мол, пошёл и записал. Э, нет. Это в 1990-м уже было – пошёл и записал. А в 1988 за это ещё могли из комсомола турнуть. Да и где их найти? Вот и убивался человек по самому дорогому, безнадёжно потерянному.

Хотя… Хм, самое дорогое! Он ещё не знал, что такое самое дорогое.

А что самое дорогое у солдата? Гусары, молчать! Я имею в виду, из имущества? Конечно, правильная дембельская форма со всеми возможными и невозможными значками. И если форму сделать можно собственно– или духо-ручно, то значки… Их бережно и заботливо коллекционируют. Их обменивают. Их покупают. Их порой воруют, вернее, пользуются тем, как их про… теряют другие. Ими с будущим дембелем расплачиваются за товары/работы/услуги. А человек, имеющий доступ к их источнику, становится просто Рокфеллером. Потому что он может себе купить всё, поменяв имеющиеся у него излишки значков на всеобщий эквивалент, в нашем случае – польские злотые, или «панские» на диалекте СГВ.[116] Всё по Марксу, «Капитал», первый том.

Но была ещё одна категория предметов в те далёкие уже годы, которая ценилась даже дороже значков. Что значки, кто их не видел? Даже «Гвардия», даже «Первый класс», даже (не дай бог!) «100

прыжков с парашютом». На заре капитализма служивый люд уже начинал понимать, что не значки являются лучшим вложением капитала, а то, чего простой народ никогда ещё не видел и за что он (народ) будет платить ну просто сверхприбыли.

Маленькое отступление. Кто пережил, тот помнит. В СССР секса не было. По крайней мере, до 1989 года. А в маленькой, но гордой Польше был уже в 1988-м! И свидетельством тому являлись шикарные плакаты формата А0 (газета «Правда» в развороте) *с голыми бабами* !!! Привезти это домой да продать соседским мужикам – вот главная цель, которую себе поставили бойцы, собиравшиеся на дембель весной 1989-го. Тем более, что из агентурных сведений, присланных предыдущим дембельским эшелоном, эффект от операции трудно себе вообразить, и тем более, посчитать.

Однако, приобретение товара для будущего «импорта» не было таким уж лёгким делом. Советский солдат за рубежом в увольнения не ходит, по магазинам не шляется, а за самоволки разбирается не со старшиной, а с особистом. Поэтому вожделенные бабы покупались при посредничестве немногочисленных доверенных гражданских, так называемых служащих СА. И где-то ближе к приказу у будущих дембелей скопились изрядные запасы этой наглядной агитации и пропаганды онанизма.

Особо усердствовали два лица урюко-таджикской национальности, один по имени Федя, а другой Толик. Настоящих имён не знал никто, даже ротный писарь, поскольку выучить тридцатибуквенную похвалу Аллаху не могли и сами фигуранты. Так вот, Федя с Толиком, с особым цинизмом обобрав духов из учебного взвода после очередной получки, осознали, что на покупку очередной партии товара не хватает. И сильно. А гонец с воли уже пришёл, и того гляди унесёт изображения обратно в ночь, где реализует их по спекулятивной цене другим страждущим.

И тогда, как когда-то Рокфеллер на Лондонской бирже, наши герои принимают решение: *продать значки* . По демпинговым ценам. «Черпакам»!!![117]

Транзакция совершена, плакатные девки переходят в собственность к новым хозяевам, значки заботливо прячутся обалдевшими от счастья «черпаками»…

Как уже говорилось, время тогда бежало быстро, а события ещё быстрее. И если осенью 1988-го за «Рембо», показанного соседу дома на видаке, ещё могли даже посадить, то весной 1989-го этого же «Рембу» уже показывали в открытую в легальных видеосалонах.

В один солнечный день некто из наших вернулся из отпуска. И подобно вестнику Апокалипсиса принёс известие, за которое предки Толика и Феди снесли бы ему бошку ятаганом.

«Мужики! – чуть не плача, говорил он. – Этого (палец на плакат с сиськами)… там (палец на восток) – *уже навалом* !!!»

А вы говорите, дефолт…

Шевелюрыч Не заводись

В этом возрасте на мир не только смотришь через розовые очки, но и слушаешь его через розовые уши, а собственная розовая попка ещё не превратилась в мозолистую задницу павиана. Именно поэтому решение поступать в военное авиационно-инженерное училище, бросив в последний месяц физматшколу при престижном вузе, казалось абсолютно правильным. Правильным казалось все – казарма, столовая, ПХД,[118] спортивные праздники, запланированные непредвиденные работы (услышьте эту музыку слов!), присяга, учёба… учёба… учёба…

Единственное, что вызывало некоторое удивление – наличие в училище автомобильной кафедры. Даже кафедра английского не казалась такой чужеродной, ибо надо же кому-то допрашивать военнопленных и разбираться в секретной иностранной документации.

Но автомобили… Рождённый для неба ползать не будет – такая мысль неоднократно возникала в моей голове и, поправляя очки, я шёл изучать двигатель в разрезе. Впрочем, совсем бесполезным это знание назвать нельзя: я до сих пор могу к месту ввернуть слово «дифференциал», и меня понимает даже сосед по гаражу. Да и понажимать на табло с ПДД[119] было интересно, а уж про покатушки на тренажёрах, пока они ещё были целы, и говорить не буду. Жаль маловато, на 15 копеек в парке дольше получалось…

Наступило время практического вождения. Прапорщик-инструктор быстро убрал все противоречия в мироздании, объяснив, что на аэродроме нет РЭО-шников, АВ-шников, СД-шников и прочих АО-шников…[120] и не всегда бывают бойцы-водители, поэтому каждый офицер должен уметь подогнать любую машину в нужное место.

Короче говоря, сели и поехали.

Город, в котором мы учились ездить, «на карте генеральной кружком означен не всегда», но главной его особенностью были две центральные улицы, абсолютно прямые, расположенные буквой Т. И если ты сумел включить вначале улицы вторую передачу, то мог спокойно на ней ехать, особенно не заморачиваясь с двойным

выжимом и перегазовкой. Это прокатывало во всех группах, кроме нашей. Почему наш прапорщик любил скорость? Может быть, и в его организме осталось что-то розовое? Не знаю. Но за городом ГАЗ-52 мы разгоняли до его честных 70 км/ч и, радостно хлопая зелёными крыльями, ехали купаться на ближайшее озеро.

В городе все было иначе. Бессмысленные переключения передач вверх-вниз на прямой улице (ну и что, что светофор красный, я на грузовике и к тому же военный водитель, а кому мало, буквы «У» везде понавешены) раздражали неимоверно. Но больше всего раздражал прапорщицкий куркулизм: за все 40 минут занятий он разрешал заводить машину стартером только один раз, аккумулятор жалел, гад. А вы пробовали когда-нибудь ездить на машине без синхронизаторов в коробке передач? Что говорите? Не-е-е… это не автоматическая коробка, совсем не автоматическая. И даже не ручная. Это ручно-ножная коробка с матерным приводом. Если не попал в передачу, глохнешь мгновенно, потому как сидящий рядом прапорщик бережёт шестерёнки учебного авто. Единственное, чего ему было не жалко, так это нашего здоровья. Он даже ничего не говорил, просто протягивал заводной ключ и отправлял крутить кривой стартер перед мордой машины.

А вокруг весна, девчонки гуляют… ты орлом проезжаешь мимо них на большой и мощной машине, как вдруг… брыхх-бах-бах… твою мать… И вот уже за твоей согнутой спиной раздаётся девчоночье хихиканье, и от убийства этого куркуля, глумящегося из кабины, спасает только значительная разница в живом весе, не компенсируемая даже согнутой железякой…

Не боги горшки обжигают. Через некоторое время кривой стартер стал требоваться все реже, знаки и светофоры перестали внезапно выпрыгивать из-за деревьев, а корма впереди стоящего «жигулёнка» во время торможения оставалась целой уже не только благодаря второму комплекту тормозных педалей.

Но появилась другая закономерность. Если раньше я заводил машину раз 20-30 за занятие, но мотор начинал работать с полоборота, то теперь мне приходилось крутить по несколько минут (!!!), прежде чем раздадутся вожделенные звуки….

….Однажды, умаявшись в очередной раз перед капотом, я подошёл к кабине, чтобы скинуть на сиденье пилотку, и увидел, как

прапор воровато повернул ключ зажигания в рабочее положение… У меня не было слов, чтобы классифицировать это вероломство.

– Ты это, не заводись, – несколько смущённо и двусмысленно пробормотал он…

Моё возмущение было так велико, что четверти оборота рукоятки хватило для запуска движка, и больше в этот день я ни разу не заглох….

PS: Прошло несколько лет, и я, сидя за рулём КАМАЗа с ФАБ-500[121] в кузове, подруливая задним ходом на разгрузку, вспоминал уроки этого правильного инструктора, потому что весь аэродром был занят одним делом – вешали бомбы, ибо был 86 год, и неважно, что я был в ТЭЧ,[122] важно, что это была *работа всего полка* .

PPS: Пошло ещё несколько лет. Я купил себе первую машину. «Копейку», которую одногруппник пригнал из Германии. Ранним утром потихоньку катался по дворам, совмещая восстановление навыков с поездками на молочную кухню. И вот однажды, возвращаясь из «рейда» домой, притормозил на перекрёстке. И заглох. Сейчас не вспомню, почему я стал заводить кривым стартером. Это не важно. Важно, что до дома 300 метров. Через час надо быть на работе. А она не заводится. Я крутил железку минут 40 (!!!). Натёр мозоли на руках, наслушался много слов в свой адрес. Как же я вспоминал свои уроки вождения в училище… Вспоминал-вспоминал… и вспомнил.

Да-да-да. Ключ зажигания стоял в положении «выключено»….

Целый день я беспричинно улыбался, у меня было отличное настроение, а вечером, взяв жену и дочек, смело поехали в Пирогово, купаться и смотреть на розовое закатное небо…

Алекс Генера-а-ал

История из разряда «генеральская инспекция». Произошла она в конце 70-х годов в воинской части города Остров Псковской области – такая занюханная сержантская учебка, куда, однако, в то время регулярно ездили на военные сборы студенты Московского Физтеха. Командир части – полковник, никакие более высокие чины там обычно не появлялись. Но как-то раз во время вышеупомянутых сборов туда внезапно нагрянул с инспекцией какой-то генерал (то ли из штаба округа, то ли из Москвы). И вот, проходит он со своей свитой мимо одной из казарм, около которой в курилке студенты как раз расслаблялись после строевой подготовки. Увидев генерала, они застыли в тех позах, которые имели до того, ибо от испуга все уставные требования вылетели из голов – никакого вытягивания по стойке «смирно», отдания чести и т.д. Лишь один парень показал на оное страшное видение пальцем и с невыразимо тупым выражением на лице (то ли искренним, то ли наигранным) пробормотал: «Генера-а-ал…» Тот побагровел, но скандала поднимать почему-то не стал (видать, знал, что за народ), плюнул и пошёл дальше. Апофеоз, однако, наступил в гарнизонном кафе «Ветерок», куда вслед за этим счёл нужным зайти инспектор. Студенты, толкавшиеся в нем в большом количестве с целью прикупить чего-нибудь съестного (ибо в гарнизонной столовой кормили скудно и плохо), среагировали на явление генерала примерно так же, как и в первом случае, кроме одного парня, который на своё несчастье оказался к тому ближе всех. Он от испуга *сорвал с головы пилотку и поклонился генералу в пояс!!!* (Его потом долго выстебывали: «Что, брат, кровь крепостных предков взыграла, как барина увидел?») Уж этого-то генерал не выдержал – дико наорал на присутствующих и скорым шагом направился в штаб части. Что он там наговорил офицерам, неизвестно, но несколько дней после этого они были в несколько раз злее обычного…

Остальные

Кадет Биглер Контрольная сборка

Периодически у командиров авиационной промышленности случались приступы бережливости, осложнённые административной глупостью. Один раз в чьей-то руководящей голове родилась светлая мысль: заменить хлопчатобумажный брезент на синтетический. Приказ начальника – закон для подчинённого! Неукоснительно, точно и в срок! Правда, быстро выяснилось, что новый брезент на морозе дубеет, чехол превращается в огромный парус и техник, расчехляя самолёт, рискует из инженерно-технического состава попасть сразу в лётно-подъёмный. Кроме того, синтетический брезент страшно электризовался, в темноте по нему змеились самые настоящие молнии, а капризная электроника на самолётах дружно начала отдавать богу душу. Эксперимент признали неудачным. Потом экономили серебро, бериллиевую бронзу и трансформаторное железо.

Девятый вал экономии народного добра совпал с антиалкогольной компанией. Решили экономить спирт. Технологам было велено просмотреть все технологические карты и безжалостно сокращать расход.

Заводские, конечно, понимали безнадёжность и даже опасность этой затеи. Ведь если гегемону урезать спиртовую пайку, то технике не достанется вообще ничего! С другой стороны, спирта на заводе было действительно много. Особое впечатление на слабых духом производила установка для мойки волноводов. Этот шедевр технологической мысли представлял собой обычную бытовую ванну, заполненную спиртом. Специально обученная тётя Маша полоскала в этой ванне причудливо изогнутые волноводы, а затем развешивала их для просушки. От разграбления установку спасала решётка из стальных прутьев; похожую я после видел в слоновнике Московского зоопарка.

Возникла идея заменить этиловый спирт изопропиловым. С рабочими провели разъяснительную работу; каждый расписался за то, что он предупреждён о страшном вреде этого вещества для организма.

В первую же пятницу после начала эксперимента в проходной пал монтажник. Выяснилось, что действовал он по проверенной годами

схеме: за четверть часа до окончания рабочего дня в организм вводился продукт с тем расчётом, что действие он окажет уже за проходной и можно будет спокойно догнаться пивом в ближайшей забегаловке.

Изопропиловый спирт, однако, сбил с ног экспериментатора значительно раньше расчётного времени. Рабочего откачали, но от применения суррогатов пришлось отказаться.

Тогда в заводоуправлении собрали совещание. Пряча глаза, главный технолог произнёс речь, в которой призвал включиться в борьбу за экономию спирта. В принципе, все были «за», но, как только дело доходило до конкретного изделия или цеха, консенсус волшебным образом пропадал. За каждый грамм огненной воды цеховые сражались отчаянно и беззаветно.

– Ну что ж, товарищи, – вздохнул технолог, – будем проводить контрольные сборки…

В цеху монтировали стойку шасси. По технологии на каждую стойку полагалось 250 грамм спирта, однако зачем и почему именно столько, было неясно.

Две злющие тётки – комиссия по экономии – уселись рядом с самолётом, не отрывая горящих глаз от банки со спиртом. Банка стояла тут же, на технологической тележке.

Сборщики сразу поняли, что у них хотят отнять. Спирт они пили по очереди, каждая стойка шасси была закреплена за определённым членом бригады. Из дому заранее приносился гигантский многоэтажный бутерброд, разбавляли – спасибо профсоюзу – из автомата с бесплатной охлаждённой водой.

Комиссию нужно было как-то отвлечь. Пару раз над тёткиными головами на тельфере провезли радиоприцел весом в полтонны. Серый ящик раскачивался, цепи жутковато скрипели, завывали электромоторы. Не помогло. Тогда в ход пошёл запрещённый приём – пустили слух, что в заводскую кулинарию завезли венгерских потрошёных кур. Не сработало и это.

Оставалось последнее средство. За спиной у бойциц технологического фронта находился распределительный щит пневмоинструмента. Работяга, который в очереди на употребление стоял последним, незаметно подошёл к нему и повернул вентиль.

Со змеиным шипением в бетонный пол ударила струя сжатого воздуха, смешанного с машинным маслом, пылью и мелким цеховым мусором. Спасая кримпленовые костюмы, тётки отскочили.

Когда вентиль был закрыт, а причина шухера устранена, технологини обернулись к самолёту и поняли, что игра сделана.

– А где спирт?! – возмущённо спросила одна.

– Дык… это… шток гидро… ци-лин-дра протирали, – с трудом ответил бригадир и зачем-то понюхал пук промасленной ветоши.

По его багровой физиономии катились слезы.

Землемер Космическая точность

Итак, начало расцвета застоя. На страну надвигается очередной съезд. Конечно, партии. И не было в те времена человека, задавшего идиотский вопрос – какой? Вся страна встала на вахту, на трудовую и боевую. И навстречу этому съезду понеслись рекорды, свершения и достижения. Ибо наша цель – коммунизм, и верной дорогой идём.

И не отставали советские ракетостроители. Наоборот, они были впереди, готовые понести на своих изделиях зарю коммунизма в любую точку земного шара. И уже референты в ЦК, готовившие речь Лично Товарища Генерального Секретаря, интересовались насчёт строчки в докладе, дескать, что «в ответ на происки, экспансию и развёртывание по всему миру», наша самая мирная страна (опять-таки во всём мире) напряглась и достойно ответила разработкой системы ну, допустим, «Звёздочка».

Итак, нужен был *пуск* ! И срок перенести было нельзя, ибо его определял не план, не технология, не астрономия, а съезд партии. И эта штука посильнее всех остальных вместе взятых.

Первый запуск. Стартовав откуда положено, ракета несётся через всю страну на очень дальневосточный полигон. Летит хорошо, быстро. Но чем ближе к цели, тем как-то неуверенное определяет, куда, собственно, нужно лететь дальше. Тревожно звенят и мигают датчики телеметрии. Ракета натуральным образом испытывает полную потерю ориентации в безвоздушном пространстве. Это сейчас народ на фразу о неправильной ориентации понимающе подхихикнет. А тогда смысл был однозначным – летит дура выше стратосферы незнамо куда. Отдаётся команда на срочный подрыв, пока не улетела куда-нибудь через полюс. Этакий голубь мира, а вместо договора о разрядке – грузо-габаритный макет боеголовки.

Разбор полёта. Собрание комиссии. Вернее совет конструкторов, по горячим следам. Тягостное молчание. Вместо звёздочек на погоны, на грудь, на знамёна КБ и заводов вырисовывается «звездец» во все отверстия и органы, как естественные, так и партийные.

– Ну что, товарищи, – начал председатель, – картина такая. Пролетев N километров, на NN секунде полёта изделие начало блудить

и метаться, как банда мартовских котов на складе валерьянки. По телеметрии видно, что датчики ориентации не смогли найти нужные звезды. Хотя поначалу все было в полном порядке. И оптика здесь не причём. Гироскопы, корректирующие положения объективов при движении ракеты, не смогли их точно направить, потому что подверглись нарастающим заштатным вибрациям. В результате картина звёздного неба просто размазалась, как у близорукого алкаша во время эпилептического припадка.

– Что будем делать, товарищи?

Понятно, что за вопросом «Что делать» скрывается «Кто виноват?». А попробуй, определи. В ходе жаркой дискуссии выясняется, что крайних нет. Замкнутый круг положительной обратной связи. Плюс резонанс.

КБ блока ориентации:

– Гироскопы не справились, потому что они работают на отклонения, а не на дрожание и вибрации. Для этого есть система подвески. Её разрабатывали вместе с КБ, делавшим саму конструкцию ракеты. И подвеска держит заданные «же» и герцы амплитуды. А для других режимов надо новую подвеску, будет она тяжелее, а запаса по весу нам не дают, все до грамма рассчитано. И потом все надо просчитать, испытать и отработать заново. Так что пусть или КБ делает конструкцию жёстче, или КБ ракетного двигателя убирает свою дрожь. В общем, вопрос не к системе подвески, а к ракете, подло передавшей и усилившей лишние вибрации от двигателя.

КБ конструкции ракеты:

– Плохо, что КБ блока ориентации не заложило запаса по вибрации. Надо было подумать о запасе. А к конструкции претензий нет, она-то все выдержала. И тронуть её не можем, если надо что усиливать, то будет она тяжелее, а запаса по весу нам не дают, все до грамма рассчитано. И потом все надо просчитать, испытать и отработать заново, это долго, сложно. Так что пусть или КБ блока ориентации подвеску делают мягче, или КБ ракетного двигателя убирает свою дрожь, это их движок заставил нашу птичку так трястись.

– А потому заставил, – взвились конструкторы из КБ ракетного двигателя, – что во-первых, эта ваша конструкция плохо просчитана на резонансы, на изменение массы по мере выгорания топлива. А вы ещё

хотите наворотить незнамо каких усовершенствований. Вы со старым сначала разберитесь, а у нас все точно рассчитано, до грамма тяги и герца вибрации.

А во-вторых, движок и начнёт излишне реветь, если ему блок ориентации начинает выдавать команды лететь сразу в разные стороны. Вот вдобавок к маршевому и заработали все двигатели корректировки курса сразу во всех плоскостях и направлениях. Вы нам дайте правильный курс, как было на начальном этапе, и двигатель спокойно доставит всю вашу хренотень со всеми гироскопами куда надо.

– Так, товарищи, – вмешался председатель, – правильный курс нам указывает Партия. Кстати, – напомнил он, – скоро съезд. Чем порадуем ЦК?

Опять повисла тягостная тишина. Все понимают, что *там* не будут вникать в технические проблемы взаимосвязи. Крайними будут все. И спасаться надо вместе. Вместе с ракетой.

Главное, большой проблемы и нет. Сделать подвеску блока ориентации покрепче и помягче, где надо усилить элементы корпуса и учесть передачу вибрации от двигателя по этим самым элементам. Чистая механика и сопромат. Но сроки! Пока все взаимосогласуешь… Так что нужно простое нестандартное решение. И чтоб сделать его можно было на уже готовящейся к запуску второй ракете.

– Ты это, – спросил председатель у главного «звёздного ориентировщика», – ты просто скажи, тебе чего надо, чтоб навестись на звезды?

– Так ведь знамо чего, стабильности и покоя. А это, если по уму, система всяких пружин и подвесов, демпферов и стабилизаторов.

– А если нет? Можно как-то по-простому?

– А по-простому, тупо – тогда массивное основание, чтоб всякая дрожь гасилась на хрен.

Чем тяжелее, тем лучше. Просто взять и привинтить гироскопы к охрененно тяжёлой, подвешенной хоть на рессорах от паровоза железяке. Но где я вам возьму это в ракете? Все ж рассчитано – пересчитано.

– Слышь, – задумчиво сказал, возя пальцем по сукну стола, главный двигателист, – охрененно тяжёлая, это сколько?

– Охрененно тяжёлая, значит, и килограмм в ней дохрена.

– Тебе полтонны хватит?

За столом тягостная тишина сменилась на звенящую.

– Полтонны хватит. Вполне. А где это в ракете такое есть?

– В ракете нет. Пока нет, но есть *запас по тяге* ! Так, на всякий случай заложили. Может, конечно, и движок от этого так ревел, что мощнее получился. В общем, полтонны я гарантирую.

Все вопросительно посмотрели на КБ конструкции ракеты. Те судорожно двигали логарифмические линейки, бормотали что-то про площадь круга и удельный вес железа.

– В общем, так, берём листовую сталь, миллиметров 100 толщиной, (председатель пометил в блокноте: – спросить на танковом заводе пару листов сотки покрепче), вырезаем блин по диаметру отсека. Вес получается около 500 кг. Заодно этим усиливаем жёсткость конструкции. По нагрузкам на корпус и по прочности есть запас, тоже заложили на всякий случай, переделки почти никакой.

Взгляды переместились на представителей КБ блока ориентации.

– Господи, пятьсот килограмм, блин в 100 мм, значит, все крутильные моменты не учитываем, все изгибы умножаем на ноль, да тут действительно хватит поставить в 3 плоскостях рессоры! И даже рессоры не надо, наша система подвеса выдержит эти полтонны, был ведь запасец, не хватало то чуть-чуть самой инертной массы. Так что может и в 400 или даже 300 кг уложимся. Как влитая будет сидеть и лететь…

Тишина за столом сменилась бурным обсуждением, ведь все-таки это были Конструкторы и Инженеры, с самой большой буквы. И когда задача из административной стала чисто технической, решение в первом приближении было проработано буквально за час. Верное, заметим, решение, ибо учитывало самое главное – *срок* !

И очень вскоре был другой день, и был второй пуск, и пролетела ракета над 1/6 шара как «вдоль по Питерской», не отклоняясь от Истинного Курса. Вот только воронка, говорят, была на месте падения побольше обычного, ну да этого пусть супостат боится.

Землемер Неулёт, героизм и раздолбайство

Продолжу истории из рассказов ветеранов нашего отдела о славных былых временах освоения ракетной техники.

Часть 1

Далёкий северный полигон. Сопки, засыпанные снегом, в распадке посёлок, на более-менее пологом склоне собственно испытательный полигон. Всё как нужно: позиции, службы, бункеры, петляющая среди камней дорога. Пусковая шахта, в ней изделие. Чего-то в «этой изделии» модернизировали, обновили, исправили, усилили… В общем, надо отстрелять новую модификацию. По сему случаю понаехали разработчики, спецы с завода-изготовителя, соответственно, обстановка несколько нервозная и радостная одновременно. Радостная оттого, что создали действительно серьёзную вещь, вроде все идёт (тьфу-тьфу…) по плану, и если пуск все подтвердит, то всем будет хорошо. Кроме вероятного противника, конечно.

Из бункера в перископ виден оголовок шахты, последние приготовления. Поскольку перископ один, к смотровой амбразуре не протолкнуться сквозь спины военных; основная масса скопившихся сверх меры штатских наблюдателей толпится за спинами телеметристов. А что? Кто знает, тот понимает. Вот цифры времени полёта, застывшие по команде «Равняйсь» на нулях, вот индикаторы скорости, крена, рысканья. Вот ряды тёмных (и, слава богу!) аварийных датчиков. За отдельным столиком сидит большой начальник, ему пульт тоже виден. У перископа собственно «стреляющий», из этого гарнизона. Вся эта нервотрёпка, все эти гости и штатские умники с большими амбициями ему надоели сверх меры. Стреляющий мрачен, сосредоточен и цинично-вежливо посылает всех желающих посмотреть в перископ.

Три, два, один… Старт! Прошли все команды, сработали все системы, отстрелились все кабели. Мигнули все нужные лампы, что «усё у полном порядке», понеслись мигать цифры времени полёта.

– Эх, хорошо пошла! – загалдели наблюдатели за спинами телеметристов.

– Нихрена! отозвалось от перископа.

– Хорошо идёт! Опять галдят, глядя на цифры времени полёта, крен и т.п.

– Нихрена! – опять несётся от перископа.

– Что «нихрена»? – Это уже большой начальник административным органом чует непорядок. Но что за непорядок, пока не понять. Эти штатские разработчики веселятся у телеметрии, взрывов не слышно, но вот это уверенное «нихрена» от перископа напрягает….

– Мля, стоит… – это уже от амбразуры несётся возглас.

– У кого что стоит? Доложить обстановку. Что происходит?

Все начинают озираться, телеметристы озадаченно начинают щелкать тумблерами, что-то проверять. От амбразуры несётся мат, прерываемой тишиной, от которой нехорошо где-то внутри. Бывает такая тишина, которой не должно быть, а она есть. Только жужжат вентиляторы, да секундомеры уверенно отсчитывают время полёта.

– Ракета из шахты не вышла! Старта не было! – следует доклад-приговор.

Начальники по очереди подходят к перископу, наблюдают все тот же оголовок шахты, присыпанный чистым снежком, чистое небо без всяких следов, потом по очереди подходят к телеметрии, наблюдают полный порядок в показаниях, вот только скорость равна нулю, да и высота не меняется.

Неулёт. Полный. Он же затяжной выстрел, только ракетный. Но ведь все датчики говорят, что всё сработало. Но не летит изделие. Недоуменный взгляды друг на друга. Такой нештатной ещё не было. Были взрывы, были пожары, были отказы. А тут…

Вмешался старший:

– Так, из бункера не выходить, командам на полигоне не высовываться. Ждём!

Самое мудрое решение, выработанное поколениями артиллеристов. Ждём этот ракетный затяжной, пережидаем, кто кого.

Проходит час. Доложили куда надо, просчитали и обсудили варианты. А вариантов немного. Хотя вначале нашлись умные.

– Может, ещё раз дать команду «пуск»? – идиотски посоветовал кто-то.

– И как? Все кабели отстрелились, вся предстартовая программа прошла!!! Ракета самообособилась от «Земли», сама знает, что надо делать, и теперь по большому счёту, может выполнить внешнюю команду только на подрыв.

– А если кабель обратно подсоединить? – находиться второй умник.

– …Далее следует коллективный военно-технический ответ, что надо сделать спрашивающему с кабелем, куда его и каким способом подсоединить, причём строго соблюдая полярность и форму вариатора на разъёме.

Ну, а насчёт подрыва? Можно, но взрыв разнесёт не только ракету, но и всю стартовую позицию. А она стоит денежек далеко не меньше ракеты. Да и где потом в спекшемся бетоне искать причину сбоя? И ещё взрыв с пожаром – это в оргвыводах совсем не то, что тихое стояние ракеты на позиции. Просто стоит. Жертв и разрушений нет, материальный ущерб отсутствует.

Проходит ещё час. Нервное напряжение не проходит, идёт неофициальный поиск крайнего. Несмотря на небольшой размер бункера, бочки обвинений катятся из одного угла в другой целыми связками и штабелями. На разработчиков катят свои (неужели что-то перемудрили, наразрабатывали, эйнштейны хреновы), потом на изготовителей (неужто чего не поставили или контакт не пропаяли, левши доморощенные), ну и на военных рикошетом (небось, сами так назаправлялись вчера, что просто забыли заправить ракету). Но ракета продолжает бодро рапортовать, что все системы в порядке, баки полны и окислитель вроде как страстно соединяется с горючим. Только соединяется как-то без огонька и дыма.

– Ну и долго будем сидеть? А ведь верно. Не улетела за эти часы, авось не улетит и сейчас.

А уже вечереет, кушать хочется, но и жить хочется. И тут снова от перископа и амбразуры начинает идти сдержанный мат. Ибо.

Нет, вот вы мне сейчас скажете, что так не бывает, так не по уму, так в нашей армии не могут построить. Может быть. Я в строительных войсках, что возводили этот полигон, не служил. И вообще на том полигоне не был. Со слов пересказываю. единственная дорога от

бункера на выезд петляет меж скал-камней аккурат мимо стартовой позиции. Не сказать, что на расстоянии вытянутой руки, но ведь и в ракете не одна тонна гептила. Воистину как в «Неуловимых» – а вдоль дороги ракеты недостартовавшие стоят, и тишина…

Разработали план эвакуации. Чтоб если что, так только одного… Из гарнизона вызвали УАЗик с самым тихим глушителем и движком (ну не «КРАЗ» же). По одному, бегом на цыпочках мимо стартовой до угла скал, где ждёт машина. Быстренько отъехали, но на автомобильных цыпочках. Потом следующая партия. Так и вывезли всех.

Прошла ночь. Бессонная для всех и тихая для ракеты. Она все больше засыпала, аккумуляторы разряжались, гироскопы потихоньку останавливались. И сквозь свою электрическую полудрёму все слабее слала сигналы:

– Вторые сутки полёта, неполадок на борту нет, крен ноль, скорость и высота ноль, продолжаю выполнять программу…

Часть 2

Итак, надо разбираться. Но чтобы разобраться, надо ракету разобрать, а значит, достать из шахты. Полностью заправленную. Антигравитационных доставателей аварийных ракет на полигоне не было. А краном покачивать о стенки шахты тоже желающих не нашлось. Но не оставлять же памятником «Вечный старт» в натуральную величину? Чтобы безопасно поднять ракету, надо слить горючее. К штатным заправочным горловинам не подобраться, и есть только один путь. Снизу, под соплами есть возможность открыть кран. Не знаю, как он назывался – дренажный, технологический или ещё какой.. Не суть. Суть в том, что есть возможность через газоотводный канал в шахте пройти низом к соплам, дотянуться до этих вентилей. Тихохонько открыть и травить помалу. Пусть даже в ведро. Гептил. Тот самый «высококипящий» компонент.

– Добровольцы есть? Родина ждёт своих героев. Ну? Так, Родина повторяет, что повторять не любит и дольше ждать героев не может. Ну? И за тройные отпуска, сверхдосрочные дембеля, и прочие блага (Родина же не жадничает) добровольцы нашлись. В шахту протянули

рукава ветродуев, чтоб всю гадость выбрасывало вверх. Ребят одели в двойные ОЗК и тройные противогазы и вперёд! В смысле вниз, под сопла. Вот так, действительно чуть ли не в ведра и стравливали. Надо отдать должное вентиляции. Ядовитый след паров шёл от шахты ракеты далеко. И до самого посёлка снег был загажен. Но кто же будет эвакуировать посёлок или ждать смены ветра? А те парни внизу остались в относительно чистых ОЗК. Да и противогазы загрязнились мало, так как они старались вообще не дышать, не сопеть, не шуршать. А уж что они чувствовали, «разряжая» ракету, наверно могут представить только сапёры.

Часть 3

Героизм одних есть следствие раздолбайства других. Эта истина подтвердилась опять при разборе полётов. В смысле, неполета. У ракет этого типа зажигание шло так. Происходило первичное смешивание и воспламенение горючего и окислителя, а далее газы раскручивали турбины насосов, и потоки топлива неслись в камеру сгорания. А первичная встреча компонентов происходила в небольшой камере, где стояла разделительная фольга. По сигналу «старт» срабатывал пиропатрон, и игла пробивала фольгу. И на этот раз все сработало, даже пиропатрон, и игла пошла в фольгу, и датчик зафиксировал это. Именно на этой команде ракета по программе полёта самообособилась, доложила, что «она пошла полетать, прощай Земля, нас ничто больше не связывает».

Вот только на пути иглы встретилась заусеница. При закатке фольги закатали и стружку. Игла упёрлась в стружку, отклонилась и упёрлась почти в выходной срез бортика, где и застряла. Ну а стружка натянула фольгу, но не прорвала. Не хватило какого то миллиметра хода или килограмма усилия. Счастье что хватило ума не трогать ракету.

Говорят, на совещаниях по качеству на том заводе этот узел с застрявшей в заусенице иглой долго показывали как аргумент, что мелочей не бывает. И, говорят, показывал его уже другой руководитель. Но рассказ был не об этом.

Бегемот Дон

Виталя, перевернув бутылку кверху донышком, вытряс последние капли в наполовину пустую стопку:

– Ну?! И что делать будем?.. – недовольно обратился он к собутыльникам.

– Не знаю, что делать! Говорил тебе – надо было ещё брать!.. – Андрей покосился на батарею пустых бутылок в углу.

– Так я и взял ещё, сам помнишь – бегал, еле успел до закрытия.

– Успел он! – подал голос Саня. – Отправь дурака за бутылкой, так он одну и принесёт!

– Я что тебе, фокусник? На одну-то еле наскребли!

– Да-а-а…. Протянул Андрей. – Дембель – это конечно здорово, но вот что делать, когда денег нет, а выпить катастрофически не хватает?

Друзья уже третий день праздновали возвращение из рядов Вооружённых Сил.

Афган парней миновал. Виталя три года провёл на Северном флоте и прибыл в город на Неве уже две недели назад. Двое других участников празднования, отслужив один в десантуре, второй в погранцах, вернулись одновременно позавчера и, едва скинув форму, завалились к Витале, который обитал один в большой трёхкомнатной квартире. Родители его последнее время безвылазно жили на даче где-то под Сестрорецком, откуда приезжали время от времени получить пенсию и проверить, все ли в порядке в квартире. Поэтому Виталя, беззастенчиво пользуясь создавшейся ситуацией, выжимал из неё максимум пользы. В гадюшник хату, конечно, не превращали, но теперь было где и посидеть и девчонок привести. И это обстоятельство устраивало всех, кроме, пожалуй, соседей, которые, кстати, пока ещё терпели затягивающееся далеко за полночь веселье.

– Ну, что делать-то будем? – повторил Виталя. – У меня в карманах пусто!

– Думаешь, у нас полно?! – проворчал Саня, скребя пятерней в затылке – Сейчас только у таксистов найти можно. А у них – по

червонцу, – он вытряхнул из кармана смятый рубль и несколько монеток. – Все! Больше нету…

– Тихо! Чапай думать будет! – Андрей выковырял из мятой пачки полурассыпавшуюся сигарету, прикурил и жадно затянулся….

И в наступившей тишине вдруг длинно, бесшабашно и нагло задребезжал дверной звонок.

– Кого там несёт?! – кинул взгляд на часы Виталя – Оборзели вконец! Время – второй час ночи! – он отворил дверь и, поражённый, замер на пороге. И было от чего замереть! В дверном проёме возвышалась фигура в шляпе и распахнутом дорогом плаще, под которым наличествовала чёрная «тройка» явно буржуинского производства, дополненная не менее буржуинским переливающимся галстуком. Светло-голубой ворот рубашки контрастировал с дочерна загорелой шеей. В одной руке ночной визитёр держал средних размеров чемодан, судя по всему, из крокодиловой кожи, во второй – большую картонную коробку, перевязанную лохматой верёвкой.

– Не ждали?! – сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физиономии ночной гость.

– Димон!!! – радостно заорал Виталя. – Бля!!! Пацаны, Димон вернулся!!!

Саня и Андрей, сшибая стулья и мешая друг другу, вывалились в прихожую. Когда радостные восторги от встречи утихли, Андрей, улыбаясь, приобнял Димку. Ну, давай, проставляйся! А то у нас уже все выпито.

– Не вопрос! – Димка положил чемодан на стол. – Уно!.. Дос!.. Трес!..

Он жестом фокусника открыл крышку и кивнул на содержимое: – Выбирайте!

Друзья, стукнувшись головами, склонились над чемоданом. Половину пространства занимали бутылки с яркими этикетками на испанском языке.

– Нихрена себе!.. – Саня, обалдев, вытащил бутылку и шевелил губами, пытаясь прочитать непонятное название – Это что такое?

– Ликёр банановый! Но он сладкий слишком. Лучше ром открой, – Димон с важным видом достал из кармана сигару, содрал целлофановую обёртку и вытащенной из кармана гильотинкой отрезал кончик. После чего, предварительно облизнув сигару, щёлкнул

блестящей зажигалкой и выпустил дым в потолок. Затем, пошарив в чемодане, извлёк оттуда ещё несколько сигар и выложил на стол рядом с бутылкой.

После второй друзья закурили и потребовали рассказа. О том, что Димка служит на Кубе, они знали, но такого возвращения, естественно, никто из них не ждал. И Димон начал повествование.

– Ну, как нас туда везли, рассказывать не буду. На пароходе на вторые сутки в шторм попали, переблевались все, даже меня укачало. А туда пришли, начали нас рассортировывать кого куда. И надо же такому случиться было, что я вместе с правами на машину прихватил до кучи и права на катер. Случайно совершенно. Это и спасло. Короче, после карантина забрали меня, привезли в штаб и, проверив судоводительские навыки, определили на катер командующего. Рулевым-мотористом. Двенадцатиметровая посудина с камбузом, сортиром, салоном и каютами. Блядовоз, короче. Вот всю службу и прокатался с пьяным офицерьём да мучачами. А поскольку отношения хорошие сложились с начальством, то и прибарахлиться сумел, и домой как белый человек приехал. Хоть и на пароходе, зато в каюте приличной вместе с начпродом, который в отпуск ехал. Классный мужик! Мы с ним пили почти всю дорогу. Он рому погрузил аж два ящика. На четвёртые сутки уже смотреть на него не могли…

– А там что? – Саня кивнул на коробку. – Ром?..

– Не, не ром! Круче! – Димон размотал верёвку и водрузил на стол клетку с крупным зелёным попугаем.

– Птичка!!! – Виталя попытался сунуть палец в клетку. Димка, оказавшийся на страже, вовремя оттолкнул его.

– Ты что! Он клювом орехи колет, палец перекусит и не поморщится!

– Слушай, а как ты его провезти-то смог? – Андрей в недоумении смотрел на Димона. – Там же таможня, ветконтроль и прочие дела.

Димка хитро улыбнулся: – Что ж я, дурнее паровоза, по-твоему? Начпрод тоже дохрена всякого барахла вёз, а у него на пароходе схвачено, видимо, было. Там я и приобрёл птичку. У старшего механика. Сам не выносил, мне её уже за воротами порта вручили. Пришлось, конечно, чеков отстегнуть, но птичка того стоит! Сказали, ей сорок лет уже! Во как!

– А он говорящий? – заинтересовался Саня – Эй, птичка! Как тебя зовут?

Попугай молчал, уставившись на друзей круглым глазом.

– Не хочешь говорить? Не уважаешь, сволочь! – Виталя отвернулся от клетки и протянул руку к бутылке.

– Димон, а как его зовут-то?

Ответа он получить не успел. Раздался громкий и пронзительный вопль попугая, после чего тот быстро и безостановочно начал выкрикивать что-то неразборчивое.

– Нихрена он орёт! – Виталя удивлённо воззрился на клетку. – Как его заткнуть-то?

Видимо, попугайские крики разбудили соседей, ибо вскоре раздались глухие удары в стенку. Дом был явно не дореволюционной постройки, и шумоизоляция здания типового проекта тоже была типовой.

Димка затолкал клетку с продолжавшим орать попугаем обратно в коробку и уволок её в тёмную прихожую. В темноте попугай вскоре успокоился и, судя по всему, уснул…

Птичку Димка назвал Доном. Вскоре к имени добавилась приставка Гон. Это уже больше соответствовало истине, потому что гнусная птица вела себя просто по-скотски. Выпущенный как-то раз полетать по комнате и размять крылья, попугай, закладывая виражи, умудрился на лету щедро обгадить недавно поклеенные обои. Димка, только что сделавший ремонт в снимаемой им у сестры однокомнатной квартире, был очень недоволен этим безобразием. Грязные серо-зелёные следы продуктов жизнедеятельности пернатого друга смелым абстракционистским росчерком украсили стену от дверного косяка до окна. Из множества всех слов, которые Дон умел говорить, нормальными были лишь несколько. Весь остальной лексикон состоял из русского и испанского мата. Немудрено, что от птицы избавились – кому нужно такое непотребство? Сестрицу Димкину, уже трижды побывавшую замужем и собирающуюся сходить туда в четвёртый раз, попугай называл «Ирка-дырка», что её приводило в бешенство. Ирина, каждый раз приходя к братцу, кляла его на чем свет стоит, считая, что Димон специально подучил попугая, и всерьёз грозилась умертвить проклятую тварь. Но, поскольку жила она теперь у своего кандидата в очередные мужья, осуществить казнь пока возможным не

представлялось. Но Димку птица прикалывала. И то сказать – ни у кого не было такой! В начале восьмидесятых говорящий попугай был редкой экзотикой, и Димка, обычно познакомившись с очередной девушкой, без труда завлекал её к себе «посмотреть настоящего говорящего попугая». Заинтригованные девицы как крысы за дудочкой шли в Димкину холостяцкую берлогу, где их взглядам действительно представал попугай, который, оправдывая своё полное имя, либо вообще молчал, либо говорил совсем не то, чего от него ожидали. Но роль свою в качестве приманки Дон исполнял исправно, и, приходящие посмотреть редкую птицу девушки, покидали Димкину квартиру уже утром… Попугай, сидевший в накрытой одеялом клетке, их уже ни капли не интересовал…

И вот, однажды Димон встретил Её!.. Её звали Дашей….На приглашение посмотреть птицу девушка ответила вежливым отказом. Димка, решив все же заполучить в свою коллекцию и этот бриллиант (девушка, действительно, отличалась редкой красотой), включил все своё обаяние, и сам не заметил, как по уши втрескался. И Даша стала отвечать ему взаимностью… Пьянки с друзьями и девицами были забыты. Димон под влиянием Даши изменился и даже собирался бросить курить. Половодье чувств захлестнуло обоих. В одну из романтических белых питерских ночей после прогулки над Невой Даша, наконец, решила, что пришло время перевести отношения в другую плоскость. О попугае никто и не вспомнил, ибо события развивались уже сами собой, и совсем не по многократно обкатанному сценарию. Ох, зря не вспомнил Димон о птице, и совершенно напрасно не накрыл клетку! Да и было с чего не вспомнить… Какая птица, какая, на хрен, клетка!? Либидо, со страшной силой подхватив обоих, швырнуло влюблённых в Димкину однокомнатную берлогу!

Задыхаясь и срывая друг с друга одежду, они ввалились в спальню и, рухнув на ложе, забыли обо всем. Для Даши и Димона мир перестал существовать. Были лишь они, сладко терзающие друг друга, наслаждаясь и медленно приближая заветный миг…

Через некоторое время гнусная птица, наблюдая сверху за тем, что творилось на широкой двуспальной кровати и обалдев от открывшихся ей картин, не выдержала и начала громко и пронзительно выдавать в прямой эфир все то, что накопилось в её попугайской памяти за сорок лет, прожитых ею на белом свете:

– Коньо!!! Ходер-р-р!!! Коньо!!! Коньо!!! Вдуй ей!!! Давай!.. Давай!… Давай!!!.. Ар-р-р-риба!!!

Редкие приличные слова густо перемежались матерными на двух языках, отвратительным хохотом, эротическими стонами и криками и ещё черт знает чем.

Все сразу кончилось, не успев толком начаться, как будто в комнате внезапно включили свет. Девушка замерла, оттолкнула Димона и, выскользнув из кровати, торопливо начала одеваться.

– Даш! Ты куда?.. Да ты что? – растерялся Димка.

– Значит, я у тебя единственная?! – шмыгая носиком и смаргивая слезы, приговаривала девушка, натягивая через голову платье. – Поверила, размечталась! Думала, любишь! А ты! – она схватила сумочку. – И не надо меня провожать! И телефон мой забудь! – Сдерживая рыдания, она повернулась к клетке с продолжавшим орать и хохотать попугаем:

– Спасибо, птица!.. Ты – хороший диктофон!

Простучали по паркету каблучки. Хлопнула входная дверь. И, как по заказу, заткнулся попугай. Димка, злющий, как тигр, медленно подошёл к клетке. Птица сидела молча и косилась на хозяина, видимо чувствуя, что шутки кончились. Димон распахнул клетку и, просунув руку внутрь, схватил за горло пернатого провокатора:

– Сволочь, бля! Пришёл твой смертный час! Молись, Дездемон хренов! – с этими словами Димка сжал кулак, попугай пытался клевать руку, впился в неё когтями, но хватило его ненадолго, да и Димон был не в том состоянии, чтобы обращать внимание на боль. Та боль, которая сейчас сидела у него в душе, была значительно сильнее…. Димка разжал ладонь, попугай безжизненно шмякнулся на дно клетки.

Зайдя в ванную, Димон сунул под струю холодной воды окровавленную руку, украшенную глубокими рваными ранами от когтей и клюва. Розовая вода, с журчанием закручиваясь в воронку, уходила в раковину…

Несмело тренькнул звонок. Раз, потом ещё… Димка продолжал сидеть на краю ванны, уставившись в одну точку. Затем приоткрылась дверь ванной и показалось заплаканное лицо Даши.

– Дим, прости меня, пожалуйста! – она, охнув, прикрыла рот рукой, увидев окровавленную руку.

– Димка!.. Ты что?!

– Вены резал! – промелькнуло в голове у девушки. – И все из-за меня!

– Прости, милый! – слезы горошинами катились по её щёкам, оставляя черные подтеки от туши. – Я – дура! Дура! Я люблю тебя! Очень люблю!

Димка здоровой рукой молча обнял девушку и привлёк её к себе. Даша, шмыгая носом, уткнулась в его плечо.

– Бинт нужен, Димка! Перевязать же надо! И «Скорую» вызвать…

– Не надо «Скорой», перевязки хватит… Не помру.

Спустя пару часов Даша подошла к клетке.

– Дим, а что с птицей? Он, похоже, сдох…

– Он не сдох, он умер… – проговорил Димон, любуясь стройной фигуркой девушки в лучах утреннего солнца.

– А от чего? – Даша печально посмотрела на попугая.

– От стыда… – Димка откинул одеяло. – Иди ко мне!..

Даша, улыбаясь, и покачивая бёдрами, неторопливо двинулась к Димону…

Лежащий на боку попугай медленно повернул голову и открыл глаз…

Выживший Дон был продан Димкой за триста баксов на Кондратьевском рынке. Вырученные от продажи деньги он, конечно же, потратил на подарки для любимой, и примерно через год на свадьбе Димы и Даши многочисленные гости дружно пили за здоровье молодых.

– Дорогие новобрачные, уважаемые гости! – надрывался тамада – А сейчас давайте поприветствуем Дашиного дядю, который только что приехал из Москвы! Он прибыл к нам прямо с вокзала и привёз молодожёнам замечательный подарок!

Взгляды гостей обратились на входящего в зал радостно улыбающегося усача с огромным букетом роз. Сопровождавший его швейцар, нёс большую позолоченную клетку.

В клетке, хитро кося круглым глазом, сидел Дон…

Землемер Время – вперёд!

Генеральный приехал на фирму как всегда рано. К проходной НИИ «Кое-какой для кое-чего Автоматики» тянулись, не приходя в сознание, беспощадно оторванные от подушки инженера и прочие работники. Но в это утро они не проскальзывали сквозь турникет, а накапливались толпой.

«Странно, – подумал Генеральный, – что за затор?»

Затор упирался в вахтеров, причём головная часть этой пробки, как и положено голове, материлась. Пусть по интеллигентному малоэтажно, но смысл улавливался – люди требовали пропустить их на работу, но вахтеры упрямо тыкали им под нос листочки акта опоздания.

«Странно, – опять подумал Генеральный, – что за массовый опоздай?»

Потом посмотрел на свои часы – времени до начала трудовых подвигов на благо Родины было ещё умотаться.

Генеральный протиснулся вперёд. Из сути стихийного диспута вытекало, что вахтеры предлагают заполнять квитки опоздания на основании показаний часов, висящих над проходной. На часах времени было уже как раз примерно первый утренний перекур. А все кабинки всех проходных впускали-выпускали и отлавливали опоздаек именно по ним. Неожиданно народ затих – на глазах у всех стрелки дёрнулись, и бодро, скачками перепрыгнули разом минут на 40, потом, отдохнув немного и собрав остаток сил, добавили ещё 15-20. Стало ясно, что крыша у Единых Часов Фирмы поехала.

– Так, пропускать всех, на часы внимания не обращать, – приказал вышедший начальник караула.

Но как было не обратить внимания на часы, когда они в непонятном ритме предвещали уже обед. К реальному обеду часы успели обойти циферблат несколько раз, и пора уже было думать о выходных днях и прочих приятных вещах вроде зарплаты.

А службе времени (назовём это так громко) к реальным выходным пора было думать об увольнении. Ибо многократные попытки выставить часы проваливались под воздействием чуждых им

природных сил. Злой дух инакомыслия вселился в Единые Часы Фирмы. Он двигал стрелки в непонятном ритме и на разные промежутки. Причём безобразничал только в рабочее время. К вечеру он затихал, ночь проходила спокойно, а примерно к 11 утра, как и завещал Эйнштейн, время становилось абсолютно относительным. Но почему-то внутри только одного здания.

Собственно часы представляли собой старую советскую разработку, используемую даже в школах. Ящик со стрелками отщёлкивал минуту, когда получал Управляющий ЫмпульС от центрального аппарата. Можно сказать, просто маленький сердечник, дёргающийся в соответствии с полученным указанием. Искать причину надо в центре. Надо ли говорить, что после получения импульса от руководства весь аппарат (часов) проверили до основания не раз. А затем… Затем можно было продавать билеты на шоу: «Электрики наблюдают ход времени после очередных бесплодных работ». Но то ли количество спирта, ушедшее на протирку контактов, переросло в качество, то ли злой дух понял, что надо и меру знать… Все прекратилось. Сработал старый метод – устранение неисправности методом разборки-сборки.

Прошёл месяц.

«Странно, – подумал Генеральный утром, – что за затор? И почему у меня чувство, что я это не так давно видел?»

Часы весело двигали стрелками, словно отдохнули за прошедшее время и взялись издеваться над объективной реальностью с утроенной скоростью.

На этот раз на совещании пистоны Главному Энергетику (ГЭ), в чьём ведении было это хозяйство, вставлялись без вазелина и лично Генеральным.

– «Мы выпускаем такую продукцию, что (…далее не суть важно…), да наша аппаратура и автоматика (…аналогично…), а починить паршивый будильник, в котором нет ни одной микросхемы вы (… далее административно-анатомическое резюме…).

– Да, товарищи, – вмешался парторг, – народ не понимает. Мы берём повышенные обязательства, улучшаем качество, Заказ обязуемся сдать в срок. А по вашим часам мы все сроки сорвали, Съезд пропустили и выставили себя на посмешище. Я уж не говорю о том, что часы висят аккурат над лозунгом «Ускорение научно-технического

прогресса – требование времени!». Вы как коммунист чувствуете, на что идёт намёк?

Сразу после совещания ГЭ быстроногой ланью рванул к ремонтникам. Проходя мимо проходной, заметил привычное уже дёрганье стрелок. Ворвавшись в комнату, он застал уже привычную картину: разобрав аппарат, ремонтники тупо смотрели на контакты, релюшки и прочие потроха немудрёного механизма. Что тут может не работать?!

– Что творите, эдиссоны недокули(е)бенные, хоть бы отключали часы на время ремонта! Опять народ смешите, мать…..перемать…

– –Дык все отключено.

Словно в подтверждение этого плакат «Не включать! Работают люди», висевший на тумблере, не по ГОСТУ улыбнулся ГЭ беззубым черепом.

– Но часы-то идут!!! Сам только что видел!

– Да не могут они идти, все обесточено, вырублено! – электрики энергично помахали концами отсоединённых проводов.

– Мужики, только что сам видел. *Идут!*

Толпа страдальцев вынесла своего начальника в коридор и сгрудилась перед часами. Стояли, посменно сбегали покурить и по прочим надобностям, и стояли опять. Странная картина – застывшая группа товарищей во главе с главным электриком гипнотизирует застывшие стрелки. Но вот он, момент истины! Стрелки дёрнулись и отсчитали несколько минут. Полтергейст в советском НИИ. Мало того, в оборонном, секретном НИИ. Запахло не серой, а оргвыводами. В мозгу ГЭ вода в клизме оргвыводов заменилась смесью серной и соляной кислоты.

Глаза ответственного за противодействие иностранной технической разведке светились радостью реального дела и своевременно проявленной бдительностью.

– Так, товарищи. Как показал технический эксперимент, часы сдвигаются оттого, что в проводах их управления наводится электрический импульс. Сейчас мы разбираемся с природой этой наводки в данной проводке. То ли она внешняя, то ли внутренняя. Если внешняя – подключим городское управление. А внутреннюю попробуем вычислить сами. Я тут набросал план замеров

электромагнитных излучений по лабораториям и прочим помещениям, включая все проходящие по помещениям провода…

Начальники отделов тяжело и обречено вздохнули. Все знали, что накопать превышение фонов в лабораториях, забитой аппаратурой, можно без труда. И что теперь? Все рабочие места, комплексы, стенды накрывать медным тазом? Геморрой разрастался до размеров всего НИИ. Нет, но это ж с какой мощностью надо было излучать, чтобы двигать стрелки? Все-таки разрабатывали слаботочную технику (не в смысле точности попадания, а в смысле токов…). Ну не могут микросхемы *так* излучать в эфир, даже самые что ни на есть отечественные. Хотя в каждом отделе был умелец, постоянно паявший для дома-сада какую-нибудь цветомузыку на тиристорах мощностью с ДнепроГЭС, либо супер-электроудочку, способную обезрыбить одноименное же водохранилище. Даже если это не имеет отношения, но всплывёт при проверках? Кому это надо?

В общем, в перерыве в курилке большого начальства ГЭ дали понять, что все отделы разработчиков будут насмерть стоять на том, что импульсы подло наводятся в *его* проводах самостоятельно, потому что они у него ни фига не экранированы, и теперь *ему* придётся *все* кабельное хозяйство перекладывать. Или *быстро* находить истинную причину, не впутывая в это грязное дело остальной коллектив.

Поэтому, получив такой пинок оптимизма и ц/у, уже к вечеру бригада ремонтников остановилась перед дверью лаборатории, находящейся недалеко от проходной. Последовательный поиск указывал, что *это* здесь. В дверь позвонили. Открывший им человек был молча отодвинут в сторону от вектора проникновения. Комнату наполнили мрачные люди, идущие выполнять свой долг. Они держали тестеры и стремянки наперевес. Взгляд их, не суля ничего хорошего, скользил по старым, покрывшимся слоями побелки проводам, тянущимся под потолком. Неожиданно в эту замшелую линию врезалась яркая свеженькая отводка, в другом углу вторая. Проследив, куда они идут, электрики стали недвусмысленно приближаться к хозяину стола, где неожиданно оканчивался провод… Инженер на всякий случай забился за двухканальный осциллограф, изготовленный, наверное, в одном году с часами, и сразу раскололся:

– Это не я! Это специально приходили, я вызвал, он и пришёл, у нас и заявка сохранилась, понимаете, это мы тут перестановку делали

рабочих мест, мне вот и понадобилось сюда перенести. Он сам все сделал, а потом я на месяц в отпуск уехал, не было меня, вот только на днях и вернулся… А что случилось?

Несколько ранее начала всех описываемых событий.

Иван Александрович Пупкин был более известен как Ваня. Молодой ученик телефонного мастера на этом самом НИИ. Но уроки старших товарищей усваивал хорошо. И если с ним поделились мудростью, что по стенам здания за прошедшие пятилетки наслоились километры старых, неиспользуемых проводов, то он сразу понимал, что кусок старой линии при прокладке новой даёт хороший метраж сэкономленной и списанной телефонной лапши. А концу месяца набегает бухточка, которая хорошо обматывается вокруг тела, выносится за проходную и сразу превращается в дефицит, подлежащий обмену на другой дефицит.

Вот и сейчас, рассеяно слушая инженера, просящего перенести его телефонный аппарат в другой угол длиннющей лаборатории, Ваня узрел старый провод, напоминающий телефонный.

Очень уж удачно он шёл. Буквально сделать две врезки по стене и готово, даже не надо отсоединять, возиться с концами – вон, две распредкоробочки призывно выпукляются запылёнными крышечками. Ваня полез на стремянку и приготовился ткнуть трубкой, проверить наличие линии.

– Вжик!!! Пробежал импульс, и часы на фирме отсчитали ещё одну минуту приближения светлого будущего. Ваня неторопливо сунулся, но в ответ уже была тишина.

– Надо бы тестером проверить, – мелькнула у него мысль, и он стал распутывать штекера.

– Вжик!!! Успел проскочить следующий, и целую минуту, пока Ваня измерял на разных диапазонах, провода подло и глухо молчали, как будто замкнув ноль на массу. Такая же картина была и во второй коробочке.

– Готово, распишитесь.

Инженер подмахнул бумажку, не глядя в объем работ и метраж проводов. А по стенам НИИ уже змеилась пересёкшаяся на одном, отдельно взятом номере, телефонка и часовая проводка. И каждый импульс при наборе номера или при входящем звонке ускорял время в одном отдельно взятом кусочке нашей удивительной страны.

P.S. Отдельное спасибо ПВОшнику за высказанные замечания, исправления, добавления по данной истории.

Колонель Волшебная сила искусства

Самое начало восьмидесятых. Славная осень. Здоровый, ядрёный (ну, не совсем ещё) пятнадцатилетний оболтус (я) околачивается у своего подъезда. Подъезжает, как мне в детстве объясняли, самая быстрая в мире машина – военный «козёл». Оттуда выскакивают два солдатика, наш сосед прапорщик Шевчук, и бережно достают укрытое шинелью тело.

Тоже сосед и лучший друг отца, капитан Алипченко… В тот момент я ясно понял, какое выражение лица должно быть у того, о ком пишут, что он «смертию смерть поправ». Это было нечто среднее между покоем, достоинством и выражением «накося, выкуси». Сейчас для этого достаточно показать недоброжелателям средний палец , но тогда этого жеста ещё не знали. В голове у меня услужливо закрутилось утёсовское «А он лежал, шинелкою покрытый…» и ещё какая-то хренотень.

Тем временем, очень осторожно капитанское тело понесли в дом. И тут меня пробило: да это же Шекспир! Финал «Гамлета»! И громко, вслух, я процитировал:

Пусть Гамлета к помосту отнесут,
Как воина, четыре капитана.

При слове «капитан» тело задёргалось. Лицо его изменило выражение на беспокойное, но ненадолго. И тут прапорщик Шевчук, кряхтя, произнёс : «Не капитан. Майор. Он теперь майор Алипченко. Отцу скажешь, что в восемь ждём».

Сильвер Мозговой штурм

Дело было в середине 80-х. Историю эту рассказал мне непосредственный участник и, в какой-то мере, даже инициатор описанных событий. Работал он в то время на одном оборонном предприятии, причём не менее 90% рабочего времени уходило у него на исполнение обязанностей председателя всевозможных технических комиссий. Комиссии эти создавались для расследования причин отказа изготовленного на заводе оборудования. И стояли перед ними две задачи, противоречащие друг другу: доказать, что завод в отказе не виноват, но при этом представить план мероприятий (заводских) по предотвращению подобных отказов в будущем.

Впрочем, как человек советский, он блестяще решал обе задачи – за счёт блестящей аргументации, знания предмета и бутылок с молдавским коньяком убеждал, что виноват Заказчик, а меры по предотвращению заключались во включении в инструкцию к изделию указания, что «Так делать нельзя! Ай-яй-яй!»

В тот раз обсуждение быстро зашло в тупик. На первый взгляд, всё просто, причина отказа известна: контакт сложной формы, состоящий из двух спаянных между собой частей, разваливался на составляющие. Изготовителям было ясно – произойти такое могло только если через контакт шли токи выше критических.

Однако и Заказчику, представителем которого был подполковник-общевойсковик, всё тоже было ясно – токи к критическим даже не приближались, вот запись режимов, вот заключение НИИ, да и простой логики безо всяких НИИ хватит – контакт тот чуть ли не самая устойчивая деталь агрегата; прежде чем он расплавится, половина других устройств сгореть должна была.

Договориться не удавалось. Слишком важна была та деталька и её бесперебойная работа для карьеры подполковника. А даже если пойти на то, чтобы признать вину завода, то надо понять, в чём, собственно, вина. В общем, идей никаких, кризис жанра.

Объявили мозговой штурм. Согласно теории, при мозговом штурме все участники высказывают самые безумные идеи, критика

запрещена, все записывается и анализ начинается только по окончании.

Итак, штурм объявлен, идёт минута, вторая, а идей нет. И тут идею выдал подполковник: а вдруг на заводе диверсия? Ну, тут народ откровенно обалдел, несмотря на разрешение диких идей и запрет на критику. Пошли шутки, реплики, мол, не 37-й год сейчас и т.п.

Видя, что мозговой штурм сейчас накроется, ведущий решил указанную тему обыграть: «Вот вы тут смеётесь, а в самом деле: как бы *вы* сделали диверсию?» Народ на тему отреагировал вяло.

– Динамита в контакт заложил бы, – подал реплику начальник цеха.

– Контакт вместо серебрёной стали из пластика выточил бы, – подключился главный технолог.

– Нет-нет, это все не годится! Так все сразу заметят и насчёт диверсии выяснят! Вы предложите способ, чтобы изделие прошло ОТК, потом отказало, а причину отказа и сам факт диверсии остался бы невыясненным.

Народ призадумался. Посыпались более здравые идеи, но все они были неосуществимы даже на первый взгляд. Постепенно все оживились, вернулся даже некоторый блеск в глазах. И тут к обсуждению подключился Главный инженер. До сих пор он помалкивал, так как назначен был совсем недавно, и в нюансы ещё не вник. Но, видать, и его разобрал общий азарт, он быстро проделал на бумажке какие-то вычисления и выдал свою версию:

– А если мы наш контакт вместо того, чтобы спаивать по всей поверхности соприкосновения частей, спаяем только по краям? Тогда ОТК брака не заметит, измерения сопротивления производятся на малых токах и от плановых отключаться не будут. Зато уже при токах в 20% от критических место спайки перегреется, и контакт развалится на куски.

Народ поутих. Все обсасывали идею. Некоторые сразу повторили нехитрые расчёты. По всему выходило, что такая диверсия была вполне реальна и имела бы шансы на успех. Да, толковый мужик пришёл.

И в наступившей тишине вдруг раздались странные звуки.

Начальник цеха странно скорчился в своём кресле и как-то неприятно посмеивался:

–Хи-хи! Хи-хи! Ик! А мы так и делаем!!!

Оказалось, что месяца три назад была принята «рацуха», согласно которой для экономии припоя и ускорения рабочего процесса контакт было предложено спаивать по краям.

Эмоции подполковника можете представить сами. Однако после энного количества извинений и совместно распитого коньяка, он все же согласился подписать акт, что это был случайный отказ. Но только в обмен на клятвенное заверение, что впредь на его оборудовании никто экономить припой не станет.

А рассказчик потом, разбирая итоги занятий, разработал «диверсионный» метод поиска причины аварий. Теперь, вместо того, чтобы спрашивать «Что случилось? Почему?», он всегда ставил слушателям задачу типа «А как это сделать?»

Сам я неоднократно убеждался в эффективности этого подхода, и от души рекомендую его вам, дорогие читатели.

Горилыч Рыбак рыбака видит

Миша ушёл на пенсию с должности командира БЧ-5 ДПЛ.[123] Сбылась мечта. То, к чему долго шёл, стало явью. Кошмарной. Ибо долгожданной пенсии хватало только на пиво по выходным. Содержать жену и дочь (женильного возраста) в Санкт-Петербурге на эту пенсию просто невозможно. Такова, увы, цена …дцати лет на Севере. После долгих и упорных поисков работы (туда, куда хотел, не брали, куда звали – сам не хотел идти) Миша нашёл то, что его устраивало.

Окончив курсы водителей по категории Д, устроился работать в автобусный парк. И не простой, а обслуживающий туристов. Серьёзных, иностранных туристов и большие поездки Мише не доверяли, но и мотания на трансферах (гостиница-порт-аэропорт) хватало, чтоб удовлетворить требования жены и дочки.

И кого только Миша не возил: и наших и не наших (из тех, что победнее).

И потому китайцы числом 40 человек не вызвали у Миши никаких эмоций. Погрузил у общаги, переделанной в гостиницу, и повёз. В маршрутном листе стоял не вокзал как обычно, а маааленькая такая улочка, в широких кругах туристов не известная. Располагается на той улочке скромная проходная на судостроительный завод. У проходной и выгрузил Миша китайцев.

Миша эту проходную знал как родную – сам не раз через неё ходил на строящуюся лодку. И потому вечером, забирая китайцев у проходной, Миша, будто невзначай, спросил у старшего китайской группы (неплохо, кстати, говорящего по-русски):

– Чего ребята, лодку принимаете?

От этого вопроса глаза китайца распахнулись на европейскую ширину. Быстро справившись с оторопью, китаец что-то понёс в ответ про рыболовный траулер, про какое-то сотрудничество.

– Ладно трендеть, – осадил китайца Миша – я сам дцать лет на лодке механиком прослужил и через эту проходную тоже не раз хаживал. Попасть с неё можно только в достроечный можно, а там сейчас только лодка стоит, мне корешки из приёмки сказали. Да и на

твоих ребятишек посмотреть – какие к монаху под рубаху рыбаки, выправка не та. А запах лодочный от вас – ну ни с чем не спутаешь…

Миша всё верно подметил. Выпуклый военно-морской глаз примечает и замечает всё. Выправка у китайцев действительно не гражданская; молодые, рубашки на них разные, а брюки в один тон и цвет. И старшего своего (вылитый дядька Черномор, только китайского разлива) слушают как-то по особенному внимательно. А запах дизелюхи действительно никаким шанелем не перебить. По всем статьям – свои, братья-подводники. Тока китайские.

Черномор для виду ещё поупирался, но профессиональный интерес взял своё.

– А на какоя лодка ви служили?

– 641-Б и 877 проекты, – ответствовал Миша.

Всю дорогу до общаги Миша и китаец говорили только про лодки. Про дизеля, батареи и трюмные магистрали. Китаец тоже механиком оказался. В общем, нашли друг друга. На прощание китаец вежливо поинтересовался у Миши: с чего это вдруг заслуженный подводник, пенсионер, автобусы водит?

– Хобби, – не моргнув, солгал Миша.

– Хобби, – из вежливости согласился китаец.

На следующее утро Миша был слегка ошарашен тем, что на столе у диспетчера лежала заявка на его автобус ни много ни мало, а от имени военно-морского атташе КНР. Атташе просил руководство парка закрепить Мишу с автобусом за группой китайских товарищей на месяц, (включая и выходные). Сие сулило Мише более чем существенное увеличение зарплаты.

Не дурак китаец оказался. Прекрасно понял, с чего у подводника на пенсии такое хобби. Постарался, как смог.

Миша, естественно, тоже. Вместе с женой разработал программу, и в первую же субботу повёз китайцев в Петродворец. Довольные китайцы бродили по аллеям парка под бдительны оком Черномора. А Миша вместо экскурсовода вываливал на китайцев всё, что раскопал про парк, фонтаны и дворцы. Пришла пора ехать. Погрузились в автобус. Стал Миша выруливать со стоянки – и СТОП. Остановился. Какой-то придурок умудрился оставить новенький «Опель» аккурат на выезде со стоянки. «Морда» автобуса пролезает, а зад – вынос 1,5

метра – фиг. Точно в «Опель» приходится. Пригорюнился Миша. Погудел, может, хозяин «Опелёв» объявится? Да где там.

А сзади Мишу другие автобусы подпирают. Гудят, водители матерятся. А что сделать? Пока хозяин машину не уберёт – не сдвинешься.

Китайский Черномор, поглядев на эту кутерьму с буддистским спокойствием минуты две, встал со своего места и подошёл к Мише.

– Мися, ми посему не ехать?

– Видишь, хрен этот моржовый выехать не даёт…

– А без хрень марзовий ми ехать?

– Ессно!

Китаец повернулся к своим орлам, что-то гаркнул по-китайски – и все сорок, разом соскочив с мест, вышли из автобуса, обступили «Опель», ухватили каждый за что смог, подняли и быстро перебирая ногами потащили завывавшую сигнализацией машину на обочину. И поставили её дверцей водителя у канавки, мордой к одному дереву. Багажником к другому.

В автобус китайцы садились под дружные аплодисменты, переходящие в овацию.

Миша ещё месяц возил китайцев.

А спустя полгода после их отъезда диспетчеру пришла очередная бумага от китайского военно-морского атташе.

Китаец просил парк предоставить автобус на месяц для перевозки китайских товарищей. Но с условием. Водителем назначить Мишу.

Горилыч Великая сила искусства

На Северный флот пришло стихийное бедствие. Из Москвы приехала проверка ОУС (отдел устройства службы). Два десятка лихих «чёрных»[124] полковников с большими совковыми лопатами усердно копались в гарнизонах с целью накопать побольше г… простите, замечаний.

Проверяли всё: как гидросолдат кормят, поят, одевают, е…, ой, извините, воспитывают.

А крайним средством воспитания воина всегда была «губа», гауптическая вахта.

И вот, одного «чёрного» полковника отряжают гауптвахты проверять.

Полковник-зверь. Куда ни приедет – лютует. НСС-ы[125] – самое мягкое, что от него начгубы со свитой получают. Те, кого проверили, пьют валерьянку и дают показания. Прокурору. Те, кого не проверили, правдами и неправдами высылают арестованных в родные пенаты, к чёрту, к дьяволу. Красят, белят, над оставшимися арестованными просто трясутся:

– Товарищ матрос! Товарищ солдат!

Никаких тебе прикладом в спину и обед без ложек пять минут. Короче, на всех «кичах» СФ объявлен технический перерыв.

Кроме одной.

В городе Обморожинск.

Кича эта на всем СФ слыла самой лютой. Её полковник, видно, на сладкое оставил.

Долго ли, коротко ли, но очередь обморожинцев пришла.

Приехал к ним полковник.

Как положено: отход, подход, доклад по форме. Казарма караульной роты, караульное помещение. Но не смотрит на это полковник. Не это его интересует.

– Сколько дисциплинарно арестованных? – спрашивает начгуба.

– Согласно норме, тридцать человек! – рубит, не смущаясь, начгуб.

–Чем занимаются?

– Перевоспитываются согласно Устава: строевая подготовка, занятия…

– Какая строевая? Гусиным шагом – марш? Отсюда и до обеда? – усмехается полковник.

– Никак нет, если желаете, посмотрите сами, – парирует начгуб.

Идёт полковник на плац, и видит: маршем, как на Красной площади, ходит «коробочка», по рангу и жиру вывешенная. Равнение держит. Глазами небо ест.

А руководит парадом выводной. Невысокого росточка. Плотненький. Губари его команды просто ловят.

– На пра-во! На ле-во! Кру-гом!

– И чего, они у вас только плац топтать умеют? – презрительно цедит полковник.

– Никак нет, – отвечает выводной, – ещё и поют.

– А ну, скомандуй!

– Песню запе-вай! – гаркнул выводной. Подобрались губари и запели:

– Мишел май Белл… – и далее, в такт с ногой. Все слова на английском, чётко. Звенит «Мишель» Битловская над строем губарей.

Полковник просто одурел. Дослушал до конца.

– А что ещё они у тебя поют? – спрашивает выводного.

Тот вместо ответа: Номер два! Запевай!

– Естердей тарарирапарпарарам… Поплыло «Естедей». Допели.

– А ещё? – спрашивает полковник, и, как ребёнок на фокусника, на выводного смотрит.

Полковник фанатом битловским оказался. Про все забыл. Не каждый день слышишь любимые песни в таком оригинальном, но, тем не менее, хорошем исполнении. А выводной только номера командует: №3, №4, №5.

– Слушай, боец – спрашивает полковник у выводного, – сколько они у тебя здесь? Третьи сутки? Как? Каким образом? Скажи, ничего не будет! Как ты их научил?

– Силой авторитета!

– Своего?

– Нет. Джона Леннона!

Выпал в осадок полковник. Даже замечаний никаких искать не стал. Ему начгуб для порядка пару от себя придумал. Типа, просрочен

огнетушитель, нет лома на пожарном щите. Уезжал полковник, а вслед ему сводный хор губарей сбацал «Еллоу сабмарин»…

А выводной слукавил. До армии он в своём родном городе, в казино, вышибалой подрабатывал. Там, кстати, и к «Битлам» пристрастился. А ещё имел выводной какой-то немыслимый дан по карате. Доски, кирпичи только что не взглядом крушил, приводя губарей своими показательными выступлениями в состояние близкое к шоку.

Лучше строем «Битлов» петь, чем с этим ниндзей один на один остаться…

А вы говорите – барабан в си-бемоль…

Вячеслав Озеров Боб

Обещал я тут (по просьбам трудящихся) кое-какие геологические легенды привести. Но времени пока нет совсем. То есть абсолютно. И решил я тогда выложить на суд передовой общественности творения моего друга. Мужик он бывалый, рассказать ему есть чего.

К вопросу о тематике. Кто ищет, находит и добывает всё то, из чего потом делают всю эту хрень, которой военные пуляются во все стороны? Геологи. А ещё им иногда дают всякие ружья и карабины с наганами, с которыми они бегают по лесам, являя собой готовые партизанские кадры. Так что, кто скажет, что геология к армии отношения не имеет, тому по башке каёлкой.

Sovok

Между собой мы называли его Бобом, а в глаза – Боб Санычем. Не знаю, откуда взялось это прозвище, может быть, он сам его и придумал.

Про Боба, нечасто бывавшего трезвым тщедушного мужичонку с узким скуластым лицом, в тяжёлых очках и неизменной чёрной шляпе, среди геологов нашей северной экспедиции ходили легенды. Всю жизнь он занимался поисками, разведкой и добычей благородных металлов на обширном пространстве от Урала до Чукотки. При этом должности он занимал самые разные – от техника до главного геолога и директора прииска, причём около двух десятков раз пересчитывал собственными рёбрами все ступеньки карьерной лестницы и вновь молниеносно взлетал по ним на самый верх.

Меня, только что прибывшего на место службы молодого специалиста, познакомили с Бобом, когда он едва выкарабкался из очередного запоя в почётной должности старшего техника-геолога. Через неделю-другую, убедившись, что «выйти из запоя» означало для него выпивать за вечер не больше двух бутылок портвейна, я решил для себя, что этот человек кончит свои дни в каком-нибудь бичёвском кильдыме. И ошибся. Почаще бы так ошибаться! Впереди у Боба был

самый замечательный взлёт, или, если хотите, его по-настоящему звёздный час. Впрочем, «высоких» слов он никогда не любил.

В начальники Боб никогда не рвался. Очередную почётную запись в трудовой книжке ему подносили, можно сказать, на блюдечке с золотой каёмочкой, без всяких с его стороны усилий в этом направлении. Как-то так случалось каждый раз, что за полгода-год, пока он, попивая «в разумных дозах» любимое вино, отдыхал от многочисленных начальственных забот на описании керна или документации канав, начинал гореть план по добыче или приросту запасов драгметаллов. На полторы тысячи километров в округе каждая собака знала, что выправить положение сможет только Боб.

В таёжную глухомань, где на буровой счастливо сибаритствовал, охмуряя очередную коллекторшу, наш герой, на вертолёте засылались гонцы с ящиком коньяка. Этот напиток Боб очень уважал, говорил, что выпил за свою жизнь не меньше цистерны, и добавлял: «И заметьте, всё на халяву! Дорогой он, зар-раза!» Упирался он обычно недолго. «Брали» его всегда на жалость: «Борис Александрович, второй квартал люди сидят без премии! А им же надо детей кормить!» А людей (и особенно детей) он очень любил и жалел.

Был у него какой-то чудесный нюх на золото и платину. Я сам в этом убедился, когда наш главный геолог, почувствовав, что я вот-вот сбегу с осточертевшей бездумной документации керна куда-нибудь на БАМ (так оно и случилось потом), выдал мне на откуп в полное распоряжение золотой участок и, чтобы я уж очень там не накуролесил по молодости и по глупости, выпросил у начальника соседней экспедиции на неделю Боба «для консультаций». Естественно, всю неделю, пока буровики осваивали новый разрез и выдавали керн по двадцать сантиметров за смену, мы с Бобом глушили традиционный портвейн.

В последний день командировки я его обидел, вслух предположив, что никакого золота здесь, наверное, и в помине нет.

– Как это нет ?! – встрепенулся он. – Это же моя рекомендация! А ну, пошли!

Заставив меня взять на буровой кувалду, Боб нетвёрдым, но быстрым шагом засеменил по редколесью, где между сосен тут и там из-под полуперепревших иголок выглядывали глыбы рыжеватого от гидроокислов железа жильного кварца. Часа два я таскал за ним эту

проклятую кувалду на восемь кило, и уже хотел послать всю затею к чёртовой бабушке, когда Боб вдруг остановился и, не нагибаясь, внимательно пригляделся к одной из глыб.

– А ну-ка долбани, студент, вот по этой, – показал он пальцем.

На втором замахе Боб меня остановил сердитым криком:

– Ты чего, парень, слепой что ли? Чуть мне музейный образец не ухряпал!

Действительно, образец был шикарный – на сколе желтели с десяток крупных пластинчатых золотин.

После его отъезда я чуть ли не каждый день ходил в этот лесок и часами долбил кварц, разглядывая обломки в десятикратную лупу, но так и не нашёл ни одного даже микроскопического золотого зёрнышка.

Рассказывали, что однажды Боба попросили соседи с платинового прииска подыскать богатый участок. Кровь из носу надо было поставить одну драгу на капитальный ремонт, а как при этом выполнишь план? Боб приехал, два дня с утра до ночи лазил по округе с лотком, потом вытащил из кабинета директора прииска и привёл его к сухому логу.

– Вот сюда, Петрович, затащишь свою самую мелкую посудину. Когда она доползёт вон до той скалы, можешь спускать её в долину – больше тут нет ни хрена.

– Ты чего, Боря, совсем уже того…, – чуть не заикаясь, возмутился директор. – Как же я её подыму, на такую высоту? Тут же ни капли воды! Ты бы ещё на самом гольце местечко приискал!

– Затащишь, если захочешь! – усмехнулся Боб. – Соберёшь всю свою кодлу, у тебя, небось, человек семьсот с семьями наберётся? Пару раз пописают – и хватит на неделю.

– Ну ты ладно шутки-то шутить! – обиделся директор. – Я ж тебя серьёзно просил…

– А я и не шучу, – продолжал ухмыляться Боб, – подымешь сюда свою «малютку», и можешь хоть два больших корыта на полгода на прикол поставить. Богатая россыпуха! А с водой – это уже твои заботы. Пара километров труб – не такая уж проблема.

Сказал и уехал, наотрез отказавшись и от коньяка и любимой баньки.

Директору было жутковато затевать это дело: и так-то план по всем швам трещит, а тут полмесяца одну драгу придётся вхолостую

поднимать в этот проклятый лог, в котором, как утверждал главный геолог прииска, никто ещё ни разу не находил ни одного зёрнышка платины… Да ещё и трубы надо где-то доставать, мощные насосы, провода тянуть… Но положение было настолько безвыходным, а авторитет Боба настолько непререкаемым, что уже на следующее утро он отдал все необходимые распоряжения по перебазировке.

Через несколько месяцев возле буровой, чуть не на шляпу сидевшего на керновом ящике Боба, приземлился Ми-2, а потом две с половиной недели на прииске Боба поили коньяком, кормили паюсной икрой, парили в бане и всячески ему угождали. А особенно старалась дородная повариха, приютившая его в своей холостяцкой квартире…

«Малютка», поднятая в тот самый сухой ложок, за квартал сделала годовой план всего прииска!

А может, и вранье это все, легенда. За что купил, за то и продаю. Сам Боб ничего мне об этом случае не рассказывал.

А рассказчик это был просто удивительный. Любая вечеринка, любое застолье с его участием превращались в спектакль одного актёра, причём никому даже в голову не приходило перебить своей историей этот тихий, с длинными паузами монолог бывалого человека. Как я жалею, что не записал тогда ничего на магнитофон! Кое-какие сюжеты ещё помнятся, а вот голос, интонации, детали, в которых, собственно, и заключался основной смысл, совсем забылись. Смех вспыхивал чуть ли не каждые полминуты, но чем таким особенным он мог нас смешить – ну хоть убей, не помню.

Как-то раз Боб заявился к нам в камералку с журналом «Роман-газета» и, небрежно кинув его на стол, как бы между прочим, сообщил:

– Тут мой кореш, Олежка Куваев, роман накарябал… Правда, он все переврал и перепутал, но почитать можно…

Заметив, что всех гораздо больше заинтересовало, сколько бутылок портвейна рассовано у него по карманам, Боб повторил раздражённо:

– Нет, мужики, на самом деле стоит почитать!

А когда наш главный геолог, человек очень практичный, начал ощупывать ладонями круглые бугры, торчащие из-под его плаща, он и вовсе озверел:

– Шесть штук, всего шесть, успокойся, Эдик! Вы что, засранцы, не поняли?! Первая хорошая книга вышла про геологов, а они горлышки считают!

Роман назывался «Территория», все потом им зачитывались, а для меня эта «Роман-газета» стала просто настольной книгой на два десятка лет.

Подробно расспросив в следующую встречу что там Куваев переврал и что перепутал, я поинтересовался у Боба: а чего бы ему самому не написать роман или хотя бы десяток рассказов?

– Пробовал, – грустно ответил он. – Положу перед собой лист бумаги, ручку, сижу несколько часов и пялюсь на них. Столько пикетажек исписал, столько отчётов составил, докладных, рапортов всяких… А тут ни строчки из себя выжать не могу. Раз пять от такой беспомощности в глухие запои уходил… Больше не рискую.

Боюсь пересказывать его истории – это надо было слышать. К тому же, столько людей за прошедшие годы рассказывали мне подобные байки у таёжного костра, в балке у буровой, на устье разведочной штольни, что можно легко ошибиться с авторством. Пожалуй, только одну историю не мог рассказать никто, кроме Боба – просто у меня не было других знакомых, которые бы когда-либо трудились директорами приисков.

Прииск работал нормально – план перевыполняли, уже год не было ни одного серьёзного ЧП ни на производстве, ни в посёлке. И вдруг Бобом всерьёз заинтересовались «органы». Возвращаться на Колыму, тем более под охраной, как-то не хотелось. И в чем подозревают – непонятно. Хотя, с этим-то как раз в те времена было просто: мало ли кому на ногу мог наступить. Одна анонимка – и ты уже лагерную баланду хлебаешь…

Порасспросил Боб знающих людей, собрал всё, что надо в дальнюю дорогу, и приготовился к аресту. Хотя, как к этому приготовишься! Несколько ночей не спал, вздрагивал от каждого шороха…

– Знал бы ты, как я тебе завидую, студент, – как-то заявил Боб за бутылкой вина на моем золотом участке, – вот ты во все горло орёшь, что Брежнев из ума выжил, а у меня аж все внутренности вниз опускаются от страха, оглядываться начинаю… А чего, кажется, в мои годы уж и бояться-то? Нет, пока наше, насмерть испуганное поколение

целиком не вымрет, никаких перемен в этой стране не будет. Вся надежда на вас, щенков.

Вызвали, наконец, Боба «куда следует» и дали три дня, чтобы разобраться, почему за последние два месяца постоянно снижается средняя пробность сдаваемой прииском платины.

Это было, как гром среди ясного неба. Десятилетиями добывали здесь платину и каждому мальчишке было известно, что она практически не содержит примесей. Значит, действительно диверсия!

Три дня Боб проверял всю цепочку от драги и промприборов до посылочного контейнера, сам чуть не по зёрнышку перебрал под микроскопом отправляемый металл, но из города сообщили, что проба стала ещё хуже. Двое в штатском буквально ходили за ним по пятам, даже в туалете велели дверь не закрывать, так что если бы ему пришла в голову мысль покончить с собой, то это вряд ли удалось бы сделать.

Спасла Боба, да и не только его одного, обыкновенная женская болтливость.

Кроме добытой на прииске, контора принимала платину от старателей, семьями или в одиночку намывавших её на отработанных полигонах или по мелким ложкам, в которые не залезешь ни с драгой, ни с громоздким промывочным прибором. По инструкции было положено весь старательский металл проверять, а инструкции тогда выполнялись неукоснительно. Лаборантка рассыпала сдаваемую платину ровным слоем и капала из пипетки царской водкой на каждое зёрнышко. Если через полминуты кислота не запузырилась, не запенилась, значит металл чистый. Не было случая, чтобы кто-нибудь принёс засорённый шлих – в посёлке вряд ли можно было найти такого человека, кто бы не отличил платину от других тяжёлых минералов.

В этот день лаборантка уже заканчивала приёмку у последнего старателя – старого лысого деда с перепутанной, заплесневелой бородой, от которого за полверсты разило ядрёным потом и недостоявшей брагой. Убедившись, что пузырьков нет, она уже хотела ссыпать платину в чашку, но не успела – позвали к телефону «по срочному делу». Потом, на перекрёстном допросе и очных ставках выяснилось, насколько срочным было это дело – просто болтали о том, о сем с подружкой почтальоншей. Целых пять с половиной минут! И

это в рабочее время! Когда она вернулась, то не поверила своим глазам – все до одной капельки кислоты вскипели.

Деда, конечно, сразу взяли «под белы ручки». На допросе он рассказал, что, копаясь в огороде, наткнулся на кусок старого то ли жернова, то ли диска от какой-то машины. Отволок его на межу и бросил. От удара об камень от этой штуки откололся небольшой кусочек и как-то знакомо блеснул на свежем сколе. Дед заинтересовался, ударил обухом кайлушки и осколок рассыпался на мелкие зёрнышки, похожие на шлиховую платину.

В первый раз он добавил к намытой им на проходнушке платине всего пару зёрнышек. Пролезло. Добавил ещё десяток. Приняли. Ну а в тот день, когда его застукали, в принесённой им в контору чекушке вообще не было ни одного зерна платины.

Деда, конечно, посадили. Ни в посёлке, ни в суде никто не поверил, что человек, который сызмальства промышлял старательством, не смог отличить платину от зёрен какого-то там, как сообщили «органы», легированного чугуна. Самое интересное, что Боб божился: не бывает такого чугуна, который две минуты мог бы сопротивляться царской водке.

Самое большое в своей жизни открытие Боб сделал, когда его впервые понизили не до геолога или техника, а до рабочего четвёртого разряда. Про крупное месторождение золота, которое он нашёл чуть ли не в самом геологическом посёлке экспедиции, до сих пор пишут, что оно относится к новому, неизвестному ранее, «нетрадиционному» типу. Это была настоящая слава с многочисленными интервью в газетах, на радио и телевидении, с вояжами в столицу края и Москву, с очередной цистерной коньяка…

Только значок первооткрывателя месторождений так и не довелось Бобу поносить. Убили его. Ножом. По дороге домой. Не знаю, кому мог перейти дорогу этот добрейший, весёлый и жизнерадостный человек?

В последнюю нашу встречу было выпито немало вина, рассказана не одна история. Только нам с товарищем в этот вечер было не до смеха – какие-то неприятности по работе не давали расслабиться. Боба уложили в спальном мешке на полу. Целый час он не давал нам уснуть – все ворочался, кряхтел, ругался вполголоса, двигал спальник то в

один угол, то в другой, пока я его не спросил несколько раздражённо: уж не блох ли он нам притащил?

– Да нет, – ответил он на полном серьёзе, – никак не могу понять, где у вас здесь север? Не могу спать поперёк магнитных линий!

Когда мы отсмеялись, Боб уже спокойно посапывал носом во сне. Цели он своей добился – рассмешил-таки нас напоследок.

Ветеран СГВ Трудности перевода

Обсуждение историй про военных переводчиков и особенности синхронного перевода на разные дикие языки навеяло мне одну байку, рассказанную лет двадцать назад одним моим знакомым. Он, как выпускник ВИИЯ,[126] получив лейтенантские погоны, поехал в Алжир служить тем самым военным переводчиком. С французским языком.

Однажды проходил какой-то очень важный приём, на котором присутствовали наши, алжирцы и французы. Возможно, что были и другие братья по оружию, но это не важно. Важно то, что наш герой был приставлен к некоему нашему генералу, дабы ему всю эту вражью речь переводить на русский, а генеральский бред, соответственно, на французский.

Сначала генерал был довольно вменяем, говорил много, переводчик успешно переводил. Потом лампасник милостиво отпустил лейтенанта поесть-попить, попутно заметив, что говорить он боле не намерен, а намерен принять на грудь. Чем наш герой и воспользовался, успев употребить немало вкусных спиртных напитков.

И вот когда приятное алкогольное тепло уже изрядно распространилось по телу, лейтенант обнаружил своего генерала, требующего переводчика к себе. Дабы совместно произнести тост. Это был кошмар, ибо генерал говорить внятно уже не мог, да и переводчик внятно переводить тоже. «А ведь выдерут-то меня! – пронеслось в голове, – скажут, что не справился!»

Решение в отравленном алкоголем мозгу появилось неожиданное, но верное. Точнее, это был заранее спланированный экспромт, подготовленный ещё в институте. Там будущих переводчиков кто-то умный заставлял наизусть заучить несколько длинных хороших тостов на вражьем языке, причём заучить до автоматического состояния. Мол, пригодится, когда попадёте в «ситуацию».

И вот, генерал несёт пургу, русские благопристойно молчат, а переводчик, слегка покачиваясь, вдохновенно на языке Мольера и Руссо на полном автопилоте произносит упоительно красивый тост,

прерываемый иногда вежливыми аплодисментами франкоговорящей аудитории.

Наконец, тост закончился, переводчик сорвал шквал оваций, и, уходя в алкогольную нирвану, запомнил почему-то ошалевшие глаза алжирцев и гогочущие рожи французов.

Объяснение феномена случилось наутро, когда кто-то из знакомых французов пересказал ему вчерашнее выступление. «Тост был прекрасный, mon chere, но какого такого пуркуа ты постоянно обращался к аудитории «Дорогие вьетнамские друзья!»?

Utburd Как это было

Он родился в 1919 году, в Бахмаро. Революция ещё гуляла по Грузии, но уже выдыхалась. Он рос как обычный бичико[127] в семье, корни которой восходили к смутному 15 веку, когда основатель рода Георгий, последний раз посмотрев на сожжённую деревню и вырубленные турками виноградники, без лишних раздумий взял оружие, собрал уцелевших и ушёл в горы. Его потомки буднично партизанили и резали турок вплоть до того момента, как с севера пришли русские и своими штыками вышибли оттоманов с Кавказа. Тогда семьи спустились с гор, вновь посадили виноградники. Мужчины рода всегда помнили о прошлом, поэтому воинскую службу царю принимали как должное.

Верный памяти крови, он не мыслил себя невоенным. В 16 лет, сбежав из дома, на перекладных доехал до Ленинграда, где, добавив себе два года, поступил в танковое училище. С лейтенантскими кубарями вошёл в Финскую, хотя, что бы, казалось, ему, грузину, до той Финляндии? С мясом, с кровью вырывал у финнов куски *нашей* территории. Не рефлексируя, зная, что надо.

Потом – обморожение, госпиталь. В 41-м – курсы повышения квалификации, уже после начала войны в Воронеже, переброска в Москву, на новенькой 34-ке ещё с 76-мм пушкой – на парад 7 ноября, и маршем – на немца, который уже почти добрался до сердца страны. Танки жили тогда гораздо дольше экипажей, но ему везло, везло, наверное, из-за безбашенности какой-то. Толком даже без ранений прошёл год, тяжёлый, в мазуте, соляре, пороховых газах, которые не выветривались из танка, с постоянным матом, «шени деда мовтхан, мама дзагли!», с редким отдыхом. Везение закончилось, немецкий подкалиберный снаряд прошил танк, и кусками обшивки ему снесло полчелюсти, контузило дико; он, срывая ногти, смог открыть люк и выволочь на себе раненого, но живого механика. Немного везения у него все-таки осталось – его подобрали свои.

Она была с Дальнего Востока, дочь цыгана и забайкальской казачки. Отца, работавшего рабкором, перевели в Москву, неожиданная удача! Столица! Они поселились в центре, в коммуналке.

Школа, кино, каток, замуж за одноклассника, красавца Славку, и – война. Эвакуация, прыгающие руки мужа, собирающего чемоданы, мама остаётся, отец ушёл в ополчение, но у мужа какая-то болезнь (при папе-враче), на фронт не берут. Теплушки, Новосибирск, там – ты подлец, страна в опасности, а в ответ – дура, жить хочется! Развод, курсы санинструкторов, и со сформированными сибирскими полками – обратно в Москву. «Всё, гвардеец, в пути изведай, холод, голод, смертельный риск, и героем вернись с победой в славный город Новосибирск…» И ей тоже везёт: девчонка, хрупкая, таскает на себе здоровых сибиряков – дочка, брось меня! – в снегу, крови, по трупам, под пулями – родненький, ну потерпи! – только бы до своих, до врачей дотянуть… Лимит везения кончился, в окопе их оставалось человек 10-15 от роты, а немцы прут, понимаешь: либо ты, либо тебя, и: «За Сталина, бля! Вперёд!» И девчонка, 20 лет, из забитого трупами окопа, хрен его знает с каким оружием в руках, что-то подобрала, наверное, понимая, что если не они здесь – тогда все, этих тварей уже никто не остановит, перелезает через бруствер и ловит лицом, грудью осколки от миномётной мины. Видимо, чуть-чуть везения оставалось и у неё – осталась жива и подобрали её тоже наши.

Они познакомились в челюстно-лицевом госпитале. 40 пластических операций у неё, чуть больше – у него. Её больше на фронт не брали, он пробил все-таки себе направление, упорный был. «Конечно, встретимся, вот война кончится, вот победим, мы ведь обязательно победим!» В шесть часов вечера после войны…

Все-таки они были везучие. Он дошёл до Силезии, был ещё ранен, войну закончил капитаном. После Победы приехал. Она дождалась его, хотя писем почти не было, верила и ждала. В 46-м они поженились. За год до свадьбы вернулся её отец, живой, единожды за всю войну раненый в ягодицу – он вполоборота поднимал людей в атаку. Он часто потом подкалывал дочь и зятя – мол, фигли вы, дурни, мордой вперёд на врага пёрли? У них родились две дочки. Ждали третьего ребёнка, он хотел мальчика, верил, что на грузинской земле она родит именно сына. Рожала она в Кутаиси; тогда майор Советских войск мог позволить себе отправить жену рожать на Кавказ. Мальчик не родился. Родилась моя мама.

Бывший Мент Штабной и «Лезгинка»

Штабных не любит никто. Нет, наверное, сами штабные и их родственники любят. Но те, чью деятельность они (не родственники, а штабные) проверяют, направляют и усиливают, нежностью к работникам штаба не лучатся. Антагонизм сей родился не вчера; ещё поручик Ржевский в незабвенном фильме заявил: «Опять штабной? Прислали б водки лучше!»

В 1996 году начальником ГУВД Санкт-Петербурга стал Анатолий Васильевич Пониделко, друг и однокашник министра внутренних дел Куликова, отставной пенсионер славных внутренних войск. У руля питерской милиции этот товарищ простоял полтора года, заслужив у подчинённых ласковые прозвища «вредитель» (за свою деятельность), «горбатый» (за особенности осанки) и «Тампакс» (за указание женщинам-сотрудникам иметь указанный предмет в «тревожном» чемоданчике). При нем-то и расцвела пышным цветом деятельность штаба ГУВД, который высочайше повелевалось считать Самым Главным Подразделением. Уголовный розыск, следствие, участковые инспекторы, служба БЭП, ППС[128] и ГАИ, как выяснилось, представляли собой сборище никчёмных людишек, которые лишь благодаря беззаветному подвижничеству штаба хоть как-то оправдывали своё существование. Забросив все текущие дела, милиция писала планы на день, неделю, месяц, квартал и год, ходила с песнями на строевых смотрах и сдавала проверки. Штаб торжествовал и упивался всевластием.

Летом 1997 года я, сидя в кабинете, допрашивал вора, попавшегося при неудачной попытке смыться из «выставленной» им квартиры. Жулик был интересный, ранее неоднократно гостивший у «хозяина», и то, что эпизод, на котором он спалился, в его биографии явно не единственный, сомнения не вызывало. Как это ни удивительно, как раз с такими легче устанавливается необходимый психологический контакт, без которого допрос превращается в тупое записывание отмазок задержанного. Но в тот раз с этим самым контактом было в порядке, злодей начинал колоться ещё на несколько аналогичных подвигов в районе, и я с тоской думал, что сегодня домой

добраться уже не судьба – его нужно будет везти проверять показания на месте, а это значит – искать транспорт, конвой, понятых, затем несколько часов кататься по обворованным квартирам, писать, фотографировать и прочее, и прочее, и прочее.

Тут-то и распахнулась без стука дверь в кабинет, и на пороге возник он. С первого взгляда стало ясно – *штабной* . Шитая фуражка-аэродром едва не цеплялась за притолоку дверного проёма. О стрелки на брюках можно было точить карандаши. Вышитые три маленькие звёздочки на каждом погоне свидетельствовали о том, что их владелец гордо несёт по жизни специальное звание старшего лейтенанта милиции. На выглаженном кителе сверкал ромбик Академии МВД. В начищенных ботинках отражалось его смуглое, гладко выбритое лицо.

Я, будучи следователем, капитаном юстиции, форму держал в шкафу и надевал её на День милиции, ну и изредка в случае каких-нибудь служебных бедствий, а в тот день, как обычно был в «гражданке».

– Штаб ГУВД, старший лейтенант милиции Мирзоев! – с лёгким акцентом «лица кавказской национальности» отрекомендовался вошедший. – Прошу предъявить жетон, служебное удостоверение и оружие. Затем к осмотру ящики стола и сейф.

– Будьте добры, подождите в коридоре, – попросил я его. – У меня проводится следственное действие, я веду допрос и прерывать его из-за проверки не могу.

– Вы что, не поняли?! Штаб ГУВД! Немедленно предъявите жетон, удостоверение, оружие, ящики стола и сейф к осмотру! – и глаза у него засверкали, и голос на тон повыше стал.

Задержанный с интересом смотрел на происходящее, ему это как бесплатная комедия перед долгой дорогой. Меня же, честно говоря, бесцеремонность этого хлыща заела. Обычно в таких случаях я, чтобы не тратить время, показывал все, что требовалось, лишь бы отстали. Но, не желая в глазах вора выглядеть не следователем, а пешкой, решил пойти на принцип.

– Удостоверение на право проверки, пожалуйста, и ваше служебное удостоверение предъявите, – сказал я проверяющему.

С брезгливой миной, закатив глаза, тот полез во внутренний карман кителя.

Порывшись там секунд 30, полез в другой. Потом стал шарить по наружным боковым карманам. Затем – в карманах рубашки и брюк. После этого, в ускоренном темпе проделал все манипуляции ещё и ещё. Я, поняв в чем дело, с интересом смотрел на него. Задержанный, тоже догадавшись, хихикнул.

– Нету… – с тоской произнёс старлей. – Я его, наверное, в куртке оставил. Ладно, не нужно ничего от вас, – и он развернулся к двери.

– Э нет, стоять! – я забежал и преградил ему дорогу к двери. – Сядьте-ка вот тут на стульчик и посидите, пока мы разберёмся! Вы, может быть, чеченский боевик, откуда мне знать, а? Или разведчик азербайджанский?

Несколько минут старший лейтенант бухтел и грозился всевозможными карами, но прорваться к двери, будучи значительно меньше меня габаритами, не смог и плюхнулся на стул. Задержанный уже откровенно ржал в голос. Я стукнул кулаком в стенку, и из соседнего кабинета пришёл дознаватель Коля Величко. Я попросил его постеречь старлея и жулика. Меланхоличный и вечно невозмутимый Коля не удивился и застыл у двери, а я ссыпался по лестнице в дежурную часть. Оперативный спел мне грустную песню про подлеца-проверяющего из Штаба, исписавшего недостатками половину своего гроссбуха. После того, как я поведал ему про отсутствие у «ковыряющего» документов, в глазах дежурного появились злорадство и хищный блеск, и он позвонил начальнику отдела, который, сидя в кабинете, уже представлял, что ему скажет на утреннем совещании руководство РУВД по результатам проверки. Начальник отдела забрал штабиста из моего кабинета и увёл к себе. Там они созвонились с руководством проверяющего и договорились: мы молчим про отсутствие документов проверяющего, они докладывают о замечательной организации службы и хорошем порядке у нас в отделе.

На следующее утро, вернувшись с совещания, начальник отдела зашёл ко мне и поведал, как руководство РУВД топало ногами на другие отделы, где проверка выявила кучу недостатков. Наш же отдел проверяющие отметили за организацию и несение службы на должном уровне, а особенно – за высокую бдительность сотрудников!

Начальник отдела презентовал мне бутылку «Лезгинки», которую в тот же вечер мы с ним и распили.

Rembat По следам рассказа о разведчиках.

Как это трогательно: не убить врага, а подарить ему жизнь, да ещё и с позорными для того подробностями. Вот только насколько чаще другие истории на войне происходили…

Не байка, правда натуральная, такая, что правдивей некуда. Никаких эмоций, просто, чтоб расставить акценты по поводу внезапной встречи с врагом на войне.

Сентябрь 41-го. От батальона военно-морских строителей осталось 14 человек. 12 матросов, старшина и зампотех, военинженер 3-го ранга (капитан). Бредут в сторону Ленинграда из-под Ижор. Окружение. Не диверсанты, а стройбат. На 14 человек – браунинг у командира, одна (*одна*) винтовка-трёхлинеечка с десятком патронов и с пяток ножей. Даже лопат с собой не несут. Разведка? А на хрена, и так ясно: вокруг – немцы.

Но все-таки надо иногда почётче знать, где именно. Человек пять ползли и озирались.

В какой-то момент стройбатовцы-разведчики недоозирались. Вышли на полянку, не успели завалиться отдохнуть – три немецких солдатика выходят на ту же полянку, винтовочки за спиной. И идут прямо к ним, ничего не боясь. Унтер-офицер немножко по-русски говорил. Не, никаких «хенде-хохов». О, говорит, рус! Матросен? Плен – давай! Пойдём-пойдём. Плен – хорошо. Война – конец. Господин официер – в офицерский лагерь (тут унтер с некоторым сомнением посмотрел на семитский профиль советского офицера, но решил пока не обострять). Лагерь – хорошо. Сигареты! Мыло дадут!

Похоже, именно это мыло и решило их судьбу. Старшина возмутился:

– Не, ну нихрена себе! Товарищ командир, да за кого они нас принимают?

– Давай, ребята, – сказал угрюмо командир.

Немцы от изумления даже не сопротивлялись. Их повалили, крепко испинали, отобрали винтовки, связали ремнями. Командир по-немецки свободно говорил, диплом переводчика до войны имел. Допросил их, выяснил, что остальные немцы – километрах в двух. А

дальше? А что дальше… Группе надо к Ленинграду прорываться. Не тащить же немцев с собой. Отпустить – через сколько времени их всех перестреляют? Полчаса, час?

Значит, эти немцы здесь, на полянке, и останутся. Расстрелять? Во-первых, патронов, даже с учётом трофейных, мало до слёз. Во-вторых, шум ну совсем не нужен.

– Режь!

Легко сказать… Не диверсанты они, не урки какие. Строители, хоть и в тельниках. Ни один из них ещё человека даже из огнестрельного оружия никогда… Но своя-то жизнь дороже. Жребий кинули.

Одному немцу повезло – как-то удачно его старшина ножом ткнул. Сразу умер. Двое других тяжело умирали. Одного из них минут десять никак не мог матросик к богу отпустить. Руки у матросика дрожат, слезы из глаз – градом. Он потом месяц по ночам кричал. Остальные всё боялись, что немцев он накличет. Пронесло.

Вышли они к своим. Всей группой, потеряв только одного матроса. В ноябре вышли. Неву форсировали. Это они знали, что к своим плывут. А свои откуда знают, кого там черт несёт вплавь через ледяную Неву? Вот того матроса своя пуля и достала. Остальные – живы.

P.S. Я как-то спросил своего деда, инженер-полковника в отставке:

– Дед, а ты лично на войне хоть одного немца убил?

Дед (шесть орденов, 19 медалей) поморщился. Он всю жизнь строил, от дзотов и береговых батарей до многоэтажных домов и театров; вот об этом он любил рассказывать.

– В одного как-то из пистолета попал. Убил, ранил – не знаю. Что я, проверял, что ли? Того немца я и не запомнил. А вот приказ мне однажды пришлось отдавать страшный…

Замполит Сага о Лётчике-Герое

Виталий Дмитрич был не только популярным приключателем, но и весьма склонным к различного рода экстремальным мероприятиям гражданином. Одно время он прыгал с парашютом, но вскоре нашёл себе новую игрушку – Чкаловский аэроклуб, где и приступил к освоению неба посредством деревянного фанероплана с полотняными крыльями. Точно можно сказать, что этот фанероплан бомбил ещё немецкие позиции, хотя знатоки спорили, какие именно – времён Второй или Первой мировой войн. Тем не менее, Виталий Дмитрич в сопровождении лётчика-инструктора потихоньку поднимался в воздух, двигал рычагом и педалями, осваивал премудрости рысканья, крена и тангажа. Надо сказать, что он вполне успешно освоил сей чудо-пепелац и даже очень полюбил катать на нем пассажиров, избранных для жертвоприношения богам воздушного океана. Пассажиры приземлялись зелёненькие, и считалось везением не покушать перед бесплатным полётом.

Справедливости ради необходимо сказать, что катания эти закончились после того, как на должность пассажира был назначен заместитель Виталия Дмитрича, главный инженер автоотдела фирмы Борис. Прибыв в сопровождении Виталия Дмитрича на аэродром в Тушине, Борис о чем-то перекинулся парой слов с инструкторами и с обречённым видом полез на пассажирское место. Пассажирским местом в аэроплане считалось заднее, в учебных полётах там летал инструктор; Виталий Дмитрич успешно поднял свою этажерку в воздух и убыл в назначенный квадрат для производства фигур высшего пилотажа. Однако внезапно он понял, что самолёт не слушается управления, а потеребив ручки-педальки, с ужасом осознал, что пассажир успешно перехватил инструкторское управление, и теперь всё находится в его руках… Фанероплан же начал совершать в небе невиданные эволюции, и, продемонстрировав исключительную пилотажную технику и определённую воздушно-гусарскую лихость, приземлился на лётном поле, выгрузив зелёненького Виталия Дмитрича, который, к счастью, не покушал перед вылетом. Чуть позже выяснилось, что в своей прошлой жизни Борис был лётчиком-

истребителем первого класса и перед вылетом просто показал инструкторам свои документы.

Srt Спасённый

Учения были в самом разгаре.

Андрей уже второй час сидел, стараясь сохранить равновесие, на маленьком, сколоченном из досок плотике ровно посредине пруда, и ждал, когда вертолёт прилетит его спасать. Было жарко. Солнце припекало, и выданные для более достоверного изображения рыбака рыбацкие штаны – резиновые, по грудь, с приклеенными сапогами и двумя лямочками – стали изнутри скользкими от пота. Спасение должно было состояться довольно скоро. Уже побегали с носилками через густые клубы дыма «мишки Гамми» – жертвы, вынужденные на жарком солнышке носиться в напяленном второпях защитном костюме полной изоляции – резиновом гондоне с окошком и клапаном выпуска выдыхаемого воздуха. Клапан по традиции срабатывал кое-как; после первой минуты пребывания человека внутри костюм ощутимо надувался и мешал ходить. Сидеть, лежать и ползать он мешал тоже. Напряжения добавлял лежавший на носилках и изображавший пострадавшего коллега. Его шёпот «Только не навернитесь, только не навернитесь» был слышен даже через маску дыхательного «Ауэра». Нести старались аккуратно.

Андрей наблюдал все это, в душе радуясь тому, что при распределении ролей отхватил самое спокойное место. Вода, свежий воздух, а главное – кругом никого. Сиди себе, покуривай, да жди вертолёта. Дел по его прибытию тоже немного. Во-первых, дождаться, когда спустят трос. Во-вторых, от троса вовремя увернуться, чтобы не треснуло накопившимся на вертушке статическим электричеством, а всё оно ушло в воду через специальный линек-громоотвод. В-третьих ,накинуть пристёгнутую к тросу беседку-«косынку» и расслабиться. Все остальное должен был сделать вертолёт, а именно – спасти несчастного рыбака (Андрея) с льдины (плотика), пронести его, висящего на тросе, мимо трибуны наблюдателей и уволочь подальше от полигона, к лагерю, где парни, не задействованные в показухе, уже заканчивали нарезать закуску.

А вдали уже стрекотала родная «бОшка». Андрей приподнялся, насколько позволил пляшущий плотик, и начал, вяло махая руками,

изображать терпящего бедствие рыбака. Настал его звёздный час. Машина с высунувшимся из двери выпускающим зависла, покачалась вправо-влево, снизилась. Из чрева её показался и медленно поплыл вниз конец троса с болтающейся на нем «косынкой». Когда «громоотвод» коснулся воды, Андрей подтянул трос, нацепил беседку, и дал выпускающему знак «поднимай!». Вертолёт аккуратно приподнялся, ноги потерпевшего в последний раз пихнули опостылевший плотик. И тут, неизвестно почему, неизвестно как, и главное – непонятно для чего «бОшка» резко снизилась на метр-полтора. Андрюха погрузился в воду. Выпускающий, увидев это, что-то сказал по переговорному устройству, и вертушка, протащив спасаемого по воде метров пять, снова начала подниматься. Вместе с ней поднимался Андрей. А за ним на глазах у заметно оживившейся трибуны, опасно раскачиваясь на постепенно растягивающихся лямках, поднимались наполненные водой и тиной до отказа и невероятно от этого раздувшиеся рыбацкие штаны.

Военная мудрость

Тафарель На прививку, первый класс…

В дверь деликатно постучали.

– Да, – недовольно ответил начмед, отложив цветастый журнальчик и спустив ноги со стола.

– Тащ майор, можно вас? У нас неувязочка там с партизанами. С переподготовщиками то есть.

– Что за неувязочка, лейтенант? Чего неспокоен?

– Э-э-э, они колоться отказываются… Ну, не хотят прививки делать, – спешно поправился молоденький лейтенант медслужбы.

Опытный военный врач с грустью глянул на осиротевший кроссворд и, ворча, направился на подмогу молодёжи.

На первом этаже санчасти в углу коридора, сверкая гражданскими брюшками и веселя персонал элегантными пёстрыми семейными трусами, сидело несколько переподготовщиков.

– Ну что вы, ё-моё, как детский сад, чесслово. Здоровые мужики, а уколов боитесь!? – возмутился начмед.

– Дык, товарищ доктор, эскулапы ваши колоть как следует не умеют. Иголки гнут об нас. Мы что, манекены что ли, или трупы какие, чтоб тренироваться?!

– Так что, мне самому вас колоть?! Не пожалеете? Я давно не практиковался. Детский сад, ползунковая группа, ясли, ё-моё, – ворчал доктор, непроизвольно поднимая в памяти случаи из практики.

– Ну, случилось один раз, так что теперь?

– Уж лучше, товарищ доктор, заболеть лихорадкой вашей бубонной, чем уколы такие, – оглянув страдальцев, заявил за всех самый представительный из них.

Его товарищи забузили, выражая коллективный «одобрям-с».

Майор Чуприн прошёл долгий трудный путь военврача. Куда только не закидывала его судьба. Что только не приходилось делать, в какие только ситуации не попадал. Роды принимал в кузове «шишиги», резал гнойный аппендицит на борту вертолёта, делал искусственное дыхание нажравшемуся партийному вожаку изо рта в рот, но вот такого организованного бунта пациентов он на своей практике не помнил.

«Хотя… – подумал он… – Ну, конечно!»

Однажды, в богом забытом гарнизоне нужно было прививать группу детсада. Малыши плакали, кричали, вырывались из рук, заводя друг друга стадным страхом. Молодой тогда врач среагировал моментально. Пакет «Гусиных лапок» в течение получаса опустел, зато довольные малыши, получив сладости, были привиты и отправлены спать для успокоения переживаний.

– Технический перерыв, – объявил начмед и, развивая полезную идею, направился в свой кабинет. Через пару минут вернулся с портфелем в руке. Отправил погулять фельдшера, и начал приём.

Первый клиент настороженно заглянул в процедурную.

– Иди сюда, воин, – поманил пальцем майор.

– Только если вы, как он… лучше пойду я, – начал было партизан с порога, не решаясь войти.

– Десерт будет, – сказал майор.

– А?

– Обезболивающее.

– Да ну, начальник. Шо я, маленький?

– Иди, пока добрый.

Партизан получил прививку и с довольной рожей вышел в коридор. Потом была небольшая заминка, впечатления сошли в народ, и процесс пошёл без задержек и осечек. Двери открывались, закрывались, партизанщина прививалась, а молодые лейтёхи зауважали начмеда ещё больше. Минут через полчаса майор затосковал по кроссворду, позвал кого-то из лейтенантов, поделился передовым опытом и вернулся в кабинет. Прошёл час. Начмед, решая кроссворд, успел вздремнуть в кресле. Разбудил стук. Один из лейтёх.

– Ну?

– Тащ майор, неувязочка вышла.

– Опять неувязочка?

– Так вы понимаете, вы как ушли, они, черти, по второму кругу прививаться пошли. Через окно в коридор залезали с улицы и шли на процедуру. В общем, мы их пока вычислили, человек пятнадцать двойные дозы получили. Может, сделать чё надо?

– Ничего им, лейтенант, не станется. Портфель только верни!

Лейтенантик молча повиновался и вышел.

Майор открыл портфель, вынул опустевшую бутыль из-под спирта, посмотрел на свет, поболтал капли на дне и тяжело вздохнул.

– Век живи, век учись! Разбавить надо было…

В памяти всплыли довольные мордахи малышей из далёкого гарнизона.

Голубчикъ Гонки на «Утконосе»

Те, кто служил в авиации, наверняка помнят, и знают (и чтут) скромных тружеников из аэродромной роты. Безусловно, дорогие друзья, вы помните, какое внимание уделялось очистке аэродрома от снега и льда, особенно, когда это касалось эксплуатации истребителей и прочей некрупной техники. Люди старше 35 ещё могли застать живьём гения инженерной мысли образца 1959 года, Тепловую Машину ТМ-59, прозванную «Утконосом» и «Штыковой» за свой весьма экзотический внешний вид. Попробуйте представить себе раму от грузовичка ЗиС-164, развёрнутую задом наперёд таким образом, что бывший задний мост стал передним, место заднего моста занял передний от ЗиС-151, он поворотный и тоже ведущий. Двигателем служил сорокасильный дизелёк от «Беларуси» тех же лет выпуска. Вторым этажом, над двигателем, был размещён бак на 3 куба топлива, а над задне-передней осью висела отлетавшая свой срок турбина, от чего – не знаю, но жутко шумная. Причём на турбину делалась насадка в виде утиного клюва. Венчал это все скворечник из хорошего листового металла, игравший роль кабины.

Ну как, представили? Основным и единственным назначением этого агрегата было «…освобождение аэродромного покрытия ото льда и снега путём их растапливания струёй горячих газов, выходящих из сопла турбины» (учебник для ШМАС[129] аэродромных служб. Воениздат, 1966). У нас в аэродромном парке обато имелось аж две такие машины, обе 1960 года рождения. Теперь реальная история, осень-зима 80-х годов прошлого века.

Два земляка-молдаванина Витя Пушка – аэродромщик и Миша Албу – пожарник, поспорили, у кого машина быстрее. ТМ-ка или «пожарка» ЗиЛ-131! Идиотичнее спора не придумаешь, ибо крейсерская скорость ТМ-59 километров 30 с горки. Но пытливость шкодливого солдатского ума не знает границ. Тёплым и ясным октябрьским днём наши шумахеры встали на старт у начала ВПП (не больше, не меньше! Чего зря полосе простаивать!)

Пушка поставил ТМ-ку дизельком вперёд, турбиной назад и быстро содрал контровочную проволоку с винта регулировки подачи

топлива, а затем вывернул до отказа сам винт. И вот участники соревнований на старте. Команда судьи (как без него-то?), и Пушка тянет РУД до отказа. Старенькая турбина радостно взвыла, вспомнив молодость, выдала сноп огня, и ТМ-ка рванула с места со скоростью болида формулы-1.

Бедный ЗиЛ-131 не успел ещё разогнаться и до сорока километров, как наш доморощенный болид проделал уже почти половину дистанции. Но – в таких рассказах всегда есть место для «но» – тут у ТМ-ки отлетает один кардан, затем другой, потом практически одновременно в разные стороны брызнули все колеса вместе с дисками. Остаток пути, разбрасывая миллионы искр и оставляя следы на бетоне, несчастная ТМ-ка проделала на картерах мостов и двигателя, юзом. Как не загорелся топливный бак, не понял никто.

Увезли обоих победителей гонки: ТМ-ку в очередной, четвёртый по счету, капремонт, рядового Пушку в дисбат.

Договориться с заводом о приёме машины в ремонт стоило 40 литров спирта, уж больно нестандартными были повреждения.

Радист Мудрый сапер

Тысяча девятьсот лохматый год. Первая гвардейская площадка Н-ского соединения РВСН. Ленинская комната 4-го дивизиона. Политзанятия. Мы, молодые стажёры из учебки, причащаемся политической зрелости из рук изрядно «послевчерашнего» сапёрного капитана рыжей масти с габаритами, заметно превосходящими г-на А. Шварценеггера (вы когда-нибудь видели маленьких и щуплых сапёров? Я – нет. По-моему, они уже рождаются с пометкой «Инженерные войска или батареи боевого обеспечения»). Ему хреново и скучно. Но он продолжает что-то рассказывать о последнем Пленуме руководящей и направляющей, мать её за ногу.

Нам просто скучно. Но, ещё не успев «обуреть» после уставных порядков ВШМС,[130] мы дружно конспектируем его речь, фильтруя междометия и матерные эпитеты.

Местным старослужащим, пойманным по ходу и загнанным на политзанятия, тоже скучно, и они не делают из этого тайны. Шум, перешёптывания…

Капитану это, наконец, надоедает. Он отрывает мутный взор от конспекта занятий.

– Пупкин, ещё слово, и я тебя неприятно удивлю.

– И чем же вы меня можете удивить, тащкапитан?

(Пупкин. Бурый дедушка-радиомеханик, прошедший огни и воды. Забивший уже почти на всё и всех. Тем более на какую-то ББО-шную «мазуту»).

– Чем-чем? В морду получишь, вот чем.

– Неправда ваша, тащкапитан, солдат бить нельзя. Что же скажет замполит?

– Хе… умный ты, Пупкин. Хитрый ты. Но это *ты* так думаешь…

– Вот я беру лист бумаги, Пупкин, и пишу: «План индивидуальных занятий по рукопашному бою с рядовым Пупкиным. Дата… сегодняшняя. Начало… немедленное. Продолжительность – 4 академических часа. Руководитель – капитан Сапёрный. Теоретическая часть – 40 минут. Практическая часть – 4 х 35 минут». И так далее… Счас утвержу у командира дивизиона и пойдём, Пупкин, заниматься…

Оценив ситуацию, Пупкин сдувается, как пробитая шина… Мы смотрим на капитана с неподдельным восхищением его *военной мудростью* .

Старшина Парад – дело серьёзное

Одесса, осенние деньки, ласковые как шёлк. Пушкин в ссылке отдыхал, а не маялся, факт. Эх, нам бы ту ссылку, так нет, маемся. Чем? Строевой, к параду готовимся. За спиной уже честно оттоптанные тренировки на родном ОКПП, в погранотряде, в артучилище в составе полного парадного расчёта, теперь аэродром. Каблуки на сапогах стоптаны по самые коленки. Э-эх!

– Становись! Пара-а-ад! Ра-а-авнясь! Сссырна! Товарищ генерал-лейтенант! Войска Одесского гарнизона для тренировки построены, начальник парадного расчёта….

Старый генерал-лейтенант, взойдя на трибуну, отеческим взором окинув застывший строй, кашлянул в микрофон и начал краткую трогательную речь.

– Товарищи военные! (О, это новое слово в Уставе, раньше он так нас не называл). Тот позор, который я пережил в процессе подготовки к этому параду, загонит меня в могилу. Оправданий нет. Вы, безусловно, худший парадный расчёт в моей долгой жизни. Если бы я мог всех вас расстрелять, то я бы это сделал ещё неделю назад в училище, но время упущено, хуже вас ходят только папуасы в Зимбабве и, как показала вчерашняя тренировка, ездят, с позволения сказать, наши танкисты. Я старый артиллерист и знаю, о чём говорю. Единственное, что вселяет в меня надежду, так это то, что сегодня вся эта позорная акция проводится совместно с теми, кто до вчерашнего дня считал, что они механики-водители. Если вы и дальше так будете ходить, моряки, мать вашу, вас это касается в первую очередь, гибель «Варяга», бля, то я отдам приказ давить вас к едрёне матери! Ясно?

Коробки монолитно стояли, внимая высокостоявшему. Возможно, кто-то и подумал о вариантах ответа или вопроса, но взлетавшая с соседней полосы «Тушка» рёвом своих турбин отшибла эти поползновения напрочь.

– Парад! Вольно! Командирам коробок приступить к осмотру!

Началась рутинная подготовка, коробки раздвинули, шеренги колыхнулись и замерли вновь. Ремень, автомат, фуражка, номер, следующий, ремень, автомат, фуражка…

– Становись! Пара-а-а-ад! Равняйсь! Ссырна! К торжественному маршу, (чуть качнувшись, знамёнка – бам-бам-бам), на одного линейного дистанции, побатальонно…, первый батальон прямо…, остальные на-аа-апра-аа-во! (Бум!) Ша-а-агом… Арш!

Все всколыхнулось в едином ритме, в голове раскатисто-тугой ритм барабана, оркестр ещё молчит. Первыми на расстрельную дистанцию выходят «юные барабанщики». Все, остался один линейный, сейчас начнётся… Барабаны кибальчишей смолкли, взвыл в оргазме оркестр, взмах белых перчаток и палочек… Микрофон на трибуне засопел. Коробка вышла к трибуне.

– Это что? Пионерский слёт? Шаг! Шаг! Шаг где? Равнение! Держать равнение! Пионерки с дудками ходят лучше! Уй-ё-оо! Идите, идите с глаз моих долой! А это что? Что это? Что это за балетная группа мужиков с ружьями? Рота почётного караула?! Вам в Оперном театре плясать, а не в парадном расчёте ходить! Свора эпилептиков! Будь моя воля, я бы вас не вторыми поставил, а последними, пусть вас танкисты задавят на хрен! На второй круг! Училище, вашу мать, две коробки позора! Это артиллеристы? Если вы и стреляете так, как ходите, то НАТО будет в Одессе без потерь, все потери будут у нас и все не боевые, население просто сдохнет от смеха, на вас глядя. Нет, я сегодня умру! Все идут левой, моряки идут правой! Это лучшие представители флота или банда махновцев? Вы там барабан слушаете или как?! Два штрафных! До конца идти, до конца… Это не строй, это кадры из кино «Мы из Кронштадта», если вы и дальше так ходить будете, я вас лично расстреляю, а старушки на Фонтанах завтра подберут ваши бескозырки в прибое. Пограничники, орлы, бля! Вы без собак ходить умеете? На второй круг! Нет, сегодня я точно помру! Это внутренние войска или конвой бежавших пограничников? Технику не пускать!!! Не пускать, я сказал! Всем на исходный!

Парадный расчёт понуро занял исходные, но тут опомнился сводный оркестр. Дирижёр колобком скатился со своей «подставки» и взмахнул «канделябром». Оркестр всхрюкнул и начал движение. Инициатива породила панику на трибуне.

«Оркестр, отставить, бля!» – взвыл командующий, но «стальной поток» из духовых инструментов и прилагающихся к ним сверхсрочников был настолько увлечён собственным исполнением «10-ого десантного батальона», что готов был пройти как в том марше

«От Курска и Орла…». «Стой!» – заорала трибуна, и тут оркестр «сдулся».

– На исходный, бля! И стоять там, пока я команды не дам! Я вас…

Тут не выдержала машина военной пропаганды, микрофон взвыл, тут же взвизгнули динамики на «шестьдесят шестом» и над аэродромом нависла звенящая турбинами очередной взлетающей «Тушки» тишина.

Паника – это не то слово, которое способно передать ту ситуацию, которая возникла на трибуне и в службе техобеспечения. Казалось, что это наш последний парад и до «передовой» уже никто не доберётся; командующий «положит» тут всех. Командиры коробок застыли в немом молчании, хотя после всего услышанного душа просила песни, и за словом они не лезли, во всяком случае, раньше. Но тут… Вдруг как чёртик из табакерки из-за трибуны выскочил УАЗик, на него с матюгами и начальником парадного расчёта залез командующий, и всё это двинулось вдоль строя. То, о чем командующий говорил с другими коробками, покрыто тайной и рёвом самолётов, но то, что было сказано нам, я, пожалуй, не утаю.

– Ну! И что это было? Вы по кустам шаритесь или на параде идёте? В шеренгах равнение есть, а в колоннах нет! Где диагональное равнение? Где? Пятый в седьмой, почему у тебя автомат на полхера ниже остальных? Что это за шаг? Вы празднуете годовщину Великого Октября или меня хороните? Я вас спрашиваю! Так вот, и тут и на моих похоронах при строевом шаге нога поднимается по заднему срезу погона впереди идущего товарища! К последнему линейному до трибуны вы уже будете её поднимать только до ремня. И равнение, равнение, бля!

Следующим под раздачу попали вэвэшники, их коробка была на удивление разношёрстной по росту, что и явилось причиной разноса с последующей переквалификацией нашей коробки в замыкающую. Пять минут позора, и УАЗик пошелестел в сторону трибуны; спустя минуту матюгальники всхлипнули и выдали в эфир традиционное: «Раз-раз! Проверка связи!» Командующий ругнулся в микрофон и выдал: «Командирам коробок провести разбор! На все пять минут». Командирский мат заглушил рёв турбин очередной садящейся «Тушки». Пять минут и… тишина. Парад и аэропорт, включая самолёты, замерли.

Дед достал белоснежный платок, снял фуражку, вытер лоб и склонился над микрофоном.

– Пара-а-а-ад! Равняйсь! Ссырна! К торжественному маршу, (знамёнка, бам-бам-бам), на одного линейного дистанции, побатальонно…, первый батальон прямо…, остальные на-аа-апра-аа-во! (Бум!) Ша-а-агом… Арш!

Барабаны и нервный визг флейт, выход на первого линейного, рёв «И-и-и-р-а-з», пауза, взмах палочек и белых перчаток, оркестр, вскинувшийся маршем на взмах «канделябра» дирижёра-полковника, натянутые струной шеренги коробок, грудь, разрываемая от непонятного окрыляющего чувства единства и силы, рёв матюгальников: «Десантники, что вы скачете всей коробкой, как бляди на морвокзале?!», «Варяг», значит, осталось два линейных до трибуны, смена марша, один линейный, «нога поднимается до заднего среза погона впереди идущего товарища», равнение в диагонали и шеренгах, правофланговые держать, держать шеренги! Крик из середины коробки: «До конца, до конца держать! Мы последние!» И вдруг из ниоткуда: «Пограничники! Молодцы! До конца так! Ещё одного линейного…» И в конце по-старчески сдавленное: «Спасибо, сынки!»

Седьмое ноября, проливной дождь, горбатая брусчатка площади, коробки заливали трибуны залпами брызг из-под сапог, туман двоил звуки оркестра, душа пела и рвалась наверх от того, что каждая клеточка понимала, что ты и есть частица той самой «несокрушимой и легендарной, в боях познавшей радость побед», что вместе мы – сила, и нет никакой другой силы, которая могла бы хоть что-то противопоставить нам. Мы – армия своей страны, и страна нам верит! А по окончании парада, на общем построении старый генерал-лейтенант сказал: «Вы – лучший парадный расчёт, который был у меня в жизни!»

Ветринский Ю. А. Рацпредложение

(из цикла «Мудрость вождей»)

Как всякий уважающий себя лейтенант, я начал свою офицерскую службу на дальних форпостах Родины, в Заполярье, в частях отдельного командно-измерительного комплекса, управлявших орбитальной группировкой космических аппаратов Министерства обороны СССР. Назначен я был на должность инженера астрономо-геодезического пункта (сокращённо АГП) и со всей ответственностью приступил к выполнению возложенных на меня задач. А уж задач возложили на нас, лейтенантов, по традиции – будь здоров! Во-первых…, во-вторых…, в сотых… и петь в самодеятельном хоре. Старшие товарищи помогали, как могли, но ряд бодяжных обязанностей полностью ложился на новичка, и это не обсуждалось. К таковым относились выезды в полевой район, рационализаторская работа, написание статей в настенную прессу отдела и участие в художественной самодеятельности при клубе. Так что не прошло и месяца с момента моего прибытия в часть, как я уже был рацоргом АГП, ответственным за рубрику «Будни АГП» в отдельской стенгазете «Орбита», пел вторым голосом в офицерском хоре и состоял в отряде восстановления боевой готовности, выезжавшем по тревоге в полевой район.

Нельзя сказать, что обилие дополнительных служебных обязанностей меня как-то очень уж сильно угнетало, а рационализаторская работа так вообще скоро стала моим любимым занятием. Ещё бы: за каждое внедрённое рационализаторское предложение в бухгалтерии части исправно выплачивалось 10 рублей, сумма по тем временам немаленькая и, главное, совершенно не поддающаяся никакому контролю со стороны любопытных жён, возжелавших узнать реальные доходы мужа. Что же касается самих предложений, то трудным оказалось измыслить лишь первые два, а затем мой мозг как-то перестроился и в дальнейшем каждый встречный предмет казался мне неиссякаемым источником для всяких усовершенствований, ну а если вдруг вставала реальная потребность

решить какую-то задачу технического характера, так это был настоящий праздник души.

В то утро, когда я маялся на разводе дежурных смен, мои мысли занимала именно такая ситуация. Дело в том, что на днях мы получили автоматическую метеостанцию, и при попытке её установить в центральном техническом здании АГП столкнулись с неожиданной проблемой. Необходимо было пробросить тонкий сигнальный кабель по кабельному колодцу протяжённостью метров двадцать от места ввода до аппаратного зала. И всё бы ничего, да вот только строители в своё время, не мудрствуя лукаво, упаковали все кабельное хозяйство технического здания в узкую трубу, проложили эту трубу вдоль центрального коридора от ввода до аппаратной, а сверху всё залили бетоном и покрыли весёлым линолеумом в клеточку. Одного взгляда в тёмные недра трубы, забитой перекрученными силовыми и высокочастотными кабелями, щедро приправленными многолетней паутиной, хватило, чтобы осознать – пропихнуть туда двадцать метров мягкого провода нереально. Не говоря о том, что в конце коридора чёртова труба изгибалась на 90 градусов и уходила в аппаратную. Вскрывать пол тоже никто не хотел, поэтому работа встала.

Встала работа, но ничто не остановит мысль рационализатора, вышедшего на тропу войны – к концу развода я уже знал, что делать, а когда КДС скомандовал: «Шагом марш!», я уже знал, как делать. Скачками прибежав на техническое здание, я взялся за дело, первонаперво раскурочив старый перфоратор с целью изъятия электромагнитов. Одновременно к располагавшимся неподалёку военным строителям отправился мой засланец рядовой Аладушкин, который, угрожая мабутам смертельной радиацией из антенны нашего дальномера, изъял у них порошковый огнетушитель и колесо от велосипеда. Теперь можно было начинать ваять мою рацуху.

Часа через два на моем столе уже стояло прекрасное в своём совершенстве изделие, похожее на диковинное насекомое техногенного века (рядовой Аладушкин более скромно окрестил его космическим фаллоимитатором). Красный пластиковый корпус порошкового огнетушителя был разрезан поперёк, и под действием электромагнитов его половинки могли двигаться относительно друг друга на пружинах. В каждую половинку под острым углом было вплавлено по восемь обрезков велосипедных спиц. При подаче

напряжения устройство начинало судорожно дёргаться, то растягиваясь, то сокращаясь, упиралось в стол спицами и ползло! Неуклонно ползло вперёд! Вот так оно поползёт и по трубе, упираясь спицами в загогулины старых кабелей и волоча за собой провод метеостанции!

Я быстренько заполнил стандартное описание рационализаторского предложения и акта о внедрении, и, чрезвычайно довольный собой, направился к начальнику АГП.

Начальник АГП, старый мудрый майор Александр Васильевич Окорочков, грустно сидел за столом в своём кабинете. Пятнадцать лет службы на берегах солёного озера Балхаш полностью убили в нем веру в высшую справедливость и целесообразность всего сущего. То, что теперь вместо ненавистных солончаков в окне виднелась занесённая снегом тундра, только подтверждало невесёлые выводы Александра Васильевича относительно совершенства этого мира. Он грустно рассматривал свой рапорт на поступление в академию, который вернулся из строевой части с резолюцией «Отказать по возрасту», и выражение его лица красноречиво говорило: «Ничего другого я и не ожидал…». В эти минуты он чем-то смахивал на грустного ослика Иа из мультфильма о Винни Пухе. Для пущего сходства с ситуацией не хватало самого Винни Пуха, бодрого, весёлого, поющего «Трам-папам-папам…» и ни черта не петрящего в этой жизни, невесёлую сущность которой уже познал мудрый Иа. И заполярный Винни-Пух не заставил себя долго ждать!

Я весело распахнул дверь в кабинет, бодро подскочил к столу и, раздуваясь от гордости, шмякнул перед Александром Васильевичем своё ползучее устройство и заявку на рацпредложение. Не говоря ни слова, включил изделие, и оно, защёлкав якорями электромагнитов, тряско проползло перед потрясённым Александром Васильевичем.

– Теперь можно и кабель тянуть через потерну! – торжествующе пояснил я.

Александр Васильевич минуты две задумчиво рассматривал прибор, потом аккуратно расписался в заявке и акте внедрения, протянул их мне и сказал:

– Вы только не обижайтесь, Юрий Анатольевич, но в кабельную потерну я эту вашу штуку не пущу.

– А как тогда кабель протягивать? Может, вы покажете?! – агрессивно завёлся я, смертельно обиженный недоверием к творению своего ума.

Окорочков обречено вздохнул, устало приподнялся из-за стола и вышел в коридор. Он грустно посмотрел на распахнутый кабельный колодец ввода, в стенке которого зияло отверстие злополучной трубы, потом перевёл взгляд на аппаратную в дальнем конце коридора и снова вздохнул. Потом молниеносным движением схватил проходящего мимо АГП-шного кота Ватсона, мгновенно затянул у него на хвосте узел из кабеля метеостанции и, сунув ошалевшего кота в трубу, неожиданно крикнул ему под хвост: «Пу-у-у!»

Бедный Ватсон, потрясённый человеческим вероломством, половину трубы проскочил вообще молча, и только у аппаратной из-под земли донёсся замогильный рёв: «Ма-а-а-у!». Через секунду, освобождённый от своих пут Аладушкиным, Ватсон нетвёрдой походкой убрался восвояси, мимо нас с Окорочковым он пролетел стрелой, злобно шипя. Александр Васильевич грустно посмотрел коту вслед и вернулся в кабинет.

Я остался стоять в коридоре, потрясённый происшедшим не меньше Ватсона. Всего за несколько секунд Окорочков сходу решил поставленную ему задачу, над которой я проломал голову не один час! И вот тогда-то мне впервые пришла в голову мысль: «Они, старые, мудрые майоры, знают что-то такое, что нам, прочим, неведомо!»

Ioann The Angry А во чо!

28 мая 2004 года, где-то в четвёртом часе РМ, ваш покорный слуга развязался с особо тяжкой рабочей неделей и, не спеша, с баночкой холодного пива двинулся домой. Подошёл к перекрёстку «Улица 1905 года/Шмитовский проезд», остановился на светофоре – поток авто уже тронулся. Вдруг на «зебру» выполз какой-то полумущщина, встречаются такие унисексы, ярко одетые, покачивающие при ходьбе бёдрами. И вот это нечто не спеша переходит улицу, глядя надменно вперёд и совершенно игнорируя визжащие в торможении и сигналящие машины. А проходя перед стареньким «Фордом», плюёт ему на лобовуху жвачкой и показывает «фак».

Про себя я посочувствовал стиляге, который не заметил на торпеде «Форда» зелёной фуражки…

Из тачки вылез невысокий плотный дядя лет 50-ти, в два прыжка догнал обидчика, завладел его барсеткой и ринулся обратно к авто. Обалдевший мажор на негнущихся ногах следовал в его кильватере и мямлил: «Э… чо ты?!. Ну чо ты?!»

– А во чо! – был ответ, после чего дядя широко размахнулся и метнул барсетку в кузов кстати проезжающего грузовика со всяким-разным строительным дерьмом.

Дальше было как в тех виршах: «Поезд поехал – мужик побежал. Долго я взглядом его провожал». Нацепив фуражку, провожал нахала взглядом и автор результативного броска. Смотрел вослед ему, семенящему в гору за грузовиком в плотной струе выхлопа, улыбался и щурился под лучами тёплого майского солнца.

Тафарель Армия – школа жизни

Вечер. Белая «Каравелла» устало пробивает себе путь в плотном шумном потоке маленьких «Фиатиков» и бесчисленных мотороллеров. Моих спутников трое. Андрюха, – бойкий молодой парнишка, в совершенстве владеющий итальянским. Работает гидом. Специализируется на индивидуальных экскурсиях для русских туристов по всей сапогообразной стране. Андрюха – проныра ещё тот. Кажется, в любом городе, в любой деревне, в любом самом тёмном квартале у него есть знакомые. Он не теряется в самых невероятных ситуациях. Он влюблён в Италию, досконально знает историю. Ему известна родословная любого отдельно лежащего на обочине дороги камня. Андрей многословен, остановить его невозможно. Впрочем, и не нужно. Его рассказы интересны и информативны. За несколько лет, проведённых в этой пёстрой стране, Андрей перенял у итальянцев взбалмошный темперамент, манеру одеваться и способ подкреплять сказанное катами изящно отточенной быстрой жестикуляции. Андрей сидит впереди, справа от водителя – коренного «макаронника» и правит балом, шумно указывая направление движения.

Позади сидит Алексей Сергеевич. «НР». Да, тогда, в 95-ом, их ещё наивно называли «новыми русскими». Алексей Сергеевич обладает безобразным огромным брюхом, посвистывающей одышкой и странным рассеянным взглядом. Со стороны кажется, что глаза его абсолютно бессмысленно скользят по окружающему ландшафту. Ни на мгновение не задерживаются на чём-то конкретном. Иногда совершенно невпопад задаёт вопросы, далёкие от тематики экскурсии, как славный Кремль от славного Колизея. Андрюша, не обнаруживая признаков внимания со стороны клиента, поначалу очень нервничал. Но я, знающий Алексея Сергеича не первый год, на одном из привалов успокаиваю гида. Алексей Сергеич, сидящий с совершенно отсутствующим видом, всё видит, всё слышит и делает выводы. Внешность моего знакомого глубоко обманчива. При всей своей толстокожей личине и неинтеллигентном выражении лица, он способен, приняв полбутылки коньяка, абсолютно здраво и интересно порассуждать об архитектуре периода Возрождения. Одет в пёстрые

шорты огромного размера, голубоватую простенькую майку с большим красным знаком качества на спине и противно шаркающие сланцы. В то же время прекрасно осведомлён о последних веяниях европейской моды среди людей искусства, бизнесменов и прочих слоёв населения Европы. Мой великогабаритный приятель поразил даже меня, походя проявив осведомлённость в текущем репертуаре Ла Скала, по-хамски ковыряясь пальцем в носу.

Пришло время прощаться и расплачиваться. Кредитной карточки у Алексея нет. Тогда он их ещё не признавал. Из кармана шортов появляется пачка долларов. Третий мой спутник, водила-римлянин, быстро-быстро машет руками, проявляя неудовольствие при виде иностранной валюты. Андрюха тоже почему-то предпочитает принять лиры. Прикинув количество «зелёного» эквивалента, Алексей Сергеич выдаёт гиду деньги с указанием разменять на местные единицы. «Каравелла» останавливается в оживлённом квартале среди бесчисленных кафе и магазинчиков. Минут через пятнадцать Андрюха возвращается, покачивая головой.

– Не берут. Не меняют, гады.

Алексей Сергеич, недовольно булькая, берёт купюры, грузно и шумно вылезает и заносит живот в ближайший пункт «общественного питания». Ровно через минуту, отсчитывая лиры в толстой пачке и отчаянно шевеля губами, наш толстяк возвращается.

– Как это!? – растерянно улыбаясь, спрашивает Андрюха.

Действительно, как это? – подумает читатель. В чужой стране, абсолютно не зная языков и местных нравов!?

– Хе-хе, тридцать лет в армии. Снабженцем… Армия – школа жизни, – самодовольно отвечает Алексей Сергеич.

«Наверное, всё дело в том, за какой партой сидишь в этой школе жизни», – мелькает в моей голове догадка.

Мореход Военная мода

Девка эта (мода) капризна и тупа. Некоторые её выверты совершенно необъяснимы. Никто вам не сможет объяснить, почему курсанты одинаковых по профилю училищ совершенно по-разному одеты. Нет, для замыленного гражданского глаза они все одинаковые, как китайские однояйцевые близнецы. Но если приглядеться к взглядам двух таких курсантов, едущих в одном поезде в отпуск, то можно узреть широчайшую гамму совершенно противоречивых чувств. Тут и зависть красиво сделанной годичке (потом он за рюмкой расскажет, скольких трудов ему это стоило), и хвастовство ложкой в тулье фуражки (как у взводника), и ответное презрение той же самой ложки при непомерном выпячивании гордости по поводу огромных полей своего «аэродрома». Потом они чуток примут за знакомство, и, когда дойдут до кондиции уважаемых людей, зададут друг другу два одинаковых вопроса.

– А почему у вас не так, как у нас?

– А вот ты как думаешь, зачем вся эта требуха?

Причём первый вопрос будет где-то в самый разгар пьянки, а второй в далёком её конце. Одолеть глубину его философского смысла воспалённые мозги уже не смогут, и уснут они, нервные в своей неразрешимости.

А ведь и действительно… Зачем?

Что заставляло курсанта Омского ВОКУ[131] жарким летним днём париться в диагоналевом ПШ, огромной фуражке и сапогах? Что заставляло офицера выпускника Чирчикского танкового училища зябнуть, хлопая обмороженными лопухами в мелкой шапчонке, заломленной на манер тюбетейки и низких сапогах гармошкой? А кто научил курсантов Сызранского вертолётного носить шинели в пол и парадные брюки-клёш таких размеров, что Волк из «Ну, погоди!» нервно курил в углу? А чего стоили их фуражки без пружин, висящие вялыми грибами? Каких трудов стоило доставать корпуса от стреляных «Мух»[132] для поистине крутых вставок в погоны? Где взять в глуши Сибири звёздочки младшего офицерского состава ВС Кубы? Как правильно обточить кожаный ремень поясным на дужке

кровати и потом выкрасить его коричневым «Эмолином» для того, чтобы красиво прогладить? Как красиво подшиться в пять слоёв с проволочкой? Где взять в петлички танки образца 1943 года, изготовленные из листовой меди методом чеканки? А где взять курсантские погоны технического состава образца до 1968 года, с металлизированным галуном цвета белого золота? А если таковых не нашёл, то как правильно пропитать тканевый галун клеем ПВА? Почему сумку нужно было носить не по обрезу ремня, а по моде лётчиков времён Великой Отечественной? До какой длины надо разрывать трусы ТТС-54, и как правильно по моде подобрать размер нижнего белья, прошедшего неоднократную стирку в кипящей воде? И, в конце концов, как правильно вставить в шитое галифе-ПШ пружины от фуражек, да так, чтобы, глядя на кадры кинохроники парада Победы, любой мог сказать, что маршал Рокоссовский нифига не понимал в военной моде?

А ведь действительно, зачем все это? А я вам скажу!

Возьмём для примера сапоги. Боль и гордость военного человека прошлого века. Даже не так…. Возьмём их отдельную разновидность – сапоги хромовые, глаженые, со вставками.

Для начала нужно ГДР-овские хромачи отнести хорошему сапожнику и заузить носки. В идеале заузить, чтобы на конце носок был чуток квадратным. После этого набить сапог на специальную колодку и расклинить. Потом намочить в сладкой воде с одеколоном и расклинить ещё чуток, дать высохнуть при комнатной температуре. Потом натереть стеариновой свечкой и «Эмолином» и прогладить тёплым утюжком (так три раза). В местах заломов сапога (на сгибе голеностопа) не гладить. Дать немного остыть, очень аккуратно надеть ещё горячими и сделать аккуратно заломы по вашим ортопедическим данным. Окончательно остудить, подпороть сверху подкладку и вставить туда вкладыши из рентгеновских карточек. После чего немного ушить в верхней части голенища по форме икры (как говорят, придать форму бутылки), зашить подкладку. Пропитать это все «Эмолином», оставить на ночь. С утра заполировать натуральной щёткой с помощью слюны. В морской пехоте США такой метод полировки их знаменитых парадных ботинок так и называется: «плюй-полируй». И как последний штрих перед выходом в люди, нужно, посыпав бархотку (желательно, из натурального бархата) сахарной

пудрой, довести сие произведение искусства до зеркального блеска. Все! Чего тут сложного? Две ночи трудов, не больше…

После этого можно выйти на развод, получить своё от начфака и пойти переобуваться в обычную юфть.

Запасной инженер Книга соединений

Вспомнилось.

Работал уже инженером. Заказчик – в/ч NNN, более конкретно – моряки, связь. Бригада наша – разработчики и наладчики в одних лицах – прибыла на объект. Большие наши железные ящики уже установлены. Наша задача – запустить, проверить и провести предварительные испытания. В обеспечение нам выделили громадного по росту и ширине плеч румянощёкого мичманюгу. Объект – Подмосковье, три колючие проволоки, три пропуска для проникновения. Первые дни заполнила обычная рутина, т.е. все прозвонить, проверить питание и прочие мелочи. Доходим до проверки работоспособности. Наши ящики стоят на нескольких этажах слегка углублённого в землю здания. Естественная просьба к обеспечивающему мичману: дай пару[133] – тестовый сигнал прокинуть. Реакция мичмана – возьмите книгу N NNN – схему соединений всего объекта. Идём к командиру. Нам, инженерам, эту книгу, естественно, не дают (нет в наших предписаниях разрешения). Возвращаемся к мичману. Ему лень топать в библиотеку. Он лезет в собственный череп. Приговаривает:

– И нужно вам всего два провода… Даже один… *Потому что земля на всех одна…*

Согласитесь, из уст человека, в ведении которого находится груда железа, с помощью которой можно было всеми флотами СССР выстрелить одновременно по всем супостатам, эта фраза звучит как-то двусмысленно.

Пару он нам нашёл в черепе за две-три минуты. Кстати, потом узнал, что книга схемы соединений состоит из нескольких сотен страниц.

Технарь Трещина

По невероятному взбрыку судьбы довелось мне служить пару недель в хозроте на одном из военных аэродромов. Моим соседом по комнате был сварщик из строительного отдела, и один раз он вернулся ночевать ну уж в очень растрёпанных чувствах. На мои вопросы он разразился пространной тирадой о своих запутанных отношениях с начальником гаража, прапорщиками и этой… авиационной частью вообще. Отфильтровав из его речи «непереводимую игру слов», я получил следующую картину:

Начальник гаража вызвал сварщика заварить трещину на цистерне. Прибывшего в гараж товарища встретил прапорщик и подвёл к достаточно большой, выкрашенной в уставной зелёный цвет цистерне:

– Вот, вот она, трещинка, аккурат по шву, – ткнул прапорщик пальцем.

Товарищ с недоверием посмотрел на белеющую на боку цистерны надпись «Горючее» и спросил:

– Цистерна-то хоть пустая?

– Да пустая она, давно уж как пустая. Ты давай, работай. Закончишь, зайди в канцелярию, – сказал прапорщик и исчез.

Товарищ зажёг горелку и начал потихоньку заваривать трещину. Процесс прервал салага-механик, который подошёл к цистерне с канистрой, открыл крантик и в канистру резво полилось нечто, распространяющее бензиновый аромат…

Сварщик, представивший потенциальный, скажем так, результат, ворвался в канцелярию, и, потрясая вырванной у солдата канистрой, заорал на прапорщика:

– Ты же, сука, говорил, что цистерна пустая?!

Прапорщик, трусливо съёжившись на стуле, ответил:

– Так конечно пустая, там ведь даже двухсот литров уже не будет!

Ulf Бухгалтерский расчёт

Разбор итоговой проверка флотилии по итогам очередного года боевой подготовки проводил начальник Главного штаба ВМФ. Проверяющие из Москвы по очереди выносили на обозрение выявленные вопиющие недостатки. Иногда поднимались виновные, чтобы здесь же, не отходя от кассы, получить заготовленную для них порцию воспитательного воздействия.

Полковник из отдела устройства службы трагическим голосом известил собрание об обнаруженном им безобразии: в каком-то помещении артиллерийского склада в посёлке Дунай остекление окон было выполнено в «одну нитку». Поднятый начальник этого злополучного, дважды взрывавшегося склада майор Колобовников выглядел спокойным и уверенным. Разве это тот случай, по которому должен расстраиваться воин-афганец, награждённый орденом Красной Звезды?

– Что вы на это ответите, товарищ майор? – жёстко спросил высокий московский начальник.

Ответ был по-армейски краток, чёток и мудр:

– Если бы мне вместо уважаемого товарища полковника выделили сумму денег, эквивалентную затратам на его доставку сюда, питание и размещение, я бы застеклил абсолютно все помещения во вверенной мне войсковой части как минимум в «три нитки», товарищ адмирал!

Алексей Васильевич Матрос с кисточкой

– Вы к кому?

Верхний вахтенный остановил группу людей в новеньких синих ватниках и таких же синих штанах, направляющихся к нашей подводной лодке.

– Командир БЧ-5 на борту?

– Ага, а кто спрашивает?

– Доложите, прибыла специальная группа инженеров из Ленинграда для разметки корпуса.

Вахтенный нажимает клавишу «Каштана»:

– Центральный, прибыло четыре мужика и одна баба в синих фуфайках из Ленинграда корпус замерять.

– Кого замерять?

– Говорят, корпус…

– Пропустить.

Группа в лёгком замешательстве от услышанного робко направилась к трапу.

В каюте командира БЧ-5 было тесно, поэтому для проведения производственного совещания было решено переместиться в кают-компанию, в которой места было не намного больше, но зато её стену украшало великолепное панно с видом на Неву и Охтинский мост, по которому скакали одинаковые лошадки, вырезанные из обёрток пайковых шоколадок.

Через несколько минут прибыл строитель заказа по фамилии Золотухин и прозвищу Залепухин. Одновременный обладатель решительного лица профессионального боксёра, фигуры Дуремара из «Золотого ключика», хриплого голоса карибского пирата, а также замечательной русской души камчатского разлива.

Цель сходки с участием высокоинтеллектуальных ленинградских товарищей была одна: как вырезать участок прочного корпуса лодки для извлечения наружу здоровенной сломанной железяки (не будем упоминать её фамилию).

Дело в том, что крупногабаритное оборудование загружается в подводную лодку при её строительстве до момента формирования

прочного корпуса, поэтому его ремонт может производиться только внутри лодки.

Ленинградская группа привезла с собой революционное решение по вскрытию прочного корпуса для выгрузки старого агрегата и загрузки нового. Такое нестандартное решение значительно сокращало срок ремонта и было поддержано нашими механиками незамедлительно.

Женщина оказалась руководителем группы и кандидатом технических наук по совместительству. Командным голосом она раздала всем персональные задания, и работа закипела.

За двое суток почти непрерывной работы в тесном пространстве между лёгким и прочным корпусом появились таинственные рисунки из меток в виде чёрточек, крестиков и кружочков, выверенных сложнейшими измерениями.

На следующее утро уставших ленинградцев посадили в пыльный автобус и отправили в аэропорт Елизово, не забыв при этом хорошо снарядить в далёкий путь по камчатской традиции.

***

То, что в краске можно вывозиться самому и перемазать все, до чего можно дотянуться, знает каждый. Но даже буйная фантазия обычного штатского человека иногда не способна представить, на что способен матрос срочной службы с бадьёй краски и кисточкой в руках. Особенно творческие способности просыпаются в полосатой душе, если на улице тепло, краска яркая и плохо отмывается.

Сегодня было тепло. Ласковое солнце щедро дарило просыпающимся после зимней спячки людям своё долгожданное тепло.

Матрос Сторублевцев, более известный в экипаже и на гарнизонной гауптвахте под прозвищем «Рубль», с удовольствием подставлял сейчас этому солнцу свою неуставную физиономию. Пилотка подводника на его голову была надета поперёк, от уха до уха. Такая лихая посадка головного убора делала его сейчас похожим на Наполеона. Вероятно поэтому в голову Рублю начали приходить разные удивительные мысли.

Самая невероятная из них – исправиться.

Рубль всем своим разгильдяйским существом внезапно захотел исправиться и стать «Отличником БП и ПП».[134]

Ну, так, чтобы по-настоящему… Чтобы похвалили перед строем экипажа подводной лодки… Чтобы руку пожали… Чтобы 10 суток отпуска, а не гауптвахты…

На подводной лодке «Рубль» значился рулевым-сигнальщиком (боцманёнком), а в его заведование, к несчастию подводного флота СССР, входило то самое пространство, которое вчера было украшено наивными рисунками пяти ленинградских художников.

Понедельник день тяжёлый, а для «Рубля» он вообще обещал стать особенно трагическим, несмотря на то, что весеннее камчатское солнце продолжало весело оставаться на небе. В воздухе запахло большим скандалом общефлотского масштаба.

Прибывшая заводская группа «резчиков» корпуса нервно курила «Беломор» на пирсе и ожидала решения главного строителя.

Залепухин оставался невозмутимым, даже иногда шутил, но как-то внезапно постарел и осунулся. Накатившая было волна злости к нерадивому матросу прошла, а нервы все ещё шалили. Он продолжал оптимистично искать выход из создавшейся дурацкой ситуации, прикидывал в уме, сколько ещё пройдёт времени до первого звонка из Ленинграда. Въедливая тётка наверняка будет справляться о результатах работ на корпусе. А что будет потом?

Он живо представил бабьи крики в кабинете на другом конце страны и их последствия на Камчатке. Сколько в запасе… семь? Восемь часов?

Как полагается в таких случаях, старпом решительно «порвал» весь экипаж на утреннем построении, используя для этого любые поводы, которые подсказала ему фантазия, чтобы досталось всем и за всё. Поэтому подводники перемещались по кораблю мелкими перебежками и, стараясь не поднимать глаз вверх, чтобы ненароком не обозначить своего легкомысленного отношения к происшедшей трагедии. После этого у старпома появилось время, чтобы прикинуть последствия и для себя самого. Перспективы, мягко говоря, удручали, и он с новыми силами ринулся по подводной лодке продолжать «задир» личного состава. Из матросских загашников летели на палубу «дембельские» альбомы с «секретными» фотографиями охламонов на фоне боевой техники и образцы неуставной формы одежды. Мичмана готовились к зачёту по знаниям книжек «Боевой номер» и хоровому

пению Гимна СССР, офицеры к предъявлению своих заведований и подразделений.

Ремонт обещал затянуться, что приводило всех в уныние. Стоять у заводской стенки надоело, экипаж рвался в море. Больше всего переживали матросы, которым предстояло вскоре увольняться в запас, лишённые теперь призрачной надежды ещё раз увидеть море «снизу вверх».

Рубль забыто стоял на торце пирса, отвернув лицо в сторону моря и глотая слезы несправедливости. С утра ему привычно влупили трое суток ареста, и он, боясь спуститься в лодку, покорно ожидал развязки на свежем воздухе.

Алексей Иванович бросил «Беломорину» в море:

– Эй, ты, крендель мамин ! Сюда… иди…

«Рубль» встрепенулся, втянул голову в плечи и решительно шагнул навстречу удавьим глазам Залепухина.

– Что, сынок, нюни распускаешь? Жизнь не сахар?

Рубль тихо выдохнул и опустил голову. Слезы получили возможность свободно выпадать из глаз на рифлёное железо пирса, удержать их он уже больше не мог.

– Ну-ну… Убить тебя, что ли?

Наверное, это было сейчас лучшее для «Рубля». Сейчас размахнулся бы этот дядька, да как бы дал ему по башке… Тогда бы все и кончилось.

– Не-е-ет! Убивать я тебя не буду! Ты же индивидуум! У тебя память, как у Маркса с Энгельсом!

Кто такой индивидуум, «Рубль» не знал, но догадывался, что ругательство.

Алексей Иванович ухватил матроса за ухо:

– А что у тебя было в школе по рисованию?

«Рубль» сопел, но не признавался. Да и как можно в такие моменты переключить мысли? Ему казалось, что вся его жизнь, это сегодняшний день. Для этого он вчера родился, чтобы сегодня в позоре умереть.

– Наколки на руках сам мастрячил? Прям Рембрандт!… Ну вот, я и говорю, индивидуум! Ты ведь сейчас запросто вспомнишь, как там все было?

«Рубль» не успел опомниться, как Залепухин втащил его по трапу на подводную лодку.

– Ну, вспоминай, так было? А здесь так?

«Рубль» замотал головой, но Алексей Иванович опять схватил его за ухо и придал голове правильное направление.

– Вот видишь, ты, гениальный индивидуум! Васнецов ты мой недотюканный! Сейчас ты вспомнишь все эти меточки, все до одной!

Кулак возле носа добавил убедительности:

– Ага.

– И запомни, пацан, душить тебя будут, топить, убивать… Всем говори, когда красил – кружочки не закрашивал, оставлял! Понял?! Это вы сослепу не разглядели!

А когда разрежем, никто уже перемерять не станет. Не дрейфь, пацан!

***

Через десять минут резчики кромсали прочный корпус по рисунку Алексея Ивановича. Он великолепно знал своё дело, а фокус с «Рублем» был нужен для аргументации принимаемого технического решения. Мало ли кто и куда успел со страху настучать…

Всё нормально! Режем!

Да и жаль пацана стало. Может, эта лодка так и останется единственным светлым пятном на его смуглой судьбе.

Вероятный противник

Замполит Сага о национальной безопасности и национальных интересах

Полковник Чайкин – личность эпическая и просто замечательный человек. Соединяя доброжелательную общительность, исключительную стойкость к большим количествам алкоголя и превосходное физическое образование, удачно дополненное специальным, он долгое время был грозой зарубежных ведомств, занятых охраной импортных секретов. Как утверждают, полковник Чайкин добыл всю документацию по программе «Звёздных войн», включая черновики расчётов и действующие модели спутников в натуральную величину. Так оно или нет, точно не скажу, но вот наши соседи справа (ну, те, что на Аляске) вырастили на полковника приличный зуб.

Мало того, они некоторых сотрудников программы «Звёздных войн» обозвали «агентами полковника Чайкина» и рассадили по федеральным тюрьмам. Время шло, полковник ушёл в отставку, попутно работая на нашу Фирму, а злопамятные ФБР-овцы назначили «агентом» ещё одного человечка, но с уликами вышел недобор и судья отправил дело на доследование, намекнув, что или улики, или освобождение в зале суда. ФБР приуныло, но тут лично полковник Чайкин собрался в командировку в Нью-Йорк.

В американском консулате он честно указал своё прошлое место работы, клерк икнул, покраснел и сообщил, что такую визу посольство может выдать только с одобрения Госдепа. Госдеп одобрил – времена стали другие, сам экс-директор ЦРУ в Москву в гости ездил и т.д. Визу выдали, скажем, 20 октября, но за два дня до того о казусе прознало ФБР, и 19 октября был выписан ордер на арест, о чем Госдепу, естественно, не сообщили.

И вот прилетает полковник Чайкин в Нью-Йорк, а у самого у трапа встречают его два молодых человека при костюмах, галстуках и темных очках, сажают в машину с тонированными стёклами и везут разговоры разговаривать. Полковник действует по уставу: сперва звонок в Москву, диктует дочке телефон дежурного, которому надо сообщить о случившемся, потом получает для ознакомления ордер на

арест с формулировкой, прошу запомнить, «За ущерб национальной безопасности Соединённых Штатов», потом сообщает своим визави, что отвечать он будет только на анкетные вопросы – имя, возраст, образование. Ну и ладушки. Побеседовав некоторое время, ФБР-овцы сдают полковника в федеральную тюрьму Нью-Йорка. Рассказы о жизни и быте федеральной тюрьмы – отдельная песня, опустим для краткости.

В Москве после звонка Служба Государева протянула «Не по-о-онял…» и выступила с заявлением, смысл которого сводился к тому, что яму с крокодилами мы ещё не засыпали, а наловить десятка два американцев – минутное дело.

Вторыми за Чайкина вступились хранители традиций – британцы и сказали, что а) отставников трогать вообще нельзя, б) выдавать надо что-то одно – либо ордер, либо визу, в) чего ещё от этих американцев ожидать можно.

Третьими вступились совсем уж странные защитники – люди из Лэнгли, хотя их-то понять можно – цапнув Чайкина, ФБР подставило под ответный удар в первую очередь работающих в России ЦРУшников. Затем проснулся и Госдеп с криками: «Блин, ну что ФБР из нас дураков делает???»

Скандальчик разрастался и завершился тем, что в ходе очередного телефонного общения Черномырдина с Гором была сделана прямая предъява. После чего, проведя 15 суток (!) в федеральных тюрьмах, полковник Чайкин был освобождён с формулировкой «В национальных интересах Соединённых Штатов».

А теперь припомните формулировку ареста.

Эриберт Wow!

История эта приключилась со мной и моими друзьями в 1998 году… В августе. Для нас это время было не временем дефолта, а временем научной конференции, которую проводил научный Шеф одного из моих близких друзей. Так как друг был доверенным учеником Шефа, то получил он в виде бесплатного приложения к конференции профессора Ульмана, американца немецкого происхождения (вроде бы, сбёг в США из Германии, в которую тогда как раз вступила доблестная Советская Армия). И обязали моего друга водить оного профессора и его сына по Северной Пальмире в роли экскурсовода. С этим другом мы в тот момент жили в одной квартире, дело было летом, потому таскались с иностранцами по Питеру вместе. Вскоре таскаться пешком нам надоело, и я привлёк к выгуливанию Ульманов другого своего друга, который обладал замечательным девайсом ВАЗ-2015 бежевого цвета, таким образом преобразовав выгуливания в покатушки, в которых роли распределялись так: мой друг-водитель вёз всех нас, я, собственно, вёл экскурсию, а тот друг, на которого, собственно, и повесили этих американцев, автоматически переводил мои бредни. Историй за это время с нами случилось много, но больше всего запомнилась эта…

Надо сказать, что Ульманы (особенно старший) оказались чрезвычайно неравнодушны к нашим памятникам… Началось это с Площади Восстания…

«Wow! Что это за памятник?» – спросил Ульман, указывая на стелу посреди площади. Тщательно прочитав надписи, я сформулировал ответ: «Эта стела поставлена в честь победы великого советского народа над немецко-фашистской Германией!». Никто не обратил на это внимания, но Ульманы почему-то сникли… «Wow! А что это за памятник?» – спросил тот же Ульман уже на площади Победы (конец Московского проспекта). «Хм… А эта стела поставлена в честь прорыва 900-дневной блокады города-героя Ленинграда, который осаждали немецко-фашистские захватчики!» – услышал он бодрый ответ. Не знаю почему… так вышло… но *все* памятники, которые мы видели, были посвящены теме Великой Отечественной…

Исключением стал только памятник Дзержинскому, который заинтересовал американцев как «monument of founder of KGB»…[135] А потом мы поехали в Кронштадт, только за несколько лет до того переставший быть закрытым городом… Для усиления экзотики американцам запретили говорить по-американски, чтоб никто не принял их за шпиёнов… И вот… От набережной в синие воды Финского залива уходит длинный бетонный пирс, у которого стоят боевые корабли Балтийского флота. Вход на пирс перегорожен шлагбаумом с КПП, на котором двумя матросиками руководит старший мичман. Нет, не так… Старший Мичман! Седые усы… Нашивки за выслугу лет чуть не до плеча… Орденские планки… И тут неумные американцы таки проявили свою подлую сущность, увидев *очередной* памятник! В 10 метрах ЗА КПП стояли несколько якорей, окружённые цепью, которая опиралась на старые снаряды. «Мы хотим *туда* !» – сказали Ульманы… За дело взялся я…

– Товарищ старший мичман, разрешите обратиться?!

– Слушаю вас, молодой человек…

– Товарищ старший мичман, у нас гости из иностранного государства, хотели бы сфотографироваться на фоне этого памятника с русским морским *офицером* , с вами!

Уф… От важности, от осознания того, что его назвали офицером, усы взвились вверх ещё сантиметров на пять… И без того широкие плечи ещё расширились… Из ноздрей повалил дым. Оставив матросика на КПП за старшего, мичман лично поднял нам шлагбаум. Фото! И тут… Как всегда… «Wow! А что это за памятник?». Перевод на русский. Старший мичман гордо глянул на американцев *немецкого* происхождения, сглотнул комок в горле… и хорошо поставленным командным голосом выдал фразу, которая тут же дословно переводилась нашим гостям… «Этот памятник стоит на том самом месте, с которого линкор «Марат» ураганным огнём своих орудий сдерживал натиск немецко-фашистских орд, рвущихся к городам Кронштадту и Ораниенбауму!» Больше за неделю нас не спросили ни об одном памятнике…

Stroybat Американский гимн

Рассказывал мне один военмор такую историю. Здесь на форуме уже писали о рейде диверсионных отрядов Скорцени по тылам союзников в 1944 году. Не столько эти отряды нанесли действительного прямого вреда своими действиями, сколько внесли панику, хаос и полную дезорганизацию в тылу и прифронтовой полосе союзников. Всех охватила шпиономания, в каждом встречном видели немецкого диверсанта, свирепствовала военная полиция, арестовывали всех подряд, включая генералов. Никакие документы доблестных Эм-Пи[136] не убеждали: «Знаем мы, как в Абвере умеют документы подделывать!»

У американских патрулей был свой метод выявления вражеской агентуры.

Например, просили назвать столицу штата Алабама. Или имя центрфорварда известной бейсбольной команды. А ещё просили спеть американский гимн.

– Не помню!

– Давай, сынок, сколько помнишь, смелее, – говорил сержант военной полиции, закинув ноги на стол.

Если задержанный полностью пропел весь гимн без единой ошибки, то сержант говорил своим солдатам:

– А ну-ка, ребятки, отведите его в овраг и пристрелите этого нацистского агента.

Панический вопль:

– За что!?

– Видишь ли, сынок, я ещё не видел ни одного американца, который бы помнил его наизусть. Неплохо тебя подготовили!

AntonTs Постоянный пропуск

Был у меня один одноклассник, поучившийся в своё время пару лет на физтехе на ФАКИ[137] а потом отваливший в Калтех,[138] тоже, соответственно, на какую-то там аэрокосмическую специальность. Так вот, история про него, из третьих рук, разумеется.

Делали они какой-то там прибор в своём Калтехе и пускали его регулярно за счёт Дяди Сэма в стратосферу, чуть ли не с Вандерберга.[139] Соответственно, регулярно ездили на этот Вандерберг, получали там каждый раз пропуска (база-то весьма и весьма секретная), работали, уезжали. В какой-то момент местного начальника режима сильно задолбало, что чуть ли не раз в неделю к нему подчинённые прибегают какие-то бумажки на студентов подписывать (не читая, естественно), он призвал этих калтеховских орлов и сказал, что все замечательно, наука двигается, изделия летают, правительство США в его лице всецело этому помогает, и давайте, ребята, мы вам постоянные пропуска выпишем, а то не надоело ли вам самим каждый раз за пропусками бегать? Составьте вот, пожалуйста, список с указанием места (state) постоянного проживания… и получил он бумагу от которой его чуть кондратий не прихватил: 1. Смит, CA; 2. Джонс, NY;[140] 3. Михайлов, Russia.

The2nd Вопрос

Как известно, Германия немало приобрела от массового переезда немцев из России, но вот что она потеряла? Рассказываю со слов своего родственника.

Есть у меня приятель, тоже русский немец. Ну и как любой законопослушный гражданин ФРГ, достигший соответствующего возраста, был он однажды призван на срочную военную службу (так что сильно не завидуйте, в Германии тоже призывают, и отмазаться там достаточно сложно хотя бы потому, что ответственные органы взяток не берут. Пока, во всяком случае). Армией он бредил уже давно, так что сам изъявил желание служить в аналоге наших ВДВ. Может, десантники там не такие пробитые как у нас, но тренировались они тоже не слабо. По утрам, к примеру, они бегали 20-километровый кросс, часто в полной боевой выкладке. И вот во время очередного кросса по просёлочным германским дорогам, лежащим около места дислокации части, пробегали они нестройными рядами по небольшой деревушке. И наш герой услышал краем уха разговор двух бабулек на русском языке – тоже, наверное, оттуда, уж и не знаю, как они оказались в деревне, обычно наши бывшие соотечественники концентрируются в крупных городах. Так вот, оторвавшись от колонны, он подбежал к ним и спросил на чистом русском:

– Бабки, немцы далеко?

Понятия не имею, что они там подумали, но, как утверждает приятель, вид у них был ещё тот.

Технарь Хотели как лучше

Однажды командование решило, что у ВВС АОИ, как у самого что ни на есть технически продвинутого рода войск, должон быть Интернет. Но тут заартачились «контрики».[141] Справедливо, надо заметить, заартачились. Интернет на военной базе особо нервного «контрика» и до энуреза довести может. В результате пришли к компромиссу: Интернету быть, но ма-а-хонькому, исключительно в пределах ВВС, без выхода на Всемирную Паутину. Сделали всё как у больших, у каждой части сайт (и даже не один), у генштаба Интернет-портал, электронная почта, обмен информацией…

Недели через две начальство на пару с «контриками» начало шерстить личный состав нашей части на предмет выявления бойцов, умеющих строить сайты и имеющих доступ к серверам части. Причина? Вскоре после запуска ВВС-ного «Интернета» какие-то умельцы разместили на одном из серверов нашей части первый в израильской авиации порносайт…

Технарь Жироудалитель

Кастрюли, на 30 литров, на 50 литров, поддоны, и опять кастрюли, и противни, противни… И всё полное каких-то огрызков и ошмётков, и всё в осклизлой накипи застывшего жира…

Рядовой У. уныло оглядел мойку кухонной утвари. День тянулся бесконечно. В незапамятные времена какой-то чудак в погонах решил, что для мытья кастрюль хватит одного солдата, с тех пор день наряда на кухню становился судным днём для любого солдата нашего отдела (традиционно назначавшегося на этот почётный пост). У. с 8 утра драил кастрюли, сначала оставшиеся со вчерашнего ужина, постепенно (по мере поступления) переходя к тому, что поступало с обеда. Форма промокла насквозь и покрылась пятнами, в ботинках хлюпало, руки распухли от горячей воды, но груда чистой посуды росла и внушала робкую надежду, что через пару часов это издевательство наконец закончится.

В мойку зашло нечто с фигурой беременного орангутанга и мордой неопознанного крупного рогатого скота. Это был прапорщик и главповар. С брезгливой миной он пощупал пальцами вымытые противни и молча свалил их обратно в лоханки для грязной посуды.

– Ты что тут делаешь, ты тут дрочишь или делом занимаешься? – заверещал прапор на вконец опупевшего от такого фортеля рядового.

– Так ведь это… всё чистое было, я уж почти закончил…, заканчивал… – попытался оправдаться У.

– Ты это мытьём называешь?! Да там жира столько осталось, что дотронуться противно, и что это за чёрные пятна? Противни должны блестеть, понял, придурок, *блестеть* ! Завтра санитарная проверка на кухне, из штаба.

– Так не отмывается лучше, пригорело давно, не берёт мыло.

– Мыло, значит, не берёт? Хорошо. Пошли!

Прапорщик потащил У. на кухонный склад и всучил ему пачку железных «мочалок» и какую-то банку.

– Тут в банке сильнейший жироудалитель. Пока всё блестеть не будет, с мойки не уйдёшь.

– А перчатки? Нельзя этим голыми руками мыть.

– Ты что, у мамы на кухне или в армии? Кончились перчатки, так перебьёшься. Давай, пока всё не будет блестеть, наряд не закрою.

Около одиннадцати ночи У., пошатываясь, вышел из кухни на улицу и побрёл к себе. Руки горели огнём. Ввалившись в комнату, он начал потихоньку раздеваться, тихо шипя и матюкаясь от боли. С соседней койки показалась заспанная морда соседа:

– А-а эт ты. А чё так поздно?… Бли-и-ин, чё у тебя с руками?

– Да, повар, мать его, заставил какой-то хнёй посуду мыть, без перчаток.

– Так тебе в дежурную санчасть надо. А на повара рапорт накатай, только сделай запись у дежурного в журнале сейчас и когда из санчасти вернёшься.

…Дежурный оторвал взгляд о телевизора и уставился на У.

– Чего тебе?

– Так это… в санчасть иду.

– Ну и иди, лечись на здоровье. Чего тебе от меня надо-то?

– Мне сказали в журнале запись сделать, для рапорта.

– Для рапорта? Ну, давай запишем. Та-ак, 23.10, рядовой У. направлен в санчасть для оказания срочной медицинской помощи в связи… Что там у тебя?… Ни хрена себе! Ты чего, руки в кипяток совал? Ладно,… в связи с ожогом обеих рук. Давай иди, зайди по возвращении.

…В санчасти врач-резервист долго рассматривал передние конечности У.

– Ну и как тебя, солдат, угораздило? Аккумулятор на руки вылил?

– На кухне прапорщик заставил кастрюли жироудалителем мыть, без перчаток.

– М-да, добрые у вас прапорщики. Фельдшер! Записывай, химический ожог второй степени. Бери солдата в процедурную и повязки с «Беофином» на обе руки. Так, солдат, вот тебе больничный на двое суток и справка для дежурного. Рапорт напиши обязательно, если что, я подтвержу.

…Два дня спустя в кабинет командира базы (полковника) робко постучали. На пороге нарисовался тот самый прапорщик.

– Вызывали, командир?

Полковник поднял взгляд от бумаг. На столе лежал рапорт от рядового У., выписка из журнала дежурного и справка из санчасти.

Полковник посмотрел на прапора и спросил:

– Это правда?

– Так этот сучёнок ещё и рапорта пишет?! У нас комиссия на носу, а он выкаблучивается! Перчатки ему подавай!

– Молчать! Значит так, умник, есть два варианта: либо я начинаю служебное расследование и ты вылетаешь из армии без пенсии и выходного пособия, либо ты прямо здесь и сейчас пишешь мне рапорт с *просьбой* о переводе в Увду с понижением в должности и больше я тебя на этой базе не вижу.

Прапор хмуро посмотрел на командира, сел к столу и, обиженно сопя, начал писать рапорт.

Технарь Танкист-десантник

Далеко в горах израильского Крайнего Севера затерялась база. Не простая база, а танковый рембат. Когда-то эта база прославилась тем, что некий механик-водятел позволил неисправной башне «Меркавы» оторвать себе башку, тем самым сильно снизив показатель по ТБ как в рембате в частности, так и в АОИ вообще. Но речь сейчас не о том печальном инциденте, а о прапоре. Служил в том рембате прапорщик, наверное, и сейчас служит, такие досрочно из армии не уходят, только вперёд ногами или на заслуженную пенсию. Хорошо служил, бумажки исправно перекладывал, на механиков с электриками покрикивал, чтобы они, черти, не торчали у ворот боксов с сигаретами и кофе, а работали, ковали танковую мощь державы.

И заслужил таки прапорюга взгляд благосклонный от начальства, многими фалафелями[142] украшенного. И решило начальство прапора наградить-премировать. Но не златом-серебром, то бишь денежной премией в ведомости, и не званием внеочередным (все звания прапорщицкие он так и так до пенсии жопочасами, то бишь выслугой лет, возьмёт), а повышением его, прапора, боевой подготовки. Словом, решило начальство направить прапора на курс парашютных прыжков, сделать из него первого в истории АОИ воздушно-десантного танкоремонтного прапора, на страх агрессору.

Ну а прапор что, начальство приказало – прапор ответил «Есть!» Прочитал «Шма Исраэль…»,[143] поцеловал жену с детишками, да и поехал на тренировочную базу ВДВ награду получать во все предназначенные для этого отверстия. И таки получил, прошёл курс парашютной подготовки, выпрыгнул положенные три раза из парящей в облаках «Дакоты»[144] и вернулся в родной рембат, сверкая десантными «крылышками» на груди и почёсывая следы красного воздушно-десантного инструкторского ботинка на заднице.

Прапор гоголем ходил по боксам рембата, выпячивая грудь и периодически поправляя «крылышки», рассказывая и пересказывая всем осточертевшую историю про то, как было сложно на курсе, и какой он крутой, и как он целых три раза из самолёта прыгал. Остановившись возле «русского» механика, который хмуро махал

кувалдой, загоняя пальцы в танковую гусеницу, прапор в очередной раз поправил эмблему и, орлом взглянув на чумазого механика, сказал:

– Да, Алекс, это тебе не хрен собачий! Вот ты когда-нибудь с парашютом прыгал?

– Было дело, – пробурчал, не разгибаясь, механик.

– И сколько раз?

Алекс не спеша выпрямился, и задумчиво сказал:

– Ну, затяжных у меня около пятидесяти, а так просто где-то 250.

На прапора было больно смотреть; если бы из-под танка вылез негр, поставил бы его раком и при всех отымел, он бы не выглядел столь подавленным. Тихо-тихо, не поднимая глаз, он вернулся к себе в канцелярию и не выходил оттуда до окончания рабочего дня. Десантные «крылышки» больше никогда не появлялись на его гимнастёрке.

Ну не знал прапор, даже предположить не мог, что Шурик приехал в Израиль КМС-ом по парашютному спорту.

Технарь По заявкам

Иорданская долина, мы (опять!) охраняем поселение. В отличие от религиозной дыры под Хевроном, кибуц[145] Гильгаль выгодно отличался светским населением, зелёным пейзажем и четырьмя девушками-связистками, квартировавшими в соседнем домике. Из недостатков были патрули военной полиции, невероятная вонь и мухи от птичников (2000 индюшачьих голов, а где головы – там и жопы, которые гадят) и коровника, а также хреново поставленный подвоз продуктов.

О последнем и пойдёт речь.

Продукты должны были подвезти именно в тот день, когда мы сменили откаравливших своё товарищей. Продукты не привезли. Связались по рации с дивизией, спросили, когда привезут. Получили ответ: «Не сегодня», немного поматерились и смирились с судьбой. Надо сказать, что уехавшие товарищи были людьми запасливыми и не лишёнными совести, кое-что мы «по сусекам наскребли» и не голодали. А вот перед ребятами в соседнем поселении проблема встала, можно сказать, в полный рост. У них запасов не оказалось, и они сели на вынужденную диету.

Итак, ночь, часов так одиннадцать. Сидим вдвоём на КПП поселения, охраняем, тиха израильская ночь. Действительно, тихо, это не Газа, где что ни ночь, так цветомузыка из трассирующих. Слушаем радио, армейскую радиостанцию «Галей ЦАХАЛЬ». Идёт передача «по заявкам», звонят солдаты из частей разной степени удалённости от цивилизации, передают приветы, заказывают музыку… Оп-па, знакомый голос, у соседей один товарищ захватил с собой сотовый (тогда ещё редкость) и позвонил на радио:

– Привет!

– Привет!

– Откуда, солдат, звонишь?

– Вообще-то мы из авиации, но сейчас поселение в Долине охраняем.

– Ну и как там, тихо?

– Да вообще тут неплохо, только вот жрать сильно хочется.

– А чего так?

– Да в дивизии на нас забили и продукты не подвезли!

– Что ты говоришь?! Хорошо бы командование нас слушало… Какую песню будешь заказывать?

Послушали, посмеялись, щас командование дивизии будет по ночам радио слушать! В полночь нас сменили, и мы завалились спать. В 2:00 нас разбудили, приехал грузовик из дивизии и водитель, весь какой-то дёрганный, стал молча выгружать ящики с провизией. Выгрузив примерно, на глаз, тройной паёк, он молча влез в кабину и укатил. Сказать, что мы удивились, нет, мы просто охренели. Распихав продукты по холодильнику и кладовой, мы начали по рации узнавать у дежурного в дивизии и у соседей, что это было. Картина вырисовалась следующая:

Это был шанс один на тысячу, но именно в эту ночь командование услышало. Точнее, у замкома дивизии была бессонница, и он слушал радио. Информацию он воспринял болезненно и тут же вскочил в джип и поехал во вверенную ему часть. Когда чуть за полночь замком ворвался на базу, выросший на югах личный состав наконец понял, какой он северный пушистый зверь (писец), причём зверь оказался на редкость упитанным, а потому полным.

Кладовщик, ответственный за распределение продовольствия по постам в поселениях, отправился под арест, даже не продрав зенки, туда же отправился водила, которому было влом везти продукты. Зампотыла подняли с постели, и он лично открыл склады и выдал продукты. Подняли дежурного водилу, загрузили грузовик, выделили солдата для охраны и отправили по поселениям. Всё это сопровождалось порыкиванием замкома, который обещал научить всех Родину любить и беспорядки нарушать, причём на редкость подробно описывал позы предполагаемого учебного процесса.

На следующий день он устроил генеральную ревизию продуктового склада. Оказалось, что, пользуясь тем, что поселения охраняют солдаты, командированные с другой базы и даже из другого рода войск, которые, кроме того, ни хрена не понимают в той ведомости, которую им дают подписывать, кладовщик позволял себе некоторые вольности в комплектации пайка. В течение всех трёх недель нашего там пребывания мы получали задолженности из

дивизии. Сменившись, мы поразили прибывшую смену видом забитого до отказа холодильника и кладовки.

Самаль Подруг

В израильской армии отношение к оружию чрезвычайно интересное. С одной стороны – трепетное, с другой пофигистическое…

«Оно мне как подруг, да!»

Курс молодого бойца в израильской армии – это тема для бесконечных историй. Чего стоит только КМБ длительностью два(!) дня для секретуток и писарей. Называется – «Тиранут 00». Говорящее название, не правда ли? Но в 1998г. минимальный КМБ составлял около одного месяца и назывался 02. Уровень подготовки не хочу обсуждать, скажу прямо – выходцы такого КМБ поступали в нестроевые части, и единственное, что требовалось от них, это не перепутать ствол автомата с прикладом. Но жизнь штука странная, и среди серой массы халявщиков, болезных, туповатых и т.д. попадались жертвы военного психолога (КАБАНа – кацин бриут нефеш – офицер здоровья души). Зачастую мнение его основывалось на двух предпосылках: в армии служить должны все. Но тот, кто хочет в боевые части – сумасшедший. Не хочу оспаривать мнение дипломированного специалиста, но встретить бы этого товарища на тёмной улице…

Одной из жертв такого специалиста был парень кавказского происхождения, отдававшийся службе всей душой. Не знаю, был ли в тот призыв на нестроевом КМБ более исполнительный и физически подготовленный солдат. Приказы командира воспринимал буквально, во время марш-бросков волок на себе 2-3 малохольных будущих писарей или программистов вместе со всем их снаряжением, на стрельбищах стрелять мог с закрытыми глазами. К винтовке (М-16-А1), старенькой, потёртой, измученной бесчисленными поколениями солдат, он относился предельно трепетно. Легче было найти посреди пустыни воду, чем нагар в казённике его винтовки. Он правдами и неправдами сменил у оружейника треснувшее цевье (мадпесим), купил за свои деньги хороший ремень, купил специальные чистящие средства и отдраил от ржавчины все детали… Перечислять можно долго, однако такое отношение к оружию ещё не выходит за рамки

обычной любви к своему (пускай и временно) оружию. Всю глубину его любви к нему мы выяснили несколько позже.

На КМБ мы спали в стандартных, 20-местных палатках. Изголовья раскладушек стояли возле стенок, а так как автомат солдат во сне должен хранить под подушкой, зацепив ремнём за раскладушку, то наш сержант проверял правильность хранения очень просто – он просовывал руку в щель палатки (их оставляли для вентиляции) и касался ствола. Если есть ствол – есть солдат. Нет ствола – нет солдата. Или это не солдат… И в одну из ночей он таким образом попытался нащупать автомат кавказского (читай – горячего) еврея. Не нащупав его, он попробовал определить, на месте ли солдат, лёгким похлопыванием в окрестностях изголовья…

Мы проснулись от страшного рёва и шатания палатки. Парень, вообразив, что его любимый автомат хотят похитить, ринулся на обидчика прям сквозь стенку палатки. На наше счастье (всех тех, кто спал с ним в одной палатке), палатка оказалась существом разумным и пропустила кавказца сквозь стенку. Те, кто жил в таких палатках, должны понять, насколько это героический поступок – проломиться через её стенку. Мы же, проснувшиеся от страшных звуков, выскочили наружу спустя несколько секунд через выходы. Не совсем было понятно, где, кто и кого бьёт, но звуки были характерные. Наконец один из нас, видимо более проснувшийся, сообразил, что жестокая битва идёт между палаток, в тени. После этого он выволок из тени упирающегося и кричащего: «Я убью эту ****, этот террорист мой автомат украсть хотел!» На шум уже подбежал другой сержант, и после короткого разбирательства стало ясно, что не было террориста, не было похищения, а было неправильное хранение автомата в обнимку под одеялом. Результат: один сильно побитый сержант, один оставленный на выходные на базе солдат.

Правда, нам было не совсем понятно, для чего спать в обнимку с автоматом, и на прямой вопрос, типа зачем ты спишь с автоматом, он тебе что – друг?:) Мы получили не менее прямой ответ – «Оно мне как подруг, да!»

Самаль Мерзкий тип

А вот обратный случай отношения к оружию. Спустя два с лишним года, стал я на одной базе сержантом караульного взвода. Солдат постоянных у меня в подчинении не было, но способом ротации ко мне попадали все служащие базы – офицеры (и приравнённые к ним прапорщики) как начальство, солдаты как подчинённые. База наша была хоть и небольшая, но не смогла избежать присосавшихся трутней. В израильской армии трутни называются «спортаи мицтайен» (отличившийся спортсмен). Эти солдаты службу не несут, она их с трудом выносит. Но если на крупной базе несколько таких трутней теряются в общей массе, то на небольшой даже парочка таких начинают разлагать коллектив. Пример – несение караульной повинности. Саша – механик-электрик башен танка «Меркава». Так как электрики в башнях много, а ломаться она любит по поводу и без повода, приходится ему кататься по разным базам, где расквартированы эти танки, и чинить их на месте. Но время поездки – вещь гибкая. И порой, только вернувшись с одной базы, ему приходилось заступать в караул (это после суток тяжёлой и грязной работы) вместо уехавшего на спортивные сборы спортсмена, а сразу после сдачи поста уезжать на другую базу. Но все-таки человек – не блоха, и сколько не прыгай, а приземляться нужно.

В армии государства Израиль увольнительные (пасы) выписывают на различные сроки. Максимальный – полгода. Но даже хотя бы раз в полгода тебе придётся явиться на базу для продления увольнительной. И в этот момент, пока старая увольнительная уже закончилась, а новая ещё не началась, можно хитрого огурца взять за жабры. Что и было проделано. Заявив прапору (расару), что кровь из носу нужны новые батареи для раций, я упросил его съездить на главную базу за ними именно в тот день, когда должен был вернуться спортсмен (назовём его Ицик – имя значения не имеет). Составил список караульных и подсунул его на подпись в тот момент, когда ему уже некогда было вчитываться в фамилии. И вписал в него Ицика! Правда, если бы я знал, чем это закончится…

Ицик явился на базу, как всегда в гражданском, на автомобиле, без оружия (его можно хранить дома под двумя замками, либо в полицейском участке) и сразу направился к кабинету расара за новым пасом. Его сопровождали ухмылками все ребята, которые были в курсе событий, то есть полбазы. Наткнувшись на запертую дверь, он совершил глупый поступок – зашёл в кабинет командира базы. А у того на столе лежал список караульных на те сутки. В результате Ицик вылетел через 15 минут, сопровождаемый матами командира (не в форме! без оружия! а тебе в караул!) и судорожно сжимая в руке увольнительную на *полчаса* для того, чтобы съездить домой за формой и оружием. Сразу за дверью Ицик заметил все русскоязычное население базы, которое лежало пластом от хохота, и понял все… Он пригрозил мне всеми карами небесными, в ответ я спокойно показал на часы. Оставалось двадцать минут. Ицик сообразив, что карать меня пока некому, а его вполне могут, и вместо очередных сборов он вполне может загреметь на губу, принял стратегически правильное решение и полетел на машине до дому…

Через два часа я вместе с командиром, довольно потирая руки, ждал его на КПП. Командир оказался свойским человеком и, когда я ему объяснил суть комбинации, сказал:

– Хорошо придумал! Может, этот футболист куев подаст рапорт о переводе, и нам наконец пришлют ещё одного механика взамен…

Мысленно прикидывая, какие статьи упомянуть в рапорте на этого опозданца, я ждал. Ицик не появился через час. И не появился через два. И только на исходе третьего часа из подъехавшего автобуса вывалился измятый Ицик в форме. Как оказалось, кошелёк с правами он забыл на столе комбазы и по закону подлости доблестные ДПСники тормознули его и мурыжили до выяснения обстоятельств. Пока он объяснял это комбазы, я пытался понять – чего же с ним нету… Вроде, и беретку прицепил на плечо… И ботинки военные… И автомат… *А где автомат?!*

–Ицик! Где оружие? Ты как в караул заступать собираешься?!

–Автомат? Какой автомат? Ах, автомат… Аа-а-а-а!!! Водила! Мерзкий тип! Я же просил его напомнить мне, чтобы я забрал из багажника автобуса автомат!!!

То, что случилось дальше, это уже совсем другая история…

Maiki Операция «Иракская свобода»

Как бесстрашные монголы спасли базу
(военные зарисовки)

Выбрался я в кои-то веки за холм. Как раньше было: едешь в Афган, за речку, а вот в Ирак – это за холм, – его кувейтяне нарыли после первой войны в 1991.

Пункт назначения – база Чарли, что в славном шиитском городке Хилла, неподалёку от Вавилона. База коалиционная, всех понемногу, но, в основном – поляки и монголы.

Жизнь не райская – миномётные обстрелы каждую неделю, но живут в казармах или в домиках, а не в палатках, да питаются не сухим пайком, а нормальной горячей едой. Проблем с душем у ребят тоже нет.

Все было путём, пока духи не решили подорвать базу к едрёне матери, использовав при этом камикадзе на грузовике. Время подобрали подходящее – раннее утро, когда личный состав завтракает перед патрулированием.

Идея была пробить дыру в заборе направленным взрывом, а потом пустить в неё грузовик. Идея, в общем-то, неплохая, особенно учитывая, что поляки, да и остальная коалиция, обычно бежит в убежище при звуках грома, не говоря уже о чем-то более серьёзном.

На этот раз на вышках были монголы. Честно скажу – с дисциплиной у мужиков все в порядке – я такой не видел даже в американской армии. И это при том, что получают они меньше всего из всей коалиции – около 300 баксов в месяц (офицеры), а солдаты ещё меньше.

В общем, направленный взрыв удался – дыру духи пробили. Монгольские солдаты единственные, кто остался на посту, и при прохождении грузовика просто расстреляли его за 100 метров до забора.

Дух взлетел на воздух, вся улица разрушена. Коалиция не потеряла ни одного солдата – только несколько раненых – в основном, шрапнелью и осколками стекла.

PS: По возвращении обязательно подниму тост за монголов – душевные они ребята. Да и в Россию верят безгранично!

Свободная тема

Волчок-серый бочок Он

Когда грянула великая и бескровная, Он учился в кадетском корпусе; отец, оба дяди и старшие братья ушли на Дон, воевали в Марковском полку и нашли свою смерть кто в донских степях, кто в каменноугольном бассейне, кто в Крыму. Его же оставили, строго-настрого наказав присматривать за матерью и сёстрами. После окончательной победы красных, из Казани они перебрались в Москву, за Его спиной были десятки поколений русских офицеров, но в военное училище его не брали как классово чуждый элемент. Впрочем, на работу тоже не брали, и Он перебивался случайными заработками, не брезгуя никаким, даже самым тяжёлым, трудом. В двадцать восьмом мать арестовали, и менее чем через месяц она умерла на Лубянке. В тридцатом ему неожиданно удалось поступить в педагогическое училище, что само по себе странно: оказалось, что классово чуждый элемент не может быть офицером РККА, но зато может учить будущих офицеров и рядовых той же РККА. Окончив педагогический с отличием, Он работает в школе, но каждый год не оставляет попыток поступить в училище и стать офицером, и в тридцать восьмом Он так же неожиданно, как и все в его жизни, становится курсантом. Далее сведений о нем нет, но в ноябре сорок первого Он в звании старшего лейтенанта командует ротой под Москвой, и в той роте целых двадцать пять бойцов, из которых половина почти не призывных возрастов; но позицию рота занимает такую, какую должна занимать полнокровная рота. Одной из темных ночей из его роты немцы захватывают языка, пятидесяти пятилетнего татарина, который и по-русски то почти не понимает. Наказание – штрафной батальон. Полгода Он на самой что ни на есть передовой, ранен, смыл позор кровью.

Декабрь сорок второго: их батальон штурмует безымянную высотку, у которой и названия-то нет, а только порядковый номер «высота номер такая-то». В бинокль Он наблюдает, как кинжальный пулемётный огонь с высотки вначале выкашивает первую роту, потом таким же образом укладывает вторую. Его вызывают к комбату. Он уже знает, зачем и что ему сейчас прикажут; впрочем, должно быть,

Ему было все равно, своё решение Он уже принял. Комбат поставил задачу старшему лейтенанту взять высоту такую-то.

– Товарищ капитан, считаю необходимым провести артподготовку, иначе и людей положим, и высоту не возьмём.

– Товарищ старший лейтенант, приказываю взять высоту такую-то, выполняйте.

О чем он думал в этот момент? Ведь знал наверняка, что случится дальше, впрочем, этого «дальше» и оставалось-то минут на десять.

– Я людей на смерть не поведу, считаю необходимым провести артподготовку. (Наверное, в этот момент многие поколения предков-офицеров смотрели на последнего из Рода и одобрительно кивали головами.) Тройка собралась быстро, приговор – расстрел. Рота видела, как их командира вывели из землянки и повели в сторону ближайшего оврага, правда, не отвели и на двадцать шагов, вернули обратно.

Приказ вышестоящего командования гласил: комбата снять с занимаемой должности до особого разбирательства за неумелое руководство вверенным ему подразделением, а Ему за невыполнение приказа, учитывая, что в сложившейся обстановке…. и т.д., но между тем…, заменить расстрел штрафным батальоном. В сорок третьем Он принял свой последний бой; из их роты, в состоянии почти «двухсотом», в живых осталось два человека, Он и безымянный рядовой. В госпитале, чудом выжив, Он познакомился со своей будущей женой. После войны Он снова работал учителем математики в обычной средней школе, жил как все, только никогда ничего не рассказывал о той войне, да его и не расспрашивали, так как орденов и медалей Он так и не заработал.

Война настигла его в семидесятом – последствия ранения. Одним ярким весенним днём семьдесят второго, уже будучи тяжело больным, он позавтракал яйцом всмятку, погулял по цветущему яблоневому саду, в обед позволил себе сто пятьдесят и папиросу, что в последнее время позволял себе нечасто, и, как обычно после обеда, ушёл к себе. Когда Его пришли будить… Весну он забрал с собой.

Он – это мой дед.

О том, какой он был, мы узнали, когда его не стало, но это тема для отдельного рассказа. У меня на столе стоит Его фотография, и, глядя на него, я все время задаю себе вопрос: а как бы поступил я?

Тафарель Розы

К любимцу всего техсостава старшему лейтенанту Игорю Пермякову приезжала на побывку жена. По рассказам Пермякова весь гарнизон знал, что она, Аллочка, очень любит розы. Ещё Аллочка очень любила маму. И жила на её попечении в Питере. Периодически Пермяков делал попытки вызвать жену к себе, на побывку. Так же периодически жена находила отмазки и не приезжала.

– Ждёт, пока генералом станешь – подкалывали лейтёху.

– Короче, последний раз её зову, не приедет – развожусь, – решительно заявлял Пермяков сослуживцам в минуты откровения.

Но Аллочка на этот раз согласилась.

– Чтобы стать женой генерала, надо выходить за лейтенанта, – объясняла она свой поступок подружкам. И хоть иногда приезжать к нему в гости, – добавляла, немного подумав. Подружки отвлекались от просмотра мыльной оперы, хлопали в ладоши, весело повизгивали и выражали уважение своей мудрой товарке.

А в общежитии полным ходом шли приготовления.

Сосед Пермякова по жилплощади, старший лейтенант Бура, за небольшую мзду в виде пары капель горькой согласился на недельку очистить помещение. Кровати были стянуты в центр комнаты и связаны (по совету старших товарищей). У прапорщика Ляшенко была одолжена клетка с канарейкой для уюта. В городе было закуплено шампанское и десяток свечей. После недолгих колебаний за день до приезда в оборот был снова взят старший лейтенант Бура, который за дополнительную мзду согласился достать розы, сотню роз. У Буры девчонка работала в местном дендрарии, где выращивали свежие цветы для нужд обкома партии. Из-за дефицита времени Буре была обещана ещё одна доза за транспортировку и разбрасывание роз по комнате (романтика!).

Игорь уехал в город и должен был вернуться часам к шести вечера. Но как назло, питерский поезд опаздывал, опаздывал жутко. Игорь выкурил все сигареты, обследовал вокзал, познакомился со всеми патрулями и ментами, успел заметить, что в ресторане есть армянский коньяк, и потихонечку начал расстраиваться, когда

долгожданный поезд наконец появился из тумана. Аллочки не было. Ни в её вагоне, ни в других вагонах, ни на перроне, ни под перроном, ни в багажном отделении, ни под ним – нигде.

Встревоженный лейтенант пометался по вокзалу, нашёл переговорный пункт и позвонил в Питер. Ответил заспанный голос Аллочки.

– Алё, Алла, ты дома? Я же тебя здесь жду!

– Ой, Игорёк, такое случилось, такое случилось! Я уже собиралась ехать на вокзал, ждала такси, а тут Наташка позвонила, Ты не представляешь, какое несчастье. У неё Тошка померла.

– Аллочка, милая, кто такая Наташка, кто такая Тошка? Чего ты плачешь? Я тебя жду!

– Ты, Игорёк, никогда мною не интересовался, и даже не знаешь, что Наташка – это моя лучшая подружка, а Тошка – это её болонка. Смышлёная такая, забавная! Ой, жалко, что ты её не знаешь.

– Кого, Наташку?

– Да нет же, нет, Тошку.

Лейтенант начал терять интерес к беседе, посматривая на манящие витрины вокзального ресторана. Призвав чувство такта на помощь, Игорь продолжал беседу.

– Так Тошка ж сдохла.

– Вот, я и говорю, я так плакала, так плакала, мне мама давала валерьянку и мы её похоронили.

– Кого, маму?

– Бестолковый ты, Игорь, собачку похоронили.

На всякий случай Игорь спросил:

– Ну хоть отпели?

На втором конце провода бросили трубку. Странно, но Пермяков почувствовал облегчение. Идёт она в…

В ресторане, сытно поев и опустошив бутылку коньяка, принялся думать, разводиться или не разводиться. Потом вышел, неизвестно каким макаром миновал патрули, неизвестно как добрался до части к полуночи, но известно, что всё это время он смотрел на свою руку в новой перчатке (вторая куда-то исчезла на вокзале), переворачивал её ладонью вниз, а потом вверх, вниз, потом вверх.

– Разводиться – не разводиться, разводиться – не разводиться, – бурчал себе под нос лейтенант в такт движениям кисти руки.

Подвыпивший мозг забыл, что сосед, Бура, изгнан из квартиры, потому Пермяков очень тихо и аккуратно попытался проникнуть в помещение. Не зажигая света, скинул обувь и приставным шагом направился к кровати.

Офицерское общежитие проснулось от тяжёлого стука, мата и завываний. Из-за двери квартиры старших лейтенантов Пермякова и Бура доносились звуки побоища. Кто-то падал, переворачивал мебель, кричал и кого-то проклинал. Офицеры повыскакивали из своих комнат и столпились около двери. Капитан Кротов в сапогах и семейных трусах в клубничку стоял около косяка с табельным пистолетом в руках. На правах старшего по званию дал команду – ломаем. Лейтенант Чуприн, взяв короткий разгон, пнул по двери и выставил её вместе с косяком. Включили свет. Посреди квартиры, посреди благоухающих свежих роз на четвереньках стоял старший лейтенант Пермяков. Отыскав мутным глазом пятачок пола, свободный от шипов, попытался встать, но потерял равновесие и снова грохнулся на проклятые цветы. Упорный Игорёк матерился и не оставлял попыток встать, снова падал всем телом на колючки и матерился, пока товарищи не отволокли его, окровавленного и расцарапанного, под стенку.

– Ну её на хер с её розами. Это она мне напоследок, гадюка. Я вам точно говорю. Я её знаю.

Взял один цветок, посмотрел на него как Ленин на буржуазию, бросил в стенку, посмотрел на незажжённые свечи, на окно, за которым поджидало холодное шампанское, на пару бокалов, примостившихся на тумбочке.

– Красиво, чёрт побери. Красиво!! Развожусь красиво! Шампанского! Всем шампанского!

– Ну и правильно! – отозвался кто-то из толпы.

Processor Синдром

Проснулся Сеня оттого, что какой-то вражина набросил ему куртку на голову и начал душить. Сеня резко рубанул правой рукой над головой, но рука, разрубив пустоту, больно врезалась в пол. От боли Сеня проснулся ещё больше. Схватив левой рукой куртку, он сорвал её с головы. Никого. Над головой потолок, обитый свежей фанерой и комариный рой. Во рту ночевал кавалерийский отряд с лошадьми. Спина затекла от лежания на полу. Сеня с трудом сел, отбросив куртку. Скорее всего, во сне он натянул её на голову, спасаясь от комаров. Да, хорошо погудели. Голова и сейчас гулом гудит. Весь организм вибрирует. Бригада строила балки[146] на перевалке, потом прилетала «шестёрка» – вертолёт Ми-6, цепляла балок на подвеску и уносила в голубую бесконечность. Уже несколько штук скопилось, а вертушки все нет. Вот и отметили сдачу очередного объекта. А потом все ушли, а Сеню забыли на объекте. Алконавты. Насосы! Дверь прикрыли и свинтили!

Сеня попытался рывком встать, но с первого раза не получилось. Земля плавно покачивалась, равновесие осталось грамм шестьсот тому. Сеня встал на колени, кряхтя, приподнялся. Ох и качает! Надо меньше пить… Подошёл к двери, потянул на себя…

Интересно, сколько в критических ситуациях организм может выработать адреналина в долю секунды? Или он где-то в организме хранится, а потом сразу впрыскивается?

Под Сеней, метрах в трёхстах ниже носков его сапог, медленно проплывал Золотой хребет. На северных склонах, по распадкам лежали белые снежники, извивалась причудливо какая-то речка, вдали, между хребтом и морем, поблёскивали зеркальца озёр. Балок висел на внешней подвеске под брюхом «шестёрки». Вот почему так качает землю, вот что за гул.

Сеня едва успел расставить руки и не вывалиться из балка. К счастью, на Севере двери всегда делают открывающимися внутрь. Иначе после пурги, когда балок занесёт снегом, можно из него и не выбраться. Сеня захлопнул дверь и, встав на четвереньки, как-то боком отбежал к противоположной стене. Балок от этих перемещений

раскачало ещё сильней, и Сеня вспомнил, как пару недель тому с перевалки на подвеске у «восьмёрки» отправляли погрузчик. Не успела «восьмёрка» набрать и полсотни метров высоты, как подвеску сильно раскачало и погрузчик камнем полетел вниз. Там, в вертушке, нажали на кнопочку пальчиком в белой перчатке и сбросили груз.

Сеня плашмя распластался на полу и замер. Теперь вся надежда на летунов. Если не сбросят, напою весь экипаж. Неделю поить буду. Нет! Сам пить брошу. Все, завязал! Гад буду, завязал. Только не бросайте! Даже пива в рот не возьму!

Но экипаж попался опытный, на «шестёрках» Полярнинского отряда летали асы, раскачивание утихло. Сене очень хотелось пить, в трёх шагах в углу стояло ведро с грязноватой водой, из которого торчало два топорища. Несколько минут Сеня боролся с боязнью опять раскачать подвеску, потом медленно пополз к ведру. Пронесло, не раскачивает. Постукивая зубами о край ведра напился. Потихоньку сползал к куртке, трясущимися руками достал «Беломор», закурил, ломая спички. После первой затяжки слегка закружилась голова, после третьей унялась дрожь в пальцах.

Пилоты Полярнинского отряда были не только асами. Они к тому же были трудягами и аристократами себя не считали. Поэтому, прилетев на перевалку и не найдя там никого, зацепили сами крайний балок и пошли выполнять полётное задание. А, положив балок в точке назначения, подсели рядом. Вытащить стропы. И обомлели, увидев, как открывается дверь балка и на землю вываливается мужик с «Беломориной» в зубах, ведром с водой и двумя топорами в одной руке и курткой в другой.

Не знаю, поил ли Сеня экипаж. Сам он не просыхал дней десять.

Тафарель Полцарства за огонь

Виталика Грозновского, лейтёху, командира электриков комплекса, безмятежно пускающего слюни во сне, бесцеремонно растолкали, в лицах передали гнев командира ДИС-а и настоятельно посоветовали рулить к месту происшествия.

Голова после вчерашнего варила на малом огне. От сочного запаха бензина в УАЗике стало подташнивать. Нарушая все правила движения наземного транспорта, машина пересекла пустую трассу по диагонали, штурмовала грязные осевшие сугробы на обочине и запрыгала по грунту, срезая путь. Стало совсем плохо. Лейтенант, сжав зубы, принялся лихорадочно шарить в темноте, отыскивая ручку, чтобы открыть окно. Совсем скоро его озарило, что в этой развалюхе добраться до воздуха можно, только разбив стекло. Похлопав водилу по плечу, показал жестами остановиться, но было поздно…

Облегчив душу, лейтенант попросил ехать обратно. Чистого комплекта формы в наличии не оказалось. Соседи, несмотря на громовые удары по двери, не просыпались. Одевшись в очаровательную комбинацию из выходных джинсов индийского производства и весёленького свитера с надписью «Регата-80», напялил фуражку и вновь спустился к авто. По мере приближения к хмурому, почти без окон, зданию, Виталиком овладевало чувство вины и тревоги. Он догадывался, зачем его подняли среди ночи. Скорее всего, опять был сбой с питанием. Таинственные происшествия с падением напряжения по ночам продолжались уже три недели и доставляли технарям непроходящую головную боль. Особо деликатное оборудование противно мелькало индикаторами, несмотря на безотказное включение аварийного источника, и обнулялось, надёжно похоронив результаты работы за целый день.

Начальник станции, подполковник Серебров, и так не отличающийся спокойным характером, стал просто невыносим, получив вздрючку от командования за срывы планов испытаний. В половине второго ночи, когда в очередной раз рыкнул дизель-генератор, Серебров рывком встал, знаком приказал жене не задавать лишних вопросов и двинулся в решающий бой.

Выпав из автомобиля, лейтенант Грозновский сгрёб в пригоршню грязного снега, кое-как протёр ботинки и, покачнувшись, пошёл на ковёр.

– Что за клоунада, товарищ лейтенант? На кого вы похожи? – надсадно орал командир Диагностическо-испытательной станции.

– Я вас сошлю в войска, в тайгу, на Колыму, к чёртовой бабушке! Вы понимаете, что такое ДИС, товарищ Грозновский?

– Дебилы И Сволочи! – захотелось ответить Виталику, но собрав волю в кулак, он промолчал и продолжал выслушивать поток площадной брани в свой адрес и в адрес всех технарей белого света.

– Ты понимаешь, что мы – самое важное подразделение в этом грёбаном городе?! Ты понимаешь, что я сорву испытания и мы все вместе будем паковать чемоданы с зимними вещами? Ты ведь, клоун сраный, знаешь, что индикаторы скачут?!

– Знаю, Андрей Владимирыч, то есть, товарищ подполковник, – начал вяло отбиваться лейтенант, старательно дыша в сторону. – Я позавчера лазал по цепям целый день. И ничего не нашёл.

– По мне, Виталий Иваныч, хоть ночуйте здесь! Я приказываю вам не покидать здания, пока причина не будет найдена. Если до завтрашнего вечера ничего не изменится, будем вызывать академию. Но тогда…

В этот момент свет на мгновение потух и появился снова. Дизель на улице заорал, а Серебров сделал страшные глаза и хлопнул по столу тяжёлой пепельницей, равномерно распределив окурки по полу кабинету.

– Е-есть, – покачнувшись, козырнул Грозновский и обнаружил, что козырёк фуражки находится сбоку.

– Иди! Я здесь тоже, и никуда не пойду. Отруби дизель! – донеслось вдогонку.

Выйдя в коридор, лейтенант почувствовал, как мерзко дрожат колени и противно бурчит нутро. Мячиком отскакивая от стен и перемещаясь зигзагом, пытался собраться с мыслями. Нащупал в кармане брюк забытую пачку мягкого «БТ», обрадовался и решил первым делом спуститься, отсечь генератор, покурить и успокоиться. Спичек не было.

– Возвращаться к Сереброву за огнём? – думал Виталик. – Нет, уж лучше съесть эту сигарету, чем опять видеть его рожу.

Кое-как спустился вниз, толкнул тяжеленную дверь и оказался на улице. Заглушил дизель. Чёрный дым уволокло ночным ветерком. Постепенно, звенящая тишина возвращалась вместе со свежим, прохладным воздухом предутренних часов. Похлопал себя по карманам, ещё раз убедившись, что спичек нет. Вдруг явственно почувствовал запах табачного дыма и, задрав нос, походкой лунатика отправился по следу.

Боец Внутренних войск на внешнем входе, завидя фигуру в ночи, торопливо затушил сигарету и вежливо поинтересовался, кто идёт.

– Дурак, – ответил Виталик.

– Кто дурак? – спросил воин.

– Ты дурак! Ты тех, кто снаружи идёт, спрашивай!

– А я и их тоже спрашиваю!

– Спички есть?

– Э-э-э, нету, тащ, – солдат обескураженно уставился на модно одетую личность, вышедшую из тени.

– Брат, ну я же видел, ты курил. Дай огоньку, уши пухнут, – миролюбиво произнёс Грозновский, еле-еле двигая языком.

– Ну, это сейчас, – чуть помедлив, ответил солдат.

Вынул из-за пазухи пачку писем, оторвал от одного из конвертов полоску бумаги, потом подошёл к электрощиту, сунул бумажку в искрогасительную камеру пакетника, взялся за рубильник, подёргал его и преподнёс лейтенанту вожделенный огонь.

Тафарель Цветочки

В одном сибирском посёлке, выстроенном для военнослужащих близлежащей базы военно-транспортной авиации, жил-был товарищ старший техник Казулин. И был он женат на Люсе. И была у него молоденькая хорошенькая соседка по лестничной площадке. Папаня той девушки был ветераном ВТА, офицер, лётчик и всё такое.

– Люська, ты глаза-то разуй: твой напротив, к Жанке ходит, – сердечно ворковали соседушки, сидя на лавке у подъезда.

Люська не находила слов, краснела, опускала глаза и шла дальше.

В гарнизоне была красивая традиция не забывать своих ветеранов, а потому каждый год на 23 февраля им посылались подарки и поздравительные открытки. Вот и в тот день УАЗик с посылочками уже было пересёк КПП, как в свете фар закачалась фигура старшего техника Казулина. Объект был немного пьян по случаю праздника и пел песню «А нам всё равно, а нам всё равно…». УАЗик резко затормозил.

– Мужики, в город?

– В город, залезайте, товарищ капитан.

В пути выяснилось, что Казулину надо в тот же дом, что и ребяткам, и он, собственно, может и подарок передать. Поколесив немного по посёлку, машина подъехала к нужному дому, выгрузила старшего техника Казулина с коробкой конфет и букетом цветов и продолжила своею дорогой. «А нам всё равно, а нам всё равно…», – весело напевал объект, поднимаясь по лестнице.

У соседей заверещал звонок. Люся Казулина по привычке подскочила к глазку и , о боже… увидела своего благоверного с коробкой конфет и букетом свежих цветов.

– А нам всё равно, а нам всё равно, – напевал супруг.

– Вот, сука-то, цветы достал, Казанова херов, – думала Люся.

Дверь напротив открылась, в проёме показался хозяин.

– А-а-а, – злорадствовала Люська, – хотел козочку, а напоролся на старого козла!

К её удивлению, Казулин протянул хозяину руку, вручил цветы и конфеты. Мужики крепко расцеловались, перекинулись парой слов,

Казулин воровато оглянулся на свою дверь и зашёл внутрь.

Люська металась по квартире, лихорадочно подыскивая объяснение увиденному.

«Гомосексуалист!» – мелькало в голове. – «Мой муж гомосексуалист. Этого ещё не хватало! А ещё детей хочет, пидор никчёмный. Вот позор-то! Лучше б уж Жанку трахал, а то, как подумаешь, как он там с этим с козлом старым…». В терзаниях прошло часа два. Потом в дверь постучали. Соседка, «старого козла» жена.

– Люсенька, милочка, пойдёмте, мужики нализались как свиньи. Заберите свою, пожалуйста.

– А вы дома давно, Марь Сергеевна? – издалека начала Люська.

– Я и не ходила никуда сегодня…

Люська зашла на соседскую кухню. На холодильнике стояла банка с цветами, на столе – порожнее «Золотое кольцо России», под столом – два офицера ВВС.

– А чего это мой вам цветочки принёс? – не выдержала Люська.

– А, так это подарок из гарнизона. Красивые цветочки. И где это они их посреди зимы достали?

К празднику это – каждый год присылают. Вот, и эти (указала на мужиков), к праздничку нажрались. Забирайте, милочка, забирайте, нам чужого не надо.

Люська с удовольствием тащила мужа домой. Он икал и пытался петь «А нам всё равно…».

Дома его раздели и уложили в кровать. Супруга присела рядом и нежно гладила его по голове. Пьяный мозг капитана с удивлением отмечал: «Вот так да – нажрался, а она не орёт, не скандалит». «Жисть хороша», – подумал капитан и сладко забылся.

Тафарель Эдик-сфолочь

Подсобное хозяйство полка было небольшим, но крепким. В наличии имелись поросята, четыре дойные коровы и пара-тройка-четвёрка десятков курочек.

Кроме этого, на хозяйстве имелся прапорщик Пурчел (автор думает, что это всё же позывной, а не фамилия). Пурчел был начальником, и по-русски почти не говорил. Он вообще почти не говорил. Говорят, на внутренней подкладке его фуражки хлоркой был вытравлен весь необходимый лексикон в составе двух слов. «Сфолочь» и ещё одного, неприличного. Так что перед тем, как воздать должное нашалившему бойцу, Пурчел снимал фуражку, долго читал её содержимое и только после этого открывал рот.

Теперь солдатики. За всё про всё – куцый взвод, около 10 человек. Ибрагим ходил вечно обкуренным, как паровоз локомотива. Косуля вечно косил одним глазом и помногу раз переспрашивал полученные указания, чтобы тут же позабыть. Черепанов всё больше молчал и оттачивал мастерство футболиста, обучая курочек динамике полёта. Сиделкин каждый день пил по десятку сырых яиц и после этого упражнялся в вокале, дёргая коров за вымя. А ещё… Хрен с ними, с остальными. Перейдём сразу к Лёньчику. Он был самым нормальным и самым старослужащим. Поэтому о нём сказать, в общем-то, нечего.

Хотя, нет. Отличительной чертой Лёньки было то, что он, единственный из всех срочников, умел разговаривать с Пурчелом и прекрасно его понимал. А всё потому, что, как и Пурчел, обожал собак и когда-то посещал клуб служебного собаководства.

Ну и последний главный герой нашей байки – Эдик. Его маманя, Эльза, была чистокровной немецкой овчаркой, списанной по возрасту с периметра на хозяйство. Эдик был красноречивым свидетельством того, что и в животном мире имеют место быть нетрадиционные половые ориентации. Его отец, скорее всего, был или гидравлическим прессом, или гидравлическими же ножницами для строительной арматуры. Эдик на счёт раз перекусывал черенок лопаты, а на счёт два преобразовывал его в тысячи зубочисток. Кроме этого, его рост в холке достигал роста полугодовалого жеребца, а лай напоминал лязганье

железяк. Окрас был традиционным немецким, но длина шерсти в два-три раза превосходила все известные стандарты. А ещё он обладал буйным нравом, мешком гвоздей-соток в заднице и необыкновенной привязанностью к людям.

И ходил Пурчел по хозяйству в сопровождении Лёньчика и Эдика. И настало такое время, что троица заскучала и постановила, что собачку надо подрессировать. А то в армии она, или в доме терпимости?!

С «апортом» Эдичка справился довольно быстро. Причём, голосом команду отдавать было совсем необязательно. Можно было просто сымитировать бросок, и пёс исчезал, оставляя за собой только лёгкий душок гари. Брошенный предмет он не возвращал никогда. Да это и ни к чему было. В основном ему бросали огромные мослы, от которых, в лучшем случае, оставалась мука.

«Сидеть!», «Стоять!», «Лежать!» и прочую ерунду пёсик тоже одолел довольно быстро, но вида не подавал. Поэтому все решили, что дурак – он и есть дурак. Последним упражнением была попытка научить Эдичку ходить по следу. И вот тут-то он неожиданно проявил талант.

Единственно, что когда ему под нос пихнули Лёнькину портянку, он брезгливо отвернулся, приподнял губу, обнажив огромный клык, и несколько раз чихнул. Тогда ему дали понюхать носок прапорщика Пурчела, и дело сдвинулось. Теперь особо уважаемым особам из числа офицерского состава при посещении ими хозяйства демонстрировался аттракцион «Найти Пурчела». Куда бы прапорщик не спрятался, Эдик его обнаруживал, со злобным рыком хватал за рукав шинели и жестоко дёргая, приволакивал к исходному пункту поисков. Потом ласково облизывал лицо жертвы и садился ждать поощрения. С портянками дела так и не заладились, но коллектив был уже удовлетворён.

Подсобное хозяйство слыло единицей уважаемой. Этому способствовала не столько выучка личного состава, сколько наличие живого мяса на шашлыки и три сотни метров до берега живописного озерца. Так что Пурчел со временем стал основным исполнительным директором сабантуев. Лёньчик забивал и разделывал поросят, Пурчел мариновал мясо и за отсутствием настоящих грузин сам же его жарил. Поднаторел за службу.

Однажды, совсем неожиданно, на исходе лета у ворот части остановилась колонна УАЗиков с двумя чёрными «Волгами» во главе.

Окружные спешили провести с пользой последние солнечные деньки, и о своём визите уведомили хозяев по неофициальным каналам заранее. Чтобы, как минимум, культурная часть была приготовлена, как и следует полку-отличнику.

Пурчел по счастливому совпадению праздновал свой день рождения. Так что, когда мясо было приготовлено, он персонально прикончил халявную бутылочку водки и ушёл в аут. Потом в течение ночи он грузил душу ещё не раз, о чём свидетельствовал звон стекла и зажигательные молдавские народные мотивы, доносящиеся из-под стола в его канцелярии.

Начпотыла, ещё абсолютно трезвый, обнаружив утром тело Пурчела, безнаказанно попинал его по рёбрам. Затем приказал Лёнчику убрать труп подальше и принять на себя обязанности шеф-повара.

Лёньчик жарил мясо на заднем плане.

Эдик спешно обработал ближайший пенёк, сунул морду в получившееся углубление и с глубокой тоской поглядывал то на хозяина, то на веселящихся офицеров. Особенно шумел приезжий генерал, под руководством штабного майора проходивший ускоренный курс по забрасыванию спиннинга.

Пока шла теоретическая часть занятия, Эдик лишь настороженно прядал ушами. Когда генерал делал первые попытки забросить снасть, пёс тоже всё ещё держал себя в руках. Но когда штабной майор, вконец отчаявшись, метнул блесну сам, полуовчар-полугидравлический пресс подскочил и отважно бросился в воду.

– Ити-и-ть! – вскричал от неожиданности генерал, когда туша собаки подняла брызги.

– Это что такое?

– Это, – подал сзади голос Лёньчик, – он «апорт» приносить собрался, тащ генерал.

– А! – понимающе сказал генерал. – Учёный пёс, значить.

– Он у нас, товарищ генерал, ещё по следу ходит, – перехватил инициативу штабной.

– Вот как? Ну-ка, ну-ка. Посмотрим, – хищно сказал генерал, обведя веселящихся прищуренным взглядом.

Потом, сделав кружок, генеральские глаза вернулись на майора.

– Пусть тебя и ищет!

Майор пожал плечами и пошёл прятаться.

– Нет, так не получится, тащ майор, – снова подал голос Лёньчик.

– Ему надо носок дать понюхать! А потом уж прятаться.

– Сымай, – приказал главный, и майор, зампотех полка, присел и стал энергично расшнуровывать ботинки.

Потом он убежал. Эдику сунули носок под нос и отпустили.

Пёс радостно лязгнул челюстями и огромными скачками полетел в противоположном направлении.

Каждый раз, когда Лёньчик рассказывал мне эту историю, диалоги и действующие лица немного отличались от предыдущих версий. Но суть оставалась неизменной. Зампотеха Эдик так и не нашёл, потому что и не собирался искать. Зато минут через десять от ворот подсобного хозяйства отделилась парочка. Один плёлся безвольным зигзагом, а второй, громко лая и подскакивая, подгонял первого. Когда прапорщик Пурчел, небритый и помятый, предстал пред генеральские очи, Эдик поднялся на задние лапы, лизнул его в лицо и уселся у ног, ожидая получки.

– Охренеть, – сказал генерал. – Убежал трезвым майором, вернулся в стельку прапорщиком… А уйдёт рядовым.

– Эх ты, сфолочь, – горько сказал бедолага Эдику, на что получил ещё один поцелуй.

Тафарель Новая крыша

На реке Урал, в той местности, где расположился штаб учений, мостов не было. Переправлялись на небольшом понтоне, управляемом моторной лодкой. Однажды, когда резервы горячительного у нас иссякли, бросили мы жребий, и послали меня с Мишей Робеспьером в деревню. За ним, родимым. Пошли мы вниз по течению и решили воспользоваться услугами переправы. Лодочник был слегка пьян, лежал на берегу, посасывая папироску, разглядывал облака и тренькал на гитаре. На вопрос, как можно переправиться, заявил:

– А никак, бензину не осталось.

– Ждёшь, пока подвезут?

– Жду.

– И когда?

– Хрен его знает. Может, и вообще не подвезут.

– Как так?

– А кто знает, что подвезти надоть? Никто! Рации у меня нету.

– Так чего лежишь? Телепатируешь?

– Слушьте, пацаны, – давайте, идите, я вам служить Отчизне не мешаю, так и вы мне не мешайте, – с раздражением заявил лодочник и, развернувшись к нам жопой, дал понять, что диспут себя исчерпал.

Мы переглянулись, пожали плечами и полезли в лодку, чтобы, значит, на вёслах ехать. Лодочник лениво вернулся в исходное положение, закурил другую папиросу и, покручивая её между пальцами, спросил:

– А куда это вы?

– За самогоном, лодочник, за самогоном.

– Ну вы, мля, артисты. Это куда ж вы за самогоном собрались?

– В деревню, куда ж ещё.

– Эки придуры, не дадут вам в деревне, народ боится. Участковый липарда очкастого по телевизору обсмотрелся, своих же кумовьёв в район сдаёт. Теперь самогон тока в подполье есть.

– Леопарду обсмотрелся?

– Угу, его, пятнистого.

– Ну, и где подполье тут у вас?

– Как где? У меня…

– ?!

– Дык, все знают, как кому что надо – на переправе есть.

– Батя, родной, а почему на переправе-то?

– Потому как, ежели, значит, за седалище органы захотят брать – бутыль в воду и ауфидерзейн. Нету, значить, вещдоков-то. Понятно?

– Понятно, лодочник. И что, много уже выбросил?

– Много, мля, много, – загрустил речных перевозок мастер.

– А достать?

– Достать? Экий умник! Достать! Без тебя достают. Витька, участкового сынишка, и достаёт.

– То есть как это? И участковый знает?

– Знает, знает, мил человек. Участковый всё знает. Он меня как будто специально пужает, я как будто специально пужаюсь, вещдок выкидываю, а сынок его и достаёт в свободное от дел время.

– Рэкет, короче, – заключил Мишка Робеспьер, знакомый с современными методами кооперации не понаслышке.

– Чаво? – удивился лодочник, услышав незнакомое дотоле слово.

– Рэкет, я говорю, ну, вроде как крыша. Ты ему дань на лапу, а он за это глаза отводит. Щас явление такое распространено. Ты ему платишь, а он тебя охраняет от посягательств других структур. А бывает, более сильный приходит, кулачищем размахивает. Ты, значит, теперь ему дань платишь, а он с твоей бывшей крышей сам разбирается.

– Дань, говоришь? Это что ж, как в средние века татаро-монголам?

– Ну, вроде, так выходит, батя.

– Чингисхан хренов, – задумчиво пробормотал лодочник и вынул ещё одну папиросу.

Факт идентификации сброса вещдоков как выплаты побора взволновал паромщика до глубины души. Мы с Мишкой ещё потоптались, да подумали.

– А что, отец, сейчас есть товар-то?

– Сейчас нету. Мне вечером приносят. Да только вы знаете что, сынки, хрен с ним, с рэкетом с этим. Лучше уж вам, а не супостату. Хрен ему в нос, значит. Лучше Вооружённым Силам, чем внутренним органам. Я вам место покажу, ныряйте, да вынимайте.

Нам было холодно, посинели мы, да только овчинка выделки стоила. Скоро под прибрежной ивушкой нарисовалась трёхлитровая банка, а потом ещё одна. Затем на противоположном берегу мотороллер показался. Седок спешился, из-под ладошки на наши упражнения смотрит.

– Эй, дядь Паша (это к лодочнику), беспорядки тут у тебя.

– Да не, Витюш, ажур полный. Пацаны излишки производства собирают.

– Мы, дядь Паша, так не договаривались. Меры принимать будем.

Лодочник приподнялся и широким жестом указал на ровненький рядок стволов Т-72, выглядывающий из-за холма и на часового с АК, беспечно прогуливающегося по откосу.

– Да ты, Витюш, не шуми, не шуми. У меня теперь, понял, крыша новая имеется.

Тафарель Как поймать поросёнка

Мишка сидел у окна и, не вынимая сигареты изо рта, стругал картошку. По замыслу Маришки, жены капитана Климова, Мишка должен был картошку чистить, но его руки были издавна заточены под обслуживание бронетехники, и из-под ножа выходили одинаковые правильные кубики. Артурчик, высунув язык, старательно обжигал свежеотловленных хозяином куропаток, нудно отмечая, что «воняет и стреляет, а ляжки похожи на ляжки голой бабы». Игорь Пермяков горько плакал, но геройски шинковал лук. Маришка прибегала, гремела крышками кастрюль, помешивала содержимое, потом скептически поглядывала на лейтенантов, занятых освоением основ гастрономического искусства, помахивала головой и исчезала. Было утро, и свободные от службы руки занимались приготовлением праздничного банкета. Сам хозяин, Андрей Климов, ещё затемно уехал на личном мотороллере в Колодки купить целого поросёнка, сулившего стать гвоздём стола.

Лейтенанты вели вялую беседу о бытовых лишениях службы и нехотя убеждали холостого Мишку не спешить жениться.

– Чувства у меня, – глубоко вздохнув, заключил Мишаня, когда раздался требовательный звонок в дверь и хозяин, осветив кухоньку гордой улыбкой, протиснулся с мешком на плече.

– Вот, зверюгу вам притащил, – сказал он и опустил ношу на пол.

Немного помолчали. Мешок слегка подвигался и замер.

– Что это там? – критично разглядывая объект, спросил Артурчик.

– Так поросёнок. Молоденький. Тридцать пиять рублёв отдал, – сказал Климов и решительно присел развязывать горловину.

– Подожди-подожди, Клим, подожди, – забасил Мишаня, почему-то усаживаясь на подоконник и поджимая ноги. Капитан хмыкнул, пренебрежительно усмехнулся и продолжал заниматься мешком.

– И чё, живой?, – спросил Пермяков, отойдя в дальний угол и вытягивая шею.

– Живой, живой!!!

– И чё, чё с ним делать-то будем?

– Есть, чего! Чего ещё с ним делать. Маришка запечь обещала.

– А его ж убивать надо, – кинул догадку с подоконника Мишаня.

– Надо, – сказал железным тоном Климов, но почему-то развязывать перестал и о чём-то задумался.

– Ну… с нетерпением сказала хозяйка, заглядывая в кухню.

– Что ну?! – Мне это…, я вспомнил, это… я… Короче, мне на «девятку» сгонять надо. Там у Ромы толстого проблемы какие-то ночью были.

– А с кнуром кто разбираться будет? – спросила Маришка, глядя на мужа холодным взглядом и загораживая выход.

– Ну вот, лейтенанты тут у тебя. Ими и командуй. Ты ж кэпова жена, ёлки-палки!

Прилагая усилия и с недоверием кося на мешок, Климов форсировал выход, выталкивая жену, и хлопнув дверью, испарился.

Маришка подошла к окну, подождала, пока муженёк выйдет из подъезда, и заявила:

– Капитан, я тут одна с тремя голодными мужиками. Не боишься?

Снизу раздалось что-то неразборчивое про веру, надежду, любовь и желудок, антикварный транспорт хозяина завёлся, удалился и снова стало тихо.

– Боится,– сказала Маришка, оглядев воинство. – Он у меня городской. К животноводству неприученный. Ну, а вы чего ждёте? Мишаня, ты ж деревенский у нас.

– Не-а, я в детстве деревенским был, щас я городской, – с нотками обиды, покраснев, заявил Мишка.

– Ну, блин, доставать его надо. Мыть, а потом колоть, – напирала женщина, с надеждой вглядываясь в лица мужиков.

– Кого? – спросил с подоконника Мишаня.

– Ага, точно, помыть его надо. И спинку потереть. А я ещё лук не порезал – отмазался Пермяков, хлопая покрасневшими глазами.

– А я… – Артурчик закрутил головой в поисках занятия, – а я ещё птичек пощипаю, чтоб без пера были.

– Да вы что, мужики, вправду боитесь его? Он же маленький, сосунок ещё.

Маришка что-то для себя решила, подобрав подол, присела и стала открывать мешок. Несколько мгновений все молчали и смотрели друг на друга. Три молодых офицера с капитановой женой с одной стороны и испуганный поросёнок с другой.

– А почему не розовый? – тихо прохрипел от окна Мишаня, сосредоточенно выстраивая из картофельных кубиков модель-копию пирамиды Хеопса.

– Потому что купать его надо. Он прямо из лужи своей вонючей, – со знанием дела отозвался из своего угла Пермяков.

Артурчик решил проявить инициативу, отложил покрытую гарью куропатку и шагнул к поросёнку с протянутой вперёд рукой, нежно причмокивая губами. Свинюшка, непривычная к такому способу общения, двинулась как-то боком, вплотную придвинувшись к Маришке. Этого было достаточно, и капитанова жена, завизжав, запрыгнула на стул. Испуганное животное метеором расчертило кухню, перевернуло ведро с мусором, сбило остальные стулья и вылетело в пространство квартиры. Маришка завизжала опять и поспешила пояснить: «Там всё убрано». Схватив швабру, бросилась в погоню. Некоторое время растерявшиеся лейтенанты слушали, как в квартире что-то грохает, визжит и падает. С удивлением они обнаружили, что Маришка умеет не только петь, но и виртуозно материться и, в принципе, есть чему поучиться у прекрасной половины. Потом лейтенанты стали думать и логично решили, что если не открыть входную дверь, то банкет будет проводить негде. Сказано-сделано. Поросёнок с победным кличем пронёсся через порог и, набрав первую космическую скорость, ушёл в недра коридора. Переглянувшись, наши друзья догадались, что поросёнка нужно ловить, потому что он стоит «тридцать пиять рублев», причём, общих рублёв. Вооружившись тазиками, тряпками, метёлками и прочим подручным инструментом, теряя тапочки и с азартом выкрикивая: «Ату его!» двинулись в атаку по всем правилам военного искусства. Позади, придерживая бигуди одной рукой и мешающую юбку другой, маленькими шажками семенила Маришка, олицетворяя собой гегемон сражения. Двери в коридор со скрипом открывались, полуодетые заспанные люди пытались понять, что к чему. Некоторые хмыкали и уходили досыпать. Некоторые неудачно шутили. Другие издалека давали советы, предусмотрительно прикрывая дверь, когда участники с шумом и гамом пролетали рядом. Друг семьи Климовых, отчаянный рыбак Самохвалов, схватил метровый подсак, надел болотные сапоги и, передвигаясь вдоль стенки громадными приставными шагами, махал приспособлением, повторяя: «От Сени Самохвалова ещё никто

не уходил». Левый тапочек Пермякова не ушёл, дверная ручка квартиры Лещенко тоже не ушла, плакат со списком проживающих слегка пострадал, и только поросёнок продолжал с визгом носиться взад-вперёд и ловиться не собирался. Любопытствующие обитатели холостяцкого крыла, заслышав шум, пришли поинтересоваться, всё ли в порядке, приоткрыли дверь из перехода, и поросёнок, завидев лазейку, устремился туда. Подобно игроку в регби, четвероногое забегало в жилые блоки, резко меняло направление, громко повизгивало и выглядело не на шутку встревоженным. Потом животное попало в тупик, где единственная дверь вела в общую душевую. На том и порешили. Дверь плотно прикрыли. Народ ещё немного порадовал дельными советами и начал расходиться. А наши друзья остались около двери сторожить, настороженно вслушиваясь в звуки изнутри.

– Я слыхал, свинью нужно подмышку бить. Из подмышки у них до сердца ближе всего, – сказал Мишаня.

– Точно, я тоже слыхал, – поддержал Артурчик. Хорошо, что в душ загнали. Легче будет кровь смывать.

– Кровь? – как-то странно переспросил Пермяков и погрустнел.

– Кровь, – подтвердил Артурчик, прикладывая ухо к двери.

– Пойду детку посмотрю. Разбудили мы её шумом нашим, наверное, – сказала Маришка и, поправляя бигуди, пошла домой. Перед тем, как зарулить за угол, остановилась, глянула на троицу и напомнила: – Вы уж не забывайте, заколоть его надо.

Лейтенанты, заслышав это, ушли в себя и не нашли сразу, что сказать полупьяному прикомандированному офицеру из ПВО, который, обернувшись в полотенце, на ощупь отыскивал дорогу в душ.

– Э-э-э, – сказала чья-то глотка, но было поздно. Изнутри донёсся стук падающего человеческого тела, поросячий визг и офицерская версия нецензурщины. Потом действо внутри продолжилось, дверь временами прогибалась под ударами, донёсся звон развитого стекла и, кажется, поросёнок тоже начал высокопарно материться. В этот момент появился капитан Климов, вернувшийся с точки. С надеждой спросил:

– Ну что? Всё? Забили?

Ответом ему была распахнутая дверь, целеустремлённый галоп поросёнка и голый ПВОшник с весёленьким полотенцем в руках,

пытающийся дать животному пинка под зад. Парочка повиляла по блокам и выскочила в переход. Зверь бросился по лестнице вниз, а голый офицер остановился в нерешительности, решая, продолжать ли преследование. Потом он буркнул собравшимся на вторую серию: «Предупреждать надо!», и вернулся в душ. Всё смотрели ему вслед, на его супер-волосатую… спину. Все, кроме капитана Климова. Он смотрел вслед поросёнку и говорил: «Тридцать пиять рублёв». Потом сорвался и побежал. Трое лейтенантов, придя в себя, тоже побежали. Поросёнка нагнали, когда он перевернув по дороге чью-то тёщу, боднул дверь на улицу и почуял свободу. Пятеро немного покрутились вокруг ДОСа, кто-то из болельщиков скинул плащ-палатку и крикнул: «Накрывайте!». То один, то другой, подобно Ринату Дасаеву, прыгали на несчастное животное с плащом, но оно всячески выходило победителем. Самым настырным оказался капитан, единственный из преследователей, одетый по сезону. ДОС, повально пооткрывав окна, как летом, довольно гудел переполненным футбольным стадионом, когда парочка удалилась по направлению к котельной. Большая металлическая дверь туда была открыта, у входа лежала большая куча только сгруженного угля и чумазый истопник, стоя в проёме с грустью в глазах рассматривал её. Кабанчик забежал вовнутрь, и капитан Климов, издав гортанный звук, чуть не убил солдатика, хлопнув тяжеленной дверью перед его носом.

– Выпустите меня, выпустите меня отсюда, – барабанил в дверь воин, на что запыхавшийся офицер отвечал: – Держись, это ненадолго.

Потом внутри всё стихло. Видимо, там пришли к консенсусу.

Из малюсенького окошка выскользнула фигура, которая долго кашляла, отплёвывалась угольной пылью, говорила что-то о близком дембеле, и что очень хочется остаться здоровым и невредимым.

Выставив пост у котельной в лице истопника, капитан Климов завёл мотороллер и поехал в часть. Немного поторговавшись и заключив архиневыгодную сделку, привёз пацана-колхозника из вверенной ему роты. Скоро всё было кончено. ДОС разразился аплодисментами, переходящими в овации, когда боец появился на свет с мешком на плече.

И был банкет. Кажется, никто из охотников аппетитно сделанного поросёнка не попробовал. Климов точно не притронулся. А через пару-тройку ночей привиделось ему, что дают ему сдачу в военторге с

полтинника. Три червонца и пятёрка. Только вместо ленинского профиля там мордаха поросёнка изображена. И смотрит с укором. А живых поросят они больше никогда не покупали.

Тафарель Как спасать кота

(руководство для майора милиции)

За год до событий

Был понедельник, и голова Александра Тимофеевича Кустова была заполнена по самую маковку знакомой, тупой болью. Его персональная белая «троечка» (ша, коллеги – ВАЗ-2103, не «бэха») упорно сопротивлялась парковке у входа в отделение и всячески норовила надменно долбануть замовский «Москвич». Было начало мая, период, в аккурат упавший между двумя праздниками. Воздух был неописуемо ароматен, и после нудной, долгой зимы начальник отделения милиции с удовольствием ехал с открытыми окнами.

Прямо напротив отделения пустила корни обычная советская общеобразовательная школа, каких на просторах Родины сотни тысяч. А в школе той учились самые обычные советские школьники, коих на просторах насчитывалось вообще миллионы.

Белая «троечка» совершила ещё десятка два бестолковых эволюций и в самый ответственный момент таки дала Москвичу под дых. А всё потому, что превозмогая синдром понедельника, водитель отвлёкся на нечеловеческий вопль, донёсшийся извне и слегка отвлёкся от обеспечения безопасности движения.

Небольшой, но сплочённый коллектив обычных советских школьников издевался над обычным рыжим советским котёнком. Школьники бурно ликовали, а рыжий комочек так же бурно протестовал.

– Кто ж так котёнка вешает!? – глубоко в душе возмутился милиционер и опустил на асфальт первую лакированную туфлю.

– На леске, на леске надо, а не на верёвке. Верёвка, – она толстая и коту есть во что вцепиться.

– Зелень! – добавил он в душе и опустил на асфальт вторую лакированную туфлю.

Когда обе туфли прочно стояли на тверди земной, майор вспомнил о служебном удостоверении в кармане кителя и тяжёлым галопом

направился к пионерам. Двоих гадёнышей поймал за уши и отвёл в учительскую. Там толкнул пламенную речь и, уже прочно войдя в роль доброхота, пошёл обратно, на работу.

Жертва пионеров сидела теперь у входа в отделение и жалобно мяукала, пристально разглядывая снующих через проходную людей.

С этого дня внутренний распорядок заведения был нарушен. Кота прозвали Феликсом Д., поставили на довольствие, и обитать он стал прямо на письменном столе начальника, в лучах его настольной лампы.

За полгода до событий

Время шло, и кот рос. Из жалкого грязного комочка он превратился в хамоватое огненно-рыжее существо, не дававшее прохода служивым и всячески развлекающееся, издеваясь над гуманоидами.

Любимым занятием Феликса Д. было притаиться под стульями около окон дежурного, выждать, пока по коридору проскрипит сапогами кто-нибудь одетый в шинель, и, разогнавшись, неожиданно вскарабкаться жертве на плечи. Потом котяра издавал непечатный клич самого крайнего из могикан и совершал впечатляющий прыжок в сторону. Опытные следаки подметили одну странную деталь: набрасывался кот только на представителей закона. Посетителей же не трогал и даже совершал попытки дать себя погладить. Потом котяра стал красть у служивых бутерброды и лакать растворимый кофейный напиток из крышек термосов. Персонал официально был очень даже в восторге от выходок животного, но за кулисами живенько интересовался друг у друга, возможно ли надёжно умертвить кота (абсолютно абстрактного кота!!!), предварительно выстрелив в него из служебного пистолета, а затем намотав на кардан автозака.

Однажды кот совершил вероломное нападение на только принятого на работу молодого сержанта. А на излёте получил дополнительный импульс от сержантского сапога. Кустов Александр Тимофеевич оченно возмущались, а потом отменили плановые мероприятия и отправились с котейкой к ветеринару.

– Почки отбиты! – грустно доложил чуть погодя начальник, и в отделении пооткрывались окна от коллективного вздоха облегчения (на выдохе).

– Но жить будет! – обломил всех главный и прошёл в кабинеты.

С тех пор кот плюнул на приматов и стал штурмовать старую курчавую грушу во внутреннем дворике. Впрочем, и там довольно быстро нашлись недовольные.

В кроне дерева вороны сплели себе гнездо, и однажды восхождение рыжего Феликса Д. закончилось аппетитным нокдауном. Кот следовал на землю обратным рейсом и извергал нецензурные вербалии, ранее подслушанные у людей. Молодые милиционеры по приказу свыше разорили гнездо, а самих ворон прогнали народными средствами ПВО. Кот, однако, к груше больше не подходил.

Следующим развлечением Феликса стала «рыбалка». Это когда кот сидел в засаде на притолоке и цеплял шапки-ушанки внизу проходящих блюстителей закона. Ну вот, представьте себе: идёте вы по государевой необходимости по рекреации, думы благие думаете, а тут раз… Какая-то сволочь срывает с вас шапку. А ещё, бывает, не отдаёт. Потому что коготь запутается. А если шапки нет? Если только шевелюра, пышная, как у старшего следователя Самарина? Тогда ой!

– Ой! – заорал тогда кот, внезапно и окончательно потеряв веру в человечество вообще и гуманизм отдельных особей в частности. Кот молча влетел в кабинет начальника, зло захлопнул за собой дверь, забился под стол и дал клятву больше вообще никогда и никуда не выходить без пистолета.

Описываемые события

Отделение не было самой большой гордостью городского управления. Однако с преступностью боролись неплохо. Наверное, из-за этого, когда в ночь на 5-е мая лучшее отделение города сгорело к чёртовой бабушке, Кустов Александр Тимофеевич получил спешный телефонный звонок и был оповещён, что начальник городского отдела кадров, его давнишний знакомый, приедет на визит в сопровождении польских коллег.

Экстренное утреннее собрание было посвящено именно этому душещипательному факту.

– Нам нечего бояться, орлы! У нас всё нормально. Раскрываемость Николаенку (имя начальника кадров) не епёт, а поляков – тем паче. Бумаги тоже их не это…. Их вообще ничего не епёт. Они сюда бух…

Договорить у Александра Тимофеевича не получилось. Из окна раздался благой кошачий мат, весёлый собачий лай и противный скрежет когтей по свежему асфальту, только уложенному во внутреннем дворике заведения.

– Ах, ёп! – сказал Кустов, взгромоздился на четвереньках на подоконник и показав подчинённым упитанное седалище, дал понять, что собрание окончено. Зато начинается представление.

Разлапистый кобель-подросток ростом с трактор К-700 гнал Феликса вдоль стенок. Между животными шла оживлённая перебранка, когда к погоне присоединился сам начальник. Команда дала пару-тройку кругов, и к участникам подключился молодой оперативник, торжественно держащий в руках фуражку, обронённую командиром. Окна здания пораспахивались настежь, и в них появились добрые физиономии заинтересованных лиц.

– Ату его, ату! – орали сверху следаки, дипломатично не уточняя, кого его.

– Хотим жаркое из рыжего кота, – требовали задержанные из окошек-амбразур.

Даже кладовщик дядя Дима что-то выкрикивал, высунувшись из своего окна и циклично промахиваясь по макушке кота резиновой дубинкой (Он, гад, после событий божился, что целился по кобелю).

Потом Кустов упал. Его туша мотала конечностями и пыталась перевернуться на спину. Рыжий кот, заканчивая следующий виток эскалации, увидел препятствие, вильнул задним мостом и, наплевав на детские страхи, взлетел по груше на самый клотик.

Через некоторое время котовья поддержка в лице начальника отделения наконец сумела подняться на ноги и, причитая и повизгивая, понеслась на собаку, держа в руках пожарный багор. За ним по пятам продолжал бегать молодой оперативник с фуражкой в руках. Собака прикинула шансы на победу, взвизгнула и исчезла в подворотне, пообещав вернуться и удалить коту гланды (без наркоза).

Феликс Д. был котом, а потому, так же, как и все коты, замечательно залезал наверх. И так же, как и остальные коты, имел трудности со спуском. Как только кобель исчез, котяра устроился поудобнее и стал требовательно орать, предлагая незамедлительно вызвать службу спасения и опустить его на землю.

– Лезь! – приказал Кустов страдающему от скуки водителю.

– Есть! – сказал водитель и полез.

Долго ли, коротко ли, добрался водитель наверх, руку помощи протянул.

– На-а! – коротко и зло сказал кот и воткнул человеку ноготь прямо в середину ладони.

– Сука! – тихо сказал сержант.

– Кто? – спросил кот.

– Твой папа, – сказал молодой человек и спешно эвакуировался вниз.

– 1:0, – записал кот и продолжил жалобно орать на всю округу.

– Лезь! – приказал майор второму скучающему водителю.

– Есть! – ответил второй, и с трудом поборов страх, убежал в помещение.

– Всё сам, всё сам, – пожаловался на судьбину Кустов и полез сам. Однако возраст уже был не тот, а брюшко, трепеща по крупной амплитуде, упиралось в ствол и ограничивало действия спасателя. Возраст уже был не тот, но жизненного опыта, – хоть отбавляй.

– Эй, милиция! – заорал он другому водителю. Подгони сюда свой фургон!

Под грушу был незамедлительно доставлен отдыхающий автозак, и начальник, полязгивая суставами и тяжело отдуваясь на манер паровоза братьев Черепановых, залез на подножку, оттуда на капот, дальше – на крышу фургона и уцепился за ключевую ветку.

Перед восхождением он критично оглядел ГДРовские лакированные туфли, снял их, закатал брючины и сбросил обувь на хранение тому самому оперативнику, который таскал его фуражку. За неимением лишней пары рук оперативник повесил фуражку на ручку двери фургона и, стараясь не дышать, держал туфельки на некотором отдалении от тела.

Кустов снял китель, с любовью пригладил его и повесил на сучок. Затем он выполнил несколько разминочных движений с грацией,

достойной обкурившегося Винни-Пуха, и приступил к штурму высоты.

Всё начиналось удачно. Кот заткнулся и с любопытством взирал на «папеньку» с высоты. «Папенька» медленно, но верно поднимался всё выше и выше, толпа возбуждённо кричала, мысленно припоминая начальнику все обиды, а загрузка другого автозака подошла к концу.

– Пип-пип – сказал гружёный автозак, требуя уступить дорогу.

– Водитель, – скомандовал начальник отделения, – ты давай, отъедь, а потом вернёшься.

Первый автозак заманеврировал всем телом. Оперативник схватил фуражку папеньки с крючка на фургоне, и за неимением свободных рук выставил туфли на асфальт.

Потом отчаянно захрустела коробочка старого ГАЗа, лишённая намёков на синхроны заднего хода. Люди замахали руками, заводя водителя на цель, и всё было бы штатно, если б фургон не сломал ту самую ключевую веточку почти под корень. Путь к отступлению был отрезан.

Все снова счастливо заорали, а кот, вняв людским восторгам, абсолютно легко и непринуждённо миновал хозяина, и, не проявив никаких сантиментов, спустился вниз. Там, внизу, он уселся под стенку и принялся вылизывать обе половины своей гордости.

Долго заниматься гигиеной ему не довелось, потому что потешный пёсик, как чуял, снова появился из подворотни и, широко улыбнувшись публике, повторно кинулся на Феликса Д. Жертва премного заторчала от такого расклада. Дерево было занято папенькой, внутренний вход в отделение закрыт, а у подворотни – трибуна болельщиков противника. Недолго думая, котяра выгнул спину и полоснул оккупанта по морде. Пёс взвизгнул и моментально забыл о своих агрессивных планах. Зато посреди двора стояли лакированные туфли начальника, которые, сто процентов, по морде не дадут. На левый туфель собака подняла лапу, а правый схватила и стала отыгрываться за нанесённое оскорбление.

Александр Тимофеевич кричал, срываясь на ультразвук, топал ногами и жалел, что личное оружие осталось в сейфе. Собака, не отвлекаясь на раздражитель, прикончила туфлю, душевно отрыгнула и скрылась в дырке, а с неба полил чистый, тёплый майский ливень.

Автор думает, что читателю абсолютно понятно, что делала во дворе отделения милиции пожарная команда спустя десять минут. Так же абсолютно ясно читателю, почему сам начальник отделения стоял посреди двора босиком, в закатанных штанах, промокший до нитки и в грязной порванной рубашке. У его ног лежала растерзанная обувь и пожарный багор, а высоко на дереве сиротливой тряпкой висел китель. Вся предыстория читателю известна. Она была неизвестна начальнику городского отдела кадров и его польским спутникам, которые были уверены, что в городе бунт и народ последовательно сжигает лучшие отделения, а начальников пытается линчевать или изнасиловать.

Vaenga Маратыч

За что я не люблю журналистов? Всё просто. Врут они много. Или не понимают, но говорят с очень умным видом. Хотя бы тот же Караулов. Ну, да ладно. А заморские журналюги, думаете, лучше? *Нет*. Ещё хуже. На костях пляшут по призванию, а не по нужде. Вспомним всемирно известную профуру. Как же они её гоняли! Особенно пьяную. И убили. А потом, оправдываясь, пытались все свалить на несчастного врача, который, конечно же, все сразу понял, но эти рыцари пера и остальные оралы всё переврали. Да знают ли они, что такое разрыв лёгочной артерии? Даже когда вот она, под рукой – это ночной кошмар для хирурга. Тонкая она. Ползёт, гадина. И никакой пролен[147] «два нуля» с тефлоновыми прокладками не поможет. А тут отрыв. Ну, это так. Лирика.

Просто в то время жил на Земле Очень Хороший Человек. Маратыч. Сергей Маратыч. Национальность у него была… А черт его знает. Но иногда, совершенно неожиданно, он начинал говорить с акцентом товарища Сталина, который мы все знаем по фильмам.

– Хатытэ, я дам вам савэт?

– Какой? – с полным недоумением. – Кому?! Только теперь я понимаю, что всем нам, но тогда – в моем лице.

– Виписывайтэ. Всо равно ничего не сделаете. Тэрапевты справатса лучшэ.

Носил он окладистую бороду. Чёрную как его глаза, огромными маслинами смотрящими прямо в… цистоскоп. Урологом он был. Классным, грамотным, редким урологом. Однажды в коридоре я напоролся на плюгавого высоколобого. Снобизм из него просто выливался. Но тут подошёл Маратыч, и всю спесь с этого учёного просто смыло. Оказалось, что из НИИ урологии он приехал. Посоветоваться. А мы так запросто – Маратыч. М-да.

Несусь по лестнице:

– Ти куда?

– В операционную!

– Никогда не бегай в больнице! Все равно не успеешь, а сам или поломаешься или поломаешь кого-нибудь.

Эх, Маратыч! Что ж я непослушный такой был, а?

Сам он ходил размеренно, не торопясь. И гулкое эхо коридоров далеко разносило стук его тапочек. Они у него особенные были. На деревянной колодке. Ортопедические. В них нога не устаёт. Сутки можно бегать, хоть бы хны. Бешеных денег стоят. Уролог, он мог себе это позволить. Но никогда никто не знал от него отказа. Больного посмотреть – «Чэрэз пятнадцать минут буду!» Часы можно сверять. Родственника или знакомого? «В десять жду на пятом этаже у шестого кабинета». И был как штык. Задвигал все свои планы и был. «Ай, убэры сваи дэнги, маладой! Эслы ми нэ будэм друг другу памагать, ми просто вимрем. Как мамонты.» Но никогда ни о чем не просил. Врач от бога, со своими проблемами он справлялся сам. Обладая абсолютно азиатским характером, он был на редкость благороден. Но иногда этот характер его подводил. Однажды ночью он меня подвозил до метро. Вроде и дорога пустая была. Но все машины ему мешали. Любого, кто обгонял нас, он крыл таким матом, что уши вяли и аккумулятор садился тут же. На дороге он – главный. Но ездил при этом очень аккуратно, соблюдал все правила. Кроме скоростного режима. Летал он просто как сумасшедший. Что делать? Характер. Или на конференции: Маратыч отчитывается за дежурство:

– Экстренных операций не было. Дежурным кардиохирургом… реанимационые мероприятия… состояние стабильное… административных замечаний… автотранспорт… – Все клюют носами. Спать хочется. По рядам лёгкий шелест переговоров. Сквозь дрёму. И тут Самый Большой Начальник перебивает его зычным басом:

– Маратыч, йоп! Ну ты со своей бородой, ну прям воин Аллаха! – секундная пауза и:

– Уважаемый Валерий Иванович! Там, откуда я родом, вера православная. – И ушёл. Тишина стала звенящей. Все сразу проснулись. Умел он, ох умел поставить на место!

Но если тебе было грустно. Просто от окружающей нас медицины. Которая, честно говоря, задолбала.

– Ты думаешь это только у нас?! Ай, слушай, у меня брат в Англии работает, так там ещё хуже. По страховке гастроскопию сделать – через неделю! Без очереди – за деньги и немалые. Успокойся. У нас не так все плохо!

Спросите, причём тут Леди Ди? И почему он «был»? Все просто…

Будучи штатным урологом, он участвовал в пересадках почки. И вот однажды его вызвали. Ночью. И помчался он в ночь. Точнее, уже в начинавшееся утро. А навстречу ему ехал джип. На пустой дороге столкнулись две машины. Один труп… Маратыч… Разрыв лёгочной артерии… Сергей Маратыч…

Утром, узнав о случившемся, дождавшись, пока весть отзвенит в голове и бухнется в ноги, освободив пространство для мыслей, подумал: «Как же мы без него? Ну, хоть не мучился…» Да, именно в такой последовательности. Ведь плача на похоронах, мы оплакиваем себя. Потому, что не знаем, как мы будем жить дальше с такой потерей…

Маратыч, нам плохо без тебя! Пусть Земля тебе будет пухом…

Mourena Погоня за прокурором

Погожим октябрьским днём Юрка Хорошевский вдруг ни с того, ни с сего был облечён доверием. Конечно, Файзуллаев с радостью облёк бы доверием кого-нибудь другого, но в штабе больше никого из офицеров не оказалось, а разыскивать кого-то из них по всему военному городку времени не оставалось – дело было довольно срочным.

Юрке предстояло взять под свою команду сержанта Диму и автомобиль, подъехать к конторе военторга, принять там на борт проверяющего из окружной прокураторы и доставить указанного проверяющего в Читу. Юрке в этом мероприятии отводилась роль «старшего машины» – почему-то считалось, что боец, отправленный на задание в одиночку, обязательно заблудится, или загуляет, или потеряет машину, или сотворит ещё что-нибудь.

– Задача ясна? Повторите, – глядя в преданные глаза старлея, приказал Файзуллаев после того, как трижды изложил Хорошевскому эту самую задачу.

Юрка поднял глаза в потолок и уверенно отчеканил:

– Первое. Найти в парке машину и сержанта Колмогорова. Второе. На этой машине под управлением сержанта Колмогорова в 10.00 явиться к конторе военторга по адресу… Тут Юрка замялся, поскольку адреса конторы он не знал, да у конторы, впрочем, никакого адреса и не было. – Явиться, в общем… Третье. Забрать в конторе проверяющего из Читы и доставить его к месту службы!

Юрка покосился на комбата, проверяя произведённое впечатление. Комбат был доволен, хотя какое-то нехорошее предчувствие его все-таки грызло.

– И запомните, товарищ старший лейтенант, – Файзуллаев подошёл к Юрке вплотную и тому пришлось задрать голову, чтобы своими честными глазами заглянуть ему в лицо, – Это – *приказ!* Мой и командира дивизии. Думаю, вам не надо напоминать, что любое отступление от него…

– Никак нет! – отрапортовал Юрка.

– Вы в дивизии и так не на самом лучшем счету, так что я бы попросил вас действовать без собственной инициативы. И если хоть малейшее самоуправство… – за спиной рука Файзуллаева непроизвольно сжалась в кулак.

– Так точно! – выкрикнул Юрка. – Приказ – доставить проверяющего в Читу. Никакого самоуправства!

– Идите и выполняйте.

Хорошевский лихо развернулся на каблуках и вышел, чеканя шаг. Комбат ещё несколько минут смотрел на дверь, за которой скрылся старлей, после чего позвонил Ванюшину и отчитался, что указание комдива – увезти к едрёне-фене прокурорского проверяющего обратно в Читу, – выполнено.

Ровно в 10.00 пропылённый батальонный КамАЗ стоял у дверей конторы в компании ещё четырёх или пяти разнокалиберных грузовиков и мотоцикла начальника военторга майора Черняева. Через минуту появился и окружной проверяющий. Точнее, появилась. Это была молодая женщина в штатском, с короткой стрижкой и с потрёпанным «дипломатом» в руке. Юрка удивился, но помня о наказуемости любой инициативы, вслух своё удивление выражать не стал. Женщина открыла дверь, застенчиво улыбнулась старлею и несколько расплывчато спросила:

– Я к вам?

– К нам, к нам, – радушно ответил Хорошевский, и женщина, закинув на сиденье свой «дипломат», принялась неуклюже карабкаться в кабину. На ней были туфли на высоком каблуке, поэтому задача оказалась не из лёгких. Юрка подумал, будет ли считаться самоуправством попытка вылезти из машины и подсадить проверяющую («прокуроршу», как он её мысленно окрестил), и решил, что будет.

В конце концов Прокурорша кое-как забралась на сиденье, повертелась немного, устраиваясь поудобнее и обратилась почему-то прямо к сержанту:

– Ну что, поехали?

Сержант медленно обратил свой взор на Хорошевского, получил утвердительный кивок и тронулся с ошеломлённым выражением на лице.

Некоторое время ехали молча. Форсировали бурлящую Тургу, затем миновали синий указатель с перечёркнутым названием станции. На железнодорожном переезде Юрка не выдержал и завёл разговор о погоде. Мало-помалу разговорились. Как обычно это бывает в незнакомой компании, разговор шёл ни о чем – о погоде, о природе, о ценах на продукты. Спросить у своей спутницы её имя старлей постеснялся, назвать своё – не догадался. Когда закончилась погода и продукты, Хорошевский перешёл к анекдотам. Прокурорша с удовольствием смеялась, и постепенно лёд между ними начал таять. У Юрки нашлась при себе пара бутербродов, у неё – яблоко, короче говоря, четырёхчасовое путешествие в Читу обещало быть приятным. Водитель в беседе не участвовал, лишь изредка бросал на прокуроршу недоверчивые взгляды, хотя от старлейского бутерброда не отказался…

А потом в разных точках мирненского гарнизона одновременно произошли следующие события.

В 10.35 в штабе сапёрного батальона заверещал телефон. Звонил Ванюшин. Почти дружелюбным тоном он поинтересовался у Файзуллаева, не замёрз ли где по дороге откомандированный им водитель, добавив, что чин из окружной прокуратуры уже полчаса болтается на пороге конторы и пугает своими погонами военторговских шофёров.

– Я так и знал! – комбат грохнул кулаком по столу.

С потерей Хорошевского он мог бы ещё кое-как примириться. Но вместе с Юркой пропала почти новая машина и лучший водитель батальона. Поэтому через пять минут весь батальон был брошен на поиски пропавшего КамАЗа и негодяя-ротного. Выяснилось, что последний раз Юрку видела продавщица киоска, где он около десяти часов покупал сигареты. Куда он направился потом, продавщица не видела, но помнила точно, что в тот момент КамАЗ был при нем. Поскольку киоск находился прямо напротив конторы военторга, разъярённый Файзуллаев, сопровождаемый замполитом, отправился снимать показания с местных водителей, которым случилось в тот момент оказаться поблизости. Там же он обнаружил и окружного проверяющего – толстого усатого полковника, который с философским спокойствием курил, сидя на разбитом крыльце. Военторговские водители поискам ничем помочь не смогли – возле конторы постоянно

ошивалось несколько машин, одни приезжали, другие уезжали, и запомнить какую-то из них было практически невозможно.

Приблизительно в это же время в кабинет начальника военторга майора Черняева с грохотом ворвалась главный бухгалтер Екатерина Матвеевна, таща за собой растерянного шофёра Витю Рогулькина.

– Владимир Михалыч! У нас ЧП! Пропал кассир!

– Что значит – «пропал»? Что это вам, иголка, что ли? Сидит, наверное, где-нибудь, чаи гоняет, – озадачился Черняев.

– Да нету, нету её нигде! – закричала Екатерина Матвеевна и дёрнула Рогулькина за рукав, – ну, расскажи сам!

Витя пожал плечами, потёр запястье, освобождённое из железной руки бухгалтерши и, перемежая свою речь многочисленными междометиями, пояснил:

– Ну, заехал я за ней, как положено. «Собирайся, – говорю, – поехали». И пошёл заводиться. Ждал-ждал – нету!

– И пошёл искать, – вмешалась взволнованная Екатерина Матвеевна, – касса закрыта, её нигде нет. Господи, говорила же я – человек второй день работает, нельзя её сразу одну в банк посылать! У неё же денег в кассе было…!!!

Главный бухгалтер запустила руки в причёску и принялась качать головой, словно страдая от зубной боли. Начиная волноваться, Черняев вслух предположил:

– А может, она пешком в банк пошла? Вы ей вчера хорошо объяснили, что у неё машина будет?

– Пешком?! Это за десять-то километров!!! С такими деньжищами?!

– Я все-таки проедусь, посмотрю, – вскинулся майор и, на ходу цепляя фуражку, кинулся прочь из конторы.

На крыльце он с разбегу вонзился в группу оживлённо жестикулирующих людей, среди которых узнал полковника из прокуратуры, которого уже полчаса считал уехавшим, шапочно знакомого замполита из сапёрного батальона, ещё какого-то военного и троих своих водителей… Оказалось, в сапёрном батальоне тоже кто-то (или что-то) пропал.

Тем временем Юркина спутница-прокурорша начала проявлять признаки беспокойства. Она все с меньшим вниманием слушала анекдоты, реже смеялась и все время крутила головой, озирая

окрестности. Когда оставалось всего ничего до станции Оловянная, она не выдержала:

– Послушайте, а куда мы едем?

– То есть как – куда? – удивился Юрка, – Здесь дорога одна.

– Я вижу, что одна, – занервничала спутница, – куда она ведёт?

– В Читу, конечно. – Юрка удивился ещё больше.

– В Читу?! – пискнула прокурорша, – Зачем в Читу? Мне надо в Бырку, в магазин, а потом в Безречную!

– Ну откуда же я знаю, зачем? – Хорошевский пожал плечами. – Мне приказано – доставить вас в прокуратуру. А уж зачем – это ваше дело.

– Приказано?! Кем?!!! Я не поеду ни в какую прокуратуру!

– Слушайте, я-то тут при чем? Командир дивизии отдал распоряжение, я выполняю.

– Остановите машину! – в голосе прокурорши послышались плаксивые ноты. – Остановите немедленно, или… или… или я за себя не отвечаю!

Она прижала к себе свой «дипломат», забилась в дальний угол кабины и оттуда дикими глазами смотрела на Хорошевского. Юрка начал проявлять характер. Не вступая в дальнейшие пререкания со своей пассажиркой, он решительно скрестил руки на груди и уставился в другую сторону. Перехватив удивлённо-испуганный взгляд сержанта, Юрка глазами сделал ему знак не обращать внимания на выходки вздорной бабы и ехать, куда ехал.

Прокурорша возилась в своём углу, шуршала какими-то бумажками и клацала замками «дипломата». Хорошевский твёрдо решил её игнорировать и выполнить приказ во что бы то ни стало, поэтому подпрыгнул от неожиданности, когда она вдруг истерически крикнула ему в ухо:

– Руки вверх!

Старлей обернулся и обомлел.

Со смешанным выражением смертельного испуга и решительности в широко распахнутых глазах женщина смотрела ему в лицо. В правой руке она держала самый настоящий пистолет, в левой – ярко раскрашенный баллончик. Обе руки отчаянно тряслись.

Первым на новый поворот событий отреагировал сержант Дима. Выписав несколько зигзагов на узкой дороге, он съехал передним

правым колесом в кювет, распахнул дверь и вывалился из кабины, оставив Хорошевского один на один с ненормальной прокуроршей.

Юрка слегка замешкался. Над ним неотвратимо, словно проклятие, висело напутствие Файзуллаева. Но с другой стороны, слово прокурора, к тому же вооружённого, тоже кое-что да значит.

– Послушайте, – начал Юрка, стараясь унять дрожь в голосе, и подозревая, что произошла какая-то чудовищная ошибка, – давайте попробуем договориться. Денег у меня нет. Машина эта вам тоже вряд ли пригодится. Может, разойдёмся по-хорошему?

Прокурорша смотрела на него окоченевшим взглядом, молчала и казалась почти парализованной. Сочтя, что переговоры движутся к успеху, Хорошевский с максимальной деликатностью потянулся к пистолету, чтобы изъять его у своей неуравновешенной спутницы. Это было его ошибкой.

– Не трожь, гад! – пионерским голосом воскликнула прокурорша и нажала головку распылителя.

Кавалькада из УАЗика и майора Черняева верхом на мотоцикле подоспела как раз в тот момент, когда Юрка в полуобморочном состоянии вывалился из кабины на дорогу. Он жмурился, тёр кулаками глаза и ругался невероятными словами. Ещё через несколько минут подъехал хромоногий ГАЗ Вити Рогулькина. Выпрыгнувшие из УАЗа Ванюшин и Файзуллаев кинулись к Юрке, неторопливо выбравшийся вслед за ними полковник прокуратуры предпочёл наблюдать за происходящим на расстоянии.

Майор Черняев, спешившись с мотоцикла, бросился к пассажирской двери кабины и успел как раз вовремя, чтобы подхватить обезумевшую Юркину попутчицу. Следом за ней на ноги майору упал пистолет и тяжёлый «дипломат». Ярко раскрашенный баллончик она продолжала сжимать побелевшими пальцами. Баллончик все ещё шипел и выплёвывал остатки сильно пахнущего вещества.

Когда после некоторой суматохи стало ясно, что ни её, ни Юркиной жизни ничто не угрожает, генерал и подполковник начали говорить разом, на повышенных тонах и обращаясь одновременно друг к другу, к Юрке, к Юркиной пассажирке и начальнику военторга. Понять, кому именно адресуется та или иная фраза, вскоре стало невозможно, но никто и не пытался. Даже комдив, поймав от

Файзуллаева семиэтажный комментарий, предназначавшийся Хорошевскому, пропустил его мимо ушей.

– А какого хрена! – кипятился Юрка, – она бы хоть сказала, кто такая! Села и едет… У неё на лбу не написано!

– А я откуда знала! – с рыданиями вторила «прокурорша». – Я села, он поехал! У них тут у всех… Машины одинаковые! Все в камуфляже! И рожи у всех… – Хорошевский с Рогулькиным насторожились, выпятили челюсти и втянули животы.

Начальник военторга, не пришедший ещё в себя после шока, вызванного исчезновением инкассатора, не слушал их перепалку, только изумлённо мотал головой и приговаривал:

– Барда-а-а-ак… Ну, барда-а-а-ак…

Рогулькин, давно так не развлекавшийся, восхищённо сиял глазами и старался не пропустить ни одной мелочи.

И тут вдруг молчавший до сих пор полковник из окружной прокуратуры громко хмыкнул. Ванюшин и Файзуллаев, как по команде, повернулись к нему, ожидая приговора. На лице полковника отражалась тяжёлая внутренняя борьба – губы кривились, щеки раздувались, усы ёрзали из стороны в сторону, как большая энергичная гусеница. В конце концов полковник не выдержал и расхохотался.

– Прокурор! – гремел он, тыча пальцем в зарёванную Юркину спутницу, – ой, держите меня!!! Ой, караул! А ты-то, ты-то, – обратился он к Юрке, – тоже хорош! Приказ у него….

– Нет, ребята, ей-богу, – добавил он, утирая слезы, – брошу все и переведусь к вам служить. У вас тут весело.

Следом за полковником вымученно заулыбался Ванюшин, потом и Файзуллаев развёз лицо в какое-то подобие улыбки. Юрка тоже начал было хихикать, но, поймав взгляд своего начальника, осёкся. Оскалившись капотом, заулыбался даже военторговский грузовик.

Недоразумение было кое-как улажено. Полковник из прокуратуры, все ещё хохоча, влез в кабину Юркиного грузовика, в кустах отыскали и водворили за руль сержанта-водителя, и военная машина, жалуясь на свою тяжёлую жизнь, отчалила в сторону Читы.

Ванюшин смерил начальника военторга взглядом, напоминающим тяжёлую кувалду на боевом взводе, сел вместе с Файзуллаевым свой УАЗик и уехал в другую сторону.

– Знаешь что, – обратился вдруг Черняев к женщине, – ты пистолет-то мне, пожалуй, отдай. Он хоть и не заряжен, но мало ли что… Деньги тут на фиг никому не нужны, а на пистолет могут позариться.

Он двумя пальцами принял оружие из рук ещё всхлипывающей кассирши, и, оседлав свой мотоцикл, пустился вдогонку за комдивом.

Рогулькин проводил его взглядом и презрительно сплюнул:

– Перестраховщик…. Ну ты чё там, успокоилась? Поехали, что ль… В банк все равно уже поздно, не хватало ещё на обед опоздать.

Кассирша в последний раз хлюпнула носом, кивнула и послушно полезла в кабину.

P.S. Я до сих пор безмерно благодарна этом толстому смешливому прокурору. Если бы не он, неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба моих героев и моя собственная. Ведь как-никак это был всего второй день моей работы в должности инкассатора военторга и моя первая встреча с Юркой Хорошевским. Правда, знакомством её назвать нельзя – нас тогда никто не удосужился представить друг другу, и я в тот день так и не узнала имени человека, в лицо которому выплеснула почти целый баллон отравы для тараканов.

А познакомились мы гораздо позже.

Mourena Хорошевский

Подполковника Файзуллаева предупреждали, что от ротного Юрки Хорошевского следует держаться подальше, а ещё лучше – отправить его куда-нибудь на повышение или на учёбу в академию. Старлей обладал феноменальным даром притягивать неприятности – к себе и к тем, кто случайно оказался рядом и не успел спрятаться.

Началось все с того, что Юрка, едва приехав в Мирную и приняв должность, обронил в автопарке бумажник с документами. Рыская, словно ищейка, в его поисках, ротный не заметил открытой двери КамАза, разбил себе голову, помял саму дверь и едва не покалечил рядового Усманова, который как раз расположился в кабине покурить, свесив ноги наружу. Рядового спасли сапоги, а Юрке пришлось накладывать швы на рассечённую бровь.

Батальоном, который Юрка осчастливил своим присутствием, командовал тогда пожилой майор Твердохлебов. Закалённый долгими-долгими годами службы в суровом забайкальском климате, майор накрепко свыкся с мыслью, что звания подполковника ему не видать, к жизни относился философски, а к службе – с определённой долей здорового наплевательства, ласково называл солдат «бойчишками» и не докучал им излишними требованиями к дисциплине и внешнему виду. Зато среди гражданского населения Мирной добрых два десятка человек, осевших после дембеля в привокзальном посёлке, по старой памяти называли его батей, приглашали на крестины и просто в гости, что делало жизнь одинокого разведённого майора если не приятной, то вполне терпимой. Не страдающий излишней мнительностью, чуждый всяких суеверий Твердохлебов не придал особого значения инциденту с головой нового ротного – бывает и не такое. Впоследствии он не раз корил себя за то, что не усмотрел в нем грозного предупреждения свыше.

Не успели швы на Юркином лбу как следует зажить, грянула новая неприятность. К Хорошевскому приехала бабушка. До сих пор бабушки никогда ни к кому в Мирную не приезжали – даже к солдатам, не говоря уже об офицерах, поэтому старлей из отдельного сапёрного батальона прославился мгновенно. Целую неделю личный

состав всех мирненских частей, повиснув на заборах, наблюдал, как маленький непоседливый старлей чинно выгуливает по единственной кленовой аллее пожилую даму с седой академической причёской. Дневной моцион обычно заканчивался в офицерской столовой, где дама вкушала мороженое и косилась на марширующих по прилавкам тараканов, а вечерний – в гарнизонном клубе, где местный киномеханик Дима без фамилии специально для Юрки и его бабушки крутил фильмы из личного НЗ, озвучивая сразу всех героев.

Когда неделя кончилась, Хорошевский вместе с бабушкой сел в поезд и уехал в Читу, чтобы там посадить старушку в самолёт. Только исключительной Юркиной способностью находить проблемы там, где их быть не может по определению, можно объяснить тот факт, что бабушкин отъезд совпал по времени с традиционным летним наводнением где-то на полпути между Читой и Мирной. То есть добраться до областного центра и отправить бабушку на родину в Тюмень Юрке удалось. А вечерний поезд, который должен был доставить старлея обратно к месту службы, из-за наводнения был уже отменён. Так же, как и все другие поезда, следующие в сторону китайской границы. Причём на неопределённый срок. Не имея средств на гостиницу и обладая от природы общительным и дружелюбным характером, Юрка прибился к стайке вокзальных бичей. Они угощали его водкой, он их – сигаретами, и эта дивная взаимовыгодная дружба продолжалась три дня. На четвёртое утро из тёплой компании Юрку изъял патруль военной комендатуры.

Майор Твердохлебов, получивший из-за этого свою долю неприятностей, отнёсся к происшествию по-прежнему философски и никаких выводов для себя снова не сделал. Он просто в доступных выражениях объяснил Хорошевскому, что за такие штучки недолго угодить под трибунал, и велел убираться с глаз долой. Почти месяц Юрка старательно не попадался комбату на глаза, втайне надеясь, что о нем вообще все забудут.

Но комбат не забыл. Получив авансом нагоняй от командования дивизии по случаю предстоящей грандиозной проверки из штаба округа, Твердохлебов призвал к себе старлея и объявил, что ему, как проштрафившемуся, поручается воздвигнуть недостающие сто метров забора в автопарке – со стороны, выходящей в степь. Причём не только

воздвигнуть, но и раздобыть для этого соответствующий материал, а где – это не его, Твердохлебова, забота.

Горя желанием реабилитироваться, Юрка с небывалым рвением взялся за дело. Собственно, заборы строить он умел. Проблема заключалась в том, что строить было не из чего. Можно было бы, конечно, воспользовавшись казённым подъёмным краном, стащить пару десятков бетонных секций из соседних парков. Но их в лучшем случае тут же стащили бы обратно. В худшем – могли бы дать по шее. Поразмыслив немного, ротный нашёл гениальное решение.

Трое суток кое-как отремонтированный канавокопатель, поощряемый пинками и одобрительной руганью, рыл широкую и глубокую траншею вдоль недостающей части периметра. Когда канава была готова, её замаскировали ветками, дёрном и бурой травой, и Юрка лично, для пущей конспирации, притащил из степи несколько засохших коровьих лепёшек. Осмотрев сооружение, Твердохлебов потыкал носком сапога в дёрн, согласился, что от возможных воров и злоумышленников замаскированная траншея защитит нехитрое хозяйство батальона лучше, чем бетонный забор, в щели которого спокойно могла проехать небольшая тачка, и даже одобрительно похлопал Хорошевского по погону.

Первыми в ту же ночь в Юркину ловушку угодили две местные коровы и УАЗик командира дивизии.

Животные проблем не доставили – их хозяева крепко спали и не видели, как поднятая по тревоге Юркина рота выталкивает их скотину из канавы. С УАЗиком пришлось труднее. Самое ужасное, что в момент падения внутри автомобиля находился его хозяин, генерал-майор Ванюшин, который к тому же сильно ушиб копчик. Комментарии генерала были слышны далеко за пределами военного городка.

После этого случая несгибаемый майор Твердохлебов угодил с сердечным приступом на госпитальную койку, где, едва оправившись, написал рапорт о своей отставке.

Назначенный на его место молодой и деятельный подполковник Файзуллаев, получивший звание пару месяцев назад на выпускном вечере в академии, навестил своего предшественника в госпитале, где Твердохлебов и рассказал ему о страшной угрозе, которая таилась в безобидном с виду старшем лейтенанте Хорошевском.

Бывший Мент Мой дед

Я стал забывать его лицо. Хотя нет, неправильно, не забывать. Просто если оно раньше всплывало в памяти живым, смеющимся, грустным, в гневе, то теперь я просто представляю фотографию с обелиска.

Мой дед.

Он родился перед войной. Ещё той, Первой мировой. На Урале, в глухом селе. Кроме него в семье было ещё пятеро. «В люди» выбился он один, окончив Пермский педагогический. До института он успел поработать в шахте маркшейдером, где однажды произошёл обвал. Выжил он один. Повезло.

В институте он познакомился с девушкой из Смоленска, сиротой. Потом она стала моей бабушкой.

Они жили небогато, но счастливо, в любви. Господи, если бы нам, нынешним, было бы отпущено хоть четверть такой любви!

В 39-м у них родился сын. Мой отец.

А потом грянула война.

Дед, будучи учителем, имел бронь. Он, не пылкий восторженный юноша, пришёл в военкомат и попросил, чтобы с него бронь сняли.

Его направили во 2-е Орджоникидзевское пехотное училище – высшее образование, всё-таки. Помкомвзвода. Жизнь впроголодь, муштра, учёба. И письма жены, которая, провожая его на войну, заставила его надеть парадный костюм. Чтобы, если не вернётся, запомнить его красивым.

В 42-м немцы прорвали фронт на Юго-Западе и рванули к Сталинграду. Дыры затыкали кем могли. Курсантов, которым оставалось около месяца до выпуска, сняли с учёбы и пешком отправили останавливать врага. На всю жизнь он запомнил пыль той дороги, размолотую сапогами и колёсами и висящую в воздухе, жару, жажду и лошадь с оторванной ногой, жалобно кричащую на обочине.

Месяц их училище держалось неподалёку от Калача. Он был миномётчиком. Там его и накрыло – выбило глаз, ранило в руку – она больше не разгибалась – и в ногу. Но самую почётную солдатскую медаль «За отвагу» он получить успел.

Затем госпитали, госпитали, госпитали… Домой он пришёл в 44-м.

И всю оставшуюся жизнь он работал. Работал как вол, учительствуя, воспитывая детей.

Когда отца призвали на Северный флот, он четыре года отдал мне, двухлетнему баловню, пестуя и любя меня.

Тихий, незаметный и скромный. Никогда не мог что-то потребовать, выбить для себя, взять «на горло».

Не мог смотреть фильмы про войну, кроме «Они сражались за Родину». Глядя его, он плакал.

Судьба дала ему возможность увидеть меня в офицерских погонах. И моего сына, его правнука. Говорят, те, кто доживает до правнуков, безгрешны. Может быть, и так…

Он умер легко. Сел на диван и умер. Спасибо судьбе и за это.

Я не люблю нарочито красивые поступки. Но когда я получил свою «За отвагу», придя на его могилу, положил её на гранит. Не будь его, стал бы я таким, как сейчас?

Я снова приду к тебе, дед, 9-го мая.

Я тебя помню, солдат.

Processor Чайник

Вы любите чай? Настоящий чай, не из вяленых листьев лопуха? Скажем, грузинский, №36? Что, это не чай? Вы правы. Хотя бывают чаи и похуже. Такое впечатление, что при уборке такого чая в конце ряда чайных кустов не переходят на следующий ряд, а так и чешут по лесу дальше, план вытягивают. Ну тогда могу предложить индийский, «Три Мамонта»! Или хотите цейлонский? А может, китайский? Жуткий дефицит, лет этак 25 тому. Впрочем, что было не дефицит?

А где вы берёте воду для чая, неужели из крана? Это, конечно, очень полезная железистая вода, которую классик все же рекомендовал запивать на всякий случай хорошим коньяком. Но для чая нужна другая вода. Да, хорошая вода на материке нынче только из бутылки, как коньяк.

А кипятите в чём? Чайник «Тефаль, который всегда думает о нас»? О себе он думает! Как бы на нас заработать. Нынче каждый чайник думать принялся! Вот у товарища Сухова был чайник, так чайник. Сейчас таких ни один «Тефаль» не может сделать. Секрет утерян и навсегда занесён прикаспийскими песками. А ехать просеивать пески – спонсор надобен, да визу оформлять, деньги на теньги менять… Правда, у меня ещё такой один есть. Но распаялся, вот третий год надёжного мастера не могу найти, чтоб с паяльником. Зачем надёжный? Чтобы не выдал, не проболтался! А почему распаялся? Жёнушка моя, разлюбезная Татьяна, забыла на газовой плите. Это у неё карма такая, про чайник включённый забывать. А на Чукотке, в нашем посёлке, газовых плит нет. В наших деревянных, обшитых рубероидом, некрасивых снаружи и уютных изнутри жилищах, имеющих один существенный недостаток – сгорают за несколько минут – кипятят нам взятую из ручья кристальную воду к чаю простые алюминиевые чуда ЭлектроТехПрома с ТЭНом[148] внутри. На пару недель хватает, а потом на Таню обрушивается карма, и марш-марш в магазин за следующим.

И у чукчи одного как-то весной видел я такой чайник, как у нас с товарищем Суховым. Кипятил он его на костре, на который ушла пригоршня щепочек. На Чукотке лесов мало, ходишь по траве, а это и

не трава вовсе, а карликовые берёзы стелятся по земле. Подберёзовики над ними, как монстры стоят. Надберёзовики. Вот чукча насобирал этих берёзок в ладонь, кривые стволики-травинки толщиной со спичку, и, подвесив чайник на проталинке, над самой землёй, подкладывает в огонёк по одной берёзке, присев с наветренной стороны. Несколько минут – и мы пьём чай.

Зима в разгаре. Еду домой. Поднимается пурга, двигатель начинает работать с перебоями, метрах в трёхстах от посёлка окончательно глохнет. Ветер треплет мой ЗиЛ, как разыгравшийся щенок собаки Баскервилей старый тапок. Сливаю воду и почти ползу к посёлку, идти невозможно. Метров 50 в секунду. Приползаю – жена на смене, дежурит на Аммонитке. Это 500 метров. Ползу туда. Из-под снега виднеется только крыша сторожки и кончик лопаты. Специально оставляется снаружи. Проделываю почти вертикальную нору к двери. Вытаскиваю ненаглядную. Ползём домой. Приползли, разделись. «Ой, я чайник там забыла выключить!» Опять ползу. Оттаявшая роба на морозе мгновенно дубеет. Нору уже занесло. Снова рою, выключаю чайник, вода едва покрывала нагреватель, ползу домой. Дома, наконец, можно взять в руки кружку с чаем, погреть о кружку руки, прихлёбывая понемногу, и чувствовать, как постепенно расслабляются мышцы и что-то там, внутри тебя, перестаёт издавать ультразвук. Ещё чашечку, дорогая! Ой, что это я! Мы ведь не в Англии! Кружку!

Волшебный напиток!

Пришлось мне как-то слетать на материк. Дней на десять. Ну и плюс сидение в аэропортах. Последний чайник погиб несколько дней тому. Не успеваю вернуться к среднестатистическому времени сожжения очередного чайника и, возможно, жилища северного человека балок. И тут приходит озарение. Захожу на Главпочтамт, пишу телеграмму «Анадырь, Быстрый Ш-вой Татьяне. Выключи чайник».

Телеграфистка оторвала глаза от текста и внимательно посмотрела на меня.

– Я не отправлю эту телеграмму!

– Почему?

– Такие телеграммы мы не принимаем!

– Почему?

– Ну, во-первых, нет адреса!

– Адрес есть, как же, вот: Анадырь, Быстрый!

– Нет улицы и номера дома!

– Там нет улиц и номеров домов…

– Как это в Анадыре нет улиц и номеров домов?

– Там указано Анадырь, Быстрый. Быстрый – это посёлок в тундре. В Анадыре на почтамте телеграммы с таким адресом передают на Быстрый по рации.

– Но тут текст какой-то странный, мы такой не можем передать!

– Извините, в тексте нет неприличных слов, ругательств. Слово «чайник» можно писать в телеграммах?

– Можно…

– А слово «выключи»?

– Можно…

– Так в чём дело?

Отправила таки. Через пару недель возвращаюсь домой, посёлок в экстазе. Сработала хреновина!

Приняв по рации такую телеграмму, радист не только передал её жене, но, на что я и рассчитывал, оповестил о содержании свою жену. Та в свою очередь поделилась со своими двумя подругами, а через пару часов был оповещён весь посёлок. Как только жена выходила из дома, каждый встречный считал своим долгом спросить её, выключила ли она чайник.

И представьте себе, однажды забыла, вернулась и выключила.

Потом я сделал табличку с такой надписью и прикрепил её изнутри к двери.

Приятного вам чаепития!

Processor Капитан Новиков

Ахренееееть!!! – сказал капитан Новиков, инспектор ГАИ.

Сказал он это, тормознув меня в начале лета посреди посёлка Угольные Копи, на левом берегу Анадырского пролива. Изучив права и путёвку, капитан вежливо спросил:

– А какого хрена ты тут на гусках рассекаешь?

– А на чём тут рассекать? Что есть, на том и рассекаю! – максимально вежливо ответил я.

– Ты читал в «Магаданской Правде» постановление облисполкома о запрете движения гусеничного транспорта по городам и посёлкам Магаданской области?

– Нет, извините, я «Магаданскую Правду» не читаю, я читаю исключительно журнал «Тайм». Кстати, вы журнал «Тайм» читаете?

– Нет, не читаю, но дырку в талон тебе сейчас влуплю! Читатель…

– А за что? Запрещающих знаков на въезде в посёлок нет, в журнале «Тайм» о запрете не писали, об обязанностях водителей начинать день намазом или чтением «Магаданской Правды» в ПДД ни слова… Знак стоит – я не еду, знака нет – еду, однако!

Капитан скрипнул зубами.

– Огнетушитель!!!

– Пжжжлст. Без огнетушителя на плавающих вездеходах только шашлыки возить.

– Аптечку!!!

– Пжжжлст! – ставлю на капот кофр от кинокамеры.

– Так. Лампы в фары, сальник, контакты прерывателя, конденсатор, ротор, свечи зажигания, крышка трамблёра, какая-то хреновина, патроны 12 калибра дробь 00, патроны к ракетнице, бинт, йод, анальгин, – перечислял капитан, выкладывая все это живописной инсталляцией в духе Вознесенского, на капот… – Всё. Аптечка некомплектная, вездеход на арестплощадку! Завтра будем разбираться, как можно в тундру с такой аптечкой ездить!

Конечно, где-то он прав, надо бы в аптечку добавить чего-нибудь от желудка, да хоть пару жаканов. Но это он в тундру ездит. Иногда.

Недалеко. На охоту. А мы в тундре живём. Далеко и постоянно. Мы не в тундру, мы из тундры ездим!

– Товарищ капитан, гляньте сюда, – сказал я ему, выдернув из-под солнцезащитного козырька пачку накладных и откидывая тент над задним бортом. Вот, согласно накладных, у меня здесь 20 ящиков яиц по 260 штук в каждом, ну и там ещё по мелочи… Будьте добры, акт приёмки на ответственное хранение – и забирайте на арестплощадку, я хоть высплюсь первый раз за полгода…

– Проваливай нахрен – подобрел вдруг капитан, отдавая документы.

Хорошо сказал! В те времена яйца, я имею в виду куриные, на Чукотке были в большом дефиците. К утру на арестплощадке его коллеги оставили бы только обрывки упаковки. Менты-с!

Через неделю приехал снова. На въезде в посёлок, пугая бакланов, красовался новенький знак «Движение гусеничного транспорта запрещено». Контора и склады Севсмешторга теперь надёжно прикрывались с земли, вертолёта у меня не было. Капитан Новиков где-то в засаде. Но поставленную задачу – добыть тонну тушёнки «Великая Стена» – надо выполнять. Я потянул на себя левый фрикцион и спустился к речке Шаманке, протекающей по краю посёлка и погнал по реке. В одном месте от речки до Смешторга метров двести, проскочу.

Обратно ехал по посёлку и напоролся-таки на засаду.

– Что, опять гружёный?

Я молча кивнул, капитан зачем-то постучал своим жезлом по отполированному траку, повернулся ко мне спиной и махнул рукой в сторону синеющих сопок. Жизнь моя начала наполнятся новым смыслом. Главное было проскочить эти двести метров от речки до складов. Проскочу – обратно еду спокойно. Не проскочу – посажу наших на голодный паек. Тут капитан сожрёт, там – толпа голодных шахтёров. Дуализм! Единство и борьба противоположностей! Диалектика однако!!!

Однажды, только я выскочил из тундры на трассу, ведущую от аэропорта в посёлок, как заметил впереди ГАЗ-69 капитана. Пристроился сзади, метрах в ста, едем потихоньку. Капитан остановился, я тоже, сохраняя дистанцию. Вроде тут мне ездить можно, но беседы с капитаном – не моё хобби. Капитан вылез из

машины, я, не вылезая и не глуша двигателя, закурил. Постояли пару «Беломорин». Капитан сел, поехал, я за ним, сто метров – как привязанный. Перед посёлком снова перекур. Опять капитан поехал, нырнул в посёлок. Я к складам шмыг. Обошлось. Даже в засаде капитан не стоял. Обедал, наверное.

В другой раз в сумерках напоролся на капитана перед самыми складами. Успел увидеть его, стоящего возле своего ГАЗика. Я крутнул на месте на 180 градусов, дал полный газ, высунулся в люк и убедился, что капитан припустил следом. Перед речкой был спуск. Подумал, что капитан за перегибом дороги на несколько секунд потеряет меня из виду, погасил фары и нырнул в переулок, идущий вдоль речки. Но переулок оказался перегороженным строящейся теплотрассой, пришлось развернуться и убедиться, что капитан меня по-прежнему имел в виду. Рванув фрикцион, проделав ворота в каком-то заборе, я плюхнулся в спасительную речку.

В этих заботах прошло полгода. Однажды у себя в тундре, закончив ремонтные дела, я не нашёл на привычном месте своего дома. Верней, дом ещё стоял, но уже слегка горел. Деревянные дома в 55 градусов мороза горят быстро и красиво. В доме остались все документы.

Человек без паспорта, Михаил Самюэлевич, не жил в погранзоне. А мне пришлось брать справку от пожарников, ехать в Анадырь восстанавливать документы. Военный билет выдали через 15 минут. Паспорт через месяц. А за правами я поплёлся к капитану Новикову.

Обманув мои ожидания, капитан не выхватил ПМ и не пристрелил меня на месте, к чему я был вполне готов. Немало подивившись этому и не найдя объяснения столь странному капитанскому поведению, я показал капитану справку. Капитан сотворил запрос о моем личном деле на материк, в ту ГАИ, где я получал права. В те времена личные дела хранились так.

– Месяца через четыре, может, пять, придёт ответ, будешь ловить комиссию из Магадана, прилетает раз в два-три месяца на денёк.

Я поблагодарил и растворился.

Комиссию я ловил полтора года. Всё это время, работая без прав, проезжая по посёлку на гусеницах и на колёсах и встречая капитана, я сбрасывал газ и внимательно смотрел на него. Капитан заинтересованно разглядывал идущую за мной или передо мной

машину, а в отсутствие таковой – кончики своих сапог или считал полоски на жезле.

Недавно права, которые мне в 1978 году вручил капитан Новиков, пришлось поменять. На новые, международные.

Где ты, капитан?

Solist Фирн

Сердце колотится, будто включённый секундомер тикает. Бля, сколько я ещё продержусь?.. Черт бы побрал этот лёд, горы, снег, командиров, войну, этот фирн долбаный! Пальцы уже стынут, скоро совсем потеряют чувствительность, тогда я соскользну вниз, туда, где шумит горная речка. Ещё не в полную силу шумит, слишком рано ещё. Вот после обеда, когда солнце обожжёт ледники, река наполнится водой и до ночи будет реветь и хрустеть перетаскиваемыми камнями. А пока… Бля, нашёл о чем думать! Мне с вышкой хватит и этого, тем паче до неё ещё и лететь метров двадцать. Подхватит, поломает, разденет, порвёт-перемелет. И не найдут меня. Никогда.

Да я бабу так крепко никогда не обнимал, как обнимаю этот снежный склон с ледяной фирновой коркой! Боже, как я к нему прижимался! И, тем не менее, скользил. Сначала, как упал, – быстро, потом когда сгруппировался, распластался, прижался, вцепился в него ногтями – все медленней, медленней… Вот и остановился.

Снежный язык свешивается с уступа над рекой. Не могу повернуть голову, чтобы посмотреть вниз, да мне и не надо. Я и так знаю, что там. Вчера вечером в прицел рассмотрел. И склон этот долбаный, и обломки скал внизу, и мраморно-серые потоки воды, о них дробящиеся. Все рассмотрел. И решил поутру проскочить, пока склон в тени. Умник, бля.

Из-под сорванных ногтей, чудом зацепившихся за крохотную трещинку в ледяном панцире, сочится кровь. И розоватыми разводами сползает ниже. Сколько прошло времени, не знаю. Розовые ручейки добрались до лица. Пальцы начали неметь от холода, он заползает даже под куртку, стынут запястья, ободранные об лёд колени.

Надо что-то предпринять, но ничего не приходит в голову. Можно было бы попробовать пробить фирн ударом тяжёлого ботинка, но чувствую – не смогу. Ледяная шершавая корка слишком толстая, прочная, особенно здесь, на конце «карниза». Попытайся я просто приподнять ногу, и хрупкое равновесие сил трения и силы тяжести нарушится. А так я даже носком ботинка не достаю до снега. Ноги ниже коленей висят над пустотой.

Пот пробивает, ползёт по позвоночнику, прёт изо всех пор, стекает вниз, стынет. Я уже весь мокрый. Изнутри пот, снаружи тающий лёд, – я намокну и стану тяжелее, соскользну. Интересно, а если одежда примёрзнет? Нет, вряд ли. Надо бы сбросить РД,[149] но как это сделать?

В голове жар. Ну, заболеть у меня едва ли получится, учитывая ситуацию. Лбом горячим ко льду: мелочь, а приятно. Вот они, прямо перед глазами, смёрзшиеся кристаллики воды. Вся поверхность – из спрессованных смёрзшихся градинок. Утренним солнцем подсвеченные, блестят, переливаются, тают от моего дыхания… Та-ак, так-так-так-так. Осторожно, стараясь ни на микрон не оторваться от поверхности (попробуйте на досуге, кому интересно), поворачиваю голову. В горле комок. Губы касаются льдинок, с чувством, близким с тем, с каким когда-то первый раз коснулся губами щеки любимой девушки, дышу на них. Тают, суки, тают!

Дышу на лёд, давлю в горле подступающий кашель. Устаю, ложусь, прижимаюсь горячей щекой. Заломило зубы, теперь другой щекой. Снова дышу. Льдинки тают, уменьшаются, истончается слой ледяной брони. Текут капли растаявшей воды, летят минуты. Осторожно, очень осторожно, давлю на лёд подбородком. Поддаётся! Уф-ф!

Мне кажется, прошёл час, а может, и два. Я выгрыз в склоне углубление, в которое смог углубиться лицом. Так, вдох-выдох, пшёл! Далее – как в замедленной съёмке, время сжалось: руку-левую-к-ножу-на-поясе, вес-тела-принял-на-подбородок, рука-с-ножом-вверх, обхватил-рукоятку-обеими-руками-и-ВСАДИЛ!.. На одном выдохе. Всем весом. На рукоятку. Скрипнуло, брызнуло крошевом и – по самую крестовину, на весь клинок!

Держит. Слава тебе, Господи! Нос забит снегом, а зубы разжать не могу; воздух вдыхаю сквозь зубы, с шумом, с хрипом выдыхаю. Второй нож, правой рукой, тоже по самую рукоятку. Вот уже две точки опоры. Подтягиваюсь. Опять левой. Коленом в углубление. Держит. Дальше…

Все, бля, выбрался. Наверху слой фирна тоньше, ноги пробивают его без труда. Руки дрожат так, что нож в опущенной руке выстукивает хитрую дробь по пряжке, а отпустить не могу, рука не разжимается. Костяшки пальцев побелели, из многочисленных ссадин даже кровь не

капает. Несколько раз кулаком с зажатым ножом ударил по фирну, проламывая целые пласты, отпустило. Смог разжать пальцы на одной руке. Нож вывалился и, мелко подскакивая, укатился вниз. Вяло подумалось: «Жаль, хороший был». Без сил сел на снег. Нет, не сел, – повалился. И долго лежал, глядя в близкое синее-синее такое прозрачное небо, слушая шум бурлящей внизу воды. Господи, как я люблю эту жизнь, эти горы, реки и даже этот лёд со снегом!

Спустя минут двадцать, когда холод пробрался сквозь порванный маскхалат, куртку и свитер, я поднялся. Сунул оставшийся нож в ножны. Отцепил от ранца и надел альпинистские кошки, нехрен форсить. Отыскал свою винтовку (вот ведь, не укатилась, сука милая, осталась лежать), проверил, поправил бинт на стволе. И почапал дальше, выполнять боевую задачу.

Ильич Морфий и диод

Начало 90-х, Харьковский ракетно-ядерный колледж (в народе – ХРЯК или Крыловка).

Идут практические занятия по электронным приборам. Занятия ведёт подполковник Жидко, человек, сильно любящий свою науку и ещё более любящий поизмываться над тупыми курсантами. К слову, задолбав всех на занятиях в течении семестра, на экзаменах он ставил оценки сразу же, не задавая никаких вопросов вообще – а чего спрашивать, ведь к тому времени он каждого знал как облупленного! Однако, если ты, самоуверенный нахал, хочешь получить более высокую оценку, нежели отпущено судьбой – изволь! Можешь тянуть билет, отвечать на вопрос, но ведь можешь и не ответить… Супер-игра, блин…

У доски стоит Морфий (так его называли даже незнакомые люди, очень уж внешность запоминающаяся), курсант второго курса радиотехнического факультета. Морфий был в то время поэт, писал неплохие стихи, и даже поэмы, немного напоминавшие творчество Лаэртского. Но вот с электронными приборами, да и с физикой как-то не склалось.

– Ну-с, дорогой друг, а расскажите-ка нам, как работает ламповый диод!

Как эта хреновина работает и зачем она вообще нужна, Морфий понятия не имел, однако в мозгу его отложилась картинка из учебника, на котором он так недавно мирно спал. А на картинке был изображён как раз ламповый диод. Морфий уверенно рисует овал (стеклянная колба, значит), дугу сверху (катод) и палку снизу (анод).

– Вот, – говорит, – диод!

– А что-то я электрона в нем не вижу, ведь прибор-то, вроде, электронный…

– А-а…, – вспоминает Морфий, на секунду задумывается и рисует жирную точку посередине и стрелочку от точки вниз, мол, вот электрон летит.

– Ну, рассказывайте!

– Вот катод (поразительно, помнит ведь, как эти загогулины называются!), вот анод, вот электрон летит к аноду…

– А почему это электрон вдруг летит к аноду? – интересуется Жидко.

– Так ведь сила не него действует! – радостно вспоминает Морфий и тычет пальцем в нарисованную стрелку, радуясь, что нарисовал её ещё до вопроса.

– Сила – это хорошо, – говорит Жидко. – А что за сила?

Морфий смотрит на стрелку все пристальней и пристальней, пытаясь угадать, как её зовут, но все воспоминания уже закончились… Подумав ещё немного, справа от стрелочки он пишет: mg

Группа, заинтересованно следящая за шоу, начинает сначала тихо, но все громче и громче ржать.

– А что вы смеётесь, товарищи курсанты? – с невозмутимой миной говорит Жидко. – Ведь курсант Антонов (имя Морфия в миру) прав! Электрон обладает массой? Обладает! Стало быть, на него, как и на вас, действует сила тяжести! Антонов, ещё какие-нибудь силы на него действуют?

Морфий понимает, что, конечно, есть ещё какие-то потусторонние силы, но какие?

– Никак нет, товарищ подполковник, больше никаких!

Смех все громче.

– То есть вы хотите сказать, – ехидно продолжает Жидко, – что электроны под действием силы тяжести осыпаются с катода на анод?

– Выходит, так… – обречённо вздыхает Морфий.

Группа уже лежит.

– Отлично, товарищ курсант! Только вот ведь незадача, электронные приборы используются и на самолётах, а они (самолёты) иногда совершают такие эволюции, что анод может оказаться выше катода. Что же делать? – вопрошает Жидко и просто любуется Морфием, который наморщил весь ум, пытаясь хоть как-то решить эту научно-техническую проблему.

Группа тоже затихла, всем интересно, что же Морфий ляпнет.

И вдруг с последних рядов раздаётся реплика:

– Так ведь, товарищ подполковник, а гироскоп на что?

Жидко удовлетворённо хрюкнул, пытаясь не заржать в полный голос вместе со всеми, и стал собирать в портфель свои бумажки со

словами:

– Все, товарищи курсанты, мне вас учить уже нечему! Вы уже готовые инженеры, способные безо всяких знаний решить любую проблему!

ГрандЭйр Полёт чирка

Перед носом, деловито гудя и как-то торжественно, прошёл на посадку «Руслан». Выруливаем. Уже в который раз. И каждый раз одно и то же чувство переполняет меня. Этого не описать. Сердце начинает биться быстрее, дыхание превращается из безусловного рефлекса в осознанную процедуру. «На исполнительном» – улетает в эфир. «85*** – взлёт разрешаю ». Мишанька буркает: «Взлётный», и турбины берут мир на свои плечи. Их гул, перерастающий в лихой посвист, теперь уже не просто временами встревает в наши переговоры, теперь он – прима. Сброс тормозов и машина бескомпромиссно устремляется вперёд. Шасси по-паровозному стучит на стыках плит, всё быстрее и быстрее.

– Рубеж.

– Продолжаем.

Да, мы продолжаем, как всегда. Огни уползают под брюхо. «Отрыв», «Безопасная» звенит в наушниках. Дождь в бессильной злобе стучит в лобовушки. Дворники заняли круговую оборону.

– Шасси убрать.

Сколько раз произносил эту фразу, и всегда мне казалось, что это – волшебное заклинание, своего рода «сим-сим, откройся!»

И он открывался. Огни порта уже не видны. Клочки облаков сначала робко, а затем всё уверенней и уверенней стирают очертания шоссе и сотен огоньков автомобилей. Там, внизу люди торопятся домой, к своим пелёнкам и макаронам, заступают в ночные смены, меняют перегоревшие лампочки и признаются в любви. «Шасси убрать» всегда символично. Обрубить пуповину между мною и Землёй. Эти существа, эти строения, эти механизмы физически всё ещё не так далеки от меня, но духовно я ухожу в другое измерение и забираю свой экипаж, свой самолёт, своих пассажиров. Только на этот раз к этому празднику чувств примешивается ещё что то, неосязаемо покалывающее сердце. Я знаю, что это. Это – последний, может даже последний в жизни моей полёт в качестве Командира Воздушного Судна. Я всматриваюсь, вслушиваюсь, пытаясь навсегда запомнить и

впитать душой эти мгновения. Мгновения, которые никогда не вернутся.

«Закрылки ноль». Всё. Ребята потихоньку затихают, сбрасывают с себя груз процедур взлёта. Начинается тихая рутинная работа экипажа. Неожиданно выходим из пелены облаков. Привет, Луна, привет! Лунный свет скрупулёзно разрисовывает облака, превращая их в пейзаж фантастической красоты, полной загадок. Здесь живёт сказка. Любимая сказка всех пилотов. Тех, кто пришёл в небо, поддавшись на уговоры детства. Последние годы пробежали очень быстро, слишком быстро. Очень многое изменилось в моей жизни, нашей жизни.

Путь из Кировограда до сегодняшнего рейса кажется до обидного коротким. С другой стороны, сделано многое. Выучился, стал пилотом, осуществил мечту. Женился, родил сына и лапочку-дочку. И всегда был доволен и горд своей состоятельностью. Потом произошёл перелом. Рыночные отношения, большой Аэрофлот развалился на сотни маленьких осколков, поранив ими немало душ. Странно было видеть вчерашних однокашников и коллег под флагами других компаний, других государств. Привык. Странно было видеть, что денег уже не хватает. Пришлось ужиматься, затягивать брючный ремень. Привык. Потом – развал компании, полгода безработицы с перерывами на разгрузку вагонов и строительство дач более удачливых. Статус новичка в другой компании. Весь путь, когда-то уже раз пройдённый, предстояло штурмовать ещё раз.

Передаю штурвал второму. Лёшке. Я его выпестовал, сделал из него КВСа. Я уйду – он займёт моё место слева. Я уйду и буду за него спокоен. Я завидую Лёшке белой завистью. Он молод, живёт с родителями. Отец – профессор, известный в прошлом дипломат. Лёшке не надо денег, его ещё не интересует соцпакет. Ему нужен только штурвал и небо. Моё небо, которым я с ним охотно делился.

«Заняли 10600». Точкой-тире пропел знакомый маяк.

Однажды на эстафете в Хитроу сидел, глядя на донышко опустевшей чашки кофе. Причудливые картинки. По ним как-то гадают. Интересно. Может быть, вот этот великан – это я? А может, нет, может наоборот, я – это вот эта закорючка, спрятавшаяся под листом экзотического растения? Или эта птица, держащая в клюве конверт? А что в конверте? Кто знает, кто знает. Жена на девятом месяце. Нужно найти где-то нормальную стиралку. Где? Боковым

зрением улавливаю господина в белом костюме. Стоит и рассматривает меня. Блин, господин, что надо тебе? Господин не уходит. Приближается. Подсаживается. Ну что тебе надо? Не звал я тебя.

– Володька, Чирок!

Всматриваюсь в лицо господина. Что-то удивительно знакомое. «Чирок» – так меня звали в училище после небольшого скандала, учинённого мною старенькой «Аннушке».[150]

– Володька, не узнаёшь?

Вижу лёгкое разочарование на лице собеседника. Но эта улыбка, эта улыбка, она кажется такой близкой и доброй.

– Валька?

Да, этой был мой однокашник Валька Бодров. Мы вместе с ним заканчивали, вместе попали в Норильск, жили в одной холостяцкой общаге авиаотряда. К счастью (или к несчастью?) мой вылет отложили по метео. Мы долго сидели с Валькой. Он закончил свою лётную карьеру там же, в Норильске, налетав 1000 часов. Перестройку встретил во всеоружии. Бился, бился, сегодня – бизнесмен. Хозяин недвижимости по всему миру.

– Ну, я рассказал. Теперь ты!

«Да, на фоне Валькиных успехов мне и рот открывать стыдно» – мелькнуло в голове. Начал рассказывать про жену, про наследника, про работу. Валька как-то стих, подпёр голову руками, глядя куда то в недра английского тумана.

Потом мы обменялись телефонами и, постояв обнявшись, разбежались. Я – к своим, наконец-то дали погоду, Валька – к своим.

Стук. Людка, бортпроводница, картинно отвешивает поклон, подавая подносик с кофе. Благодарю её, оглядываю ребятишек. Лёшка уставился на Луну, о чём-то думает, шевеля губами. Бортач Мишанька включил свою «люстру»,[151] что-то пишет. Штурманец занят шахматными задачами. Пойду, пройдусь. Я обожал иногда выйти вот так, на эшелоне, в салон.

Мне нравились взгляды пассажиров, особенно пацанов, скользящие по моей форме, глядящие с восторгом и завистью. Бывало, выбирал себе парнишку побойчее и вёл его к нам в кабину. Нет-нет, в кресло я его не сажал (хоть катастрофа под Междуреченском ещё не произошла). Я показывал, рассказывал. Мне нравилось заражать

молоденькие души небом, штурвалом. Я представлял себе радость этого мальца, сбивчиво рассказывающего соседским детишкам, как он «вёл» самолёт. В глазах этого мальчонки я чувствовал себя героем, пусть на минуту, но героем. Мне нравилось перегнувшись над пассажирами сосредоточенно глянуть в иллюминатор на крыло, а потом, удаляясь непринуждённо подмигнуть им. Сейчас ночь, света в салоне нет. Люди спят. Люди спокойны, они мне доверяют. Люди – в надёжных руках.

Через пару недель после встречи в Хитроу Валька позвонил (я, честно говоря, и не ждал). «Есть разговор» – крикнул он в трубку. Встретились. Я возвращался домой оглушённым. Валька предложил работать с ним. Валька предложил условия, о которых я и не мечтал. Валька предложил «приземлиться». В ту же секунду я ответил «Да». И по сию секунду я думаю и думаю об этом. Что ж, одна из серий жизни позади. Я обретаю утраченные уважение, финансовую независимость, покой. Но я теряю небо. Я опустошён. Говорят, время лечит всё. Говорят, через полгода будешь ухмыляться, вспомнив сегодняшнее состояние. Говорят. Все говорят.

Облака постепенно исчезли, подо мной огни России. Люблю летать над Россией. Любил летать над Россией. Там, в Европе понатыкано городов-деревенек, связанных линейками-шоссе. Там 20-й век вовсю вращает свои технологические жернова. Тут, в России всё первозданно. Хорошо это или плохо, но мне так нравится больше. Вот Волга, скоро снижаться. Глубоко вдыхаю. Чтобы запомнить. Буду прощаться. Буду прощаться и мечтать о небе, как тогда, в детстве.

7ОПЭСК Кот и повар

То, что коты (кошки) могут возвращаться в родные места и за сотни километров, слышали, наверное, многие, я и сам в такое верю. Но то, что предлагаю, вызывает только удивление и восхищение. История прошлого года – по телевидению в каких-то новостях показывали.

Часть перебазировалась за сотни километров (если ничего не путаю, из бывшей южной республики СССР). У одного Прапорщика (имя не помню, поэтому буду писать с большой буквы) с армянской фамилией был обыкновенный кот – голубых кровей помоечник (в смысле прямых и дальних родственников, а не поведения). Нет, скорее, Кот, так как хотя и домашний, а по кошкам шлялся. И случилось же такое, что перебазирование части совпало с очередным загулом Кота. Как не искало хвостатого семейство, как не звало – никто на «кис-кис» не откликнулся (налицо самовольное оставление части, а под подозрением и дезертирство), и пришлось, утирая сопли и слёзы детям, грузиться в эшелон и убывать в скорби и печали. Любили Кота в семье сильно, и не только дети, хотя часто из-за желания потискать пушистую зверюгу приходилось чилдренам ходить в царапинах (ну не любил Кот панибратства). Грустили по пропавшему искренне, и часто бывало, что родители, мягко забирая у детей фотоальбом с фотографиями Кота на фоне семейства, сами украдкой подолгу их рассматривали молча на кухне. Друзья-сослуживцы это всё знали и сочувствовали.

А почти через два года, в части на разводе появился грязный, измождённый кот, который пристально рассматривал строй. Все попытки помощника дежурного прогнать кот игнорировал, устало обегая дежурную службу; упорно всматривался в лица стоявших в строю, ища кого-то.

Один из офицеров, стоявших в первой шеренге, наблюдая вместе со всеми за цирковой репризой «Кот и Служба», в стиле «а ля Куклачёв», вдруг задумчиво произнёс: «Парни, а не Прапорщика ли это Кот?» Кто-то рядом ответил: «Да ну, столько времени прошло. Да

как найти нас мог – по почтовому адресу?! Бред!», но за Прапорщиком послали.

Прапорщик дежурил по столовой; услышав гонца, подумал, что это розыгрыш, но тело уже само начало движение к дверям столовой.

А дальше вся часть наблюдала следующую картину.

Прапорщик, в белом халате с повязкой и грязнущий кот, бегущие навстречу друг-другу. Внезапно резво трусящий кот, не добежав до Прапорщика пару метров, резко остановился. Прапорщик из-за этого нерешительно затоптался на месте, разглядывая зверя. А кот, пристально глядя в глаза человеку, вдруг крикнул (не замяукал, а именно крикнул), и была в этом крике такая сначала обида, а затем радость, что перевод на русский с кошачьего лежал в пределах от «Бр-р-рос-с-с-или меенъяя!!!» до «Как я рад, что нашёл вассс!!!» И Прапорщик, бухнувшись на колени, подхватил и прижал к себя грязного, тощего и вонючего, как многолетний бомж, Кота, а тот, заурчав, пачкая белизну халата лапами, тёрся лбом в лицо Хозяина, оставляя на нём грязные полосы.

Кто-то из стоявших в первой шеренге, странно поперхнувшись, с улыбкой произнёс:

– Кот и повар, блин…

По шеренгам, то затухая, то нарастая, понёсся хохот.

Dron Позывной «Аляска»

(Памяти Андрея Фёдоровича Равнавнаута)

Он появился во взводе с приходом нового карантина…

Призыв весны 1988 года.

Я только что получил третью «соплю»[152] на погон, а вместе с нею и должность замкомвзвода. Командир взвода наш, капитан Калугин – человек крутого нрава, строгий, но справедливый, он был для нас «отец родной» – протянул мне пачку военных билетов:

– На, сержант, ознакомься… В наш взвод, под твоё начало…

Уже сидя в ленкомнате и перелистывая военники, я натолкнулся на его фамилию – Равнавнаут… Что это? Кто?

Могу поспорить с любым из вас, что вряд ли кто из вас слышал подобную фамилию!!! Как вы думаете, кем был он по национальности?! Никогда не догадаетесь!!! Он был *чукчей* !!!

До этого я про чукчей знал только по анекдотам, а тут – «живой», настоящий, да ещё в моём взводе!!! С одной стороны это здорово – единственный на всю бригаду чукча, и у нас, а с другой… вот именно, что «по анекдотам». Подумалось тогда: «Какому военкому пришла в голову несомненно мудрая мысль призвать чукчу, потомственного оленевода (как потом выяснилось) в отдельную бригаду спецназа ВДВ»? На деле же всё оказалось гораздо лучше…

Чукча оказался небольшого роста, коренастый и загорелый до черноты. На своих первых стрельбах показал потрясающий результат – положил все 12 патронов из АК в «десятку»! Тут же приказом по бригаде был назначен снайпером.

Все анекдоты про чукчу были не про него – Андрей был неплохо образован, начитан, эрудирован и, что немаловажно, отлично рисовал. До сих пор храню свой дембельский альбом, нарисованный другом. Да-да, именно *другом* ! Дружить он умел. Дружил бескорыстно…

«В тундре по-другому и не бывает», – говаривал он. Воспитание северное (или национальное?). Во взводе его все любили. Чукча был душа любой компании. Знал кучу анекдотов (в том числе и про чукчей), играл на гитаре и баяне. Выпить был тоже не дурак. В общем, он влился в коллектив так, что казалось, мы его знаем уже сто лет.

– Скоро учения, Андрей, – сказал я ему, – тебе, как снайперу, позывной положен… Как думаешь отзываться?

– Аляска, – ответил он.

– А почему вдруг «Аляска»? Это же вражины! Америка.

– Для чукчей нет врагов, – ответил тот с северной мудростью. – Меня ещё дед, а потом и отец учили, что нельзя в людей стрелять. А «Аляска», так это потому что там тоже чукчи живут, – сказал он и рассмеялся.

Так и стал он чукчей с позывным «Аляска».

А то, что в людей стрелять нельзя, так в этом я его не мог переубедить. Он был по-своему прав.

Дембеля ждёшь всегда… С самого первого дня службы. Дембель неизбежен, как крах империализма. И вот он наступил… Долгожданный… Осенний… Уже почти «зимний»… Уговорив ротного отпустить со мной до вокзала чукчу, я поставил «отвального» и мы с Андреем отчалили.

В ожидании поезда пили втихаря пиво, говорили про то, как после службы чукча-«Аляска» приедет ко мне в Москву, обещал помочь ему с поступлением в Суриковское… Да о многом ещё поговорили. Обменялись адресами. И я уехал на гражданку… А чукча остался служить… Он был уже младшим сержантом.

Мы переписывались с ним где-то с полгода, а потом он пропал… Совсем пропал. Писем от него больше не было.

Месяца за 2 до этого я получил от него письмо, где Андрей сообщал, что бригаду нашу передислоцируют в Карабах. Потом были письма оттуда… А чуть позже – как отрезало…. Ну ни одного письма.

Я пробовал его тогда разыскать, но бесполезно…

Дальше был путч и следующий за ним развал Союза…

А чукча так и не нашёлся.

Всё выяснилось спустя три года. Как это обычно бывает, случайно…

Мы встретились в метро… Я, бывший сержант спецназа ВДВ, и мой бывший подчинённый радист Лёва по прозвищу «Хохол».

Встретились, налетев друг на дружку в давке перехода на Новослободской. Обрадовались – не то слово! Обнялись по-братски.

На радости бросили все дела и забурились в кабак. «Хохол» был проездом в Москве. Вечером должен был уезжать. Выпили, вспомнили

службу, учения, ребят, взводного…

– Слушай, Лёва, а ведь ты же на полгода позже меня призвался? – спросил я.

– Да.

– Так может, ты знаешь куда «Аляска» делся? – спросил я, особенно не надеясь ни на что. – Ты же, вроде, с ним вместе в Карабахе был?

«Хохол» изменился в лице, на скулах заиграли желваки. Он налил рюмку водки, выпил молча.

– Ты разве ничего не знаешь? – И, выдержав паузу, сказал: – Погиб он. В Карабахе…

Как гром с ясного неба!!! Я сидел, переваривая услышанное. Это был настоящий шок!!! Да у какой падлы рука поднялась на безобидного снайпера-чукчу!? Да ведь он сам не капли крови чужой не пролил! Поэтому всё время на блок-постах и стоял. В Карабахе… Он сам мне писал об этом.

Лёва-«Хохол», видя моё состояние, быстро наполнил два бокала водкой. Один подал мне.

– Давай, не чокаясь, за «Аляску»… Ведь он не просто погиб, он мне жизнь спас… Да и не только мне. Нас восемь человек было… Мы выпили…

И вот что он мне поведал…

На блок-посту тормознули жигулёнок с «азерами». Обычная проверка. Ничего особенного. Но в багажнике кто-то из солдат заметил кинжал. Так как был приказ изымать всё найденное оружие, кинжал был изъят. Всё чин-чинарём, по закону, с протоколом.

Один из четверых «азеров» бросился в драку с нашими десантниками, пытаясь отобрать кинжал. Кричал, что это их семейная реликвия, что этим кинжалом ещё его пра-пра-прадед турок резал, и так далее в таком же духе. Но приказ есть приказ, и кинжала ему никто не вернул. Он даже денег чемодан целый предлагал: хрен, не отдали ему «ножичек», тем более, на блок-пост уже особисты приехали, и «азер» был послан.

– Аллах всё видит, – сказал он на прощание. – Икнётся вам это ещё….

Тогда никто не придал значение его словам. Но «икнулось» очень скоро. В следующее дежурство этой смены бойцов. Там был и чукча.

В небольшом строении блок-поста, три на три метра, находились три человека отдыхающей смены, трое бодрствующей, начкар-прапор, Чукча-«Аляска» – разводящий. Была ночь. Летняя жара не отпускала даже ночью. Было душно.

По этой причине единственная зарешёченная форточка была открыта.

Чукча не любил жару. Он себе места не находил при такой погоде. Ему не спалось. Он сидел за столом и по обыкновению что-то рисовал.

Трое и начкар спали на топчанах, трое других бойцов резались в домино, в «креста». А «Аляска» рисовал…

И вдруг в окно влетает граната! Ф-1. Кто служил, тот знает, что это такое, да к тому же на такой площади 3 на 3 метра…

Окаменели все. Уже ничего нельзя было сделать – дверь закрыта, подхватить гранату и швырнуть её в решётку окна шансов вообще никаких…

Ничего нельзя было сделать, а чукча сделал!

Он метнулся к гранате, схватил её и, не раздумывая ни секунды, сунул себе под бронежилет. В ту же секунду прозвучал взрыв!

Ещё через пару-тройку секунд, ещё не успел рассеяться дым, а в ушах смолкнуть звон, все бойцы были снаружи. Устроили облаву.

Ещё через полчаса поймали того «азера», который гранату в окно вкатил. Как он к блок-посту через караул пробрался? Так очень просто: он наших трёх солдат точными выстрелами в голову снял из «макарки» с глушителем. Тот самый «азер», у которого кинжал отобрали, оказался местным боевиком и одним из лидеров движения за освобождение Карабаха. А в прошлом – прапорщик спецназа ГРУ.

Его не стали сдавать особистам. Расстреляли там же, где и поймали. Расстреляли молча, без пафосных слов и оглашения приговора.

Он ни о чём не жалел; единственное, что сказал перед смертью, что жаль, не успел наших побольше завалить.

А чукчу-«Аляску» вынесли из строения на сорванной взрывом двери. Он был мёртв. Взрыв не испортил его лица – осколки ушли в тело.

Чукча улыбался.

Замполит Сага об олимпийском мятеже

Олимпийские дела… Я в то замечательное лето служил бригадиром аварийно-ремонтной бригады сантехнической службы гостиницы «Россия», вспоминаю с удовольствием – 37 выговоров за 45 дней.

Тогда из Москвы выселили за 101км весь неблагонадёжный и непрезентабельный элемент, а московских студентов поголовно впрягли обслуживать Олимпиаду – инязы всякие переводчиками, строителей – строителями и так далее, вплоть до студенческого отряда горничных, среди которых попадались и вьюноши весьма богатырского размера, как, к примеру, наш герой – Теша.

Ещё до начала Олимпиады Теша, будучи горничным… нет, как же это по-русски? А, вот! Коридорным он был! Так вот, готовил он с сотоварищами некое опустевшее общежитие под заселение зрителями – со всей страны по профсоюзным и комсомольским путёвкам стекались счастливцы, а нормальные гостиницы, которых и так было небогато, уже заполнились под завязку журналистами. комментаторами, шпиёнами, спортивными функционерами и т.п. Многое тогда делалось впервые – опыта прошедшего ещё в 1957 году Фестиваля молодёжи и студентов явно не хватало. Сильно опасались всяких провокаций (Афган тока-тока начался, бойкот и прочее), даже нам, сантехникам, сообщили, в какой номер в «России» стучаться в случае чего. Ну и коридорных-горнишных из студентов тоже натаскивали – враг не дремлет, будьте бдительны!

Итак, в одно прекрасное утро Теша был оторван от своих коридорных занятий (общага, прошу заметить, стоит ещё пустая и запертая, в Москву пока никого не привезли, все начнётся через 5-6 дней) странным гулом во дворе. Он пошёл к окну, глянул в него и остолбенел: во дворе буянила толпа человек в 300, обутых в ватники с чужого плеча, драные треухи, тельники и прочее тому подобное. Сегодня мы бы назвали это зрелище «бунтом бомжей».

Обомлевший Теша замер и в прострации наблюдал, как толпа придвигалась к общаге с явно недобрыми намерениями.

Но тут из-за угла вышли два патрульных милиционера, оглядели происходящее и один из них что-то буркнул в рацию. Минут через пять, когда толпа уже явно собралась бить окна, к каждому из которых прилип тешин клон из числа студиозусов, подкатил ЛиАЗик и из него посыпалось невиданное до тех пор в Москве воинство – бравые молодцы в пластиковых касках, со щитами и дубинами, каких любил показывать в выпусках «Международной панорамы» каждый уважающий себя обозреватель, рассказывая о массовых протестах в мире капитала и о жестокостях полиции.

Молодцы, числом человек в 30, шустро построились клином и ринулись в толпу. Сверху, с Тешиной точки зрения все это до ужаса напоминало кадры из «Александра Невского», когда рыцарская «свинья» врубалась в русский строй. Грохнули щиты, замелькали дубинки, ещё минут через 10 вся толпа была уложена носом в асфальт, и тут из автобуса вылез милицейский полковник с мегафоном:

– Так, товарищи, на исходную! Толпа – крепче сцепление, не давайте себя разорвать на части! Атакующие – резче, резче, врубаться на скорости!

Стороны разошлись и повторили Ледовое побоище… Теша перевёл дух, но ненадолго. Часа через два в общаге появился надзиравший за их районом представитель из органов и поинтересовался:

– Тренировку видели?

– Да! Мы даже поначалу подумали, что это по-настоящему…

– Тогда почему не позвонили *куда надо* ?!

Кадет Биглер Чудо в герметике

Чудо, чудо!
Яви нам чудо!

«Праздник святого Йоргена»

Хмурым, наполненным пессимизмом утром понедельника 198* года, ровно в 8.45 утра, мне было явлено чудо.

Грохнула дверь, и в чертёжный зал нашего КБ ворвался Главный конструктор. Главный обладал чудовищной административной энергией. С утра до вечера он, подобно громадной петарде, метался по территории завода, рассыпая вокруг себя матерные искры и мобилизуя личный состав на преодоление и свершение. В конце квартала шеф приобретал свойства волны-частицы, и его практически одновременно можно было увидеть в выпускающем цеху, у заказчиков и технологов. Единственной формой существования этой административной материи было движение: все служебные вопросы решались на бегу, дверь своего кабинета он никогда не закрывал и, общаясь с подчинёнными, имел привычку нетерпеливо постукивать по столу увесистым кулаком с татуировкой в виде якоря. В молодости наш Главный служил во флоте, откуда вынес чрезвычайно образный язык и умение без видимых последствий употреблять несовместимые с жизнью количества спиртного.

– Вот, – не здороваясь, сообщил Главный, – принимай нового конструктора. Между прочим – отличник! Прошу, как говорится, любить, жаловать, и вообще… А я в – цех!

– Анатолий Гри… – вякнул я, но шеф уже трансгрессировал.

«Новый конструктор» молча разглядывал меня, хлопая серыми глазищами. У «нового конструктора» была отличная фигура, густые пепельные волосы и кукольное личико. Вообще, было в ней что-то от изящной, дорогой, но хрупкой ёлочной игрушки, которую осторожно берёшь в руки, боясь нажать чуть посильнее и сломать. О том, чтобы «любить и вообще» не могло быть и речи, я почему-то было уверен, что при, так сказать, чувственном контакте, она с тихим, печальным

звоном разобьётся. Бывают такие девушки. Звали её Викой, но всем было ясно, что на самом деле к нам пришло «Чудо».

До появления нового сотрудника боевой состав нашего КБ выглядел следующим образом:

Имелся ведущий конструктор по изделию, которого я за два года работы так и не запомнил в лицо, потому что он постоянно пребывал в загранкомандировках в каких-то черно-жёлтых странах. Население этих стран, едва спрыгнув с дикорастущих пальм и вкратце освоив ходьбу на двух конечностях, на следующем этапе развития ощутило потребность в тяжёлых РЛС управления войсками, которыми, собственно, наша контора и снабжала половину земного шара.

Имелся также бывший ведущий конструктор по изделию Марк Яковлевич, разжалованный за нехарактерную для еврея тягу к употреблению. Марк Яковлевич дорабатывал последний год перед пенсией, поэтому толку от него не было никакого. Целыми днями он просиживал в своём углу, отгороженный от жизни, света и воздуха шкафами и кульманами. Там он чем-то шуршал и скрёб, как огромная, пожилая и осторожная крыса, временами распространяя по залу ядовитые спиртовые эманации.

Дамы морщились и с лязгом открывали окна в алюминиевых, кривых от рождения и опасно вибрирующих рамах.

Основную ударную силу нашего КБ составляли как раз дамы. Напротив меня за соседними столами прилежно трудились «двое из ларца» – маленькие, седенькие, в одинаковых белых халатиках, Екатерина Васильевна и Валентина Васильевна – специалисты по проводам и кабелям. На завод они пришли, похоже, одновременно с Советской властью, поэтому все отраслевые справочники знали наизусть и нередко демонстрировали цирковые номера, расписывая по памяти контакты какого-нибудь сумасшедшего разъёма. Кроме коммутационных изделий они интересовались способами скоростного выращивания овощей на дачных шести сотках и кулинарными рецептами, которые вырезались из журнала «Крестьянка» и вклеивались в особую тетрадь.

Была ещё сорокалетняя девушка Галя. Её взаимоотношения с текущими женихами были настолько сложными и запутанными, что по понедельникам вся женская часть КБ с наслаждением разбиралась в хитросплетениях очередной серии. Если дела у Гали шли хорошо и

она, завладев стратегической инициативой, предвидела скорую капитуляцию противника, Галя целыми днями порхала между кульманами и чирикала, как увесистая канарейка. В том же нередком случае, когда очередной жених не оправдывал Галиных надежд, она впадала в чёрную депрессору, рыдала и хлестала корвалол из горлышка. Галя занималась проектированием ящиков для запчастей и выкройками для чехлов.

Были, конечно, в КБ ещё техники, чертёжники, но главная беготня по цехам, грызня с военпредами, технологами и разработчиками тяжким крестом лежала на моих плечах. Ещё один конструктор был совершенно необходим, и… мы его получили.

До окончания рабочего дня Чудо бродило по кабинетам, собирая подписи на различных бумажках, и я о нем, то есть о ней, напрочь забыл, но на следующее утро Чудо объявилось на рабочем месте, сгибаясь под тяжестью здоровенной спортивной сумки.

– Что это? – удивился я, забирая у неё сумку.

– Конспекты! – гордо ответило Чудо, – у меня хорошие конспекты! Вот, физика, матан, экономика отрасли… Ведь они же мне обязательно пригодятся, правда?

– Правда, – горько вздохнул я, – идите получать готовальню.

Тут надо пояснить, что у нас было принято чертить тушью. Обычно чертили на ватмане, но в экстренных случаях приходилось чертить прямо на кальке, с которой сразу же делали синьки для цехов. Тушью чертить Чудо не умело.

В течение своего первого рабочего дня Чудо совершило три славных подвига: порезалось при заточке карандаша; заправляя баллончик, облилось тушью, и, в довершение ко всему, прищемило палец рейсшиной.

Так и пошло. Опаздывать на работу у нас не полагалось, так как время прихода фиксировалось автоматически, поэтому вываливающийся из раздутых «Икарусов» народ проходную брал штурмом. Непривычное к простым и суровым нравам пролетариата, Чудо прибывало в КБ слегка придушенным и ободранным, поэтому первый рабочий час уходил на макияж, утренний чай и восстановление макияжа после чая. После этого на кульмане закреплялся лист ватмана (с калькой я решил пока повременить), и Чудо приступало к нанесению штампа, бесконечно сверяясь со справочником. К обеду

дело доходило до осевых линий. Пространственное воображение у неё отсутствовало совершенно. Даже простенькие, в сущности, чертежи радиотехнических устройств, представляющие собой бесконечные варианты ящиков, ящичков и сундучков вызывали у неё зависание. К концу рабочего дня ватман оказывался протёртым до дыр, а ластик – до кости. Чертежом и не пахло. Постепенно на Чудо махнули рукой и поручали ей только работу, которую было невозможно испортить.

Однажды утром Чудо подошло ко мне и сообщило, что у него закончился герметик. Дело в том, что у нас в КБ стояли хорошие рейссовские кульмана с пластмассовыми досками, в которые кнопки, естественно, не втыкались, поэтому чертежи крепили за уголки маленькими шариками герметика, которым в цехах промазывали швы кабин. Такое вот ноу-хау.

– Ну и что? – удивился я, – сходи в сборочный цех, да возьми на всех, кстати, извещение технологам отнесёшь.

Чудо покивало, деловито уложило извещение в папочку и убыло.

Приближался самый главный элемент распорядка рабочего дня, обед, как вдруг в КБ мгновенно стих привычный гул разговоров и шелест бумаги. В тишине кто-то приглушённо ойкнул. Я выглянул из-за кульмана.

В дверях стояла технолог из сборочного цеха, могучая, широкоплечая тётка, интимная мечта тихого художника-соцреалиста. За руку она держала наше Чудо. Зарёванное и растрёпанное Чудо было заляпано размазанными зелёными кляксами и настолько густо пахло спиртобензиновой смесью, что Марк Яковлевич в своём углу заволновался и громко засопел, принюхиваясь.

– Ваш ребёнок? – густым басом спросила технолог, – забирайте!

– Господи, Вика, что случилось? – запричитала Галя, усаживая Чудо на стул.

– Я отдала технологам извещение, – всхлипывая, начало рассказывать Чудо, – и пошла искать герметик. Его там много было, целый бак. Я зачерпнула рукой и прили-и-и-пла!!!

Глупое Чудо, вместо того, чтобы набрать остатков полузасохшего герметика, цапнула свежеразведённый и попалась. Чем больше она пыталась отскрести герметик от правой руки левой, тем больше зелёных вонючих нитей к ней прилипало. Постепенно вокруг бака

собрались рабочие, и начали подавать советы, от которых тихое, интеллигентное Чудо чуть не упало в обморок.

– А один сказал, – хныкало Чудо, – что, пока я не отлипла, может, они… может, меня…. а-а-а!!!

Чудо вообразило, что её и вправду собираются изнасиловать, и задумалась, что лучше – закричать или упасть в обморок. Падать в обморок на грязный пол не хотелось, а что полагается в таких случаях кричать, она не знала. Спасла её тётка-технолог. Она разогнала мужиков по рабочим местам, с хлюпаньем отодрала Чадо от бака и потащила оттирать герметик ветошью, пропитанной спиртобензиновой смесью.

Столкновение с производством произвело на Чудо настолько сильное впечатление, что до конца недели Вика была на больничном, а с понедельника перешла на работу в комитет комсомола.

Так мы остались без Чуда…

Матрос Дети балканской войны

Каждый раз при приготовлении пищи готовится немного больше. Зачем? Ответ прост – это детям. Каждый раз их очень много, и каждый из них кричит, пытаясь перекричать других: «Шеф, я здесь». И ты знаешь, что за КПП тебя ждёт чумазый мальчишка или девчонка-смуглянка с небольшим пакетом, банкой, а то и термосом в руках, и увидев тебя, он аж вырастет от гордости, что персонально ему, воин Росбата, Полбата или Укрбата отдал не только еду и фрукты, которые выдаются в качестве витаминов, а и частичку себя в этой банке, в которой мы обычно видели болгарское лечо или перец . И завтра, не дай Бог, не увидев своего подопечного или уйдя в патруль или конвой, ты будешь терзать себя мыслью, а как там он, а связавшись с базой, просить мужиков, чтобы не забыли покормить, вернусь – разберёмся. И знаешь, не забудут; ведь они видя их, вспоминают, как младшая сестра пошла в первый класс, а ты пятиклассником почти год не видел отца (и по уже твоему приезду домой втихаря на перекуре он расскажет тебе, что был не на БАМе, как знают все, а в далёкой африканской Бурунди, у них тоже есть БМП-2, «кстати, а как они?»). По возвращении на базу достанешь из разгрузки помятую шоколадку «зайчика», думая, как ему объяснить про отцовский «тормозок», твоё самое вкусное блюдо детства. Но когда у него дома тебя накормят вкусной мусакой, этакой смесью помидоров, баклажанов, чеснока и мяса, а его прабабушка на прощанье проведёт по твоей коротко стриженной голове своей сухой рукой, нежной и мягкой, пахнущей кухней и огородом, совсем как твоя, когда она провожала тебя с каникул домой, ты думаешь, что не зря стал миротворцем.

Мэйджо Как угнать трамвай

(нечто террористическое, или о «загадочной русской душе»)

Холодная зима 2005 года. Январь. Владивосток.

Уже почти месяц прошёл после того, как наше любимое правительство порешило отменить льготы на бесплатный проезд военнослужащим.

Офицеры, мичмана и прапорщики, смирившись с этими решениями, ездили по гарнизону (бывало раза по три, туда-обратно, за день) за свой счёт, а «очень старшие офицеры» и генералитет делали вид, что ничего особенного не произошло, и из своих УАЗиков, «Тойот» и «Нисанов» презрительно взирали на своих младших сослуживцев, которые, прозябая, тащились, подобно наполеоновскому войску, по смоленским заснеженным дорогам…

В тот вечер я выдвигался домой очень поздно.

Настолько поздно, что мне, уставшему, совершенно не хотелось снимать с себя форму и переодеваться в штатское платье…

Трамвай N 4 пуст, и даже на остановке «Политехнический университет» никто не входит в старый, расшатанный временем вагон…

Зато на «Цирке» входят трое моряков. Вид у них совершенно непрезентабельный.

Мичман в фуражке и шинели. Вот ведь… пижон глупый…

Матросы, сразу видно – молоденькие. Черные шапки на ушах, мешковатые брюки, а на ватных, пятнистых куртках через всю спину хлоркой: «2 ДШБ ТОФ».[153]

Воины настолько замёрзли, что их зубовное клацанье явственно слышится в перекличке рельсовых стыков.

Старенькая кондукторша тихонько дремлет на своём выделенном кресле и только уже на площади Луговой вскакивает и идёт обилечивать пассажиров.

Денег у моряков нет, и мичманюга препирается с кондукторшей, доказывая, что ещё два месяца им можно ездить бесплатно.

Бабка попалась вредная и сходу начала орать, что её не гребёт-де ничего, а если не могут заплатить, то она сейчас вызовет наряд милиции, который несёт службу на Луговой. Платите, суки! Мне похер ваши указы и приказы!

Неожиданно взгляд бабульки упёрся в меня, ибо я тоже был в пятнистой куртке (правда, без хлорных надписей)…

Старая манда явно не зря прожила свои лучшие годы во Владивостоке. В званиях она разбиралась отлично.

– Товарищ майор! Прикажите этому мичману заплатить за проезд! Пусть платит и за себя и за матросов своих!

Напрасно я смущённо блеял ей, что не принадлежу к славной организации под названием Краснознамённый Тихоокеанский флот, и что у меня у самого только десять рублей наличностью… Грымза, войдя в раж, требовала покрытия расходов на перевозки любимого личного состава всего дальневосточного гарнизона, включая Камчатку, Сахалин и Хабаровский край…

В это время мы уже находились на трамвайном кольце площади Луговой.

Отодвинулась водительская дверь и в «салон» трамвая тяжёлой поступью вступила двухметровая, толстенная бабища.

Когда она приблизилась к нам, мне показалось, что в вагоне существенно потеплело.

Дама, кажется, была в той степени опьянения, про которую говорят, что содержание крови в вине превышает все допустимые промилле…

Моряки (и я тоже) инстинктивно пригнулись…

– Петровна! Ты чего скандалишь? Дура, ты не видишь, что матросики едут? Пшшшшла вон! Ребятки, вам куда?

– Тетенька, нам в Минный городок, нам надо до двадцати трёх часов в подразделении быть, – пискнул мичманюга.

– Ага!! В Минный городок!! Ребятки! Защитники! Сынки! Мы что?? Не русские, что ль??? Это мы мигом! Мы это сейчас!

Залетев в свою кабинку, тётка передвинула перед собой какой-то рычажок, и все мы попадали от неистового движения рельсового транспорта.

Трамвай пролетел по луговскому кольцу и остановился. Водительница выскочила из вагона со здоровенным ломом, что-то там

поколдовала с рельсами, и мы понеслись дальше… Вдогонку нам неслись неистовые вопли по громкой связи: «Водитель вагона 326!!! Вернитесь!!! Вам на Сахалинскую!!! На Сахалинскую-ю-ю…»

Я раньше никогда не задумывался над значением слова «стрелочник», и ещё я точно знал, что «четвёрка» никогда не ходила по этому маршруту…

От площади с поэтическим названием «Луговая», до конечной (военной) остановки «Минный городок» ровно четыре минуты хода.

На всем протяжении пути разбитная коммандорша развлекала в микрофон пассажиров (нас) пьяно-лирическим ремиксом на тему «… когда уста-а-а-лая подлодка из глубины идёт домой…»

На «Минном» нас уже встречали представители патрульно-постовой службы МВД, неизвестно как оказавшийся на этом месте патруль ТОФ и телевизионная бригада приморского телевидения с немудрёным названием «Ночной Дозор»…

…Я давал объяснения ментам и боковым зрением видел освещённых с двух сторон лампами видеокамер морячков…

Молоденькая, без шапки, обесцвеченная лахудра со снежинками в пушистых волосах, бодро и вдохновенно в камеру:

– Терроризм приобретает все более изощрённые формы. Сегодня, в двадцать два часа по Владивостокскому времени была предпринята попытка угона трамвая номер четыре, следовавшего по маршруту Железнодорожный вокзал – Сахалинская. Мы ещё не знаем, что двигало этими людьми. На этот момент известно, что в пособниках у моряков военного флота были водитель трамвая и кондуктор. Ещё один военнослужащий в данный момент даёт показания правоохранительным органам…

Механик Яша (простая история)

Весна.1932 год.

Аня торопилась домой… Дорога пролегала через квартал, где и днём-то неспокойно, а уж поздним вечером, когда очертания домов расплываются в темноте и тумане, в воздухе появляется просто физически ощутимый запах опасности. Работы сегодня было много, пришлось задержаться, младшая сестра заждалась, кто ещё о ней позаботится? Вот и пошла коротким рискованным путём, поминутно оглядываясь и прижимая к груди сумочку со скудной наличностью. И никуда не денешься, хорошо хоть такая работа есть. Сколько кабинетов обошла – всюду отказ. Кому нужны проблемы с дочерью «врага народа»?

Из мрачного проулка сзади, выглянув на звучный цокот каблучков, разом возникли два слегка покачивающихся силуэта. «Парочка» переглянулась, разделилась и бегом бросилась в погоню, привычно огибая с двух сторон, отрезая пути к отступлению и прижимая жертву к стенке «проходного» двора.

Ощущая спиной холодную кирпичную стену с проплешинами отвалившейся штукатурки, Аня всхлипнула от ужаса и машинально прикрыла лицо сумочкой. Все, отбегалась, кричи-не кричи не услышат! А услышат– не помогут.

И совсем худо пришлось бы ей, если бы не «ангел-хранитель», возникший казалось бы из ниоткуда, прямо из липкого тумана безлунной ночи.

Незнакомец оказался парнем лет 20-ти, среднего роста, поджарым и гибким, и был одет по провинциальной моде в не новую, но тщательно выутюженную пиджачную пару и щегольские хромовые сапоги. Не теряя времени на переговоры, он с разбегу пробил «с правой» под дых одному из «друзей», и когда тот согнулся от боли, свалил его на мокрый асфальт ещё одним коротким ударом. Потом ловко, по-кошачьи, развернулся ко второму и как-то очень нехорошо и зловеще оттопырив верхнюю губу, потянулся рукой за голенище. Но опешивший от внезапности нападения и вида скорчившегося в луже

напарника гопник геройствовать не стал, и «рванув» с места, растворился в темноте.

– Бежим отсюда! – незнакомец крепко и больно схватил девушку за локоть и буквально потащил за собой к свету далёких уличных фонарей. Минут через пять, отбежав подальше от опасного района и отдышавшись, Аня с любопытством посмотрела на своего спасителя.

– Яков, но для вас, мадам, просто Яша – белозубо улыбнулся парень и сверкнув выразительными темными глазами, добавил: – Из Киева. Приехал поступать в техникум.

– Анна, но для вас (кокетливо поправила причёску), просто Аня. Яша, а где вы так драться научились?

– Эх, Анечка, вас бы на годик-другой бы, да на Киевскую окраину! Многому бы научились! А я там вырос… Кстати, вас проводить? А то неровен час ещё кто прицепится. Второй раз может и не повезти… Райончик-то «весёлый», сами знаете.

– Почему бы и нет? Мне недалеко, здесь на Московском…

Мелкий дождик перестал накрапывать, облака разошлись на короткие минуты и луна осветила две фигуры: мужскую и женскую, неторопливо удаляющиеся по набережной…

Вот так, по странной прихоти Судьбы, в далёкий и непогожий ленинградский вечер и встретились дочь расстрелянного православного священника и блудный и непутёвый, в 15 лет ушедший из родительского дома сын ортодоксального аптекаря из Киева.

Через год у них родилась дочка, Леночка.

Осень,1941 год.

Леночка плакала навзрыд… Любимец всей «коммуналки» – рыжий кот Мишка из последних оставшихся силёнок забился под шкаф, где и умер по-тихому через несколько часов. Умер от голода… Кот был домашний и ласковый, крыс откровенно побаивался и охотиться не умел. Лежал на диванчике, накрытый маминой шубкой. Все ждал, когда же люди его накормят, слабел с каждым днём, и просительно мявкал все тише и тише… Но самим бы выжить в этом насквозь промёрзшем голодном городе… Соседи успели уехать, кто остался – из дому не выходит, только в магазин – карточки отоварить, да к Неве за водой.

Хорошо хоть, недалеко, мимо Летнего сада по Фонтанке, и вот она – прорубь. Зачерпнула воды, одела варежки на озябшие руки (стояла

редкая для ноября стужа, термометр иногда опускался до 30) и домой, мелкими старушечьими шагами. Минут за двадцать можно дойти, если отдыхать пореже. Воздушной тревоги пока не объявляют, значит «немец» прилетит чуть позднее – ближе к вечеру, тогда не зевай – бегом в убежище на соседней улице. Переждала – и домой, снова потихоньку скармливать печке-«буржуйке» остатки мебели и паркета.

Хотя, им ещё грех жаловаться… У отца – офицерский паёк, у матери рабочая карточка, впроголодь, на грани, но прожить можно.

…Начало войны Яша встретил на небольшой, но ответственной должности начальника радиоузла на Литейном проспекте, куда попал после окончания техникума. Аня воспитывала дочку, вечный недостаток денег воспринимался по молодости с некоторым юмором.

Молодые супруги даже успели съездить в Киев, но местная родня приняла их не слишком любезно, прибывая в шоке от столь незавидной (по их мнению) женитьбы.

22 июня, не дожидаясь повестки, Яков пришёл в райвоенкомат и вскоре в новенькой лейтенантской форме убыл в район боевых действий.

Ему невероятно везло в тех страшных боях лета 41-го. Из его роты в строю оставалось человек 30, а он – как «заговорённый» – живой и ни разу не раненый. Но в августе, под городом Великие Луки запас везения, видно, кончился, и пуля из немецкой винтовки прошила почти насквозь, нехотя остановившись только у позвоночника. Его сочли убитым но, придя в себя на короткие мгновения и собрав остатки сил, Яша тихим матерным шёпотом быстро сказал санитарам пару выразительных фраз, после чего с облегчением потерял сознание. В госпитале его выходили, но после медкомиссии перевели в часть связистов на окраине Ленинграда.

Дефицит инженерных кадров был острейший, а спецом Яша был отличным, вот и мотался круглые сутки по городу и области, организовывал, налаживал, восстанавливал. И под бомбы попадал не раз и не два, и под обстрелы (понятие «тыл» было весьма относительное), но привычно белозубо улыбался, загружая инструмент в «полуторку» и морщась от боли в раненом боку. Спал урывками, работал на износ, но все же, нет-нет да и заезжал к своим на Фонтанку…

Вот и сегодня, уговорив водителя подождать пять минут, тяжело поднялся на второй этаж, освещая себе дорогу фонариком, открыл знакомую дверь и обнял закутанную в одеяла и платки Леночку.

– Чего ревёшь? – и замолчал, увидев на коленях у дочки окоченевшее рыжее кошачье тельце.

– Дааа… – Мишку он тоже любил, знал, что тому не выжить никак, и так долго продержался, не иначе дочка потихоньку подкармливала, пока было чем. В городе давно ни кошек, ни собак не осталось – съели всех.

– Мама где?

– На работе, скоро придёт. Дождёшься?

– Да нет, не получится, ехать пора. Ладно, давай сюда Мишку, похоронить надо. – Завернул в тряпицу невесомое тельце… – После войны будет тебе роскошный мохнатый котище, и назовём его как-нибудь красиво: «Герцог», например. Одобряешь имя?

– Лучше, «Маркиз», пап, – улыбнулась сквозь слёзы.

– Уговорила, пусть будет «Маркиз». Ну давай, маме привет. Дрова экономь, а то мебели в доме почти не осталось. После войны целый год наверное, на одни гарнитуры работать будем, – и тоже улыбнулся, пряча от дочки сумасшедшую усталость на осунувшемся лице.

Выйдя из парадного, привычно завязал тесёмки ушанки под подбородком и быстрыми шагами направился к «полуторке». Открыл дверь кабины, но не удержался и бросил короткий взгляд на знакомое, тёмное сейчас, окно…

– Поехали, Петрович, а то налетят ещё, уроды…

Машина вырулила на Литейный проспект, аккуратно объезжая сугробы и вмёрзшие в землю заснеженные глыбы троллейбусов…

Где-то вдалеке завыли сирены, залаяли «зенитки» и эхо понесло звуки отдалённых бомбовых разрывов по пустым, вымершим улицам…

Много позже, Лена (Елена Яковлевна) призналась мне, что по-настоящему поняла значение страшного слова «война» именно в тот далёкий вечер, сидя в пустой холодной и темной квартире с трупиком несчастного Мишки на коленях. Потом она не плакала, видя как умирают от голода люди, как бомбы сравняли с землёй соседний дом вместе с жильцами (силы дойти до убежища были не у всех), не

плакала, видя промёрзшие трупы на родном Литейном. Не плакала и все. Как отрезало.

Впереди была зима 41-го, самая страшная зима в истории города…

Осень,1942 год.

Яша привычно улыбнулся и в последний раз помахал рукой с берега Анечке и Лене.

Застучала-зашипела паровая машина, взбивая пенные буруны за кормой, стальной трос натянулся, выбирая слабину, и древняя латанная-перелатанная баржа потихоньку развернулась носом в сторону фарватера. На корабле из группы прикрытия расчёты привычно и несуетливо заняли места у зенитных установок. Короткий гудок. Всё, пошли!

Навигация заканчивалась, сезон суровых осенних штормов на Ладоге был в разгаре, переход из Осиновца до Кабоны обещал быть для моряков привычно трудным и опасным.

Позади была суета и неразбериха посадки на борт, поиски свободного места для жены и дочки, прощальные объятия, обещания «…написать, как только приедем на место…». Впереди – тяжёлый и опасный переход каравана по неспокойной воде под бомбами и пулемётными очередями. Но другой возможности вывезти своих в тыл больше не будет. Ещё неделя, от силы две – и все, эвакуация закончена.

Вот и «вырвался» из части на один вечер для того, чтобы наконец-то отправить жену и дочь на Большую землю…

Яша с трудом, опираясь на палочку, прохромал до ближайшего ящика и тяжело присел, вытянув вперёд раненую ногу. Горестно усмехнулся… Это же надо было так по глупому нарваться! Было пара часов свободных, решил Анечку с работы проводить до дома. Шли, как в мирное время говорили о разном, наслаждаясь нечастым общением… И «приспичило» же немцу артобстрел начать на полчаса раньше обычного! Все целы, а ему осколком прямо в щиколотку «прилетело»… Вот и тащила его на себе верная жена почти через весь Литейный мост! Снова госпиталь, костыли, вот теперь «пижонская» тросточка. Врачи говорят ещё пару-тройку месяцев похромать придётся…

Где-то вдалеке, на пути каравана небо вспыхнуло светом прожекторов, пунктирами пулемётных трассёров и разрывами. Немцы

вылетели на перехват! И зазвучала привычная и оттого вдвойне страшная «музыка» далёкого боя… В один нестройный рёв слились звуки моторов, вой авиабомб, пулемётные очереди с буксиров, барж и кораблей охранения, чёрный флотский мат и жалобные крики пассажиров, удары пуль о корпуса, надстройки и человеческие тела, визг рикошетов, стоны раненых …

Яша вглядывался вдаль, и до белизны в онемевших руках сжав тросточку и тихо матерясь про себя, пытался угадать, что творится там, в этой сумасшедшей круговерти удаляющейся схватки…

…После долгого ожидания на стуле в тёплой складской канцелярии он вышел на пирс и подошёл к дежурному майору (или кто он там, сам чёрт не разберёт эти флотские звания).

– Слушай, майор, «Батурин» дошёл?

– Дошёл твой «Батурин», дошёл, лейтенант. – Майор устало закурил – Даже без потерь… Один легкораненый и только. А вот перед ним баржа… Совсем хреново… Два прямых попадания…

– Там же детдомовские, – ахнул Яша и коротко выдохнул – Спасли?

– Говорят тебе, два прямых! Вода в октябре, сам знаешь…

Яша повернулся и заковылял в сторону КПП. Не дойдя, присел на бревно и молча обхватил голову руками. Он отлично помнил, как грузились на баржу дети с серьёзными, уставшими лицами, все в одинаковых сереньких пальтишках с пришитыми на рукав тряпичными бирками. На белых нашивках аккуратным учительским почерком химическим карандашом были выведены имя, фамилия, адрес детдома пункта назначения. И среди массы одинаковых пальто, чемоданов и рюкзаков, ярким пятном – розовый плюшевый заяц на руках у белобрысой девчушки 6-7 лет… Почему-то лучше всего запомнился именно этот нелепый розовый заяц…

Лейтенант Яша молча раскачивался, обхватив голову руками и вспоминая полузабытые с детства слова молитв на древнем языке, просил Бога: возьми их к себе, ну что тебе стоит, они ведь и не жили ещё… они ничего не успели.., а вода в октябре… ты ведь всё знаешь, их, и тех, других…, тысячи маленьких жизней…, если ты не дал им жить, если ты допустил всё это сделай им хорошо хоть после смерти, ты ведь можешь, я знаю, ты можешь… и ту, белобрысую с розовым зайцем не забудь, не забудь, пожалуйста…

Через полчаса он пришёл в себя, устало поднялся и хромая пошёл в сторону станции…

До прорыва блокады оставалось четыре месяца…

***

Анечка с Леной вернулись из Сибирской эвакуации в 44-м году. Яшу уже под конец войны перевели в Прибалтику, где он чуть не погиб под Шяуляем, угодив в засаду «лесных братьев». Простреленную в двух местах фуражку привёз домой, как сувенир.

В 45-м Аня родила вторую дочку – Ларису.

Лена выросла, окончила институт и вышла замуж за выпускника «Мореходки», сильного и доброго парня из Пскова…

Яша запоздало помирился со своей роднёй, перебравшейся к тому времени жить за океан, но на все их заманчивые предложения и призывы отвечал вежливым, но твёрдым отказом.

Супруги больше никогда не расставались и похоронены вместе на Северном кладбище…

А потомки пушистого красавца Маркиза, привезённого Леночкой из Сибири, может быть, и до сих пор скачут по Питерским подвалам, озвучивая город в марте пронзительными и зовущими криками…

Щит Родины

Maxez Ветер, только лишь ветер помнит дорогу…

Жил-был Латимерий. В большинстве повествований подобного толка такого рода персонаж более всего похож на зверя мамонта: замшелый, мудрый и очень старый. Но из уважения к индивидуальным особенностям персонажа, а также ввиду необходимости прорисовки отточенной интеллигентности оного, большинство знало его под именем Латимерий – есть такая рыба, латимерия, которая хорошо помнит, как в Мировом океане, который тогда был один, вспучилось дно и, вспучившись, вылезло на воздух, образовав материк, тоже пока единственный, и как потом акиян подарил новорождённому всякую животную мелюзгу, чтоб тому было, чем играться. Понятно, что рассказать эта рыба может очень многое, но в силу сложившихся традиций все больше помалкивает и не лезет в драку без спросу, а из уважения на генном уровне никто её не трогает – побаиваются, как-никак, Старейшина.

Наш Латимерий был именно таков – он занимал последнюю военную должность в своей непростой биографии, должность командира пограничного корабля 2 ранга, вместе с должностью – большую каюту с гальюном и ванной, имел такое же звание с малозначащей приставкой «капитан», зелёный от морской соли шитой «краб» на фуражке гражданского образца, неписаную привилегию именоваться на «вы» абсолютно всеми начальниками, жену-корячку без возраста, и никто не помнил, сколько лет выслуги на всех без исключения морях, омывающих страну. Когда и как он учился военно-морскому штурманскому делу, тоже никто не помнил, а особо оголтелые лейтенанты из штурманов передавали друг другу его фотографию с каким-то невысоким патлатым мужиком, в котором самые дотошные узнавали то легендарного командора Витуса Беринга, то эпического конкистадора Эрнана Кортеса. Кто его знает…

Был Латимерий немногословен, уверен в себе, и даже не столько в себе, сколько в правильном течении времени и истории вокруг себя, и на все вопросы имел абсолютно исчерпывающую домашнюю заготовку, порождённую давнишним коллективным брэйн-стормом[154]

сына ошибок и друга парадоксов. Иногда кратко, но метко шутил, парой слов выражая своё отношение к ситуации, и в данном словосочетании иной раз было больше смысла и красоты, чем в витиеватой велеречивости всех замполитов Морчастей погранвойск, вместе взятых. Мастерство, как известно, не пропьёшь.

В море Латимерий прекрасно обходился собственной персоной, водя свой кургузый, крепкий пароход почти исключительно лоцманским методом, изредка поглядывая на эхолот, что давало повод предположить доскональное знание рельефа дна, а в данном случае, как вы понимаете, нет никакой нужды в откровенно бойскаутских навыках определения места по небесным светилам или дешёвых понтах типа GPS.[155]

Но вот экипаж Латимерий предпочитал иметь полный, дабы не напрягать свой богатейший, а потому утомительный опыт в общении с матросскими шнурками, трусами, пьянками, самоходами и прочая и прочая. Учитывая тот факт, что большинству не только матросов, но и офицеров он годился минимум в дедушки, иметь на борту штатную комплектацию ему удавалось всегда. И всё бы было хорошо, если бы не перестройка, в результате которой оказалось, что ничего страшного не случится, если на должность, скажем, корабельного механика назначить, например, бывшего начпрода Байконура, дать ему зачётный лист и поскорее выпихнуть в море, чтоб навыки и умения получались непосредственно из столкновения лбом, затянутым в диэлектрическую перчатку, с главным гребным электродвигателем…

Короче, уволился у Латимерия штурман – купил на выходное пособие тренажёр «Кеттлер» и принялся сниматься в рекламе. И вместо оного моделя дали Латимерию бывшего сухопутного авиатора, который заканчивал среднее техническое училище и подвизался вроде бы возле какого-то штурманского обеспечения полётов. Парень был простым, незатейливым бабником и до такой степени очарован возможностями предлагаемой должности – форма, статус, должность командира штурманской боевой части, – что на все кадровые вопросы о профессиональных навыках отвечал твёрдым «да».

– Сергей Витальевич, имеете ли вы представление о мореходной астрономии?

– Да!

– О правилах штурманской службы на кораблях?

– Да!!

– О навигационном обеспечении службы кораблей ледового класса?

– Да!!! – оргазмировал Сергей Витальевич, явно представляя свою фамилию на одном уровне с Колумбом, Тасманом, Куком, ну, на худой конец Меркатором… Впрочем, «худым концом» упомянутый Сергей Витальевич, судя по обилию «алиментарных» исполнительных листов, не страдал…

Латимерию для выяснения реального уровня знаний новоиспечённого «циркуля» хватило двух минут.

– Никогда, капитан, ты не станешь майором, – прокомментировал Латимерий профпригодность Серёги. – А вот жить мне теперь придётся в штурманской рубке.

Он, конечно, утрировал. В штурманской рубке, естественно, был поселён сравнительно молодой старпом, которому парой предложений были обрисованы перспективы уголовной ответственности за нарушение правил кораблевождения, повлёкшие за собой катастрофу планетарного масштаба.

И вот теперь, когда корабль уже двадцатые сутки находился в море, а долгожданных навигационных происшествий всё не было, народ, похоже, уверовал в «учёт и контроль» и расслабился. Даже Латимерий, сдавая командирскую вахту так или иначе живущему на ГКП[156] старпому, казалось, погрузился краем своей ископаемой ментальности в лирическое настроение и с некоторым намёком на благодушие, расписываясь в журнале исходящих радиограмм за своё решение – идти в базу, буднично спросил производившего метеоизмерения командира отделения штурманских электриков:

– Ну-с, голубчик, и каков же нынче ветерок?

– Ветер 260 градусов, 4 метра в секунду, тащ командир, – доложил боец. Старпом рядом насмешливо крутил на пальце, как клоун цирковую тарелочку, круг СМО – один из прибамбасов для измерения ветра.

– Чудесно, замечательно, – почти пропел Латимерий, – вот и пойдём по ветру, что наполнит наши ветрила единым чувственным хлопком. Слышишь, штурман?

– Так точно! Есть! Есть по ветру, товарищ командир!!! – заорал Серёга.

Латимерий чуть поморщился, искоса глянул на старпома и, нацепив обычную маску зажиточного сельского попа, убыл с ГКП.

Серёга же, высунув язык, писал чего-то в навигационный журнал. Минут через десять старпом, которого в относительно спокойной обстановке пустого моря и надёжной радиолокационной и сигнальной вахты по третьему году неминуемо потянуло в давно обещанный организму сон, сполз по трапу в штурманскую, где, борясь с физиологией, принялся корректировать карты по последнему Извещению мореплавателям. В конце концов, размашисто склёвывая носом окружающую реальность, он оказался на жёстком диванчике, который немедленно показался ему удобной колыбелью. Измождённый службой «за себя и за того парня», старпом, наконец, уснул, и видел он сны, в которых он катался по роскошному украинскому полю на комбайне «Нива», а командир штурманской боевой части, ненавистный капитан Бахметьев С. В. в снаряжении Икара с павлиньим хвостом и в лётном шлеме, тщетно пытаясь взлететь, убегал от острых, сверкающих на солнце ножей мощного, но, увы, тихоходного механизма…

Здесь нужен маленький комментарий: в соответствии со стародавней традицией, ветер во всем мире дует «в компАс». И дело здесь не в ударении, а в правиле: западный ветер – это ветер, дующий с запада, т.е. с направления 270 градусов или «9 часов». Все остальное, по крайней мере, на море, из компАса вытекает – и течения, и вектора курсов плавсредств, и компасных, и истинных. Поэтому, и это понятно любому штурману, приказ Латимерия имел смысл: лечь на курс 80 градусов, который, вместе с, кстати, попутным ветром, приведёт корабль домой. Это понятно любому штурману. Но…

Поднявшийся в 04.00 на ГКП зам, собравшись сменить Серёгу в нелёгком деле вахтенного офицерства, минут десять пялился в одну и ту же фразу вахтенного журнала: «В соответствии с решением командира корабля, следуем в базу. Курс 260 градусов, скорость 10 узлов…» и далее длинная тирада о радиационном наблюдении, и т. д., и т. п. Зам тщательно протёр глаза, ещё и ещё раз. Сказал: «Я щас» и спустился в каюту, ещё раз основательно умылся, подставив голову под холодную воду. Вновь взбежал на ГКП. Старпом спал в штурманской сном праведника, горе-штурман сиял улыбкой победы над условностями, матросы, рулевой и метрист, привычно-бездумно

смотрели вперёд. Корабль, неумышленно, но принципиально двигаясь уже в нейтральном море, уверенно возвращался в базу путём и духом прославленных магеллановых времён – путём кругосветки с жаркими странами, индейцами и попугаями.

– Жоппа, – сказал себе зам.

– Сергей, слушай меня внимательно. Щас будем перекладывать руль лево один градус. Если Латимерий почувствует спросонья крен на повороте, хана будет всем. Градус влево – и прямо руль. Потом слушаем – если тихо, ещё градус. Скорость не сбавляй. Ну, с Богом…

И летящие в безмолвной и безжизненной тьме навигационные и разведывательные спутники земли несколько часов наблюдали причудливую циркуляцию российского пограничного корабля во тьме и предутренней дымке нейтральнейших вод… А с левого крыла ГКП вниз к иллюминаторам командирской каюты периодически спускался примотанный к арматурине кусок зеркала из умывальника команды – как вы там, товарищ командир? Чувствуете крены? Так это зыбь… что ж ещё? Спите спокойно, тащ командир. Баю-баюшки-баю-уууу…

Получилось. Поднявшийся после завтрака на ГКП Латимерий имел счастье наблюдать, во-первых, наличие здесь всех офицеров, а во-вторых, их серые, осунувшиеся лица. Обойдя свою колокольню хозяйским, размеренным шагом, Латимерий остановился у стола вахтенного офицера и посмотрел в журналы. Судя по месту в навигационном, корабль находился уже на подходах к базе, и было самое время запрашивать добро на вход. Перед глазами же все ещё тянулся коридор Финского залива и только где-то там, впереди, на горизонте, угадывались скалы Гогланда.

– Хм, а я думал, журнал испохабите, – обернувшись к офицерам, прогудел Латимерий, не вынимая изо рта трубки. – И уже прикидывал объяснение на тему: что это заставило меня переться в Швецию без официального приказа. Нет навыков, но есть мозги. И на том спасибо, Господи, – и окутав сизым дымом растущих из палубы подчинённых, старый командир забрался в своё кресло. – Вам, милейший Сергей Витальевич, надлежит обеспечить кают-компании и лично моему заместителю по работе с личным составом ящик хорошего коньяка… И новый зачётный лист на допуск к якорной вахте. И мытьём, и катаньем…

Латимерий больше уже не служит – вообще, на кораблях МЧПВ[157] сейчас очень мало старых командиров. Жаль. Ибо это золотой фонд: не столько ради прошлого, сколько ради будущего – что школа, что академия, если нет мудрого взгляда древнего организма, под которым сразу понимаешь, что даже почти невозможные вещи возможны, надо только постараться. И мытьём, и катаньем.

Maxez Защита Отечества на пустой желудок

Жрать на посту было нечего – чёрная мука и помидоры в банках. Вместо чая заваривали берёзовый гриб, чагу. Да, совсем недалеко от Питера. Нет, не 1943. Пятьдесят лет спустя, два раза по четвертному. У островов лёд – полтора метра, на фарватерах – метр. Только линейный ледобой из Ломоносова караван проведёт, два часа, минус сорок по Цельсию, и опять сплочённое поле.

Два наших условно ледокольных корытца пр.745,[158] получив по трещине в валолиниях,[159] забили на это дело свои здоровенные грузовые стрелы. И еду, топливо, технику, людей между островами в ту зиму перемещали исключительно вертолётами пограничной авиации с двумя огромными перерывами в полётах – первый раз из-за того, что где-то в Таджикистане хряпнулся Ми-8МТВ (вы не знаете, зачем в Таджикистане нужен арктический, северный вариант машины для слепых полётов?), а потом – из-за знаменитой финнзаловской метели, которая, однажды включившись, справно молотит неделю, ну прямо как швейная машинка «Зингер».

Очень хочется жрать – это не сказать ничего. Бойцы, а их почти сорок человек, привычно треплются за ресторанные меню, когда-то виденные в кино. Зима вокруг – сказка. Только белое – снег везде: внизу, вверху, вокруг… Снег стучится о корзинку УКВ-антенны, и кажется, что в наушниках это слышно: такая мелкая дробь, как осенний дождь по подоконнику. И при этом держится мороз, во времена сплошной снежной завесы лишь чуть-чуть спадая…

Три месяца крепчайшего мороза антенна старой, но хорошей ПВО-шной РЛС МР-10 видит только заснеженный лёд: никакого движения, никаких изменений. Я могу вас отвести в это место, здесь времени нет. Время там существует постольку, поскольку есть часы, скучно тикающие на стене. Вахтенный радиометрист часами не вылезает из летаргии: на экране нет никаких изменений. Утром и вечером вдоль размеченной вешками по льду границы проедут «тревожники» на снегоходах, наблюдая то аэросани, то «воздушную подушку» финнов на параллельных курсах – и опять эфемерность, молоко… Кто вам сказал, что космос – чёрный? Нет, он белый. И такое

же белое все, что в нем есть – катится навстречу, зыркая по сторонам, и пропадает за спиной.

Никого. Ничего. Журнал – три листика в месяц. Так бывает.

Всё тот же северный берег острова, всё тот же южный берег залива, всё тот же лёд между ними, все те же пограничные вешки на нем. Всё та же точка на финском льду. Всё та же на нашем. Всё та… Что? Точка? (глаза можно протирать с отчётливым скрипом новых хромовых ботинок) Движется?! Ни-хре-на-се-бе!!!

– Кабан, и большой, – сидя на снегу, бормочет через двадцать две минуты мичман Ванька «Василёк» Травкин, командир тревожной группы.

– Какой там, нах, кабан, – олень! – это замполит поста, Навуходоносор, Науходоносчик. Нау.

– Ага, лось, нет, мля, мамонт… Один хер – мясо!!

– Мясо… – мечтательно шепчет зам, и почти заметно, как живо, исстрадавшись от долгого безделья, вибрирующе работают его слюнные железы – щеки раздулись, как у хомяка.

– Значит вот что, – это врио начальника поста, и это я. – Даже если это кентавр, завтра будем валить. Засаду, облаву, бег с препятствиями, но я больше на угольках ржаного происхождения не могу. Боеготовность требует жертв, даже в ущерб природе и Красной книге.

И военный совет начался. Основных вариантов было три: бойцы цепью идут по острову, свистя и улюлюкая, и выгоняют зверя на выстрел мне, заму, Васильку и старшине на берегу; бойцы идут по острову, свистя и улюлюкая, и выгоняют зверя на выстрел мне, заму, Васильку и старшине на снегоходах на льду залива; бойцы идут по острову, свистя и улюлюкая, и выгоняют зверя на выстрел мне, заму, Васильку и старшине на наблюдательных вышках. Первый план был отброшен: если зверь выйдет между кем-то из нас, или упустим, или друг друга перебьём с непривычки; в третьем в перечень потенциальных жертв вливались особо ретивые бойцы. Остановились на втором, и Василёк клятвенно пообещал, что все три машины утром будут на ходу…

Естественно, завелись только два. Проверили связь, оружие, выехали на лёд. Дали команду выпускать бойцов. И охота началась.

Все трезвые и ужасно голодные. В принципе, тогда я и понял, как мало отделяет современного человека и парнокопытную дичь от неандертальца и мамонта, когда хочется жрать. Это, наверное, был единственный раз в моей служебной биографии, когда мне было глубочайшим образом наплевать на пост, его организацию, сохранность, охрану и оборону, безопасность, права, обязанности, знания и умения, вообще на всё, кроме доброго куска окорока. И команда стационарного поста технического наблюдения во главе с офицерами, не потеряв строгой иерархии единоначалия, превратилась в первобытное племя, вышедшее в охотничий рейд. Прав Экклезиаст: ничего не меняется в этом мире. Если очень хочется жрать.

И провидение пощадило нас. Если быть точным, раз восемь. Считайте: зверь за ночь не ушёл, не залёг, не оказался медведем (матросы шли без оружия), не полез на рожон, не стал запутывать следы и прятаться, будучи обнаруженным метров за двадцать, дал себя рассмотреть – здоровенный кабан с жёлтыми клыками, и ломанулся прямо в хорошо заметный просвет между заснеженными соснами метрах в трёхстах от берега, от выхода на лёд, где совершенно глупо растопырив пальцы, антенны радиостанций и «калаши», открыто разъезжали попарно на снегоходах четверо тупорыловских стрелков в высоких воинских званиях от мичмана до старшего лейтенанта.

Вылетев на лёд, кабан, похоже, элементарно не смог затормозить и на полном ходу впечатляюще врубился в торос, произведя эффектный грохот и подняв кучу снежной пыли. Нау тут же разрядил в визжащее и хрюкающее облако половину рожка, ессесно, не попал, но отчётливый рикошет 5,45 мм и картинка бегущих по льду разухабистых матросов, запечатлённая в памяти секунду назад, бросили меня в холодный пот, Василёк, сидящий перед Нау, видимо, тоже перепугался, и бросил снегоход прямо в это облако.

Дальше, понятно, было лобовое ДТП, причём такой силы, что «Буран» оказался выведен из строя навсегда. Обезумевший от страха кабан, набравший скорость на торосе, но совершенно неуправляемый на гладком льду, со всей своей животной дурью влетел в лыжно-гусеничный механизм, и только посмотрев «Матрицу-2», а именно эпизод с лобовым столкновением двух фур, я понял, на что это было похоже тогда, на льду Финского залива. Похоже, именно этот таран был главным подарком Судьбы, потому как явно контуженный кабан,

не реагирующий более ни на смятый перевёрнутый снегоход, ни на персональный салют из разлетающихся по воздуху зама с Васильком, со средней скорость и как-то бочком, неровно, порысил вдоль острова, отлично видимый на сверкающем льду. Я остановил снегоход и потянул из-за спины автомат, но сидящий сзади старшина поста, немногословный уссурийский крепыш Игорь, успел раньше – три пули из четырёх выпущенных вошли прямо в то место животного, откуда обычно всё выходило. Агонию описывать не буду – девяносто килограммов общего веса обошлись нам всего в семь патронов.

Половину агнца, как водится, оприходовали в два дня, приходовали так, что зубы разболелись. Вторую же я авторитарным решением обменял у маячников на белую муку, дрожжи, тушёнку и даже солянку в банках. А в конце этой праздничной недели я с огромным изумлением обнаружил у радистов «Путешествие в Икстлан» с подчёркнутыми строками монолога Дона Хуана о необходимости отпускать тех пойманных перепёлок, съесть которых возможности нет. Причём подчёркнуто было дважды – первый раз стонущим, переваривающим себя инстинктом, грубо, невыдержанно и карандашом, явно в голодную пору и с мыслью «Боже, какая дурь», а второй – совсем недавно: изощрённым, ковыряющимся в зубах умом, ручкой под расчёску, волнисто и аккуратно, с угадывающейся подоплёкой «А и правда, гармония в отношениях с реальностью нужна даже в мелочах».

– Ну, а что случилось со снегоходом? – спросил штатный начальник, которому я сдавал дела через две недели, – Это ж просто груда металлолома…

– Костя, реальная причина никогда не позволит тебе списать его установленным порядком. Так что пиши – в него врезался метеорит. Небесный посланец находился в агрегатном состоянии, близком к плазменному, а потому следов его вещества никаких нет. А в доказательство вот тебе статья в «Науке и жизни» за 1980 год. Ну, или напиши что-то совсем реальное – скажем, усталость металла, хрупкость стали в условиях низких температур. Что бы ты не написал, я подпишу, не волнуйся. Даже если ты напишешь истинную правду, – сказал я и улетел на материк.

А кабанью шкуру заначил Василёк. И всегда хвастался умением стрельбы «в глаз», предлагая гостям найти на шкуре хоть одно

отверстие от пули.

Maxez Туман

Ты думаешь так – капитанская кепка,
Прощальный гудок – в море вышел рыбак.
Ты в этом во всем заблуждаешься крепко
Все вроде бы так… а вообще-то – не так.
Ю.Визбор

Туман. Боже мой, какой туман. Руку вытянул – кисть не видно. Как в сметану. Сейчас. Сейчас это закончится. Потому что в рубке зашипел ВПС, и пора возвращаться. Нырять в открытый люк, в тонкое пение ГКП, внутрь моего корабля. Маленького, крохотного, микроскопического на выгнутой спине бескрайнего Тихого океана.

Мой кораблик стоит на якоре в бухточке напротив длинного мыса, на этом мысу торчит застава, а с другой стороны нагло воруют крабов японцы, две «кавасачки»,[160] и застава вот сейчас даёт наводку…

А я – командир пограничного корабля. Командир обычно не пишет дневников. Командир командует. А если писать, получаются в основном панегирики, с этим у меня зам справляется хорошо, он спец просто. Неплохой мужик: наверно, потому, что старый – на пять лет старше меня, древний такой капитан.

Флот к замам относится плохо, армия ещё хуже, а у нас… Даже не знаю. Большинство, конечно, уроды. Начальство – однозначно. А вот корабельные, вроде, ничего. Наверное, потому, что в лучшие времена офицеров по штату пять человек, и зам – один из них, и ему ничего другого не остаётся, как быть сначала офицером и членом экипажа, а уже потом членом… замом, то есть.

Вообще же, морчасти – царство штурманов и механиков. У меня в экипаже по штату – три штурмана: я, пом (он же КБЧ-2,3 и начальник СлХ) и собственно штурман, он же КБЧ-4,7. Три поколения выпускников Каспийского командного «зыха». Так вот и растём: штурман-пом-командир. Дальше? Дальше на берегу. Если повезёт.

А ещё есть уже упомянутый зам. И ещё мех. И все. Офицеры кончились.

А ведь летом на границу ходим по двое-трое: командир, мех и кто-то из остальных. Так что я уже давно не умею глубоко спать. Разучился.

Мне удаётся командовать негромко. Просто терпение. Не только когда сразу не понимают, и ты повторяешь много-много раз, но и когда кому-то голову откручиваешь, а этот кто-то кричит. Ему плохо. А ты все равно крутишь. Терпение – основное измерение доведённых до конца дел. Это, собственно, и все, что нужно командиру.

Кто что за это теряет. Сон, нервы, сердце, потенция, седина, экзема и т. п…

Знаете, что я отдаю? Дыхание. Свободные потоки воздуха через лёгкие. Они бывают изредка, ночами, наверху, когда мне удаётся не отвечать. Не нести ответственность. Никого не подгонять под эту ответственность. Просто быть. Но и там тусклый репитер ГКУ и три зелёных огонька телеграфа начеку: поплавки. Ответственности. Так что почти все время дышишь по внутренней команде: «Вдох-выдох». Вдох. Стоп. Аккуратный выдох. Это – шиза, но она у нас в порядке вещей, а значит, служебная необходимость. Нормальные люди в русских морях давно перевелись, если вообще когда-либо были.

Всё. Больше ждать нельзя. Мне лично эти японцы ничего плохого не сделали, но есть игра. Есть правила. И ещё есть туман. Он – и рамки, и условия, и моя возможность выиграть. Боюсь, единственная: все остальные козыря – в широких рукавах японских штормовок.

Здесь хороший грунт. Неужели я приду с границы с обоими якорями? Мех говорит, что левой машине не пойдёт режим полного хода. Это значит, что больше тридцати узлов мне не видать. Это не есть гут, но это чуть позже. А сейчас – только средний главный двигатель, восемьсот оборотов.

– Средняя вперёд, – я слышу свой голос, как в комнате для звукозаписи. Форштевень, скулы, надстройка, стекла ГКП, мачта с крутящимся лопухом МР-220, я, сигнальщик, рулевой и старшина ЭМК толкаем перед собой плотную завесу тумана на скорости 10 узлов. Предел управляемости моего кораблика, бака которого я не вижу. Вижу я рога носовой артустановки, плавно тонущие в молоке. Прямо по курсу. Прямо по морде. Бортовые машины. Тысяча двести. Тысяча восемьсот.

24 узла. Управление с ГКП. Возня на катер-балках, помощник запихивает патрон в сигнальный пистолет.

Волна – глухое «бу-бух» в днище висящего катера. Пом и бойцы в катере хватаются за всё подряд. Три стоп. Катер сразу же заводится – нежный поцелуй меху. Две секунды – и скорлупка, рыча, исчезает в белой пелене мироздания, зябко колышущейся на длинной океанской волне. Пом с орлами пошёл к японцам.

Расчёт прост: в таком тумане можно ориентироваться только по РЛС. «Кавасачки» не видят, кто к ним идёт. Могут только предполагать. Скорость у «Чирка»[161] мала, никакой надежды догнать японца, но его задача и не в этом. Он должен только спугнуть. Джапы, естественно, ломанутся в нейтральные кратчайшим курсом, а там, на кромке тервод, их будет ждать Я. С «Лимой», пушками и, надеюсь, тридцатью узлами.

Где-то над головой, поскрипывая, вертится антенна РЛС – и глаз, и ухо в кромешной белизне. Там же полощется зелёный флаг морчастей и зелёный же «рубль». Выгнуты, надо полагать, антенны на ходу, какой поэтичный образ. Не отвлекайся, командир. Смотри, дёрнулись враги. Обе, пеленгом, бегут сюда. «Чирок» где-то кабельтов не дошёл. Молоток пом.

Туман пошёл клочьями, ветерок. Что хорошо весьма.

Ну что же, вторая ОГ[162] – весёлый старый зам с бойцами в поперечном коридоре, в готовности. Почему не на баке? Потому что сначала я, командир, собственной персоной, собираюсь слегка пострелять.

Пушки оставим в покое. Для таких случаев у меня есть автомат, обычный «калаш».

Три стоп. Они что, на экранчики свои не смотрят? Идут прямо на меня, не сворачивая. Скорость где-то 21-22 узла. Тихо! Нет, не слышно…

Как там у Розенбаума? «Очередь от живота»? Шесть кабельтовых. Пять. Четыре. Слепые у нас сегодня японцы. Орёт ВПС – застава нервничает: «Шестидесятки идут прямо на вас!»

Да знаю я! Испокон в морских делах – банк у того, кто умеет ждать. Независимо от эпохи и применяемого оружия. Терпение, командир. В магазине только трассёры.

Ха! В нейтральных, полторы мили на зюйд, ещё одна «шестьдесят по нолям» – неопознанная надводная малая цель. И пеленг тоже постоянный – идёт ко мне.

Три вперёд! Лево пятнадцать!

Ёп-т, да меня за своего приняли! Правильные хлопцы сегодня за крабами ходят.

Слышу! Вижу – два блёклых буруна, метров сто пятьдесят… сто… Пушки на траверз, угол места ноль! Для понта на сей раз, но только я об этом знаю.

И.

На три пальца ниже ближайшего буруна и чуть левее, чтобы между ними. Восемь, по-моему, патронов. АК-74 дёргает вверх и вправо и два последних трассёра идут впритирку к первой «кавасачке».

Сирена.

Пять ракет.

И ещё одна «очередь от живота» по горизонту, для эффекта.

Этот, на юге, закладывает крутой разворот.

Стоп! Три назад!

Вас двое, ребята, так что дрейф – это не то, что мне нужно. Нужно подойти к моему борту. Самыми малыми оборотами.

Стоп!

Руки, руки-то опустите…

Зам с бака, старшина мотористов с юта почти одновременно прыгают в белые пластиковые мыльницы с задранными носами. Есть, есть радары. Но главное – краб. Он остаётся дома.

Оно всё как бы просто. Но это – кажется. Кто что отдаёт.

Не могу сказать, что я люблю свою работу. Скорее, я просто стараюсь делать её хорошо.

Так что писать дневники мне некогда.

А иногда хочется.

Терпение, терпение, командир.

«Ноль эмоций» – кто-то так говорил в 60-е. Кто?

Туман… Боже мой, какой туман…

Maxez Реноме

Трудно сказать, какой именно смысл заложен в высказывание «школа будущих адмиралов». Претензии штурманских лейтенантов питерского василеостровского розлива под маркой «Я из Фрунзы» обычно встречают у остальных снисходительный сарказм – да, этот туп, но тщательно будет скрываться за паркетными манерами.

Василёк Пушкин попал штурманом на старый 205П,[163] и единственным утешением бывшему фрунзаку[164] служило то, что этот 205-й входил в состав одной из прибалтийских бригад. То есть плебейство окружавших Василька офицеров можно было некоторым образом скрасить тем, что сам Василёк считал «культурой»: архитектурой, о которой он не имел представления; языком, которого он не знал; народными промыслами в виде рижского бальзама, на которые ему было вообще-то наплевать. Это вполне характерно для людей, которым пять лет говорят, что они-де будущие адмиралы, и которые за эти пять лет напрочь забывают, что категория «культура» бывает не только Высокой Штабной.

Но культурой Василёк считал и своё увлечение военно-морской историей, что создавало резкий диссонанс со взглядами его старого командира-бакинца, который не был способен отличить авианосец от ракетного крейсера и считал само Васильково увлечение полной ерундой:

– Слышь, штурман… сходил бы ты, что ль, по бабам… а то сперма в голову-то стукнет, не выживешь. А, лейтенант? – говорил командир, стоя в проёме крохотной помощниче-штурманской каюты в спортивном костюме и с кружкой кофе в руке.

– Знаете, товарищ командир, я безмерно благодарен вам за совет, но у меня в Питере осталась леди…

– А скажи, ты с ней по телефону когда говорил последний раз?

– Да… вчера.

– Рассказывал ей про Вентспилс? Про культуру и брусчатку, да?

– Рассказывал.

– Скажи, она буквально вот такой вопрос не задала: «А метро там есть?»

– Задала, но какое…

– Ты, Василий Николаич, лучше сходи-ка попарь кончик. Ждать ты свою фройляйн будешь до … Зам! Зам, скажи, сколько пришествий уже было? Как это кого? Одно? Точно? Может, тебе не довели по партийной линии, хе-хе? А ты, литинант, иди – мне злобный дилетант на границе не нужен. Злобный дилетант не способен учиться. Вали, поделись с гражданками гормонами. Это, дружище, приказ.

В море было не легче:

– Пеленг… дистанция… шведский самолёт-разведчик типа «Дракен»!

– Хренакен… немец это…

– Никак нет, тащ командир, швед. Вот силуэт.

– Слышь, лейтенант, а девка-то твоя, там, в Питере, как с точки зрения силуэта? А? Рассказывай…

И вот уже неделю тянулась эта летняя граница. Строго говоря, не слишком сложная в служебном смысле, но весьма доставучая для молодого штурманца, потому как судоходство в центральной Балтике в это время года напряжённое.

И Василёк слегка ошибся. Ну, в смысле, кораблик оказался немножко не там, где нужно было бы. А началось всё с того, что на светлеющем горизонте нарисовался шведский корвет типа «Стокгольм» и побрёл параллельным курсом с 205-м. Василёк, как очарованный пацан, два часа проторчал у БМТ,[165] разглядывая особенности архитектуры иностранного кораблика. Хотя красивым шведа назвать было нельзя, возможности корвета, согласно справочникам, внушали уважение. Текущие слюнки молодого штурмана имели конкретный результат: вахтенный замполит, как обычно, в вопросах контроля места корабля положился на мнение штурмана, а это мнение привело ПСКР[166] -6хх в полной исправности и боевой готовности №2 в территориальное море шведского острова Готланд, что со шведской стороны сопровождалось фотографиями наших кораблей на фоне острова, а с нашей вот эти снимки диппочтой довольно сильно наказывались. Просто фотографии обычно делали самолёты, но тут, видно, шведы решили развлечь команду своего корвета.

А получив такое право, викинги позволили себе немножко самодеятельности, а именно: на корвете включили аппаратуру

постановки радиопомех….

Система управления кораблями Морчастей на службе устроена просто примитивно: на одной и той же частоте в коротковолновом диапазоне сидят все корабли границы; обычно здесь выручает УКВ «в голос», обладающее куда большей пропускной способностью и обеспечиваемое гораздо более простой аппаратурой. Одна проблема: электромагнитные волны этого, ультракороткого диапазона, не отражаются ионосферой планеты и свободно убегают в космос пугать марсиан. По этой причине максимальная дальность связи – километров 70. Васильков кораблик же ушуршал гораздо дальше, и вся связь с ним обеспечивалась одной КВ-частотой на день и одной на ночь. Нет, были, конечно, всякие там действия на случай войны с переходом на резервные частоты, но в Морчастях они всегда существовали чисто теоретически.

– Тащ командир, – сказал радист медленно осознающему свою навигационную ошибку и рассуждающему, надо ли радовать кемарящего перед МР-220 зама и будить командира, Васильку, – А тут на бригадной частоте чего-то трещит…

Василёк на этом кораблике числился ещё и командиром боевой части связи, но опять-таки чисто номинально, на пойди-подпиши-у-флагманского-связиста-вот-эту-хрень, вот и все реальные обязанности. И если старшина по третьему году жалуется на жизнь, то дело плохо… Василёк скатился по трапу.

– Чё у тебя?

– Да вот…, – радист вывернул потенциометр, и динамик огласил приборный почти мелодичной трелью тональных частот. М-да.

Командир, протирая глаза, выбрался на ГКП как был – в пижаме.

–Ну, за фотку на фоне Готланда в отпуск поедешь зимой, это ясно. А вот что со связью… Радист!

– Есть радист!

– Базу вызвать можешь?

– Могу попробовать.

– Пробуй.

– Есть, – и трансляция донесла до ГКП серию пробежавших в эфире букв «Ж».

– Ой, тащ командир, завизжало громче, и ещё вой какой-то появился!!

– Ясно. Помехи ставят. Ох, Василий Алибабаевич, чую я, что одним отпуском ты не отделаешься. Вот что мне теперь делать? Нарушен пограничный режим сопредельного государства. Сорвано управление кораблём на охране границы. И всё – по твоей, бля, вине. Может, тебе пойти застрелиться для начала? А? Или на «вы» с тобой перейти? Это хуже, дружище, хуже стократ…

Василёк молчал, признавая и вещдоки, и крах своего реноме военно-морского интеллектуала а-ля Морской Кадетский Корпус. Детство и любимые игрушки ляпнулись в большую выгребную яму. Было обидно и жалко, но поделать ничего было нельзя.

– Получается, что терять, в общем-то, нечего. Так, – сказал командир заму, – с чудаком этим под тремя лилиями связывались? А почему? Я и вас тут учить должен? – и взяв гарнитурку «Сейнера», включил 16-й канал.

– Слушай меня внимательно, – твёрдо сказал кэп в эфир. – Я вот всю это херню о правилах радиообмена для краткости опущу, и английский вариант тоже. Я тебя только честно предупреждаю – пока ты не выключишь эту вот свою *хрень* , которая гробит мне связь, я буду стучаться в тебя корпусом, куда попаду. Я – не флот, чтобы выполнять какие-то там правила взаимоотношений, протокол и церемониал. Я – советский погранец, и мне наплевать на международные последствия. Так что будь готов. Alfa Romeo, – отжал тангенту и тихо произнёс уже своим:

– Управление кораблём и машинами – на ЗКП.[167]

После чего напялил на пижаму реглан, надел фуражку и, грохнув броняшкой,[168] исчез наверху.

Если следующие полчаса времени шведы снимали на видео, то они должны этому командиру-бакинцу минимум годовую профессорскую ставку своей Военно-Морской академии, потому что вряд ли у расчёта ГКП корвета Королевских ВМС Швеции К11 «Стокгольм» был ещё один шанс так попрактиковаться в управлении манёврами корабля по уклонению от столкновения. А когда швед, аки давеча под Полтавой, не выдержал натиска, и когда кэп на седьмом галсе, на всех 33 возможных узлах, в пене, мыле, мате и масле почти попал, срубив стойки лееров правого борта о транец едва успевшего переложиться на встречный курс корвета, на ЗКП снова заголосил радист:

– ЗКП – БП-2/4, тащ командир, пропал свист и вой. Эфир чист.

– Это ты молодец. И я тоже. И мех – мех, слышь? – ты тоже молодец, бля. Ваще, все молодцы. И даже штурман, который теперь будет за свои деньги искать у купцов на рейде аргонную сварку, чтобы восстановить леера до прихода в базу. Ясно тебе, Василий Алибабаич? Сергей, – обратился командир к помощнику, – В журнал ничего не заноси пока. Или нет… иди, да. Листик мне оставь и чирикай дальше. Я так полагаю, что свидетели и пострадавшие суть одни и те же подданные жовто-блакытного королевства, посему быстрого заклада не будет. А там что-нибудь придумаем.

– Не уверен, – произнёс пом, постучав ногтём по зелёному экрану РЛС МР-220 «Рейд», – вот здесь рыбачок есть.

– Да? Ну и хрен с ним. Хотя нет, осмотрим щас кораблём и спишем леера под навал на волнении. Штурман, рассчитывай курс сближения.

Однако это, как оно в жизни и бывает, оказался не совсем рыбак, вернее, совсем не рыбак. То есть рыбак, но только внешне. Этот «рыбак», средний разведывательный корабль БФ, вслушиваясь всей своей кучей приёмников в эти вот салочки у Готланда, и пас шведа уже третьи сутки.

– Тьфу, бля, – сказал на это кэп. – И здесь флот. Заложит, нет?

– Как пить дать. Сто процентов. Наверно, уже заложил, – высказался зам.

– А мы щас узнаем. Бугель-039 Вельботу-012, приём.

– Здесь Бугель-039.

– Фаза-6.

– Исполняю.

– (ту-у-у) Металл нужен.

– Здесь командир ГС-19.

– (ту-у-у) Это командир ПСКР-6хх. Корешок, честно скажи, баталии наши со шведюками писал?

– Ну, писал.

– Донёс?

– О чем?

– Ну, что я, мол, угрожал словом и действием, мол, я погранец, тупой я, и мне все до звезды?

– Ну… нет… меня другие вещи интересуют.

– Ага, понятно. Давай договоримся: пока не спросят тебя – не свети. Идёт?

– Ну, отчёт по службе писать буду, так придётся указать.

– Вот когда придётся, тогда и укажешь. Договорились?

– Ну, давай.

– Спасибо. Где в Балтийске стоишь?

– 24-й Внутренней.

– Добро. С меня причитается. Конец связи.

И советские вояки разошлись левыми бортами в безопасной дистанции, как положено по МППСС.[169]

– Василий Алибекович, слышишь меня?

– Да, товарищ командир.

– Ну ты понял, что это с тебя причитается, а не с меня?

– Так точно.

– Нет, ты скажи просто: «Понял».

– Понял.

– Ну вот, молодец. А бабу-то твою как зовут?

Через два дня ПСКР получил добро на заправку в Балтийске, куда кораблик прибежал уже почти затемно. Трудно сказать, насколько сдержал слово командир ГС-19, но именно в этот момент навстречу из гавани выходил другой разведчик, который вместо того, чтобы прижаться к правой стенке гавани, зачем-то сыграл боевую тревогу, застопорил машину и бухнул оба якоря прямо посреди канала бассейна. И на вопль диспетчера поста рейдовой службы, что, мол, вы создаёте аварийную ситуацию, с этого разведчика резонно заметили, что, мол, в бассейн входит пограничный корабль, которому, как известно, все правила МППС глубоко до лампады и который сам по себе для нормального мореплавания – сплошная аварийная ситуация, поэтому не грех и перестраховаться. Диспетчер промолчал.

– Ва-а-а-ай, вот это и есть блестящая морская практика! – заорал кэп на весь ГКП. – Когда не знаешь, что делать, воткнуться на якоря посреди фарватера. Просто писк. Штурман, никогда так не делай – теперь надо ждать, когда этот придурок снимется. Тоже, поди, фрунзак… Слышь, Василий, а вот признайся честно – с тёткой-то своей как познакомился?

Maxez Спец

– Встречай, – сказали мне из отдела связи округа, – спеца. Это такой специалист по воздушному радио, закачаешься. Летуны его на руках носят…

И верно, это был совершенно невероятный спец. Лет сорок. Узкие вытертые джинсы. Ковбойские сапоги с бляхами. Волосы по плечи. И абсолютно невиданный в наших краях, настоящий, белый пижонский «Стэнсон»[170] со слегка подкрученными краями, явно сделавший бы честь самому Клинту Иствуду. Холодный ветер с моросью легко колыхал длинную бахрому на рукавах кожаной куртки. Я протёр глаза и посмотрел по сторонам. Ошибиться было невозможно – перрон был уже абсолютно пуст. Только он, этакий Ковбой Мальборо, и я – старший лейтенант Морчастей Погранвойск, потёртый реглан и чёрный грибан[171] на башке. Не хватало только запылённой улицы, решетчатых дверей кабака, унылых лошадиных морд, бренчания банджо и растопыренных кобур с «кольтами».

На мокром асфальте перрона стоял здоровенный «Скайларк» с двумя внушительными секретными замками.

Прокашлявшись, я подошёл к Ковбою, ёжась на ветру.

– Петров – это я, – подозрительно оглядывая меня, сказал он, стягивая с руки перчатку с обрезанными пальцами (обнажилась здоровенная печатка), – аэродром далеко?

– Какой аэродром? – немного опешил я.

– Кхм, – произнёс Ковбой, – меня сюда позвали чинить авиационные радиостанции Р-856. Назвать вам, дружок, типы самолётов, на которых они устанавливаются, чтоб вы смогли вернуться в реальность?

– Понятно, – сказал я. – Вы по адресу, не волнуйтесь. Только аэродрома сегодня не будет – у нас не самолёты. У нас корабли. Прошу за мной, – и пошёл, не оглядываясь. За спиной заклацали об асфальт железные набойки на скошенных каблуках.

Уазик начальника штаба от всех остальных автомобилей отличался тем, что при любом обычном торможении у него сами по себе открывались сразу все четыре двери. Как ни странно, больше

везло тем, кто вываливался сразу, потому что после окончательной остановки двери сразу же сами и закрывались, заколачивая свесившиеся по инерции тела в тёмное, жёсткое нутро кузова. Эта деликатная особенность приводила в трепет всех, кроме самого НШ, который, периодически выгоняя бойца из-за руля, гонял по местным грунтовкам в режиме низколетящего вертолёта.

Но Ковбой оказался на высоте. Проводив краешком глаза отлетевшую на переезде правую заднюю и уверенно удержавшись в седле, он ловко поймал её на возвращении носком сапога со шпорой, продемонстрировав изрядное знание советской военной техники.

Всю дорогу он промолчал, покуривая, естественно, «Мальборо».

А зря. Мог бы уж заодно разузнать, что его ждёт.

Корабли эти, прямо скажем, были кораблями весьма относительными.

Там стояли: авиационные турбины, авиационные радиостанции, авиационные антенны, авиационная механика, почти авиационные подводные крылья и абсолютно авиационный материал корпуса – дюраль, из-за боязни быстрой коррозии которого кораблики эти швартовали к отдельному пирсу.

Всё это великолепие было труднодоступными (очень дорогими) способами совмещено с военно-морской артиллерией, РТС,[172] торпедами, глубинными бомбами и, главное – экипажем, и шастало по морю на своих подводных крыльях со скоростью где-то узлов 60, пожирая дикие количества топлива и выбивая из экипажа мощную зубную дробь, отлично слышимую при связи по УКВ.

Основной задачей этого крылатого чуда, называемого пр.133 «Антарес», было поймать недовольного жизнью в СССР диссидента, который решил уйти через море в сторону, например, Финляндии. Между Таллином и Хельсинки около сорока морских миль. Волосатый свободолюбивый диссидент на вёслах вполне мог пройти необходимую для достижения свободы половину этого расстояния за ночь. Так что «Антарес» являлся этаким морским перехватчиком. И был совершенно не предназначен для сколько-нибудь длительного дозора, имея на три десятка человек экипажа меньше тонны пресной воды.

Но на границу ходили, как вы понимаете, в общую очередь.

А особенно меня, как связиста, добивали уже помянутые радиостанции, представлявшие из себя набор серых обтекаемых цилиндриков, абсолютно, как писалось в паспорте, виброустойчивых и вообще обалденных, но работающих, как и все на этих трясущихся корабликах, исключительно по настроению.

Когда Ковбой увидел свои жестянки в тесном соседстве с морской радиостанцией слева, двумя парами «прогар»[173] справа и ящиком ЗИП-а сверху, он засунул руки в карманы и вздохнул.

Потом, звонко щёлкнув секретными замками своего супердипломата, Великолепный Джо выудил из его недр новую пачку «Мальборо» и аккуратно положил её на стол между двумя облизнувшимися бойцами:

– Ну, братья, мне помочь надо…

И матросы, роняя слюнки, бросились раскапывать подходы к летающей радиостанции, оглядываясь иногда и подобострастно заглядывая в глаза Ковбою.

Спецом он действительно оказался блестящим. Но оно и понятно – не может такое реноме держаться только на красивой, конечно, но всё равно обыкновенной суконной шляпе. За пару послеобеденных часов Ковбой запустил станции на трёх кораблях, дав заодно кучу полезных советов механикам, эртээсовцам и другим заинтересованным вопросом, как обеспечить мирную семейную жизнь на одном корпусе такой разной и взаимообидчивой техники.

Я сидел в махонькой кают-компании последнего «Антареса», курил и общался с его командиром по разным житейским и служебным вопросам, когда после интеллигентного стука дверь распахнулась и на стол слева от меня, мягко спланировав, бухнулся стильный белый «стэнсон». Ковбой снова закурил, брякнул передо мной папку бланков на подпись и, задумчиво пуская дым в подволок, вопросил пространство:

– Мужики, а вот скажите, вы на какое время в море выходите?

Мы с командиром переглянулись:

– Ну, дней на десять, если повезёт…

– И что, станции-то эти, 856-е, всё время работают?

– Ну, не всё время… Иногда выключаем, если на УКВ хороший приём. Связь-то, она нужна всегда!

– Ясно, – сказал Ковбой и оглушительно щёлкнул замками «скайларка», – классные вы хлопцы, но я к вам больше не поеду.

– ???

– Станции-то самолётные! А самолёты, ребята, ни у нас, ни у самых продвинутых американосов по десять дней, не вынимая, в небе не летают! Я сейчас перед вашей техникой долго за вас извинялся и всё ей объяснил. Надеюсь, потерпит какое-то время… Ариведерчи!

Оставленный Ковбоем блок «Мальборо» (это правда) прожил на корабле полтора года. Как только радиостанция Р-856 начинала подавать признаки раздражения, вахтенный радист тут же выключал её, доставал из сейфа сигарету и прямо в посту закуривал «привет из страны свободы». И серенькая железяка почему-то сразу переставала выкобениваться. Все остальные сорта и даже вполне оригинальные «Мальборо» из фри-шопа в порту были ей глубоко по барабану. И я до сих пор не знаю, что здесь причина, а что следствие – то ли Спец был хороший, то ли авторитет, если он не дутый, держится на мелочах. Станция, наверно, знает ответ. Эх, как бы спросить?

Реактор Уважаю рабочих псов

На 70 лет Погранвойск в Петропавловске-Камчатском во время театрализованного шоу (куда ж без него!) выступали сначала гражданские собачки из клуба то ли «друзей пограничников», то ли просто служебного собаководства. На одетого в стёганку и картинно хлопавшего себя руками по бокам инструктора лаяли до рвоты, землю под собой рыли, а, будучи в паре отстёгнуты от поводков, рванули на дразнящего их человека и быстренько вцепились ему в рукава. Каждая в свой, всё в строгом соответствии с курсами дрессировки. Инструктор, прапор, сожравший за свою службу не один десяток собачек, эффектно вращался, разведя руки в стороны, а собачки долго описывали вокруг него круги по воздуху, пока, разжав зубы, не отлетали метра на четыре. Красиво. Эффектно.

Потом появился ефрейтор Сидор со своим «немцем». «Немца», в полном соответствии с законами жанра, звали Ганс – с фантазией у Сидора было явно небогато. Пёсик был, доложу я вам – ага. Один хвост с руку длиной. Про зубы я вообще молчу. Ганс сидел слева от хозяина, печально глядя на прыгающего в десяти метрах перед ним инструктора. Периодически он поворачивал морду к Сидору, и тогда в глазах пса читалось откровенное недоумение, мол, чего этому придурку от меня надо? Потом Сидор издал короткий звук, не «Фас!» и не «Взять!» а так, что-то типа «Хм». Ганс начал неторопливое движение, а инструктор, увидев это, естественно, стал убегать. Ганс ускорился ровно на три последних шага, а потом прыгнул. Чётко на спину убегающему человеку. Шестьдесят килограммов – не фигня, и инструктор упал лицом вниз. И остался лежать, потому что Ганс стоял у него на спине. При этом затылок в стёганом капюшоне целиком находился аккурат в пасти Ганса, который на все попытки инструктора пошевелиться отвечал негромким, но весьма недвусмысленным рычанием.

Сидор вальяжно подошёл к Гансу, опять сказал ему «Хм», и Ганс занял положенное место у левого сапога. Слегка ошалевший инструктор встал. Всё. Нифига не зрелищно. Не эффектно. Никакого шоу. Работа.

Уважаю рабочих псов.

Реактор Контрпропаганда

В семидесятые годы много внимания в деятельности политотделов погранвойск уделялось так называемой «контрпропаганде». Досмотровые группы как бы случайно оставляли на борту не наших судов книги и журналы, прославляющие Советскую власть и нерушимую классовую дружбу моряков всех стран (а те, в свою очередь, норовили подкинуть нашим куда как более интересные Playboy и Hustler), товарищи из братских компартий посещали заставы с визитами дружбы, радиостанции в приграничной полосе вещали на языках сопредельных стран опять же про передовиков социалистического соревнования, про успехи в освоении космоса, мирный атом и так далее.

А на китайской границе в качестве контрпропаганды писали здоровенные транспаранты с текстами типа «Да здравствует учение Маркса-Энгельса-Ленина!» и устанавливали их так, чтобы они читались с китайской стороны. Транспаранты изготовлялись, естественно, силами личного состава. Технология была проста и отработана многолетним опытом первомайских и ноябрьских демонстраций. На ленте из красного кумача белилами рисовались иероглифы в точном соответствии с присланной из политотдела отряда бумажкой. В качестве мольберта для изготовления такого многометрового шедевра станковой живописи требовалось изрядное количество сравнительно ровной поверхности, а где ж её взять?

И вот по точкам идёт Ми-восьмой, на борту которого находится ЗамначПО округа, НачПО отряда, комендант, комендантский замполит, проверяющий из не помню откуда и камарилья в лице всяческих «комсомольцев» и мелких прихвостней. Погода шикарная, солнышко, лето, все дела. Однако при заходе на точку лица у сидящих по левому борту политработников вытягиваются. На крыше заставы видна чёткая надпись, выполненная иероглифами на языке вероятного противника. Если учесть, что птицы вряд ли читают по-китайски, а иероглифы имеют полтора метра в высоту, то надпись явно предназначена для пролетающих вертолётов. Вопрос: что, почему и для чьих вертолётов написано на крыше заставы погранвойск КГБ СССР на китайском

языке? Случайно не «Добро пожаловать»? А может, застава уже того? Захвачена? Тем более, прецеденты – вон они, у всех свежи в памяти. Значит, что, заманивают? И кого, политработников? Так это не просто провокация, это же большая политика – на святое, на КПСС руку подняли! Так, командир, уходим без посадки! Наплевать, что флаг над заставой наш, тем более, что он, похоже, и не наш – заманивают! Наплевать, что точка отвечает по-русски – может, они радиста под автоматом держат! Уходим! Комендант, поднимай у соседей тревожные группы! Усиление с комендатуры! Сообщи армейцам, пусть своих поднимают! Радио в отряд и в округ – прорыв границы! Вот это мы попали!

Начальник заставы долго не мог понять, чего это вдруг вертолёт вместо посадки и проверки, к которой столько готовились (деревья побелили, стенд в Ленинской комнате обновили, стенгазету повар нарисовал, контрпропаганду вон, будь она неладна, и ту свежую повесили) сделал финт ушами и ушёл в сторону тыла. Потом ещё дольше не мог понять, почему ему с упорством идиотов звонят соседи и справа и слева, из комендатуры и из отряда. И все, как один, пытаются узнать, все ли нормально и не случилось ли чего. Причём делают это иносказательно. НЗ, ощущая себя таким же полным идиотом, поддержал, тем не менее, непонятную игру и имел неосторожность иносказательно же и ответить. «Ну всё – тут же решили звонящие. Говорить человек нормально не может, значит, точно ему в затылок пистолет упирается». И в таком духе.

Ну, до военных действий не дошло, слава Богу. Разобрались всё-таки. Старшина, скрежеща зубами и матерясь, извлёк из личных сусеков десять рулонов дефицитного рубероида. Замполит получил замечание по своей партийной линии «за недоработки в воспитании личного состава». Начальник заставы получил просто замечание. После чего влепил бойцу, рисовавшему наглядную агитацию, пять нарядов «за недопустимый перерасход белил, что вызвало сквозную пропитку тканевого полотна и отпечатки краски на крыше расположения заставы».

Старшина Про Федота молодца

Байки второго отдела ОКПП «Одесса»

Прапорщик Федотенков был личностью во всех смыслах замечательной. Колоритная фигура, под два метра ростом, комплекция олимпийца-молотобойца (правда, до олимпийца он не дотянул, был мастером спорта по метанию молота), добродушный характер, который полностью отражался на его лице, все это довольно точно сказалось на его кличке – «Федот». Самое жуткое проявление гнева звучало из его уст не иначе как «раздавлю». Улыбка, которая буквально через десять секунд появлялась на его губах, все ставила на свои места. Его не просто уважали, его любили. Федот чем-то неуловимо напоминал олимпийского Мишку, при этом личностью был геройской. У него была медаль «За отличие в охране Госграницы СССР», полученная за нарушителя, и «За спасение утопающих» – надёргал из моря зимой несколько индусов, когда у них оборвалась люлька при покраске борта парохода с внешнего борта. Короче, Федот стрелец-молодец, начальство уважал, субординацию соблюдал, занудным не был, с солдатами отец-командир. Но как говорится, и на старуху бывает проруха.

В тот день Федот был старшим укрупнённого наряда на районе. Скучать не приходилось грузов и людей полно, тащи службу, не зевай. Ожидался приходом ещё один пароход, поэтому на районе шлялось два дозора, Федот с младшим и Серёга Мельник с Сашкой Чередниченко, нашим новым «хвостом». Чери был, естественно, с Жужей,[174] она же Лада. Я стоял на 21-ом причале и кого-то сторожил вместе со своими младшими. В общем, всё как обычно, рутина. Тут нужно дать некоторые пояснения. Был у нас на районе линейный отдел милиции на водном транспорте, не могу сказать, что мы активно сотрудничали, но мы и не враждовали, скорее, встречались иногда, не более. На районе мы чувствовали себя хозяевами, ещё бы – пограничный режим, но нужно признать, что на это никто и не посягал, а мы этим особо не злоупотребляли. Нет, ну летом, при посадке на рейдовые катера молодых девиц-красавиц, само собой, грех документы не проверить, ну так это от чувства служебного рвения и

воинского долга. А так, чтобы шмонать – нет, тут уже все знакомы, так иногда, для порядка.

И тут вдруг на районе появляется «Волга» без пропуска на лобовом стекле. Такие вещи действовали на нас похлеще красной тряпки на быка. Чужая машина, без пропуска, стекла тонированные! Мельник и Чери приняли решение его тормознуть, вышли, руку подняли…. Результат был для нас просто ошеломляющим. «Волга» рыскнула в сторону, чуть не зацепила Чери и не сшибла Жужу, и пошла дальше! Такой наглости не потерпел бы никто из нас. Серёга по матюгальнику запросил Федота, тот с младшим выдвинулся тихим пограничным шагом на перехват этой «Волги», а Серёга с Сашкой и собакой ломанулись догонять «Волгу».

Федот и вправду ходил тихо, комплекция не позволяла, но он называл это «постепенно». «По Дерибасовской ходят не медленно, по Дерибасовской ходят постепенно». Это цитата из него, из Федота. Сомневаюсь, чтобы Федот опередил Мельника, тут просто так получилось, «Волга» сама подъехала к Федоту ближе, но молодость тоже не сплоховала, итогом явилось практически одновременное открывание дверей со стороны водителя Серёгой Мельником и Федотом со стороны пассажира.

Серёга был в озверевшем состоянии, он рычал как медведь: «Ты, что, гад! Мало того, что не остановился, так ещё чуть младшего моего на капот не взял, Жужу чуть не задавил!» Ну, конечно не столь литературно, но по сути верно. Федот не извлекал пока пассажира, а наблюдал за Серёгой и вслушивался в монолог, пытаясь оценить всю кризисность ситуации.

Из машины вдруг раздалось: «Боец! Да пошёл ты на х…! Ты что, не видишь…»

Договорить Мельник водиле не дал, он рывком выдернул его из машины и распластал на капоте, пару раз долбанув лобешником об капот. Нужно сказать, что при этом со стороны водилы предпринимались попытки к сопротивлению. Такой произвол вывел из себя пассажира, не видимого за тонированными стёклами, и послышались крепкие матюги. Вот это и подвигло Федота на праведный гнев, которого ранее не было, так как он с живым интересом наблюдал за действиями Серёги поверх крыши «Волги».

Дверь была просто с треском распахнута, рука молотобойца проникла вовнутрь салона, и за шкирку оттуда был извлечён… Генерал-майор милиции, который по инерции, на основе привычной траектории замаха молотом, оказался на капоте напротив своего водителя. И тут Федот обнаружил звезды, лампасы и все прочее. Пауза была просто театральная. Федот судорожно сглотнул, но самообладание к нему тут же вернулось. Он отпустил генерала, отдал честь и представился: «Пограничный наряд, прапорщик Федотенков! Предъявите документы!» Мельник, увидев напротив на капоте генеральские погоны, остался с перемкнутыми мозгами и водилу не отпускал. Генерал, видимо, тоже офигел от такого обхождения и молча достал удостоверение, а Федот столь же хладнокровно начал его проверять. Я не знаю, чем руководствовался Федот, но со слов Мельника дальше было просто что-то с чем-то. Федот вернул удостоверение и заявил: «Вы старший машины?» Генерал, хлопнув глазами, коротко ответил: «Да!»

– Почему нарушаете правила пограничного режима? Создали реальную угрозу жизни пограничного наряда, я по всем требованиям обязан вас задержать.

Генерал молчал, а потом вдруг заявил: «Извините, спешили, у нас инспекция линейного отдела».

– Чтобы в первый и последний раз, – сказал Федот, – а водителю объявите взыскание. Разрешите идти, товарищ генерал-майор?

– Идите.

И Федот, отдав честь, постепенно пошёл прочь. Через полчаса я узнал от Мельника все подробности этого диалога, а ещё через час ко мне подошёл Федот.

– Ну, товарищ прапорщик вы даёте, генерала застроили!

– Тут, юноша, кто кого; если бы я слабину дал, он бы нам таких «скандюлей» выписал, хрен бы разгребли! Эх, поздно я лампасы заметил, «авторитет» помешал, – заявил он, поглаживая вполне приличное пузо. – Ничего, и на старуху бывает проруха, чем-то всё закончится?

Всё обошлось, чутье и тактическая подготовка Толю Федотенкова не подвели. Эх, Федот-молодец! Я усвоил твой урок под названием «быстрота, натиск и наглость», а если быть точнее, «вляпался, так

вылезай с честью и достоинством». Где же ты теперь? Как твои дела? Привет тебе, Федот – олимпийский Мишка!

Старшина Зеленая фуражка

Дню пограничника посвящается

Она и сейчас лежит у меня на полке итальянской «стенки» рядом с австрийским штыком времён Великой Отечественной, моя зелёная фуражка. Та самая, которая таскалась со мной на службу последнюю пару месяцев перед дембелем, и в которой я уволился в запас. Слегка припорошённая пылью, но регулярно извлекаемая 26 мая, тщательно чистящаяся пылесосом для последующего надевания 28 мая, в *наш день – День Пограничника* . И надевая её на свою обросшую голову, натягивая на самые брови козырёк, верный алма-атинской традиции моего отца-командира, майора Швыдкого, (фуражку нужно надевать так: козырёк фуражки должен быть надвинут на глаза, чтобы выправку держать, а не напяливать на затылок, чтобы потом сутулиться как калека!), я сам замечаю, как усиленно начинает частить сердце. Да, мне уже тридцать шесть, но с ней возвращается моя молодость, мои лучшие годы, воспоминания о друзьях-сослуживцах и, наверное, лучшее из чувств мужчины, чувство мужского достоинства и принадлежности к касте, касте, безусловно, одной из достойнейших – касте пограничников. Мне есть, что вспомнить, служба в войсках свела меня с самыми разными людьми, к счастью, большинство из них были достойными, служба была богата на самые разные события, мне даже довелось пройти в строю парадного расчёта. Вот уже минуло шестнадцать лет с того момента, как я уволился, но в памяти служба засела крепкой занозой и выдёргивать её, поверьте, не хочется.

Боевой расчёт закончился, перспектива была абсолютно очевидной: «роем на службу через шесть» плюс досмотровая. Пятерых дембелей моего призыва эксплуатировали на всю катушку; если остальные служили через двенадцать часов, то мы … А, ладно, чего переливать из пустого в порожнее, вы же на боевом все сами слышали. Поели, собрались, поехали служить, благо, в первую смену. Июньские томные ночи Одессы, ленивый плеск волн, обволакивающая жара и страдальческие мысли о дембеле. Опыт предыдущих поколений дембелей-весенников говорит о том, что можно уволиться просто великолепно, и 25 июля и 30 августа. Мда-а. Твою мать, ну надо же

так! Устроить этот долбаный международный конгресс «Женщины мира в борьбе за мир» и чтобы все эти жжж…енщины через наше ОКПП пёрлись! Охраняй всю эту фигню по первому варианту. Нет, ты скажи, какого хрена они самолётами не летели?! Круизницы хреновы! А главное, причём тут мы, это же забота «пассажиров», третьего отдела.

Смена за этими мыслями и реальной службой пролетела незаметно, вернулись в отдел, перекусили и попёрлись в досмотровую, отправляли старый пароход типа «Ленинского комсомола», домой вернулись только к шести утра. Все, теперь в люлю и спать.

Подъем!

– Да, ну вас на х…!!! Я через шесть был!

Старшина замер в изумлении, Дед только вернулся из отпуска и уже успел отвыкнуть от подобной лексики, если старшина подразделения только может отвыкнуть от мата. Да, нет, скорее, я отвык от его голоса, спросонья не узнал, а он отвык от того, что матом может разговаривать не только он, но и «собеседники». Вот оно тлетворное влияние «гражданки!»

– Не понял?! Вставай!

– Блин! Товарищ старший прапорщик, дайте поспать, я через шесть был, потом в досмотровой, не пойду я жрать.

– Ты чо, опух? Вставай, собирай манатки, чисть оружие, сдавай мне всё, увольняешься. Всё, дембель! Велено до 17.00 всех вас выпиз.., уволить, на хрен!

Эх, культурнейший человек, старший прапорщик Ратиловский, за что и любим, за то и ценим. Чего он сказал-то? Дембель?

Мы все ошалело сидели на кроватях, мозг отказывался понимать происходящее, на дворе только 16 июня, а тут – дембель.

И тут началось. Это найди, это сдай, это почисть, от всей этой нервотрёпки ужасно захотелось жрать. Так, фотик обещал Сашке, хромачи надо сдать Деду, а потом умудриться их стырить и отдать Серёге. Или Ваньке? Блин, кому же обещал?

– Дежурный! Списки дембелей из штаба уже есть?

– Нет!

Блин, может дембель-то учебный. Дед ещё гундосит.

– Товарищ прапорщик, вы бы дали носки, что ли офицерские, а то выдали стандартного 45 размера, а у меня 41.

– Носки у военнослужащего срочной службы должны быть или синего или чёрного цвета.

– Ага, согласен, только ещё по размеру!

– Ходют тут всякие! (Ни фига себе, это после полутора лет совместной службы-то?!) На! (Выдал офицерские, зелёные, 41 размер) Помни мою доброту!

– Ну, спасибо!

– Стой! Куда хромачи попёр?

– Дак, эта! Я Ваньке обещал!

– Не хрен таскаться с сапогами, пиши бирку, я сам передам. (И ведь передал, добрейшей души человек! Я сам проверял).

На приёмке оружия Дед был чрезвычайно строг, просто до неприличия, но и это мероприятие, в конце концов, мы закончили. Сбегали пожрать, переоделись в парадку, а к тому времени и приказ из штаба пришёл. Серёга Мельник в первую партию не попал, самый заслуженный – и не попал. Честно скажу, был шок. Ну, вот, вроде и всё, сборы закончены, через пять минут построение. И тут…

Завыла сирена, инстинкт сработал, все ломанулись, и мы в том числе. У оружейки стоял замбой Табацкий и объявил построение отдела на приказ на охрану. Мы встали на последний приказ на охрану границы, стояли правофланговыми, перед всеми нарядами, стояли и слушали уже сотню раз выслушанную задачу, шевелили губами за старшими нарядов, отвечая по составу нарядов, а потом задачу поставили нам – увольнение в запас пограничных войск КГБ СССР.

– Вопросы?

– Вопросов нет, приказ ясен. Есть выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик… И ком в горле.

– Наряды напра-аво! На охрану Государственной границы….

Повернулись, ударили в привычные три строевых шага, вышли из комнаты службы и… Завыла сирена, прощаясь с нами. Что-то оборвалось в груди и тяжело заныло. Ребята, дружески похлопывающие по плечам и, улыбаясь, несущие всякую чушь, типа, «ты там давай», офицеры, пожимающие руки, и ты, ошалевший от безысходности всего происходящего, не понимающий ровным счётом ничего. Радоваться тебе или грустить, что делать дальше, идти за нарядами, уходящими на границу, но ты уже не с ними, у тебя другой

приказ, ты в запасе, в запасе, а не в резерве. Так и вывалились на плац. А там начальник ОКПП, начПО, начштаба. Построились, выслушали традиционное «К-хм!» дяди Бори по поводу дембельских погон с неуставными металлическими буквами «ПВ» и шевронов с красным кантом у тех, кто переслужил больше двух лет (а кто не переслужил?). Услышали слова благодарности от нашего ФБР (начальник ОКПП «Одесса» – Филиппов Борис Родионович), от начПО. И спустя пятнадцать минут в последний раз по команде залезли в свою «шишигу».[175] Всё. Домой. Вот и всё, прощай граница!

P.S. Прошло три дня как я дембельнулся; мечтам о том, чтобы выспаться, так и не суждено было реализоваться, так и «вставал на службу». Мамка от избытка чувств в первый же день накормила меня в полном соответствии с моим пожеланием «чем-нибудь домашним» – гречкой. Отец чуть не катался от хохота и сквозь слезы говорил, что она давно уже не была на заставе, раз умудрилась впихнуть в меня «беговой рацион». На седьмые сутки я не выдержал, взял денег, купил билет, загрузил домашней жратвы, фруктов и уехал «домой к своим» на ОКПП. На перроне Одесского вокзала я увидел подозрительно знакомую фигурку, тащившую за собой огромный чемодан на колёсиках «мечта оккупанта».

– Васька! Шаргу, ты?

– Я! А ты чего здесь?

– К своим. А ты?

– Малыш неделю не жрёт, вот письмо получил, – как-то виновато ответил он. – Ладно, пошёл я, мне ещё до Ильичевска на автобусе пилить. Мы пожали руки и разошлись, «по своим».

Когда я припёрся на ОКПП через три недели, то на территорию меня не пустили, оставили в «приезжей», дядя Боря Подъяпольский, мой начштаба, рвал и метал: «Это ненормальный призыв: за три недели – 18 человек. Двоих из досмотровой выгнал! Да хрен бы с вами, но вы ж не под приказом, проеб…те вы, а под суд мне наряды отдавать?!»

P.P.S. Она по-прежнему лежит на полке, а китель парадки висит в шкафу. Изредка я разрешаю надевать её сыну. Ему уже восемь лет, и он просто надевает её из мальчишества. Пройдут годы, интересно, появится ли в нашей семье ещё одна зелёная фуражка, в дополнение к тем двум, которые уже есть? Моего отца и моей. Время покажет.

Старшина Былина

Было это на самом деле или не было, за давностью лет теперь уже и не установить. Однако история эта гуляла какое-то время по погранвойскам с фамилиями персонажей, не обрастая пикантными подробностями, что, в какой-то степени, позволяет судить о том, что факты, в ней изложенные, имели место быть. Потому и отнесём её в разряд былин.

Было это в те далёкие и героические годы, когда цинк[176] «лишних» патронов у начальника заставы не являлся ЧП вселенского масштаба, а старшина имел «в запасе» всё, что только мог представить себе воспалённый ум воина-пограничника, за исключением, пожалуй, тяжёлого вооружения и боевой техники.

Н-ская застава отмечала двадцатипятилетний юбилей замполита. Замполит на заставе – это, как правило, первая должность молодого офицера, редко когда молодой лейтенант становится замом «по бою».[177] Сперва опыта наберись, с личным составом повкалывай, а потом уж… У нашего героя опыт уже какой-никакой имелся, он пользовался заслуженным уважением у коллег и в солдатской среде. А посему событие не осталось незамеченным. На боевом расчёте начальник произнёс трогательную речь, крепкий воинский коллектив от души поздравил сослуживца, а дальше жизнь на заставе пошла своим чередом. Но офицеры решили продолжить празднование в неформальной обстановке. Чтобы никому не было обидно, решили тянуть жребий на почётную должность ответственного, именинник, естественно, исключался, и, таким образом, участников жеребьёвки было трое: начальник, «боевик» и старшина.

Суровая судьбина вырвала из рядов отмечающих юбилей прапора, который, высказав по этому поводу всё, что мог сказать прапорщик по поводу офицеров, уныло поплёлся в канцелярию. А наши герои пошли к столу. Супруги расстарались, да и старшина не подвёл, стол ломился. Застолье началось, шутки, смех, поздравления, ну и конечно, подарки. Через какое-то время к застолью присоединился и старшина заставы. Жребий-то тянулся не «на вылет», а на «степень опьянения». Выпив и закусив, стали обсуждать подарки, и тут старшину пронзило как

молнией: «Подарок! Подарок забыл!» Книга уже была вручена, рубашка цивильная тоже, охотничий нож, с положенной за это дело копеечкой, уже вручён под аплодисменты. Все! Прокол по службе! «Ну так не бывать тому!» – сказал сам себе старшина и скрылся в своих «закарманах Родины».

Через тридцать минут, сияя как сам именинник, он извлёк из-за спины две кумулятивных противотанковых гранаты и под недоумевающие взгляды начальника и боевика вручил это богатство юбиляру. «Спокойно, – заявил старшина руководству – из личных запасов! Рыбку там поглушить или зимой яму для погреба выкопать, вещь в хозяйстве просто незаменимая!» Незаменимая в хозяйстве вещь была принята с благодарностью и поставлена на шкаф. Застолье продолжилось.

Жизнь на заставе шла своим чередом, менялись наряды, прапор честно метался на доклады нарядов и на приказ на охрану границы, но вот вторая смена отправлена и он, исполненный чувством выполненного долга, принялся «догонять» друзей. Надо признать, что это ему удалось. Ближе к утру, оставшись в мужском коллективе, жёны ушли, наступило время принятия «залётных» решений. Цель была определена, цель достойная и мотивированная. Надо ухи сварить, чтобы днём предстать пред ясны очи личного состава в облике героев границы, а не раздолбаев, жравших всю ночь водку! Сказано – сделано! Как ловить будем? А подарком!

Ночи в августе полны звёзд. Тихи и волшебны реликтовые сосновые боры. Зеркальная гладь приграничных озёр, полных рыбой, отражает все это великолепие. Пора звездопада. Кажется, что падающая с неба звезда, валится прямо в озеро и тонет в нём. И вот среди этого неземного великолепия появляется наша четвёрка, переговариваясь вполголоса, изредка весело матюгаясь, они направляются к берегу. Изрядно подвыпив, утратив былую лёгкость, они перескакивают через гранитные валуны к мерцающей водной глади.

– Ну, давай, именинничек!

– Э-эх! Ложись!

Граната, описав в небе дугу, шлёпнулась в воду метрах в двадцати от берега. Глухо ухнув, подняв мутный столб воды и переполошив всю

живность в округе, она нарушила былую идиллию. Луч ФАС[178] а вырвал из темноты жалкое подобие улова.

– Ну кто так кидает! Эх, молодёжь! – заявил старшина. – Дай, я!

Надо признать, что старшина был мужик крепкий, можно сказать, кряжистый, и вторая граната была передана ему без колебаний.

– Э-э-эх!

Бросок был знатный, но траектория была несколько неожиданной. Дуга была очень крутой, как у миномёта. Парашют-стабилизатор раскрылся и начал выполнять свои прямые обязанность, но тут… В предутренние часы это бывает, откуда-то со стороны границы налетел внезапный ветерок, точнее, порыв ветра. Всякий, кто метал противотанковую гранату, подтвердит, что этот парашют не имеет никакого отношения к десантированию, т.е. плавному опусканию груза, стабилизатор и все, но тут, видимо, была злая воля рока. Граната качнулась в воздухе и полетела на наших друзей.

– Ложись!!!

Граната пришла в гранитные валуны, лежавшие тут со времён ледникового периода. Тут она показала все свои боевые возможности, звук гулким эхом разнёсся по воде, вспышка была ослепительна, осколки гранита разлетелись с воем, часть из них с шипением скрылась в воде. Вмиг протрезвев, друзья, ошалевшие от всего этого, оглянулись. Юбиляра не было. Тихие стоны позволили его отыскать среди уцелевших валунов.

– Ранен! Блин, скорее на заставу! Ети, лишь бы сосед по флангу на комендатуру не доложил о взрыве! Блин, ведь два было! А что докладывать по раненому будем?

Мысли летели как табун бешеных лошадей; «залёт» приобретал масштабы вселенские.

Затащив раненого в дом начальника, кинулись обследовать его. Раны были ужасающи! Мелкая гранитная крошка посекла ягодицы пострадавшего. Первичный осмотр поставил бы в тупик любого эскулапа: было впечатление, что на замполитову задницу напала стая разъярённых карельских комаров. Домик пошатнулся от взрыва облегчённого смеха. Разбуженный санинструктор, залив задницу пострадавшего спиртом, начал хирургическую операцию по извлечению из мягких тканей полезных и не очень полезных ископаемых. Чтобы юбиляр не выл, как в жопу раненый медведь, его

поили водкой, и он выл, как в жопу раненый замполит. Короче, все обошлось.

А комендатура и сопредельная сторона вздрючились, но их смогли успокоить. А знаете, как? Сказали, что ночью на участке заставы упал метеорит. Ночи в августе звёздные! Вот уж воистину, чем бредовее доклад, тем больше в него верят. Комендант даже потом к тем валунам гостей из округа возил, последствия падения метеорита показывал. А сопредельная сторона потом даже факт падения метеорита подтвердила, дескать, наблюдали наши наряды визуально. Хорошо, учёных не пригласили!

Старшина Истории про пограничного пса Малыша

Малыш, любимец общества и лучший друг инструктора Сашки, сидел в пылающей жаре июльского солнца и преданно ел друга глазами. «Усиленная»[179] накрыла медным тазом весенний дембель, тоска и безысходность висели над КПП «Ильичёвск», да, впрочем, и над всей границей. Служебная нагрузка, на беду командования, стремительно приближалась к нулю. Такое впечатление, что вражеские пароходы растворились в мареве дымки, висевшей над морем. Потонули они все, что ли? Дембельский аккорд переделывался уже четвёртый раз, теперь туалеты во всех отделах имели перегородки из фанеры красного дерева, канты у перегородок были оклеены фанерой из лимонного дерева, а дверки украшал скромный орнамент из тех же материалов. (Фанера была честно стырена в порту, ей обшивали японские бульдозеры, которые приходили в СССР).

Сашка готов был выть, но, переживая за психику Малыша, не выл, а тихо бормотал что-то про дембель, девок и институт, в который он уже «пролетел». Что делать-то?

Ладно, Малыш, пойдём, курнем что ли? – заявил Сашка, и они медленно попёрлись со спортгородка в курилку. В курилке уже сидела пара таких же страдальцев. Тут было чуть легче из-за тени, которую давала роскошная сирень. Но и в этой спасительной тени гнетущая атмосфера висела как грозовая туча. А вы что хотите?! Дембель в опасности! А-а-а… Да о чём с вами говорить! Вон, начальник КПП говорит, что теперь раньше 25 августа хрен уволишься. Сколько это до дембеля при удачном раскладе? Последний вопрос повис в воздухе.

– Малыш! Сколько до дембеля?

Малыш молчал, он смотрел на ребят своими умными глазами, но сказать толком ничего не мог. В принципе его можно было понять, ему начальник КПП тоже ничего конкретного не говорил, мало того, он всем своим существом понимал, что скоро должно произойти что-то ужасное, и не отходил от Сашки ни на шаг. Мотался за ним повсюду как хвостик, на нового инструктора-стажёра ноль внимания, только Сашка и никого кроме Сашки.

Вопрос к Малышу, вдруг зажёг в глазах Сашки какое-то жалкое подобие огоньков, символизирующих при других обстоятельствах пробуждение мысли.

– Малыш! Сколько дней до дембеля? Голос! Малыш, голос!

Малыш добросовестно гавкал, а народ, оживившись, одобрительно заржал.

– Ну, Малыш, если бы твой отсчёт да Матросову[180] в уши!

Сашка, гордый за своего питомца, бросил окурок, и они с псом удалились.

Буквально через два дня возле курилки стоял дикий хохот. Малыш после тренировок искал дембель, роя лапами землю, громким лаем отсчитывал дни до дембеля, и вообще всячески ублажал ветеранов. Умиление любимцем грозило последнему ожирением. Каждый из дембелей норовил отблагодарить его здоровой плюшкой из «Чепка». [181]

Время тянулось как знаменитая конфета-тянучка с Привоза. И вдруг.

Этот «вдруг», зараза такая, приходит как «писец», незаметно и неотвратимо. На этот раз приказ пришёл усилить химпорт «Южный», у них аврал, пароходов туева хуча, людей нет, собрать сборную из дембелей, не фиг им расслабляться, и отправить. Всё. Начальник КПП подполковник Гулик решил, что в первую очередь нужно отправить дембелей-инструкторов: смена у них есть, с собаками уже стажёры общались, не нужно лишних душевных травм для собак. Пусть привыкают, а вернутся старые инструктора из командировки, будет время собак «подкорректировать». Действуйте! И Саня вместе с другими ребятами умотал в Южный. Несколько дней Малыш не находил себе места а потом привык: видимо, почуяло собачье сердце, что расставание несерьёзное, так, на время. Прошла неделя, другая, и Сашка вернулся. Пёс скакал вокруг него как заводной, заглядывал в глаза, лаял, крутил хвостом. Короче всем своим видом являл пример выражения «щенячий восторг». Расположившись в курилке, Сашка задал Малышу задачу: «Малыш! Ищи дембель!» Малыш вдруг начал метаться, обнюхивая кусты. Привычные раскопки отсутствовали, стоявший рядом инструктор-стажёр Серёга коварно лыбился.

Не найдя дембеля, Малыш сел напротив Сашки и преданно уставился на него. Сашка, не ожидая подвоха, повторил команду. Все

повторилось.

– Не нашёл? Ну, ладно! Сколько дней-то до дембеля осталось? А, Малыш?

И тут Малыш, запрокинув голову, тоскливо завыл. Народ рухнул. Саня взорвался: «Слышь, собака, я убью тебя на х..!» Малыш шустро спрятался за стажёра Серёгу, который обхватив собственный живот, корчился от хохота. Саня понял все. Этот гад стажёр научил Малыша этому трюку. Протяжное «Ау-уу-ууу-у» Малыша могло символизировать только одно, и все это поняли, тем более, что дембель перед этим «Ау-уу-ууу-у» найден не был.

Прошло ещё какое-то время, дембеля уволились, уехал и Сашка. Малыш дико тосковал, отказывался есть, Серёга только не ночевал у его вольера. Саня писал ему письма и спрашивал о Малыше, даже несколько посылок для него присылал с домашним харчем. Но это уже другая и вполне типичная история про инструкторов службы собак. Граница не разделяет, она сращивает!

Старшина Гриф

– А это «Грифы, – сказал мне капитан-лейтенант, показывая на катера, стоящие у стенки.

Первое, что меня поразило, так это то, что в отличие от ПСКР 205-го проекта они были разными. Разными по цвету, по вооружению, по расположению вооружения. Цвет был от светло-серого до почти синего, светло-серые понравились больше. Этот оттенок странным образом гармонировал с самим катером, в котором, несмотря на его по-шлюпочному крутой форштевень, все говорило о том, что он просто создан для скорости. Линии его надстройки, чуть сглаженные к корме, хищный силуэт мостика, завораживающе заломленный назад контур мачты, все выдавало в нем хищника. Странно, но само название «Гриф» меня сначала несколько удивило; рассматривая силуэт катера, я мысленно уже чётко позиционировал его с семейством кошачьих: барс – точно, ну, или гепард. Вот он такой прижатый, крадущийся, готовый в любой момент выпрыгнуть и поймать добычу. Кстати и «ловить» есть чем, на баке стоит аккуратненькая башенка «автомата», по корме прожектор.

– Ну, пойдём, посмотришь, – пригласил провожатый. Вахтенный отдал честь и отрапортовался, с любопытством глянув на меня. Действительно, что может делать на пирсе пятнадцатилетний пацан? Но пацан был с каплеем, значит, так нужно.

– Ну, покажи вьюноше катер, смотришь, он к нам и служить придёт, – перепоручил меня вахтенному капитан-лейтенант, – Потом с вестовым отправишь ко мне.

– Добро, – в абсолютно непривычной мне форме ответил вахтенный старшина и пригласил: – Ну, пойдём, катер покажу.

Да, с пирса ты смотрелся совсем малышом, а тут «аж целых 23 метра». Дальше меня завалили кучей информации типа: «Дедвейт полный 39 тонн, два дизеля, два вспомогателя-генерашки, автомат-спарка 12,7, можем ходить до 37 узлов, ходим до 5 баллов, но хотел бы я посмотреть на этого урода, который это разрешил. На такой волне или жопу отобьёшь или голову. Экипаж семь человек, хотя по штату

девять положено, но тут и всемером развернуться негде, командиром у нас «сундук», «Кометы» мы делаем, ну, ты проходи…

Надстройка, если честно, просто повергла своим лаконизмом, да, это тебе не «полноразмерный» 205-ый, где есть «просторные» кубрики, камбуз, кают-компания, боевые посты. Тут, вроде, всё присутствует, но ужато до таких размеров, что вывод напрашивается сам собой: за боевыми постами приоритет. Катерок своим нутром является живым примером сверхгостеприимства, вопрошая: «Ты, что сюда жрать-спать явился?». Нет, жрать тут можно, впрочем, как и спать, но как-то не больно располагает.

– Пойдём, машинное покажу, – пригласил старшина, – залезай. Сразу за надстройкой прямо на палубе открыли прямоугольный люк, и мы спустились в машину. Сказать, что место было мало, не сказать ничего; при ширине метров пять-шесть сюда умудрились всунуть четыре двигателя и массу прочей приблуды, с трудом можно протиснуться между всем этим богатством в полусогнутом состоянии сейчас, а как же это делают на ходу, когда это все хозяйство рычит и пышет жаром, «весело покачиваясь на волнах»?

– Ух ты, танковый шлемофон! Он-то тут зачем?

– Как зачем? Чтобы моторист башкой катер не расшиб, да и не услышит он тут ни хера без шлемофона. Знаешь, как он тут службу тащит? По-походному, баночку откинул, жопа в жаре от дизелей, а башка наружу из люка, ну, а по-боевому мы его задраиваем, пусть потеет.

После этого было поведано кое-что о вооружении. Но как было заявлено: «Все это фигня, главное – скорость». На этом моё «экскурсионное знакомство» с «Грифом» закончилось. Сходил на пирс с чувством таким, как бы это сказать… Ну, показали, а потрогать не дали.

Когда пришли к каплею, который, дымя с папашей сигаретами, прихлёбывал из стакана чай, заваренный до цвета тёмного янтаря, тот лишь кивнул вестовому и сказал: «Свободен». Беседа шла неторопливо, я уже откровенно заскучал, когда он вдруг поинтересовался:

– Мужики, а у вас как со временем? Если есть часа четыре, могу на «Грифе» до Дуная и обратно с ветерком!

Я аж застыл.

Мне довелось и потом ходить на «Грифе», ощущения каждый раз были одни и те же. Сложно передать этот восторг словами: наверное, те, кто тащит службу на «Грифах», привыкают, но я этого не заметил на лицах экипажа. Азарт, блеск увлажнённых от встречного потока воздуха глаз, оскал улыбок. Все это выдаёт людей, как бы они не прятались за чёткостью команд и обыденностью действий. Что может сказать лётчик после отработки пилотажа? Нормально отработал. Он не заявит, что это восторг, я сделал все, что хотел, машина класс, облака сегодня необычайно красиво смотрелись. Но это не значит, что он не произносил этого всего сам себе, там, где облака безумно красивы были сегодня.

«Гриф», спокойно урча, отвалил от стенки и пошёл на выход мимо Воронцовского маяка. Вышел на рейд, добавил оборотов, и заметно приподняв нос, пошёл мимо судов, стоящих на рейде. Прошли рейд и дали полный. Вот тут, в этот момент на тебя и наваливается все то, что сложно передать словами. Жизнь начинает восприниматься ощущениями собственного тела, мозги отключаются, возникает эмоция. Дизеля перешли на мощный ровный рык, их сила передаётся вибрацией корпуса, ещё немного и две трети корпуса нависли над водой, палуба уже под вполне ощутимым углом. Бурун! Бурун, который до этого был лишь обозначен, как у обычного прогулочного катерка, вдруг взметнулся до уровня мачты, ну, или ходового, превратившись в белый пенистый водопад, в вал переливающихся всеми цветами радуги брызг, в девятый вал… Нет, это был *бурун* !!! «Гриф» летел!!! Этот полет ощущался каждой клеточкой тела. К черту кошачьих! Это птица, мощная, парящая над бескрайним простором. Флаг, натянутый до щелчка, тугой поток воздуха в лицо, мачта, каким-то немыслимым образом начавшая петь… Все слилось в ощущение полёта, даже рукава рубашки в потоке набегающего воздуха возомнили себя крыльями. Ходу, ходу, родимый! Лихо клонясь на галсах, не отплясывая на спокойной волне, ходу. Мичман, дай ему воли! И он, видя мой восторг, оскалившись улыбкой, даёт «самый». Отчего люди не летают?! Чушь, летают! Летают на «Грифе»! Там есть все ощущения полёта, дрожь азарта, эмоции, восторг. Нет ничего невозможного, все достижимо!

– Ну, летишь? – словно подслушав мои мысли, кричит мичман. Я, судорожно сглотнув, киваю.

– Нет, это ещё не полет, вот сейчас. Держись!

Он что-то кричит в переговорное, подмигивает мне, и…

Катер, заломив крутую дугу, словно крутнувшись на пятке, влетает на собственный бурун, который не успел ещё опасть. Звук удара, глухой и одновременно звонкий, сонм солёных брызг, вой винтов и дизелей, вырвавшихся на свободу полёта. И вечность… Вечность секунд. Удар, всплеск принявшей воды, лязгнувшие челюсти. Обмен взглядами и улыбками. Я счастлив, я упиваюсь тем, что дарит мне «Гриф» и его полет над морем. Обороты падают, а ощущение восторга перерастает в осознание счастья.

Они многое знали и видели, эти «Грифы». Они гонялись за нарушителями, они брали по 90 человек на борт при спасении людей с «Нахимова», которого я провожал в 86-ом, даже не подозревая, что это его последний рейс. Снимались в кинофильмах, получив звание «самый шпионский катер», являясь по своей природе их ловцами. Они болтались в море по команде людей, частенько плюющих на сроки автономности и балльность волнения моря, на экипажи. Они служили честно, верой и правдой своим людям. «Гриф», обычный пограничный катер, проект 1400. Спасибо тебе за то, что ты для меня открыл!

Мэйджо Шаманы

(сказка-быль)

Джулустан Горохов был обычным якутским парнем.

Маленький такой. Тощий. Лицо смугло-плоское и нос пипкой.

А на плоско-смуглом лице очень умные и острые глазки.

Учились мы с ним в одном техникуме связи. В одной группе РЭ-41. «Проводниками» были, значит, а не какими-то там убогими радиотехниками.

А потом и в армию призвались вместе. И попали в один учебный отряд.

Деды его по прибытии сразу окрестили Шаманом.

***

– Я уже не могу! Это чёрт знает, что такое! Это ведь П-310! Она вообще без проводов работать должна! По земле! Сука! Сука! Меня кастрируют! Я разобью эту курву! И буду делать это садистски, вынимая и растаптывая каждую лампу из комплектов низкочастотных окончаний!

Начальник НЧ-ВЧ сержант Тимофеев в который уже раз заламывал руки и, как институтка в критические дни, страдальчески обращал взор к небу.

Создавалось впечатление, что бывший октябрёнок и пионер, а ныне комсомолец и сержант, послав к такой-то матери врождённый атеизм, молит Бога о помощи.

Да и было, за что молить.

Два открытых канала, один засекреченный и один телеграфно-засекреченный, пребывая в полном отрубе от Большой Земли, уже в который раз грозили Тимофееву разносом от командира взвода связи. Мало того, это грозило ещё и перспективой выдвижения «деда» Тимофеева вдоль воздушной линии связи, ибо в те стародавние времена ВЛС с их схемами скрещивания и стрелами провеса обширно

применялись в пограничных войсках, а топать до первой контрольной опоры надо было почти 10 километров. По сопкам и болотам.

– А вы чего стоите? Делайте чего-нибудь! – это взор Лёши Тимофеева обратился на меня и на Шамана, потому как мы стояли по стойке «смирно» в линейно-аппаратном зале и с благоговением взирали на непосредственное начальство.

– А чё делать-то, тащ сержант?

– Мне похер, что вы будете делать! Эй! Ты! Шаман! Шамань давай! Язычник хренов! А ты (это он мне) помогай ему! Я что вам сказал? Быстро!

Было явственно видно, что движения вдоль опор Тимофееву (и нам вместе с ним) уже не миновать, и что Лёша выдохся, и что теперь ему стыдно за минуты собственной слабости.

– А чё… Я могу… Бубна только нет… Ладно, я без бубна попробую, можно, тащ сержант?

– Валяй…

Тимофеев с интересом воззрился на Шамана.

– Уоооо!!! Буооо!!! Дьё-буооо!!! Куобах-куобах! Барахсан!!! Куотан!!! Куотан успюттан!!! Уооо!!! Буооо!!! Дьё-буоооооооооооооооо!!![182]

Сухое тело Шамана странным образом изогнулось, затем конвульсивно задёргалось, взгляд остекленел, а я от неожиданности и от дикого вопля сослуживца согнул ноги в коленях и расставил руки в стороны.

Именно эту позу лет через семь я наблюдал в фильме «Кин-дза-дза» в исполнении господ Леонова и крутого разведчика Вайса. Если мне не изменяет память, я, кажется, выдавил из себя со страха что-то типа: «Ку»…

Хераксе…

Коротко звякнул звонок, и стрелка контрольной частоты встала вертикально в чёрный сектор встроенного прибора аппаратуры уплотнения П-310. Весело затрещала приёмная поляризованная релюшка телеграфной П-314, а с ЗАСа по громкой связи металлически проблеяли: «Спасибо, двести двадцатый, есть связь, мы закрылись».

О как…

Если никто раньше не мог заподозрить Тимофеева в нетрадиционной сексуальной направленности, то теперь мнение

любимого личного состава о нем сильно пошатнулось, ибо Алексей кинулся целовать-миловать Джулуса, хотя тот всячески и уклонялся от мокрых поцелуев совершенно счастливого сержанта.

Моя девственность (вероятно, в связи с малым вкладом в камлание) осталась неприкосновенной.

***

«Шаманили» мы ещё дней пять таким образом, причём Джул, категорически отказывался камлать без меня, мотивируя это каким-то там «недостатком ауры», которой у него, типа, не хватало.

ВЧ-канал терялся часов в 6 утра, но после наших пассов и криков восстанавливался примерно в 10.30.

Да, я не спорю, что иногда приходилось ждать какое-то время, но «деды» настолько уверовали в наши способности, что на погрешности в 30-40 минут не обращали никакого внимания.

Дошло даже до того, что сержант Тимофеев однажды отдал нам *своё масло* …

Я терялся в догадках, а Джул, в свою очередь, тоже делал загадочное лицо и хитро отмалчивался.

***

Все закончилось в один прекрасный день, когда приморское небо неожиданно пролилось вёдерным дождём, а ветер раскачал не только Японское море, но и всю прилежащую к нему сухопутную флору и фауну…

Именно тогда прекратились пропадания связи, а мы за ненадобностью опять опустились на дно «молодогвардейской» жизни…

***

– Ты дурак, Сашка. Ты на МЭС[183] спал всегда. И не помнишь ни хрена. А ведь Кисель наш был не только теоретиком, но и практиком. Ты вот не помнишь, наверное, но он нам как-то почти полный академический час вещал, что воздушные линии связи очень подвержены повреждениям, причём не только обрывам и коротким замыканиям, но и всякого рода жучкам-паучкам. А погляди, какие тут пауки? Как птицееды, бля… Эти падлы на всем протяжении линии между биметаллом паутину навили. Утром, когда роса, паутина отсыревает и на тебе, короткое… И хоть ты убейся, но связи не будет. А если ещё где-то и провес по деревьям мокрым? А потом солнышко взошло, все просохло и… гуд. Ничё, Сань, мы тоже когда-нить будем дедами, только на шаманство мы уже хрен поведёмся…

Вот такими мы были «шаманами»…

Мэйджо Встреча на заставе

(сказка-быль)

Как-то давным-давно, вновь назначенному командующему КТПО вздумалось сделать облёт неупреждаемых участков на направлениях Дальнереченского отряда (бывшего Иманского).

Соответственно, планировались посадки на заставах.

Готовились к этому событию, конечно, как могли. Красили, белили, хлеб-соль готовили.

Наконец, пришёл этот день и командующий полетел.

И всё шло хорошо.

Вертолёт пролетал вдоль линии границы, проходил галсами над предполагаемыми неупреждаемыми участками. Командующий глядел в кругло-выпуклую стеклянную дыру, что-то говорил, а свита из отрядного командования и окружников следом за ним заглядывали по обоим бортам, угодливо кивали, типа слышали что-то, и одновременно делали вид, что наносят пометки на карты. Затем вертолёт приземлялся на заставе, где его встречали дрожащие от волнения офицеры, прапорщики и бойцы.… Покалякав о службе, благодушно настроенный командующий минут через пятнадцать-двадцать восвояси отбывал.

Но вот день пошёл на убыль, и подлетели к крайней по плану заставе.

Вертолёт аккуратно уселся на образцово подготовленную вертолётную площадку.

Площадка была обкошена, весело развевалась полосатая колбаса, на которую старшина не пожалел новую простынь и энное количество чёрной краски, габаритные треугольники взлётной площадки были свежепобелены и любовно подняты на чурочки. А вокруг буйно цвело приморское лето, палило солнце и ничто не предвещало грозы…

И вот смолк гул двигателей, а стоявшие поодаль начальник заставы с замами и старшиной, подкинув копыта к черепам, лёгкой рысцой выдвинулись к машине встречать высокого гостя со свитой…

Отодвинулась дверь и бортач выкинул стремянку.

И вдруг…

Проследившие за косым направлением стремянки начальник заставы, зам, замбой и старшина нервно задрожали.

Прямо под стремянкой исходил миазмами свеженький (перепуганному начальнику заставы показалось, что он ещё дымится), здоровенный коровий блин!

Из вертолёте показалась генеральский зад и начал дрыгать ногой, обутой в великолепно начищенную коричневую туфлю чехословацкого производства, пытаясь нащупать, куда ступить…

Элита заставы усиленно гипнотизировала туфлю, и в воздухе почти материализовался страстный крик: «Только не туда!!!»

Но все было тщетно.

Никто из почтенной четвёрки даром гипноза, к сожалению, не обладал, и зад направил туфлю именно «туда»…

Сначала послышался нежный звук утаптываемого кизяка, затем в него ступила другая нога, потом раздалось чавканье выдираемых из коровьего экскремента туфель, недоуменное бормотание и…

Да, да, именно!

Именно в тот миг мир разверзся…

Нет, это была не гроза. Это были не громы и молнии… Гибель Атлантиды и Всемирный потоп были жалкой китайской подделкой по сравнению с этим извержением матов и похабных сравнений, обрушенных на встречающих. А встречающие остолбенело и взяв под козырёк, впитывали в себя… впитывали…

Неожиданно командующий, прекратив орать, воззрился на старенького старшину, на один миг задумался, как бы что-то вспоминая, и… не менее виртуозно заорал на командира воздушного судна.

Самым нежным было: «…И эти козлы ещё смеют утверждать, что *им сверху видно всё, ты так и знай???* Хрен вам что видно, товарищ майор!!! Хрен, хрен, хрен!!!»

Разгон завершился богохульным для вертолётчиков осквернением летательного аппарата. Проклиная дураков-лётчиков, командующий, оттолкнул сунувшегося было к нему с платочком начальника политотдела отряда, и с остервенением обшкрябал темно-зелёную кашу о пневматик и полуось стойки левого шасси.

Сами понимаете, что ни о каком посещении заставы с нежным названием «Ласточка» уже не могло быть и речи, ибо такой грязный

генерал вряд ли внушил бы уважение любимому личному составу. Командующий это прекрасно знал, поэтому рявкнул: «В машину!», затем демонстративно обтёр остатки коровьего дерьма о стремянку, и исчез во чреве «восьмёрки» с белой полосой на фюзеляже под хвостовой балкой…

Засвистел, набирая обороты, несущий винт. «Примус» оторвался от земли, и высоко задрав хвост и опустив остекление кабины, начал свой бег от гостеприимной заставы.

Буквально перед отрывом командир отодвинул задвижку, и, высунув руку наружу, погрозил кулаком все ещё отдающим честь вертолёту заставским…

И наступила тишина…

– Му-у… Му-у… – из кустов, утробно вздыхая, медленно вышла корова Ласточка, названная бойцами по имени заставы.

Бойцы любили её. Славилась она добрым и кротким нравом, при этом щедро доилась. За ней игриво бежал лобастый телёнок…

– Сволочь ты, Ласточка! Сволочь ты нестроевая! – чуть не плача, заорал НЗ и двинул корову кулаком в брюхо. – Вся моя карьера насмарку…

– Оставь её, Иваныч. Скотина-то тут причём? Ей не прикажешь, где гадить надо. Сами мы виноваты. Если что, валите все на меня. Скажете, что старшина, старый дурак, забыл корову в коровник загнать, и вся недолга. Моя карьера – вот она, на этой заставе. Мне терять нечего. Тридцать пять лет я на ней. А с Бурченко… Не бойтесь мужики, он мужик нормальный. Он ведь у меня сержантом был на «Ласточке», отсюда и в Бабушкино ушёл и офицером стал. Не такой он уж и поганый мужик. Обидно ему, конечно же. На родной заставе и в кизяк… Да и узнал он меня. Я же видел…

– А что же ты сразу не сказал, что знаешь его?

– Да я, мужики, сомневался. Он, не он.… Только по матам и по стати и узнал… Он и сержантом любил поматериться. Его замполит, Коля Бурлевич, даже на губу хотел в отряд везти за сквернословие. Зато, какой сержант был… Ладно, все утрясётся, не переживайте, мужики. Пошли, моя хорошая…

Ухватив Ласточку за обломанный рог, старшина устало повёл её к заставе. За мамкой посеменил и телёнок.… И как телки за мамкой, пошли за старшиной сопливые старшие лейтенанты…

***

Прошёл день. Прошёл вечер. И пришла ночь.

Уже НЗ поставил очередной приказ на охрану границы и протопал к системным воротам наряд. И только в коровнике печально вздыхала Ласточка, да старшина что-то ласково говорил ей, посыпая песком ласточкин загон…

Неожиданно у дежурного связиста замяукала и осветилась «Азбука»

– «Вираж»…

– Слушаю, «Вираж».

– Оперативный дежурный «Вкладчика» подполковник Масальский. Начальника заставы.

– Есть, соединяю.

– Слушаю, старший лейтенант Зиньковский (сонно)…

– Оперативный дежурный «Вкладчика» подполковник Масальский. Значит так, старшой, уазик у тебя на ходу?

– Так точно…

– Сейчас посадишь старшим своего замбоя, загрузишь старшину и до железки. Они должны успеть на «Океан», или в крайнем случае, на «Россию». Старшину твоего командующий к себе вызывает. Трахать, наверное, за говно коровье. Весь отряд со смеху падает… Ну, вы и идиоты… Задача понятна?

– Так точно.

– Выполняй.

Бросив трубку рядом с коричнево-эбонитовым корпусом телефона, НЗ пробормотал: «Сам ты идиот…», и пошёл выполнять приказание.

– Тимофеич, чего ты не спишь? Впрочем… и не поспишь уже… Ком тебя к себе вызывает… В отряд… Позвонили сейчас только… Одэ говорит, что трахать…Собирайся, Тимофеич, я уже Сашку поднял, он старшим едет с тобой до «железки». Ты это… Тимофеич, не выгораживай там нас, я сам виноват, не проконтролировал, да и пошли они все к такой-то матери, генералы эти…

Старшина, улыбнувшись начальнику, пожал ему руку и молча пошёл мыться и переодеваться в давно не надёванный китель с ядовито-блестяще-зелёными погонами и в «брюки-в-сапоги»…

***

За командирским столом сидел командующий.

Сбоку от стола, в кресле, развалился начальник политотдела округа.

Командир и НачПО[184] отряда скромно сидели на краешках стульев и подобострастно глядели, как командующий и ЧВС[185] пьют чай с вульгарными баранками.

Тук-тук… (в дверь).

– Товарищ командующий, прибыл старшина третьей заставы…

– Пусть войдёт.

– Товарищ командующий, разрешите войти? Есть! Товарищ командующий! Старший прапорщик Малинин по вашему приказанию прибыл!

Командир и НачПо одновременно поднялись со стульев и сделали церберовские стойки, готовые по первому же выстрелу придушить и разорвать в клочки старшего прапора, посмевшего совместно с заставской скотиной уронить в дерьмо целого генерал-майора.

Отставив в сторону недопитую чашку, командующий, радикулитно покряхтывая, встал с командирского кресла и, широко раскинув руки и широко же улыбаясь, подошёл к старшине:

– Осип Тимофеевич, здравствуйте…

Старшина молча смотрел на командующего.

– Осип Тимофеевич, вы не помните меня? Я сержант Володя Бурченко. Помните, вы меня ещё учили на лошадях ездить, и как мы с вами сутки по иманским болотам китайца гоняли, а я ещё тогда сказал, что в жизни не пошёл бы в пограничные войска, если бы знал, что это такое, а вы меня материли и под приказом заставляли бежать? Помните? Ну?

– Помню, Володя… Я тебя сразу узнал…

– Осип Тимофеич, ты уж прости меня, что я наорал на тебя и на офицериков твоих. Глазами я слаб стал, все с документами, да с документами… Вниз по лестнице передом спускаюсь, скрипя зубами – задом сподручней…Радикулит, проклятый, мучает… Вот и вступил в говно твоё…

Сибаритски развалившийся в кресле ЧВС радостно захохотал, а командир с НачПо с неожиданной скоростью из церберов начали превращаться в вежливых спаниелей, поглядывающих добрыми и преданными глазами на своего хозяина…

– Мужики, выйдите, пожалуйста. Мне со старшиной поговорить надо…

– Есть!

Первыми выскочили хозяева отряда. На ходу они недоуменно переглядывались, и Тимофеич грустно смотрел на суетливое передвижение прямого начальства.

– Владимир Афанасич, с вашего позволения я тоже пойду. – Окружной НачПо прекратив смеяться, сугубо официально козырнул, – У меня, по плану, ПВР[186] в мотоманевренной группе…

– Иди, Лёша, и скажи дежурному, чтобы никого не пускал сюда.

– Есть, – Лёша (тоже в звании генерал-майора) почтительно обогнул старшину и вышел, тихонько притворив за собой дверь…

– Осип Тимофеевич, а мы с вами сейчас чая попьём…

– Можно…

– Тимофеич, ну чего ты такой смурной?

– Не смурной я, Володя, не смурной. А вот ты, кажется, сильно изменился.

– Почему так решил?

– А ты от жизни солдатской отвернулся, Володя.

– Я не понимаю тебя, Осип Тимофеевич…

– Ты всё понимаешь, Афанасьич. Ты сержантом у меня был и не брезговал в охотку, со мной вместе, за лошадьми и коровами убирать. Тебя никто не заставлял. Ты сам шёл на подхоз и помогал мне. Ты ведь, когда в училище уезжал, прощался не только с Колей Бурлевичем, царство ему небесное, и не его вина, что всего-то он только до второго марта дожил после твоего отъезда, ты и со мной простился, и с бойцами со всеми… Ты ведь и на подхоз сходил и всех наших Ласточек поцеловал.… А вот сейчас ты первым делом полетел по заставам вместо того, чтобы проехать всего полтора километра и сходить к Кольке и Ване Стрельникову, и ко всем ним. Ты ведь генерал сейчас.… Некогда тебе, Володя.… И забыл ты, откуда вышел.… А Коля ведь в академию готовился, только ты и об этом забыл, Володя, и ещё не известно, кто бы сейчас округом командовал, Ванька, Колька,

или ты… Может, не прав я, Володя? А? А вчера ты в блин коровий своей ногой ступил, и так тебя это закоробило, как будто ты и не был бойцом сопливым, пришедшим к нам с Колькой после учебки. И забыл ты Володя, а может, и не знал, как Колька телефоны обрывал, делая тебя сначала младшим, а потом сержантом. Ты ведь не видел Колю простреленного, прикладами и палками испохабленного…

– Мне Юрка Бабанский рассказывал, в Москве уже… Тимофеич, ты сам-то давно был у них?

– Сейчас очень редко, Володя… В Имане редко бываю…

– Понимаю, Тимофеич… Мы с тобой обязательно к ним сходим… Вместе сходим, Тимофеич, а пока давай за Колю и за всех них…

– Давай…

***

Легенда гласит, что командующий не пожалел керосина и своего служебного времени, чтобы ещё раз слетать на «Ласточку» уже без свиты, а только с «Лёшей и старшиной.

Легенда гласит, что командующий пробыл на заставе целый день, просто вспоминая свою юность и отдыхая от суеты мирской…

И также печально, как и двадцать с лишним лет назад, шептались о чем-то убогие приморские берёзки и тополя, шелестел камыш на болотинах и чеках, острая осока падала и вновь вставала под порывами гуляющего по Уссури ветра…

Вполне возможно, что так и было, и мне хочется верить в это…

***

Участник событий на острове Даманский в марте 1969 года, кавалер ордена Красной Звезды, старший прапорщик Малинин Осип Тимофеевич уволился в запас Вооружённых Сил в декабре 1993 года.

Умер от сердечной недостаточности в марте 1999 года.

Похоронен рядом с братской могилой пограничников, отстоявших ценой своей жизни маленький клочок Советской Земли.

ПСБ Столб девятый. Бен Ганн

Это был довольно странный субъект. Практически неописуемый. Но все же я попробую…

Был он, конечно, гомо сапиенсом. Но вот только гомо-то точно – гомо, а вот сапиенс под сомнением. Яркий представитель той модификации породы человеческой, что называют «себе на уме». Причём «себе» настолько, что наличие «на уме» вселяло некоторые сомнения. Родом он был из неспешно живущей Карелии, и вдобавок впитал в себя весь знойный темперамент братского финского народа. Но это всё только на первый взгляд – те, кто его знал поподробней, были совсем другого мнения. Что поделать, истина, как всегда, на поверхности не лежала… Но наблюдать за ним было всегда очень завлекательно.

Он мог, к примеру, взять в руки журнал «Молодой коммунист», прочесть какую-нибудь статью, причём с самым серьёзным видом, что уже наводило на размышления – все остальные обитатели заставы сей фолиант читали исключительно урывками и сидя на корточках в дощатом строении специфического назначения. Так вот, прочтёт, бывало, и не один раз, и все – после этого начиналось. Пару дней он ходил, никого и ничего не замечая, при всем этом на внешние раздражители типа сработки[187] или плановой войны на стрельбище он реагировал совершенно адекватно. Просто молчал и задумчиво смотрел сквозь тебя… В заслоне это даже хорошо, а вот в повседневной жизни не очень. Застава – мирок замкнутый и столь молчаливый диссидент там смотрелся не очень гармонично.

Но зато через пару дней он находил ещё раз ту самую статью и ещё раз её перечитывал. Потом со всей пролетарской ненавистью хлопал журналом по столу и громко произносил: «А-а-а-а… Фуйня все это!» И снова на какое-то время возвращался в нашу реальность…

До первой возможности слинять из неё…

А находил он эти возможности где угодно. От осмотра новой покрышки на заставской УАЗке до разблюдовки продуктов в меню местной харчевни, висевшем там при входе. Начальник, конечно, искоса поглядывал на мыслителя, но молчал. Придраться было не к

чему – службу этот Спиноза тащил как и все остальные-прочие, и даже был лучшим снайпером на заставе, а что до задумчивости… А и хрен с ней! Люди разные бывают…

К тому же парень был деревенским, а это был очень дефицитный товар – большинство бойцов в нашем отряде в те времена обычно призывались из больших городов Москва-Питер-Горький, и с какого боку подойти к корове, представление имели весьма приблизительное. Некоторые даже и не догадывались, что молоко добывают из коровы, а не производят на специальном заводе. А этот ценный кадр даже точно знал, из какого именно места в корове молоко вытекает. Поэтому его к этим самым коровам да свиньям и определили, на подхоз.[188] Там и излишняя мыслительная деятельность в глаза не бросалась, и животинка себя нормально чувствовала…

Ну и конечно, кликуху ему придумали – куда ж без кликухи в плотном мужском коллективе? Подхозняк. От смеси фамилии и основного рода деятельности. Вот так он и жил-служил. Даже по итогам проверок жменьку знаков заработал. Но прославился Подхозняк совсем не этим.

То лето было очень урожайным. Причём, на крыс. Проблема эта давно существовала, но в предыдущие годы не носила масштаба вселенской катастрофы. Серые твари на подхозе обитали всегда, во все времена и при всех начальниках со старшинами. Эти самые старшины перманентно боролись с напастью, добывая, где и как могли, всяческую изуверскую химию для коварной потравы грызунов, но это помогало мало – нахалюги жрали отраву, как конфеты, какое-то время болели, но быстро выздоравливали и вскоре приходили просить добавки. Новая разновидность ОВ,[189] как правило, тоже эффекта не имела – крысы жирели и лоснились, совсем не собираясь покидать вкусно-уютный уголок в подхозном подполье.

Но раньше численность нахлебников все-таки имела разумные пределы. А вот тем летом… То ли поедаемая химия положительно сказалась на половой функции грызунов, то ли Вселенский Разум решил, что на нашей планете пора менять доминирующий вид, сие осталось загадкой, а вот факт остался фактом. Крысиная экспансия приобрела угрожающие размеры.

Первой каплей стал большой шухер как-то ночью на собачнике. Неожиданно посреди ночи все собаки, до этого спокойно дрыхнувшие,

подорвались и устроили такую какофонию, что подскочила вся застава – все отлично помнили последний визит голодной росомахи. Похватав все режуще-колюще-стреляющее, что подвернулось под руку, воинство бодро рвануло на собачник, где сильно удивилось полному отсутствию противника. Но барбосы продолжали брызгать слюной метров на пять, что говорило о том, что враг все-таки где-то окопался. Стали искать. И нашли. Экспедиционный корпус из десятка крыс, нахально шурующий в клетушке, где собакам харч варили. Силы были явно не равны, и разведка врага полегла вся без остатка. Но успокоения это не принесло: раньше серая сволота в таком количестве и так далеко от подхоза не объявлялась. Так только, крысёныш-другой в рамках познания окружающего мира пробежит по лужайке перед подхозом, и все.

А вот последнюю каплю накапала первая леди заставы. Она, как обычно, пришла получить у Подхозняка оброк в виде банки молока, но в момент принятия продукта на свой баланс откуда-то с потолка ей на плечо брякнулась здоровенная крыса. Леди огласила окрестности восторженным воплем, отпустила банку в свободное падение и решила поиграть в голодного гепарда. То есть уверенно держа курс на офицерский дом, припустила с высокого старта и с неописуемой скоростью. Крыса тоже сильно удивилась встрече и также показала рекордные результаты в спринте.

Призовые места в этом забеге распределились следующим образом. Первое место досталось грызуну, под радостный писк соплеменников быстрее всех достигнувшему финиша в норке. Второе место заняла жена начальника, ураганом пронёсшаяся по заставе и дурным визгом доложившая мужу о крысе-десантнике. Третье место уверенно заняла банка с молоком, долетевшая-таки наконец до пола и там громко разбившаяся на 253 осколка. Поощрительное четвёртое место занял сам начальник заставы, должным образом проинструктированный супругой и ворвавшийся на подхоз с «макаром»[190] наголо. Подхозняк, ввиду малой тактовой частоты центрального процессора не успевший обработать столь стремительно передвигающиеся объекты, в забеге не участвовал…

Всё. Надо было принимать решительные меры. Первым шагом начальника стало подтягивание резервов. Резервы имели вид бидона из-под молока, с величайшей осторожностью выгруженного с

хлебовозки. Внутри бидона оказался здоровенный серый котище самого бандитского облика: пол-уха нет, вся морда в шрамах и на правом борту вырван клок шерсти. К тому же хищник имел явно уголовные замашки. Когти веером, взгляд исподлобья и лексикон соответствующий: материть волков позорных он начал ещё в пути. Знакомиться с бандюком поближе никто не решился, и бидон решили открыть прямо на подхозе. Как предполагалось планом генерального сражения, котяра за ночь должен был сильно потрепать серых супостатов, а утром Подхозняк должен был собрать трупы и угостить бойца чем-нибудь вкусненьким.

На утро собралась влиятельная приёмная комиссия – начальник, старшина, Подхозняк с ведром и лопатой, а также все свободные от службы в качестве группы поддержки. Придирчивый осмотр подхоза павших грызунов не обнаружил. Кота также не увидели. Начальник со старшиной совсем уж было впали в задумчивость о тщетности всего сущего, но тут Подхозняк обнаружил котяру. Тот сидел на какой-то балке под потолком и усиленно прикидывался ветошью. То есть спускаться отказывался наотрез. Даже предложенный кусок колбасы не произвёл на него впечатления – кот, за ночь набравшийся манер английского лорда, заявил, что отныне он вегетарианец и потреблять животный протеин, особенно крысиного происхождения, это дикое варварство и вся Европа от этого давно отказалась. Так и просидел под потолком весь день. Что было ночью на запертом подхозе, загадка века, но утром кота нигде не было. То ли кот сквозь стены эмигрировал к сопределам, то ли просто телепортировался на родную помойку – неясно, но его больше никто не видел.

А проблема сама собой не рассосалась. Наоборот, отбив первую атаку, крысиное воинство обнаглело настолько, что Подхозняк моментально попал в группу риска – крысы начали просто вырывать свинячий корм из рук, так и норовя отхватить заодно и палец.

Упавшее было знамя подхватил старшина, больше всего любивший Фенимора Купера и газету «Правда». Он почерпнул из газеты новое мышление и желание ускориться, интенсифицироваться и коренным образом перестроиться, а от Купера – идею, как это сделать.

Как известно, за каждый скальп индейца звёздно-полосатые антиподы платили душегубам звонкой монетой, вот и старшина решил

перейти к подобным рыночным отношениям. Был объявлен приз. За каждый десяток дохлых крыс – банка сгущёнки. Воодушевлённое такой щедростью народонаселение заставы рвануло на истребление грызунов. Но как??? Догнать улепётывающую крысу не получалось: они, гады, нарыли окопов по всему полу, куда и ховались от сладкоежек. Попасть булыганом в стремительного зверька тоже не всегда получалось, к тому же получив по организму каменюкой, подлые твари уползали умирать к себе в подполье, напрочь лишая охотника драгоценного скальпа. Лупить одиночными никто не решался: стены подхоза были тонковаты и запросто пробивались даже из «макара», а подстрелить кого из своих никто не хотел – старшина сгущёнку выдавал только за крысиные шкурки.

Постепенно энтузиазм помножился на ноль. Начальник, сам теперь получающий молочную дань, тихо сатанел и грозился всю скотину передать соседям, а подхоз спалить к чёртовой матери. Даже не взирая на все её??? (чьи?) протесты. Перспектива остаться без молока и сала бойцов вдохновляла мало. Не то чтобы призрак голодной смерти замаячил на горизонте, просто в армии пожрать любят все, особенно солдаты, а положенный казённый рацион кулинарными изысканиями особо не баловал. И вот тут как раз и произошло очередное путешествие Подхозняка в соседний астрал: он опять впал в задумчивость…

А когда вернулся назад, то пришёл не с пустыми руками – он притащил полное ведро дохлых крыс. Ровно двадцать штук. Копеечка в копеечку, хвостик к хвостику. Слегка офигевший старшина без всякой волокиты выдал две банки сгущёнки и даже не стал возникать, когда наглый Подхозняк ночью пошел на кухню варить эти углеводы. К чести отважного карела, жмотом он не был, и все ночные наряды теперь не просто грызли печенюшки из доппайка, а намазывали их сантиметровым слоем варёной сгущёнки.

На следующий день история повторилась: ровно двадцать штук, в аккурат на две банки. И на следующий день тоже. Так и пошло. Глядя на стремительное сокращение запасов сгущёнки, старшина было заподозрил, что одни и те же тела усопших грызунов ему показывают по несколько раз, но крысиное кладбище росло на глазах, а вот запасы живых пасюков падали стремительнее запасов сгущёнки. Все было честно… Но очень загадочно…

Вся застава ломала голову, как Подхозняк, без шума и пыли, научился так изводить серых. Сам он на все каверзные вопросы отмалчивался, предпочитая просто ухмыляться чему-то своему, посторонним непонятному. На подхоз к себе он никого из сослуживцев не допускал, а начальник со старшиной, боясь спугнуть удачу, лишний раз там тоже не отсвечивались. Так эту напасть и победили… Вернее победил… Подхозняк… Один, в гордом одиночестве…

Разгадка пришла неожиданно. Осенью, когда старшина решил проверить зимнее снаряжение, ну там лыжи-валенки-снегоходы, недоставало одной единицы «палки лыжной алюминиевой». Вот тут все и открылось. Раскололся Подхозняк, что это он палку свистнул, чтобы крыс победить. Думаете, он их палкой забивал? Или сделал волшебную дудочку, заслышав которую, все грызуны теряли волю и шли на убой? Не-е-е-е-е-е… В соседнем астрале такому примитиву не учат… Все хитрее было.

Помните фильм «Остров Сокровищ», где Золотухин из большой трубки стрелами плевался? Фильм, конечно, детский, но и он смог вогнать Подхозняка в задумчивость. Отважный борец с грызунами спёр у старшины палку, отпилил острие и снял с неё ручку. Получилась длинная трубка. Не хуже золотухинской. Потом заказал хлебовозникам контрабанду в виде вязальных спиц – кружок кройки и шитья на заставе был, а вот кружка вязания, как и спиц, не было. Затем привязал кружок поролона для уплотнения и тщательно заточил полученную стрелку. Убойность снаряда была дикой. Спица пробивала крысу насквозь и пришпиливала вражину к полу. Главное – попасть, а Подхозняк на свою целкость никогда не жаловался – он у себя там, в лесах исторической Родины, натренировался белку в глаз бить (там все белки так и ходили – с подбитыми глазами). А уж в крысу, да ещё в упор! Оставалось только подойти и произвести контрольный выстрел каблуком…

Все!!! Прапор, готовь сгущёнку!!!

Вот так скромняга Подхозняк и вогнал вредную фауну в прежние рамки – полностью крысиное поголовье только ядерный взрыв мог уничтожить. Да только теперь его Подхозняком никто не звал. По другому прозвали. Догадываетесь как?

Правильно, *Бен Ганн* .

ПСБ Сработка

Маленький ликбез для непосвящённых.

Что такое сработка? Это когда срабатывает сигнальная система. А что такое сигнальная система? Это безумные километры колючей проволоки, намотанные вокруг необъятных просторов нашей Родины. И когда две нитки этой колючки замыкают между собой, или реже – рвутся, то и происходит эта самая сработка. И тогда к месту замыкания-разрыва устремляется команда любопытных человеков в зелёных фуражках, называемая тревожной группой или просто – тревожкой, с целью посмотреть, какой гад противный замыкает-рвёт казённую колючку? А чтобы остальным пограничникам не было обидно за неудовлетворённое любопытство, их всех выгоняют на перехват возможного нарушителя границы, где у них есть все шансы с этим нарушителем познакомиться поближе. Эта группа называется – заслон. Вот, собственно, и все. Довольно просто. Но вот как эта самая реакция на сработку выглядит со стороны, это целиком и полностью зависит от смотрящего…

Взгляд на сработку киностудии им. Довженко

Звучит Трубный Глас сирены, означающий нарушение Государственной Границы. Ранее, в предыдущем фильме, эти звуки означали неожиданный налёт Люфтваффе на Крещатик. Из-за угла появляется колонна пограничников, бегущая в ногу и построенная по росту. Все в новенькой форме, на штанах – свеженаглаженные стрелки, об которые можно запросто порезаться, вокруг свежевымытых шей – свежеподшитые подворотнички ослепительно-белого цвета, крючки застёгнуты, в сапоги можно глядеться, как в зеркало. На мощной груди каждого – куча красивых значков, медалек и прочей бижутерии, имеющих к погранвойскам такое же отношение, как золотое кольцо в носу к почётной медали Конгресса. У всех на суровых лицах сосредоточенная озабоченность безопасностью страны. Впереди – старый, мудрый прапорщик, переловивший на своём веку столько нарушителей, что ими можно было заново наполнить всю Колыму.

В предыдущем дубле все бежали в пилотках, но сторож Грицько, ранее живший на кордоне и за это взятый консультантом, точно помнил, что пограничники бегают исключительно в зелёных фуражках.

Колонна подбегает к длинной стойке с автоматами. Длина стойки такова, что конец её скрывается за горизонтом. Прапорщик на бегу хватает первый «калаш», все остальные, не останавливаясь ни на секунду, – последующие. Магазины, понятно, уже пристёгнуты.

Торжественное построение на плацу, где группа офицеров в новеньких кителях и галстуках, сосредоточенно склонилась над картой. Сурово-торжественная речь – и все бодро садятся в кузов свежевымытого грузовика.

Тем временем, тревожная группа преследует опасного нарушителя. Тот, понятно, отстреливается, кидается гранатами и выкрикивает антисоветские лозунги с сильным американским акцентом. Старший группы, молодой и очень отважный замполит, придерживая левой рукой фуражку, а правой поминутно поправляя галстук, бежит хитрым галсом, уклоняясь от вражеских пуль. В перерывах между противопульными зигзагами, он подбадривает подчинённых – сплошь отличников боевой и политической подготовки.

– Товарищ лейтенант, разрешите приступить к задержанию нарушителя Государственной Границы? – спрашивает здоровенная чепрачная овчарка, хищно внюхиваясь во вражеские следы.

– Товарищ Джульбарс! Вам приказываю задержать нарушителя Государственной Границы! – достав «макара» и передёрнув затвор, торжественно командует замполит.

Отважный Джульбарс, разогнавшись до скорости голодного гепарда и перекусив на лету парочку пуль, устремляется к подлой вражине. Замполит, поминутно передёргивая затвор, устремляется следом с той же скоростью.

Вот и повержен враг! Со снизившегося вертолёта выпрыгивает группа поддержки в полсотни человек с командиром отряда во главе и всеми штабными в качестве свиты. С подъехавшего грузовика строем вываливается все остальное население заставы. Массовка по численности становится сравнима с «Войной и миром».

Все смотрят на связанного нарушителя, который извивается, как змей на сковородке и пытается перегрызть себе вены. Или хотя бы раскусить ампулу с цианидом в воротнике… Или проглотить важный пакет… Или застрелиться из хитрой папиросы… Но все тщетно – мудрый прапорщик пресекает все попытки на корню.

А в самом конце, пока командование рассматривает отбитые у врага карты с расположением секретных фекальных коллекторов, все остальные запев про не-плачь-девчонку, с развёрнутыми знамёнами, стройными рядами уходят за горизонт.

Учебная сработка

Образцово-показательная застава образцово-показательного отряда. Ночь. Образцово-показательный «отбой». Все спят на правом боку в уставной позе, засунув ладошки под щёчку. Полная тишина. На банкетках перед кроватями идеально сложен чистейший камуфляж. Глядя на построение тапочек у кроватей, почётный караул у Мавзолея дедушки Ленина заливается краской стыда за свои расхлябанность и раздолбайство. Все замерли в ожидании неожиданной сработки в 4-20 утра.

На плацу – группа проверяющих. Одни с секундомерами, другие с лампасами, но сыто-коньячный выхлоп и строго-хищный взгляд у всех. Наступает 4-20. Главный вальяжно кивает огромной фуражкой, и начальник заставы строевым шагом подходит к микрофону.

– Застава!!! В ружьё!!! – говорит он голосом Левитана и нажимает гашетку на секундомере.

Заученно не мешая друг другу, все вскакивают и почти синхронно начинают одеваться, попутно побивая все рекорды. Дежурный в идеально отглаженном камуфляже с красивой повязкой на рукаве и с ярко начищенными знаками гостеприимно распахивает дверцы оружейки. Через пару минут все на плацу. Вооружение-снаряжение полностью, все необычайно бодры и задорны – зевают только собаки. Тревожка без суеты прыгает в новенький УАЗик и быстро уносится. Весь остальной физиологический раствор спокойно заливается в «шестьдесят шестой» и тоже покидает расположение. Проверка, полюбовавшись солидностью погрузки, торжественно рассаживается в

свои лимузины и, не торопясь, следует к месту задержания особо опасного нарушителя.

– Слышь, старшой, ты глянь – опять Ваську Тюлькина в нарушители определили – шепчет овчарка своему вожатому – Снова, поди, нажрался, да замполита на фуй послал. Или к жене начфина опять клеился, кусяра озабоченная.

– Молчи давай! Сейчас твой выход будет. И смотри у меня, не как в прошлый раз, не за пятку его хватай, а толкай лапами в спину как учили! – сердито шепчет вожатый. – Вот и генералы подъехали. Внимание… Ф-а-а-с!!!

Весело виляя хвостом, барбос подбегает к нарушителю:

– Вась, здорово! Ну, как оно, ваше драгоценное? Головушка не бобо?

– Ты, это… Быстрей давай… – тяжело дышит с жестокого перепоя прапорщик Васька. – Сил уже нет по сопкам бегать…

– Ну, а чего ты тогда скачешь? Падай давай – я тебя уже поймал.

Нарушитель падает в мох, а над ним, нацепив на морду уставной оскал, грозно стоит овчарка. Подбежавшая тревожка не менее грозно лязгает затворами незаряженных автоматов и берет нарушителя на прицел.

– Таращ ген-рал! Учебный наруш-тель условно зад-р-жан! – делает вид, что очень запыхался, старший тревожки. Вся остальная группа устало вытирает пот и счастливо улыбается. Вывалившая язык собака, тяжело привалившись к ногам вожатого, словно подтверждает всю сложность задержания опасного нарушителя…

Благодарности, знаки, внеочередные отпуска и прочее образцово-показательное счастье было не за горами…

Реалии нашей жизни

Спальное помещение. Глубокая ночь. Синий фонарь над входом скупо освещает три десятка тел, спящих в самых разнообразных позах. Сонное бормотание и нервное дрыганье конечностями во сне. С тяжёлым дыханием может сравниться только тяжёлый дух казармы. Начавшийся было храп прекращает неведомо откуда прилетевший тапок, попавший храпящему бойцу по окончанию пищеварительного

тракта. Тихонько входит сменившийся наряд, устало опускается на банкетку и, немного посидев, начинает, не торопясь, раздеваться – улыбнуться предстоящим трём часам сна сил уже нет…

– Пи… Пи… Пи… – самый противный звук на свете – это звук сработавшей системы. Наверное, так и звучит сигнал к началу Апокалипсиса.

– Мля-я-я-ять!!! – все мгновенно проснулись, но продолжают лежать в тех же позах, усиленно молясь всем богам, чтобы это очередной наряд забыл предупредить дежурного, что проходит через калитку, тем самым и рождая этот самый противный звук. Ведь в прошлом году так уже было… Авось, пронесёт…

– Застава, в ружье! – обречённо выдыхает дежурный – Четвёртый левый!

Все подрываются и, с помощью какой-то матери, умудряются с почти закрытыми глазами за пару секунд одеться. Организм действует на автопилоте, выполняя в тысячный раз ненавистное упражнение. Концентрация мысленных матюгов в данном кусочке ноосферы превосходит все мыслимые пределы. Такое чувство, что маты-перематы можно потрогать руками. Но без этого никак нельзя. Без подобного допинга мозги никак не проснутся, а уставшее тело криво намотает портянки и натянет чужие сапоги.

Вот в такие минуты злость нужна. Злость и агрессия ко всему остальному миру. Тогда появятся силы, и тогда все будет нормально… А ещё доброта нужна. Доброта и забота к своим друганам, бухающим сапогами рядом. И если в душе все это закипело, то тогда на этих двух полюсах, на этих двух потенциалах, и появляется напряжение, дающее тот самый ток, что приводит в движение всю машину погранзаставы.

А время бежит… Быстрее надо, быстрее…

Чёрт, портянки не просохли… А, кстати, где я сегодня? А, мля, точно – в заслоне, Лехин черед в тревожку лететь… Станция без аккумуляторов – а как они могут за два часа зарядиться? Ладно, ещё один – в мешок, на всякий случай… А вот и хрен тебе на рыло, хитрожопость майская – ты фонарь хватай… И подсумок мокрый… АКС, железяка любимая, как же ты мне надоел… И чего б тебе не весить чуть-чуть поменьше… Алё, народ! Какая редиска мою трубку прихватила?

Быстрее надо, быстрее…

Ага! Тревожка уже стартанула – дай им Бог побыстрей разобраться, что там замкнуло… А комтех уже вторые сутки на ногах – хрен он там всё быстро просечёт… Блин, антенну забыл… Да тут я уже, лейтенант, тут… Командуй давай – материться потом будешь…

Быстрее надо, быстрее…

Гремят сапоги по трапику в кузов «Шишаги»… Чёрт, иней выпал – не поскользнуться бы… Всё, тронулись… До четвёртого минут пятнадцать – можно немного помедитировать…

К машине!!! Замполит, ну чего ты так орёшь? Всех «яшек» распугаешь… А я вот тут вот, под кустом… Так, станция… Как частота? Как всегда – полный ажур… Три щелчка тангентой… Есть контакт – мы-то всегда на приёме, это вы давайте решайте, кто там систему беспокоит… Станцию аккумулятором в куртку, под брюхо – он и так почти разряжен, а на этой холодрыге и вовсе загнётся… Бр-р-р… Надо было рукавицы взять, а не трехпалки… От мокрой земли холод плавно, но неуклонно пробирается в организм, а шевелиться нельзя… Черт бы побрал это Заполярье… А в глаза хоть спички вставляй – все равно слипаются… Ну что они там копаются? Скоро час как валяемся…

Всё… Отбой… Два пальца в рот – ну вылитый Соловей-Разбойник… Вылазьте, дети подземелий – наши опять победили… Есть, тарищ лейт-н-т… Саня, лови трубу – вызывай транспорт – вон розетка… Какой все-таки уютный кузов в нашем «шестьдесят шестом»… Хорошо, что есть на свете это счастье – путь домой…

Усталые, продрогшие и промокшие мы вваливаемся на заставу. По физиономии дежурного сразу видно, что беготня была опять вхолостую. Уже третья за последние сутки – начинается осень. Сырость, мля… Вот и замыкает…

Все снаряжение – в ящик, все мокрые шмотки-манатки – в сушилку, авось, успеют просохнуть. Аккумуляторы – на зарядку, кушайте родные… Кровать. Простая железная кровать – нет зрелища прекраснее на свете… Блин, мужики, завязывай байки травить – нам с Сашкой в наряд через два часа…

Спальное помещение. Синий фонарь над входом скупо освещает три десятка тел, спящих в самых разнообразных позах. Сонное бормотание и нервное дрыганье конечностями во сне. С тяжёлым дыханием может сравниться только тяжёлый дух казармы…

Solist Эпизод

Серёга встал первым, прошлёпал босыми ногами по полу до распахнутого окна, выглянул наружу, после чего с хрустом потянулся и выдал фразу, от которой у двоих его соседей по комнате разом слетела утренняя дремота:

– Да-а-а! Если бы я родился женщиной, то был бы блядью! – Серёга повернулся и, увидев наши отпавшие челюсти, смутился и пояснил: – Ну… это я… в фигуральном смысле…

Сам вид смущённого Серёги впечатляет, поскольку ещё с училища абсолютное большинство однокашников и сто процентов преподавателей небезосновательно считали, что совести и стыда он лишён полностью. Циник и бабник под сто кило весом со своеобразным чувством юмора – а вот, поди ж ты, наш вид его смутил. А когда мы с Константином расхохотались, вконец засмущавшийся Серёга схватил чайник и ретировался.

Нас троих сдёрнули с главного Кавказского хребта и на перекладных, попутными бортами отправили, и сделали это так быстро, что мы очухаться не успели, как нас уже разместили в отдельной комнате то ли гостиницы, то ли ДОСа. Три кровати, три тумбочки, стол, стулья, шкаф и поднос с графином и тремя стаканами на холодильнике. Но есть ряд отличий от обычной гарнизонной гостиницы: мебель вся отличается качеством и удобством, я таких в гостиницах не видел даже в люксах, на полу в коридоре ковровые дорожки, пол блестит паркетом, а когда я увидел местный санузел, то подумал, что нас ненароком подселили к космонавтам. Нет, биде там не было, но всё остальное было и даже работало! Что, улыбаетесь? Вы просто не видели ванной комнаты в гостинице славного города Нальчика, где из всех аксессуаров наличествуют слив в коричневом кафельном полу и торчащий из зелено-масляной стены смеситель с направленным вверх обрубком трубы; остальное – в конце коридора.

Но самое главное – вид из окна; дорога, поле, рощица в трёхстах метрах от нашего четырёхэтажного здания, и все это – Подмосковье!

В первый же вечер Константин ушёл в «самоволку». Нам, конечно, никто не запрещал покидать номер. Провожатый в звании

старлея, уходя, сказал: «Располагайтесь и ждите». Но у Кости особый случай, его отец учится в Академии, сейчас должен быть в столице, мать тоже, а когда приведётся в следующий раз повидаться – черт знает!

Под утро он вернулся, нагруженный снедью на десятерых (мама постаралась) и с двумя бутылками настойки на кедровых орешках от отца (спасибо вам, тащ подполковник!). Серёга тоже вышел «покурить» часов в девять вечера и вернулся только с Константином. Хорошо, что нас поселили на втором этаже.

О букете и вкусовых качествах той настойки следует писать отдельный рассказ, сейчас я этого делать не буду, скажу только, что по ощущениям – чистая амброзия! А под закуску, которой снабдили Константина, это просто неописуемо! Но зло употреблять всю имеющуюся драгоценную жидкость мы не стали, закуску положили в холодильник, а содержимое бутылок перелили в имевшуюся у Константина фляжку из-под спирта. Недолго думали, куда девать спирт, которого во фляжке было под закраину, и перелили его в пустой графин. Получилось почти треть графина. Переглянувшись с Серёгой, достали свои фляжки и тоже опорожнили в графин. Наполненный спиртом почти полностью, он более соответствовал нашим эстетическим вкусам на тот момент времени, не в последнюю очередь благодаря выпитой настойке, я думаю.

Легли спать уже на заре. В девятом часу в дверь постучали, и вчерашний провожатый, старлей, возник в дверном проёме. Мы как раз приканчивали завтрак и предложили старлею присоединиться. Отразившаяся на его лице смена чувств нас насторожила, и мы вопросили, в чем дело. Старлей прикрыл за собой дверь, кивком поблагодарил за поданный ему бутерброд и выдал военную тайну:

– Проверка. Оттуда, – указал пальцем на третий этаж и запихнул бутерброд в рот целиком. Уходя, он обернулся, – Приберите тут.

Дык, делов-то, прибраться. Остатки завтрака запихнули в холодильник, оправили постели, посмотрелись в зеркало – сойдёт пока, но нынче надо купить новые лезвия.

Проверку осуществлял не кто-нибудь, а целый генерал-майор. При нем находились бравый полковник и просто майор настолько прощелыжно-интендантского вида, что никаких сомнений в его

должности не оставалось. При всем при том из сей живописной группы он выделялся округлостями в талии и красным цветом лица.

Товарищ генерал смотрел милостиво; увидев наши загорелые физиономии, поинтересовался, откуда мы прибыли, завёл разговор о ЗакВО,[191] начал расспрашивать про своих знакомцев оттуда. Мы, несколько смутясь, отвечали и строго по уставу ели начальство глазами. Надеюсь, что это именно так и выглядело для генерала, ибо на самом деле все наше внимание было приковано к движениям за его спиной. Майор, выглядевший не самым лучшим образом вследствие утреннего сушняка, быть может, обратил внимание на наполненный графин. Схватив его, он налил себе полный стакан его прозрачного, высшей очистки (вследствие чего не имеющего почти запаха) содержимого и опрокинул в себя. По мере того, как жидкость вливалась, его лицо начало приобретать более насыщенный цвет, глаза заслезились и заметно округлились. Когда он допил, на его вспотевшем лице вдруг мелькнуло испуганное выражение, ибо организм требовал выдохнуть воздух, он рвался наружу, но позиция майора была такова, что сделать это он мог только в спину приезжего генерала, или в лицо местного полковника, стоящего рядом. В какую-то минуту эта борьба читалась на его страдающем лице, после чего он предпочёл офицера ниже рангом. Когда выхлоп майора достиг ноздрей полковника, тот встрепенулся как боевой конь! Казалось, только присутствие генерала не дало ему начать бить копытом, причём по этой красной лоснящейся морде! А мы втроём, стоя навытяжку перед генералом, молча наблюдали эту пантомиму за его спиной – с игрой бровями, показыванием кулака и характерной артикуляцией губами.

Генерал удовлетворил своё любопытство, пожелал нам успехов и отбыл восвояси, сопровождаемый двумя старшими офицерами. Стоило двери сомкнуться за их спинами, как Серёга одним прыжком достиг холодильника, схватил графин со стаканом и рванул в ванную, откуда мы услышали плеск и рёв открытого в полную силу крана.

Минут через пять без стука в дверь вошёл давешний полковник, молча взял графин, открыл, понюхал, и так же молча поставил на место. Осмотрел нас, покачал головой и ушёл, козырнув.

Минут через двадцать пришёл майор, налил из графина полстакана, понюхал воду, попробовал, печально посмотрел на нас, тяжко вздохнул и вышел.

P.S. – Серега, а ты весь спирт вылил?
– Да ни капли!
– ???
– Я в чайник перелил.

Стрелок Засада

Колонна готовилась к выходу. До времени «Ч» оставалось чуть больше суток.

Это была не совсем обычная колонна, которые с определённой периодичностью ходят по пыльным горным дорогам через перевалы, доставляя грузы и забирая раненых. Она должна была доставить оружие и боеприпасы небольшому пограничному отряду, прикрывавшему южную границу.

Отряд там был поставлен не так давно, и располагался в одном из горных кишлаков, жителей которого осталось не так много. Местные восприняли появление отряда скорее с пониманием, нежели с неприязнью. Во всяком случае, периодического появления мелких бандгрупп можно было не опасаться. Да и пограничники старались помогать жителям продуктами и всякой хозяйственной мелочёвкой. В общем, с появлением отряда в этом месте, жизнь стала более мирной.

Отряд перекрывал сложный, горный участок границы, через который периодически пытались прорваться разрозненные группы моджахедов. Постоянно бойцам отряда приходилось пресекать попытки ухода таких групп на сопредельную территорию, и с каждым разом эти попытки становились все более агрессивными.

Изначально планировали выслать несколько вертушек и отправить все необходимое по воздуху. Но в последние несколько дней погода сделала это невозможным. Во время очередной связи с отрядом были согласованы время и маршрут следования колонны, а также варианты прикрытия на пути следования.

Ранним утром из отряда вышла разведывательно-поисковая группа, в задачу которой входило отследить движение колонны на маршруте.

– Как же все это надоело! – опять пришла знакомая мысль. Уже шёл третий месяц командировки. Мелкий, промозглый дождь добавлял ещё большего уныния; казалось, что каждая ниточка в одежде мокрая насквозь. Очень хотелось курить, но даже мысль об этом казалась предательской. Осталось одно желание – закрыть глаза и в один миг

оказаться дома, в сухости и тепле, просто растянуться во весь рост на диване, и слушать, как на кухне бубнит радио.

В ухе зашипел наушник радиостанции:

– Всем внимание! Начинаем движение! Вторая передача. Дистанция между машинами 10 метров!

Несколько БМП-шек одновременно фыркнули, выпустив клубы чёрного дыма, и нетерпеливо скакнув, двинулись вперёд.

Когда сидишь на броне, осматривая уходящий вверх склон, то каким-то, не установленным, чувством чувствуешь, как на тебя смотрят. Но не просто смотрят, а выцеливают выстрел. Выстрел, так, чтобы сбоку, наискосок, чтобы броник не помешал, не дал рикошета.

Ты сам все это знаешь, понимаешь и ничего не можешь сделать, потому как не видно, кто и откуда смотрит, где затаилась смерть! Это станет понятно потом, когда он выстрелит, а сейчас ты готов распластаться, раствориться, сделать своё тело, как можно меньше, а ещё лучше вообще быть не здесь.

Именно это чувство позволило почувствовать беду впереди, замаскировавшуюся и ждущую всех нас среди камней. Именно оно, а не грохот выстрелов пулемётной очереди, не грохот разрывов гранатометных выстрелов, проникающих в стальную броню, как в масло, и выжигающих раскалённой струёй все живое внутри, позволило кинуться под прикрытие спасительного склона на миг раньше несущейся навстречу смерти.

Оцепенев от леденящего душу ужаса и увернувшись от раскалённого языка смерти, налетевшего со спины, ты ждёшь, вжавшись всем телом в камни, слыша, как рядом впиваются пули и крошит каменные глыбы рой осколков. Что-то проясняется; видно, как валуны на склоне подсвечиваются вспышками, трассами очередей, как откуда-то с самого верха, оставляя еле видимый след, в броню вгрызается ещё один выстрел. Как со второй машины срывает башню, и, оставляя чёрный, жирный, дымный след, она улетает в сторону. Третья машина, резко отпрыгнув назад, поднимает ствол, одновременно поворачивая башню, огрызается выстрелами. Стены ущелья многократно усиливают грохот боя. Смерть грохочет и разлетается рядом с тобой, градом пуль и осколков. На мгновение все стихает – есть передышка; вскакиваешь и делаешь пару шагов, выстрел, вновь падаешь за спасительный камень.

Опять долгие секунды ожидания. Пули ложатся совсем близко, каждая из них способна убить. Превратить тебя, живого человека, в труп. Из-за этого камня видно, где укрылся пулемётчик, и есть возможность его достать. Только головы поднять не даёт шквал огня, обрушенный в глубину ущелья.

Вновь БМП, уже дёрнувшись вперёд, работает по склону из пушки. Опять передышка, вскакиваешь, петляя, перебегаешь, вновь камень. С разных сторон слышатся короткие очереди, разрывы гранат, крики, стоны раненых. В сетке прицела, скрываемая камнями и черными клубами дыма, различается голова «духа». То появляясь, то исчезая за камнями, он простреливает все открытое пространство ущелья. Сердце стучит как бешеное, и в голове только одна мысль:

– Его надо достать!

Нужно всего пару-тройку секунд, чтобы прицелиться и выстрелить. Всем телом чувствуешь, как твой камень содрогается под ударами пуль. В такую минуту все решает одно мгновение, в тот момент, когда, плюнув на все, высовываешься из-за спасительного укрытия, и тебя не остановить. В бровь привычно упирается наглазник, в сетке в такт ударам сердца пляшет голова пулемётчика, выдох, пауза, спуск, выстрел. Вновь перебежка, вновь камень, где-то совсем рядом расколола камень его последняя очередь. Пулемёт осёкся и замолчал.

БМП, медленно двигаясь вперёд, подошла к горящей машине. Фыркнув двигателем, упёрлась, и с надсадным воем пытается столкнуть её с дороги. Первый шок прошёл, оставшиеся в живых перебрались под защиту брони, со склона все реже раздавались короткие очереди. «Духи» уходили.

Из-под днища передней машины периодически слышались скупые очереди, два-три патрона. Там ещё был кто-то жив. Это позволяло перебежками двигаться вперёд. Во всей этой суматохе ты подчиняешься только инстинктам. Поднялся, перебежка, выстрел, упал. Опять перебежка, сзади прикрывают. Слышно, как пули зловещей дробью стучат и плющатся о броню. Вокруг дым, запах гари, и ещё один сладковатый, палёный. Кто-то, оттолкнув тебя, двигается вперёд, к первой машине, ты прикрываешь. Сзади, гулко ухая по ущелью, работает БМП. Вращая башней, поливает из пулемёта

последние очаги сопротивления среди камней. Все, тишина, кто уцелел, ушли.

Среди этого хаоса сгоревших и покорёженных машин, каменного крошева, стреляных гильз, пыли, дыма слышны мат, стоны раненых, крики живых, оглушённых грохотом боя, закопчёных ребят. Ты сидишь, привалившись к камням, с непониманием оглядываешься по сторонам, тебе что-то говорят, машут руками, кто-то подходит, тряся за плечо, протягивает флягу, ты не видишь, тебя здесь нет, ты ещё там, до того, как начался весь этот ад!

Steel_major Обычный полёт

– Мужики, вставайте, – мстительно и громко объявил Олег Сазыкин.

Не знаю, как в транспортной, а в пограничной авиации обычно штурман играет роль «утреннего петуха». Не надо ржать, я в хорошем смысле. В его негласные, но свято соблюдаемые обязанности входит встать на полчаса-час раньше экипажа, сходить на АДП,[192] узнать погоду и прогноз по маршруту и пункту посадки, узнать судьбу заранее поданной заявки на вылет (или подать таковую, если накануне не до того было). После этого надо вернуться или позвонить и сообщить командиру собранную информацию, чтобы тот принял решение на вылет. Бывают, правда, такие случаи, когда не то что штурману – ёжику ясно, что нефиг даже дёргаться на вылет. В этом случае штурман прокрадывается обратно, чтобы никого не разбудить и вползает под одеяло с мыслью добрать свои полчасика-часик украденного службой сна. Обычно после этого нас всех ждёт пятиминутка гнева, когда сквозь дрёму взглянувший на часы командир узнает, что на час проспал вылет. Потом все выясняется, но спать уже все равно невозможно.

В тот раз над Анадырем и его ближними и дальними окрестностями погода «звенела». Пришлось вставать и по очереди ползти к единственному крану в лётном «профилактории» – отделённом деревянной перегородкой поперёк коридора закутке анадырской гостиницы, отведённом под отдых экипажей. Какой там отдых… До часу ночи пьянка экипажа московского Ил-а, дым по коридору тяжёлыми серыми пластами, жеребячье ржание гостей московского экипажа – пилотов марковской вертушки, полуголые стюры[193] в коридоре… Нет, мы тоже не ангелы, но часиков в 10 ужин уже закончили и совсем уже хотели поспать, но вместо этого ещё три часа ворочались, возбуждаемые пьяненьким хихиканьем стюардесс. На животе лежать невозможно. Ну и ладно, никто не говорил, что пограничным лётчиком быть легко. Алкаши будут ещё до обеда дрыхнуть, а у нас в 8 утра – медконтроль и на вылет.

В тот год проводилась операция «Путина – (… ну, пусть будет) 94». Во главе погранцов находился изобретательный и деятельный генерал пехотного происхождения Николаев, любимец ЕБНа. И обычные действия по охране госграницы и экономзоны превратились в операции. К этим операциям надо было заранее готовиться, рисовать карты-простыни, регулярно по специальным формам отчитываться об их текущем ходе, а по завершении операции лепить объёмный «итоговый доклад». Времени на собственно охрану границы и экономзоны оставалось всё меньше – «операции» съедали всё свободное время. В августе 94-го года нас выслали на неделю в город Анадырь – проводить операцию «Путина-94», успешно идущую на бумаге уже месяц. Цель проста: обследовать сначала радиолокатором, а затем и визуально с минимальной высоты отведённые нам районы исключительной экономической зоны Российской Федерации. Все корабли, находящиеся там, переписать, а при необходимости и сфотографировать, зафиксировав их место нахождения или ведения промысла. Данные передать в штаб («являющийся необходимым передаточным звеном между нами и вышестоящим штабом»), а при необходимости принять срочные меры для пресечения незаконного промысла. Т.е. низко-низко и громко-громко полетать над мачтами нарушителя, дав ему понять, что Российская Федерация мириться с браконьерством не будет.

В тот год я активно вывозился на должность командира корабля Ан-26, бессменным инструктором у меня был Пасеков Георгий Георгиевич. В обиходе – Георгич, а за глаза для краткости иногда шёпотом – Жора или Жор Жорыч. В моем активе остро не хватало специальных пограничных задач: поиска нарушителя, полётов на ПСС, [194] всяких видов патрульных полётов. Поэтому всю неделю с левой чашки[195] предстояло работать именно мне.

– Куда летим? – поинтересовался диспетчер АДП. Можно подумать, заявку не видел. А может, и видел, но координатные пары, указанные в заявке вместо привычных пунктов трассовых полётов, не воспринял.

– За угол, за Беринговский, – Георгич быстро заполнял графы журнала.

– Надолго?

– Пока горючего хватит, часа на 4-5.

Я все это время уныло топтался сзади, усиленно изображая из себя командира, пришедшего принять решение на вылет.

– Влад, иди на метео, прослушай ещё раз погоду, надиктуй им молитву, забирай Олега, а я на самолёт пошёл.

– Слухаюсь, мон женераль!

Забежал на метео (Олег и правда сидел там, оттачивая на улыбчивых, но несколько перезревших тётеньках своё обаяние). Мне зачитали погоду Анадыря и запасных, а также в районе работы, после чего я в любезно подсунутый микрофон набубнил «молитву» – установленный набор фраз, подтверждающих, что я, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, прослушал все необходимые данные о погоде, проанализировал их и подтвердил «своё» решение на вылет. Вообще разных «молитв» в авиации много. После чего мы с Олегом сбежали вниз по лестнице, перед выходной дверью переглянулись, резко сбросили темп и вразвалочку, прикрываясь местными самолётами, поплелись к своему борту. Наши надежды оправдались – к нашему приходу лайнер не только расчехлили, но и заглушки убрали и воду принесли, и кабель от аэродромной колонки подключили.

– Что, правачина ленивая, – мурлыкнул нам навстречу пухленький, невысокий, похожий на домашнего кота и с табаковскими интонациями в голосе Володя Половцев, борттехник, – на расчехление не успел, воду за тебя принесли, будешь в полете обед готовить.

– Бог подаст, вы Эльдара зачем с собой брали? Пусть и расчехляет, и готовит, а потом ещё и зачехляет.

– Эльдар умеет готовить только «холостяцкую яичницу».

– Как это? – Олег (недавно отправивший жену на материк для сдачи сессии, переходящей в отпуск) уже полез было в самолёт, но, заинтересовавшись, остался.

– Просто. Открыл холодильник, почесал яйца, закрыл холодильник.

– Тьфу на вас! – и Олег полез дальше.

– Ну, мужики, – из двери высунулся недовольный Георгич, – сколько можно трепаться? Пора движки гонять, чтобы в 9 – колеса в воздухе. Наши вылеты у командующего на контроле.

Отгоняли, вырулили, привычно стукнувшись колёсами о торец ВПП[196] (стоянка грунтовая, летом пылиш-ша!), взлетели. Заняли 1000 метров. Под самолётом справа проплывают серо-рыже-зелёные

чукотские тундровые пейзажи. Слева сине-серое море до самого горизонта. Миновали Дионисия – неведомо как взявшийся на побережье анадырской тундры высоченный каменный пуп. Вскоре наш бортмеханик Эльдар Рахматуллин принёс свежего чая. Мы с командиром попили по очереди. Пилотировать было легко и приятно. Самолёт как влитой сидел в прохладном утреннем воздухе, пейзаж за окном радовал глаз, погода – «миллион на миллион», в эфире тишина, сзади в грузовой кабине – ни одной сволочи (простите, ни одного пассажира).

– Олег, ну что на локаторе? – Георгич волнуется за будущие результаты радиолокационного дозора.

– А самим посмотреть слабо? У вас там командир молодой, который штурмана контролировать обязан, пусть скажет.

– Влад, звук!

– (Заглянув в чёрный резиновый тубус локатора): Георгич, там пятнышки зелёненькие, и зелёная полоска слева направо бегает. Вот если бы штурвал на кого оставить и минут пять на экран посмотреть, я б разобрался. Так ведь не на кого оставить…

– Олег, ты слышал, командир пилотирует самолёт (складывает руки на не самом маленьком животе), штурвал подержишь?

– Нет целей, командир.

– Командир у вас сегодня Влад, а я инструктор.

– Так я Владу и докладывал.

Я проникновенно отзываюсь: «Спасибо, Олег, один ты меня за командира держишь в этом экипаже». Громко всхлипываю в СПУ.[197] Просыпается Эльдар: «Что, а, уже прилетели?» В СПУ дружный хохот. Забираемся чуть повыше, проходим посёлок Беринговский.

– Эй, два командира, «за углом» 5 целей, пока не снижайтесь, сейчас ещё попрут.

– Эльдар, включай печку, пусть прогревается. На кухне хлеб вчерашний и бортпайки из домика, Федорыч картохи принёс, Влад консервов каких-то. Начинай обед готовить, – Вовка Половцев решил предотвратить опасность нашего похудения. Да и в гостинице кроме быстрорастворимой корейской лапши пожрать нечего. Можно, конечно, на заставу попроситься, но там тоже едой небогато, да и далеко и хлопотно добираться. А на своём борту мы дома.

– Так, Георгич, насчитал 42 цели и сбился. Снижайтесь пока прямо по курсу, там группка из пяти штук, её первой осмотрим.

– Понял тебя, флагман. Так, Влад смотри, действуй по командам штурмана. На каждый корабль строй заход, как на полосу. Но пройти его нужно левым бортом, чтобы флагман его щёлкнул на плёнку. Весь экипаж пытается рассмотреть флаг и название, потом докладываете штурману, он фиксирует в бортжурнале.

– Понял, а заход на корабль по коробочке строить или расчётным углом?

– Как хочешь, только сам не запутайся и не проскочи цель. Федорыч, доложи на базу: «обнаружил 42 цели в 16-м, приступил к работе».

– Понял, – это наш бортрадист, Черняев Михаил Фёдорович, самый заслуженный во всех погранвойсках. Летал ещё срочником на Ли-2, потом остался на сверхсрочную, стал прапорщиком, давно заработал себе на 2 пенсии, но с Чукотки не уезжает и лётную работу не бросает.

– Олег, до скольких снижаться?

– Метров 200 пока, чтобы контакт не терять с основной группой целей.

Впереди по курсу на тёмно-синем атласе моря, переливающимся солнечными бликами, видны маленькие коробочки кораблей. Снижаюсь чуть правее самого правого из них, чтобы потом левым разворотом выйти на него, как на полосу (корабль стоит поперёк нашего курса). 200 метров. Вывожу лайнер в горизонт. Болтанка, дотянувшаяся к нам с пока недалёкого берега, несильно потряхивает самолёт. Перед глазами прыгает стрелка акселерометра. Георгич внимательно смотрит в моё (левое) окно. Я потихоньку подворачиваю по размашистой дуге, целясь в невидимую точку правее корабля.

– Так, Влад, хорошо, снижайся 150 по радиовысотомеру. От корабля далеко не уходи. Олег его должен под углом 30-40 градусов щёлкнуть, чтобы и борт с названием, и суета на палубе видна была.

Корабль стремительно вырастает в лобовом стекле. Со скошенной части палубы сзади в море уходят верёвки с шариками. Промысел идёт полным ходом. С рёвом проносимся мимо корабля. Боковым зрением на палубе улавливаю стоящих с задранными к небу головами людей.

Отвлекаться на большее не хочется, слишком близко к поверхности, велика скорость, набрать «полный рот воды» не хочется.

– Олег, как фото?

– Мелковато, Георгич, надо бы ниже в следующий раз. Название кто-нибудь прочитал?

– Влад? – Жора смотрит на меня, видит остекленевшие глаза молодого пилота, ведущего самолёт на малой высоте, с досадой машет рукой.

– «Комсомолец Горелов», – мурлычет Половецкий

– Флаг?

– Синенький какой-то.

– Ну и х.. с ним, – резюмирует командир, – Влад вправо возьми, там ещё один кормой стоит. И снижайся 100 по РВ.

Я напрягаюсь, имитируя толкание штурвала от себя, но руки, испуганные такой близостью Земли, тут же берут штурвал на себя и вместо снижения самолёт занимает 170 по радиовысотомеру (РВ). Георгич молча упирается в центр штурвала со здоровенным вензелем «Ан», Ан клюёт носом, я с перепугу дёргаю штурвал на себя. 100 метров.

– Вот так и держи, – ухмыляется Георгич. Тут же становится серьёзным, – ч-черт, чайки.

Лайнер минует мечущееся грязно-белое чаячье облако по самому его краю. Сети выбирают, вот они и слетелись. Руки уже устали, оказывается, я сижу весь напряжённый, окаменевший. Сажусь поудобнее, по очереди снимаю руки со штурвала, встряхиваю кистями. Осматриваем, записываем все пять кораблей.

– Так, с этими все, курс 200 на следующую группу.

– Влад, займи 300 по РВ, Федорыч, передай всю информацию базе – пусть проверяют.

Я с облегчением добавляю тяги и тяну штурвал на себя. Кажется, что самолёт тоже с облегчением вздыхает. Штурман щебечет в СПУ, объясняя, как лучше пройти, чтобы за меньшее количество заходов осмотреть побольше кораблей. Ему хорошо, у него в блистер полмира видно, а я в амбразуру лобового стекла, частично закрытую указателем угла атаки и акселерометром, только горизонт вижу.

– Олег, сядь на моё место и попробуй рассмотреть все, что ты наговорил. Пальцем лучше покажи, куда лететь, не выёживайся.

Георгич с Половцевым смеются. Надеюсь, не надо мной.

– С-с-стажер, – издевательски шипит штурман. Он тоже думает, что смеются не над ним, – курс 205. По команде вправо.

Проходит минут 10. Моторы ревут, штурвал мелко трясется, Половцев поправляет режим РУД-ами и зевает. Из грузовой кабины доносятся малоаппетитные запахи. Эльдар раскочегарил бортовую электроплитку, всю измазанную тушёнкой и ЦИАТИМ-ом[198] с прилипшими крошками хлеба, табака и ещё чего-то. Теперь все это выгорает. Георгич морщится и врубает на полную мощь отбор воздуха от движков, то есть вентиляцию.

– Так… снижаемся до 100 метров… вправо 50.

Соображаю. Так, сейчас курс 207… вправо 50, значит… 257 градусов. Одновременно пытаюсь снизиться, не проскочив 100 метров. Георгич с удовольствием из правого кресла руководит процессом: «Ещё чуть-чуть… ещё 5 вправо… много, чуть влево. О, хорошо». На хрена я считал? Сразу бы пальцем показали, куда лететь.

Проходим, фотографируем. Я начинаю привыкать к близости воды, потихоньку наглея, кручу головой. Замечаю название: «Олег, «кореец» был, названием «капитан Привалов».

– Записал, слева посудину видишь, километрах в трёх? Ща её осмотрим.

Подворачиваю. Георгич на правом сиденье подпрыгивает и вытягивает шею, пытаясь рассмотреть цель. Вонь из «кухни» потихоньку выветривается. Но глаза ещё режет. Осматриваем ещё десяток кораблей, берём курс на следующую группу. Из грузовой кабины доносятся куда более аппетитные запахи. Георгич с Половцевым синхронно сглатывают слюну. Жора косится на панель вентиляции, но решает ничего не менять. Видимо, опасается захлебнуться слюной. Вовка отстёгивается, складывает своё сиденье-насест и идёт к Эльдару – контролировать процесс. Федорыч бурчит в микрофон, устанавливая связь с базой, и передаёт очередную порцию информации.

Очередная группа состоит из 2 кораблей – очередного «рыбака» и стоящего от него в 30-40 км серого и страхолюдного на вид корабля ВМФ. До следующей группы далеко, решаем пообедать. Сыто щурящийся котяра Половцев приносит миски с тушёной картошкой пополам с тушёнкой «Великая стена», крупные ломти хлеба, рыбные

консервы из горбуши (изрядно начатые). Выпрыгиваем на 500 метров, ставим на автопилот, поднимаем на гарнитурах микрофоны выше глаз и лихорадочно, обжигаясь, глотаем душистую картошку, заедая её слегка подсохшим хлебом. Я выбираю из банки рыбную юшку кусочком хлеба, причмокиваю, краем глаза непрерывно кошусь на радиовысотомер. Расторопный Эльдар приносит чай и сухие пайковые галеты. Кто-то сыто рыгает в СПУ. Так сказать, дружеская шутка. Тонкая. От слова «танк». Олег вне подозрений, он интеллигент до мозга костей, даже лётный комбез гладит. Я тоже сам себя не подозреваю. Оглядываю три сыто отдувающиеся физиономии (Эльдара не видно). Все трое хитро улыбаются, прихлёбывают чай. Да ну их.

– Снижаемся до 100 на крайнюю правую жестянку, – Олег ещё причмокивает, когда говорит, но уже работает.

Машу рукой Половцеву, тот убирает миски и стаканы с центральной панели, передаёт их Эльдару, забирается обратно на свой насест. Брезгливо и демонстративно стряхивает крошки с панели (часть из крошек рыбные и склизкие) в мою сторону, пристёгивается. Косясь в левое окно, выхожу на первый в группе корабль, закладываю лихой разворот и догоняю его на параллельных курсах.

– Влад, доворачивай, смотри, что он делает, доворачивай… а, черт, проскочили. – Олег возбуждён и зол. Очередная посудина лихо разворачивается к нам кормой (на которой только слип[199] для сетей и никаких букв) в тот самый момент, когда мы готовились зафиксировать её название. – Разворачивайся быстрее.

– Олег, спокойно, он все равно на месте быстрее крутится, чем я на скорости 350. Сейчас вон того, по курсу, досмотрим, потом спокойно развернёмся и этого возьмём за ж-ж-ж… жабры.

Однако следующая посудина повторяет манёвр предыдущей. Явные браконьеры. Внешне очень похожи и по цвету и по форме надстроек. Один проект. Наверняка и хозяин тоже один.

– Так, Влад, снижайся до 70 метров, я на штурвале подстрахую. Олег, Половецкий и ты внимательно смотрите на эту калошу, запоминаете максимум: флаг, окраску трубы, название. Олег пытается фотографировать. Поехали.

Проходим на 70 метрах над вторым браконьером, вокруг мечутся перепуганные предыдущим проходом чайки. Корабль подставляет нам

нос, успеваем лишь заметить цвет полос на трубе. Выходим на самого первого шалуна, успеваем прочесть часть названия и заметить ту же самую окраску трубы. Значит, одна компания-владелец. Отходим подальше в море, разворачиваемся, советуемся. Надо пройти ещё раз, иначе весь полет насмарку. Какой смысл осматривать тех, кого ты не интересуешь ни капли? Кораблю тоже крутиться неудобно, сзади сети, можно и попортить их или на винт намотать. Ещё раз проходим над палубой, повыше под углом к кораблю, капитан снова разворачивает судно кормой к нам, а мы быстренько со снижением на предельных углах крена с педалькой (вот ужас-то где, кажется, что сейчас крылом за волны заденем) разворачиваемся. А он не успевает. Чувствуя, как переполняюсь адреналином, захожу с кормы на нарушителя, вокруг которого мечутся изрядно нами напуганные чайки. Как в замедленной съёмке замечаю идущую в лобовое стекло чайку. Она медленно заполняет все стекло собой и уже можно разглядеть её черно-оранжевые глаза. Толкаю штурвал от себя, чайка исчезает сверху, а глаза на секунду отстают от неё, как в мультиках, потом тоже исчезают наверх.

– Е-е-есть, – орёт Олег, – я прочитал название.

– А я заметил флаг, – Вовка тоже тяжело и возбуждённо дышит, – поляк.

– С-сука, – комментирует Георгич.

Похоже, чайку видел я один. Руки трясутся. Решительно толкаю вперёд РУДы и набираю 150. Вытираю руки по очереди о штанины. «Чайку видели?» – слабо интересуюсь.

– Не-ет, какую чайку?

– В лоб нам шла, еле увернулся, – отрешённо сообщаю я.

– Ну, увернулся и увернулся. Молодец. Сейчас надо второго так же взять, снижайся, – Георгичу охота явно понравилась.

Снижаемся, повторяем фокус со вторым кораблём, только я стараюсь ниже 70 больше в азарте не спускаться. Фокус удаётся. Осматриваем невдалеке третий корабль той же конструкции и принадлежности. Он не вертится. То ли понял бесполезность по двум предыдущим случаям, то ли фирма-владелец получила разрешение на одну лайбу, а выпустила в море туеву хучу. И у третьей лайбы как раз лицензия/разрешение есть… Чего гадать, наше дело доложить.

– Влад, выпрыгни метров на 300 по РВ, пусть Фёдорыч на базу доложится. Фёдорыч, возьми у Олега все данные, координаты и вместе с описанием ситуации доложи базе. Олег, дай курс к этому… крейсеру ТОФ-овскому.

Поднялись вверх и пошли обратно к серому военному кораблю. Не для красоты же он здесь стоит. База тем временем приняла данные, попросила напрямую сообщить в округ и запросить добро на работу с этим… пусть будет крейсером. Фёдорыч, бурча, лазил по портфелю, разыскивая таблицы частот и кодовых слов для связи с доблестными ВМФ, я с облегчением трясущимися руками рулил самолёт в направлении к крейсеру, Олег приводил в порядок штурманский бортжурнал (нашли нарушителей на свою голову, теперь бумагами за… это… завалят). Технари вдвоём мыли посуду и наводили порядок на кухне. Георгич пил чай. Ага, добро есть, таблицы найдены, вдалеке показалась серая коробочка «крейсера». Пробуем связаться. Из любопытства весь экипаж «сбегает» с частоты диспетчера Анадырь-контроля к Фёдорычу на КВ, послушать диалог. Однако диалога не получается. Морячки молчат как партизаны и на основной частоте, и на запасной, и на пограничной, и на погранично-морской, и на частоте для связи с прочими силовыми структурами. Усомниться в профессионализме Фёдорыча невозможно. Скорее всего, когда он начал радистом летать, этот корабль ещё только в проекте значился. Георгич решает применить сильнодействующие средства, и мы метрах на 150 встаём в вираж прямо над головами у морячков и выходим на «аварийной» частоте. После третьего круга в наушниках раздались долгожданные позывные корабля. Попробую передать суть диалога (а рюшечки вроде позывных придумаю).

– Самолёт неизвестной принадлежности, я Урюк-25, ответьте.

– Урюк, я 26512, принадлежность ФПС, просим перейти на связь согласно таблицы частот.

– Чего?

– На условленную частоту переходи… Урюк… –25.

– А это какая?

– Условленная, блин… для связи с пограничниками.

– А, понял.

Дружно перещёлкиваем частоты, вызываем Урюка. В ответ – тишина. Вздохнув, возвращаемся на аварийку.

– …граничники, куда вы, нахрен, делись!! Отвечайте, я Урюк-25!

– Отвечаем, ты на частоту для связи с ФПС перейди, там и кричи.

– А это где?

– В п… п… таблице частот! – еле сдерживается обычно флегматичный Фёдорыч.

– Фёдорыч, помолчи, я сам их обматерю, – вмешивается по СПУ командир.

– Боец, который урюк, пригласи к микрофону своего начальника.

– Самолёт, я Урюк-25, – уже другой голос, более хриплый и заспанный, – чего хотел?

– Не самолёт, а 26512, а хотел бы я с вами установить связь на приличной частоте согласно таблице и сообщить информацию.

– 512-й, понял тебя, перехожу.

Снова перещёлкиваем частоты, тихо хихикая. Я от скуки встаю в правый вираж вместо левого над мачтами крейсера-урюка.

– 512-й, я Урюк-25.

– Урюк-25, я Сапсан-86, отвечаю.

– А где 512-й?

– (Тихо сатанея) Урюк, ты таблицу связи открыл или просто частоту по памяти выставил?

– А-а-а! Понял тебя, Сапсан. Докладывай, что за информация.

– К северу на расстоянии примерно 70 километров три живца ведут несанкционированную работу. Прошу проверить.

– Какую работу? Какие живцы?

Георгич делает три глубоких вдоха, глядя на меня глазами чайки перед лобовым стеклом.

– Урюк, три корабля ловят севернее вас в 70 км. От досмотра с воздуха пытаются уклониться. Поляки, названия кораблей (диктует три названия). Есть добро с Камчатки на их проверку.

– Стой, стой, я записать не успел… в скольких километрах?

– Тля! Мля! Кля! В *семидесяти* !!! – после этого ещё минут пять идут уточнения названий и «чего-чего нам делать?». Я от скуки встаю над кораблём вместо виража в восьмёрку. Полет все больше начинает мне нравиться и одновременно утомлять.

– А направление поточнее укажите на нарушителей…

– Я Сапсан-86, даю координаты… (диктует с листика, подсунутого штурманом), а направление… мы сейчас на них курс возьмём, а вы –

на нас пеленг. (По СПУ) Олег, быстро дай Владу курс на нарушителей. (В эфир) Связь заканчиваю, как поняли?

– Сапсан, информацию принял, готовлюсь к подъёму якоря.

В СПУ слышен дружный «Ф-ф-фух-х!» всего экипажа.

– Урюк, а как долго идти будете?

– К вечеру будем…

Тьфу! Вскоре на горизонте снова показывается большая группа ржавых рыбацких посудин. Вовка Половцев молча стучит по стеклу топливомера.

– Остаток, – реагирует вслух Георгич.

– На час плюс на запасной, – отвечает штурман.

– Ладно, по курсу ещё штук 5 осмотрим – и домой.

Снижаемся, осматриваем, забираемся снова на 1000, докладываем на базу о результатах, диспетчеру – об окончании работы и времени прибытия, берём курс домой. Минут через 50 с прямой садимся на почти родную после целого дня болтания над морем анадырскую полосу. Самолёт тоже устал. По крайней мере, пробег метров на 200 меньше, чем накануне. Разворачиваюсь на 180, рулю обратно в торец ВПП, где самолёт «спрыгивает» с бетона на грунт. А вот и встречающий. Он издали рукой с зажатой в ней красной дощечкой размашистым жестом указывает, где нам встать и как рулить, после чего испаряется. Экипаж лихорадочно выключает потребители. Заруливаю. Встаю. Самолёт клюёт носом, и тут же Половцев выключает двигатели. Открываю форточку. Тишина. Через пару минут начинают проявляться звуки. Мой экипаж быстренько выскакивает в открытую дверь размять затёкшие ноги. Последним на выход солидно идёт Георгич. Возле двери натягивает знаменитую потёртую куртку, такую же потёртую, но «аэродромистую», с лаковым козырьком, фуражку и оборачивается.

– Влад, а ты какого … сидишь? Иди, зачехляй самолёт.

– Устал я, командир. Как собака… (язык еле ворочается во рту). Георгич несколько секунд смотрит на меня и смягчается.

– Да ладно тебе… Обычный полет.

КомиссарРекс Момент истины

Когда-то давно над главным входом в это учебное заведение блистала гордая надпись: «Академия министерства безопасности». Потом работяги, матерясь, заменили латунные буквы, и все желающие смогли прочесть: «Академия Федеральной службы контрразведки». Прошло ещё немного времени, и те же работяги поотдирали на хрен всё лишнее, и в результате осталось предельно лаконичное: «Академия». Всё. Переименования нам теперь до одного места. Кому надо – тот и так знает, что за слушатели здесь обучаются.

Кстати, на территории Академии находится памятник этим самым слушателям. Барельефная группа посвящена, по всей видимости, неудачной сдаче сессионных экзаменов. Порядком изувеченные острыми осколками гранита науки, молодые люди взирают на учебный корпус. Один из них уже принял с горя и лежит, с трудом поднимая голову, остальные поддерживают самого грамотного, который пишет на стене: «*Не сдали* !». Философию, я так полагаю. Или язык. Ничего, сдадут и ещё раз пересдадут. Вообще, целеустремлённость и ответственность воспитываются в будущих чекистах отнюдь не на уровне лозунгов. Так было и в нашем случае.

Группа получила задание одно на всех, и оценят всех тоже одинаково. Оценку будет ставить «слон», в его роли обычно выступает отставной препод, зачастую с богатым оперативным прошлым. Слона предстояло идентифицировать, провести по маршруту, в момент оставления закладки задержать, допросить, расколоть и составить протокол. Всё. Как в учебниках или «Аквариуме» Резуна (скорейшего ему возвращения на Родину). Единственной видимой проблемой было то, что действовать на всех этапах требовалось реалистично и одновременно корректно, дабы не травмировать дедушке ни психику (своим непрофессионализмом), ни его весьма бренное тело (усердием при захвате).

В общем, распределив роли, выдвинулись на местность. Приличный московский микрорайон был незаметно для мирных жителей опутан щупальцами всевидящего и всемогущего спрута в штатском. Командир группы с приближенными особами расположился

очень грамотно – у ларька. Совершенно слившись с пейзажем, пили пиво (конспирация и удовольствие в одном флаконе) и ожидали драйва. Слон не подвёл. Он вышел из ожидаемого подъезда вовремя и был идентифицирован по фото и газете под мышкой. Уперев глаза в асфальт, пенсионер неспешно поплёлся по одному ему ведомому маршруту, изредка проверяясь. За ним по пятам крались две бригады наружки, бормоча восхищённо: «Профессионал!». Дед и впрямь оказался молодцом. Он обошёл все точки, где продавали пиво, и везде выпивал по бутылочке. Понятно, что наружка делала то же самое, чтобы не проворонить моментальный контакт объекта или оставление закладки. К исходу второго часа всем стало хорошо. Слон перестал проверяться и шёл по аллейке, изредка прикладываясь к «Балтике». Наконец, он остановился, аккуратно поставил пустую бутылку на газон, бросил в урну газету и, порывшись в карманах, туда же отправил какие-то бумажки.

Момент истины?!

Окружающая действительность померкла, и слон почувствовал, как по нему проехал каток.

Вот так и попадают на небеса. В голове туман, тугой саван мешает пошевелиться, а тебя ласково и бережно поддерживают под руки ангелы. Или черти. Сомнения деда разрешил появившийся невесть откуда тип в штатском: «Здравствуйте. Я старший следователь по особо важным делам Федеральной службы безопасности подполковник Такой-то. Вы задержаны по подозрению в государственной измене в форме шпионажа. Подпишите вот здесь и здесь. Пожалуйста». Саван превратился в наручники. Ангелы исчезли. Вместо них сновали аккуратно одетые молодые люди. Один из них деловито рассовывал по карманам деда бумажки, предварительно извлечённые из урны. Остальные входили в роль экспертов, милиции, понятых и свидетелей. Работала видеокамера, щёлкал фотоаппарат.

–Я не понимаю, что здесь происходит! – слон окончательно вышел из ступора и начал играть, путаясь в легенде. Естественно, два литра пива в жару.

Объясняют: закладочку оставляли? Кому? Опять не понимаете?.. Свидетели, понятые… Бутылочка ваша? Вот и хорошо. Под этикеткой микроплёночка… Та-ак, карманчики. Ага, шифрограммы. Что, сноровка ослабла? Не успели сбросить? Посмотреть хотите? В суде

посмотрите… Фотограф, ближе… Понятые, распишитесь… Что ещё в карманах? 50 рублей и всё? Хм, дёшево Родину продаёте… А документики где? Дома оставили? Не расстраивайтесь, вы давно под нашим контролем, и данные ваши хорошо известны. Вот и протокольчики уже заполнены, подпишите, пожалуйста.. Что-о? Фамилия не ваша? И как же вас называют связные из Гваделупы?.. Что вы орёте, какой беспредел?.. Милицию вызвать? Счас. Только у них методы другие и из отделения поедете в Лефортово, лёжа на животе. Почему? Да потому что дубинка будет у вас из жопы торчать, и сидя ехать некомфортно… Будем говорить?.. Конечно, жена подтвердит, с ней уже работают. Кстати, обыск у вас в квартире полным ходом и результаты не в вашу пользу… Коллеги по работе? Вот справочка оттуда о моральном облике. Взгляните и порадуйтесь. Кстати, вас к тому же уволили… *Мы* кто? (У деда зарябило в глазах от обилия красных корочек). Не верите? Хватит тут Станиславского изображать. Подписывайте вот тут… Да, знаем, не 37 год. Но шпионы вроде вас ещё не перевелись… Ага, вот результаты обыска и экспертизы. Ого… И пальчики везде ваши. Поздравляем. 20 лет минимум. Впрочем, если начнёте рассказывать сейчас и подробно, может и подышите воздухом свободы на старости…

Читатель, уважаемый! Конечно, вы догадались сразу или по ходу повествования о том, что шпиёном дед не был. Впрочем, закладки он наверняка оставлял. Для себя. От жены. В бачке унитаза. А вышел он из дому похмелиться. И процесс его увлёк. До поры.

Группа попросту перепутала объект, и настоящий слон полдня шарахался по району, пытался выявить наружку и бормотал удивлённо: «Профессионалы!»

В самом разгаре мероприятия, когда дед уже почти всё подписал, ангел ему всё же явился. В лице начальника курса этих раздолбаев. Перед дедом извинились. Угостили пивом и проводили домой. Извинились ещё раз. Попросили заходить, если что.

А уже в Академии группе показательно вставили вышеупомянутые дубинки, не будем говорить, куда. Командиру (он к тому же играл следователя) глубже всех. По самую верёвочку.

Бюскермолен О джентльменской войне и дубине народного гнева

(из воспоминаний ветеранов госбезопасности)

Ну, как давно уже известно, противостояние ЦРУ и КГБ в течение долгого времени было обставлено рядом джентльменских соглашений, присущих, похоже, вообще всем подобным конторам. Во что это выливалось, можно почитать, например, в книге А. Константинова (того, который про бандитский Петербург придумал) «Байки служивых людей». А вот когда одна из сторон начинала вести себя уж очень нагло, происходило нечто, похожее на эту историю…

Москва, опять же середина 70-х. Комитетская «наружка» пасёт какого-то там старшего помощника третьего референта второго секретаря американского посольства по вопросам коневодства и сбора грибов. Должность не важна, а важно то, что являлся это фрукт установленным сотрудником ЦРУ, посему глаз на нем держали круглые сутки, и не для порядку, а вполне обоснованно…

Янкес же, зная о слежке (поди не догадайся!), выработал почти безотказную, но чрезвычайно наглую тактику от этой самой «наружки» ухода. Просто до гениальности: выезжает из посольства, доезжает до Смоленки, сворачивает на Арбат (тогда, если кто не помнит, там была автомобильная улица), с него на Сивцев Вражек и – в подворотню.

Для незнакомых с тамошней географией поясню, что Сивцев Вражек и вообще переулочки, прилегающие к Арбату – это такой лабиринт, который специально придумать просто невозможно. Улочки изгибаются под немыслимыми углами, дворы соединяются проходами без какой-либо системы, нумерация домов совершенно запутанная… Я сам поплутал там пешочком не один раз, иной раз до получаса искал выход из какого-нибудь двора, причём у местных спрашивать бесполезно! У них у каждого своя дырка в заборе, которую саму ещё надо отыскать! Но это все так – лирическое отступление…

Так вот, супостат этот присмотрел себе пару подворотен, прямо на машине ныряет в одну из них – и все, через минуту в этом месте

можно устраивать облаву с вертолётом, нет человека и все тут! Потом, конечно, находят его, болезного, но это уже через час, а то и больше, и совсем в другом районе… А надо сказать, что за упущенного объекта «наружку» драли и сейчас дерут нещадно, а за такого (злостно, нагло и систематически *уходящего*) дерут особенно, потому что:

а) раз сознательно уходил, значит, было для чего (а в Москве за час беспризорный ЦРУшник мог натворить много) и

б) какая ж вы, к хренам, «наружка», если от вас люди так запросто уходят?!

Терпели ребята из «наружки», терпели, кряхтели под начальственными люлями, смотрели бессильно на нагло уходящего из-под носа буржуя… Как вдруг в один прекрасный день терпение оперов лопнуло, и дубина народного гнева наконец опустилась…

Произошло нечто, напоминающее проделки инопланетян в Бермудском треугольнике: американец под вечер, как стемнело, свернул в один из своих дворов, дал по газам… и очнулся на следующий день в больнице с сотрясением мозга и парой переломов. Спрашиваете, как такое возможно? Отвечаем. Накануне ночью комитетские оперативники, измордованные начальством и оплёванные американской разведкой, вкопали на выезде из ведущей во двор арки 50-литровый газовый баллон на манер надолбы, чтобы он на полметра из асфальта торчал, а со стороны улицы повесили знак «кирпич». И подлый шпиён всей своей прекрасной и приёмистой машиной на этот баллон торжественно наделся…

Потом, конечно, был вой американской стороны, но формально придраться было не к чему: «кирпич» висит? Висит. Вот ГАИ и ограничила движение через двор, а то ездят тут всякие. Что же, ваш сотрудник знака не видел, что ли? И чего его вообще туда понесло, в Москве такие проспекты широкие-гладкие-красивые… И в глазах наших полковников-генералов-мидовцев ясно светилось лёгкое злорадство… Мораль: война войной (особенно холодная), а глумиться над противником не стоит. Никогда не знаешь, чем тебе это отзовётся…

Мэйджо

Вот, некоторые штатские говорят, что военные – люди необязательные. Современный военный, де, человек расхлябанный, неряшливый, да ещё и пьющий иногда, и вообще прошли те времена, когда военный считался эталоном точности, вежливости и опрятности.

Позволю себе не согласиться с этими умоизмышлениями и привести маленький пример на этот счёт.

***

Дело происходило в Приморском крае в период тайфунов. У нас все «дела» почему-то возникают в период тайфунов, вероятно, эти проклятые тайфуны специально подгадывают…

***

Служил у нас капитан один. Назовём его Василием. Нормальный такой мужик, безотказный, вежливый и тихий. Из пиджаков.

В тот день 14 августа 198… года Василий сменялся с караула.

Пришёл он, значит, в штаб, чтобы пистолет в сейф положить, а тут командир в дежурке стоит и на кого-то орёт зверски. Орёт, чтобы какую-то машину искали быстрее и старшего искали в один момент.

Ну, понятно, что вся присутствующая служба стоит навытяжку, полковника глазами ест и матерки в себя вбирает, удивляясь богатству великого и могучего русского языка… Василий тоже встал и тоже стал вбирать, ибо потихоньку смыться у него не хватило совести.

Именно в этот момент командирский взгляд упал на Василия, и вопрос о старшем машины был решён положительно.

Напрасно Вася жалобно проблеял, что он с караула и устал, командир слов своих не менял, а Вася в силу своей врождённой интеллигентности и не спорил особо.

А за окнами штаба уже начали пригибаться тополя и ели, в разное время посаженные военнослужащими-пограничниками, и уже дневальный по корпусу тыла побежал подвязывать к здоровенной дубине маленький кедр, который высадил своими руками предыдущий «Батя». Уже и первая шиферина слетела со штаба и грохнулась о плац, а небо начало затягиваться вечерне-тайфуновой, злобной дымкой…

Командир, приказав Васе «за мной», уже в кабинете, опять заматерился теперь в телефон:

– Петрович! У меня тут капитан один сидит, вот он и привезёт сыворотку эту! …Вася, во сколько часов на Занадворовском перевале на «шестьдесят шестом» сможешь быть? А?

Ничего не понимающий Вася, прикинув погодные условия, текущее и оперативное время брякнул:

– В двадцать… В двадцать, ну… двадцать один точно буду. Если ничего не случится.

– Петрович! В двадцать-двадцать один! Мой капитан обязательно будет на повороте к мысу Песчаному! Встречайте только. Всё! До связи. Отбой.

В двух словах Васе было рассказано, что сына директора рыбосовхоза «Мыс Песчаный» укусила гадюка, и сейчас парень при смерти, а сыворотки противоядной во всей округе нет, и только пограничники могут спасти парня.

Тут уже и начмед со скоростью молодого жеребца прискакал и ампулы какие-то принёс…

***

Движение Вася начал уже при видимости 10 метров и проливном дожде с ураганным ветром.

Через 20 километров, за посёлком Барабаш, у Васи скисла шишига. До перевала и поворота к Мысу Песчаному оставалось ещё 20…

В другой ситуации Вася мог бы спокойно остаться на месте и пережидать непогоду, но дело шло о жизни и смерти человека! Поэтому Вася сбросил кобуру и ремень, заткнул за пояс пистолет, облачился в плащ-накидку и принялся месить хасанские грязи своими хромовыми офицерскими сапогами.

«Командирские часы» (настоящие командирские, ещё тех первых моделей, кои так ценились у военных) высвечивали 19 часов 10 минут…

Сколько он шёл – неизвестно. Вся техника прекратила движение, и на государственном шляхе «Краскино-Раздольное» Вася был совершенно один…

Вдруг… Чу!.. Послышалось бухтение, и на осклизлой дороге высветились жёлтые фары догоняющего Василия автобуса типа ПАЗ.

Проворно сняв капюшон накидки, Вася обозначил свою зелёную фуражку, коя, как известно в те, стародавние, времена являлась символом уважения любого Советского гражданина.

Ещё через минуту Вася кое-как втиснулся на ступеньку ПАЗика и упёрся табельным оружием в корму какой-то толстой тётки. Тётка сначала подозрительно оглядывалась, но потом, видать, привыкла…

К великому сожалению Васи (и, кажется, толстозадой дамы) чудо советского автобусостроения не смогло преодолеть подъём на перевал и позорно остановилось, не доехав три километра до вожделенного поворота с заржавленной, когда-то крашеной синей краской табличкой «Мыс Песчаный»…

…Преодолевая последний километр перевала, грязный, промокший, сбиваемый дикими порывами ураганного ветра Вася тоскливо думал о всех тяготах военной службы. Ему мучительно хотелось сбросить с себя насквозь промокшую форму, выбросить к такой-то матери ставший непереносимо-тяжёлым ПМ, пожрать, выпить горячего чая и завалиться в тёплую постель… А ещё он думал, что к назначенному времени безбожно опаздывает…

***

Концовку повествования можно полностью скопировать с заключительной части рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни», ибо сидящие в машине скорой помощи люди увидели раскорячившееся под порывами ветра существо, которое постоянно поскальзывалось и падало, но упорно двигалось по направлению к «таблетке»…

Уже после акта приёма-передачи ампул с сывороткой и стакана чистого медицинского спирта кто-то из врачебной бригады поглядел на часы и ахнул: «Вот это точность! А мы думали, они шутят!!»

Машинально и пьяненько глянув на свои «командирские» Вася отметил: «20.21»…

---

notes

Примечания

1

КЗ – короткое замыкание.

2

ПТБ и ПТЭ – правила техники безопасности и правила технической эксплуатации.

З

«Замок» (жарг.) – заместитель командира взвода.

4

Гомула (молд.) – домашнее вино.

5

Чепок (жарг.) – солдатская чайная.

6

Пусть в Литве солнце
Тьму рассеет.
Пусть любовь к Литве
Горит в наших сердцах.

7

Бессмысленный набор слов.

8

ПРО и ПКО – противоракетная и противокосмическая оборона.

9

ГГС – громкоговорящая связь.

10

РБР – руководство по боевой работе.

11

БЧ – боевая часть (здесь – ядерного боеприпаса).

12

Запретка – здесь – запретная зона вокруг моста.

13

Неточная цитата из «Похождений бравого солдата Швейка».

14

ЗГВ – Западная группа войск СССР. Размещалась на территории ГДР.

15

ГТТ-шка (жарг.) – гусеничный тяжёлый тягач.

16

«Тёща» (жарг) – эмблема военных медиков, чаша со змеёй.

17

ДОС – дом офицерского состава.

18

КУНГ – кузов унифицированный грузовой, фургон грузовика.

19

КТП – контрольно-технический пункт.

20

ГОПО – группа освещения подводной обстановки.

21

«Бычок» (жарг.) – командир боевой части.

22

«Форт» – ракетный комплекс.

23

БИЦ – боевой информационный центр.

24

КАТС – корабельная автоматическая телефонная станция.

25

ВИМ – вахтенный инженер-механик.

26

БЧ-2 – ракетно-артиллеристская боевая часть корабля.

27

ПЭЖ – пост энергетики и живучести корабля.

28

РТС – радиотехнические системы.

29

ГРЩ – главный распределительный щит.

30

Комдив (здесь) – командир дивизиона, а не дивизии.

31

Шхера (жарг.) – укромное место.

32

К-7 – то есть командир БЧ-7.

33

То есть Калининградского высшего военно-морского училища.

34

Флагмех (жарг) – флагманский механик.

35

КПС – командный пункт связи.

36

Баталёрка – кладовая.

37

ЭНГ – электронавигационная группа.

38

Риковер Хайман Джордж (1900 – 86 гг), американский морской инженер, адмирал (1973 г.). Возглавлял работы по созданию ядерного реактора для первой американской атомной подводной лодки «Наутилус».

39

КТОФ – Краснознаменный Тихоокеанский флот.

40

Капраз (жарг.) – капитан первого ранга.

41

«Терра Нова» – эсминец ВМС Канады.

42

«Валенок» (жарг.) – вертолёт.

43

Mayday! – официальный международный сигнал бедствия.

44

Йокосука – военно-морская база ВМС США в Японии.

45

РТМ – название одного из типов советских подводных лодок.

46

КВВМУ – Калининградское высшее военно-морское училище.

47

Разуха (жарг.) – сменная форма одежды в подплаве.

48

Fubar – изнасилованный до полной неузнаваемости.

49

Fubab – невозможно поверить, до чего изнасилованный.

50

Dum spiro spero (лат.) - Пока дышу, надеюсь.

51

Дейдвуд – подводная кормовая оконечность судна, через которую проходит дейдвудная труба. Через дейдвудную трубу проходит гребной вал.

52

НСС – предупреждение о неполном служебном соответствии, вид взыскания.

53

ГКП – главный командный пункт.

54

Гюйсшток – стойка, на которой поднимается гюйс (носовой флаг).

55

ГЭУ – главная энергетическая установка.

56

ЦП – центральный пост подводной лодки.

57

«Каштан» – переговорное устройство.

58

«Коломбина» – здесь – крытый кузов грузовика.

59

Торпедолов – небольшое судно для поиска и подъема на борт торпед после учебных стрельб.

60

СКР – сторожевой корабль.

61

Самадхи – термин йоги.

62

АСС – аварийно-спасательная служба.

63

ВМ – водолазное морское.

64

«Сундук» (жарг.) – мичман.

65

Годки (жарг.) – старослужащие.

66

Банка – табурет.

67

Бербаза – береговая база.

68

ЗИП – запасные части, инструменты и принадлежности.

69

Дракон – боцман.

70

Мастер – капитан судна.

71

Планширь – деревянная накладка на край фальшборта.

72

Шайза (жарг.) – то же, что и дерьмо.

73

Полностью «Ботжурнал № 57-22-10» был опубликован в книге И. Фролова «Вертолётчик» М., «Эксмо», 2007 г.

74

Клеванта – стропа управления парашютом.

75

АСО – автомат сброса отражателей (тепловых шашек для обмана ракет с головками теплонаведения.

76

РИТА – жаргонное название речевого информатора РИ-65.

77

Бур (жарг) – английская винтовка Ли-Энфилда, 1904 г., обладает точным и мощным боем.

78

ДШК – крупнокалиберный пулемёт.

79

КДП – командно-диспетчерский пункт.

УГ и КС – Устав гарнизонной и караульной службы.

81

ЦНИИАГ – Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь.

82

ППД – пункт постоянной дислокации.

83

РСП – радиолокационная система посадки.

84

ИАС – инженерно-авиационная служба.

85

ГТС – гусеничный тягач.

86

ДЗ – дежурное звено.

87

Су-17 – истребитель-бомбардировщик.

88

Обато – отдельный батальон авиационно-технического обслуживания.

89

ЦЗТ – пункт централизованной заправки топливом.

90

ТЗ-22 – автомобиль-топливозаправщик.

91

СДэк (жарг.) – специалист группы «самолет-двигатель».

КТП – контрольно-технический пункт.

93

Воздушка (жарг.) – компрессор на шасси грузовика.

94

РУД – рычаг управления двигателем.

95

«Сотка» – бомба калибром 100 кг.

ЦГВ – Центральная группа войск.

97

СОБ – старший офицер батареи.

98

Гандшпуг – деревянный или металлический рычаг для подъёма и передвижения тяжестей.

99

УТП – учебно-тренировочный полигон.

100

Шкентель – короткий корабельный трос, здесь – фланг строя.

101

Лагун – на флоте так называют бачок.

102

ПШ – полушерстяное обмундирование.

103

ВУС – военно-учётная специальность.

104

МТЛБ – многоцелевой тягач легкобронированный.

105

ППИ – первичная подготовка инженеров.

106

ПРИС – подготовка руководящего инженерного состава.

107

То есть студенты, посещающие военную кафедру по понедельникам.

108

«Роял Нэви (royal navy) (англ.) – Военно-морской флот Великобритании.

109

] «Орёл» – первый русский двухпалубный военный корабль, был захвачен во время восстания Степана Разина.

110

ГКП – главный командный пункт.

111

Шкерт – тросик.

112

Бочка – стальной поплавок, закреплённый на мёртвом якоре. К бочке крепят швартовы или якорную цепь судна.

113

Комингс – рама вокруг люка.

114

«Краб» (жарг.) – флотская кокарда.

115

Погреб – имеется в виду артиллерийский погреб на корабле.

116

СГВ – Северная группа войск.

117

«Черпак» (жарг.) – солдат младшего призыва.

118

ПХД – парко-хозяйственный день.

119

ПДД – правила дорожного движения.

120

РЭО – радиоэлектронное оборудование; АВ – авиационное вооружение; СД – самолет и двигатель; АО – авиационное оборудование – специальности авиационных инженеров.

121

ФАБ-500 – фугасная авиабомба калибром 500 кг.

122

ТЭЧ – технико-эксплуатационная часть, подразделение авиационного полка, занимающееся в основном профилактическими работами и ремонтом самолётов и вертолётов.

123

ДПЛ – дизельная подводная лодка.

124

То есть с черными петлицами сухопутных артиллеристов или ракетчиков.

125

НСС (жарг.) – предупреждение о неполном служебном соответствии, вид взыскания в ВС СССР.

ВИИЯ – Военный институт иностранных языков.

127

Бичико – (груз.) – мальчишка.

128

БЭП – борьба с экономическими преступлениями, ППС – патрульно-постовая служба.

129

ШМАС – школа младших авиационных специалистов.

130

ВШМС – высшая школа младших специалистов.

131

ВОКУ – Высшее общевойсковое командное училище.

132

«Муха» – РПГ-18, гранатомет одноразового применения.

133

Пара (жарг.) – двужильный кабель.

БП и ПП – Боевая и политическая подготовка.

135

Monument of founder of KGB (англ.) – памятник основателю КГБ.

136

Эм-Пи (mp, military police) – военная полиция армии США.

137

ФАКИ – факультет аэрофизики и космических исследований МФТИ.

138

Калтех – california institute of Technology; часто сокращается до Caltech, по-русски «Калтех».

139

Вандерберг – одна из крупнейших баз ВВС США.

140

CA, NY – принятые сокращенные наименования штатов США – Калифорния и Нью-Йорк.

141

] «Контрик» (жарг) – военный контрразведчик.

142

Фалафель – традиционное блюдо израильской кухни в виде пухлых лепёшек, обжаренных во фритюре. Здесь – жаргонное название наград.

143

«Шма Исраэль» – молитва, что-то вроде «Отче наш» у православных.

144

«Дакота» – английское название американского самолёта С-47.

145

Кибуц – в Израиле – кооперативное сельскохозяйственное предприятие, в которых коллективизация помимо производства распространяется на воспитание детей, организацию совместного досуга и некоторые другие функции.

146

Балок – домик для строителей.

147

Пролен – хирургический шовный материал.

148

ТЭН – термоэлемент нагревательный.

149

РД – ранец десантника.

150

«Аннушка» (жарг) – самолет Ан-2.

151

«Люстра» (здесь) – лампочка подсветки рабочего места.

152

«сопля» (жарг) – нашивка, автор – сержант.

153

2 ДШБ ТОФ – 2-я десантно-штурмовая бригада Тихоокеанского флота.

154

Брейн-сторм, brain storm (англ.) – мозговой штурм.

155

GPS, global positioning system (англ.) – система глобального позиционирования – созданная министерством обороны США спутниковая система определения местонахождения объектов.

156

ГКП – главный командный пункт.

157

МЧПВ – Морские части Пограничных войск КГБ СССР.

158

Проект 745 – серия пограничных сторожевых кораблей, построенных на основе морского буксира.

159

Валолиния – конструктивный комплекс, обеспечивающий передачу крутящего момента от судового двигателя гребному винту.

160

«Кавасачка» (жарг.) – небольшое японское рыболовецкое судно.

161

] «Чирок» – катер.

] ОГ – осмотровая группа.

163

Проект 205П – патрульный катер.

164

Фрунзак (жарг.) – выпускник высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе.

165

БМТ – бинокулярная морская труба.

166

ПСКР – пограничный сторожевой корабль.

167

ЗКП – защищённый командный пункт.

168

Броняшка (жарг.) – бронированный люк.

169

МППСС – Международные правила предупреждения столкновения судов в море.

170

"Стэнсон" – ковбойская шляпа.

171

Грибан (жарг.) – фуражка.

172

РТС – радиотехнические средства.

173

Прогары (жарг.) – грубые матросские ботинки.

174

Жужа (жарг.) – служебная собака.

175

«Шишига» (жарг.) – грузовик ГАЗ-66.

176

Цинк (жарг) – металлический ящик с патронами.

177

Зам «по бою» – то есть зам. начальника заставы по боевой подготовке.

178

ФАС – фонарь аккумуляторный следовый.

179

] «Усиленная» – комплекс мероприятий по усилению охраны границы.

180

Матросов – Командующий ПВ КГБ СССР в 1985 году.

181

Чепок (жарг.) – солдатская чайная.

182

Уоооо!!! Буооо!!! Дьё-буооо!!! – предварительные и заключительные горловые выкрики при пении якутского эпоса «Олонхо».

183

МЭС – курс многоканальной электросвязи.

184

НачПО – начальник политотдела.

185

ЧВС – член Военного совета.

186

ПВР – политико-воспитательная работа.

187

Сработка (жарг.) – срабатывание охранной сигнализации на границе.

188

Подхоз – подсобное хозяйство.

189

ОВ – отравляющие вещества.

190

«Макар» (жарг.) – пистолет Макарова.

191

ЗакВО – Закавказский военный округ.

192

АДП – аэродромный диспетчерский пункт.

193

«Стюра» (жарг.) – стюардесса.

194

ПСС – поисково-спасательная служба.

195

Левая чашка (жарг.) – место командира корабля в пилотской кабине.

196

ВПП – взлётно-посадочная полоса.

197

СПУ – самолётное переговорное устройство.

198

ЦИАТИМ – сорт смазки.

199

Слип – наклонная площадка в корме промыслового судна.